

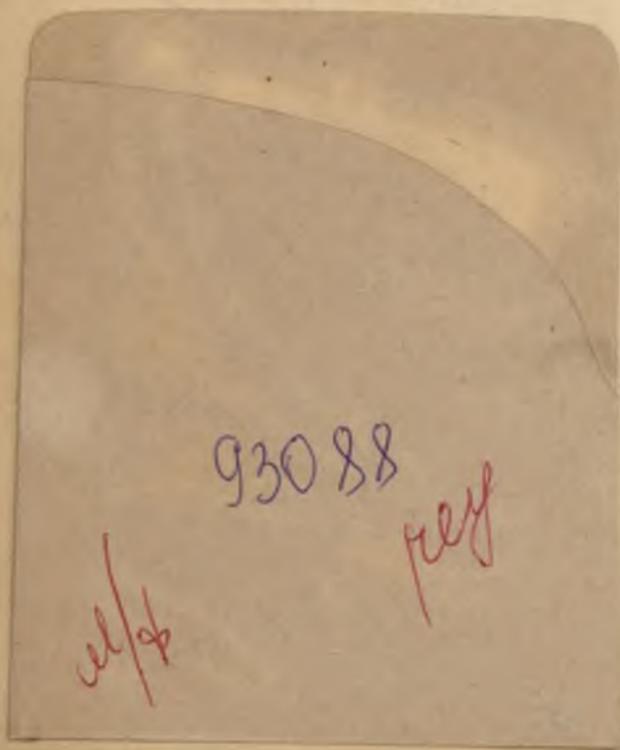
63.3(0)

152

Летурно Ш.

Эволюция
рабства.

1-85
u/lan

93088

u/lan

rey

93088

Издание Т-ва И. Д. СЫТИНА. Отдѣль П. А. РУБАКИНА.

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНАЯ БИБЛИОТЕКА.

63.3(0)
Л52

ЭВОЛЮЦІЯ РАБСТВА.

СОЧИНЕНІЕ

Ш. ЛЕТУРНО.

93088

ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО

Е. Н. Журавской.

1950

Типографія Высочайше утвержд. Т-ва И. Д. Сытина.

МОСКВА.—1897.

Читальня
МЦГБ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ моихъ прежнихъ работахъ по социологіи мнѣ не разъ приходилось говорить о рабствѣ, — но всегда отрывочно, мимоходомъ, даже не пытаюсь обнять въ цѣломъ этотъ обширный вопросъ, болѣе всякаго другого достойный основательнаго изученія. Дѣйствительно, какъ понять эволюцію обществъ, не ознакомившись предварительно съ эволюціей рабства, или, вообще, съ эволюціею общественнаго труда?

Настоящая книга — необходимое дополненіе къ предыдущимъ работамъ. Читателямъ, хорошо знакомымъ съ методомъ, принятымъ мною для этихъ родственныхъ между собою и общихъ монографій, нѣтъ надобности говорить, что и настоящая работа, прежде всего, — изслѣдованіе документальное, охватывающее всѣ человѣческія расы и, опираясь на факты, восходящее къ первоисточникамъ рабства. Иными словами, обобщенія и выводы, къ какимъ необходимо приводить это кропотливое изслѣдованіе, имѣютъ подъ собою прочное, основаніе; воображеніе не играетъ въ нихъ большой роли. Аристотель думалъ, что рабство абсолютно присуще человѣческимъ обществамъ. Это невѣрно, но рабство, тѣмъ не менѣе, очень распространено въ человѣчествѣ. Чтобы найти въ исторіи рода человѣческаго такую эпоху, когда рабства не существовало, придется подняться до зачатковъ социальнихъ формъ, до первобытнаго клана, до элементарной социальной единицы, гдѣ потребности ограничены, промышленность чрезвычайно зачаточна, и между членами маленькой группы господствуетъ тѣсная солидарность. Тамъ, порою, мы не встрѣчаемъ рабовъ, ибо въ области необходимаго для общества труда — какъ и во всемъ остальномъ, — здѣсь каждый несетъ свою долю. Но и здѣсь

уже, какъ, на примѣръ, въ австралійскомъ кланѣ, самыя тяжкія работы возлагаются иногда на слабѣйшихъ членовъ общества, на женщинъ; женщины ведутъ жизнь настоящихъ рабынь и тѣмъ самымъ дѣлаютъ бесполезнымъ введеніе рабства.

Вначалѣ рабочіе поневолѣ вербовались изъ военноплѣнныхъ, которыхъ побѣдитель оставилъ въ живыхъ, вмѣсто того, чтобы умертвить ихъ или даже съѣсть. Но мало-по-малу, размножаясь, рабы образовали цѣлый общественный слой.

Съ теченіемъ вѣковъ, какъ мы увидимъ изъ этой книги, дикость нравовъ смягчилась. Положеніе раба попрежнему оставалось унижительнымъ, но мало-по-малу, хотя и не безъ колебаній, общество дошло до того, что стало видѣть въ рабѣ челоуѣка. Съ этого момента и законъ беретъ его подъ свое покровительство и оказываетъ ему защиту, хотя сначала и самую незначительную. Отнынѣ рабъ будетъ менѣе угнетенъ, а съ теченіемъ времени мѣсто его заступитъ въ земледѣліи — крѣпостной или колонъ, въ промышленности — наемный рабочій.

Чрезвычайно интересно, слѣдя за эволюціей общества, объяснить себѣ, какъ и почему произошла эта медленная метаморфоза. Наблюдая это великое социологическое зрѣлище, невольно задаешься вопросомъ, закончилось ли движеніе, и въ обществахъ будущаго, болѣе интеллигентныхъ, лучшихъ и обладающихъ лучшими орудіями, исчезнетъ ли въ свою очередь и наемный трудъ? Этой — пока еще — утопіей заканчивается наша книга. Эта же утопія послужила автору утѣшеніемъ, разсѣявъ тягостное впечатлѣніе отъ необходимости собрать, классифицировать столько ужасныхъ фактовъ, вошедшихъ въ ткань его произведенія. Дѣйствительно, грустная исторія рабства, отъ начала общественности и до нашихъ дней, производитъ менѣе угнетающее впечатлѣніе, когда мы видимъ, что всѣ эти жестокости, притѣсненія, несправедливости — только низшая фаза медленной прогрессирующей эволюціи, подобной переходу отъ мрака къ свѣту, отъ ночи къ ясному дню.

ЭВОЛЮЦІЯ РАБСТВА.

ГЛАВА I.

Рабство въ животномъ царствѣ.

I. Предварительныя соображенія. — Методъ позитивной социологіи. — Человѣкъ и животное. — Высокая ступень развитія, достигнутая нѣкоторыми обществами животныхъ. — *II. Работы касты у муравьевъ и термитовъ.* — Трудъ уравнивающий и трудъ разграничивающій. — Касты у термитовъ. — Ограниченность состава войскъ. — *III. Рабство у муравьевъ.* — Первобытное рабство представляетъ собою шагъ впередъ по пути прогресса. — Прирученіе и рабство. — Муравьи-пастухи. — Мирмекофагія. — Война и рабство. — Какъ обезпечить преданность рабовъ. — Любовь къ хозяевамъ. — Неинтеллигентная аристократія. — Функціональныя измѣненія въ органахъ. — Возмущенія рабовъ. — Нравственныя перемены, производимыя посредствомъ воспитанія. — Расы, рожденныя для рабства. — *IV. Рабская зависимость у приматовъ.* — Деспотизмъ и порабощеніе. — *V. Соціальный вопросъ въ животныя обществахъ.* — Общественныя группы животныхъ, находящіяся въ состояніи анархіи. — Уравнивающий трудъ бобровъ. — Соціальный вопросъ. — Специализація функций у высшихъ позвоночныхъ. — Касты. — Эволюція животныхъ обществъ.

I. Предварительныя соображенія.

Въ нашихъ предшествующихъ трудахъ мы имѣли случай изучить одну за другой нѣсколько крупныхъ областей этнографической социологіи; мы всегда старались нашимъ социологическимъ изслѣдованіямъ придавать возможно болѣе объективный характеръ, старались избѣгать какъ системъ *à priori*, такъ и неосновательныхъ обобщеній. Взгляды, проводимые нами, были не чѣмъ инымъ, какъ непосредственнымъ и яснымъ изложеніемъ наблюдаемыхъ фактовъ. Безспорно, это методъ медленный и требующій долгихъ изысканій; но инымъ путемъ и нельзя построить социологію, достойную названія научной: социологія можетъ существовать лишь постольку, поскольку она будетъ наукой наблюдательной.

Задача, поставленная нами въ этой книгѣ, ни по своей обширности, ни по значенію, не уступаетъ предыдущимъ. Намъ предстоитъ выяснить аналитическимъ путемъ, какъ и почему зародилось рабство, какую роль оно играло въ эволюціи обществъ, какія услуги могло оказать, какой вредъ принесло, по какимъ причинамъ медленно смягчались первоначальныя жестокия черты его, какимъ

преобразованіямъ оно подвергалось, какіе слѣды, еще очень глубокіе, оставило въ умственной жизни и учрежденіяхъ нашихъ современныхъ обществъ, и дѣйствительно ли оно внолиѣ исчезло, какъ намъ хотѣлось бы это думать и говорить? Чтобы освѣтить всѣ эти стороны исторіи рабства, намъ придется перечислить, оцѣнить, классифицировать массу фактовъ, взятыхъ, главнымъ образомъ, изъ этнографіи и исторіи, освѣщая одни посредствомъ другихъ. Повторяемъ, и въ этомъ научномъ сочиненіи, какъ и въ предыдущихъ, мы не станемъ слѣдовать дурному примѣру метафизиковъ и не будемъ выдѣлять, подобно имъ, человѣка изъ ряда другихъ существъ, ставить его во вселенной особнякомъ. Конечно, человѣкъ, даже на самой низкой ступени развитія, есть существо особое, и самому умному животному недоступна полнота духовной жизни самаго грубаго дикаря, но между человѣкомъ и животнымъ разница только въ ступени: то, что въ животномъ находится только въ зародышевомъ состояніи, въ человѣкѣ получило дальнѣйшее развитіе. Благодаря совокупности нѣкоторыхъ обстоятельствъ, до сихъ поръ очень мало намъ извѣстныхъ, мозгъ, а вслѣдствіе этого и умъ человѣка достигли такого развитія, какое даже наиболее интеллигентнымъ животнымъ неизвѣстно; тѣмъ не менѣе, человѣкъ все же не пересталъ быть тѣмъ, что онъ есть, т. е. позвоночное млекопитающее животное, примать. Поэтому приступая къ новой социологической монографіи, мы считаемъ долгомъ отыскать въ нравахъ общественныхъ животныхъ черты аналогичныя или даже тождественныя съ тѣми, какія мы намѣрены изслѣдовать въ обществахъ человѣческихъ. Такія сопоставленія всегда очень интересны: они показываютъ намъ, въ схематическомъ или зачаточномъ состояніи, способности, потребности, учрежденія, которыя у человѣка такъ развились и усложнились, что ихъ пышный расцвѣтъ въ концѣ концовъ совсѣмъ замаскировалъ ихъ происхожденіе.

Строго придерживаясь этого чрезвычайно поучительнаго метода, мы должны, прежде чѣмъ приступить къ изученію рабства у человѣческихъ расъ, поискать аналогичныхъ чертъ у животныхъ обществъ.

Въ дѣлѣ общественной организаціи, пальма первенства принадлежитъ далеко не тѣмъ животнымъ типамъ, которые мы привыкли считать высшими, т. е. позвоночнымъ млекопитающимъ, не исключая и приматовъ. Лишь у безпозвоночныхъ, по крайней мѣрѣ, у нѣкоторыхъ видовъ ихъ, мы встрѣчаемъ общественные организмы, уже очень сложные и даже оставляющіе далеко позади себя человѣческія общества нѣкоторыхъ низшихъ расъ. Съ точки зрѣнія развитія рабства, намъ интересны, главнымъ образомъ, муравьи-

рабовладѣльцы; но, прежде чѣмъ описывать, какъ они понимаютъ рабство, слѣдуетъ вкратцѣ разсмотрѣть общество термитовъ, среди которыхъ такъ называемый социальный вопросъ получилъ широкое разрѣшеніе; чѣмъ въ обществахъ человѣческихъ.

II. Рабочія класы у муравьевъ и термитовъ.

Для всѣхъ живыхъ существъ, будь то животное или растеніе, жизнь — постоянная борьба; каждое изъ нихъ должно воспроизводить свой видъ и питаться, несмотря на ожесточенную конкуренцію видовъ соперниковъ, — иначе ему грозитъ смерть. Кроме того, особи одного и того же вида конкурируютъ между собою и уже однимъ фактомъ своего существованія дѣлаютъ другъ для друга условія жизни еще болѣе трудными. Такъ, по крайней мѣрѣ, бываетъ, пока особи находятся въ періодѣ анархій и ставятъ себѣ девизомъ: «всякъ за себя». Для смягченія жестокости этой борьбы одного противъ всѣхъ и всѣхъ противъ одного имѣется только одно средство — ассоціація, и чѣмъ она болѣе сплочена, тѣмъ дѣйствительнѣе, какъ средство. Это законъ общій; люди и животныя одинаково подчинены ему. Но сколько-нибудь сложное общество должно выполнять разнообразныя функціи: бороться съ вредными вліяніями вышней среды, защищаться отъ нападѣній конкурирующихъ видовъ или обществъ и въ то же время дѣлать свое домашнее дѣло, выполнять работы, которыя можно назвать ремесленными и услужбными выполненіе которыхъ необходимо для общаго блага. Это столько же относится къ человѣческимъ обществамъ, сколько и къ обществамъ животныхъ, уже нѣсколько дифференцированнымъ, какъ, напримѣръ, обществъ муравьевъ, пчелъ, термитовъ, отличающихся значительнымъ развитіемъ способностей къ искусствамъ.

Этимъ общественнымъ нуждамъ могутъ удовлетворить различныя средства, различныя учрежденія. Самый простой случай — это равенство въ смыслѣ распредѣленія функцій. Въ обществахъ, гдѣ всѣ равны, нѣтъ никакого раздѣленія общественного труда; каждый индивидуумъ самъ по себѣ производитель, рабочій, солдатъ; точно такъ же нѣтъ здѣсь и іерархій; члены общественного организма по доброй волѣ трудятся на общую пользу. Среди животныхъ такой типъ общества безъ дифференціаціи мы находимъ у собакъ, бобровъ, дикихъ лошадей и бизоновъ. Напротивъ, въ обществахъ муравьевъ дифференціація проявляется очень замѣтно и даже органически; производители, самцы и самки, рѣзко отличаются отъ рабочихъ муравьевъ; но между собою эти рабочіе усвоили себѣ или сохранили режимъ коопераціи свободной, самопроизвольной, анархической. Впрочемъ, отъ этого не происходитъ никакого вреда

болѣе глубокаго характера, чѣмъ въ нашихъ человѣческихъ обществахъ. Индивидуальная жизнь термитовъ, точно такъ же какъ муравьевъ и пчелъ, довольно коротка; поколѣнія ихъ смѣняются другъ друга въ тридцать-сорокъ разъ быстрѣе, чѣмъ у людей, а слѣдовательно спеціальныя отправленія органовъ имѣли время гораздо сильнѣе отразиться на нихъ, чѣмъ это бываетъ въ человѣческихъ обществахъ. Профессиональныя касты у термитовъ несомнѣнно существуютъ уже многія тысячи лѣтъ, — возможно даже, что онѣ существовали до появленія на землѣ человѣка, — и потому отличаются другъ отъ друга значительными измѣненіями въ органахъ. Такъ, у термитовъ-рабочихъ ротъ круглый и гладкій, прекрасно приспособленный къ перетаскиванію земли и матеріаловъ для постройки; напротивъ, у солдатъ-термитовъ голова сравнительно очень большая и снабжена мощными роговыми клещами, формой напоминающими наши пики и остроги¹⁾. Это спеціальное приспособленіе органовъ къ извѣстной дѣятельности даетъ большое преимущество въ смыслѣ выполненія функцій, но зато навсегда приковываетъ индивидуума къ его кастѣ: термитъ-воинъ способенъ только сражаться, рабочій годенъ только къ труду; оттого-то мы никогда и не видимъ у нихъ попытокъ взаимнаго присвоенія себѣ чужихъ функцій. Ихъ рабочіе — каменщики, архитекторы, инженеры; они безпрестанно расширяютъ уже построенный городъ-муравейникъ, выводятъ въ немъ новыя камеры, прокладываютъ крытые и защищенные ходы, воспитываютъ какъ молодыхъ муравьевъ, такъ и царственную парочку производителей, самца и самку: наконецъ стерегутъ и направляютъ ихъ брачный полетъ.

У воиновъ-термитовъ, напротивъ, только одно дѣло: защищать свое государство отъ всевозможныхъ внѣшнихъ враговъ, что они и выполняютъ чрезвычайно энергично. Рабочіе всегда готовы трудиться; они не знаютъ стачекъ; солдаты всегда готовы къ бою, и, смотря по обстоятельствамъ, оба класса быстро смѣняются другъ друга. Рабочіе никогда не сражаются; воины никогда не работаютъ²⁾. Если мы вдругъ вынемъ часть стѣнки изъ муравейника термитовъ, обнаруживъ такимъ образомъ часть галлерей и внутреннихъ камеръ, рабочіе тотчасъ же скроются въ глубинѣ своего жилища; на мѣсто ихъ выбѣгаютъ солдаты и съ озабоченнымъ видомъ мечутся взадъ и впередъ, усиками изслѣдуя брешь; потомъ, убѣдившись, что общегіиію нанесенъ только матеріальный ущербъ, что никакого врага нѣтъ въ виду, они уступаютъ мѣсто термитамъ-рабочимъ, которые снѣшать исправить поврежденія. Въ это время

¹⁾ L. Büchner, *La vie psychique des bêtes*, 294. ²⁾ Smetman (у Бюхнера), *loc. cit.*, 281.

солдаты укрываются въ темныхъ нѣдрахъ муравейника; часть ихъ однакоже остается на поверхности, вѣроятно на случай возвращенія опасности ¹⁾. Воины-термиты дѣйствительно страшные противники, способные обратить въ бѣгство даже человѣка: ихъ мощныя челюсти наносятъ глубокія раны.

Въ этомъ любопытномъ распредѣленіи функцій слѣдуетъ отмѣтить одну особенность — мудро разсчитанную пропорцію солдатъ и рабочихъ. Термиты подають намъ хорошей примѣры: они не гоняются за большимъ наличнымъ составомъ войскъ; у нихъ военная каста составляетъ всего одну сотую общаго населенія. Итакъ термиты сумѣли добиться общественной дифференціаціи, не прибѣгая къ рабству, съ которымъ мы сейчасъ познакомимся у муравьевъ, но крайней мѣры, у нѣкоторыхъ видовъ ихъ.

III. Рабство у муравьевъ.

Мы убѣдимся далѣе, что рабовладѣльческій режимъ имѣлъ пагубныя послѣдствія для муравьевъ, которые ввели его у себя, какъ это было и въ человѣческихъ обществахъ, построенныхъ на системѣ рабства. И однакоже, когда мы перейдемъ къ людямъ, намъ не разъ придется констатировать, что появленіе рабства въ первобытныхъ человѣческихъ обществахъ составляетъ уже крупный шагъ впередъ на пути прогресса: съ нимъ война перестаетъ быть сплошной рѣзней, и отдѣльныя группы людей хоть нѣсколько выходятъ изъ состоянія животной дикости. Точно такъ же среди животныхъ мы находимъ организованное рабство только у муравьевъ, т. е. у высшихъ безнозочныхъ. Инстинкты порабощенія и прирученія, очевидно, близки между собой. Тотъ и другой свидѣтельствуютъ о предусмотрительности, о стремленіяхъ обезпечить будущее, невѣдомыхъ большинству животныхъ видовъ и низшимъ человѣческимъ расамъ. Даже у муравьевъ эти инстинкты, вѣрнѣе идеи, замѣчаются лишь у нѣкоторыхъ видовъ, да и тѣ не всегда обладаютъ ими и не всегда одинаково разумно примѣняютъ ихъ на практикѣ. Такъ, рыжій муравей, пепельно-черный и красный отлично умѣютъ донть травяныхъ тлей и, ради этого, каждый день охотятся за ними; но имъ еще не пришла мысль загнать этихъ коровокъ къ себѣ въ муравейникъ или устроить для нихъ нѣчто въ родѣ хлѣва: они ограничиваются тѣмъ, что доятъ тлей, оставляя ихъ на свободѣ. Напротивъ, нѣкоторые другіе виды муравьевъ берутъ коровокъ (тлей) въ плѣнъ и обращаютъ ихъ въ настоящихъ домашнихъ животныхъ, которыхъ холятъ, доятъ, а въ

¹⁾ Büchner, *loc. cit.*, 284.

случаѣ надобности и съѣдаютъ. Первое мѣсто среди этихъ муравьевъ-пастуховъ занимаютъ *желтые муравьи*; они уносятъ къ себѣ коровокъ въ муравейникъ, держатъ ихъ тамъ, берегутъ, переносятъ съ мѣста на мѣсто, и при этомъ единственно только доятъ ихъ, а не ѣдятъ; совершенно такъ пидусы поступаютъ съ своими коровами ¹⁾. Желтые муравьи зорко стерегутъ свой скотъ, въ случаѣ опасности уносятъ коровокъ во рту, чтобы уберечь ихъ отъ нападенія другихъ муравьевъ, иногда даже загоняютъ ихъ въ особо для того устроенные хлѣвы ²⁾.

Изучая войну у различныхъ человѣческихъ расъ, мы видимъ, что для пастушескихъ племенъ владѣніе скотомъ является непрерывнымъ поводомъ къ раздору, обычной причиной набѣговъ (*razzias*). То же и по той же причинѣ происходитъ и у муравьевъ: обитатели одного муравейника пользуются всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы ворваться въ другой и похитить чужихъ коровокъ ³⁾. Тѣмъ не менѣе, несмотря на то, что домашнее животное и рабъ по существу аналогичны, одно можетъ существовать безъ другого, какъ это и бываетъ у муравьевъ и въ нѣкоторыхъ человѣческихъ обществахъ.

Извѣстно, что у низшихъ человѣческихъ расъ людоедство составляетъ обычное явленіе; равносильное ему поѣданіе себѣ подобныхъ встрѣчается и у муравьевъ; хоть и рѣже, но все же оно встрѣчается, иногда даже наблюдается совмѣстно съ инстинктомъ похищенія. Такъ, напримѣръ, кровавые муравьи (*sanguinea*) держатъ у себя въ муравейникахъ множество темно-пеленныхъ рабовъ, и въ то же время такъ еще близки къ состоянію первобытной дикости, что постоянно устраиваютъ засады муравьямъ другихъ видовъ, ловятъ ихъ и пожираютъ ⁴⁾, упоминаясь въ этомъ отношеніи нѣкоторымъ племенамъ дикарей. Напротивъ, муравьи специально рабовладельцы, *рыжеватые*, или *наѣзники* совершенно побѣдили въ себѣ животную склонность къ поѣданію себѣ подобныхъ; именно у этого вида муравьевъ рабство изслѣдовано особенно тщательно, и дѣло стоило того, ибо здѣсь оно болѣе разумно понято и лучше организовано, чѣмъ у большинства человѣческихъ обществъ.

У муравьевъ, какъ и у людей, главной поставщицей рабовъ является война. Въ этомъ отношеніи даже приемы муравьевъ-наѣзниковъ до страшной степени похожи на способъ веденія войны у людей, съ тою разницею, что муравьи разумнѣе понимаютъ войну и проявляютъ меньше жестокости, чѣмъ низшіе человѣческіе типы.

Такъ, муравьи-наѣзники никогда не выступаютъ въ походъ

¹⁾ P. Huber, *Mœurs des fourmis*, 164, 171, 172, 176. ²⁾ Ibid., 177. ³⁾ Huber, *loc. cit.*, 173. ⁴⁾ Ibid., 250.

на удачу. Прежде чѣмъ открыть кампанію, они стараются получить возможно больше свѣдѣній о положеніи муравейника, который предполагается разграбить, о средствахъ защиты у непріятели, о препятствіяхъ, которыя могутъ встрѣтиться на пути. Для этого организованъ особый отрядъ шпионовъ или развѣдчиковъ. Муравьи-развѣдчики въ одиночку изслѣдуютъ мѣстность, въ особенности безплодные уголки, въ какихъ попадаются муравейники. Выполнивъ свою миссію, развѣдчики возвращаются обратно въ гнѣздо, въ родной муравейникъ, гдѣ ихъ ждетъ экспедиціонный корпусъ, готовый выступить въ походъ. Муравьи-развѣдчики двигаются челюстями, шевелятъ усиками, трутся лбами о лбы своихъ товарищей, передавая имъ этимъ путемъ добытыя свѣдѣнія¹⁾. Муравьи-солдаты, въ свою очередь, еще раньше, во время предыдущихъ походовъ или развѣдокъ, успѣли ознакомиться съ топографіею сосѣднихъ мѣстъ, съ количествомъ и положеніемъ гнѣздъ, которыя слѣдуетъ разграбить; теперь они выступаютъ длинной колонной, отъ восьми до десяти солдатъ въ рядъ. Вождей у этого войска нѣтъ; каждый рядовой знаетъ, куда онъ идетъ и чего хочетъ; вся армія воодушевлена однимъ и тѣмъ же желаніемъ. Каждый торопится, старается опередить другого, но, чтобы не разстроитъ порядка, умѣряетъ свое рвеніе и становится опять въ ряды²⁾. Однакоже нѣсколько муравьевъ, болѣе усердныхъ или пользующихся большимъ авторитетомъ, безпрестанно перебѣгаютъ отъ головы къ хвосту колонны, конечно для того, чтобы ускорить движеніе, иные даже возвращаются назадъ, въ гнѣздо, пристыдить запоздавшихъ, которые по разсѣянности, лѣзости или апатіи не присоединились во-время къ экспедиціонному корпусу, хотя и входятъ въ составъ его. Нападаютъ обыкновенно на муравьевъ другой породы, меньшаго роста и болѣе темнаго цвѣта, такъ называемыхъ темно-пепельныхъ. Эти муравьи негритянской расы не такъ сильны, какъ наѣзники-рыжеватые, но не уступають имъ въ храбрости и болѣе искусны въ строительствѣ. Это чрезвычайно прилежные и трудолюбивые каменщики и землекопы; на бѣду свою они слабѣе неинтеллигентныхъ аристократовъ-наѣзниковъ и потому часто падаютъ жертвами вторженія этихъ послѣднихъ, — своего рода свидѣтельство въ пользу того, что на войнѣ побѣда далеко не всегда принадлежитъ достойнѣйшему, какъ не боятся утверждать это софисты. Впрочемъ темно-пепельные муравьи никогда не сдаются безъ бою: они умѣютъ защищать свой муравейникъ и даже жертвовать для него жизнью. Не раздумывая, не принимая въ расчетъ неравенства силъ, первые же муравьи изъ числа

¹⁾ Huber, *loc. cit.*, 194. ²⁾ *Ibid.*, 198.

темно-пепельныхъ, которые замѣтятъ приближеніе непріятельской арміи, бросаются на врага и этимъ подають сигналъ къ тревогѣ; на помощь имъ со всѣхъ сторонъ спѣшаютъ ихъ сограждане. Жаркая битва кончается обыкновенно пораженіемъ темно-пепельныхъ, и наѣзники, черезъ главный входъ или черезъ бреши, вступаютъ въ завоеванный городъ. При взятіи штурмомъ настоящихъ городовъ, солдаты-люди вносятъ съ собою огонь и мечъ, рѣжутъ и жгутъ, единственно ради удовольствія жестокости. Муравьямъ-наѣзникамъ несвойственно такое неистовство, — они убиваютъ лишь въ той мѣрѣ, въ какой это строго-необходимо для достиженія цѣли. Они даже не берутъ въ плѣнъ взрослыхъ, находя это бесполезнымъ и обременительнымъ; они набрасываются только на личинокъ, — надежду побѣжденного городка — и то не съ тѣмъ, чтобы уничтожить, а просто чтобы утащить ихъ къ себѣ. Ограбивъ взятый приступомъ муравейникъ, они спѣшаютъ вернуться домой, унося во рту похищенные личинки и куколки. Горсть темно-пепельныхъ, — побѣжденныхъ, но не упавшихъ духомъ, слѣдуютъ за колоніей грабителей, и подчасъ успѣваетъ отбить часть куколокъ ¹⁾. Случается также, что наѣзники возвращаются по два, по три раза къ одному и тому же гнѣзду, опять-таки съ цѣлью грабежа; но тутъ ужъ побѣда достается имъ труднѣе: темно-пепельные запираются у себя дома, баррикадируютъ входъ въ муравейникъ, ставятъ усиленную стражу ²⁾. Къ несчастью, чаще всего мужество ихъ ни къ чему не приводитъ; сила беретъ верхъ надъ правомъ, и темно-пепельнымъ остается только одно — спастись бѣгствомъ, пока есть время, съ тѣмъ, чтобы основать на другомъ мѣстѣ новое общежитіе.

Всѣ эти набѣги и похищенія личинокъ темно-пепельныхъ муравьи-наѣзники продѣлываютъ не изъ любви къ рѣзнѣ, какъ люди, а просто для того, чтобы пополнить у себя дома классъ невольниковъ.

Въ одномъ изъ моихъ трудовъ, говоря о войнахъ между людьми, я уже описывалъ страшные набѣги охотниковъ за неграми въ Африкѣ, пожаръ деревень и безжалостную рѣзню населенія, по крайней мѣрѣ той части его, которая не предназначается ни къ продажѣ ни къ тяжелой неволѣ. Насколько же разумнѣе поступаютъ муравьи-наѣзники! Они даже и не пробуютъ обращать въ рабство взрослыхъ враговъ. Безъ сомнѣнія, опытъ научилъ ихъ, что подобныя попытки не имѣютъ никакихъ шансовъ на успѣхъ. Иное дѣло — захватъ личинокъ. Эти никогда не знали родного гнѣзда, и потому никакое воспоминаніе не можетъ смутить ихъ; съ другой сто-

¹⁾ P. Huber, *loc. cit.*, 195. ²⁾ *Ibid.*, 197.

роны съ ними обращаются всегда хорошо, и у нихъ нѣтъ причинъ ненавидѣть своихъ похитителей; онѣ не подозрѣваютъ, что перемѣнили отечество, и питаютъ ко второй своей роднѣ ту же безкорыстную и преданную любовь, какую должна была внушить имъ первая. Этому новому отечеству они отдаютъ свои силы, свою дѣятельность, спокойную, обдуманную, неутомимую, — преобладающія качества муравьевъ всѣхъ видовъ. Къ своимъ хозяевамъ, къ рабочимъ наѣзникамъ они испытываютъ самыя дружественныя чувства; эти въ свою очередь ни въ чемъ не притѣсняютъ ихъ. Въ такихъ смѣшанныхъ муравейникахъ нѣтъ ни гнета съ одной стороны ни рабства съ другой. Лекащій въ основѣ этого смѣшаннаго общества кастовый режимъ панель здѣсь разумно примѣненъ: между высшими и низшими стоитъ только раздѣленіе труда. Наѣзникамъ открыта исключительно военная карьера. Общество возлагаетъ на нихъ обязанность — посредствомъ наѣговъ пополнять классъ темно-пепельныхъ рабочихъ. Ничего другого отъ нихъ не требуется, и темно-пепельные рабы сами наблюдаютъ за тѣмъ, чтобы ихъ хозяева добросовѣстно несли свою службу. Такъ, они не позволяютъ наѣзникамъ выступать въ походъ слишкомъ рано, въ такую пору, когда въ сосѣднихъ муравейникахъ темно-пепельныхъ самцы и самки еще не выдѣлились изъ личинокъ, такъ что захваченныя личинки пришлось бы сортировать. Смѣшанный муравейникъ нуждается исключительно въ личинкахъ рабочихъ: поэтому союзники не разрѣшаютъ наѣговъ, пока не завершится метаморфоза крылатыхъ муравьевъ ¹⁾. Когда же наступаетъ подходящее время для похода, темно-пепельные рабы принимаютъ въ немъ живое участіе: съ тревогою ждутъ они возвращенія воинствъ, прекращаютъ даже работы внутри гнѣзда, чтобы достойно встрѣтить побѣдителей, принять отъ нихъ похищенныхъ крылатыхъ куколокъ и отнести ихъ въ приготовленное помѣщеніе.

Въ самомъ муравейникѣ у темно-пепельныхъ рабовъ множество дѣла: на нихъ лежитъ весь уходъ за куколками, самками и самцами; для всей этой молодежи они добываютъ пищу, переносятъ своихъ питомцевъ изъ одной части муравейника въ другую, кормятъ ихъ, строятъ имъ жилища, по мѣрѣ надобности, прокладываютъ новыя галлерей; кромѣ того, они заботятся еще и о видѣннѣмъ благообразіи муравейника, — словомъ, ведутъ жизнь чрезвычайно дѣятельную. Въ это время чванливые наѣзники проводятъ время въ благородной праздности, въ ожиданіи момента, когда имъ представится случай показать свою храбрость; отъ этого они гораздо глупѣе своихъ союзниковъ темно-пепельныхъ. Если разво-

¹⁾ Р. Huber, *loc. cit.*, 231.

ротить муравейникъ, муравьи-воины сейчасъ теряютъ голову и не знаютъ, въ какую сторону броситься; но на помощь имъ являются рабы, болѣе хладнокровные, переносятъ ихъ въ безопасное мѣсто и, въ случаѣ надобности, прокладываютъ имъ дорогу; въ награду за такую вѣрную службу наѣзники щекочатъ ихъ усиками¹⁾. Эти муравьи-воины до того специализировались, что въ концѣ концовъ отвыкли отъ всякой другой работы, хотя бы самой простой и даже необходимой для жизни. Говорятъ, будто въ средніе вѣка аристократы кичились тѣмъ, что не умѣли поднискать свое имя. Въ этомъ смыслѣ муравьи-наѣзники перецеголяли ихъ: они не умѣютъ даже ѣсть сами и не притронутся ни къ меду ни къ плодамъ, хотя бы тѣ стояли у нихъ передъ носомъ. Почувствовавъ голодъ, они приближаются къ своимъ помощникамъ, и тѣ услужливо впускаютъ имъ въ ротъ медвяный сокъ тлей, которыхъ они успѣли подонть во время своихъ экскурсій. Известенъ опытъ Губера: муравьи-наѣзники, положенные въ стеклянный ящикъ, на слой земли, имѣя передъ собою куколокъ и медъ, пассивно допустили себя умереть съ голоду, даже не попытавшись ни ѣсть ни работать; но стоило Губеру впускать одного чернаго муравья, какъ тотъ быстро привелъ все въ порядокъ, вырылъ въ землѣ комнату для личинокъ, помогъ выйти молодымъ муравьямъ и принялся кормить цѣлѣвѣнныхъ наѣзниковъ, чѣмъ спасъ ихъ отъ вѣрной смерти²⁾.

Аналогичный опытъ Лессенса далъ совершенно одинаковые результаты. Тотъ положилъ возлѣ гнѣзда наѣзниковъ кусокъ намоченнаго въ водѣ сахара. Темно-пепельные муравьи, ползавшіе возлѣ муравейника, обрадовались находкѣ и принялись жадно сосать нектаръ, посланный небомъ. Наѣзники же умѣли только бѣгать вокругъ куска сахара, хотя имъ и очень хотѣлось полакомиться. Въ концѣ концовъ они стали тянуть за лапки темно-пепельныхъ, съ цѣлью призвать лакомокъ къ исполненію ихъ обязанностей. Тѣ сейчасъ же поняли, повиновались и принялись набивать рты своихъ хозяевъ³⁾. Если муравей-наѣзникъ (*f. rufescens*), отказывается такимъ образомъ работать и даже ѣсть безъ посторонней помощи, онъ дѣлаетъ это не только изъ аристократической гордости. Въ муравьиныхъ обществахъ, какъ и въ нашихъ, царить своего рода справедливость — черезъ грѣхъ приходитъ и наказаніе. У насъ не рѣдки случаи вырожденія, физическаго и моральнаго регресса среди людей праздныхъ и паразитовъ: бездѣйствіе наказывается атрофіей. У муравьевъ, при краткости ихъ индивидуальной жизни

¹⁾ P. Huber, *loc. cit.*, 206, 207. ²⁾ P. Huber, *loc. cit.*, 215, 216. ³⁾ L. Büchner *Vie psychique des bêtes*, 200.

и вълѣдствіе этого быстрой смѣнѣ поколѣній, вырожденіе, или вѣрнѣе, приспособленіе къ слишкомъ специальному занятію приводитъ къ измѣненію самаго устройства органовъ. Исключительно предавшись войнѣ, муравей-наѣзникъ сдѣлался органически неспособенъ ко всякому другому занятію. Форма его челюстей измѣнилась: у обыкновенныхъ муравьевъ онѣ имѣютъ видъ двухъ рядовъ зубчатыхъ орудій, приспособленныхъ къ хватанію; у муравья-наѣзника онѣ длинны, узки, сильны и выдаются впередъ въ видѣ острыхъ клещей, весьма пригодныхъ къ пробиванію головъ и мозговъ, но очень плохо приспособленныхъ къ хватанію и работѣ: орудіе сдѣлалось здѣсь оружіемъ¹⁾. Одновременно съ этимъ происходилъ умственный регрессъ; по уму наѣзники гораздо ниже своихъ рабовъ. Если въ одномъ изъ такихъ смѣшанныхъ муравейниковъ населеніе увеличится настолько, что гнѣздо станетъ тѣснымъ, вопросъ о переселеніи рѣшается исключительно темно-пепельными, а во время перехода они тащутъ въ челюстяхъ своихъ хозяевъ, хотя тѣ вдвое крупнѣе ихъ²⁾. Никогда наѣзники не ходятъ на охоту за тлями, никогда не занимаютъ никакой работой: они даже боятся дождя, тогда какъ рабы и во время дождя не прерываютъ своихъ занятій³⁾. Каждый изъ темно-пепельныхъ, прежде всего, добрый хозяинъ, и военная карьера не имѣетъ для него никакой привлекательности. Муравьи другого вида (*f. rufibarbis*), также обращенные въ рабство, при нападеніи на общее жилище охотно сражаются рядомъ съ своими хозяевами; темно-пепельные же (*f. fusca*) очень рѣдко принимаютъ участіе въ битвѣ: они даже не сразу привыкаютъ къ охотамъ за рабами и въ молодости своей питаются отвратить отъ этого своихъ хозяевъ, но мало-по-малу усваиваютъ и себѣ разбойничьи взгляды, одобряютъ похищенія куколокъ и даже выражаютъ неудовольствіе, когда наѣзники возвращаются съ пустыми челюстями⁴⁾.

Съ теченіемъ времени темно-пепельные начинаютъ питать къ наѣзникамъ одного съ ними гнѣзда такую привязанность, которая у людей носитъ названіе собачьей, именно потому, что среди насъ она чрезвычайно рѣдка. Съ неутомимымъ рвеніемъ они несутъ всѣ работы по дому и, кромѣ того, еще кормятъ наѣзниковъ, но зато и держатъ ихъ какъ бы подъ опекой. Наѣзники-воины одарены легко возбуждающимся темпераментомъ; послѣ слишкомъ долгихъ битвъ съ ними бывають иногда припадки слѣпой ярости, когда они, не владея собой, бросаются кусать кого попадетъ: личинкокъ, куколокъ, даже куски дерева. Въ такіе моменты обезумѣвшіе наѣз-

¹⁾ Ibid., 199. ²⁾ Дарвинъ. *Происхожденіе видовъ*. ³⁾ P. Huber, *loc. cit.*, 208, 210. ⁴⁾ L. Büchner, *loc. cit.*, 207, 216.

ники не умѣютъ ориентироваться даже въ собственномъ муравейникѣ; но тутъ ихъ окружаютъ рабы, успокаиваютъ ихъ и возвращаютъ къ разсудку. Задача щекотливая и небезопасная: Форелю случалось видѣть, какъ разъяренные наѣзтники убивали рабовъ, которые старались ихъ успокоить¹⁾. Наѣзтники довольно охотно позволяютъ себѣ такія жестокости. Губеръ видѣлъ, какъ одинъ изъ нихъ, получивъ выговоръ отъ раба за то, что онъ не принесъ личинокъ, вышелъ изъ себя и во гнѣвѣ произилъ своими страшными челюстями голову дерзкаго²⁾. Какъ ни велика преданность темно-пенельныхъ муравьевъ, какъ ни привыкли они видѣть въ своихъ похитителяхъ только черезчуръ нервныхъ друзей, какъ ни поглощены они хозяйствомъ, постройками, воспитаніемъ куколокъ³⁾, какъ ни стараются они, наконецъ, предупредить всѣ потребности наѣзниковъ, подчасъ и ихъ выводить изъ себя неразуміе ихъ хозяевъ. Возстанія рабовъ наблюдаются обыкновенно во время сильныхъ и долгихъ засухъ. Глуные аристократы-наѣзники не принимаютъ въ расчетъ погоды и постоянно просятъ пить; измученные рабы въ концѣ концовъ теряютъ терпѣніе, возмущаются въ свою очередь, и подымается бунтъ. Но такіе раздоры рѣдкость: обыкновенно въ смѣшанномъ муравейникѣ царитъ полное подчиненіе: темно-пенельные повинуются безпрекословно. А между тѣмъ эти добровольные рабы собраны откуда понало, изъ разныхъ гнѣздъ, и принадлежать къ породѣ, искони враждующей съ наѣзниками. Правда, воспитываютъ ихъ муравьи одного съ ними вида, но уже скившіеся съ рабствомъ, и вотъ, одного воспитанія оказывается достаточно, чтобы произвести полную метаморфозу въ чувствахъ молодыхъ муравьевъ и заставить ихъ видѣть только друзей въ прирожденныхъ противникахъ своей породы. Фактъ любопытный и заслуживающій вниманія.

Рыжеватые муравьи, наѣзники, о которыхъ мы только-что говорили, не единственная порода муравьевъ-рабовладѣльцевъ. Въ Европѣ извѣстны еще двѣ такихъ породы: муравей *strongylognatus* и муравей кровавый — *sanguinea*. Муравьи послѣдняго вида отличаются большимъ умомъ, хотя и поѣдаютъ себѣ подобныхъ; они способны измѣнять свой образъ жизни сообразно обстоятельствамъ, какъ это дѣлаетъ человекъ. Кровавые муравьи не находятся въ завѣнности отъ своихъ рабовъ, какъ рыжеватые. Они могутъ обойтись безъ нихъ, работаютъ самостоятельно, ѣдятъ безъ посторонней помощи; въ нѣкоторыхъ муравейникахъ *sanguinea* совѣмъ нѣтъ рабовъ (Форель)⁴⁾. Должно-быть, рабство у кровавыхъ му-

¹⁾ L. Büchner, *loc. cit.*, 203. ²⁾ Ibid., 207. ³⁾ P. Huber, *loc. cit.*, 202, 230. ⁴⁾ Büchner, *loc. cit.*, 221.

равьевъ введено относительно недавно и не успѣло еще привести къ измѣненію формы челюстей у воиновъ. Кровожадный муравей соперничаетъ съ муравьемъ-наѣздишникомъ въ разореніи гнѣздъ темно-пепельныхъ. Аристотель утверждалъ, будто нѣкоторые народы рождены для рабства; то же самое, повидимому, можно сказать о темно-пепельныхъ муравьяхъ, унодобляющихся въ этомъ смыслѣ негритянскимъ расамъ.

Во время охоты за рабами, военная тактика кровавыхъ муравьевъ иная, чѣмъ наѣздишковъ; они не обрушиваются внезапно и цѣлой массой на чужое гнѣздо, а нападаютъ отдѣльными группами, затѣваютъ схватки съ темно-пепельными; тѣ энергично защищаются, иногда даже переходятъ въ наступленіе; но рать осаждающихъ все растеть и все плотнѣе облегаеть осажденный муравейникъ; защитники его, предвидя свое пораженіе, стараются хоть нѣсколько ослабить губительныя послѣдствія его, выносятъ изъ гнѣзда куколокъ и складываютъ ихъ возлѣ гнѣзда, на сторонѣ, противоположной нападенію: осада идетъ всегда съ одной только стороны. Потомъ, когда всякое сопротивленіе становится безнолезнымъ, осажденные очищаютъ мѣсто и уходятъ, унося съ собою большую часть драгоценныхъ куколокъ. Кровавые муравьи преслѣдуютъ ихъ; отступленіе прикрываетъ кучка безумцевъ-героевъ, которые бросаются на враговъ и порою даже пробиваются сквозь ряды ихъ, чтобы вернуться назадъ въ повннутый муравейникъ и захватить еще нѣсколькихъ куколокъ¹⁾. Съ своей стороны побѣдители-кровавые забираютъ всѣхъ куколокъ и личинокъ, сколько ихъ найдется въ разоренномъ гнѣздѣ. Иногда, поразмысливъ хорошенько, они возвращаются туда съ своей добычей, съ собственными куколками и помощниками, чтобы поселиться въ завоеванномъ муравейникѣ и сдѣлать его новымъ центромъ военныхъ операцій²⁾. Слѣдуетъ замѣтить, что воинственные кровавые муравьи въ то же время и *мирмекофаги*; есть особая порода маленькихъ муравьевъ, за которыми они охотятся, какъ за дичью³⁾; зато они очень привязаны къ своимъ темно-пепельнымъ помощникамъ или рабамъ. Когда ихъ осаждаютъ въ свою очередь, напримѣръ, рыжіе муравьи, они слѣшатъ унести темно-пепельныхъ въ подземныя галлерей гнѣзда или даже проявляютъ болѣе чѣмъ человѣческую предусмотрительность и, отражая нападеніе, не забываютъ выдѣлнить изъ своей среды отрядъ, который долженъ унести темно-пепельныхъ рабовъ далеко отъ мѣста битвы въ какой-нибудь спокойный уголокъ, гдѣ они могутъ основать новое жилище, новый пріютъ⁴⁾.

¹⁾ P. Huber, *loc. cit.*, 251, 254. ²⁾ *Ibid.*, 254, 255. ³⁾ *Ibid.*, 250. ⁴⁾ P. Huber., *loc. cit.*, 257.

IV. Рабская зависимость у приматовъ.

Ни въ одномъ человѣческомъ обществѣ мы не находимъ такого разумнаго пониманія и такой разумной организаціи рабства, какъ у муравьевъ; что касается остальныхъ животныхъ, ни одному виду, кажется, и на умъ не приходило ввести у себя рабство. Въ этомъ смыслѣ самая развитія изъ млекопитающихъ стоятъ гораздо ниже муравьевъ: въ ихъ отношеніяхъ къ слабымъ проявляются только притѣсненіе, грубый произволъ и ни малѣйшей предусмотрительности. Такъ, въ общихъ клѣткахъ, гдѣ содержатся обезьяны различныхъ породъ, маленькія макаки и уистити страдаютъ отъ дурнаго обращенія и тиранніи большихъ обезьянъ; только съ помощью цѣлаго ряда уступокъ и рабской угодливости, этимъ паріямъ удается устроить себѣ мало-мальски сносную жизнь, добиться, чтобы ихъ терпѣли; иногда, однакоже, доведенныя до крайности, онѣ вступаютъ въ союзъ и общими силами защищаются противъ своихъ притѣснителей.

На свободѣ, маленькими группами обезьянъ деспотически управляетъ самый сильный самецъ; это — султанъ, ревнивый и грубый; онъ согласенъ быть вожакомъ стада и радѣть о благѣ общемъ, но подь условіемъ, чтобы остальные безпрекословно подчинялись всѣмъ его фантазіямъ; въ молодыхъ самцахъ онъ видитъ соперниковъ и всѣхъ ихъ изгоняетъ. Обыкновенно деспоту повинуется безъ разсужденій; въ особенности балуютъ его самки, осыпая его доказательствами любви, наиболѣе цѣнными для обезьянъ: онъ съ неослабляющимъ усердіемъ ищутъ у него насѣкомыхъ, а онъ величественно и безстрастно предоставляетъ себя въ ихъ распоряженіе.

Но въ этомъ раболѣиствѣ съ одной стороны, и тиранніи — съ другой, нѣтъ ничего похожаго на то рабство, какое мы видимъ у муравьевъ, нѣтъ даже ничего, что можно было бы назвать рабствомъ. Это просто деспотическая анархія, и у людей тоже встрѣчаются примѣры такого первобытнаго состоянія общества, отсутствія сколько-нибудь интеллигентной и предусмотрительной организаціи.

V. Соціальный вопросъ въ животныхъ обществахъ.

Здѣсь заканчивается наша экскурсія въ область социологіи животныхъ. Мы предпочли бы сдѣлать ее болѣе краткой, такъ какъ многіе факты, приведенные нами, навѣрное хорошо извѣстны большинству читателей; но прежде чѣмъ приступить къ изученію рабства въ человѣческихъ обществахъ, необходимо было соединить

въ одномъ краткомъ очеркѣ все тѣ черты правовъ животныхъ, которыя могутъ бросить свѣтъ на нашу задачу. И дѣйствительно, нашъ краткій обзоръ доставилъ намъ довольно много интересныхъ данныхъ. Прежде всего мы видимъ, что общества животныхъ дѣлятся на двѣ категоріи: 1) находящіяся въ состояніи анархіи (лошади, бизоны), еще не организованныя, потому что условія ихъ жизни чрезвычайно просты. Дикимъ лошадямъ, бизонамъ и т. д. нѣтъ надобности работать: достаточно, если они найдутъ или отобьютъ у другихъ хорошее пастбище, да, при случаѣ, сумѣютъ соединить свои силы для совместной защиты отъ хищныхъ звѣрей. Условія жизни бобровъ уже нѣсколько иныя, — имъ приходится строить плотины и жилища, но такъ какъ общества ихъ немногочисленны, то необходимость въ спеціализаціи труда еще не даетъ себя чувствовать; 2) иначе обстоитъ дѣло у наиболѣе интеллигентныхъ безпозвоночныхъ, живущихъ большими обществами. Этимъ пришлось организовать трудъ и по-своему рѣшить социальный вопросъ. Во всякомъ сколько-нибудь сложномъ обществѣ, все равно животныхъ или людей, этотъ сложный вопросъ выдвигается на первый планъ и требуетъ разрѣшенія. Въ данномъ случаѣ работа предстоитъ большая и сложная: на очень ограниченномъ пространствѣ нужно сосредоточить и поддержать жизнь большого количества особей; для этого нужно построить и приспособить обширныя помѣщенія, заготовить большой запасъ пищи, воспитывать молодыхъ поколѣнія, держать въ страхѣ соперниковъ, отражать нападенія враговъ; въ виду всего этого вопросъ объ организаціи труда получаетъ крайне жгучій характеръ: дѣло сводится къ тому, быть или не быть общественному организму. Пчелы, муравьи, термиты нашли наиболѣе выгоднымъ для себя спеціализировать функціи, создать два отдѣльныхъ класса — производительницъ-матокъ и рабочихъ, вѣрнѣе работницъ. Особи, способныя къ оплодотворенію, не работаютъ; все силы ихъ идутъ на выполнение крупной и необходимой функціи продолженія рода; безплодныя работницы несутъ весь остальной общественный трудъ въ области промышленности, домашнего хозяйства или войны. Термиты сдѣлали уже шагъ впередъ по пути спеціализаціи, выдѣливъ особую касту воиновъ, обязанныхъ защищать республику и оберегать ея спокойствіе, необходимое для успѣшнаго выполненія домашнихъ работъ. У муравьевъ-наѣздниковъ общественная организація еще сложнѣе; здѣсь мы видимъ три класса или касты: матокъ, воиновъ и рабочихъ-невольниковъ, захваченныхъ во время набѣговъ, но въ зачаточномъ состояніи, въ видѣ куколокъ, до пробужденія въ нихъ сознательной жизни. Въ этомъ типѣ рабовладѣльческаго общества уже сказывается социальная несправедливость: военная аристо-

кратія, презирая всякаго рода трудъ, промышленный или домашній, все бремя его взваливаетъ на касту рабовъ, которыхъ она добываетъ силой и защищаетъ ихъ, но подь условіемъ, чтобы они избавили ее отъ всякой тяжелой работы. Такая организація до странности напоминаетъ организацію многихъ человѣческихъ обществъ, и мы видѣли уже, что въ обоихъ случаяхъ она ведетъ къ одинаково пагубнымъ послѣдствіямъ для привилегированнаго сословія. Всего ярче это отражается на муравьяхъ-наѣздинкахъ, которые въ концѣ концовъ становятся неразумными машинами для убиванія, неспособными даже питаться безъ посторонней помощи.

Съ перваго взгляда кажется страннымъ, что общества животныхъ сложностью своею превосходятъ первобытныя человѣческія общества. Дѣло въ томъ, что они не первобытныя. Безъ сомнѣнія и они вначалѣ представляли собою общественныя группы низшаго порядка: настоящее же ихъ состояніе, какъ и нашихъ цивилизованныхъ обществъ, является плодомъ медленной эволюціи. Въ этой главѣ мы отмѣтили, что нѣкоторые виды муравьевъ до сихъ поръ поѣдаютъ себѣ подобныхъ, и показали, что общества муравьевъ не все достигли одинаковой степени сложности. Съ другой стороны, извѣстно, что и у пчелъ далеко не все породы одинаково развиты. Нѣкоторые виды ихъ смѣло можно приравнять къ нашимъ первобытнымъ расамъ. Во всякомъ обществѣ, животныхъ или людей, болѣе высокая цивилизація есть конечный результатъ медленной эволюціи.

Такъ, многія муравьиныя общества еще не додумались до введенія у себя рабства, какъ и первобытныя человѣческія расы, стояція на низкой ступени развитія. Слѣдующая глава дастъ намъ возможность констатировать этотъ фактъ у черныхъ племенъ такъ называемой меланезійской расы, и въ то же время изслѣдовать на мѣстѣ начало и причины происхожденія рабства.

ГЛАВА II.

Начало рабства въ Меланезіи.

I. *Негритянскія подрасы.* — *Негры въ Африкѣ.* — Меланезійцы и ихъ подгруппы австралійцы и папуасы. — II. *Рабство женщинъ въ Австраліи.* Почему такъ поздно введено было рабство. — Женщина — домашнее животное. — Женскій трудъ. — Порабощеніе женщинъ. — Возложенныя на нихъ тяготы. — Похищеніе женщинъ. — Онѣ добываютъ пищу для семьи. — Полигамія — признакъ богатства. — Женщина-весталка. — Женщина, какъ запасъ пищи. — Кара за прелюбодѣяніе. — Вдова — товаръ. — Женщины и старики. — III. *Рабство въ Папуасіи.* — Оно распространено тамъ не повсемѣстно. — Война и людоедство. — Женщины — вьючный скотъ. — Рабство — причина многоженства. — Рабство на Соломоновыхъ островахъ. — Рабъ — животное, предназначенное къ убою. — Купля женъ. — Охота за невольниками. — Пабѣги для добыванія рабовъ. — Для раба нѣтъ правъ. — Земледѣльческій трудъ въ Виги. — Пролетаріи. — Принесеніе въ жертву невольниковъ при погребеніяхъ. — Рабъ и женщина въ Виги. — IV. *Эволюція рабства въ Меланезіи.* — Общность происхожденія австралійцевъ и папуасовъ. — Первобытное распределеніе труда. — Женщина — прирожденная рабыня, вьючное животное и пищевой продуктъ. — Каннибализмъ и рабство.

I. Негритянскія подрасы.

Въ предыдущихъ нашихъ работахъ мы не разъ перечисляли черныя расы и указывали, какимъ образомъ онѣ распредѣлились на поверхности земного шара, такъ что теперь намъ нѣтъ надобности долго останавливаться на нихъ. Напомнимъ только, что негры дѣлятся на двѣ главныхъ группы: меланезійскую и африканскую. Изъ этихъ двухъ группъ менѣе развита и стоитъ на низшей ступени цивилизаціи группа меланезійская. Оставаясь вѣрными нами избранному методу, мы и начнемъ изученіе рабства съ этого грубѣйшаго типа. Но и здѣсь приходится и различать и подраздѣлять. Обыкновенно антропологи присвоиваютъ названіе меланезійцевъ только племени папуасовъ, негровъ съ курчавыми волосами — типомъ которыхъ могутъ служить жители Новой Гвинеи — и тщательно различаютъ ихъ отъ австралійцевъ, у которыхъ волосы просто вьются. Между этими двумя негритянскими подрасами гораздо больше сходства, чѣмъ различій; поэтому соединимъ ихъ подъ однимъ общимъ именемъ меланезійцевъ, но изучать будемъ отдѣльно и начнемъ съ низшаго типа, съ австралійцевъ.

рядъ похищеній. Первый мужъ ея обыкновенно человѣкъ пожилой и ревнивый; онъ не отпускаетъ ее отъ себя ни на шагъ, потому что ее всюду подстерегаютъ молодые люди, готовые похитить ее. За одинъ перехваченный нескромный взглядъ онъ способенъ перебить женѣ погу ударомъ гичи (*ghici*) или проломить голову дауакомъ (*daouak*). Одно появленіе мужей повергаетъ въ трепетъ австраліянокъ, ибо дурное расположеніе духа они всегда вымещаютъ на женахъ, нанося имъ удары и раны ¹⁾.

Жены всегда сопровождаютъ мужей въ ихъ постоянныхъ перекочевываньяхъ съ одного мѣста на другое; если начинается накрапывать дождь, обязанность женщины — по одному знаку ея повелителя построить шалаши. Кстати она уже по дорогѣ подобрала подходящія колья. Съ помощью остроконечной палки, которая никогда не покидаетъ ея, австраліянка дѣлаетъ въ землѣ восемь-девять углубленій, стараясь описать возможно болѣе точный кругъ. Въ каждую изъ этихъ ямокъ она втыкаетъ по длинной гибкой палкѣ; потомъ наклоняетъ къ центру всѣ верхніе концы палокъ и умѣетъ соединить ихъ, не связывая. Затѣмъ устоя своей легкой постройки она перелетаетъ болѣе тонкими вѣточками и въ концѣ концовъ прикрываетъ всю клѣтку широкими полосами коры, которую сдираетъ съ деревьевъ безъ помощи всякаго другого инструмента, кромѣ *уана*, — своей палки, своего единственнаго орудія ²⁾.

Норвежскій изслѣдователь Карлъ Лумгольцъ, который, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, провелъ довольно долгое время среди австраліянецъ, до такой степени дикихъ, что они еще употребляютъ въ пищу человѣческое мясо, подтверждаетъ разсказъ патера Сальвадо, но даетъ болѣе обстоятельныя указанія. Дикари, которыхъ наблюдалъ Лумгольцъ, охотно поѣдаютъ военно-плѣнныхъ, но шалить женщины, — впрочемъ, пока онѣ молоды. Молодая австраліянка, даже находясь въ своемъ кланѣ, не можетъ считать себя въ безопасности. Всѣ мужчины желаютъ обладать ею, и достается она самому сильному или самому могущественному. Разъ въ годъ мужчины изъ разныхъ клановъ сходятся вмѣстѣ, чтобы разрѣшить свои ссоры одиночными поединками; въ это время женщины держатся позади сражающихся, подбираютъ вывѣшенное оружіе своихъ мужей и подаютъ имъ другое, если приходится вести нѣсколько поединковъ подрядъ. Исходъ такихъ столкновеній не можетъ не интересоваться ихъ; если мужья ихъ падутъ, онѣ въ тотъ же вечеръ будутъ принадлежать новымъ повелителямъ ³⁾.

Болѣе обстоятельно описываетъ Лумгольцъ и возложенныя на

¹⁾ Ibid., 279. ²⁾ Ibid., 321. ³⁾ К. Лумгольцъ. У *карибаловъ*. Путешествіе вокругъ свѣта. 1889.

женщинъ обязательныя занятія; но лучше предоставимъ слово ему самому: „У австралійскихъ негровъ добываніемъ хлѣба насущнаго занимаются specially женщины; для того, чтобы набрать количество пищи достаточное для всѣхъ, имъ часто приходится предпринимать очень дальнія экскурсіи. На нихъ возложены самыя трудныя работы. Онѣ всегда носятъ съ собою корзину и палку; по дорогѣ онѣ срываютъ плоды, выкапываютъ съѣдобныя корни или собираютъ личинокъ съ гнилыхъ деревьевъ. Часть плодовъ онѣ находятъ на землѣ, остальные достаютъ съ деревьевъ, на которыхъ умѣютъ карабкаться не хуже мужчинъ. Палка — единственное оружіе, дозволенное женщинамъ — необходима имъ для этой охоты за пищей; эта палка обыкновенно бываетъ изъ твердаго дерева, длиною въ полтора-два съ половиной метра: одинъ конецъ ея заостренъ, что достигается двойнымъ способомъ: сначала его обжигаютъ на огнѣ, потомъ обтачиваютъ на камнѣ.

Каждая замужняя женщина, отправляясь на пляску, не преминетъ взять съ собою палку: это знакъ ея достоинства и доказательство того, что она своимъ трудомъ кормитъ семью. Кромѣ того, она должна нести на плечахъ ребенка; это послѣднее бремя она слагаетъ съ себя только когда ей приходится рыть землю или лазить на деревья. А по возвращеніи въ лагерь ее ждетъ гуча разнообразныхъ занятій: нужно бить, жарить, перемять ягоды или плоды, выжать изъ нихъ сокъ, часто ядовитый. Постройка шалаша изъ заранее собранныхъ матеріаловъ также входитъ въ кругъ обязанностей женщины. Разумѣется, мужчина поможетъ ей свалить дерево, вколотить въ землю четыре-пять тонкихъ стволовъ, составляющихъ остовъ постройки; но огромные пучки пальмовыхъ листьевъ или травы женщина сама должна донести до избраннаго мѣста ночлега. Ея же дѣло — выровнять, съ помощью рукъ или палки, полъ въ шалашѣ и заботиться о томъ, чтобы въ запасѣ было всегда достаточное количество дровъ и воды.

Во время перекочевокъ женщина укладываетъ и несетъ на себѣ весь домашній скарбъ. Мужчина идетъ впереди, съ пустыми или почти съ пустыми руками, такъ какъ ему приходится нести только легкое оружіе, тогда какъ женщины слѣдуютъ за нимъ нагруженныя, какъ выюнные мулы, четырьмя-пятью корзинами, доверху полными провизіей. Если въ одной изъ корзины сидитъ ребенокъ, то это не мѣшаетъ матери нести на плечѣ и другую, побольше.

Пища мужчины состоитъ главнымъ образомъ изъ меда; иногда, случайно, изъ яицъ, дичи, ящерицъ; но вообще онъ прибегаетъ для себя животную пищу, предоставляя женѣ и дѣтямъ питаться растительною и добывать ее себѣ, гдѣ угодно. Для мужчины охота прежде всего спортъ, а не способъ добывать пропитаніе для семьи;

дать свою жену, отдать ее внайма, колотить и даже убить. Наконецъ, у австралийскихъ дикарей все тяжести переносятъ на спину женщины (Лумгольдъ). Мужчина можетъ, когда ему вздумается, отвергнуть свою жену; но если жегъ случится покинуть мужа или измѣнить ему, ее присуждаютъ къ наказанію ударами *ouadies* по головѣ, которые наноситъ мужъ, или, за отсутствіемъ его, родные. Каждый наноситъ узаконенное число ударовъ, тѣмъ больше, чѣмъ ближе его родство съ преступницей. Одна женщина, присужденная къ наказанію за то, что она оставила въ лѣсной чащѣ мужа, который послѣ того вскорѣ умеръ, получила такимъ образомъ отъ трехъ родственниковъ покойнаго шесть ударовъ: одинъ — отъ самаго дальняго родича; отъ другого — два; отъ самаго близкаго — три. Кровь ручьями струилась съ ея головы, покрытой широкими рубцами, но она находила все это вполне естественнымъ и на вопросы европейцевъ отвѣчала: «Это ихъ право; я должна его терпѣть»¹⁾.

Въ Австраліи похищеніе женщинъ — обычная вещь; этотъ способъ добыванія жегъ считается самымъ почетнымъ и въ то же время служить источникомъ постоянныхъ раздоровъ между кланами. Если женщина дозволила похитить себя, цѣлый кланъ можетъ пуститься за ней въ погоню, и, если ее поймутъ, она становится собственностью всѣхъ поймавшихъ; они могутъ сколько угодно пользоваться и злоупотреблять своимъ правомъ до тѣхъ поръ, пока не возвратятъ ее или мужу или мужчинамъ — родственникамъ мужа²⁾. Подобный же обычай существуетъ на островахъ Фиджи и, подобно многимъ другимъ, свидѣтельствуетъ объ общности происхожденія австралийцевъ и папуасовъ.

Женщинъ, взятыхъ въ плѣнъ во время войны, ждетъ различная участь, смотря по тому, возможны ли брачные союзы между кланомъ похитителей и кланомъ похищенныхъ. Въ первомъ случаѣ плѣнницъ присуждаютъ кланамъ или подраздѣленіямъ клана, которые могли бы пріобрѣсти ихъ и мирнымъ путемъ; во второмъ — онѣ становятся собственностью поймавшихъ ихъ, въ особенности убійцъ ихъ мужей. Вдовъ кланъ вторично выдаетъ замужъ, вѣрнѣе переуступаетъ, съ выгодой для себя; если же отъ такой переуступки не предвидится барышей, ихъ обрекаютъ въ жертву половымъ наслажденіямъ цѣлага клана; онѣ становятся общественнымъ достояніемъ³⁾. Въ заключеніе отмѣтимъ еще, что въ каждомъ кланѣ монополія пользованія женщинами присвоена старикамъ⁴⁾, прежде всего потому, что имъ вообще оказываютъ особенное уваженіе, а можетъ-быть и

¹⁾ Bonwick, *Daily life of the Tasmanians*, 84. ²⁾ Fison et Howitt, *Kamilaroi and Kurnai*, 205. ³⁾ Bonwick, *loc. cit.*, 75. ⁴⁾ Fison et Howitt, *loc. cit.*, 342.

потому, что они плохіе производители. Австраійцы вообще большіе поклонники ученія Мальтуса; это ясно доказываетъ ихъ обычай операциі *мика*, несомнѣнно имѣющей цѣлью сократить стѣснительный приростъ населенія. Приведенныя черты правовъ достаточно доказываютъ, что австраійскія женщины, съ невыгодой для себя, но съ большой выгодой для мужчины, вполне замѣняютъ обыкновенныхъ рабовъ, которыхъ нѣтъ въ Австраліи. То же явленіе мы встрѣтимъ на нѣкоторыхъ папуасскихъ архипелагахъ, между тѣмъ какъ на другихъ уже введено рабство.

III. Рабство въ Папуасіи.

Съ точки зрѣнія рабства, папуасскіе архипелаги нельзя подвести подъ одинъ уровень; одни еще не знаютъ его, какъ, напримѣръ, Новыя Гебриды, Новая Каледонія; на другихъ, напротивъ, оно давно укоренилось со всѣми своими ужасами, какъ напр. Новая Гвинея, архипелагъ Вити. Дикари Ново-Гебридскихъ острововъ, гдѣ однакоже занимаются земледѣліемъ, какъ и во всей Папуасіи, еще не додумались до идеи приобѣгнуть къ услугамъ рабовъ для выношенія земледѣльческихъ и иныхъ работъ; поэтому непрерывная война между племенами на этомъ архипелагѣ носитъ характеръ необычайной жестокости. Пищевые ресурсы здѣсь очень ограничены, часто недостаточны, и во время голодовокъ каждый безъ зазрѣнія совѣсти поровнитъ что-нибудь стащить у сосѣдей. Голодь и похищеніе женщинъ на австраійскій манеръ, — вотъ обычныя причины войны¹⁾. Пѣниныхъ създають. Пристрастіе къ любопытству часто также побуждаетъ къ столкновеніямъ: побѣдители пируютъ, угощаясь человѣческимъ мясомъ, совершенно какъ и въ Австраліи. Туземцы Санъ-Кристовалы, одного изъ Соломоновыхъ острововъ, не довольствуются тѣмъ, что съѣдаютъ тѣла убитыхъ враговъ, какъ жители Ново-Гебридскихъ острововъ и Новой Каледоніи: они еще торгуютъ этими драгоцѣнными трунами. Впрочемъ, такое убиваніе людей единственно съ цѣлью съѣданія ихъ практикуется лишь на нѣкоторыхъ островахъ²⁾. Но вездѣ войны безпощадны и часто приводятъ къ полному истребленію побѣжденных³⁾; никому и въ голову не приходитъ оставить имъ жизнь, съ цѣлью извлечь изъ нихъ выгоду или пользу.

На этихъ архипелагахъ, какъ и въ Австраліи, самыя тяжелыя работы опять-таки лежатъ на женщинахъ; онѣ замѣняютъ мужчинамъ вьючный скотъ и на всякую работу таскаютъ съ собой дѣтей, которыя сидятъ у нихъ верхомъ на спинѣ⁴⁾. Разведеніемъ

¹⁾ E. M. Imhaus, *Les Nouvelles Hebrides*, 67. ²⁾ E. M. Imhaus, *l. c.*, 68.
³⁾ Ibid. 66. ⁴⁾ Codrington, *The Melanesians*, 344.

яма занимаются однакоже оба пола: когда наступаетъ время, послѣ совѣщанія съ старѣйшинами клана, вождь ведетъ всѣхъ на участокъ земли, который предположено расчистить и воздѣлать. Затѣмъ мужчины, женщины, дѣти — всѣ вмѣстѣ принимаются за работу и справляются съ ней очень скоро; точно такъ же и при уборкѣ всѣ работаютъ сообща, подъ верховнымъ руководствомъ вождя ¹⁾.

Печальная участь женщинъ поразила еще капитана Кука. Вотъ что говорить онъ по поводу женщинъ Таинна: «Склонность островитянъ къ праздности сказывается особенно въ ихъ отношеніяхъ къ женщинамъ, которыхъ они, правду сказать, третируютъ, какъ вьючный скотъ. На моихъ глазахъ одна тащила на спинѣ громадный узелъ или ребенка и другой такой же узелъ на рукѣ, между тѣмъ какъ молодой человекъ, шедшій впереди ея, ничего не несъ въ рукахъ, кромѣ своей палицы. Часто также намъ попадались на встрѣчу небольшія кучки женщинъ, нагруженныхъ плодами и кореньями, медленно пробирающихся вдоль берега, подъ конвоемъ нѣсколькихъ вооруженныхъ мужчинъ; но чрезвычайно рѣдко приходилось видѣть мужчину, несущаго тяжесть» ²⁾.

У дикарей-нануасовъ Ново-Гебридскихъ острововъ самая тяжелая доля труда, — домашняго или ремесленного, — ложится на женщину: оттого-то здѣсь еще и не додумались до настоящаго рабства, что имѣется прекрасная замѣна его. Однакоже здѣсь и мужчины принимаютъ участіе въ земледѣльческихъ работахъ, и распределение этихъ работъ между мужчинами и женщинами обусловливается на каждомъ островѣ мѣстными обычаями ³⁾.

Точно такъ же обходится безъ рабства и въ Новой Каледоніи, гдѣ трудъ рабовъ замѣненъ трудомъ женщинъ. Вообще нравы канаковъ ново-каледонскихъ и ново-гебридскихъ очень сходны между собою. До захвата этихъ острововъ французами, людоедство процвѣтало въ Новой Каледоніи, и причиною войнъ часто было просто желаніе полакомиться человѣческимъ мясомъ, такъ какъ вѣнцомъ и наградою побѣдителямъ служило обильное ширшество людоедовъ. Даже въ мирное время нѣкоторые вожди отъ времени до времени позволяли себѣ скушать по-семейному одного изъ своихъ подданныхъ: да и теперь еще старые канаки лакомятся втихомолку мясомъ женщинъ, убитыхъ ими или по ихъ приказанію ⁴⁾. Какъ на Ново-Гебридскихъ островахъ, и здѣсь обычныя причины войнъ — людоедство и умыканіе женщинъ. Принято однакоже съѣдать только дикарей, принадлежащихъ къ чужому клану: при внутрен-

¹⁾ Imhaus, I. c. 59, 85. ²⁾ Cook, *Hist. mir. voy. v. VIII.* 404 (2-eme voyage). Рус. пер. XVIII вѣка. ³⁾ Codrington, I. c. 304. ⁴⁾ Moncelon, *Questionnaire de sociologie* (Bull. soc. d'anthrop. 1886).

вождь на Соломоновыхъ островахъ купилъ плѣннаго, чтобы принести его въ жертву богамъ, считая необходимымъ умилостивить ихъ гнѣвъ, такъ какъ на него одно за другимъ обрушились два несчастья подъ рядъ: смерть сына и невѣрность жены (Codrington, *The Melaneseans*, 136).

Съ своей стороны отцы торгуютъ дѣтьми и иногда продаютъ ихъ въ рабство ¹⁾. Мы еще не разъ встрѣтимся въ разныхъ точкахъ земного шара съ этимъ страшнымъ злоупотребленіемъ родительской властью.

На большомъ островѣ, Новой Гвинее, нравы туземцевъ далеко не вездѣ одинаковы, хотя и вездѣ аналогичны между собою; они замѣтно видоизмѣняются сообразно съ мѣстностью. Рабовладельцы-малайцы легко запасаются здѣсь рабами и порою подстрекаютъ дикарей къ губительнымъ войнамъ, совершенно подобнымъ набѣгамъ для добыванія рабовъ, опустошающимъ среднюю Африку ²⁾. Въ нѣкоторыхъ частяхъ острова рабство однако еще не вошло въ обычай ³⁾; но почва для него ужь готовится: дикари охотно торгуютъ молодыми дѣвушками, такъ какъ здѣсь принято жену покупать. Въ другихъ мѣстахъ, наоборотъ, охота за рабами постоянно побуждаетъ къ жестокимъ, опустошительнымъ войнамъ. Каждое племя только и грезитъ, что о набѣгахъ, и держится насторожѣ, стараясь захватить врасплохъ сосѣда. Выждавъ моментъ, когда мужское населеніе деревни отправится на охоту, вооруженная толпа дикарей врывается въ беззащитное селеніе, безжалостно убиваетъ больныхъ и стариковъ, уводитъ дѣтей и женщинъ, при чемъ тѣмъ изъ нихъ, которыя вздумаютъ сопротивляться, нечего ждать пощады ⁴⁾. Избиеніе слабыхъ и непригодныхъ къ труду — обычная вещь въ Новой Гвинее, и войны здѣсь сопровождаются большими жестокостями. Какъ у батаковъ на Суматрѣ, слава ново-гвинейца измѣряется количествомъ головъ, которыя ему удалось отрубить на своемъ вѣку. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ еще сохранился старинный обычай съѣденія военно-плѣнныхъ; старикамъ же и слабымъ до сихъ поръ рубятъ головы. Одна только жадность можетъ обуздать жестокость побѣдителей; если женщины, дѣтей, юношей и сильныхъ мужчинъ падаютъ и уводятъ съ собою, это дѣлается съ цѣлью извлечь изъ нихъ пользу или выгоду: продать или заставить работать. Само собой разумѣется, что если плѣнница правится побѣдителю, онъ можетъ распорядиться ею по произволу.

Вообще въ Новой Гвинее рабъ, все равно какого пола, есть вещь своего господина, надъ которой тотъ имѣетъ все права безъ

¹⁾ D-r. Hagen. *Voyage aux îles Solomon*. (Comptes rendus de l'Association fr. pour l'avancement des sciences, 1892). ²⁾ D'Albertis, *Nouvelle Guinée*. (Passim). ³⁾ Ib. 164. ⁴⁾ D'Albertis. *l. c.* 152.

исключенія. Юридическіе обычаи, передаваемые въ Новой Гвинее изъ поколѣнія въ поколѣніе и заступающіе дикарямъ мѣсто закона, не примѣняются къ невольникамъ. Эти обычаи очень древняго происхожденія и были усвоены несомѣнно раньше введенія рабства, которое, по всѣмъ даннымъ, привилось на Новой Гвинее сравнительно недавно ¹⁾.

Мы не станемъ изслѣдовать каждый архипелагъ въ отдѣльности: но прежде чѣмъ покончить съ Папуасіей, должны посвятить нѣсколько словъ дикарямъ Вити или Фиджи, при чемъ возьмемъ ихъ такими, какими они были до поселенія европейцевъ на ихъ архипелагъ. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, островитяне архипелага Фиджи по образованности, во всякомъ случаѣ, не уступали дикарямъ Полинезій, съ которыми они, впрочемъ, находились въ частыхъ сношеніяхъ. Дикари эти держались монархическаго образа правленія и, какъ въ Полинезій, дѣлились на классы: аристократовъ и жрецовъ. Они занимались земледѣліемъ и въ особенности разведеніемъ ямсa. Полевая работа въ Вити была возложена главнымъ образомъ на мужчинъ, по крайней мѣрѣ разрыхленіе отвердѣвшей почвы остроконечными палками, замѣнявшими заступы ²⁾. Это—работа дѣйствительно трудная и требующая большой затраты силъ. Крушныя комья земли, выкопанные мужчинами, поступали затѣмъ къ дѣтямъ, которыя разбивали ихъ. Пололи также мужчины, безъ помощи другихъ инструментовъ, кромѣ костей, осколковъ черепашняго щита или крушныхъ устричныхъ раковинъ. Эти работы не всегда выполнялись рабами; ими занимались мужчины, женщины и даже дѣти. Но къ услугамъ вождей былъ цѣлый классъ труженниковъ-пролетаріевъ. Въ Вити подданный былъ собственностью вождя ³⁾; онъ долженъ былъ нести барщину, какую прикажутъ, и при встрѣчѣ съ вождемъ падать ницъ ⁴⁾.

Мы уже много разъ подчеркивали крайнюю свирѣлость дикарей Вити. Ихъ войны ужасны; между отдѣльными деревнями переходятъ безпрестанныя стычки, вызываемыя необузданной страстью къ людоедству. Въ этихъ мелкихъ войнахъ совершается куча жестокостей; иногда доходить до поголовной рѣзни и обезлюднѣнія цѣлыхъ округовъ ⁵⁾. Большую часть плѣнныхъ тутъ же разрываютъ на куски, варятъ и пожираютъ; въ особенности жадны военачальники: своимъ подчиненнымъ они удѣляютъ лишь худшіе куски, и то въ видѣ особой милости ⁶⁾. Остальными плѣнными пользуются какъ рабами, но прежде всего ихъ считаютъ домашними животными.

¹⁾ Bink, *Questionnaire de Sociologie* (Bull. soc. d'anthrop. 1888). ²⁾ Williams, *Viti et les Ariens*, I, 63. ³⁾ H. Spencer, *Sociologie*, III, 481. (Рус. пер. изд. П. Д. Сытина). ⁴⁾ J. D. Macdonald, *Voyage à la Grande Viti*. ⁵⁾ Macdonald, *l. c.*, 203. ⁶⁾ *Ibid.*, 198.

которыхъ при случаѣ можно употребить въ пищу. Ихъ откармливаютъ на убой или для того, чтобы продать на рынкѣ съ той же цѣлью. Иногда ихъ жарятъ или варятъ живыми въ большихъ котлахъ¹⁾. Лакомки предпочитаютъ уже попортившееся чело-вѣческое мясо, большинство — свѣжее; но ни одно крупное иррише-ство въ Вити не обходится безъ людоедства; предпочитается мясо женщинъ. Правду сказать, рабство въ Вити не имѣло определенной экономической подкладки; оно прежде всего доставляло пищу, лакомство, наконецъ жертвы во время похоронъ.

Тѣхъ рабовъ, которымъ не пришлось пасть жертвой чревоуго-дiя, большею частью приносили въ жертву при погребенiи сколь-ко-нибудь значительныхъ лицъ. Военачальнику, при отходѣ въ лучшiй мiръ, должна была сопутствовать подобающая свита, состоящая изъ рабовъ и женъ покойнаго²⁾. Этихъ послѣднихъ душили, такъ какъ, по мнѣнiю дикарей Вити, самая прiятная смерть — отъ удушенiя³⁾.

Одинъ этотъ обычай достаточно характеризуетъ положенiе женщинъ въ Вити; и дѣйствительно, участь ихъ была ужасна. Безъ сомнѣнiя, рабство военно-плѣнныхъ освобождало ихъ отъ нѣ-которыхъ тяжелыхъ работъ; но все же мужчины обращались съ ними чрезвычайно грубо. Въ глазахъ своего мужа островитянка была простой вещью, которой можно было пользоваться и злоупо-треблять въ полномъ смыслѣ этого слова. Слѣпыхъ и рядомъ ди-кари вымѣнивали женъ на ружья; ружье считалось обычной пла-той за женщину, при чемъ къ покупателю переходили все права мужа, даже право жизни и смерти. Часто женщинъ привязывали, для того чтобы удобнѣе было стегать ихъ плетью. Одному дикарю, — онъ заслуживаетъ, чтобы имя его сохранилось въ памяти потом-ства — его звали Лоти, — въ одно прекрасное утро пришла ориги-нальная мысль. Просто для того, чтобы выдѣлиться и чѣмъ-нибудь отличиться, онъ сварилъ свою жену и съѣлъ ее, позаботившись предварительно, чтобы она сама развела огонь⁴⁾.

Въ общемъ, даже на архипелагѣ нануасовъ, гдѣ побѣжден-ныхъ берутъ въ плѣнъ, рабство находится еще въ зачаточномъ со-стоянiи. Въ Новой Гвинее грабятъ деревни ради добыванiя налож-ницъ или дѣтей и женщинъ для продажи торговцамъ невольниками съ Малайскихъ острововъ. Въ Вити и на островахъ Соломоновыхъ и др. плѣнныхъ ждетъ не подневольный трудъ, а иная участь; та же участь ждетъ ихъ въ Новой Гвинее, въ случаѣ если ихъ не удастся продать. На всѣхъ этихъ островахъ процвѣтаетъ охота

¹⁾ Williams, *l. c.* I, 243; Macdonald, *l. c.*, 208. ²⁾ H. Spencer *l. c.* I, 266. ³⁾ Mac- donald, *l. c.*; Williams, *l. c.* I, 183. ⁴⁾ T. Pritchard, *Polynesian I eminences*, 371.

за черепами, и слава охотника измѣряется количествомъ собранныхъ имъ трофеевъ; но иногда плѣнными оставляютъ жизнь съ тѣмъ, чтобы обезглавить ихъ впоследствии, при другомъ, болѣе подходящемъ случаѣ.

По свидѣтельству миссіонера Бинка, въ нѣкоторыхъ областяхъ Новой Гвинеи рабство укоренилось прочно, и крѣпко сложенныхъ невольниковъ заставляютъ работать; но это рабство на экономической подкладкѣ введено уже въ позднѣйшее время, и, быть-можетъ, туземцы обязаны имъ своей торговлѣ живымъ товаромъ съ малайцами. Въ Вити и въ другихъ мѣстахъ плѣнныхъ, въ особенности дѣтей, щадятъ лишь для того, чтобы съѣсть ихъ потомъ или принести въ жертву богамъ, въ тѣхъ частыхъ случаяхъ, когда считаются необходимыми человѣческія жертвы ¹⁾; пользованіе ими для земледѣльческихъ и иныхъ работъ является пока добавочнымъ, аксессуарнымъ.

IV. Эволюція рабства въ Меланезіи.

Послѣ этого краткаго обзора человѣческихъ обществъ, мы уже можемъ набросать въ общихъ чертахъ эволюцію рабства, начиная съ самыхъ грубыхъ формъ его. Племена Меланезіи, взяты вмѣстѣ, стоятъ на послѣдней ступени современной іерархіи человѣческихъ расъ. Между ними нѣтъ типа относительно высшаго, который можно было бы приравнять напримѣръ, къ африканскому нубійцу. Австраліицы и папуасы несомнѣнно должны были имѣть общее происхожденіе, кроющееся во мракѣ доисторической эпохи. Цивилизаціи ихъ, хотя и очень нервыбитныя, тѣсно связаны между собою. Физическія различія, впрочемъ незначительныя, объясняются, съ одной стороны, смѣшанными союзами, о которыхъ изгладилось всякое воспоминаніе, съ другой — разницей условій жизни на континентѣ и на островахъ. Австраліицы и папуасы всегда жили въ крупныхъ теченіяхъ цивилизаціи и даже вдали другъ отъ друга. Каждая группа развивалась медленно и на свой лады; большинству островитянъ невѣдомы жители другихъ острововъ, и чему-нибудь научить ихъ могли лишь рѣдкіе эмигранты изъ Полинезіи.

Австраліицы были еще болѣе предоставлены самимъ себѣ. Мелкія группы ихъ, разсыяныя на поверхности столь же обширнаго, сколько безплоднаго материка, вели борьбу за существованіе съ тяжкимъ трудомъ и при помощи самаго убогаго оружія. Они уцѣлѣли только потому, что, такъ сказать, связали въ одинъ пучокъ свои индивидуальныя слабости, — только благодаря спасительномъ

¹⁾ Codrington, *The Melanesians*, 346.

учрежденію клана; зато прогресса у нихъ совсѣмъ не замѣчается, они не жили — они прозябали. Однако, даже для того, чтобы влечь жизнь, необходима извѣстная сумма труда: законъ этотъ имѣетъ одинаковую силу какъ въ человѣческихъ, такъ и въ животныхъ обществахъ. Изученіе этихъ послѣднихъ уже показало намъ, что распредѣленіе общественнаго труда можетъ быть справедливымъ или несправедливымъ; одна и та же работа можетъ быть разложена поровну на каждого изъ членовъ общественнаго организма, или, наоборотъ, функціи можно специализировать, съ цѣлью лучшаго выполненія ихъ, но такъ, что при этомъ никто не будетъ освобожденъ отъ труда, не будетъ общественнаго паразитизма. Пока это еще справедливость. Но уже у нѣкоторыхъ породъ муравьевъ мы подмѣтили крупную несправедливость въ организаціи общества; мы видѣли, что наибольшая и самая тяжелая доля общественнаго труда лежитъ на рабахъ, захваченныхъ силой. Именно такое распредѣленіе труда усвоили себѣ почти всѣ человѣческія группы.

Австралійцы, еще близкіе къ первобытному состоянію, ввели у себя смѣшанную организацію, жестоко несправедливую, но такова она у большинства дикарей различныхъ расъ. Они не даютъ себѣ труда, притомъ же труда опаснаго, обращать въ рабство плѣнныхъ враговъ. Они у себя дома находятъ существа, слишкомъ слабыя, чтобы сопротивляться гнету мужчинъ, и достаточно крѣпкія для того, чтобы, напрягая всѣ силы, кормить семью, переносить тяжести и дѣтей; эти обреченныя въ жертву существа — женщины. Мужчинамъ — занятія, которыя считаются пріятными или благородными; женщинамъ — вся черная работа, самая необходимая, но непривлекательная и безславная. Въ австралійскихъ кланахъ нѣтъ рабства въ томъ смыслѣ, какой мы придаемъ этому слову; но половина населенія, притомъ наиболѣе слабая половина, находится въ крѣпостной зависимости. Австралійская женщина, необходимая и презираемая помощница мужчины, всю жизнь изнываетъ подъ гнетомъ работы и жестокаго обращенія, и въ награду часто бываетъ съѣдена тѣми, кого она кормила своимъ неблагодарнымъ трудомъ.

На различныхъ архипелагахъ Папуасіи социальный вопросъ получилъ различное практическое разрѣшеніе. На нѣкоторыхъ островахъ — Новой Каледоніи, Ново-Гебридскихъ и т. д. — принятъ австралійскій методъ: женщины превращены въ домашнихъ животныхъ — одновременно вьючныхъ и убойныхъ. При всемъ томъ папуасы далеко опередили австралійцевъ: они занимаются земледѣліемъ и, безъ сомнѣнія, уже давно, такъ какъ и мужчины снисходятъ до участія въ полевыхъ работахъ, даже берутъ на себя тѣ изъ нихъ, которые

требуютъ большаго развитія мускульной силы — на примѣръ, раскапываніе засохшей, затвердѣвшей земли совершенно первобытными орудіями. Въ этихъ земледѣльческихъ работахъ участвуетъ все населеніе, безъ различія пола и возраста; но предварительно вожди распределяютъ работы между мужчинами и дѣтьми.

Какимъ образомъ могло зародиться рабство на нѣкоторыхъ изъ этихъ архипелаговъ? Желаніе взвалить на плѣнныхъ трудныя и непривлекательныя работы не играло тутъ большой роли: рабство вытекло главнымъ образомъ изъ потребности въ мясѣ. На архипелагѣ Папуасіи сѣдобныхъ млекопитающихъ совсѣмъ нѣтъ или они очень рѣдки; въ Новой Каледоніи не было даже собакъ. Растенія, воздѣлываемыя на этихъ островахъ, содержатъ больше всего крахмалу; на большихъ островахъ рыбная ловля является ресурсомъ только для прибрежныхъ племенъ. Конечно, отъ времени до времени, можно съѣсть женщину, — грѣхъ не великъ, но вѣдь тогда лишаешься ея услугъ; а между тѣмъ ощущается настоятельная потребность въ азотистыхъ веществахъ. Для удовлетворенія этой потребности различныя племена дикарей безпрерывно воюють между собою и каждую маленькую побѣду празднують пиршествомъ людоедовъ. Вначалѣ ограничивались тѣмъ, что мертвыхъ и раненыхъ раздирали на куски и пожирали на самомъ мѣстѣ битвы; потомъ сдѣлались предусмотрительнѣе и стали оставлять часть плѣнныхъ про запасъ, для будущихъ пиршествъ или для жертвоприношеній богамъ; предполагалось, что боги — такіе же охотники до человѣческаго мяса, какъ и дикари, ихъ поклонники.

Но между взятіемъ въ плѣнъ врага и принесеніемъ его въ жертву, съ цѣлями кулинарными или религіозными, проходило иногда довольно много времени. Постепенно додумались до того, что можно утилизировать плѣнника, какъ рабочую силу, или извлечь изъ него выгоду, продавъ его; еще чаще побѣдители дѣлали плѣнницъ своими наложницами; короче говоря, между плѣнными и побѣдителями установились извѣстныя отношенія, грубыя, но мирныя. Этимъ положено основаніе рабству, — но въ Папуасіи оно такъ и осталось въ зачаточномъ состояніи; оно вышло прямо изъ прожорливости или чревоугодія, и рабъ здѣсь скорѣе животное убойное, чѣмъ вьючное. Напротивъ, именно эта послѣдняя роль его будетъ обозначаться все яснѣе и яснѣе по мѣрѣ нашихъ дальнѣйшихъ изслѣдованій.

хическій режимъ, хотя режимъ этотъ у нихъ еще плохо укоренился, былъ шаткимъ и наполовину республиканскимъ, какъ это всегда бываетъ, когда монархическій режимъ смѣняетъ первобытную уравнивающую организацію клановъ. Власть готтентотскихъ вождей была непрочна и очень ограничена: основаніемъ ея служило богатство, а богатство заключалось въ скотѣ; готтентоты вели пастушескій, а слѣдовательно и кочевой образъ жизни, такъ какъ поневолѣ приходится покидать пастбища, когда они истощаются. Нѣкоторыми своими сторонами жизнь готтентотовъ напоминаетъ жизнь татаръ, точно такъ же пастуховъ и кочевниковъ. Даже готтентотская хижина, построенная изъ согнутыхъ кольевъ, прикрытыхъ тростниковыми плывками, имѣетъ сходство съ рѣшетчатой кибиткой, покрытой войлокомъ, въ которой ютятся монгольскіе пастухи.

Готтентоты уже оставили обычай жить въ одномъ общемъ помѣщеніи, какъ это было принято первоначальными кланами: они раздѣлились на многоженныя семьи, и каждая семья занимаетъ отдѣльную хижину.

Посреди этой походной хижины, которую можно переносить съ мѣста на мѣсто, большая яма въ землѣ служитъ очагомъ, а ямы поменьше, расположенныя вокругъ первой, — постелями. Группа хижинъ въ двадцать составляетъ *крааль*; весь скотъ, принадлежащій членамъ *краалья*, богатымъ и бѣднымъ безъ различія, пастется вмѣстѣ. Присмотръ за скотомъ составляетъ общественную службу, которую по очереди несутъ все мужчины *краалья*, за исключеніемъ вождя.

Краальямъ постоянно приходится или обороняться или нападать. Каждая маленькая группа семействъ старается увести у соседей или стадо или женъ; отсюда безпрерывныя войны, въ которыхъ обязаны принимать участіе все члены клана безъ исключенія: война такое же общественное дѣло, какъ и охрана стада ¹⁾. Схватки бывають порою очень свирѣпы: плѣнныхъ убивають безъ милосердія; но мертвыхъ шадятъ: не снимають съ нихъ ни платья, ни оружія, ни кисета съ табакомъ ²⁾. У первобытныхъ народовъ эти безпощадныя войны — явленіе обычное и обыкновенно несовмѣстимое съ рабствомъ, такъ какъ побѣжденныхъ предпочитаютъ убивать. Итакъ весь необходимый общественный трудъ лежитъ на членахъ клана. Въ готтентотскихъ *краальяхъ* трудъ этотъ довольно разумно распределенъ между обоими полами. Мужчины занимаются охотой, выдѣлкой шкуръ для изготовленія одежды себѣ и женамъ, огора-

¹⁾ Kolbe, *Description du cap de Bonne-Esperance*, t. I, pars I. Chap. XII, 138, 17

²⁾ Kolbe, *loc. cit.*, ch. XI.

живають пастбища, гдѣ пасется скотъ. Женщины строятъ хижины и плетутъ тростниковыя циновки, покрывающія ихъ¹⁾. Кража скота, принадлежащаго окрестнымъ краалямъ, какъ и война, ея обычное слѣдствіе, также относится къ обязанностямъ мужчинъ. Женщины не принимаютъ участія въ этихъ покушеніяхъ на собственность, но подстрекають къ нимъ мужчинъ и негодуютъ, когда тѣ возвращаются безъ добычи. Впрочемъ, походы за скотомъ предпринимаются только во время голодоловокъ, послѣ неудачной охоты. Если грабитель вернется домой съ пустыми руками, ему устраиваютъ что называется «сцену»; разъяренная жена осыпаетъ его бранью, упреками, коритъ его за трусость, наконецъ, верхъ оскорбленія — срываетъ съ себя свою единственную домашнюю одежду, кожаный передникъ, и бьетъ имъ по лицу бѣднаго мужа. Общественное мнѣніе готтентотовъ считаетъ такую пощечину чрезвычайно позорной. Мужчина, получившій ее, только о томъ и думаетъ, какъ бы смыть обиду; онъ мгновенно нахлобучиваетъ себѣ на голову свой воинскій колпакъ изъ кожи гѣны, устремляется какъ бѣшеный вонъ изъ дому и, чего бы это ему ни стоило, возвращается съ добычей²⁾.

Подобныя черты нравовъ очень далеки отъ звѣрскаго угнетенія женщинъ и отъ тѣхъ ужасовъ, какіе мы наблюдали у рабовладѣльческихъ племенъ Папуасіи и даже въ австралійскихъ кланахъ. Надо признать, что, подчиняясь общимъ законамъ соціальной эволюціи, чего нельзя и избѣгнуть, каждая разновидность человѣческой породы повинуется имъ по-своему. Вообще, угнетеніе нѣкоторыхъ классовъ возрастаетъ по мѣрѣ того, какъ усложняется общественный организмъ; и однакоже, участь женщины менѣе ужасна въ пастушескихъ и монархическихъ кланахъ готтентотовъ, чѣмъ въ австралійскихъ кланахъ, гдѣ господствуетъ равноправность; у первыхъ нравы, сравнительно, довольно мягки, чего нельзя сказать о вторыхъ.

II. Рабство у кафровъ.

Кафры сильно отличаются отъ сосѣдей своихъ, готтентотовъ, какъ по своимъ расовымъ свойствамъ, такъ и въ смыслѣ цивилизаціи. Готтентоты принадлежатъ къ низшимъ человѣческимъ типамъ; кафры, напротивъ, приходятся сродни вышей изъ негритянскихъ расъ — эфіопской. Въ готтентотскихъ крааляхъ вожди почти не имѣютъ власти; это — монархія въ зародышѣ: мелкія государ-

¹⁾ Campbell. *Hist. univ. des voyages*, vol. XXXI. 362. ²⁾ Levaillant, *Hist. univers. roy.* vol., XXVI 408.

однакоже, и болѣе мирныя занятія. Такъ, они шьютъ одежды большею частью изъ шкуръ и для себя и для женщинъ; они же выдѣлываютъ топоры и ножи; они же пасутъ стада и доятъ коровъ. Вообще ихъ область — все, что имѣетъ отношеніе къ оружію или къ скоту. Они шьютъ одежды, потому что на это идутъ главнымъ образомъ бычачьи кожи, а все, что входитъ въ область пастушеской жизни, считается благороднымъ, вѣроятно потому, что этотъ образъ жизни значительно предшествовалъ земледѣлію.

Всѣ остальные работы исполняются женщинами, и мужчины никогда не помогаютъ имъ ¹⁾. Кафрская женщина въ буквальномъ смыслѣ слова замѣняетъ мужу вола. „Я её купилъ, такъ пусть и работаетъ!“ говорилъ одинъ кафръ путешественнику Шуттеру ²⁾. Женщины заготавливаютъ воду и топливо, стряпаютъ; онѣ же строятъ хижины ³⁾. Кромѣ того, кафрскія женщины выдѣлываютъ незатѣйливую домашнюю посуду изъ глины и даже во время путешествія носятъ съ собою запасъ горшечной глины. Онѣ также плетутъ корзины изъ тростника ⁴⁾. Но самое трудное — полевая работа; отъ нихъ не смѣетъ уклониться ни одна женщина, даже жена вождя. Подбодряя себя пѣснями, женщины въ тактъ ударяютъ объ землю своими палками — заступами ⁵⁾; но съ такими первобытными орудіями далеко не уйдешь: они взрываютъ землю всего на нѣсколько дюймовъ. Разрыхливъ кое-какъ почву, женщины бросаютъ въ нее зерна африканскаго проса *sorgho*; лучшее время для посѣва — сезонъ дождей, августъ и сентябрь мѣсяцы ⁶⁾. Позже онѣ убираютъ просо и молотятъ его ⁷⁾, а мужчины смотрятъ, если только не предпочитаютъ спать или развлекаться циническими разговорами ⁸⁾.

Въ виду такой интенсивной и разнообразной утилизаціи женскаго труда, для мужчинъ выгодно, конечно, имѣть какъ можно больше женъ; вслѣдствіе этого на невѣсть большой спросъ, и молодому человѣку иной разъ бываетъ очень трудно добыть себѣ жену. Многие мужчины женятся на маленькихъ дѣвочкахъ ⁹⁾ и вопитываютъ ихъ уже сами; старыхъ дѣвъ въ странѣ кафровъ совсѣмъ нѣтъ. Вышедшая замужъ или, вѣрнѣе, купленная женщина занимаетъ очень скромное положеніе въ кафрской семьѣ. Сыновья въ грошъ ее не ставятъ и наоборотъ, очень ухаживаютъ за отцомъ, въ надеждѣ, что онъ оставитъ имъ въ наслѣдство свои стада ¹⁰⁾. Обыкновенно женщинамъ запрещенъ доступъ въ котла —

¹⁾ Burchel, *Hist. univ. voy.* v. XXVI, 485. ²⁾ H. Spencer, II, 284. (Рус. пер.).

³⁾ Burchel, *l. c.*, 459, 485. — Thompson, *Hist. univ. voy.* v. XXIX, 52. ⁴⁾ Levaillant. *Hist. univ. voy.* v. XXIV, 202. ⁵⁾ Campbell, *Hist. univ. voy.* v. XXIX, 335. ⁶⁾ Burchel, *Hist. univ. voy.* vol. XXII, 492. ⁷⁾ Thompson, *Hist. univ. voy.* v. XXIX, 52.

⁸⁾ *Ibid.*, 120. ⁹⁾ Campbell, *l. c.*, 357. ¹⁰⁾ Wake, *Evolution of morality*, I, 459.

А. — Самыя дикія негритянскія племена населяютъ область, расположенную по берегу Гвинейскаго залива, отъ устьевъ Нигера до устьевъ Конго. Цивилизація хотя и очень условная, сопутствующая африканскому исламу, еще не дошла до нихъ: европейскіе корабли ничего не дали береговымъ жителямъ, кромѣ деморализаціи и упадка, пьянства, сифилиса, торговли людьми. Для африканцевъ, болѣе или менѣе поверхностно усвоившихъ себѣ магометанство, военно-плѣнный не что иное, какъ предметъ торговли или наслажденія, что уже само по себѣ достаточно безчеловѣчно; но для дикарей, еще поклоняющихся фетишамъ, по крайней мѣрѣ для нѣкоторыхъ племенъ, плѣнный, кромѣ того, еще и дичь, или занасъ ниши¹⁾. На сѣверномъ берегу Бенуэ, благодаря охотѣ за невольниками, край почти обезлюдѣлъ. Такими охотами особенно славятся негры *митчисы*, которые и войну ведутъ самымъ первобытнымъ способомъ. По отношенію къ своимъ сосѣдямъ они чужды всякаго состраданія и плѣнныхъ обыкновенно съѣдаютъ, но предварительно замучивъ ихъ. *Митчисы* считаютъ человѣческое мясо самымъ изысканнымъ лакомствомъ; они знаютъ въ немъ толкъ и умѣютъ выбирать лучшіе куски. Самыми вкусными считаются руки и ноги, которыя поэтому и достаются военачальникамъ. Это племя людоедовъ живетъ недалеко отъ берега и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, напримѣръ въ Буни, часто сталкивается съ европейцами²⁾. Отъ этихъ встрѣчъ митчисы не стали цивилизованнѣе, но интересъ начинаетъ смягчать дикость ихъ нравовъ: теперь митчисы уже не всѣхъ плѣнныхъ съѣдаютъ, и даже не всѣ племена ихъ предаются людоедству. Многихъ плѣнныхъ продаютъ или вымѣниваютъ на невольниковъ изъ дальнихъ мѣстъ, боясь держать у себя рабовъ, захваченныхъ по сосѣдству. Отсюда непрерывный торгъ живымъ товаромъ: сквозь чащу лѣса, по едва проложеннымъ тропинкамъ, непрерывно пробираются или, вѣрнѣе, тащатся караваны невольниковъ, ибо плѣнными пользуются какъ вьючнымъ скотомъ, и заставляютъ ихъ переносить на головахъ страшныя тяжести. При этомъ кормятъ ихъ очень плохо: а такъ какъ путешествіе длится недѣли, иногда мѣсяцы, больныхъ и отстающихъ набирается много. Проводники каравана отдѣляются отъ нихъ весьма простымъ способомъ — ударомъ палицы по головѣ³⁾.

Вдали отъ берега людоедство представляется еще болѣе зуряднымъ явленіемъ, чѣмъ въ областяхъ, куда заходятъ европейскія и американскія суда. Несмотря на это, вездѣ уже додумались и до рабства и ввели его на практикѣ: но число рабовъ тѣмъ меньше,

¹⁾ Ed. Viard, *Au Bas-Niger*, 206.

²⁾ Ed. Viard, *Au Bas-Niger*, 205.

³⁾ Ed

Viard, *Au Bas-Niger*, 201.

чѣмъ больше племя предано людоѣдству: это общее правило, обусловливаемое той простой причиной, что нельзя обратить въ рабство людей, уже съѣденныхъ. Такъ *фань* Габона, прославившіеся своей страстью къ людоѣдству, владѣютъ лишь очень небольшоимъ количествомъ невольниковъ. *Алидожи* также держатъ рабовъ, но, повидимому, въ качествѣ лишь убойнаго скота, живого пищевого ресурса. Одинъ изъ царьковъ ашиджи прислалъ Дю-Шалью въ подарокъ невольника съ тѣмъ, чтобы путешественникъ съѣлъ его, и когда тотъ отказался, замѣтилъ: „Къ чему же вамъ рабы, когда вы ихъ не ѣдите?“¹⁾

Рабы служатъ еще и для другой цѣли. — ихъ приносятъ въ жертву при погребеніяхъ, такъ какъ предполагается, что покойный вождь или господинъ дома долженъ войти въ будущую жизнь съ подобающей свитой, чтобы и тамъ поставить свой домъ на прежнюю ногу, соотвѣтственно общественному положенію, которое онъ занималъ въ земной жизни. Въ Сьерра-Леоне есть обычай: на могилѣ болѣе или менѣе важнаго лица удавливаютъ цѣлую толпу рабовъ. Въ Габонѣ на могилѣ вождя убиваютъ иногда до шестидесяти человѣкъ. — цифра не малая для такого маленькаго племени. Въ Конго нѣсколькихъ рабовъ хоронятъ подъ могилой господина для того, чтобы ему было удобнѣе отдавать имъ приказанія²⁾. Порою, единственно изъ преданности монарху, молодья дѣвушки оспариваютъ другъ у друга честь быть заживо погребенными рядомъ съ трупомъ вождя, и одна передъ другой скачутъ въ могилу³⁾.

То же, только въ болѣе широкихъ размѣрахъ, мы находимъ въ маленькихъ государствахъ тропической Африки, еще преданныхъ фетишизму.

Короли Ашанти и Дагоме, проливавшіе кровь какъ воду, при всей своей кровожадности, только зашли нѣсколько дальше, чѣмъ вообще африканскіе дикари, еще не обращенные въ мусульманство.

Эта безпорядочная расточительность по отношенію къ жизни плѣнныхъ показываетъ, что здѣсь трудъ земледѣльскій, промышленный и домашній возложенъ не исключительно на рабовъ. И дѣйствительно, у племенъ Габона и его hinterland'a, употребляя модное выраженіе, точно такъ же какъ у племенъ Конго и вообще въ негритянскомъ мірѣ, положеніе женщинъ не-рабынь такъ унижительно и тяжело, что вполне соотвѣтствуетъ рабству.

Въ Габонской области мужчины питаютъ презрѣніе и отвращеніе къ труду и распредѣляютъ его почти равномерно между своими женами и невольниками⁴⁾.

¹⁾ Du Chaillu, *Afrique équatoriale*, 493. (Рус. пер.). ²⁾ P. Barret, *Afrique occidentale*, II, 130, 131. ³⁾ H. Spencer, *Sociologie*, I, 265. (Рус. пер. изд. И. Сытина). ⁴⁾ Laffitte, *Le Dahome*, 96.

Повсюду въ этой области женщины обрабатываютъ землю вмѣстѣ съ невольниками¹⁾. Женъ покупаютъ какъ и рабовъ; но жены полезнѣе чѣмъ простые рабы, такъ какъ черезъ бракъ пріобрѣтаются полезныя связи; въ этихъ мѣстностяхъ самый надежный другъ — это тесть²⁾. Мужчина тѣмъ лучше поставленъ въ обществѣ, тѣмъ большимъ вліяніемъ пользуется, чѣмъ больше у него женъ: онѣ придаютъ вѣсъ своимъ мужьямъ, служатъ для нихъ удовольствія, льстятъ ихъ гордости и позволяютъ имъ предаваться сладкой лѣни. Между тѣмъ какъ мужчины лежатъ вокругъ костровъ и болтаютъ между собой или спятъ, женщины приводятъ въ порядокъ лагерь или хижину, стряпаютъ, ходятъ вмѣстѣ съ дѣтьми въ лѣсъ, собираютъ хворостъ на топливо и возвращаются, совершенно выбившись изъ силъ³⁾.

Если нужны дрова на продажу, мужчины и женщины вмѣстѣ отправляются въ лѣсъ; но первые ограничиваются тѣмъ, что валить деревья и рубить ихъ на полѣнья, предоставляя женщинамъ самую трудную часть задачи — доставку дровъ на мѣсто, за шесть-семь миль и болѣе, по ужаснѣйшимъ тропинкамъ⁴⁾.

Короче говоря, эти бѣдныя созданія положительно играютъ роль рабочаго скота и дошли до того, что находятъ это вполне естественнымъ. Если, при распредѣленіи тюковъ каравана между носильщиками, женщинамъ изъ состраданія дадутъ тюки полегче, этому онѣ очень удивляются, и мужья раздѣляютъ ихъ удивленіе⁵⁾.

Никогда мужчина не помогаетъ женамъ въ полевыхъ работахъ; онѣ же обязаны заботиться съ начала до конца о пропитаніи мужа⁶⁾.

Земледѣліе здѣсь не связано съ осѣдлостью; земля не принадлежитъ никому, и можно переходить съ поля на поле, притомъ же въ Габонской области почти нѣтъ скота; слѣдовательно, богатство можетъ заключаться только въ женщинахъ и рабахъ⁷⁾. Дѣвушекъ покупаютъ у отцовъ по вольной цѣнѣ; въ силу указанныхъ выше причинъ, мужчины стараются заключить какъ можно больше браковъ и покупаютъ себѣ женъ вплоть до глубокой старости⁸⁾. Это стадо женъ болѣе или менѣе подчинено главной женѣ, которая обыкновенно бываетъ и первой по счету; между младшими женами встрѣчаются и рабыни, — такъ ничтожна разница между такъ называемой свободной женщиной и невольницей. Дѣти этой послѣдней свободны, только пользуются меньшимъ уваженіемъ и, въ зрѣломъ возрастѣ меньшимъ вліяніемъ, чѣмъ другія⁹⁾. Первый долгъ габонезки — пассивное повиновеніе и безграничная покор-

¹⁾ Du-Chaillu, *Afr. equat.*, 19. ²⁾ Du-Chaillu, *l. c.*, 19, 470. ³⁾ *Ibid.*, 104.
⁴⁾ *Ibid.*, 127. ⁵⁾ *Ib.*, 69. ⁶⁾ *Ib.*, 174. ⁷⁾ Du-Chaillu, *l. c.*, 376. ⁸⁾ *Ib.*, 372, 376.
⁹⁾ *Ib.*, 104.

ность мужу. Такъ какъ прелюбодѣянiе наказывается денежной пеней, мужья часто съ помощью женъ ставятъ ловушки волокитамъ и практикуютъ такимъ образомъ выгодный шантажъ ¹⁾. Обращаются они съ женами чрезвычайно сурово и грубо. Въ каждой хижинѣ виситъ кожаная плетъ-двойчатка съ твердыми витыми концами, которой мужчины, не скупясь, учатъ своихъ женъ, иногда приговаривая: «Ахъ ты, негодная! Ты думаешь, я даромъ платилъ за тебя деньги?» У большинства этихъ несчастныхъ все тѣло исполосовано рубцами; въ общемъ имъ живется даже хуже, чѣмъ невольницамъ ²⁾. Понятно, что, при такихъ условiяхъ супружеская вѣрность женъ — рѣдкая добродѣтель; и дѣйствительно, съ одной стороны ихъ собственныя интриги, съ другой — дурное обращенiе съ ними мужей часто заставляютъ ихъ покидать свой домъ и искать убѣжища въ чужой деревнѣ. Отказа онѣ никогда не получаютъ. Жестокость нравовъ въ негритянскихъ деревняхъ до извѣстной степени умѣряется священнымъ обычаемъ — укрыванiемъ бѣглецовъ, которое практикуется въ очень широкихъ размѣрахъ. Для каждой деревни дѣло чести — не выдать преступнаго мужа или жену, просящихъ убѣжища. Но каждый изъ такихъ инцидентовъ вызываетъ переговоры, пререканiя, даже иногда войну между деревнями ³⁾.

Тѣмъ же правомъ убѣжища, и въ еще болѣе широкихъ размѣрахъ, пользуются рабы. Если вслѣдствiе жестокаго обращенiя или по другой причинѣ рабъ покинетъ своего господина и убѣжить въ сосѣднюю деревню, ему довольно пойти къ вождю и возложить ему руки на голову, со словами: «Избираю тебя господиномъ», чтобы тотъ счелъ обязанностью принять его. Это прибѣганiе къ покровительству третьяго лица называется *бонго*; оно входитъ въ составъ обычнаго права и не вызываетъ ни переговоровъ, ни ссоръ ⁴⁾. Среди такого варварства особенно поражаетъ этотъ спасительный обычай *бонго*. Такiе старинные и великодушные обычаи составляютъ яркiй контрастъ съ обычаями береговыхъ племенъ, уже деморализованныхъ торговлей съ европейцами. Такъ, на Золотомъ берегу за попытку къ побѣгу виновнаго ждетъ жестокая кара; двѣ первыхъ попытки наказываются всего только ампутацiей уха; за третью рубятъ голову. Въ странѣ Иссини всякiй рабъ, пытавшiйся бѣжать, приговаривается къ смертной казни (*Demeunier, L'esprit des différents peuples. II, 125*).

У народовъ западной Африки, еще очень дикихъ, рабство возникло вслѣдствiе различныхъ причинъ. Первая — война, набѣгъ. Негры, живущiе близъ дельты Нигера, группируются маленькими

¹⁾ Ibid., 67. ²⁾ Ib., 104. ³⁾ Du Chaillu, loc. cit., 377. ⁴⁾ Du Chaillu, Afrique equatoriale, 504.

кучками, человекъ во сто, не больше: но у каждой такой кучки есть свой царекъ, безъ сомнѣнія, потому, что все онѣ ведутъ между собою непрерывныя войны. Все сношенія между этими микроскопическими монархiями ограничиваются грабежомъ и убійствомъ. Каждая кучка только о томъ и думаетъ, какъ бы захватить врасплохъ сосѣдей, овладѣть ихъ товаромъ, предназначеннымъ къ вывозу или увести въ плѣнъ невольниковъ ¹⁾. Но и помимо войны есть много другихъ причинъ. Прежде всего то, что называется въ Европѣ «правами отца семейства». Каждый воленъ продать своихъ дѣтей, если ему вздумается: никто не станетъ оспаривать у него этого права. Во время процвѣтанiя торговли неграми на гвинейскомъ берегу, по этому поводу часто возникало не особенно похвальное соревнованiе между отцомъ и его чадами. Не желая быть проданными, дѣти прятались отъ своего родителя, даже больше — устранили ему засады и, если онъ попадался, почти не скрывая своей радости, сѣвшили продать его въ ближайшей европейской конторѣ ²⁾.

Судебныя карательныя мѣры также потворствуютъ торговлѣ рабами. Такъ какъ обычная ходячая монета — рабъ, все иски за преступленiя и проступки взыскиваются этой монетой; если же у виновнаго нѣтъ ни рабовъ, ни соответственнаго количества товара, его самого продаютъ въ неволю. Точно такъ же кредиторъ имѣетъ право продать неоплатнаго должника. Воры и прелюбодѣи подвергаются той же участи: ихъ продаютъ сосѣднимъ племенамъ ³⁾. Впрочемъ, такую, относительно милостивую, кару влечетъ за собою лишь мелкое прелюбодѣянiе — съ младшей женой или женой-невольницей. Согрѣшившiй съ главной женой расплачивается жизнью; это вездѣ одинаково считается преступленiемъ, достойнымъ смерти, и только родъ казни мѣняется: преступника сжигаютъ на кострѣ, обезглавливаютъ или топятъ ⁴⁾. Булусы предпочитаютъ расчленивать преступника и прибавляютъ его къ дереву, такъ что руки образуютъ крестъ ⁵⁾. Другая категорiя преступниковъ, и даже самая многочисленная, состоитъ изъ несчастныхъ, обвиняемыхъ въ колдовствѣ; часто обвиненiе въ колдовствѣ взводится единственно съ цѣлью добыть рабовъ для продажи.

Все эти причины рабства существовали и до европейской торговли невольниками и пережили ее. Вообще считается, что всякiй, проигравшiй тяжбу (*succombé dans un palabre*), долженъ быть проданъ; но не будъ возможности извлечь изъ него выгоду, его

¹⁾ Viard. *Au Bas-Niger*. 65. ²⁾ Giraud-Toulon. *Origines du mariage*, 431.

³⁾ Du-Chaillu. *Loc cit.*, 374. ⁴⁾ Fuchs. *Moeurs congolaises*, dans la Revue Belge, *La Société Nouvelle* oct. 1889. ⁵⁾ P. Baret. *Afrique occidentale*, t. II, 236.

почти навѣрное присудили бы къ смерти ¹⁾. Свободная торговля невольниками, конечно, увеличиваетъ число ихъ, но въ то же время уменьшаетъ количество смертныхъ приговоровъ; и если воинскіе набѣги, благодаря ей, учащаются, зато они становятся менѣе жестокими.

Туземцы западной Африки различаютъ нѣсколько категорій рабовъ, и участь иныхъ часто бываетъ довольно сносна. Такъ, съ домашними рабами, большею частью родившимся въ племени, даже въ домѣ своего господина, обходятся сравнительно мягко. Хозяинъ бережетъ ихъ, рѣдко обращается съ ними дурно, никогда не продаетъ ихъ на сторону и иногда даже позволяетъ имъ имѣть собственность, имъ лично принадлежащую ²⁾. Напротивъ, военно-плѣнныхъ стараются сбыть какъ можно скорѣе и какъ можно подальше. Во времена неготорговли ихъ отправляли прямо на берега, въ европейскія конторы, особенно въ португальскіе *барраконы*, которые долго еще посылали грузы живого товара въ Бразилію ³⁾.

Описывая всѣ эти ужасы, мы брали примѣры только изъ западной Африки. Читатель можетъ задать себѣ вопросъ, такъ же ли свирѣпы мелкія племена дикарей восточной Африки, и не зависитъ ли жестокость западныхъ негровъ отъ какихъ-нибудь особыхъ причинъ. Краткій обзоръ восточной Африки разрѣшитъ наши сомнѣнія.

Въ восточной Африкѣ, среди мелкихъ, еще дикихъ племенъ, рабство процвѣтаетъ не хуже, чѣмъ на западѣ. Набѣги и охота за человѣкомъ и для нихъ привычное дѣло. Какъ и западные ихъ родичи, восточные негры уводятъ въ плѣнъ главнымъ образомъ женщинъ и дѣтей; мужчины, зная, что имъ все равно нечего ждать добра, защищаются до послѣдней капли крови, а въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда ихъ удается захватить въ плѣнъ живыми, они не имѣютъ никакой цѣны, какъ невольники, вслѣдствіе неукротимости нрава ⁴⁾. Кромѣ того, нѣкоторые племена, напримѣръ ньямъ-ньямы, какъ и негры низовьевъ Конго, — людоѣды и създаютъ часть плѣнныхъ.

Итакъ между восточной и западной Африкой сходство большое; разница лишь въ томъ, что у большинства негритянскихъ племенъ восточной Африки монархическая власть вождя покоится на болѣе прочныхъ основахъ, чѣмъ на западѣ. Напримѣръ, вождь *вуакилимасовъ* — собственникъ всего своего народа. Съ нимъ говорятъ на почтительномъ разстояніи. Всѣ дѣти-мальчики воспитываются вмѣстѣ, готовясь къ царской службѣ ⁵⁾. Всѣ военно-плѣнные — соб-

¹⁾ Du-Chaillu, *Loc. cit.*, 376. ²⁾ Du Chaillu, *loc. cit.*, 374. ³⁾ *Ibid.*, 376. ⁴⁾ Schweinfurt. *Loc. cit.*, II, 164. ⁵⁾ Burton. *Voy. gr. Lac.* 659. (Рус. пер. во Всемирн. путешеств. 67 г.).

ственность царька; онъ продаетъ женщинъ и оставляетъ у себя дѣтей, чтобы увеличить число своихъ рабовъ. Въ его рукахъ жизнь и смерть его подданныхъ; онъ воленъ убить ихъ или продать, если ему заблагоразсудится ¹⁾. Въ Вуадаэ, когда умираетъ вождь, съ нимъ хоронятъ живыми двухъ рабовъ: мужчину и женщину; одному даютъ въ руки кривой ножъ, чтобы на томъ свѣтѣ сръзать сучья на топливо для своего господина; другая, сидя на маленькой скамеечкѣ, поддерживаетъ у себя на колѣняхъ голову покойнаго ²⁾.

Мы не станемъ распространяться объ этихъ чертахъ нравовъ, — сказаннаго достаточно; очевидно, на огромномъ африканскомъ материкѣ рабство извѣстно всѣмъ негритянскимъ племенамъ, стоящимъ на одномъ уровнѣ цивилизаціи, и практикуется оно вездѣ съ одинаковой жестокостью, но крайней мѣрѣ по отношенію къ рабамъ не домашнимъ, не рожденнымъ въ семьѣ. Но поступаютъ такъ эти люди не потому, что они негры, а потому, что они еще дикари.

IV. Происхожденіе рабства въ Африкѣ.

Общіе результаты нашихъ изслѣдованій по поводу происхожденія рабства въ Африкѣ довольно точно совпадаютъ съ данными, доставленными намъ меланезійскими неграми.

У дикарей крайняго юга, у готтентотовъ, общественный трудъ сведенъ къ минимуму. Образъ жизни — главнымъ образомъ пастушескій; земледѣлія еще нѣтъ. Рабовъ также нѣтъ, и въ нихъ не ощущается потребности. Съ другой стороны женщина здѣсь не изнемогаетъ подъ бременемъ труда, какъ у австралійцевъ, ибо стада гарантируютъ достаточное количество пищи, въ особенности, когда имѣется вспомогательный ресурсъ — охота. Но охрана стада не можетъ быть довѣрена женщинамъ, такъ какъ скотъ постоянно приходится защищать отъ нападений сосѣдей и дикихъ звѣрей.

Наконецъ, здѣсь еще уцѣлѣли остатки уравнивающего общиннаго режима первыхъ вѣковъ, и главное общественное дѣло — присмотръ и уходъ за стадами — цѣлкомъ лежитъ на мужчинахъ; благодаря этому, женщина не порабощена, какъ въ Австраліи. Зато военнопленныхъ убиваютъ безъ милосердія, такъ какъ рабы никому не нужны.

Кафры не менѣ жестоки, чѣмъ готтентоты, хотя и принадлежатъ къ нѣсколько высшей расѣ; но цивилизація ихъ не такъ ужъ первобытна. У нихъ есть ужъ настоящіе маленькіе царьки и богачи,

¹⁾ Ibid. 659. ²⁾ Burton, *Loc. cit.*, 115.

составляющіе аристократію. Къ скотоводству они присоединили земледѣліе, вслѣдствіе чего общественный трудъ у нихъ значительно усложнился, и распределеніе его оказывается весьма несправедливымъ. При всемъ томъ, у нихъ еще нѣтъ рабовъ въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова; поэтому плѣнниковъ-мужчинъ избиваютъ; оставляютъ только женщинъ, обращая ихъ въ наложницъ и работницъ. Какъ и у готтентотовъ, въ странѣ кафровъ стада стерегутъ мужчины, и занятіе это считается почетнымъ; но земледѣліе и сопряженные съ нимъ тяжелыя работы возложены на женщинъ, которыя заступаютъ мѣсто рабовъ.

Нельзя, однако, сказать, чтобы этихъ послѣднихъ вовсе не было; отсутствіе ихъ до нѣкоторой степени восполняютъ пролетаріи, — жалкіе бѣдняки, которыхъ презираютъ, притѣсняютъ, приравниваютъ къ собакамъ, но обращаются съ ними несравненно хуже, чѣмъ съ собаками.

У дикарей-негровъ тропическаго пояса на всемъ пространствѣ, отъ Гвинейскаго залива до области Великихъ Озеръ и Мозамбикскаго пролива, мы находимъ рабство, наоборотъ, вполне установившимся. Плѣнныхъ часто убиваютъ, иногда даже съѣдаютъ, но почти вездѣ оставляютъ хоть часть въ живыхъ для продажи, ибо на этотъ живой товаръ спросъ постоянный. Женщинъ и здѣсь заставляютъ трудиться черезъ силу, взваливая на нихъ все домашнія и полевыя работы; имъ помогаютъ рабы, при чемъ между тѣми и другими не дѣлаютъ большого различія. Свободные мужчины по возможности избѣгаютъ работы; въ промежутки отдыха между охотой и набѣгомъ они флашируютъ, курятъ, поютъ и болтаютъ. Съ женщинами и рабами они обращаются крайне жестоко; однако же и самыя дикія племена дѣлаютъ разницу между рабомъ, только что взятымъ въ плѣнъ, и рабомъ, выросшимъ въ домѣ, рожденнымъ отъ родителей-невольниковъ, а часто и отъ самого хозяина.

Таковы первыя фазы эволюціи рабства въ Африкѣ. Въ слѣдующей главѣ мы прослѣдимъ эту эволюцію нѣсколько дальше, наблюдая медлія монархическія государства тропической Африки; все эти государства сильнѣе и вліятельнѣе, чѣмъ описанныя мною племена дикарей, все они обладаютъ болѣе сложной организаціей, а многія изъ нихъ даже перешли въ мусульманство.

ГЛАВА IV.

Рабство въ мелкихъ африканскихъ монархiяхъ.

I. *Рабство въ мелкихъ фетишистскихъ государствахъ.* — Земледѣліе въ Дагомэ. — Отсутствіе домашнихъ живогныхъ. — Трудъ рабовъ и женщинъ. — Домашнее рабство. — Принесеніе въ жертву военно-плѣнныхъ. — Избѣненіе рабовъ у ашантиевъ и дагомейцевъ. — Набѣги. — Вліяніе торговли невольниками. — Крайнее раболѣпство народа. — Мелкія государства восточной Африки, поклоняющіяся фетишамъ. — Каннибализмъ и промышленная цивилизація въ Момбутту. — *Far niente* мужчинъ и трудолюбіе женщинъ. — Отсутствіе домашняго скота и охота за человѣкомъ. — Людоѣды-лакомки. — Рабство женщинъ въ Карагуэ. — Набѣги съ цѣлью похищенія женщинъ. — Дѣлежъ плѣнницъ въ Угандѣ. — Мтеза — собственникъ своего народа. — Королевское право присвоенія собственности. — II. — *Промышленность въ мелкихъ мусульманскихъ государствахъ.* — Промышленность сильно развита. — Домашнія мастерскія. — Кустарный трудъ женщинъ. — Развитие металлургіи. — Крупный промышленный и коммерческій центръ въ Кано. — Совмѣстный трудъ мужчинъ и женщинъ. — Смѣшанные браки и ихъ послѣдствія. — Европа передъ судомъ Африки. — Монополія и пьянство. — Характеристика свободы. — Черные рабы, солдаты, бѣлые рабочіе. — III. *Эволюція рабства у африканскихъ негровъ.* — Переходъ отъ животной дикости къ кустарной промышленности.

I. Рабство въ мелкихъ фетишистскихъ государствахъ.

Въ предыдущей главѣ мы изучали рабство у наименѣ цивилизованныхъ негритянскихъ племенъ обширнаго тропическаго пояса, который я назвалъ „поясомъ рабства“. Теперь посмотримъ, во что обратилось оно у племенъ, стоящихъ уже ступенью выше въ политической іерархіи, по крайней мѣрѣ въ смыслѣ большей величины и развитія государствъ. На пространствѣ между Гвинейскимъ заливомъ и областью Великихъ Озеръ основалось нѣсколько мелкихъ варварскихъ монархій, и въ каждой изъ нихъ рабство пустило прочные корни. Одни изъ этихъ мелкихъ монархическихъ государствъ исповѣдуютъ фетишизмъ, другія приняли исламъ, приспособивъ его къ своему пониманію. Въ смыслѣ цивилизаціи, государства, исповѣдующія фетишизмъ, стоятъ гораздо ниже тѣхъ, которыя уже болѣе или менѣе усвоили ученіе Магомета.

Это обуславливается различными причинами. Во-первыхъ, — и это одна изъ главныхъ причинъ, — государства, принявшія магометанство, расположены большею частью недалеко отъ южной границы Сахары, и, слѣдовательно, въ нихъ есть болѣе или менѣе

значительная примѣсь берберской крови: затѣмъ, несмотря на крупныя недостатки религіи Магомета, ей все же присуща болѣе возвышенная мораль, чѣмъ та, которая доступна поклонникамъ фетишей въ Габонѣ или Мозамбикской области. Какъ мы увидимъ дальше, Магометъ относится къ рабству сравнительно очень благодушно, поэтому намъ важно изучить рабство прежде всего въ чистой туземной формѣ, именно тамъ, гдѣ на немъ не отразились никакія постороннія вліянія.

Мы начнемъ съ Дагомэ, потому что племя, населяющее эту страну, не особенно отличается отъ дикарей Габона или Конго; Дагомэ — мѣстность плодородная, а вокругъ городовъ и довольно хорошо воздѣланная; возлѣ Канни, во время жатвы, вся мѣстность покрыта пышными скирдами. Растенія, воздѣлываемыя дагомейцами, многочисленны и разнообразны: три рода хлѣбныхъ злаковъ, рисъ, просо, бобы, ямсъ, пататы, дыни, овощи, фруктовые деревья и проч.¹⁾ Зерно размалываютъ между двумя камнями, какъ это дѣлаютъ повсюду африканскіе дикари, какъ поступали и наши предки неолитическаго періода. Изъ добытой такимъ способомъ муки варятъ кашу или дѣлаютъ особаго рода лепешки, называемыя „канки“, и ѣдятъ ихъ съ пальмовымъ масломъ²⁾.

Къ несчастію, въ странѣ дагомейцевъ быки очень малосильны, а лошади совсѣмъ не могутъ существовать: слѣдовательно, тамъ вовсе нѣтъ рабочаго скота³⁾, и всѣ полевыя работы должны выполняться людьми; естественно, эти работы ложатся на подневольныхъ и слабыхъ — рабовъ и женщинъ. Пристрастіе дагомейцевъ къ земледѣлію вызываетъ потребность въ большомъ количествѣ подневольныхъ рабочихъ, и каждый бѣднякъ-туземецъ владѣетъ, по крайней мѣрѣ, хоть однимъ рабомъ; но между этими домашними рабами и плѣнными, которыхъ дагомейцы тысячами захватываютъ у сосѣднихъ племенъ дикарей, большая разница. Домашнихъ рабовъ дагомейцы не продаютъ: это даже запрещено королемъ, который присвоилъ себѣ монополію торговли плѣнными. Обыкновенно домашніе рабы занимаются специально полевыми работами и живутъ въ деревнѣ, наполовину независимо: лишь порою нѣсколько ударовъ кнута напоминаютъ имъ, что они не совсѣмъ свободные люди. Дѣти ихъ — рабы, какъ и они сами, и такимъ образомъ сословіе рабовъ постепенно разрастается⁴⁾. Судьба этихъ домашнихъ рабовъ сильно отличается отъ участи плѣнныхъ, которыхъ король приноситъ въ жертву, продаетъ цѣлыми толпами, а иногда сотнями даритъ своимъ офицерамъ и придворнымъ⁵⁾. При-

¹⁾ Lafitte. *Le Dahome*, 83, 229. ²⁾ Suelgrave. *Nouvelle relation de quelques parties de la Guinée* (1884) и Bosman. *Description de la Guinée*, 339 (цит. у Lafitte).
³⁾ Lafitte. *Op. cit.* 168. ⁴⁾ Lafitte. *Op. cit.* 143. ⁵⁾ *Ibid.* 227.

существо рабовъ несомнѣнно значительно облегчаетъ положеніе женщинъ, но не вполне освобождаетъ ихъ отъ труда. Женщины работаютъ въ поля рядомъ съ невольниками; обычай, повсемѣстно распространенный въ Африкѣ, возлагаетъ специально на нихъ размалываніе зерна: кромѣ того, онѣ посятъ воду. На всѣ эти работы онѣ таскаютъ съ собою на спинѣ ребенка, плохо привязаннаго и болтающагося въ разныя стороны¹⁾.

Любопытное зрѣлище представляютъ изъ себя дагомейскія женщины, когда онѣ возвращаются отъ источника, группами въ двѣнадцать-пятнадцать человекъ, съ кувшинами на головахъ, съ ребенкомъ за спиною, и непрерывно тараторяютъ, ни на минуту не вынимая изо рта трубки²⁾. Дагомейки не чувствовали бы себя несчастными, если бы не жестокость ихъ мужей, которые обращаются съ ними иногда хуже, чѣмъ съ невольниками, и полосуютъ имъ спину ударами бамбука³⁾.

Однакоже ни жены ни домашніе рабы не даютъ матеріала для человѣческихъ жертвоприношеній, столь излюбленныхъ дагомейскими королями и поклонниками фетишей. На эту рѣзню идутъ военно-плѣнные, по крайней мѣрѣ тѣ, которыхъ побѣдители не успѣли обезглавить сейчасъ же послѣ побѣды, съ тѣмъ, чтобы унести ихъ головы, какъ трофеи. Эти кровавыя жертвы, столь ужасныя и нелѣпыя въ глазахъ европейца, — остатокъ дагомейской старины.

Онѣ составляютъ контрастъ съ относительной цивилизаціей страны и доказываютъ, что, расширивъ свои границы посредствомъ завоеваній, сдѣлавшись абсолютной монархіей, съ многочисленнымъ дворомъ, съ еще болѣе многочисленнымъ классомъ жрецовъ, страна Дагомэ нисколько не подвинулась впередъ въ нравственномъ отношеніи; дагомейцы, въ сущности, такое же мелкое габонское племя, какъ и другія, — сохранившее самую первобытную дикость нравовъ, даже — обычай избіенія военно-плѣнныхъ.

Говоря о воинственныхъ нравахъ западной Африки, я описывалъ подробно всѣ ужасы оргій, которымъ предаются дагомейцы послѣ жертвоприношеній рабовъ⁴⁾.

Теперь ограничусь тѣмъ, что напомнимъ главныя особенности этихъ жертвоприношеній и сравню нравъ дагомейцевъ съ не менѣе жестокими нравами ашантиевъ.

Трудно даже вообразить, до чего доходитъ у дагомейцевъ безумная жажда крови, освященная обычаемъ. Извѣстно, что успешный спросъ на человѣческую жизнь — главная причина непре-

¹⁾ Ibid. 150. ²⁾ Ibid. 150. ³⁾ Ibid. 152. ⁴⁾ Ch. Letourneau. *La guerre dans les diverses races.*

Что-то дѣтское, наивное примѣшивалось ко всей этой жестокости. Такъ, дагомейскій король Грезе-Аноджи, желая доставить на тотъ свѣтъ лошадь для своего умершаго отца, велѣлъ обезглавить животное и раба, сопроваждавшаго ее, и зарыть обонхъ въ одной н той же могилѣ ¹⁾. Рабы, приносимые въ жертву съ такими цѣлями, совершенно входили въ свою роль, даже принимали на себя разныя порученія къ умершимъ дагомейцамъ и встрѣчали смерть совершенно равнодушно.

Нравы въ Ашанти были тождественны съ правами дагомейцевъ. Но случаю смерти короля и здѣсь убивали нѣсколько тысячъ плѣнныхъ, но кромѣ этихъ традиціонныхъ гекатомбъ еще, отъ времени до времени, приносили въ жертву нѣсколько человѣкъ просто для того, чтобы „оросить“ кровью королевскую могилу ²⁾.

Къ этому безумію дагомейскихъ королевъ и жрецовъ присоединяется крайнее раболѣпство всѣхъ классовъ населенія. Народъ и женщины въ Дагомэ при встрѣчѣ съ знатными повергаются ницъ почти враспяжку ³⁾. Губернаторъ одной провинціи, у котораго резидентъ французской факторіи имѣлъ неосторожность спросить о здоровьѣ короля, прежде чѣмъ отвѣтить, вымазалъ себѣ, согласно этикету, голову, ноги и руки землей, а потомъ говорилъ: „Охъ, эти чужеземцы бѣлые, — какіе они чудачки; они такъ говорятъ о королѣ, какъ будто онъ что-то самое обыкновенное“ ⁴⁾. Жрецы составляютъ какъ бы его почетную священную стражу; они какъ бы подчиняютъ ему до нѣкоторой степени и таинственный загробный міръ, мрачную область, которую въ воображеніи бѣдныхъ негровъ они же населяютъ страшными призраками. Отсюда и въ политикѣ и въ религіи ихъ — крайнее раболѣпство, которое всасывается съ молокомъ матери, входитъ въ плоть и кровь.

Дикія племена восточной Африки съ точки зрѣнія социологін внолѣ можно приравнять къ дикарямъ африканскаго запада. Тѣ и другіе — рьяные приверженцы рабства, въ силу социальнихъ порядковъ, установившихся давно; къ тому же на западѣ рвеніе ихъ подстрекали европейскіе негроторговцы, а на востокѣ соперники послѣднихъ — арабы. Въ предыдущей главѣ мы видѣли, какимъ образомъ мелкія негритянскія племена восточной Африки добываютъ себѣ рабовъ, что они дѣлаютъ съ ними и какъ обращаются. Теперь посмотримъ, что случилось съ рабствомъ въ мелкихъ берберскихъ монархіяхъ той же области, гдѣ эти монархіи образуютъ отдѣльныя этническія группы, гораздо болѣе сложныя и значительныя, чѣмъ мелкія племена дикарей. На западѣ Африки ти-

¹⁾ *Rapport de M. de Mauléon, capitaine du brik le Zebre* (12 nov. 1844).
²⁾ Wake. *Op. cit.* I, 172. ³⁾ Mauléon, *Op. cit.* ⁴⁾ *Ibid.*

ничными образцами такихъ негритянскихъ государствъ являются Ашанти и Дагомея. На востокъ мы находимъ равносильныя имъ государства, точно такъ же ускользнувшія отъ магометанскаго прозелитизма. Я буду говорить только о тѣхъ, которыя расположены въ области Великихъ Озеръ, — о монархiяхъ Момбутту, Карагуэ, Униоро и Уганда.

Изъ этихъ королевствъ ниже всѣхъ и ближе всѣхъ къ первобытной дикости — Момбутту, хотя населенiе его, какъ и населенiе прочихъ мелкихъ государствъ этой области, въ родствѣ съ высшими негритянскими расами — нубійской и эоипской. Нравы въ Момбутту еще болѣе первобытны, чѣмъ въ Дагомэ, но имѣютъ ту особенность, что самый животный каннибализмъ уживается здѣсь съ сравнительно крупнымъ, хотя и одностороннимъ прогрессомъ въ области промышленности. Такъ, жители Момбутту не знаютъ ткацкаго искусства, носятъ одежду только изъ древесной коры, не держатъ скота, они плохiе земледѣльцы, но въ то же время очень искусные архитекторы и кузнецы, не говоря уже объ ихъ артистическихъ склонностяхъ, ихъ пристрастiи къ музыкѣ. Монархи Момбутту — артисты-дикари, Пероны въ миниатюрѣ, и пользуются неограниченной властью.

Если оставить въ сторонѣ занятiя музыкой, — занятiя, воспрещенныя женщинамъ, — кузнечную работу — также специальность мужчинъ, а затѣмъ охоту и войну — естественныя сферы ихъ дѣятельности, — мужское населенiе Момбутту проводитъ время въ беззаботнѣйшей праздности. Утромъ мужчины лежать на глиняныхъ скамьяхъ, подъ тѣнью пальмъ, и наслаждаются прохладой, лѣниво покуривая трубку. Въ знойныя часы дня они укрываются въ большихъ хижинахъ, прекрасно построенныхъ и являющихся чѣмъ-то въ родѣ клубовъ, гдѣ момбутту ведутъ между собой оживленныя бесѣды, сопровождая ихъ жестами. Въ это время женщины обрабатываютъ землю, убираютъ хлѣбъ, сушатъ и запасаютъ на зиму плоды, занимаются стряпней, выдѣлкой посуды и войлока изъ древесной коры¹⁾; иными словами, промышленный трудъ всей тяжестью своей ложится на женщину и, слѣдовательно, мужчины не ощущаютъ потребности въ рабахъ. Но у нихъ есть другiя желанiя. Вслѣдствiе плохого состоянiя земледѣлiя и отсутствiя скота, главный источникъ добычаиiя нищи для момбутту — охота, средство невѣрное и не всегда дающее одинаковые результаты; поэтому они присоединили къ охотѣ за животными охоту на человѣка. Момбутту — отъявленные людоеды²⁾. Окруженные негрскими племенами, принадлежащими къ сравнительно низшимъ расамъ, они смотрятъ на сво-

¹⁾ Швейнфуртъ. Въ *сердцѣ Африки*, фр. пер. т. II, 83. ²⁾ Ibid.

ихъ несчастныхъ сосѣдей положительно какъ на дичь, нападаютъ на нихъ, убиваютъ или берутъ въ плѣнъ, единственно съ цѣлью добыть себѣ мяса. Человѣческую дичь, убитую въ схваткѣ, немедленно разрываютъ на куски и дѣлятъ ихъ между охотниками, потомъ рѣжутъ длинными ломтями, тутъ же на мѣстѣ коптятъ и берутъ про запасъ, какъ провизію. Плѣнныхъ уводятъ съ собою, приберегая ихъ для будущихъ пиршествъ. Особенно нѣжнымъ считается мясо дѣтей, и потому оно идетъ на царскую кухню. Швейнфурту говорили, что на обѣдъ королю каждый день рѣжутъ ребенка ¹⁾. Взрослыхъ съѣдаетъ простой народъ. Швейнфуртъ видѣлъ, какъ женщина изъ племени момбутту обваривала кипяткомъ нижнюю часть человѣческаго тѣла, совѣмъ какъ у насъ ошпариваютъ свинину ²⁾. Момбутту не держатъ невольниковъ; плѣнные для нихъ просто запасная дичь.

На ряду съ такими ужасными правами, мы находимъ въ Момбутту сравнительно пышный монархическій режимъ и довольно высокій уровень цивилизаціи, а жители этой страны, во всемъ остальномъ, проявляютъ даже нѣкоторое благородство характера ³⁾. Такое странное сочетаніе социальныхъ условий отчасти бросаетъ свѣтъ на происхожденіе рабства. Оно какъ бы подчеркиваетъ, что рабство утвердилось и развивалось одновременно съ земледѣліемъ и что съ введеніемъ его значительно уменьшилось людоѣдство и первоначальное избиеніе плѣнныхъ.

Въ мелкихъ государствахъ Уніоро и Карагуэ, изобилующихъ скотомъ, обычай людоѣдства совершенно оставленъ; зато здѣсь процвѣтаетъ рабство, въ особенности рабство женщинъ. Ихъ добываютъ посредствомъ кровавыхъ набѣговъ и, захвативъ въ плѣнъ, гонятъ передъ собою какъ стадо, при чемъ тѣхъ, которыя слишкомъ стары, чтобы поспѣть за остальными, тутъ же, по дорогѣ, убиваютъ ударомъ палицы по затылку ⁴⁾. Плѣнницъ берутъ въ наложницы и въ работницы; кромѣ того, онѣ представляютъ и своего рода мѣновую цѣнность: ими даже уплачивается налогъ въ королевскую сокровищницу.

Въ королевствѣ Уганда, болѣе обширномъ и могущественномъ, чѣмъ другія, войны изъ каждаго похода пригоняли съ собою толпу женщинъ, которыхъ король сотнями раздавалъ своимъ любимцамъ, предоставляя имъ распорядиться съ плѣнницами, какъ имъ будетъ угодно, обратить ихъ въ наложницъ или въ служавокъ ⁵⁾; но при этомъ считалось благоразумнымъ и даже рекомендовалось первое

¹⁾ Schweinfurt, *l. c.*, 84. ²⁾ Schweinfurt, *l. c.*, II, 88 *et passim*. ³⁾ Бекеръ, Альбертъ Ньянза (Рус. пер.). ⁴⁾ Burton, *Voyage aux Grands Lacs*, 510. (Рус. сокращ. пер. во Всемирн. путеш. 1867 г.). ⁵⁾ Speke, *Voy. aux sources du Nil*, 344. (Рус. сокр. пер. тамъ же, 1868 г.).

время держать плѣнницъ на цѣпи, такъ какъ онѣ страдали маніей побѣговъ ¹⁾).

Въ этомъ любопытномъ государствѣ, нѣкогда описанномъ капитаномъ Спикомъ, кромѣ войны существовали и другіе источники рабства. При восшествіи на престолъ монархъ получалъ въ полную собственность всѣхъ своихъ подданныхъ и ихъ достояніе. Царствовавшій тогда король, Мтеза, разрѣшилъ Спикку и его подямъ брать вездѣ и все, что только можетъ имъ понадобится, посредствомъ простой конфискаціи ²⁾; королева-мать, съ своей стороны, пожаловала путешественника особымъ знакомъ отличія, — вѣнкомъ изъ виноградныхъ листьевъ, дающимъ предъявителю его право забирать всѣхъ дѣтей, какія ему понравятся, для того, чтобы обрратить ихъ въ своихъ рабовъ ³⁾.

Но истинная рабыня въ этихъ странахъ — все-таки женщина. Швейнфуртъ перечисляетъ всѣ разнообразныя требованія, какія предъявляютъ къ ней Нубійцы — охотники за невольниками у верховьевъ Нила. Каждый, смотря по состоянію, имѣетъ одну или многихъ рабынь и зорко смотритъ за ними, потому что онѣ, при всякомъ удобномъ случаѣ, пытаются бѣжать. Несчастныя созданія переходятъ изъ рукъ въ руки, какъ ходячая монета; часто толпа наложницъ подчинена одной фавориткѣ. У бѣдняковъ исполняетъ всю работу въ домѣ единственная рабыня. Она ходитъ за водой съ большимъ кувшиномъ на головѣ; стираетъ, когда есть что стирать; мелетъ зерно, варитъ похлебку и вообще стряпаетъ; ходитъ въ лѣсъ за дровами; во время пути несетъ хозяйскіе пожитки и проч., — словомъ, это — вьючное животное ⁴⁾. Понятно, что туземцы стараются пріобрѣсти какъ можно больше этихъ созданій, которыя доставляютъ имъ столько разнообразныхъ выгодъ; чаще всего участь женщины, не рабыни, немногимъ отличается отъ участи похищенной или купленной рабы.

Итакъ, въ смыслѣ цивилизаціи, восточная Африка стоитъ несколько не выше западной, скорѣе даже ниже, такъ какъ нѣкоторыя мелкія монархіи сохранили еще страшный обычай людоедства. Изъ этихъ фактовъ, къ несчастью слишкомъ достоверныхъ, мы принуждены вывести заключеніе, что черныя расы тропической Африки — ни восточныя, ни западныя — не сумѣли самостоятельно выйти изъ состоянія первобытной дикости. Въ ихъ мелкіхъ монархіяхъ самые жестокіе обычаи уживаются съ относительно высокимъ уровнемъ развитія промышленности, и тамъ, гдѣ еще не ощущается настоящей потребности въ рабахъ, туземцы не

¹⁾ Ibid., 311, 339. ²⁾ Ibid., 314. ³⁾ Ibid., 232. ⁴⁾ Schweinfurt, *loc. cit.* t. II, 356. 357.

стыдятся пожирать военно-плѣнныхъ, даже больше, — обратили войну въ простую охоту за человѣческой дичью. Наконецъ, повсюду, даже тамъ, гдѣ уже введено рабство, по крайней мѣрѣ часть, и самая тяжкая, необходимаго общественнаго труда ложится на женщину.

Послѣ этой экскурсіи въ страну негровъ-дикарей намъ остается изслѣдовать земли, населенныя не-идолоклонниками, государства, гдѣ смѣшанные браки съ болѣе развитыми расами подняли уровень цивилизаціи и привели къ значительному развитію промышленности.

II. Промышленность въ мелкихъ мусульманскихъ государствахъ.

Въ мелкихъ мусульманскихъ государствахъ тропическаго пояса уровень общественнаго развитія, уровень промышленности и нравственности значительно выше, чѣмъ въ только-что оставленныхъ нами еще первобытныхъ монархіяхъ. Политическая организація здѣсь сложнѣе, общественная жизнь менѣе элементарна, промышленность сравнительно очень развита, при чемъ промышленный трудъ имѣлъ большое вліяніе, прямое или косвенное, и на организацію рабства. Итакъ, прежде всего, намъ нужно опредѣлить степень развитія промышленности у мадинговъ, пулаховъ, или пуловъ, бамбара и мавровъ, или берберскихъ метисовъ, нравы которыхъ мы теперь имѣемъ въ виду изучить.

Европейцы вообще не имѣютъ понятія о томъ, какое оживленіе въ области промышленности и торговли царитъ въ этой части средней Африки. Именитѣе развиты въ этомъ отношеніи государства фулаховъ, еще ведущихъ пастушескій образъ жизни; въ нѣкоторыхъ округахъ, напримѣръ, въ Адамауа, ничѣмъ инымъ и не занимаются, кромѣ скотоводства¹⁾.

Напротивъ, мавры Сенегала уже въ то время, когда ихъ наблюдалъ Мунго-Паркъ, были искусными кузнецами, скорняками, горшечниками; женщины ихъ умѣли ткать изъ козней шерсти прочную матерію, которая шла на покрывку палатокъ²⁾. Въ Бадагри промышленность стоитъ еще выше, въ особенности ремесла ткацкое и красильное. Здѣсь на ткацкихъ станкахъ съ челнокомъ выдѣлываютъ тонкое полотно; только полотнища очень узки, не шире четырехъ дюймовъ. Такихъ станковъ много или, по крайней мѣрѣ, было очень много: иногда въ одномъ домѣ работали на восьмидесяти станкахъ сразу. Красильныя мастерскія, еще болѣе обширныя, состояли ка-

¹⁾ Barth, *Voy. Afr. Sept.* t. II, 252. ²⁾ Mungo-Park., *Hist. univ. voy.* v. XXV, 174.

ждая изъ двадцати приблизительно чановъ или большихъ глиняныхъ горшковъ, наполненныхъ краской индиго, куда погружали материн. Тканьемъ занимались молодые люди, а окраской матерій женщины ¹⁾.

Тѣ же ремесла процвѣтають во всѣхъ мелкихъ мусульманскихъ государствахъ, вплоть до Тимбукту, Капо и даже за предѣлами ихъ. Въ Лонгунѣ въ каждомъ домѣ есть ткацкій станокъ, на которомъ работаютъ мужчины и женщины ²⁾. Здѣсь полотнища ткани шире—отъ шести до семи дюймовъ.

Въ Сокоту женщины прядутъ хлопчатую бумагу. Сидя за прялкой, онѣ часто отрываются отъ работы, чтобы полюбоваться въ зеркаль своими прекрасными глазами и бѣлыми зубками. Прядение—работа нетрудная; поэтому имъ занимаются или замужнія женщины или старыя рабыни, любимицы семьи. Тканье, наоборотъ, составляетъ специальность мужчинъ. — Но главнымъ образомъ въ Сокоту занимаются окрашиваніемъ въ желтый или красный цвѣтъ дубленыхъ козихъ кожъ. Красильное вещество добывается изъ листьевъ краснаго проса; для этого ихъ разминають въ водѣ, пока они не обратятся въ густую массу, куда потомъ прибавляють щелочи.

Изъ окрашенныхъ кожъ выдѣлываютъ обувь, сѣдла, уздечки. Полотна, иногда клѣтчатыя, частью идутъ на одежду туземцамъ, частью отправляются въ Капо, крупный торговый центръ этого пояса Африки ³⁾.

Въ Каартѣ у бамбара процвѣтають тѣ же отрасли промышленности: женщины прядутъ хлопчатую бумагу на прялкахъ; мужчины на станкахъ ткуть материн еще большей ширины, чѣмъ въ Лонгунѣ, — дюймовъ въ девять полотнище. Чѣмъ ближе къ западу, тѣмъ болѣе совершенствуются эти ремесла. Бартъ сообщаетъ, что жители Тинга — преимущественно ткачи; здѣсь выдѣлываютъ шерстяныя одѣяла и платки разныхъ цвѣтовъ; тогда какъ въ Тессау преобладають красильщики. Ихъ чаны—нѣчто въ родѣ колодцевъ, вырытыхъ въ глиняныхъ платформахъ, имѣющихъ нѣсколько футовъ въ высоту. Краски доставляють индиго и листья *Tephrosia toxicaria*. Окрашиваніе тканей составляетъ также важную отрасль промышленности въ обширной области, именуемой Суданомъ ⁴⁾.

Искусство ковать желѣзо также распространено повсемѣстно, но не вездѣ достигло одинаковой степени совершенства. Въ Мандаро, гдѣ желѣзо находятъ въ изобиліи, кузнецы работаютъ самымъ первобытнымъ способомъ. Ихъ молоты и наковальни не что иное, какъ куски необработаннаго желѣза: мѣхъ они употребляютъ двой-

¹⁾ Clapperton, *Second voy.* p. 29 v. I. ²⁾ *Ibid.*, t. II. 101. v. XXVII, 266. ³⁾ *Ibid.*
⁴⁾ Barth, *loc. cit.*, t. III, 293.

ной, какъ и вообще африканцы, и надуваютъ его просто воздухомъ изъ рта чрезъ особыя дырочки. Кузницей имъ служить яма, вырытая въ землѣ. Въ Каартѣ, напротивъ, умѣютъ уже строить доменные печи въ миниатюрѣ, для плавки руды. Эти домы очень прочны: воздухъ въ нихъ проникаетъ снизу, чрезъ особыя трубки, вдѣланныя въ основаніе ¹⁾. Швейнфуртъ встрѣчалъ такія домы, и даже лучшаго устройства, въ восточной Африкѣ; быть-можетъ, онѣ — наслѣдіе древней эіопской цивилизаціи.

Всѣ эти мелкіе промышленные центры средней Африки работаютъ на вывозъ; крупныя торговыя сдѣлки заключаютъ главнымъ образомъ въ городахъ Тимбукту и Кано. Само собой разумѣется, что эти двѣ торговыхъ столицы имѣютъ и свои мѣстныя производства. Тимбукту производитъ главнымъ образомъ желѣзныя и кожаныя издѣлія. Большинство послѣднихъ, въ особенности взяжные дорожныя мѣшки для провизіи — работа туареговъ или, вѣрнѣе, ихъ женъ ²⁾. Но пальма первенства въ области промышленности и торговли принадлежить Кано. Трудолюбивые жители этого города занимаются обработкой мѣди и желѣза; изъ послѣдняго дѣлаютъ копыя, рогатины, княжалы, земледѣльческія орудія, уздечки, стремяна и т. д. Кузнецы здѣсь въ то же время и искусные ювелиры; они выдѣлываютъ изъ серебра браслеты и запястья для ногъ. Въ Кано много также ткачей и красильщиковъ. Матеріи ткуть исключительно бумажныя. Торгуютъ здѣсь и готовыми туниками, черными или клѣтчатыми, голубое съ бѣлымъ, которыя туареги называютъ „одеждой цесарокъ“; затѣмъ — длинными туниками, называемыми *туркеди*, какія обыкновенно носятъ женщины, черными мужскими покрывалами и т. д. Красятъ матеріи здѣсь посредственно. Специальность Кано — фабрикація сандалій очень искусной работы; въ общемъ ихъ вывозятъ милліоновъ на двадцать франковъ ежегодно ³⁾. Благодаря развитію промышленности и торговли, населеніе Кано живетъ въ достаткѣ, и нравы здѣсь сравнительно очень мягкіе. Промышленность Кано пока только кустарная; большихъ фабрикъ нѣтъ, зато каждый домъ представляетъ собой маленькую мастерскую. Въ деревняхъ къ промышленнымъ работамъ присоединяютъ и полевныя: одни члены семьи ткуть, куютъ или же плетутъ корзины, другіе мелютъ зерно, ходятъ за скотниной и проч. ⁴⁾. По словамъ Барта, Кано — счастливѣйшая страна на всемъ земномъ шарѣ; почва ея чрезвычайно плодородная, хлѣбъ родится въ изобиліи, пастбища роскошны; но именно эти богатства края подвергаютъ его хищническимъ набѣгамъ сосѣднихъ племенъ, и жители Кано всегда должны быть готовы къ защитѣ ⁵⁾.

¹⁾ Raffeneil, *Nouveau voy. au pays des nègres*, I, 401. ²⁾ Barth, *loc. cit.*, t. IV, 53. ³⁾ Barth, *loc. cit.*, t. II, 26. ⁴⁾ *Ibid.* II, 22. ⁵⁾ *Ibid.*, t. II, 32.

Кано ведетъ большую торговлю; область его торговыхъ оборотовъ простирается на западъ — до самаго моря, на востокъ — до Багирми, на сѣверъ — до Рхата, Мурзука и Триполи ¹⁾. Рабство процвѣтаетъ въ Кано, какъ и во всей почти Африкѣ; но здѣсь оно менѣе ужасно, чѣмъ гдѣ бы то ни было; причиной тому прежде всего — относительное богатство края, а затѣмъ легкость работы, которая хорошо оплачивается; притомъ же работаютъ не одни невольники, но и всѣ члены семьи.

Охота на людей не сулитъ большихъ выгодъ жителямъ Кано, поэтому они и не увлекаются ею, довольствуясь главнымъ образомъ домашними рабами; а съ домашними рабами даже самые грубые дикари обращаются довольно ласково. При всемъ томъ Кано ведетъ и торговлю рабами, но лишь транзитную и въ скромныхъ размѣрахъ; ежегодный вывозъ рабовъ не превышаетъ пяти тысячъ ²⁾.

Общее благосостояніе и режимъ мелкой семейной промышленности благотвѣтельно отразились на нравахъ страны. Женщины въ Кано не обременены непосильнымъ трудомъ и не страдаютъ отъ жестокаго обращенія съ ними. Работы, которыми занимаются здѣсь, не требуютъ большого развитія мускульной силы, зато требуютъ вниманія, навыка и нѣкоторой смысленности; довѣрить ихъ невольникамъ — рискованно; поэтому женщина въ Кано является очень полезной помощницей мужчине-работнику, и этотъ послѣдній бережетъ ее въ своихъ же собственныхъ интересахъ.

На невольниковъ здѣсь возложены главнымъ образомъ полевая работа и уходъ за стадами; они по необходимости живутъ вдали отъ своихъ господъ и вслѣдствіе этого пользуются извѣстной независимостью. Наконецъ, жители Кано строже придерживаются магометанства, чѣмъ чисто негритянскія племена, у которыхъ къ тому же обращеніе въ исламъ бываетъ скорѣе наружнымъ, чѣмъ внутреннимъ, а религія Магомета беретъ раба-мусульманина подъ свою защиту.

Но въ сущности истинная причина сравнительно высокаго уровня цивилизаціи въ Кано заключается въ расовыхъ свойствахъ его населенія. Обильная примѣсь берберской крови подняла физическій и нравственный уровень населенія, и понятія канорійцевъ объ общественной жизни уже не такъ грубы, какъ, напримѣръ, у негровъ Габона. Мы увидимъ впоследствии, что туареги, или берберы Сахары, относятся къ своимъ рабамъ или крѣпостнымъ довольно добродушно. А въ жилахъ канорійцевъ течетъ немало туарегской крови: то же можно сказать о жителяхъ Тимбукту и вообще главныхъ городскихъ центровъ этой промышленной области.

¹⁾ Barth, *loc. cit.*, II, 22. ²⁾ Barth, *loc. cit.*, II, 27.

Смѣшеніе крови бѣлой и черной расъ не всегда и не вездѣ даетъ такіе благопріятные результаты. Извѣстно, что, при скрещеніи расъ, какъ въ Африкѣ, такъ и въ другихъ странахъ, къ дѣтямъ переходятъ чаще недостатки, чѣмъ достоинства родителей. Такъ, наиримѣръ, африканскій негръ въ большинствѣ случаевъ добродушенъ; онъ впечатлителенъ какъ дитя, способенъ на жестокость, даже на звѣрство, но только потому, что онъ человѣкъ минуты. Наоборотъ, фулахи (Foulahs) или фульбы, въ жилахъ которыхъ течетъ смѣшанная кровь.— и эіонская и берберская, отъ природы склонны къ жестокости; они дѣлають зло изъ любви къ нему, потому что это доставляетъ имъ наслажденіе ¹⁾.

Эти мусульманскіе промышленные центры Судана являются очагами сравнительно высокой цивилизаціи; наиболѣе развитые жители ихъ прекрасно понимаютъ, чѣмъ грѣшатъ наши европейскія учрежденія, и когда путешественники порицають ихъ обычаи многоженства и рабства, подчасъ дѣлають по этому поводу очень своеобразныя замѣчанія. Такъ, въ Кукауа (область Борну) одинъ знатный туземець-оригиналь объясняль, почему въ Европѣ среди христіанъ такъ сильно распространено пьянство. Онъ винилъ во всемъ моногамію, увѣряя, что плохо подобранной четѣ супруговъ, осужденныхъ всю жизнь страдать подъ однимъ и тѣмъ же ненавистнымъ ярмомъ, остается одно: утопить свои семейныя горести въ водкѣ ²⁾. Другой резонеръ-африканецъ изъ Сегу не хотѣль и вѣрить, что въ Европѣ нѣтъ рабства. Онъ утверждалъ, что это только съ виду кажется, будто рабство въ Европѣ уничтожено, а на самомъ дѣлѣ это вовсе не такъ.

Послѣ этого бѣлаго обзора промышленности мусульманскихъ монархій тропической Африки, населенныхъ метисами, намъ остается только изслѣдовать положеніе подчиненныхъ классовъ — женщинъ и рабовъ; но этимъ мы займемся уже въ слѣдующей главѣ.

III. Эволюція рабства у африканскихъ негровъ.

Если мы теперь оставимъ въ сторонѣ географическое положеніе и разницу религій и начнемъ классифицировать мелкія государства средней Африки съ точки зрѣнія социологін, то получится довольно точная картина эволюціи рабства на черномъ континентѣ. На самой нижней ступени лѣстницы мы находимъ королевство Момбутту, гдѣ первобытная дикость соединяется съ нѣкоторымъ развитіемъ промышленности и эстетики. Артшестическія наклонности момбутту проявляются довольно замѣтно; они очень любятъ му-

¹⁾ Barth, *loc. cit.*, t. II, 192. ²⁾ Barth, *loc. cit.*, t. II, 128.

зыку и танцы, ихъ король, по словамъ Швейнфурта ¹⁾ былъ замѣчательный таппоръ, размѣренными движеніями своими «плѣнявшій дворъ и городъ», какъ говорили у насъ въ старину. Къ несчастью, въ Момбутту мало скота, а потому жители его, несмотря на благородную примѣсь эоіонской крови, сохранили старинный обычай людоедства со всѣми его ужасами. Злоупотребляя своимъ относительнымъ превосходствомъ, они безпрестанно воюютъ съ окружающими ихъ племенами низшей расы, не ради добыванія невольниковъ, такъ какъ они еще не нашли нужнымъ ввести у себя рабство, но просто съ цѣлью полакомиться человѣческимъ мясомъ. Они словно дикіе звѣри съѣдаютъ часть труповъ убитыхъ тутъ же, на мѣстѣ битвы; остальные контятъ и уносятъ съ собою; что же касается плѣнныхъ, то ихъ не обращаютъ въ рабство и даже не продаютъ; побѣдители просто держатъ ихъ какъ убойный скотъ, про запасъ для будущихъ пиръ.

По сравненію съ Момбутту, Уганда шагнула далеко впередъ. Страна эта изобилуетъ скотомъ, такъ какъ населеніе ея, съ помощью вооруженной силы, постоянно воруетъ скотъ у сосѣдей. Рабство уже существуетъ здѣсь, хотя еще плохо организовано. Возвращаясь изъ походовъ, побѣдители приводятъ съ собой главнымъ образомъ женщинъ-плѣнницъ; отсюда можно заключить, что мужчинъ убиваютъ на мѣстѣ. Изъ каждой толпы плѣнницъ король имѣетъ право взять сколько ему угодно для своего гарема; гаремъ этотъ постоянно приходится пополнять, такъ какъ король каждый день отправляетъ на бойню трехъ-четырехъ надобѣвшихъ ему женъ, отъ которыхъ онъ хочетъ избавиться ²⁾. Остальныхъ дѣлятъ между собою придворные.

За Угандой слѣдуютъ монархіи Ашанти и Дагомея. Здѣсь рабство уже вполне организовано; пастушескій образъ жизни соединяется съ земледѣіемъ; здѣсь имѣется особый классъ домашнихъ рабовъ, съ которыми обращаются довольно хорошо; но при всемъ томъ населеніе еще придерживается старинныхъ кровожадныхъ обычаевъ, остатковъ первобытной эпохи, когда побѣдитель просто-напросто убивалъ поверженнаго врага. Классъ домашнихъ рабовъ существуетъ уже давно и мало нуждается въ пополненіи, а продавать плѣнныхъ теперь довольно трудно; поэтому отъ нихъ освобождаются другимъ способомъ: ихъ торжественно обезглавливаютъ, чтобы отпраздновать ихъ тѣни къ тѣнямъ умершихъ вождей или знатныхъ лицъ, въ качествѣ вѣстниковъ или слугъ. Предполагается, что за пределами видимаго міра существуютъ вторые экземпляры Ашанти или Дагомеи, гдѣ живутъ души умершихъ. Религіозныя вѣрованія ихъ

Schweinfurt, *loc. cit.* (Рус. пер.). ²⁾ Speke, Sources du Nil, ch. LX (Рус. пер.).

санкціонируютъ эти отвратительныя убійства и даже подстрекаютъ къ нимъ, — для нихъ установленъ и особый ритуаль.

За монархіями негровъ, поклонниковъ фетишей слѣдуютъ мелкія мусульманскія государства, населенныя метисами. Здѣсь уровень цивилизаціи уже значительно выше, особенно въ области промышленности, а подъ вліяніемъ промышленности измѣнились и остальные условія жизни. Здѣсь нѣтъ людоѣдовъ; нѣтъ массовыхъ жертвоприношеній; рабовъ не убиваютъ сотнями на моплахъ. Въ общемъ здѣсь рабовъ очень много, но это больше рабы домашніе, имъ поручена обработка полей и уходъ за скотомъ. Свободные люди не презираютъ ручного труда; напротивъ, каждый домъ представляетъ собой маленькую мастерскую, гдѣ работаютъ совместно мужчины и женщины. Издѣлія ихъ довольно высокаго качества.

Безъ сомнѣнія, эти нравы составляютъ пріятный контрастъ съ нравами момбутту или дагомейцевъ. А между тѣмъ ошибочно было бы думать, что въ этихъ мелкихъ мусульманскихъ государствахъ жизнь бѣдняковъ и слабыхъ, рабовъ и женщинъ представляетъ собою идиллію.

ГЛАВА V.

Рабство въ малыхъ африканскихъ монархяхъ.

(Продолженіе).

I. *Женщины.* Женщина была первымъ рабомъ. — Женщина — орудіе наслажденія. — Красота цѣнится на всѣхъ. — Какъ выбираютъ жену. — Купля женъ. — Ничтожная разница между участіемъ свободной женщины и участіемъ рабыни. — Женскія работы. — Ремесленный трудъ горожанокъ. — Тяжелыя работы, возложенныя на женщинъ. — Посильщицы въ караванахъ. — Сѣвъ отдѣльными зернами. — Положеніе женщины различно въ различныхъ классахъ общества. — II. *Рабы.* Огромная численность несвободнаго населенія. — Отношеніе закона къ домашнему рабу. — Герархія невольничества, военнопленные, домашніе рабы, колоны и арендаторы. — Рабы - управители. — Проституція рабынь. — Права рабыни - наложницы. — Рабы - ремесленники въ Сокоту. — Какимъ образомъ рабъ можетъ переимѣнить господина. — Клейменіе рабовъ. — Отпускъ на волю. — Рабы по приговору суда. — Законъ сравнительно милостивъ къ рабамъ въ промышленныхъ городахъ. — III. *Различныя причины рабства.* Колдовство. — Продажа родителей. — Проклятыя дѣти. — Работорговля европейцевъ и арабовъ. — Охотники за рабами и набѣги. — Королевская охота на людей. — Невольничьи караваны. — Работорговцы. — IV. *Къ какимъ послѣдствіямъ привело рабство въ Африкѣ.* Нравственное вырожденіе рабовъ и господъ. — V. *Эволюція рабства въ Африкѣ.*

I. Женщины.

Въ предыдущей главѣ мы пытались изобразить политическое и въ особенности промышленное состояніе многочисленныхъ государствъ, расположенныхъ на пространствѣ между долиной Нигера и великими африканскими озерами. А теперь заглянемъ вглубь этой картины, посмотримъ, на какіе классы населенія ложится въ этихъ мелкихъ государствахъ бремя общественнаго труда. Мы уже видѣли, что введенію рабства значительно предшествовало порабощеніе женщины. Поэтому мы раздѣлимъ эту главу на двѣ части и посвятимъ первую — женщинамъ, вторую — рабамъ.

Во всей этой обширной тропической области, несмотря на довольно высокій уровень развитія промышленности, социальное положеніе женщины весьма печально; она — не что иное, какъ домашняя рабыня, наполовину наложница, наполовину вьючное животное. Въ этомъ согласны всѣ путешественники. Послушаемъ сперва одного изъ раннихъ, Мунго-Парка. „Мавры Сенегамбіи, — говоритъ онъ, — придаютъ очень мало значенія качествамъ ума; отсутствіе этихъ качествъ въ женщинѣ не составляетъ недостатка

въ глазахъ мужчинъ. Какъ мнѣ кажется, они почитаютъ женщину чѣмъ-то вродѣ низшаго животнаго: воспитаніе женщинъ клонится, повидимому, только къ одной цѣли: научить ихъ доставлять чувственныя наслажденія своимъ повелителямъ. Поэтому сладострастіе считается лучшимъ ихъ украшеніемъ, а рабская покорность — первымъ долгомъ... Мавры имѣютъ очень странное представленіе о физической красотѣ женщины. Грація движеній, стройность стана, выраженіе фizioноміи, — все это для нихъ не существенно. Въ ихъ глазахъ красота — синонимъ дородности. Женщина, даже не заявляющая претензій на красоту, должна быть такъ тучна, чтобы она не въ состояніи была ходить, если ее не поддерживаютъ подъ руки съ обѣихъ сторонъ; настоящую же красавицу въ силахъ снести только верблюдъ ¹⁾.

Любопытный разсказъ Мунго-Парка подтверждаютъ всѣ путешественники. Одинъ изъ нихъ, Жоффруа де Вильнёвъ, разсказываетъ, что молодыя дѣвушки здѣсь въ буквальный смыслъ слова до отвалу объѣдаются кускусу и ошиваются верблюжьимъ молокомъ. Каждая старается растолстѣть: вѣдь это-то и есть красота.

Читать и писать по-арабски учатъ только мальчиковъ. Дѣвочки не получаютъ никакого образованія. Женщины обязаны оказывать почтеніе всякому мужчинѣ, хотя бы онъ только-что вышелъ изъ дѣтства. Даже мать не смѣетъ бѣсть за однимъ столомъ съ сыновьями ²⁾.

Въ виду такого своеобразнаго пониманія красоты, выборъ жены или рабыни-наложницы представляется очень легкимъ. Въ описаніи одного путешествія по долинамъ Нигера мы читаемъ: „Мнѣ случилось присутствовать при торгѣ. Покупателю привели на выборъ трехъ рабынь. Покупатель, даже труда не давая себѣ взглянуть на ихъ лица, велѣлъ имъ повернуться спиной, выстроилъ ихъ въ одну линію, какъ солдатъ, и, обмѣривъ каждую, выбралъ ту, которая была толще другихъ ³⁾. Итакъ, въ этой мѣстности определеніе женской красоты сводится къ инженерной работѣ, къ вычисленію поперечности.

Въ данномъ случаѣ дѣло шло о невольницахъ, но и свободныхъ женщинъ покупаютъ точно такъ же, и число женъ зависитъ отъ зажиточности мужа-владѣльца. Въ Сокоту богатый мужчина, покупая себѣ жену, платитъ родителямъ ея слѣдующій выкупъ: нѣсколькихъ невольницъ, сосуды изящной работы и съ лѣпными украшеніями, наполненные просомъ, дуррой и рисомъ, запови, браслеты, туалетныя принадлежности, наконецъ, ступы, чтобы

¹⁾ Mungo-Park, *Hist. univ. roy.*, vol. XXV, 176—177. ²⁾ Geoffroy de Villeneuve, *Hist. univ. roy.*, v. XXII, 82. ³⁾ Denham et Clapperton, *loc. cit.*, v. XXVII, 177.

толочь зерно, и камни, чтобы молоть его ¹⁾). Символическое значеніе послѣднихъ даровъ очень прозрачно; они ясно говорятъ, что даже и жена богача не избавлена отъ тяжкихъ работъ. И дѣйствительно, между положеніемъ такъ называемой свободной женщины и рабыни разница весьма не велика: только рабыни занимаются главнымъ образомъ полевыми работами и потому живутъ въ деревняхъ. Часто въ домѣ нѣтъ даже помѣщенія для рабовъ. Въ среднемъ сословіи, по словамъ Барта, если мужчина имѣетъ пару сильныхъ женъ, онъ уже не пользуется, или очень рѣдко пользуется услугами рабовъ въ своемъ домашнемъ хозяйствѣ ²⁾). Кромѣ того, онъ имѣетъ право взять въ наложницы рабыню, хотя бы даже одну изъ тѣхъ, которыя достались его женѣ по наслѣдству, подъ однимъ условіемъ—замѣнить ее другой, такой же стоимости ³⁾).

Размалываніемъ зерна занимаются исключительно женщины, а это работа изъ очень трудныхъ. Зерно или растираютъ между двумя камнями ⁴⁾ или толкутъ въ деревянной ступѣ, деревяннымъ же пестомъ: ступою служитъ просто-напросто выдолбленный стволъ дерева. Три-четыре женщины становятся вокругъ ступы, и каждая по очереди изо всей силы ударяетъ пестомъ ⁵⁾). Въ Кано, области сравнительно очень богатой и цивилизованной, условія домашняго быта горожанокъ менѣе тяжелы, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Здѣсь онѣ кокетливо одѣваются; правда, стряпать имъ приходится самимъ, но зерно растираютъ уже невольницы, а хозяйки дома только присматриваютъ за ними ⁶⁾). Вообще въ промышленныхъ городахъ женщины занимаются сравнительно легкими работами: прядутъ хлопчатую бумагу, ткутъ матеріи, красятъ ихъ и т. д., что избавляетъ ихъ отъ болѣе тяжелыхъ работъ, полевыхъ, и отъ переноски тяжестей ⁷⁾. Лучше всего живется женщинамъ въ такихъ большихъ городахъ, какъ Кано, гдѣ дома знатныхъ лицъ поставлены иногда на очень широкую ногу.

По словамъ Барта, одинъ вельможа держалъ въ своемъ гаремѣ отъ трехсотъ до четырехсотъ женщинъ, при чемъ старался имѣть образчики всѣхъ извѣстныхъ ему человѣческихъ расъ ⁸⁾). Вся область Кано представляетъ собой веселую, плодородную, хорошо воздѣланную мѣстность, усаженную деревьями полезными для чело-вѣка: землю обрабатываютъ рабы обоюго пола; хлѣбъ молотятъ невольницы, прямо на утесахъ, длинными жердями вмѣсто цѣповъ ⁹⁾).

¹⁾ Clapperton, *Second voyage*, t. II, 86. ²⁾ Barth, *loc. cit.*, t. II, 207. ³⁾ Clapperton, *Second voyage*, t. II, 86. ⁴⁾ *Ibid.*, 277. ⁵⁾ Rappeneil, *Nouveau voy. au pays des nègres*, t. I, стр. 52. ⁶⁾ Barth, *loc. cit.*, t. I, 14—15. ⁷⁾ Richard et John Lander, *Hist. univ. voy.*, v. XXI, 51. — Laing, *ibid.*, vol. XXVIII, 71. ⁸⁾ Barth, *loc. cit.*, t. II, 126. ⁹⁾ Clapperton, *Second voyage*, 321.

Повсюду въ другихъ мѣстностяхъ земледѣльческія работы выполняются главнымъ образомъ женщинами. Въ Сулимѣ мужчины работаютъ въ полѣ только во время посѣва и жатвы; зато они доятъ коровъ и ведутъ молочное хозяйство. Женщины убираютъ хлѣбъ, строятъ дома, обмазываютъ глиной стѣны, исполняютъ обязанности шрильникоу, хирурговъ, наконецъ, шьютъ и стираютъ одежды ¹⁾. Въ Кулѣ земледѣльческія работы и опасный трудъ обереганія зрѣющихъ пивъ возложены на женщинъ, обыкновенно на невольницъ ²⁾. Повсюду женщинами, и даже не всегда рабынями, пользуются какъ носильницами, какъ вьючнымъ скотомъ. Въ Кіанѣ для перевозки товаровъ употребляютъ быковъ, муловъ, ословъ и женщинъ. За самое скромное вознагражденіе женщины отправляются въ НиFFE за товаромъ и возвращаются, нагруженные тяжестями ³⁾ (*Clapperton*). При снаряженіи смѣшанныхъ каравановъ, въ Муссѣ, самые тяжелые токи достаются старухамъ; молодые люди смотрятъ на это вполне равнодушно и не оказываютъ своимъ спутницамъ ни малѣйшей помощи во время пути ⁴⁾. Въ Тессауа Барту попалась на встрѣчу толпа женщинъ, такъ тяжело нагруженныхъ, что онѣ черезъ каждые два-три шага останавливались и шатались, готовые упасть ⁵⁾.

Помимо занятій, составляющихъ специальность того или другого племени, есть работы, которыя выполняются совместно мужчинами и женщинами, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ округахъ. Не каждый имѣетъ средства купить раба или содержать нѣсколькихъ женъ. Въ Суданѣ, за исключеніемъ мѣстностей, граничащихъ съ Сахарой, не знаютъ плуга и для обработки земли не пользуются домашними животными; даже осель, излюбленное неграми вьючное животное, здѣсь не въ ходу. Всѣ полевая работы дѣлаются руками или съ помощью мотыки ⁶⁾. Бѣдной семьѣ приходится самой воздѣлывать свое поле; мужчина идетъ впереди и роетъ мотыкой неглубокія ямки въ землѣ, на равномъ разстояніи одну отъ другой; жена, слѣдуя за нимъ шагъ за шагомъ, бросаетъ въ каждую ямку нѣсколько зеренъ ⁷⁾. По всей вѣроятности, именно такой способъ посѣва былъ въ употребленіи у первыхъ земледѣльцевъ. Сѣвъ посредствомъ разбрасыванія зеренъ требуетъ хорошо вспаханнаго поля и, слѣдовательно, предполагаетъ употребленіе плуга. Этотъ первобытный способъ сѣва также часто практикуется и въ Китаѣ. Любопытно, что теперь онъ пропагандируется даже въ Европѣ, какъ дающій наибольшій урожай; только при этомъ рекомендуются особыя сѣялки.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ свободные мужчины берутъ на себя

¹⁾ Laing, *Hist. n. v.* XXVII, 106. ²⁾ Denham et Clapperton, *ib.*, v. XXVII, 216.
³⁾ Clapperton *S. V.* 132. ⁴⁾ *Ibid.*, 123. ⁵⁾ Barth, *Loc. cit.* t. I, 364. ⁶⁾ Mungo Park, *Loc. cit.* vol. XXV, 31. ⁷⁾ Barth, *Loc. cit.* t. II, 169.

обработку земли въ виду того, что мѣстности эти часто страдаютъ отъ набѣговъ сосѣдей, и населеніе живетъ подъ вѣчнымъ страхомъ. Отправляясь въ поле, земледѣлецъ беретъ съ собою лукъ и стрѣлы, предназначенныя, въ случаѣ нападенія, защищать мирную мотыку ¹⁾. Въ иныхъ же мѣстахъ, напримѣръ въ Бамбара и Соннике, свободные мужчины и по собственному желанію, безъ всякихъ пошудительныхъ причинъ, занимаются полевыми работами ²⁾.

Всѣ эти знаменательные факты ясно показываютъ, что не слѣдуетъ слишкомъ идеализировать промышленныя области Африки. Правда, населеніе здѣсь вышло изъ состоянія первобытной дикости; ужасы людоедства здѣсь неизвѣстны; но нравы все же варварскіе. Не всѣ женщины одинаково угнетены, т. к. среди нихъ есть богатыя и бѣдныя, свободныя и невольницы. Богатыя дамы поневолѣ должны вести жизнь праздную. Тучность, составляющая необходимое условіе красоты, обрекаетъ ихъ на бездѣйствіе. Женщины средняго сословія непосильнымъ трудомъ также не обременены; ихъ ремесленныя занятія не слишкомъ утомительны; зато женщины изъ народа, жены бѣдняковъ попрежнему играютъ роль вьючныхъ животныхъ, которыхъ никому нѣтъ интереса иадить. Посмотримъ же теперь, какова судьба настоящихъ рабовъ.

И. Р а б ы.

Описавъ положеніе женщины и работы, которыя возлагаются на нее въ Суданѣ, перейдемъ теперь къ ея товарищу по несчастію—настоящему рабу. Количество рабовъ въ Нигриціи достигаетъ огромныхъ размѣровъ; въ Мандинго рабы составляютъ три четверти всего населенія ³⁾. Въ Сокоту если улицы кажутся оживленными, то только потому, что по нимъ постоянно снуютъ взадъ и впередъ рабы, всегда суетливые и озабоченные, за исключеніемъ тѣхъ, которые лѣниво лежатъ у воротъ знатныхъ домовъ ⁴⁾.

Во время проѣзда Барта черезъ Адамауа, — правда, это было вскорѣ послѣ завоеванія этой области мусульманами, — многія частныя лица имѣли по тысячѣ невольниковъ и больше. Провинція эта подносила мелкому мусульманскому государю, въ качествѣ дани, множество лошадей, скота и, кромѣ того, пять тысячъ рабовъ-туземцевъ ⁵⁾. Очевидно, побѣдители долго еще злоупотребляли своими правами. Даже въ Кану, — области, которая никогда не под-

¹⁾ Barth., *loc. cit.* t. IV, 177. ²⁾ Soleillet, *Voy. à Segou*, 137. ³⁾ Mungo-Park, *Hist. univ. roy. vol. XXV*, 41. ⁴⁾ Clapperton, *Second. voy.* t. II, 76. ⁵⁾ Barth., *loc. cit.* t. II, 245.

вергалась насильственной оккупациі, на одного свободного человека насчитывается тридцать рабовъ ¹⁾.

Во всѣхъ этихъ мелкихъ мусульманскихъ монархіяхъ, гдѣ человекъ еще варваръ, но уже не дикарь, рабы несутъ самую крупную долю общественнаго труда, но положеніе ихъ узаконено, и живется имъ довольно сносно, по крайней мѣрѣ нѣкоторымъ категориямъ невольниковъ. Съ различными разрядами рабовъ и обращаются различно. Вообще подъ именемъ раба понимается человекъ, для котораго въ цѣломъ свѣтѣ есть только одинъ судья — его хозяинъ, въ свою очередь отвѣчающій за поступки раба и властвующій имъ какъ вещью. Но это въ принципѣ; на дѣлѣ же обычаи во многомъ ограничиваютъ власть господина ²⁾. Домашнимъ рабамъ обыкновенно живется хорошо, и обращаются съ ними ласково. Въ Сокоту, какъ только невольнику исполнится двадцать лѣтъ, хозяинъ женитъ его и отправляетъ съ женой въ деревню. Здѣсь юная парочка строитъ себѣ хижину и кормится на счетъ господина до будущей жатвы. Богатые феллаты идутъ еще дальше: они учатъ не только рабовъ, но даже и женщинъ читать и писать ³⁾. Но въ рабствѣ существуетъ цѣлая іерархія; нижнюю ступень занимаютъ военно-плѣнные и дѣти невольниковъ, рожденныя вѣдъ брака. Этихъ несчастныхъ почти и за людей не считаютъ; они замѣняютъ ходячую монету и вьючный скотъ: обвязавъ имъ шею веревками и нагрузивъ свынѣ мѣры, ихъ гоняютъ изъ страны въ страну, совершенно какъ вьючныхъ животныхъ ⁴⁾. Обращаются съ ними не лучше, чѣмъ съ животными, и пользуются ими исключительно для переноски тяжестей. Иногда ихъ покупаютъ только на одно путешествіе и, по возвращеніи назадъ, опять продаютъ; такимъ образомъ эти несчастные то и дѣло мѣняютъ хозяевъ и всю свою жалкую жизнь проводятъ въ дорогѣ ⁵⁾. Къ рабамъ этого разряда хозяева безжалостны: дурно обращаются съ ними, плохо кормятъ ихъ, почти не одѣваютъ, за всякую, самую пустую провинность заковываютъ въ кандалы или надѣваютъ колодки, а въ случаѣ болѣзни оставляютъ ихъ безъ всякой помощи ⁶⁾. Короче говоря, рабовъ этого разряда приравниваютъ къ животнымъ, не внушающимъ къ себѣ никакого участія.

Далеко не такова участь домашнихъ рабовъ. Эти входятъ въ составъ семьи и иногда пользуются большимъ вліяніемъ; цѣлныя поколѣнія рождаются и умираютъ въ одномъ и томъ же домѣ. Если членъ хозяйской семьи старше годами раба или рабыни, къ которымъ онъ обращается, онъ называетъ ихъ: „дети мое, сынъ

¹⁾ Clapperton, *loc. cit.* II, 6. ²⁾ Soleillet, *loc. cit.* 139. ³⁾ Clapperton, *loc. cit.*, *vol.* II, 87. ⁴⁾ *Ibid.* t. II, 86. ⁵⁾ Soleillet, *loc. cit.* 140. ⁶⁾ *Ibid.* 281, et passim.

мой, дочь моя"; если—ровесникъ: „братей, другъ мой, сестрица“, дѣти говорятъ рабамъ: „дядюшка, тетюшка, отецъ мой, мать моя“. Только кланяться они должны первые и въ присутствіи свободныхъ людей не имѣютъ права сидѣть на высокихъ скамьяхъ ¹⁾. Третья категорія рабовъ стоитъ еще ближе къ свободѣ. Это уже не что иное, какъ колонны, обязанные въ періодъ полевыхъ работъ въ пзвѣстные дни работать на хозяина. Въ Буссѣ нѣкоторые изъ такихъ рабовъ имѣютъ свои мызы. Они могутъ жить гдѣ угодно, подѣ условіемъ явиться по первому зову хозяина; зато они кормятся на свой счетъ и дѣлятся съ хозяиномъ заработкомъ или урожаемъ. Нѣкоторые рабы, живущіе въ домѣ господина, даже формально обязываются самостоятельно снискивать себѣ пропитаніе ²⁾.

Выполнивъ положенное, рабы могутъ свободно располагать собой; они воздѣлываютъ землю, ткутъ передники, торгуютъ на свой страхъ и въ свою пользу. Иногда они бываютъ богаче господъ и часто пользуются значительнымъ уваженіемъ. Но своей свободой они обязаны только терпимости своихъ хозяевъ. Правда, на дѣлѣ эта свобода рѣдко нарушается, но, по закону, каждаго такого раба хозяинъ имѣетъ право продать, отобрать у него жену и дѣтей, завладѣть его имуществомъ. Какъ это часто случалось и въ Римѣ, въ эпоху упадка имперіи, нерѣдко свободные люди въ Суданѣ, чтобы избѣгнуть мщенія или нищеты, дѣлаются колоннами и родоначальниками поколѣній рабовъ. Иногда многосемейные бѣдняки отдають часть дѣтей своихъ богачу, подѣ условіемъ зачислить ихъ въ ту или другую категорію рабовъ ³⁾.

Рабы четвертаго и послѣдняго разряда являются какъ бы аристократами среди невольниковъ. Негры Судана приравнивають этого рода рабовъ къ нашимъ чиновникамъ и солдатамъ, которыхъ они не считаютъ свободными. Это правительственные рабы, изъ которыхъ избираются и крупныя коронныя чиновники; они составляютъ организованную корпорацію и имѣютъ начальника, въ выборѣ котораго король сообразуется съ ихъ желаніями ⁴⁾.

Въ Сегу нинѣ полки въ 1200, 2000 человекъ состоятъ исключительно изъ рабовъ; даже офицеры — рабы ⁵⁾. Въ Вамбарѣ первѣйшія должности въ государствѣ довѣряютъ невольникамъ. Здѣсь не допускаютъ, чтобы свободный человекъ могъ унизиться до ноступленія на службу; только одна должность не считается унижительной — должность судьи ⁶⁾. Эти рабы-чиновники часто бываютъ очень богаты и въ свою очередь владѣютъ рабами низшаго

¹⁾ Soleillet, *loc. cit.* 141. ²⁾ R. и J. Lander. *Hist. univ. voy.*, vol. XXX. 273.
³⁾ Soleillet, *Ibid.* 142. ⁴⁾ *Ibid.* 143. ⁵⁾ *Ibid.* ⁶⁾ *Ibid.* 289.

разряда, которые обрабатываютъ ихъ поля ¹⁾ и которыхъ они могутъ бить или тиранить сколько ихъ душѣ угодно. Когда Солейле сталъ извиняться передъ королемъ за то, что ударилъ въ гнѣвъ одного изъ такихъ рабовъ, тотъ отвѣчалъ ему: „О, это ничего не значить! Можете бить ихъ или заставьте другихъ бить сколько вамъ будетъ угодно“ ²⁾. Это парій, съ которыми все позволительно. Силою и рядомъ видны на поляхъ мужчинъ и женщинъ, даже старухъ, работающихъ въ оковахъ и съ тѣломъ, исполосованнымъ ударами бича.

Невольницы низшаго разряда часто являются для своихъ хозяевъ источникомъ дохода. Коранъ запрещаетъ правовѣрному принуждать къ разврату своихъ рабынь, но не запрещаетъ формально извлекать выгоду изъ добровольной ихъ проституціи, и самые набожные мусульмане не возмущаются такимъ способомъ добычанія денегъ ³⁾. Въ Сегу знатнѣйшія и вліятельнѣйшія лица страны безъ зазрѣнія совѣсти отбираютъ отъ своихъ рабынь деньги, добытыя развратомъ ⁴⁾. Знатныя дамы занимаются поставкой наложницъ въ гаремы и воспитаніемъ молоденькихъ дѣвушекъ, изъ которыхъ эмиръ выбираетъ самыхъ красивыхъ и раздаетъ ихъ на время или даритъ своимъ любимцамъ ⁵⁾. Извѣстно, впрочемъ, что, по отношенію къ проституціи рабынь, самые выдающіеся люди древней Греціи выказывали такъ мало щепетильности, какъ и вельможи Сегу. Но въ другихъ отношеніяхъ нравы мелкихъ мусульманскихъ государствъ тропической Африки гораздо выше нравовъ грековъ и римлянъ. И въ Африкѣ господинъ распоряжается по своему произволу рабынями, къ какой бы категоріи онѣ ни принадлежали. Но если рабыня забеременѣтъ отъ своего господина, то, съ момента рожденія ребенка, она считается свободной и, если продолжаетъ жить съ господиномъ, становится его законной женой, наравнѣ съ прочими женами ⁶⁾. Съ другой стороны, домашнимъ рабынямъ хозяева ни въ чемъ не выказываютъ презрѣнія. Ни мужчина ни женщина, каково бы ни было его или ея общественное положеніе, не постыдится посадить за столъ раба и ѣсть съ нимъ изъ одной чашки. Рабы-мужчины въ этомъ отношеніи имѣютъ даже преимущество передъ свободными женщинами, которыя не смѣютъ раздѣлить трапезы мужчины ⁷⁾. То же равенство на практикѣ проявляется и въ области промышленнаго труда. Въ Бамбарѣ (Каарта) хозяева и рабы вмѣстѣ занимаются изготовленіемъ шляпъ и корзинъ, при чемъ работаютъ все одинаково; разница общественнаго положенія совершенно стусhevывается ⁸⁾. Въ Сокоту, гдѣ фелаты (Felatahs) владѣютъ множествомъ невольни-

¹⁾ Ibid. 199. ²⁾ Ibid. 167. ³⁾ Solleillet, *loc. cit.*, 140. ⁴⁾ Ibid. 441. ⁵⁾ Ibid. 449. ⁶⁾ Ibid. 140. ⁷⁾ Clapperton, *loc. cit.*, 271. ⁸⁾ Mungo-Park, *loc. cit.*, 300.

ковъ, есть особый разрядъ рабовъ, не домашнихъ, но и не принадлежащихъ къ недавно взятымъ въ плѣнъ, и занимающихъ положеніе сходное съ положеніемъ колоновъ; они живутъ въ городѣ, но занимаются различными ремеслами; среди нихъ есть каменщики, ткачи, сапожники, кузнецы; они живутъ въ особенныхъ домахъ и только часть своего заработка обязаны отдавать хозяевамъ ¹⁾.

Даже у мандинговъ, наиболѣе близкихъ къ неграмъ по крови и наименѣе цивилизованныхъ изъ всѣхъ народовъ этой области, домашніе рабы не брошены на произволъ прихоти господина. Здѣсь хозяинъ не можетъ ни убить, ни даже продать раба, не созвавъ предварительно сосѣдей на *палаверъ*, т. е. для обсуждения его вины ²⁾. Другой обычай (въ Футахъ), охраняющій неприкосновенность раба, еще болѣе страненъ. Если рабъ недоволенъ и хочетъ перемѣнить господина, ему достаточно отрѣзать кусокъ уха у старшаго сына того человѣка, которому онъ желаетъ принадлежать. Съ этого момента онъ становится собственностью отца раненаго, какъ бы въ видѣ вознагражденія за увѣчье; и прежній хозяинъ его не смѣетъ этому воспротивиться. Новый хозяинъ, избранный такимъ страннымъ способомъ, бываетъ обыкновенно человѣкомъ вліятельнымъ и уважаемымъ; черные вожди въ Футахъ немало гордятся, когда у нихъ не хватаетъ цѣлаго или нѣсколькихъ кусковъ уха ³⁾.

Покровительство обычая и отсутствіе спеси у хозяевъ дѣлаютъ существованіе домашнихъ рабовъ довольно сноснымъ, но ихъ зависимости не уменьшаютъ. Бамбары работаютъ вмѣстѣ со своими рабами и обходятся съ ними дружелюбно, но это не мѣшаетъ имъ запечатлѣвать на лицѣ раба неизгладимый знакъ его общественаго положенія — три линіи, идущія вертикально отъ лба къ подбородку и начертанныя раскаленнымъ ножомъ. Свободные люди нмѣютъ на лицѣ четыре такихъ линій; операція выжиганія производится въ томъ и другомъ случаѣ надъ дѣтьми лѣтъ десяти или около того ⁴⁾.

Какъ общее правило, домашніе или привилегированные рабы не чувствуютъ себя несчастными: въ Кано они даже имѣютъ болѣе веселый видъ, чѣмъ ихъ хозяева; женщины-рабыни всегда поютъ за работой ⁵⁾. Въ Буссѣ Клаппертонъ видѣлъ толпу рабовъ обоего пола, направляющуюся къ рѣкѣ за водой, чтобы развести въ ней глину для исправленія городскихъ стѣнъ; при этомъ всѣ пѣли хоромъ, подъ аккомпанементъ флейтъ и барабановъ ⁶⁾.

Домашнихъ рабовъ фелаты часто отпускаютъ на волю по случаю смерти господина или какого-нибудь религіознаго торжества.

¹⁾ Denham et Clapperton, *Hist. univ. roy.*, vol. XXVII, 422. ²⁾ Mungo-Park, *Hist. univ. roy.*, vol. XXV, 41. ³⁾ Soleillet, *loc. cit.* 61. ⁴⁾ Soleillet. *loc. cit.* 288. ⁵⁾ Denham et Clapperton, *Hist. univ. roy.* vol. XXVII, 382. ⁶⁾ Clapperton. *Second. roy.* 190.

Вольная должна быть дана самимъ хозяиномъ, въ присутствіи кади и двоихъ свидѣтелей ¹⁾.

Но, повторяемъ, всѣ эти обычаи покровительствуютъ только избранному разряду рабовъ домашнихъ, рожденныхъ въ странѣ. Къ военнопленнымъ, привезеннымъ издалека, къ рабамъ, сдѣланнымъ таковыми по приговору суда, несущимъ кару за преступленіе, или просто за несостоятельность, обычное право не примѣняется, и эти рабы вполнѣ зависятъ отъ произвола своихъ господъ ²⁾. Судебные приговоры способствуютъ постоянно пополненію класса рабовъ; это юридическое рабство было введено, вѣроятно, въ силу тѣхъ же мотивовъ, которые смягчали и умѣряли свирѣдость побѣдителей на войнѣ. Расчетъ прямой: изъ осужденнаго можно извлечь выгоду, и эта выгода перевѣшиваетъ то удовольствіе, которое могла бы доставить его смерть. Описанный нами курьезный обычай перемѣны хозяина также, должно-быть, имѣетъ юридическую подкладку. По закону господинъ отвѣчаетъ за преступныя дѣянія раба; слѣдовательно, если лицо рабскаго сословія нанесетъ рану сыну свободнаго человѣка, господинъ провинившагося обязанъ вознаградить отца ребенка; въ данномъ случаѣ вознагражденіемъ является сама личность раба.

Вообще всѣ законы о рабахъ весьма любопытны; на нихъ замѣтно отразилось вліяніе римлянъ; очень возможно, что это болѣе или менѣе грубое подражаніе римскому праву, занесенное иммигрантами арабами или берберами.

Говоря о сравнительной мягкости обычнаго права, надо помнить, что оно примѣняется лишь къ меньшинству рабовъ; кромѣ того, оно введено только въ промышленныхъ городахъ, да и то въ самыхъ цивилизованныхъ. Мы уже видѣли, что рабы, носильщики тяжестей, стоятъ внѣ его защиты; вскорѣ мы увидимъ, что и слѣплыми здѣсь обходятся очень сурово, не лучше, чѣмъ у дикарей. Кромѣ того, самыя тяжелыя работы выполняются рабами. Бартъ рассказываетъ, что всѣ его слуги отказались молотъ сарацинское пшено ³⁾: это — работа трудная и, слѣдовательно, должна быть возложена на невольника. Тотъ же путешественникъ видѣлъ на границѣ Судана, близъ Сахары, плугъ, запряженный тремя невольниками, которыхъ хозяинъ подгонялъ и подхлестывалъ совершенно какъ лошадей или быковъ ⁴⁾. Такіе факты достаточно показываютъ, чему можетъ подвергнутъ жестокосердый хозяинъ своихъ рабовъ, хотя бы и не плѣнныхъ, а купленныхъ. Но всего ужаснѣе рабство бываетъ при своемъ началѣ.

¹⁾ Denham et Clapperton, *Hist. univ. voy.* t. XXVII, 382. ²⁾ Mungo-Park, *Loc. cit.* 41. ³⁾ Barth, *Loc. cit.*, t. III, 181. ⁴⁾ Barth, *Loc. cit.* t. I, 220.

III. Различные источники рабства.

Какъ мы уже видѣли мимоходомъ, классъ рабовъ пополняется въ Африкѣ различными способами. Негръ можетъ быть обращенъ въ рабство за опредѣленными преступными дѣяніями: напримѣръ, если его обвинять въ колдовствѣ съ злымъ умысломъ и обвиненіе будетъ доказано; затѣмъ еще въ дѣтствѣ его могутъ продать въ рабство родители. Если негру нужны деньги, онъ не задумается продать отца, мать, жену, дѣтей¹⁾. Чаще всего дѣтей продаетъ отецъ, но иногда и дядя, братъ матери, въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ еще сохранились слѣды патриархата. „Какъ!—говорить одинъ негръ Буртону, — Неужто же мнѣ помирать съ голоду, когда у моей сестры есть дѣти, которыхъ она можетъ продать?!“²⁾ Тѣмъ же путемъ сбываютъ дѣтей, которыя считаются проклятыми, напримѣръ тѣхъ, у которыхъ верхніе передніе зубы прорѣзались раньше нижнихъ³⁾. Но главнымъ источникомъ рабства во всей невольничьей Африкѣ, отъ востока до запада, служить насиліе, грабительскіе набѣги (*razzias*). Это ведется изстари; въ глубокой древности африканскія племена уже охотились одно за другимъ съ цѣлью доставленія рабовъ (частливой Аравіи⁴⁾). Единоплеменниковъ не продаютъ, за исключеніемъ осужденныхъ, несостоятельныхъ должниковъ и дѣтей; но, помимо этого, рабы считаются такимъ же товаромъ, какъ и всякій другой; ихъ покупаютъ для собственнаго употребленія или на вывозъ. Пока европейскія колоніи нуждались въ рабахъ, мелкія негритянскія государства старались запастись ими въ западной Африкѣ. Въ восточной Африкѣ негроторговцы и были и есть по большей части арабы. Они собираютъ цѣлые караваны охотниковъ за рабами и, хорошо вооруживъ ихъ, отправляютъ въ *зеробы* — нѣчто въ родѣ крѣпостцы, обнесенной палисадомъ, въ которой находятся склады оружія и провіанта и которая служитъ центромъ военныхъ операцій. Но всѣ эти торговцы — арабы, португальцы, метисы — ничего новаго не придумали; они только придали правильную организацію набѣгамъ, которые съ незапамятныхъ временъ были въ употребленіи у американскихъ негровъ, и этимъ дали сильный толчокъ негроторговлѣ.

Мелкіе мусульманскіе царьки постоянно предпринимаютъ набѣги на идолопоклонниковъ-негровъ; этихъ дикарей-язычниковъ они не признаютъ за людей и съ спокойной совѣстью охотятся за ними, какъ за животными. Даже канорійцы, самые цивилизованные изъ всѣхъ этихъ мелкихъ народцевъ, устраиваютъ

¹⁾ Barth, *loc. cit.*, t. I, 220. ²⁾ Burton. *Voyage aux grands lacs*. 664. ³⁾ Burton. *Loc. cit.* ⁴⁾ Burton. *Loc. cit.*

такія экспедиціи ради выгоды и развлечения. Хорошо вооруженные, они врываются въ беззащитныя деревни, жгутъ, грабятъ, убиваютъ стариковъ и пожилыхъ, а молодыхъ уводятъ въ плѣнь, съ цѣлью продать ихъ. Обычное послѣдствіе этихъ дикихъ вторженій — убійственный голодъ, истребляющій все и всѣхъ кого не успѣли убить или увести съ собою грабители¹⁾. Часто такіе разбойничьи походы предпринимаются по желанію самихъ эмировъ. Въ бытность свою въ Каю, путешественникъ Бартъ поневолѣ долженъ былъ принять участіе въ одномъ изъ нихъ. Предводительствовало охотниками самъ визирь. Дѣло шло о томъ, чтобы добыть скота и рабовъ. Непрiателемъ являлись негры племени *музу*, не имѣющіе иного оружія, кромѣ копій и дротиковъ съ двойнымъ наконечникомъ. Множество дикарей было перебито, особенно взрослыхъ мужчинъ; раненымъ отрѣзывали по одной ногѣ и безжалостно оставляли ихъ умирать тутъ же, на мѣстѣ битвы. Добыто было нѣсколько тысячъ рабовъ²⁾; треть ихъ досталась визирю, который подарилъ двѣсти старухъ одному изъ своихъ любимцевъ, говоря, что онѣ еще годны на то, чтобы обрабатывать землю³⁾.

На западѣ мелкіе мусульманскіе царьки поступаютъ не лучше. Король Бонду исподтишка организуетъ отряды охотниковъ и поручаетъ командованіе ими своимъ близкимъ родственникамъ. Отряды эти отъ времени до времени внезапно обрушиваются на густо населенные центры и, безъ особаго труда и риска, собираютъ съ нихъ обильную дань людьми и скотомъ⁴⁾. Эмиръ Сегу грабитъ всѣ деревни невѣрныхъ (*katirs*), имѣющія несчастье находиться слишкомъ близко къ его владѣніямъ. По возвращеніи домой происходитъ сортировка плѣнныхъ. Взрослые представляютъ собой неудобный элементъ: на прирученіе ихъ надѣяться трудно; поэтому ихъ всѣхъ поголовно предають смерти, — такъ велитъ обычай. Ростъ мальчиковъ измѣряютъ ружьемъ, и всѣхъ, кто окажется выше или одной вышины съ ружьемъ, — убиваютъ. Остальныхъ же и женщинъ обращаютъ въ рабство. Эта жестокая сортировка плѣнныхъ вошла въ употребленіе въ западномъ Суданѣ съ тѣхъ поръ, какъ европейскія факторіи на берегу прекратили торговлю нѣвольниками⁵⁾. Итакъ мы видимъ, что уничтоженіе рабства въ европейскихъ колоніяхъ, мѣра чрезвычайно благодѣтельная вообще, вредно отразилось на Африкѣ.

Ужасы, сопровождающіе захватъ рабовъ, являются для этихъ несчастныхъ, превращенныхъ въ живой товаръ, лишь первымъ шагомъ на скорбномъ пути. Недостаточно нагнать товару; надо еще доставить его въ такое мѣсто, гдѣ изъ него можно будетъ

¹⁾ Barth, *Loc. cit.* t. III, 53. ²⁾ Barth, *Loc. cit.*, 36, 37. ³⁾ Ibid. 60. ⁴⁾ W. Gray et Doehard, *Voy. Afrique occident.* 185—86. ⁵⁾ Soleillet, *Voyage à Segou*, 441.

на свободного носильщика, не представляющаго собой мѣншой цѣнности: если ему случится заболѣть, или просто занасъ провизіи истощится, его, обезсилѣвшаго, оставляютъ умирать на дорогѣ.

Послѣ cadaго удачнаго похода награбленную добычу прежде всего представляютъ эмиру, который распределяетъ ее по своему усмотрѣнію, а затѣмъ стараются поскорѣй и повыгодиѣе сбыть илѣнныхъ. Это дѣло нетрудное, если не гнаться за очень высокой цѣной; посредниками въ сдѣлкахъ служатъ арабскіе кушцы, часто ханжи-марабуты. На западѣ эти набожные негодянъ разъѣзжаютъ верхомъ на ослахъ, группами въ 15—20 человекъ. Каждый везетъ съ собой столько товару, сколько можетъ свезти осеть; все это разныя мелочи: писчая бумага, гвоздика, пошницы, ножи, ситцы, иногда серебряныя пятифранковики. Взамѣнъ всей этой дряни, стоящей обыкновенно отъ пяти до шестисотъ франковъ, можно приобрести десять взрослыхъ невольниковъ и потомъ вымѣнять ихъ на 5—6 быковъ, которые въ Сень-Луи продаются по 125—150 франковъ штука ¹⁾. Чѣмъ ближе къ берегу, тѣмъ дороже цѣнятся рабы; въ Бамбукѣ юноша или женщина стоятъ всего двѣ гиней, а ребенокъ — отъ двухъ съ половиной до трехъ гиней. Въ Кафорѣ невольникъ стоитъ уже тридцать-сорокъ гиней ²⁾.

Въ промышленныхъ центрахъ, гдѣ жизнь течетъ довольно спокойно, рабъ является незамѣнимымъ помощникомъ, такъ какъ на черномъ континентѣ нѣтъ ни поденщиковъ, ни наемныхъ рабочихъ ³⁾. Невольниковъ-дикарей дѣлятъ на два разряда — дѣтей и взрослыхъ. Дѣтьми дорожатъ больше: они податливѣе, имъ легко привить свои взгляды и воспитать ихъ въ магометанской вѣрѣ. Взрослыхъ же невольниковъ покорить трудно; поэтому ими пользуются только для полевыхъ работъ ⁴⁾ и обходятся съ ними очень сурово. Наоборотъ, съ домашнимъ рабомъ, рожденнымъ въ неволѣ, обходятся ласково, какъ съ членомъ семьи.

Рабыня чаще всего становится наложницей своего господина, а иногда, въ силу этого, и хозяйкой въ домѣ. Вообще отношенія между господиномъ и домашними рабами напоминаютъ отношенія патрона къ клиентамъ ⁵⁾. Жестокости нѣтъ и въ поминѣ.

IV. Вліяніе рабства въ Африкѣ.

Несмотря на это, рабство имѣетъ чрезвычайно пагубное вліяніе на нравственность какъ господъ, такъ и рабовъ. Эти послѣдніе, вѣчно попираемые ногами, утратили всякое нравственное чувство. Въ какой бы гнусности вы ни поймали невольника, онъ вамъ

¹⁾ Soleillet. *Loc. cit.* 171. ²⁾ Ibid. 79. ³⁾ Mungo-Park. *Loc. cit.* 302. ⁴⁾ Burton, *Loc. cit.* 668. ⁵⁾ Burton. *Loc. cit.* 655—667.

преспокойно отвѣтитъ: „Вѣдь я же — рабъ“. Рабъ, отецъ семейства, ни на минуту не допуститъ себя до мысли, что дѣти, рожденныя его женой, дѣйствительно его дѣти¹⁾. Единственнымъ проблескомъ нравственнаго чувства является уваженіе къ хозяину, который ихъ поитъ и кормитъ. Въ глазахъ раба гораздо болѣе виноватъ тотъ, кто оказалъ неуваженіе господину, чѣмъ тотъ, кто оскорбилъ свою жену, сестру или мать²⁾. Соотвѣтственный унадокъ нравственности замѣчается и въ господахъ; они постоянно лгутъ — инстинктивно и безъ всякаго злого умысла³⁾. Народы восточной Африки, по словамъ Буртона, не знаютъ, что такое совѣсть: совершивъ злодѣйство, они не мучатся угрызеніями, а преступное покушеніе, окончившееся неудачей, вызываетъ въ нихъ только сожалѣніе⁴⁾.

Не менѣе вредно отразилось рабство и на общественной дѣятельности. Негры терпѣть не могутъ работать; они только о томъ и мечтаютъ, какъ бы самимъ пріобрѣсти рабовъ, которые стали бы за нихъ сѣять и жать⁵⁾. Одинъ негръ изъ племени сонинке повѣрялъ французскому путешественнику Солейлье свои планы на будущее. Онъ предполагалъ прежде всего отправиться въ Сантъ-Луи, найти тамъ работу и трудомъ скопить столько денегъ, сколько нужно, чтобы купить въ глубинѣ страны трехъ-четырехъ невольниковъ, а затѣмъ вернуться на родину и вести жизнь добраго гражданина⁶⁾. Расчетъ не особенно благородный; но мало ли мы видимъ, даже въ самыхъ цивилизованныхъ обществахъ, спекуляцій такого же нравственнаго достоинства; только названіе и приемы тамъ другіе, — которые и считаются вполне позволительными и даже почтенными.

V. Эволюція рабства въ Африкѣ.

Благодаря аналитическому способу изложенія, принятому нами въ трехъ послѣднихъ главахъ, вся эволюція рабства въ Африкѣ прошла какъ бы передъ глазами читателя. Въ первыхъ фазахъ своего развитія здѣсь оно, и въ причинахъ и въ слѣдствіяхъ, очень сходно съ рабствомъ у океанійскихъ негровъ; но въ Африкѣ оно достигло болѣе полнаго развитія. Вначалѣ — рабства нѣтъ: весь общественный трудъ, къ тому же очень несложный, лежитъ на женщинахъ; онѣ съ успѣхомъ замѣняютъ рабовъ. Военно-плѣнныхъ убиваютъ иногда для того, чтобы съѣсть ихъ. Ихъ начинаютъ шадить съ того момента, какъ поймутъ, что выгоднѣе оставить имъ жизнь, чтобы послѣ продать ихъ или взвалить на нихъ скуч-

¹⁾ Ibid. 669—72. ²⁾ Ibid. 170. ³⁾ Wake, *Evolution of morality* I, 160. ⁴⁾ Burton, *First foot steps in east Africa*, 176. ⁵⁾ Burton, *Voy. grand Lac* 674. ⁶⁾ Soleillet, *Loc. cit.* 77.

ныя и утомительныя работы. По мѣрѣ того, какъ усложняются условія жизни, развивается и рабство: въ особенности сильно вліяетъ на его развитіе промышленность. Племена, ведущія исключительно пастушескій образъ жизни, напримѣръ готтентоты, не нуждаются въ невольникахъ. Даже и въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ земледѣліе только еще народилось въ подмогу охотѣ и скотоводству, населеніе еще можетъ обойтись безъ рабовъ. Пока мужчины-кафры охотятся, воюють, стерегутъ скотъ или фланкируютъ, женщины занимаютъ полевые работы. И однакоже, у кафровъ уже есть классъ пролетаріевъ, находящихся въ распоряженіи богатей, хотя и не принадлежащихъ никому въ отдѣльности. Въ такихъ обществахъ мужчины стараются имѣть какъ можно больше женъ, а чтобы окупить издержки, заставляютъ ихъ работать съ утра до ночи.

Низнія африканскія расы учились у высшихъ правильному пониманію рабства — въ томъ смыслѣ, какой мы придаемъ этому слову. Кафры области Замбезе стали торговать плѣнными, какъ только на этотъ товаръ нашлись покупщики. Но самый сильный толчокъ распространенію рабства въ средней Африкѣ дало развитіе промышленности. Свободные мужчины не только сами занялись ремеслами, но и женъ своихъ заставили работать въ мастерскихъ, такъ какъ этотъ трудъ хорошо оплачивается; надо же было кому-нибудь ходить за скотомъ, работать въ полѣ и по хозяйству: поневолѣ пришлось поручить все это невольникамъ.

У дикарей число рабовъ незначительно; зато въ промышленныхъ городахъ Судана оно достигаетъ огромной цифры; на одного свободного человѣка приходится три-четыре невольника. Въ то же время участь домашнихъ рабовъ смягчается; съ ними обходятся дружески; въ концѣ концовъ они входятъ въ составъ семьи; ихъ начинаютъ считать чѣмъ-то вродѣ пріемныхъ родственниковъ. Они могутъ подняться еще ступенью-двумя выше и занять почти независимое положеніе: сдѣлаться колонами и, наконецъ, чиновниками или солдатами на службѣ у государя.

Классъ невольниковъ нуждается въ постоянномъ притока новыхъ силъ; это достигается посредствомъ кровавыхъ набѣговъ на племена, болѣе слабыя или отставшія въ смыслѣ цивилизаціи. Съ плѣнными, предназначенными къ продажѣ, обходятся очень жестоко, по крайней мѣрѣ пока они не попадутъ въ руки профессиональныхъ торговцевъ, болѣе предусмотрительныхъ и потому старающихся поддержать свой живой товаръ въ хорошемъ состояніи. Что касается нравственнаго вліянія такихъ насилій на тѣхъ, кто ихъ совершаетъ, и на тѣхъ, кто страдаетъ отъ нихъ, оно въ обоихъ случаяхъ оказывается одинаково гибельнымъ.

ГЛАВА VI.

Рабство у туземцевъ Америки.

I. *Рабство въ Южной Америкѣ.* — У жителей Огненной Земли женщины замѣняютъ рабовъ. — Работы, возлагаемыя на женщинъ въ Патагоніи, у пуэльховъ, харруасовъ и т. д. — Умышленно жестокое обращеніе съ женщинами. — Какъ ими пользуются во время набѣговъ. — Рабы-христиане обоюго пола. — Дрессировка плѣнныхъ дѣтей. — Кара за побѣгъ. — Племена, занимающіяся промышленностью, земледѣіемъ и скотоводствомъ. — Общительность моксосовъ, чикитосовъ и пр. — Какъ они понимаютъ рабство. — Каннибализмъ у гуарановъ. — Плѣнныхъ предають пыткамъ съ большой торжественностью. — Рабства нѣтъ; всѣ работы исполняются женщинами. — Занятіе мужчинъ. — Людоѣдство не мѣшаетъ общительности. — Художественныя и вакхическія развлеченія моксосовъ, чикитосовъ и пр. — Набѣги. — Кража дѣтей и торговля ими въ Новой Мексикѣ. — Военно-плѣнные. — Юридическое рабство у пипиловъ. — Связь между рабствомъ и первобытной промышленностью. — II. *Рабство у эскимосовъ.* — Клань. — Рабство на Камчаткѣ. — Рабство на границахъ владѣній краснокожихъ. — Рабство и людоѣдство въ Нуткѣ. — Проституція рабынь. — III. *Краснокожіе.* — Рабство — явленіе рѣдкое и исключительное. — Рабство у береговыхъ племенъ. — Клань. — Всѣ тяжелыя работы предоставлены женщинамъ. — *Военныя слуги.* — Отношеніе къ военно-плѣннымъ. — Пытка или усыновленіе. — Женщинослужанка. — Занятія мужчинъ. — Утилитарная полигамія. — Трудъ для мужчинъ — безцелье. — Гипотезы объ амазонкахъ. — Амазонки въ Греціи и въ Америкѣ. — Гинекократія на хозяйственной подкладкѣ.

I. Рабство въ Южной Америкѣ.

Всѣ наши наблюденія надъ неграми Меланезіи и Африки приводятъ къ тому заключенію, что рабство въ этихъ странахъ, хотя и представляется обычнымъ явленіемъ, но не распространено повсемѣстно и не составляетъ необходимости. Нѣкоторыя негритянскія племена не додумались еще до рабства; иные потому, что условія жизни ихъ очень просты, и они свободно могутъ обойтись безъ невольщиковъ (готтентоты), другія потому, что они замѣнили рабство его суррогатомъ: эксплуатацией угнетеннаго класса бѣдняковъ и женщинъ. На американскомъ континентѣ мы находимъ аналогичные факты. Въ Южной Америкѣ, съ которой мы начнемъ свое изслѣдованіе, точно такъ же, какъ въ Африкѣ и Меланезіи, не владѣютъ рабами тѣ племена, которыя стоятъ всего ближе къ первобытной дикости и общественная жизнь которыхъ наименѣе сложна, потому что они еще сохранили республиканскую организацію или по крайней мѣрѣ часть обычаевъ, предполагающихъ общее равенство.

двухъ путешественниковъ согласуются между собою во всѣхъ подробностяхъ. Въ то время индѣйцы-гуараны имѣли у себя лишь первичную форму рабства. Они оставляли въ живыхъ часть побѣжденныхъ враговъ, но лишь для того, чтобы полакомиться ими впоследствии, совершенно какъ дикари архипелага Фиджи. Обращались съ плѣнными хорошо, женили ихъ; перѣдко хозяинъ давалъ въ жены рабу одну изъ своихъ дочерей. Плѣнникамъ не давали временныхъ мужей, но если они умѣли хорошо обрабатывать землю или ловить раковины, ихъ оставляли въ живыхъ, точно такъ же какъ искусныхъ рыболововъ или охотниковъ. Тѣхъ и другихъ гуараны держали у себя довольно долго и старались откормить ихъ, такъ какъ въ концѣ концовъ имъ предстояло быть съѣденными.

День казни былъ праздникомъ не только для деревни побѣдителей, но и для всѣхъ окрестныхъ деревень. Собиралась огромная толпа народу; вѣли, пили, плясали, и плѣнникъ или плѣнница считали своей обязанностью веселиться вмѣсто со всѣми. Въ самый разгаръ пирушки жертву хватали и связывали, но оставляли при этомъ руки свободными. Если то былъ мужчина, онъ старался выказать полное презрѣніе къ смерти и безстрашно дразнить своихъ палачей. Мери въ общихъ чертахъ намѣтилъ текеть рѣчей, какія обыкновенно держали плѣнники передъ смертью. Обращаясь къ одному, плѣнникъ напримѣръ говорилъ такія слова: „я съѣлъ твоего отца“, къ другому: „я убилъ и закопчилъ твоихъ братьевъ“. „Вообще я съѣлъ столько мужчинъ, женщинъ и дѣтей вашего племени, захваченныхъ на войнѣ, что и не перечесть! Говорю вамъ, *Toïoupinambouults*, что *margaias* моего племени отомстятъ за меня! Кто изъ васъ попадетъ имъ въ руки, тотъ ужъ не жди пощады: его непременно съѣдятъ!“¹⁾ Въ продолженіе рѣчи двое удерживали плѣнника на мѣстѣ съ помощью ремней, перетягивавшихъ его талию. Потомъ ему приносили камни, черепки и говорили: „Отомсти за себя передъ смертью!“ Онъ не заставлялъ себя просить и осыпалъ градомъ камней присутствующихъ, иногда нанося серьезные раны. Слѣдовала новая серія наемѣшекъ и угрозъ; наконецъ дерзкаго убивали, и его случайная жена притворялась, что оплакиваетъ его. Другія женщины, по большей части старухи, сибивали обварить кипяткомъ и выотрошить трупъ, а мужчины разнимали его на части острыми камнями. Затѣмъ мясо тутъ же клали коптить на рѣшетки. „Старухи, — говоритъ Мери (онѣ умѣютъ готовить разныя кушанья изъ человѣческаго мяса), — стоятъ все возлѣ и собираютъ жиръ, стекаю-

¹⁾ *Lettres edifiantes*, X. 196.

щій съ рѣшетки; при этомъ онѣ убѣждаютъ мужчинъ почаще доставлять имъ такое угощеніе и, облизывая пальцы, говорятъ: *иньату* — «вкусно!»¹⁾ Если убитый оставлялъ одну изъ своихъ временныхъ женъ беременной, ея ребенка также съѣдали, иногда при рожденіи, иногда нѣскольکو времени спустя. Кровью убитыхъ вымазывали дѣтей, чтобы привить имъ наследственную ненависть, пылавшую въ груди ихъ родителей. Изъ длинныхъ костей дѣлали музыкальные инструменты, изъ зубовъ — ожерелья²⁾. Черепъ насаживали, въ качествѣ трофея, на коль, надъ вигвамомъ³⁾.

Все это ужасно, но самая жестокость гуарановъ показываетъ, что они были людододами скорѣе изъ мести, чѣмъ изъ жадности; такъ думаетъ и Жанъ де Лери⁴⁾. Время умѣрило свирѣпость этихъ обычаевъ; уже Лери указываетъ случаи, когда плѣнныхъ съѣдали лишь по прошествіи двадцати лѣтъ⁵⁾; и вообще, если плѣнные оказывались въ чемъ-нибудь полезными, имъ приходилось долго ждать мучительной казни.

Положеніе женщинъ у этого свирѣпаго племени также было очень тяжелое. На нихъ лежала вся черная работа, поэтому каждый мужчина старался добыть себѣ побольше такихъ полезныхъ помощницъ. Лучше всѣхъ, по словамъ Тевете⁶⁾, были обставлены въ этомъ отношеніи храбрѣйшіе воины, изъ чего можно заключить, что они пользовались привилегіей присвоивать себѣ нѣкоторыхъ изъ плѣнницъ.

Экстенсивная система хозяйства дикарей требуетъ постоянной расчистки новыхъ участковъ, такъ какъ они не сѣютъ по два раза на одномъ и томъ же полѣ. У гуарановъ рубкой лѣса и корчеваніемъ занимались мужчины, но остальное не касалось ихъ; женщины сами должны были сѣять и убирать мансъ, варить чичу и пр.: короче говоря, на женщинъ возложены были всѣ тѣ работы, которыя въ другихъ странахъ, гдѣ введено рабство, поручаются невольникамъ. У мужчинъ были свои заботы: изготовленіе оружія, охота, рыбная ловля и, наконецъ, война⁷⁾. Странно, что эти людододы были жестоки только къ плѣннымъ и грубы только со своими женами. Между собой они были очень учтивы и общительны (впрочемъ, такіе контрасты не рѣдкость среди дикарей); пользовались каждымъ предлогомъ, чтобы собраться вмѣстѣ и повеселиться: постоянно ходили другъ къ другу въ гости и допьяна напивались оняняющимъ напитокомъ — *чичей*⁸⁾.

Большинство другихъ племенъ или народовъ Южной Америки

¹⁾ D'Orbigny, *loc. cit.*, II, 166. ²⁾ Jean de Léry, *Histoire d'un voyage, fait en la terre du Brésil.* (Edition Gallarel), t. II, ch. XV. ³⁾ *Loc. cit.* ⁴⁾ J. de Léry, *loc. cit.* ⁵⁾ Thevet, *Singularitez de la France antarctique*, ch. XL и XLII. ⁶⁾ J. de Léry, *loc. cit.* ⁷⁾ Jean de Léry, *loc. cit.* ⁸⁾ *Ibid.*, *loc. cit.*

народамъ, уже вышедшимъ изъ состоянія первобытной дикости, но еще не освободившимся отъ варварскихъ понятій и обычаевъ. Развивается онъ одновременно съ прогрессомъ промышленности, и это вполне понятно. Въ описанной нами стадіи охота, рыбная ловля и оленеводство уже перестали удовлетворять дикарей: они нашли необходимымъ или полезнымъ присоединить сюда и другія занятія: культуру нѣкоторыхъ растений, изготовленіе одежды, и хмельныхъ напитковъ и проч.; всѣмъ этимъ мужчины пользуются, но трудъ приготовленія предпочитаютъ возлагать на женщинъ и рабовъ. Въ то же время они додумались и до мѣнливой торговли, неизвѣстной первобытнымъ дикарямъ; рабъ представляетъ собой мѣнливую цѣнность, и плѣннымъ оставляютъ жизнь, чтобы извлечь изъ нихъ выгоду. Такова была эволюція рабства въ южной и средней Америкѣ, до сихъ поръ населенныхъ дикарями.

II. Рабство у эскимосовъ.

Даже въ очень первобытныхъ обществахъ, напримѣръ у эскимосовъ, мы находимъ подтвержденіе тому факту, что рабство является только на извѣстной ступени общественнаго развитія. Вообще американскіе эскимосы не знаютъ рабства. Боссъ и Парри рассказываютъ, что мелкія орды кочевниковъ, попадавшіеся имъ въ полярныхъ областяхъ Америки, не могли даже представить себѣ возможности существованія какой бы то ни было общественной іерархіи. Гренландскіе эскимосы дѣлились на кланы ¹⁾, общины, въ которыхъ права всѣхъ равны и различія между „моимъ“ и „твоимъ“ понимается еще очень плохо ²⁾. Приблизительно ту же организацію находимъ мы у эскимосовъ Камчатки ³⁾. Но здѣсь отдѣльныя общества насчитываютъ большее число членовъ, здѣсь уже введено рабство, и кланы воюютъ между собою ради добыванія плѣнныхъ: взятая въ плѣнъ женщины становятся наложницами, мужчины — рабами, принужденными работать на своихъ хозяевъ ⁴⁾.

На сѣверо-западномъ, гиперборейскомъ берегу Америки, среди племенъ, происшедшихъ отъ смѣшенія эскимосовъ съ краснокожими, рабство давно укоренилось и практикуется въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Тлинкиты для добыванія рабовъ прибѣгаютъ то къ войнѣ, то къ торговлѣ; они покупаютъ невольниковъ у краснокожихъ Орегона и обращаются съ ними чрезвычайно жестоко. Рабъ не имѣетъ права ни жениться ни считать что бы то ни было своей собственностью: онъ обязанъ работать, ловить рыбу.

¹⁾ Parry, *Hist. univ. voy.*, v. XI, 25. ²⁾ Rink, *Tales and tradition of the Eskimos.* ³⁾ Steller, *Kamtschatka*, t. II. 100. ⁴⁾ Steller, *loc. cit.*, v. II. 157.

а при случаѣ и сражаться за своего господина. Когда онъ составится, его убиваютъ. Иногда рабовъ приносятъ въ жертву богамъ. Нерѣдко владѣлецъ заранѣе выбираетъ изъ числа своихъ рабовъ двоихъ, которыхъ нужно будетъ убить на его могилѣ, для того, чтобы они послѣдовали за нимъ въ лучшей міръ. Рабство здѣсь наследственное: дѣти невольниковъ считаются рабами, какъ и родители ихъ, и могутъ быть проданы. Общее количество рабовъ у тлинкитовъ очень значительно; оно составляетъ около трети всего населенія¹⁾.

Южнѣе живутъ колумбійскіе индѣйцы *нутка* (Nootka); въ жилахъ этого племени течетъ менѣе смѣшанная кровь, чѣмъ у тлинкитовъ; обыкновенно ихъ причисляютъ къ краснокожимъ. У нутковъ мы также находимъ рабство со всеѣми его ужасными послѣдствіями; одинъ вождь, наиримѣръ, большой охотникъ до человѣческаго мяса, каждое новолуніе съѣдалъ невольника, при чемъ созывалъ на пиръ всеѣхъ подчиненныхъ ему военачальниковъ²⁾. Нутки держали цѣлыя стада рабовъ; для добыванія ихъ они прибѣгали къ войнѣ и постоянно воровали дѣтей у сосѣдей. Рабы исполняли все тяжелыя работы, ими вели значительную торговлю; кромѣ того, они замѣняли ходячую монету, и за то или другое преступное дѣланіе съ виновнаго взыскивался штрафъ во столько-то или столько-то рабовъ (Wake, *Evolution of Morality*, I, 236). Женщинъ-невольницъ отдавали внаѣмъ и эксплуатировали ихъ, принуждая заниматься проституціей. Дѣти ихъ также считались рабами³⁾.

III. Рабство у краснокожихъ.

Зато у настоящихъ краснокожихъ рабство представлялось явленіемъ рѣдкимъ, исключительнымъ. Краснокожіе занимали очень обширную территорію, но рабство мы находимъ только на сѣверѣ и на югѣ ея, у пограничныхъ племенъ. Позволительно думать, что оно было занесено сюда извнѣ. *Кониасъ*, племя гиперборейцевъ, какъ и тлинкиты, убивали и мучили военно-илѣнныхъ, какъ то требуетъ обычай, а женщинъ и дѣтей обращали въ рабство, причемъ обходились съ ними чрезвычайно жестоко; когда, въ XIII ст. въ странѣ появились русскіе, рабъ толпами приходили отдаваться подъ защиту завоевателей. Но этимъ они немного выиграли. Пришельцы навалили на нихъ столько работы, что всеѣ они погибли и были впоследствии замѣнены рабами по приговору суда, туземцами. обращенными въ рабство за разные проступки⁴⁾. Но кониасъ не

¹⁾ Bancroft, *loc. cit.*, I, 108. ²⁾ Meares, *Hist. mar. voy.* v. XIII, 369. ³⁾ Bancroft, *loc. cit.*, I, 191—194, 217. ⁴⁾ Bancroft, *loc. cit.*, I, 80.

единственное племя краснокожихъ, владѣющее рабами. *Чинукки*, живущіе на берегу моря, брали въ плѣныъ каждого индѣйца, отбившагося отъ своего племени и случайно показавшагося имъ на встрѣчу, хотя бы они въ то время и не вели войны съ племенемъ, къ которому онъ принадлежалъ; если за плѣнника не вносили выкупа, онъ становился рабомъ ¹⁾. Индѣйцы территоріи Утаха (*Utah*) также держали рабовъ, похищали женщинъ и дѣтей у соедѣнныхъ племенъ, съ цѣлью продать ихъ, и по отношенію къ рабамъ вообще проявляли большую жестокость. Торговля рабами казалась имъ настолько выгодной, что они продавали даже собственныхъ женъ и дѣтей ²⁾. Наконецъ апачи (*Apaches*) также держали рабовъ. можетъ-быть просто изъ подражанія дикарямъ Новой Мексики. Деревня краснокожихъ скорѣе похожа на лагерь, и бѣжать изъ нея нетрудно, тѣмъ болѣе, что мужчинъ часто не бываетъ дома: поэтому апачи терроризировали своихъ рабовъ и пойманныхъ бѣглецовъ безжалостно истязали: распинали ихъ, жгли на медленномъ огнѣ и т. н. ³⁾.

Итакъ рабство въ своей обычной формѣ почти не встрѣчается внутри континента, и наоборотъ, довольно сильно распространено среди племенъ, населяющихъ западный берегъ Сѣверной Америки, отъ Калифорніи до Берингова пролива ⁴⁾. Племена, болѣе могущественныя, чѣмъ ихъ сосѣди, являются для этихъ послѣднихъ настоящими разсадниками рабовъ. Въ Калифорніи сильныя племена при каждомъ удобномъ случаѣ нападаютъ на слабыя. Побѣда почти всегда заранѣе обезпечена, поэтому нападающихъ часто сопровождаютъ жены и дѣти. Плѣнники, почему-либо избавленные отъ пытокъ и смерти, становились рабами ⁵⁾.

Впрочемъ, нравы краснокожихъ были далеко не вездѣ одинаковы. Въ глубинѣ страны, гдѣ туземцы, не подвергаясь никакимъ вышнимъ влияніямъ, лучше сохранили древніе обычаи расы, по отношенію къ плѣннымъ проявляли или крайнюю жестокость или крайнее благодушіе, но не обращали ихъ въ рабство. Самыя условія жизни краснокожихъ не благопріятствовали введенію рабства. Клановая организація уравнивала права; вождей избирали: притомъ же вождь былъ только руководителемъ, военачальникомъ: онъ скорѣе велъ свое войско, чѣмъ командовалъ имъ. Чаще всего мелкіе вооруженные отряды краснокожихъ состояли изъ волонтеровъ: эти войны по доброй волѣ шли въ походъ, сохраняя за собою право въ любую минуту покинуть вождя, если почему-либо

¹⁾ Kane, *Wanderings of an artist among Indians*, I, 267. ²⁾ Wake, *Evolution of Morality*, I, 228. ³⁾ Wake, *loc. cit.*, 239. ⁴⁾ Kane, *loc. cit.*, 214. ⁵⁾ Bancroft, *loc. cit.*, I, 407.

или клада, которому онъ достался; его могли бросить въ огонь или замучить инымъ способомъ или же даровать ему жизнь; въ послѣднемъ случаѣ за него платила выкупъ деревня¹⁾. Въ отмщеніе за смерть вождя или выдающагося своей храбростью воина, двухъ-трехъ плѣнныхъ сжигали на кострѣ²⁾.

Распредѣленіе плѣнниковъ лежало на обязанности совѣта старѣйшинъ деревни. При врученіи плѣнника частному лицу — произносилась обычная формула: „Вотъ тебѣ чѣмъ замѣнить потерю такого-то и успокоить сердце его отца, матери, жены и дѣтей. Хочешь, сварю его мясо въ котлѣ, хочешь — положи покойнаго обратно на его цыновку“ въ лицѣ плѣнника; можешь распорядиться имъ, какъ тебѣ будетъ угодно“³⁾. Дѣлежъ происходилъ на площади, куда глашатай заранѣе сзывалъ всю деревню. Послѣ женщинъ, потерявшихъ на войнѣ мужа или сына, удовлетворяли прежде всего тѣхъ, по отношенію къ кому войны взяли на себя особыя обязательства. Вождь могъ быть замѣненъ только вождемъ или двумя-тремя рабами. Иногда часть плѣнныхъ оставляли въ живыхъ для пользы общей⁴⁾. Въ послѣднемъ случаѣ совѣтъ старѣйшинъ перѣдко приказывалъ усыновить того или другого плѣнника, обращаясь, положимъ, къ потерявшей матери съ слѣдующими словами: „Мы скорбимъ о духѣ такого-то (имя рекъ), котораго ты утратила, ибо онъ своей мудростью поддерживалъ между нами миръ и спокойствіе; сегодня онъ долженъ вернуться къ намъ; онъ былъ слишкомъ дорогъ и нуженъ намъ, чтобы откладывать его воскрешеніе. Мы „кладемъ его обратно на цыновку“, въ лицѣ этого плѣнника“⁵⁾.

Но, по большей части, плѣнныхъ приговаривали къ мучительной смерти, къ пыткѣ, сожженію на кострѣ и т. п. Пытки доставляли несказанное удовольствіе присутствовавшимъ, особенно женщинамъ. Онѣ основались какъ фурін, а страдалецъ считалъ долгомъ чести бравировать этимъ и до конца насмѣхался надъ своими мучителями. Перѣдко проказы и гуроны поступали съ плѣнными въ родѣ бразильскихъ гуарановъ: на время оставляли имъ жизнь и хорошо обращались съ ними, только вымазывали имъ лицо черной краской; а потомъ убивали ихъ съ утонченной жестокостью⁶⁾. Если, вмѣсто осужденія на смерть, плѣнника рѣшали усыновить, всякое чувство ненависти къ нему исчезало, какъ бы по волшебству. Его развязывали и вели въ хижину, которая отнынѣ должна была стать для него роднымъ кровомъ; тамъ тѣло его обмывали теплой водой, перевязывали его раны,

¹⁾ Lañteau, *loc. cit.*, 246. ²⁾ *Ibid.*, *l. c.*, 246. ³⁾ Charlevoix, *loc. cit.*, t. V, 362. ⁴⁾ *Ibid.*, 360. ⁵⁾ *Ibid.*, 362. ⁶⁾ Charlevoix, *loc. cit.*, Lettre XVI.

сины (обувь), ловить рыбу и пр. Когда племя рѣшало разбить гдѣ-нибудь лагерь, женщины, по первому знаку своихъ мужей, сбѣжали построить хижины изъ древесной коры, которыя должны были служить пріютомъ каравану¹⁾.

Помимо войны и охоты, мужчины положительно ничего не дѣлали. У себя дома, въ деревнѣ, они по цѣлымъ днямъ курили. Лежа на крышахъ хижинъ или же на берегу рѣкъ и озеръ²⁾. Приличіе требовало, чтобы мужчина проводилъ время въ праздности. Одно индѣйское преданіе говоритъ по этому поводу слѣдующее: „Великій духъ сотворилъ мужчину, чтобы онъ защищалъ женщину и охотился; все остальное лежитъ на обязанности женщины; она должна работать по дому, строить вигвамы, рубить дрова, выдѣлывать кожи, обрабатывать и засѣвать поля (тамъ, гдѣ уже извѣстно земледѣліе)“³⁾. Обладатель нѣсколькихъ женъ имѣлъ, слѣдовательно, преимущество передъ другими; но это завидное преимущество было доступно только богачамъ⁴⁾. Воспитаніе, примѣръ и тиранія общественнаго мнѣнія имѣютъ такую власть надъ дикарями,— какъ и надъ цивилизованными людьми,— что, по вопросу о раздѣленіи труда между полами, женщины были совершенно одного мнѣнія съ мужчинами. По ихъ мнѣнію, трудъ обязателенъ для женщинъ, и только для нихъ, для мужчинъ же онъ безцѣленъ. Одна индіанка, увидавъ, что бѣлые несутъ на спинѣхъ вязанки дровъ, нарубленныхъ въ лѣсу, до того была скандализирована этимъ зрѣлищемъ, что схватила топоръ, нарубила дровъ и отнесла ихъ чужеземцамъ. По ея словамъ, она не могла перенести, чтобы мужчина унизился до „бабьей работы“⁵⁾.

Итакъ, женщина у краснокожихъ находится въ безусловномъ подчиненіи, какъ физическомъ, такъ и духовномъ, и этотъ фактъ, въ связи со всѣмъ, что мы знаемъ о положеніи женщины въ первобытныхъ обществахъ, заставляетъ насъ сомнѣваться въ существованіи эры женскаго владычества, хотя нѣкоторые социологи, скорѣе мечтатели, чѣмъ наблюдатели, и утверждаютъ, что въ отдаленномъ прошломъ человѣчества такая эра дѣйствительно существовала.

Тѣмъ не менѣе, разъ мы пришли къ этому вопросу естественнымъ путемъ нашихъ изслѣдованій, на немъ не мѣшаетъ остановиться. Съ легкой руки швейцарскаго ученаго Бахгофена⁶⁾, интересовавшагося скорѣе миологіей, чѣмъ социологіей, возникла цѣлая школа, учившая, что во мракѣ прошлаго скрытъ золотой вѣкъ женщины, эра женскаго владычества, гинекократіи. Пред-

¹⁾ Ibid., l. c., 111 — 206. ²⁾ Domenech, *Voy. pittor. dans les grands deserts* 499. ³⁾ Ibid., 309. ⁴⁾ Ibid. ⁵⁾ Lony, *loc. cit.*, 250. ⁶⁾ Bachhofen, *Das Mutterrecht*. Stuttgart, 1861.

всего одинъ шагъ. Если бы древніе греки побывали въ Дагомеѣ, они обрѣли бы своихъ мношескихъ амазонокъ въ этихъ неустрашимыхъ воительницахъ, для которыхъ нѣтъ худшей обиды, какъ сказать упавшей духомъ подругѣ: „Ты ведешь себя, какъ мужчина!“¹⁾ Что женщинъ можно выучить сражаться не хуже мужчинъ, этому и исторія и этнографія даютъ достаточно примѣровъ. Но ни разу еще не былъ установленъ наблюдениемъ фактъ существованія государства, населеннаго исключительно женщинами.

Въ наше время легенда объ амазонкахъ снова всплыла на поверхность. Только мѣсто дѣйствія перенесено въ Америку и какъ разъ къ индѣйцамъ, которыхъ мы теперь изучаемъ. Легенда распространена между всѣми племенами, живущими по рѣкѣ Амазонкѣ; отсюда и самое названіе рѣки. Вотъ въ какомъ видѣ вылилась она изъ устъ одного вождя племени Туинанбо, рассказывавшаго ее патеру Акунхи: „На тридцать-шесть миль юже послѣдняго изъ нашихъ селеній протекаетъ, по направленію къ сѣверу, рѣка Канарисъ, названная такъ по имени племени, живущаго по берегамъ ея. Выше по рѣкѣ живутъ апантосы, еще выше таньяны, а за ними гвакарасы. Именно съ этими гвакарасами ведутъ торговлю амазонки и поддерживаютъ съ ними тѣ сношенія, безъ которыхъ ихъ племя скоро погибло бы. Амазонки обитаютъ на высокихъ крутыхъ горахъ и особенно на самой высокой и крутой изъ нихъ *Якаміабъ*, которая отъ постоянныхъ вѣтровъ и бурь сдѣлалась совершенно безплодной. Эти воительницы обходятся совершенно безъ помощи мужчинъ, но разъ въ годъ къ нимъ пріѣзжаютъ гвакарасы; время амазонки назначаютъ сами. Онѣ ждутъ гостей, держа лукъ и стрѣлу наготовѣ, изъ страха, какъ бы ихъ не захватили врасплохъ; но, удивившись, что тѣ пріѣхали съ добромъ, а не съ худомъ, спѣшатъ къ челнокамъ гвакарасовъ. Каждая изъ амазонокъ схватываетъ гамакъ, вѣшаетъ его въ своей хижинѣ и отдаетъ гостю, которому принадлежитъ гамакъ. Черезъ нѣсколько дней гости возвращаются домой, а годъ спустя, въ это самое время, пріѣзжаютъ снова. Дѣвочки, которыя рождаются отъ этихъ мимолетныхъ союзовъ, матери воспитываютъ въ строгости, приучаютъ ихъ работать и владѣть оружіемъ. Что дѣлаютъ съ мальчиками — неизвѣстно. Одни думаютъ, что ихъ отдаютъ отцамъ, другіе — что ихъ убиваютъ при рожденіи, и это болѣе правдоподобно“²⁾.

Многія легенды американскихъ индѣйцевъ вышли изъ Азіи, въ томъ числѣ, быть-можетъ, и рассказанная нами; этимъ можно объяснить совпаденіе ея въ общихъ чертахъ съ греческой легендой объ амазонкахъ. Замѣтите, что американскихъ амазонокъ точно

¹⁾ A. Giraud Teulon, *Orig. du mariage, etc.* (1884), p. 310. (Рус. пер. Изд. ред. ж. «Знаніе».) ²⁾ Alphonse de Beauchamp. *Histoire du Brésil*, t. III, 40—41 (1815).

также никто не видалъ, какъ и греческихъ, и что онѣ также живутъ въ далекой странѣ, на горѣ, почти неприступной, и т. под. Трудно относиться къ такому разсказу серьезно.

Въ прошломъ столѣтїи нѣсколько страницъ въ интересныхъ воспоминанїяхъ отца Лафито о краснокожихъ воскресили гинекократическую теорїю. По его словамъ, у нѣкоторыхъ племенъ краснокожихъ женщины пользуются большимъ вліяніемъ и въ совѣтѣ старѣйшинъ отстаиваютъ свои мнѣнія, но только черезъ посредство ораторовъ — мужчинъ. Отсюда до политической власти, до матриархата еще далеко... И дѣйствительно, новѣйшія наблюденія показали, что въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ дѣйствительно царили женщины, онѣ являлись не болѣе какъ хозяйками, на обязанности которыхъ лежало сбереженіе и распределеніе запасовъ провизїи, общаго достоянїя племени.

Можно было думать, что теорїя матриархата умерла навѣки, но недавнїя изслѣдованїя происхожденїя и эволюціи семьи воскресили ее. Въ томъ, что *патриархатъ*, какимъ мы находимъ его въ цивилизованныхъ обществахъ, есть не что иное какъ послѣдній этапъ долгой эволюціи, не можетъ быть никакого сомнѣнїя, и мы сами высказывали это нѣсколько лѣтъ тому назадъ¹⁾. Когда анархическая и животная орда антропонитековъ превратилась въ человѣческое общество, первой попыткой къ урегулированїю отношенїй было установленіе семейно-кланового режима, требовавшего общей половой близости всѣхъ членовъ семьи — клана. Затѣмъ въ отношенїяхъ людей между собою стало играть извѣстную роль происхожденіе, образовался матриархатъ, семья, во главѣ которой стояла мать, что весьма понятно, ибо въ такихъ смѣшанныхъ ассоціаціяхъ разыскать отца было очень трудно. Наконецъ, еще позже, въ сравнительно недавнюю эпоху возникла семья съ отцомъ во главѣ — *патриархатъ*.

Но даже въ эпоху матриархата женщина не пользовалась политической властью; самое большее, что мы можемъ сказать, — это то, что она была тогда менѣе поработчена, чѣмъ впослѣдствїи. За очень рѣдкими исключенїями, женщина всегда и вездѣ была подчинена мужчинѣ, и зависимость ея была тѣмъ тяжелѣе, чѣмъ болѣе дико было общество. Въ неразвитыхъ обществахъ уважается главнымъ образомъ сила; а непростительная вина женщины состояла въ томъ, что она всегда была слабѣе мужчины.

¹⁾ Ch. Letourneau, *Evolution du mariage et de la famille*.

Г Л А В А VII.

Рабство въ Мексикѣ и Перу.

а. ДРЕВНЯЯ МЕКСИКА. *I. Начало мексиканской цивилизации.* — Въ Америкѣ никогда не было аборигеновъ. — Первые обитатели ея, пришедшіе съ востока и запада. — *II. Рабство въ странахъ, граничащихъ съ Мексикой.* — Аналогія между нѣкоторыми обычаями дикарей и мексиканцевъ. — Рабство въ древней Мексикѣ. — Человѣческія жертвы. — Принесеніе въ жертву рабовъ. — *III. Людоубство какъ военный обычай въ Мексикѣ.* — Людоубство у нагуаковъ. — *IV. Людоубство религиозное.* — Лучшая жертва богамъ — еще дымящееся человѣческое сердце. — Огромное количество священныхъ жертвъ. — Торжественное закланіе рабовъ, пожертвованныхъ купцами. — *V. Рабы.* Военнопленныя. — Рабъ по приговору суда. — Продажа дѣтей. — Рабы по доброй волѣ. — Невольничьи ярмарки. — Домашнее рабство. — Сервы. — Работы, возложенныя на женщинъ.

б. ДРЕВНИЙ ПЕРУ. *VI. Начало цивилизации въ Перу.* — Легенда о просвѣтителяхъ — бѣлыхъ. — Аналогія съ Китаемъ. — Закланіе животныхъ съ вырваніемъ сердца. — Жертвоприношенія при похоронахъ. — Гуманность правительства. — Общинная организація труда. — Повинности. — Земледѣліе въ Перу. — Аналогія съ земледѣліемъ въ Китаѣ. — Трудъ женщинъ. — Женщины нравственно обязана прясть. — Гуманитарная организація. — Чиновники-надсмотрщики. — Законъ спроса и предложенія не существуетъ въ Перу. — Аналогія организаціи іезуитскихъ миссій съ организаціей Перу. — Религиозныя самоистязанія. — *VII. Эволюція туземнаго рабства въ Америкѣ.* — Рабовладѣльческій режимъ и государственный коммунизмъ.

а. ДРЕВНЯЯ МЕКСИКА.

I. Начало мексиканской цивилизаціи.

Сравнительно высокій уровень цивилизаціи, найденный испанцами въ средней Америкѣ, къ сѣверу и къ югу отъ Панамскаго перешейка, представляетъ собою для этнографической социологич. задачу очень любопытную, но и весьма трудно разрѣшимую. Откуда вышла эта цивилизація? Зародилась ли она тутъ же, на мѣстѣ? — Мало вѣроятя, чтобы Америка была мѣстомъ появленія первыхъ людей: ни въ настоящемъ, ни въ палеонтологическомъ прошломъ мы не находимъ здѣсь доказательствъ этому. Очевидно, первый человѣкъ въ Америкѣ, хотя бы доисторическій, былъ иммигрантомъ, пришельцемъ изъ другихъ странъ. Переселеніе его въ такъ называемый Новый Свѣтъ совершилось въ ту чрезвычайно отдаленную эпоху, когда очертанія материковъ и распредѣленіе морей

были совсѣмъ иными, чѣмъ въ наши дни, когда сообщеніе между Америкой, съ одной стороны, и Азіей, Европой, быть-можетъ, даже Африкой, — съ другой, было гораздо легче и доступнѣе, чѣмъ теперь.

Даже въ новѣйшую историческую эпоху не представляется непреодолимыхъ препятствій къ такому сообщенію. Со стороны Азій Беринговъ проливъ легко переплываютъ лодки эскимосовъ; со стороны Европы суда скандинавскихъ гребцовъ, часто палубныя, выйдя изъ Исландіи, безъ труда достигали береговъ Гренландіи, а затѣмъ спускались къ югу, вдоль берега Сѣверной Америки. Мы знаемъ, что въ VII вѣкѣ скандинавы основали нѣсколько поселеній въ Гренландіи. Если скандинавскіе гребцы успѣвали зайти такъ далеко, въ долгіе дни полярнаго лѣта, то же могли дѣлать раньше ихъ и другіе мореплаватели. Наконецъ, если легенда объ Атлантидѣ, подобно большинству прославленныхъ легендъ, содержитъ въ себѣ хоть нѣкоторую долю истины, сама сѣверная Африка, древняя Берберія, могла способствовать заселенію средней Америки.

Въ общемъ туземное населеніе Америки примыкаетъ къ монгольской расѣ; въ особенности близки къ желтокожему типу туземцы Южной Америки; но краснокожіе индѣйцы по всѣмъ признакамъ происходятъ отъ смѣшенія желтой и бѣлой, пришлой расы; болѣе того, въ нѣкоторыхъ племенахъ краснокожихъ, напримѣръ, у мандановъ, не сохранилось никакихъ слѣдовъ монгольскаго типа. Наконецъ, человѣческія лица на древнѣйшихъ мексиканскихъ барельефахъ, въ особенности на барельефахъ Юкатана, напримѣръ, знаменитый крестъ въ Паленке (*Palenque*), имѣютъ длинныя крючковатыя носы — типъ, чрезвычайно напоминающій семитическій.

Итакъ средняя Америка въ древности была обязана своей цивилизаціей пришельцамъ съ востока и запада, которые потомъ смѣшались съ мѣстнымъ населеніемъ — монголами или монголоидами. Представителями древней цивилизаціи Мексики и сосѣднихъ съ ней странъ, — цивилизаціи, разрушенной испанцами, — были *ацтеки*, племя, находившееся въ близкомъ родствѣ съ краснокожими и, по собственнымъ его преданіямъ, пришедшее съ сѣверо-востока. Но на плоскогоріяхъ Анахуака ацтеки столкнулись съ уже сложившейся цивилизаціей, которой положили начало опять-таки пришельцы — чичимеки и толтеки. Выдѣлить въ этой просвѣтительной дѣятельности долю участія каждаго отдѣльнаго племени, каждаго прилива иммигрантовъ было бы почти невозможно, да это и не входитъ въ нашу задачу. Мы займемся только изученіемъ рабства у ацтековъ и сосѣднихъ племенъ одной съ ними расы, т. е. нагуаковъ; господствующая здѣсь форма рабства могла явиться такою же помѣсью различныхъ видовъ невольничества, какъ и само населеніе есть помѣсь различныхъ расъ.

II. Рабство въ странахъ, граничащихъ съ Мексикой.

Права всѣхъ этихъ *науакскихъ* племенъ сходны съ правами мексиканскихъ ацтековъ; всѣ они проявляли крайнюю жестокость по отношенію къ плѣннымъ, какъ и краснокожіе; всѣ держали рабовъ. Слѣдуетъ отмѣтить любопытную черту, общую всѣмъ племенамъ, обитающимъ собственно на перешейкѣ: пристрастіе къ свисту и свисткамъ; въ этомъ они уподобляются мексиканцамъ и гуанчамъ (*guanches*); даже къ дротикамъ придрѣльвались рукоятки-свистки. Еще аналогичная съ мексиканцами черта: каждое изъ ряда выходящее событіе индѣйцы праздновали мимическими плясками, *areitos* или *arretos*¹⁾. Тласкалтеки, захвативъ въ плѣнъ враговъ, прежде всего сдирали съ нихъ живыхъ кожу, а потомъ покрывались этими кожами при поклоненіи богу войны; совершенно такъ же поступали и мексиканцы²⁾. Москитосы обрацали плѣнныхъ въ рабство, но прежде разѣкали имъ носы³⁾, безъ сомнѣнія для того, чтобы отмѣтить ихъ неизгладимымъ знакомъ. На перешейкѣ рабство было распространено повсемѣстно; всякій сколько-нибудь вліятельный человѣкъ имѣлъ множество плѣнныхъ — невольниковъ; тамъ раба клеймили иначе: или вырывали у него одинъ изъ переднихъ зубовъ, или татуировали на лицѣ или на рукѣ знакъ его господина⁴⁾. Есть и еще аналогія: на Юкатанѣ, гдѣ подневольное населеніе было очень многочисленно, рабовъ обоего пола сотнями приносили въ жертву при смерти короля⁵⁾; тотъ же обычай найдемъ мы и въ Мексикѣ; вообще права *майевъ* на Юкатанѣ, въ Гватемалѣ, въ Никарагуа и права *науаковъ* были очень сходны между собою. Въ юкатанскихъ преданіяхъ сохранилась память о далекомъ прошломъ, когда люди не знали рабства; но съ тѣхъ поръ оно распространилось и укоренилось во всѣхъ владѣніяхъ *майевъ*. Юкатанъ и Гватемала вели значительную торговлю рабами⁶⁾; въ этихъ странахъ существовали даже особые законы о рабахъ. Такъ, человѣкъ, вступившій въ интимную связь съ чужой рабыней, долженъ былъ выплатить ея стоимость господну или же замѣнить ее другой невольницей. Бракъ съ рабыней дѣлалъ свободнаго человѣка рабомъ. Похитившій свободнаго человѣка съ цѣлью обратить его въ рабство приговаривался къ избіенію палками, а жену и дѣтей его продавали⁷⁾. Господинъ могъ сдѣлать рабыню своей наложницей, но дѣти ея не наследовали имущества отца⁸⁾.

У всѣхъ племенъ *майевъ* принесеніе въ жертву рабовъ было

¹⁾ Bancroft, *Native Races*, t. I, 774. ²⁾ Ibid. t. I, 431, t. II. Ch. XIII. ³⁾ Ibid., t. I, 723. ⁴⁾ Ibid., t. I, 771. ⁵⁾ Ibid., I, 610. ⁶⁾ Ibid., I, 649, II, 650. ⁷⁾ Bancroft, *loc. cit.*, I, 650. II, 658. ⁸⁾ Ibid., I, 650.

дѣломъ обычнымъ. У квичесовъ (*Quichès*) каждое религіозное торжество знаменовалось человѣческими жертвами; приносили жертвы и въ меньшіе праздники, или когда молили боговъ о какой-нибудь милости: даровать сына, испослать дождь, изобиліе цвѣтовъ для ичель, хорошій урожай и т. под. Для закланія предпочитали брать плѣнныхъ, а когда ихъ не хватало, — рабовъ, въ случаѣ надобности, даже собственныхъ дѣтей¹⁾: милость боговъ покупалась только цѣною кровавыхъ жертвъ. На Юкатанѣ прославился колодезь Чиченъ (*Chichen*), въ которомъ топили плѣнныхъ. Колодезь Чиченъ представлялъ собою нѣчто вродѣ пронасти, широкой и глубокой, съ винтовой лѣстницей, спускавшейся до уровня воды; сюда бросали молодыхъ дѣвушекъ, чтобы предотвратить неурожай или иное общественное бѣдствіе²⁾. На Юкатанѣ закланіе плѣнныхъ было такимъ обычнымъ явленіемъ, что для каждаго сосѣдняго и враждебнаго племени было отведено особое дерево, на вѣтвяхъ котораго вѣшали головы принесенныхъ въ жертву сыновъ этого племени.

Всѣ эти страны были довольно густо населены и вели между собой частыя войны. *Нагуаки* и *майи* безъ труда добывали плѣнныхъ для жертвоприношеній и рабовъ для домашнихъ услугъ; то же происходило и въ Мексикѣ.

III. Людоѣдство въ Мексикѣ, какъ воинскій обычай.

Дѣйствительно, въ древней Мексикѣ, государствѣ обширномъ, населенномъ, сравнительно цивилизованномъ, человѣческія жертвоприношенія практиковались въ широкихъ размѣрахъ, при чемъ убитыхъ обыкновенно съѣдали. Читая о религіозномъ рвеніи мексиканцевъ, о кровавыхъ жертвахъ, приносимыхъ ими богамъ, невольно спрашиваешь себя — не играло ли во всемъ этомъ значительной роли желаніе полакомиться человѣческимъ мясомъ?

Права всѣхъ народовъ, населяющихъ эту область, были сходны между собою: всѣ *нагуаки* были охотники до человѣческаго мяса, безъ сомнѣнія, по причинѣ отсутствія крупныхъ домашнихъ животныхъ, а слѣдовательно и убоины. Есть фактъ, дающій основаніе думать, что у нагуаковъ религія служила главнымъ образомъ для прикрытія и оправданія людоѣдства: на войнѣ побѣдители безъ всякихъ церемоній пожирали трупы побѣжденныхъ, часто даже раненыхъ и плѣнныхъ. Фердинандъ Кортесъ и одинъ изъ его спутниковъ, лѣтописецъ Берналь Диасъ, приводятъ по этому поводу очень убѣдительные эпизоды. Туземцы, союзники испанцевъ, придумали себѣ жестокую потѣху: они издали показывали мексикан-

¹⁾ Ibid., II, 688—709. ²⁾ Ibid., I, 704—705. II, 704.

цамъ ихъ четвертованныхъ соплеменниковъ, которые въ тотъ же вечеръ или на другой день должны были послужить пищей побѣдителямъ ¹⁾. Эти индѣйцы странно мучили раненныхъ и плѣнныхъ, какъ ни старался испанцы помѣшать имъ въ этомъ ²⁾, и послѣ каждаго сраженія пожирали трупы убитыхъ враговъ ³⁾. Впрочемъ, этимъ они не ограничивались: они брали въ плѣнъ всѣхъ, кто попадался по пути, не разбирая возраста, и обращались съ плѣнными совершенно какъ съ дичью. Послѣ одного удачнаго похода противъ *отурниевъ* (Oturniens), Саидоваль нашелъ въ ихъ обозѣ большой запасъ маиса и жареныхъ дѣтей, которыхъ побѣжденные не успѣли захватить съ собою въ своемъ поспѣшномъ бѣгствѣ ⁴⁾. Мексиканцы въ этомъ отношеніи также не отличались щепетильностью. Проходя черезъ чужія владѣнія, они въ каждой деревнѣ забирали по нѣскольку индѣйцевъ и съѣдали ихъ, предварительно испекши въ печи. Ихъ печи совершенно одинаковаго устройства съ полинезійскими: простыя ямы, вырытыя въ землѣ и выложенныя раскаленными камнями ⁵⁾. Въ самомъ городѣ Мексико королевскіе повара славились своимъ некуствомъ готовить мясо маленькихъ дѣтей, которое часто фигурировало между многочисленными и сложными кушаньями, подававшимися на столъ его величества ⁶⁾.

Повсюду, даже въ республикѣ Тласкала, испанцамъ попадались клѣтки изъ толстыхъ досокъ, въ которыхъ содержались плѣнники, откармливаемые на убой ⁷⁾. Иногда въ такія клѣтки запирали дѣтей ⁸⁾. А между тѣмъ тласкаланцы больше всего обвиняли мексиканцевъ, и вполне справедливо, за то, что тѣ постоянно воюють съ ними ради добыванія плѣнныхъ для жертвоприношеній и для съѣденія; повидимому, этотъ ужасный обычай возмущалъ ихъ только въ тѣхъ случаяхъ, когда страдающей стороною являлись они сами.

Сами испанцы, не доходя до людоедства, позволяли себѣ однакоже довольно страшныя вещи. За недостаткомъ масла для перевязки ранъ, они не стѣснялись замѣнять его „индѣйскимъ саломъ“ ⁹⁾. Такъ постоянное общеніе съ варварами или дикарями нерѣдко оказываетъ вредное вліяніе и на цивилизованнаго человѣка. Примѣровъ незачѣмъ искать въ далекомъ прошломъ. Вездѣ и всюду цивилизованный человѣкъ, пересаженный на чуждую ему почву, принужденный гостемъ среди людей низшаго, чѣмъ онъ, типа, этика которыхъ весьма отлична отъ его собственной, — постепенно раз-

¹⁾ *Lettres de Fernand Cortez a Charles Quint.* 163. ²⁾ F. Cortez, *loc. cit.*, 192.

³⁾ *Ibid.*, 186—188. ⁴⁾ *Lettres de F. Cortez.* 180. ⁵⁾ Bernal Diaz del Castillo, *Hist. conq. de la Nouvelle Espagne.* Edition Jourdanet, p. 675. ⁶⁾ *Ibid.*, 237. ⁷⁾ *Ibid.*, 194.

⁸⁾ *Ibid.*, 214. ⁹⁾ Bernal Diaz, *loc. cit.*, 151 et *passim*.

вращается. Незаметно для самого себя он отрывается от тех правил, которые внушали ему в детстве, и перестает строго различать дозволенное от недозволенного; нравственное чувство ослабевает в немъ.

Но вернемся къ мексиканскимъ ацтекамъ; интересно, что у нихъ людоедство уживалось съ общимъ высокимъ уровнемъ цивилизации, къ которой оно, очевидно, было привито искусственно.

IV. Людоубийство религиозное.

Обычай мексиканцевъ переносить насъ къ первобытной дикости, къ правамъ новозеландцевъ и момбутту. Завоеватели Мексики и сосѣднихъ съ ней странъ, пахуа, въ сущности тѣ же краснокожіе, отличались большой свирѣностью и привили эту свирѣность покоренному населенію. Но еще больше виновны въ этомъ ацтеки; за два столѣтія до прихода испанцевъ они ввели въ Мексику чрезвычайно жестокой обычай, издревле свойственный ихъ расѣ¹⁾. Вскрыть грудь поверженнаго врага, вырвать еще трепещущее сердце и вонзить въ него свои зубы — все это и теперь еще иногда практикуется краснокожими на полярныхъ окраинахъ ихъ территоріи, а въ былое время практиковалось повсемѣстно среди туземнаго населенія Америки; еще въ XVII вѣкѣ этотъ обычай былъ въ большомъ ходу у индѣйцевъ Чили.

Ацтекамъ безъ труда удалось воскресить его у мексиканскихъ *пахуаковъ*, но къ этому они присоединили отъявленное людоедство. Принесеніе плѣнныхъ въ жертву совершалось очень торжественно и сопровождалось различными религиозными церемоніями; послѣ того жрецы возвращали жертвователямъ тѣла убитыхъ, и мясо ихъ фигурировало въ качествѣ лакомаго блюда на слѣдовавшемъ затѣмъ веселомъ пиршествѣ. Мы не разъ уже описывали эти ужасныя жертвоприношенія и теперь не будемъ распространяться о нихъ. Ритуалъ ихъ извѣстенъ. Жертву клали крестомъ на конической камень; пять жрецовъ поддерживали ее, шестой взрѣзывалъ грудь ножомъ изъ обсидіана²⁾, вырывалъ сердце и подносилъ его избранному идолу. Чѣмъ больше кричалъ казненный, чѣмъ дольше дымилось сердце, тѣмъ жертва считалась угодише божеству³⁾.

Во время осады Мексико Кортесомъ, испанцы издали, съ своихъ бригадинъ или изъ лагеря присутствовали при мученіяхъ, которымъ подвергались ихъ товарищи, нопавшіе въ руки осажден-

¹⁾ W. Prescott, *Hist. conq. Mexique*, I, 58.

²⁾ Особый видъ стекловатой лавы.

³⁾ Bullock, *Hist. univ. voy.* v. XLI, 135.

ныхъ. Начинали съ украшенія жертвъ: вѣщали плѣнниковъ перьями, давали имъ въ руки вѣера и въ такомъ уборѣ они волей-неволей должны были танцовать передъ статуей Гуитццлонотхли, бога войны ¹⁾. Кромѣ того, согласно мексиканскому обычаю, сильно напоминающему аналогичный обычай у маорійцевъ Новой Зеландіи, лица жертвъ препарировались, сръзались, и къ тому же такъ искусно, что ихъ легко было узнать, и затѣмъ клались передъ идолами въ качествѣ приношеній ²⁾.

Такія жертвы удовлетворяли столько же чувству мести, сколько и религіозному чувству; но надо помнить, что жертвы приносились не только въ военное время и не только богу войны. Мексиканцы были чрезвычайно набожны ³⁾. Всѣ явленія природы, въ особенности дождь, громъ и молнія, были для нихъ лишь проявленіями силы того или другого божества. Они чуть ли не на каждомъ шагу обращались къ богамъ съ мольбами о вмѣшательствѣ или защитѣ; каждый изъ восемнадцати ацтекскихъ мѣсяцевъ находился подъ покровительствомъ особаго божества. Религіозныя торжества и церемоніи были въ Мексикѣ очень часты и почти всегда сопровождались человѣческими жертвоприношеніями; каждый храмъ потреблялъ огромное количество жертвъ, а храмовъ въ одномъ городѣ Мексико было 78. Общее количество жертвъ, приносимыхъ ежегодно во всемъ государствѣ, доходило до 50,000. Ради добыванія плѣнныхъ Мексика вела ⁴⁾ постоянныя войны, но этого оказывалось недостаточно; остальное доставлялъ невольничій рынокъ. На рынкѣ этомъ продавались или преступники, приговоренные къ рабству, или же рабы, признанные порочными и неисправимыми. Нерѣдко для жертвоприношеній употребляли дѣтей, но откуда ихъ брали—этого лѣтописцы по большей части не указываютъ; вѣроятно, изъ захваченныхъ въ плѣнъ во время походовъ.

Изъ жертвоприношеній чисто религіознаго характера славились жертвоприношенія на праздникѣ куицовъ. Каждый богатый купецъ считалъ долгомъ чести передъ смертью задать роскошный банкетъ, на которомъ главнымъ угощеніемъ служило человѣческое мясо ⁵⁾. Приготовленія къ пиру были очень торжественны; начинали съ закупки избранныхъ рабовъ, такъ называемыхъ „мытыхъ“; ихъ тщательно и постоянно мыли для того, чтобы придать больше вкуса ихъ мясу. Закупка происходила на невольничьемъ рынкѣ; рабовъ и рабынь, предназначенныхъ къ продажѣ, владѣльцы ихъ наряжали, украшали цвѣтами и заставляли танцовать подъ аккомпанементъ цѣнія. Дороже всѣхъ цѣнились рабы, которые умѣли хорошо пѣть и танцовать. Купленныхъ рабовъ новый хозяинъ

¹⁾ Ibid., 425. ²⁾ Ibid., 425. ³⁾ Sahagun. *Choses de la Nouvelle Espagne*, livre II, App. ⁴⁾ Bullock, *loc. cit.* 126. ⁵⁾ Bancroft, *Native States*, II, 392.

уводилъ къ себѣ домой и разсылалъ приглашенія. Гости собирались ровно въ полночь; ихъ одѣляли подарками, *манта*, цвѣтами. Амфитрионъ въ длинной рѣчи рассказывалъ, какимъ опасностямъ онъ подвергался, занимаясь торговлей, и въ заключеніе говорилъ, что пора ему отблагодарить Гуйтцилопотхли — бога войны. Этимъ открывался рядъ празднествъ, продолжавшихся нѣсколько дней. Рабовъ, представлявшихъ собою главное угощеніе, разукрашенныхъ, нарядныхъ, выставляли на особой эстрадѣ. На четвертый день ихъ вели въ храмъ Гуйтцилопотхли и поили допьяна *пулькэ*. Въ полночь имъ выщипывали волосы съ теменн, подъ аккомпанементъ пѣсенъ и танцевъ. На зарѣ опять вели въ храмъ. Потомъ устраивали примѣрное сраженіе; обреченныхъ жертвъ захватывали въ плѣнъ, и хозяинъ уплачивалъ за нихъ выкупъ мнмымъ похитителямъ. Все это продолжалось съ нѣлью уподобить жертвъ настоящимъ плѣннымъ, которые обыкновенно служили матеріаломъ для жертвоприношеній. Послѣ многихъ другихъ церемоній несчастныхъ, наконецъ, убивали, въ точности соблюдая ритуаль; трупы ихъ бросали въ *теокалли*, потомъ уносили, жарили и весело съѣдали съ приправой манса ¹⁾, считая ихъ остатками освященнаго дара; при закланіи жрецы собирали часть крови въ особый сосудъ и натерли ею ротъ идола ²⁾. Съ перваго взгляда кажется, что идея такихъ страшныхъ и кровожадныхъ обрядовъ могла зародиться лишь въ мозгу безумца; но она была естественнымъ слѣдствіемъ соединенія чревоугодія съ дикой религіей. Эти жестокіе обычаи были занесены въ Мексику ацтеками плп, вѣрнѣе, *нагуаками*; побѣдное вторженіе этого племени привело къ нравственному упадку издревле цивилизованную страну; предшественники нагуаковъ — толтеки не приносили человѣческихъ жертвъ ³⁾; возможно, что и они въ свою очередь были пришельцами изъ дальнихъ странъ, но происхожденія ихъ мы не знаемъ. Вторженіе ацтековъ привело къ регрессу и въ другомъ отношеніи: подъ ихъ владычествомъ сильныя поработили плебеевъ. При первыхъ короляхъ Мексики плебеи принимали участіе въ правленіи, занимали разныя должности при дворѣ и пр.; въ царствованіе же Монтезумы они были обращены въ сервовъ и отданы на произволъ аристократовъ, которые могли обращаться съ ними, какъ хотѣли, — могли даже убивать ихъ и продавать какъ рабовъ ⁴⁾.

¹⁾ Sahagun, Choses dans la Nouvelle Espagne, Ch. X—XI. — ²⁾ Ibid. Livre II (Appendice). XII, p. 572—579. — ³⁾ Prescott. *Conquest of Mexico* t. I, 88. — ⁴⁾ Bancroft, Native States. Ch. II, 216—217.

V. Рабы.

Аристократъ легко могъ освободиться отъ своихъ сервовъ, принеся ихъ въ даръ королю; каждая область платила монарху дань золотомъ, драгоценными камнями, тканями, индѣйцами и индѣйками, которыхъ можно было принести въ жертву или обратить въ рабство ¹⁾. Въ своемъ побѣдномъ шествіи Кортесъ перѣдко получалъ въ даръ молодыхъ индѣянокъ, богато украшенныхъ и разодѣтыхъ, съ цѣлой свитой прислужницъ ²⁾. Но все же главной поставщицей рабовъ была война, такъ какъ захватившій плѣннаго имѣлъ право дѣлать съ нимъ что угодно: принести его въ жертву богамъ, продать или оставить у себя какъ раба.

Другой разрядъ составляли рабы по приговору суда. Проступковъ и преступленій, влекущихъ за собой рабство, было много ³⁾ и весьма различныхъ, напримѣръ: крупное воровство, кража зерна, продажа свободнаго человѣка, невзносъ военнаго налога, недонесеніе о заговорѣ, наконецъ, причиненіе смерти чужой рабынѣ, если причиной смерти была беременность отъ виновнаго, и т. д. Кромѣ того, бѣдняки-родители сами иногда продавали своихъ дѣтей или въ рабство, или для закланія. Боги дождя, напримѣръ, божество Тлалока, предпочитали самое нѣжное мясо, и въ честь ихъ приносили въ жертву дѣтей ⁴⁾.

При продажѣ ребенка въ рабство, отецъ могъ поставить условіемъ, что онъ сохраняетъ за собой право замѣнить проданнаго — его братомъ или сестрой, одного съ нимъ возраста; такимъ образомъ чрезъ руки одного и того же хозяина могло пройти нѣсколько дѣтей изъ одной и той же семьи ⁵⁾. По это взаимное обязательство уничтожалось само собой, если ребенокъ умиралъ, или если хозяинъ принуждалъ его къ работамъ, не обозначеннымъ въ договорѣ, заключенномъ при продажѣ ⁶⁾. Въ Мексикѣ торговля дѣтьми процвѣтала.

Наконецъ особый разрядъ рабовъ составляли добровольцы, продававшіеся въ кабалу по собственному желанію ⁷⁾. Въ каждомъ городѣ былъ свой невольничій рынокъ; но главнымъ рассадникомъ рабовъ былъ городъ Акапулько, находившійся въ двухъ миляхъ отъ Мексико; здѣсь бывали настоящіе ярмарки рабовъ. Продавцы старались получше разукрасить свой товаръ, а разряженные невольники должны были пѣть и танцовать, чтобы привлечь покупателей ⁸⁾.

¹⁾ Bernal Diaz, *loc. cit.*, 108—191. ²⁾ Prescott, *loc. cit.*, 350. ³⁾ Prescott, *loc. cit.*, 350. ⁴⁾ Bancroft, *loc. cit.*, t. I, 81. ⁵⁾ Prescott, *loc. cit.*, 38—39. ⁶⁾ Bancroft, *loc. cit.* II, 219. ⁷⁾ L. Biart. *Les Azteques*. 171. ⁸⁾ Bancroft, *loc. cit.*, t. I, 219—220.

Лѣтописцы утверждаютъ, однако же, что при всей жестокости нравовъ мексиканцевъ, домашнимъ рабамъ жилось у нихъ недурно. Раба, пользовавшася хорошей репутаціей, нельзя было ни продать безъ его согласія, ни наказать безъ предварительнаго предупрежденія. Если и нослъ двухъ-трехъ увѣшаній рабъ не исправлялся, хозяинъ надѣвалъ на него деревянный ошейникъ и съ этихъ поръ уже могъ распоряжаться имъ по произволу. Но и тутъ у раба оставался выходъ: онъ могъ укрыться въ королевскомъ дворцѣ; съ момента вступленія во дворецъ онъ считался свободнымъ, и оставить его на пути къ этому убѣжищу никто не имѣлъ права, кромѣ самого владѣльца и сыновей владѣльца. Вообще рабъ находился подъ защитой закона; жестокость по отношенію къ рабу не проходила безнаказанной: убійство раба хозяиномъ считалось уголовнымъ преступленіемъ. На раба смотрѣли, какъ на человѣка. Продажа его была обставлена многими формальностями и могла быть совершена не иначе, какъ въ присутствіи четырехъ свидѣтелей, лицъ почтенныхъ и уважаемыхъ. Продать на закланіе можно было только несправимаго раба, перемѣниваго уже нѣсколькихъ хозяевъ ¹⁾. Рабъ, составившій себѣ хорошую репутацію, имѣлъ право въ свою очередь держать рабовъ, даже пріобрѣтать ихъ въ собственность; въ своей семьѣ онъ былъ полнымъ хозяиномъ, и дѣти его считались свободными: въ Мексикѣ рабство не было наследственнымъ.

Послѣ смерти владѣльца рабы переходили къ наследникамъ его вмѣстѣ съ прочимъ имуществомъ; но многіе передъ смертью отпускали своихъ рабовъ на волю ²⁾.

Между господиномъ и рабомъ была еще промежуточная ступень — нѣчто въ родѣ крѣпостнаго состоянія. Нѣкоторые города и провинціи доставляли двору цѣлыя отряды подневольныхъ рабочихъ: садовниковъ, мастеровыхъ, орнаментчиковъ и т. д. ³⁾. Къ этой же категоріи слѣдуетъ отнести носильщиковъ — *таменесъ* (*tamenes*), которыхъ кацики предоставляли въ распоряженіе побѣдителей-испанцевъ. Одинъ кацикъ прислалъ заразъ чотыреста человѣкъ ⁴⁾. Въ печальную годину своего пребыванія въ Мексико, Кортесъ также пользовался услугами *таменесъ* для переноски больныхъ и раненыхъ ⁵⁾.

Въ Мексикѣ работали не только рабы, но и свободные люди; за исключеніемъ знати и воиновъ, всѣ занимались земледѣліемъ; поэтому мексиканскія женщины не были черезчуръ обременены трудомъ. Онѣ тоже принимали участіе въ полевыхъ работахъ, но на долю ихъ выпадали самыя легкія, напримѣръ, сѣвъ ⁶⁾. Разу-

¹⁾ Bancroft, *loc. cit.*, I, 222—223. ²⁾ Ibid. ³⁾ Ibid, II, 168. ⁴⁾ Prescott, *loc. cit.* I, 341. ⁵⁾ Prescott, *loc. cit.* II, 369. ⁶⁾ Ibid. I. 137.

мѣется, мы говоримъ о свободныхъ женщинахъ и притомъ не самаго низшаго сословія. На остальныхъ были возложены все же очень тяжелыя работы, напримѣръ, размалываніе зерна на ручной мельницѣ самаго первобытнаго устройства, состоявшей изъ двухъ камней. Во время похода Кортеса двѣ изъ сопровождавшихъ его испанокъ попали въ плѣнъ къ индѣйцамъ и зачали подъ тяжестью возложеннаго на нихъ труда; въ особенности жаловались онѣ на трудность размалыванія зерна ¹⁾. Не только въ древней, но и въ новой Мексикѣ женщины большую часть своей жизни отдають этому утомительному занятію; и въ наши дни мексиканскіе солдаты берутъ съ собой въ походъ толпу женщинъ, главная обязанность которыхъ размалывать зерно.

Всѣ эти резюмированныя и сгруппированныя данныя по вопросу о рабствѣ въ древней Мексикѣ показываютъ, что въ имперіи ацтековъ было, собственно говоря, два разряда рабовъ: военноплѣнные и домашніе рабы. То же дѣленіе мы находимъ во всѣхъ рабовладѣльческихъ государствахъ; но нигдѣ демаркаціонная линія не была такой рѣзкой, какъ въ Мексикѣ, гдѣ съ домашними рабами обращались очень гуманно, а военноплѣннаго считали годнымъ только для закланія и не признавали за нимъ никакихъ человѣческихъ правъ. Въ древнемъ Перу, куда мы теперь перенесемся, мы найдемъ совсѣмъ иной режимъ, совсѣмъ иную организацию общественнаго труда.

6. ДРЕВНІЙ ПЕРУ.

VI. Начало цивилизаціи въ Перу.

Мексиканская цивилизація уже имѣетъ свои особенности, но нѣкоторыми своими сторонами, по крайней мѣрѣ у ацтековъ, она все же очень близка къ дикости краснокожихъ. Но государственное устройство древняго Перу совершенно особое, не имѣющее себѣ подобнаго въ современномъ человѣчествѣ; и даже въ исторіи. Мы много разъ уже говорили о социальной организациіи страны инковъ и не станемъ теперь возвращаться къ ней. Извѣстно, что эта организациія представляла собой любопытный примѣръ централизованнаго „государственнаго коммунизма“. Высшую ступень въ этомъ обществѣ занималъ императоръ, полубогъ, сынъ солнца; онъ царилъ надъ всѣми; его окружала многочисленная семья, его родные, семья инковъ, занимавшихъ всѣ высшія должности въ ад-

¹⁾ Bernal Diaz, *l. c.*, 62.

министраціи государства. Внизу — масса, народъ, трудившійся подъ руководствомъ надсмотрщиковъ, облеченныхъ довѣріемъ правительства, совершенно какъ въ мастерской. Населеніе Перу, трудолюбивое, раздѣленное на десятки, не знало ни свободы, ни нищеты. Его трудомъ кормилась вся страна; во всёхъ своихъ важи́йшихъ начинаніяхъ оно должно было руководствоваться правилами, предписанными свыше; даже браки праздновались административнымъ порядкомъ одинъ разъ въ годъ. Въ общемъ правительство поступало съ перувианцами, какъ хорошій хозяинъ поступаетъ съ домашнимъ скотомъ, — распоряжалось ими деспотически, но не обижая ихъ. Откуда взялись цивилизаторы, сумѣвшіе подчинить миллионы людей quasi-монашескому режиму, не имѣющему себѣ подобнаго въ лѣтописяхъ рода человѣческаго? По мѣстнымъ преданіямъ, это были чужестранцы, бѣлые, бородатые люди, пришедшіе съ береговъ озера Титикака. И въ самомъ дѣлѣ, на берегахъ этого озера мы находимъ развалины построекъ очень обширныхъ и очень древнихъ, принадлежащихъ даже болѣе отдаленной эпохѣ, чѣмъ та, къ какой туземныя преданія относятъ появленіе инковъ¹⁾.

Вопросъ о происхожденіи перувианской цивилизаціи до сихъ поръ остается открытымъ и представляетъ собой обширное поле для догадокъ. Много предположеній было высказано по этому поводу, но ни одно не основывалось на доказательствахъ, достойныхъ вѣры. Духовное и социальное состояніе туземнаго населенія Америки, по крайней мѣрѣ тѣхъ племенъ, какихъ мы могли изучить, не позволяетъ предположить, чтобы перувианская цивилизація вышла изъ Америки. Съ другой стороны, мы ничего не знаемъ о доисторическихъ переселеніяхъ народовъ, а историческая эпоха началась для Америки очень недавно. Мы не можемъ опредѣлить ни времени, когда на плоскогоріяхъ Перу появились пришельцы изъ дальнихъ странъ, ни того, откуда они пришли. Изъ сказочной ли Атлантиды, изъ Египта, изъ Китая? Между древнимъ Египтомъ и Перу можно провести нѣкоторую аналогію, но лишь въ общихъ чертахъ, а этого недостаточно, не говоря уже о томъ, что египтяне никогда не были искусными мореплавателями. Возможно, что преданія объ Атлантидѣ правдивы, но возможно и то, что она никогда не существовала иначе, какъ въ воображеніи. Болѣе всего вѣроятій на сторонѣ тѣхъ, кто выводитъ эту цивилизацію изъ Китая, — Китая первобытнаго, находящагося еще въ социологической стадіи общинныхъ клановъ (*clans communnautaires*). Подмѣчено много общихъ чертъ въ характерѣ древнихъ перувианцевъ

¹⁾ Prescott. *Hist. conq. Perou*, I, 27.

и китайцевъ: безропотное повиновеніе власти, кротость, пристрастіе къ формамъ, терпѣливость, приверженность къ стариннымъ обычаямъ и т. д. ¹⁾. Перечисляя все эти различныя предположенія, мы воздержимся отъ вывода, ибо ждемъ разрѣшенія этой задачи отъ дальнѣйшихъ открытій и изысканій.

Сравнительно съ ужасами мексиканской религіи, культъ перувианскій кажется идилліей; и однакоже нѣкоторыми сторонами онъ напоминаетъ религію ацтековъ. Религія инковъ не требовала чело-вѣческихъ жертвъ, ни благодарственныхъ, ни умиловительныхъ; даже божествамъ звѣздъ не приносили въ жертву людей, даже въ тѣ печальныя годы, когда государь былъ боленъ и народъ молилъ боговъ о его выздоровленіи ²⁾. Всегда и при всякихъ обстоятельствахъ инки ограничивались припесеніемъ въ жертву животныхъ, но ритуальъ закланія былъ тотъ же, что и въ Мексикѣ при закланіи людей. Животное, обыкновенно ламу, держали нѣсколько чело-вѣкъ, повернувъ его головой къ востоку; потомъ ему разрѣзывали грудь съ лѣвой стороны и вынимали трепещущее сердце ³⁾. Сходство слишкомъ велико, чтобы быть случайнымъ; оно указываетъ на общность происхожденія, хотя мексиканцы и перувианцы не знали другъ друга. Прибавимъ, что съ жертвеннаго животнаго сдирали кожу, какъ нерѣдко сдирали кожу съ приносимыхъ въ жертву людей въ Мексикѣ; наконецъ, что сердце и кровь животнаго приносили въ даръ Солнцу ⁴⁾, какъ чело-вѣческія сердца — мексиканскимъ богамъ.

При всемъ томъ инки только отчасти стряхнули съ себя первобытную дикость и сохранили обычай погребальныхъ жертвоприношеній. По смерти одного изъ инковъ, съ нимъ хоронили тѣхъ изъ его слугъ, которые пользовались его особеннымъ расположеніемъ, и его любимыхъ женъ или наложницъ, для того, чтобы покойный вошелъ въ лучшій міръ съ подобающей свитой. При этомъ жены и слуги непрерывно соперничали между собою въ преданности: каждый добивался счастья быть погребеннымъ заживо вмѣстѣ съ властелиномъ, сыномъ солнца, и все затрудненіе было только въ выборѣ ⁵⁾.

Если исключить эти остатки первобытной дикости, то окажется, что инки настолько же мягко и отечески правили своимъ народомъ, насколько ацтеки были жестоки и кровожадны. Мексиканцы угнетали подданныхъ податями и налогами, безпрестанно приносили ихъ въ жертву своимъ ужаснымъ богамъ. Инки, напротивъ, новыхъ подданныхъ сразу ставили на одну линію съ старыми, давали имъ тѣ же права и тѣ же обязанности ⁶⁾. Правда и то, что

¹⁾ Prescott, *loc. cit.*, I., 138. ²⁾ Garcilasso della Vago, *Hist. des Incas*, II, 18.
³⁾ *Ibid.*, *loc. cit.*, II, 153. ⁴⁾ *Ibid.*, 155. ⁵⁾ *Ibid.*, II, 133. ⁶⁾ Prescott, *loc. cit.* *Introduct.*, 166—167.

главнымъ правомъ было право на трудъ. Инка Пахакутекъ дошелъ до того, что сталъ приговаривать къ смерти лѣнтыевъ, бездѣльниковъ ¹⁾. Даже у дѣтей и у увѣчныхъ были свои посильныя обязательныя занятія ²⁾.

Понятно, что такая организація устраняла потребность въ рабствѣ. Вся сумма общественнаго труда была распредѣлена между плебеями, раздѣленными на группы, по 50, 100, 500 и 1000 человекъ; каждая группа, подъ руководствомъ надсмотрщика, работала въ полѣ или въ мастерской. Перувианецъ-плебей былъ навѣки прикованъ къ землѣ, на которой онъ родился, и профессія отца переходила къ сыну, какъ въ Египтѣ ³⁾. Солидно поставленное, при помощи книшосовъ, собираніе статистическихъ свѣдѣній позволяло центральному управленію распредѣлять работу пропорціонально количеству рукъ, а также по способностямъ. Каждый округъ имѣлъ свою спеціальную отрасль промышленности; въ одномъ процвѣтало рудничное дѣло, въ другомъ обработка металловъ. Ремесленникъ получалъ сырой матеріалъ отъ правительства; черезъ опредѣленные промежутки времени партіи рабочихъ смѣнялись. Во все продолженіе работъ, даже полевыхъ, правительство содержало рабочихъ на свой счетъ. Для крупныхъ общественныхъ работъ—построекъ, сооружений и пр.—точно такъ же прибѣгали къ реквизиціи рабочихъ. Излишекъ продуктовъ земледѣлія хранился въ запасныхъ общественныхъ магазинахъ и, въ случаѣ голода, раздавался народу ⁴⁾; но помимо этого, каждая семья имѣла свой земельный надѣлъ и ежегодно, въ брачный сезонъ, свободные участки раздавались молодымъ супругамъ.

Опять таки разъ въ годъ, и всегда въ одно и то же время, происходила генеральная стрижка ламъ; шерсть временно складывали въ общественные магазины, а затѣмъ распредѣляли ее между семьями или, вѣрнѣе, между женщинами, такъ какъ женщины занимались главнымъ образомъ пряденіемъ и тканьемъ. Такъ же точно поступали съ хлопчатой бумагой въ долинахъ, гдѣ климатъ былъ теплѣе. Особые чиновники раздавали шерсть, назначали уроки, потомъ отбирали уже готовые ткани и т. под. ⁵⁾.

Въ необходимыхъ отрасляхъ промышленности спеціализація не имѣла мѣста: каждый былъ въ одно и то же время портнымъ, ткачемъ, земледѣльцемъ и пр. ⁶⁾.

Въ районѣ пятнадцати-двадцати миль вокругъ столицы населеніе несло особые повинности. Все по очереди обязаны были доставлять въ Куцко воду, дрова и все необходимое для многочис-

¹⁾ Garcilasso, *loc. cit.*, 244. ²⁾ *Ibid.*, 241. ³⁾ Prescott, *loc. cit.*, I, 68. ⁴⁾ Prescott, *loc. cit.*, I, 68. ⁵⁾ *Ibid.*, *loc. cit.*, 65—67. ⁶⁾ Garcilasso, *loc. cit.*, 108—109.

ленного семейства инковъ ¹⁾. Всѣ такія повинности были обязательными и личными, и откупаться отъ нихъ не дозволялось ²⁾.

Наиболѣе уважаемымъ занятіемъ, естественно, было земледѣліе, но способъ обработки земли былъ еще очень несовершенный. Взрывали землю съ помощью недлиннаго кола, палца въ четыре шириной и заостреннаго, сходнаго съ тѣмъ, какой употребляютъ полинезійцы. Для того, чтобы колъ лучше вгонять, къ нижней части его прикрѣплялась поперечная стойка. Работали группами въ 7—8 человекъ и соединенными усиліями вырывали большіе комья земли. Женщины играли второстепенную роль въ полевыхъ работахъ: онѣ только помогали поднимать комья и пололи, обязательно съ пѣснями ³⁾. Замѣчательно, что землю тщательно унаживали и притомъ—что еще любопытнѣе—человѣческимъ удобреніемъ, но крайней мѣрѣ внутри страны; на берегу удобреніемъ служило гуано, добываемое съ острововъ, которые эксплуатируются и по сей день.

Правительство Перу, прекрасно понимавшее экономическую цѣнность этихъ острововъ, поставило ихъ подъ особое покровительство закона; подъ страхомъ смерти запрещено было безъ нужды вступать на нихъ; точно такъ же запрещено было убивать производителей гуано, маленкихъ „морскихъ воробьевъ“, какъ ихъ называетъ Гарчилиссо ⁴⁾. Любовное и заботливое отношеніе къ земледѣлію очень напоминаетъ Китай; способъ удобренія земли человѣческимъ навозомъ ужъ и совсѣмъ китайскій, такъ какъ именно методическому примѣненію этого способа Китай обязанъ цвѣтущимъ состояніемъ своего земледѣлія, а вслѣдствіе этого и густотой населенія. Опять таки напоминаетъ Китай еще одинъ перувианскій обычай, заключающійся въ слѣдующемъ: ежегодно, на праздникѣ близъ столицы Куцко, самъ инка, полубогъ, сынъ солнца, взрывалъ землю особымъ золотымъ орудіемъ ⁵⁾. Этотъ обычай совсѣмъ какъ будто занесенъ изъ Небесной имперіи. Всѣ эти сходныя черты не мѣшаетъ отмѣтить и запомнить: онѣ очень краснорѣчивы; но мы не станемъ останавливаться на нихъ.

Болѣе важно и интересно для насъ распредѣленіе общественнаго труда. Мы видѣли даже, что перувианское общество состояло изъ правящаго класса избранныхъ, господствующихъ надъ массой прелетаріевъ, которые исполняли всѣ тяжелыя и необходимыя работы. При такой уравнительной системѣ въ рабствѣ не было надобности: каждый и безъ того былъ болѣе или менѣе порабощенъ. Вслѣдствіе обязательности труда для мужчинъ, женщина, прирожденная рабыня въ первобытныхъ и варварскихъ

¹⁾ Ibid., II, 129. ²⁾ Ibid., II, 90. ³⁾ Garcilasso, *loc. cit.*, II, 83. ⁴⁾ Ibid., II, 83.

⁵⁾ Prescott, *loc. cit.* I, 138.

обществахъ, здѣсь была поставлена въ сравнительно выгодныя условія; но такъ было не всегда и не вездѣ. Въ дальнихъ и не вполнѣ еще слившихся съ столицей провинціяхъ, гдѣ сохранились древніе обычаи, земледѣльческія работы всецѣло лежали на женщинахъ, а мужчины, сидя дома, пряли и чесали шерсть ¹⁾. Но это были лишь мѣстные пережитки старины. Въ остальной части страны дома сидѣли не мужья, а жены, занятія главнымъ образомъ пряденіемъ и часаніемъ шерсти; но и для нихъ работа была обязательной. Прялки никогда не покидали ихъ: онѣ пряли даже въ пути, переходя изъ одной деревни въ другую. Если женщина была не советѣмъ простолюдинка, — пряжу за ней несла служанка. Женщины сами сознавали, что долгъ ихъ — трудиться, и ревностно выполняли этотъ долгъ; прѣдя въ гости къ знатной барынѣ — *палла*, какъ ихъ называетъ Гарчилассо, — женщина низшаго сословія прежде всего просила дать ей какую-нибудь работу, такъ какъ „нехорошо терять даромъ время“ ²⁾. Каждый по мѣрѣ силъ служилъ общественному дѣлу, — даже старики, немощные и слабые: на нихъ возложена была обязанность оберегать отъ птицъ свѣже-засѣянные поля и тому подобныя неутомительныя занятія. Въмѣстѣ съ тѣмъ правительство Перу, будучи не только деспотическимъ, но и предусмотрительнымъ, заботилось и о томъ, чтобы не слишкомъ обременять, не изнушать рабочихъ, что слишкомъ часто упускаютъ изъ виду владѣльцы крупныхъ промышленныхъ заведеній. Мудро распределенные дни отдыха временами давали трудолюбивому населенію возможность вздохнуть свободно и набраться новыхъ силъ. Въ каждомъ мѣсяцѣ — лунномъ мѣсяцѣ, состоящемъ изъ двадцати-восьми дней, насчитывалось три дня общественныхъ праздниковъ, которые можно приравнять къ нашимъ воскресеньямъ; но и въ эти дни поселяне обязаны были являться въ городъ за полученіемъ отъ администраціи инструкцій на слѣдующую недѣлю ³⁾.

Для наблюденія и руководства этой арміей труженниковъ государство содержало огромный штабъ чиновниковъ, отвѣтственныхъ передъ центральнымъ правленіемъ; эти чиновники составляли административную іерархію; каждый изъ нихъ былъ главой, такъ сказать — старшимъ подмастерьемъ, которому была подчинена большая или меньшая группа рабочихъ; группы составлялись по десятичной системѣ; между чиновниками были десятники, пятидесятники, сотники, пятисотенники, тысячники, десяти-тысячники. Всѣ эти этой мудро сплетенной административной сѣти соединялись въ рукахъ верховнаго властелина — инки.

¹⁾ Garcilasso, *loc. cit.* II, 75. ²⁾ Garcilasso, *loc. cit.* II, 76. ³⁾ Garcilasso, *loc. cit.*, 271.

При такой организаци, въ Перу не было и не могло быть ни налоговъ, ни свободной промышленности, ни торговли; быть упрямднень и якобы необходимый законъ спроса и предложія ¹⁾. Перу представлялъ собою не что иное, какъ огромную мастерскую, которую завѣдывали толковые и предусмотрительные мастера; она соединяла въ себѣ все преимущества и все невыгоды строго соблюдаемаго коммунизма. Никто здѣсь не пользовался свободой, никто не страшился быть всеми покинутымъ. Немошныхъ, стариковъ, вдовъ призрѣвали; науперизма не было, но не было и богачей, если не считать семейства инки. Правительство слѣдило за тѣмъ, чтобы каждый личный земельный наделъ былъ своевременно обработанъ, даже въ томъ случаѣ, если владѣлецъ его, призванный къ общественной службѣ, отсутствовалъ. Наконецъ, огромные запасы провіанта, хранившіеся въ общественныхъ магазинахъ, устраняли всякую опасность голода ²⁾.

Эта курьезная организациа точь въ точь осуществляетъ утопіи, которая мы привыкли считать неосуществимыми. Это — соціологическій опытъ, безпримѣрный въ своемъ родѣ, по крайней мѣрѣ въ такихъ обширныхъ размѣрахъ: Перу занимаетъ пространство болѣе восьмисотъ лѣ въ длину. Въ прошломъ вѣкѣ іезуиты въ своихъ *миссіяхъ* въ Америкѣ и въ особенности въ Парагваѣ пытались создать нечто вроде католическихъ Перу, только въ маленькомъ видѣ; но они копировали больше дурныя стороны древней перувианской организаци: отягощали жителей трудомъ и религіозными обязанностями. Какъ и въ Перу, въ этихъ *миссіяхъ* каждое семейство получало въ пользованіе участокъ зѣмли или опредѣленное число головъ скота, а доходъ съ общественныхъ земель шелъ на содержаніе больницы, церкви, на общественныя сооруженія, на удовлетвореніе нуждъ неопитовъ. Въ случаѣ образованія новаго поселка, все другіе первое время вносили свою лепту для поддержанія его ³⁾.

Въ каждомъ поселкѣ былъ начальникъ и его помощникъ; первый наблюдалъ специально за аккуратнымъ выполненіемъ религіозныхъ обязанностей, второй за тѣмъ, чтобы дѣтей посылали въ школу и въ церковь. Населеніе дѣлилось на кварталы; каждый имѣлъ особаго надсмотрщика изъ туземцевъ, выдѣлывагося своимъ благочестіемъ; надсмотрщикъ обязанъ былъ доносить о всякой сорѣ начальнику, *фискалу*. Виновные получали публичный выговоръ и должны были всенародно же благодарить за это миссіонера ⁴⁾, даже въ томъ случаѣ, если ихъ сочли нужнымъ наказывать кнутомъ, какъ дѣтей... Наиболѣе дрессированные дошли до

¹⁾ Prescott, *loc. cit.*, I, 58. ²⁾ Ibid. I, 174. ³⁾ *Lettres edificantes*, t. VIII, 12.
⁴⁾ Ibid. XIII, 250.

того, что сами приходили виниться въ своихъ мысленныхъ грѣхахъ и просить, чтобъ ихъ наказали ¹⁾. О личной свободѣ въ *миссіяхъ* не было и помину. Какъ только молодые люди приходили въ возрастъ, отцы - наставники женили ихъ по своему выбору, опять таки какъ въ Перу ²⁾. Съ восьми часовъ утра населеніе работало или на поляхъ, или въ мастерскихъ, подъ строгимъ присмотромъ *корреидоровъ*. Каждой женщины по понедѣльникамъ выдавалось опредѣленное количество хлопка, которое она въ концѣ недѣли должна была возратить въ видѣ пряжи ³⁾. Къ этому присоединялась еще и религіозная зависимость. Въ Страстную пятницу индѣйцы жестоко бичевали себя въ самой церкви, а дѣтямъ — мальчикамъ и дѣвочкамъ — привязывали руки къ крестамъ, надѣвали на головы вѣйки изъ колючаго терна, и они цѣлыми часами оставались такъ въ мучительномъ положеніи распятыхъ. Одинъ миссіонеръ, проѣздомъ черезъ Парагвай видѣвшій это зрѣлище, пишетъ, что оно „исторгло у него слезы нѣжности и умиленія“ ⁴⁾.

При такомъ режимѣ индѣйцы очень слабо развивались умственно. По словамъ Бугэнвиля, существованіе ихъ было совершенно машинообразно: они жили безъ удовольствія и умирали безъ сожалѣнія ⁵⁾; этому легко повѣрить.

VII. Эволюція туземнаго рабства въ Америкѣ.

Этимъ заканчивается наше изслѣдованіе туземной Америки съ точки зрѣнія рабства. Оно еще разъ подтверждаетъ намъ, что рабство не есть учрежденіе необходимое; оно не существуетъ въ обществахъ простыхъ, гдѣ промышленность еще не пыталась насильно подчинить себѣ природу, въ обществахъ, которыя кормятся главнымъ образомъ охотой, рыбной ловлей и сборомъ плодовъ. Но и для этихъ первобытныхъ обществъ необходима извѣстная сумма общественнаго труда и несутъ его главнымъ образомъ женщины; опѣ прирожденные рабыни, потому что слабѣ мужчинъ, и въ этомъ ихъ непростительная вина.

Вначалѣ рабство бываетъ лишь временнымъ состояніемъ и проявляется въ очень грубыхъ формахъ. Порабощенныя плѣнницы по большей части становятся вмѣстѣ съ тѣмъ и наложницами; плѣнниковъ заставляютъ работать, въ ожиданіи подходящаго момента для того, чтобы съѣсть ихъ, замучить или продать. Рабство у американскихъ дикарей не перешло еще за предѣлы этихъ

¹⁾ *Voyage de Bougainville* (Petite edition des communes, 112). ²⁾ *Lettres edificantes*, XIII, 250. ³⁾ *Voy. de Bougainville, loc. cit.*, 114. ⁴⁾ *Lettres edificantes*, t. II, 193. ⁵⁾ *Bougainville, loc. cit.*, 114.

первыхъ фазъ своей эволюціи. Дальнѣйшее развитіе его мы можемъ наблюдать у народовъ средней Америки, перешедшихъ изъ дикаго состоянія въ стадію варварства. Наибольшій интересъ возбуждаютъ народы Мексики и Перу, но интересъ неодинаковый.

Мексика, какой она была при ацтекахъ, представляетъ собою смѣшанное общество въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, страшно дикое, въ другихъ — относительно цивилизованное, какъ бы компромиссъ между древнимъ социальнымъ состояніемъ *толтековъ* и свирѣпостью завоевателей ацтековъ, которые, не будучи въ силахъ отказаться отъ людоедства, позаботились только поставить его подъ защиту религіи. На рабствѣ у ацтековъ отразилось его двойное происхожденіе. Военнопленные были совершенно безправны, и отношеніе къ нимъ — возмутительно жестокое: положеніе домашнихъ рабовъ, наоборотъ, было урегулировано кроткими и челоувѣчными законами. Наконецъ, рабство у ацтековъ не было наследственнымъ, и это какъ бы доказываетъ его сравнительно недавнее происхожденіе. Вообще можно сказать, что въ туземной Америкѣ рабство нигдѣ не доходило до высшихъ фазъ своей эволюціи.

Если изъ Мексики мы перенесемся въ древній Перу, то столкнемся съ совершенно инымъ порядкомъ вещей, существенно отличнымъ отъ перваго. Здѣсь сумѣли разрѣшить проблему общественнаго труда, не прибѣгая къ рабству въ буквальномъ смыслѣ этого слова; здѣсь мы находимъ реализацію утопіи, которую въ Европѣ считаютъ химерой. Перувианское общество представляетъ собою большое коммунистическое государство, въ высшей степени централизованное. Народная масса, надъ которой царитъ инка, сынъ солнца и его многочисленное семейство, подчинена режиму, напоминающему режимъ мастерской и режимъ казармы. Всѣ указанія исходятъ свыше; личной инициативѣ нѣтъ мѣста; правительство думаетъ за всѣхъ и всѣмъ распоряжается, но проявляетъ при этомъ много благоразумія и даже доброты.

Этотъ государственный коммунизмъ имѣетъ свои преимущества, и мы позаботились подчеркнуть ихъ. Въ Перу не было свободныхъ людей, но не было и заброшенныхъ. Но есть у этого режима и обратная сторона и свои крупныя неудобства. Перувианскій строй упрекаютъ — и не безъ основанія — въ томъ, что онъ приводитъ къ организованному застою, противится всякому прогрессу. Очень можетъ быть, что и Мексика, при толтекахъ, имѣла подобную же организацію, и бесспорно, такая организація не благоприятствуетъ перемѣнамъ, которыя требуютъ здѣсь необходимо вѣдшихъ импульсовъ.

Безъ сомнѣнія *quasi*-рабовладельческой коммунизмъ Перу

есть социальная форма низшаго порядка, но тотъ же упрекъ можно сдѣлать и крайнему индивидуализму. Говорить объ индивидуалистическомъ обществѣ нельзя: эти два слова нельзя ставить рядомъ. Правда, перувианскій социализмъ стѣсняетъ свободу индивидуума, но по крайней мѣрѣ удовлетворяетъ его насущныя потребности. Наоборотъ, крайній индивидуализмъ — кстати, въ Америкѣ мы находимъ его практическое осуществленіе лишь у низшихъ изъ дикарей, у пещересовъ Огненной Земли, — крайній индивидуализмъ, говоримъ мы, идетъ въ разрѣзъ съ самой природой человѣческой, ибо человѣкъ прежде всего существо общительное; онъ открываетъ свободное поле для безжалостной конкуренціи, для самаго отъявленнаго эгоизма, и замѣняетъ взаимопомощь взаимной борьбой; его формула: „Всѣ противъ одного, одинъ противъ всѣхъ“. Разумѣется, общество, построенное, какъ въ древнемъ Перу, на угнетающемъ коммунизмѣ, прогрессируетъ не легко; но по крайней мѣрѣ существованіе его обезпечено, чего нельзя сказать объ индивидуализмѣ безъ мѣры и удержа, при которомъ сильные безнаказанно могутъ пожирать слабыхъ.

Задача, предстоящая человечеству, заключается въ томъ, чтобы найти смѣшанную социальную форму. Нельзя отрицать, что общество имѣетъ право, даже, пожалуй, обязано требовать, чтобы каждый изъ его членовъ до известной степени жертвовалъ своей личной свободой ради общаго блага, но лишь въ той мѣрѣ, насколько это строго необходимо для поддержанія и сохраненія общественнаго организма. Въ этого предѣла ограниченіе переходитъ въ угнетеніе; можно сказать, что каждое общество, удовлетворивъ свои насущныя нужды, обязано обезпечить личную свободу индивидуума, иначе оно рискуетъ окаменѣть въ неподвижности и погибнуть.

ГЛАВА VIII.

Рабство въ Полинезіи.

Г. Новая Зеландія и подчиненный классъ населенія. — Соціологическія слѣдствія разобщенія въ Полинезіи. — Людоѣдство, какъ воинскій обычай. — Походы для добыванія рабовъ. — Торговля невольниками. — Безправная каста. — Работы, возложенныя на рабовъ. — Рабъ — пищевой продуктъ. — «Освященный» рабъ — угощеніе на пиру. — Приношеніе рабовъ въ жертву при погребеніяхъ. — Малочисленность рабовъ. — Промышленность въ Полинезіи. — Земледѣліе. — Трудъ мужчинъ. — Тяжкій трудъ женщинъ. — Подчиненность женщины. — *Полудикая Полинезія.* — Людоѣдство на пути къ исчезновенію. — Отсутствіе рабовъ на Маркизовыхъ островахъ; сервы. — Закланіе плебеевъ при похоронахъ. — Человѣческія жертвы, подносимыя въ *морани*. — Щедлость природы къ жителямъ Полинезіи. — Великолѣпное презрѣніе къ труду. — Трудъ простолюдиновъ. — Ремесленныя касты на о-вѣ Тонга. — Земледѣліе на о-вѣ Тонга. — Подчиненіе женщинъ. — Какъ сдѣлаться красавицей. — Тяжкій трудъ женщинъ изъ народа. — Выдѣлка матерій изъ бумаги. — Трудъ мужчинъ. — Въ общемъ легкія условія жизни. — *III. Эволюція рабства.*

I. Новая Зеландія и подчиненный классъ населенія.

Бѣглый обзоръ обширнаго американскаго материка, начиная отъ мыса Горна и кончая полярными областями, даетъ намъ возможность присутствовать при томъ же зрѣлищѣ, какимъ уже подарила намъ Африка, т. е. при постепенной эволюціи рабства. Подобнымъ же образомъ изслѣдуемъ мы и Полинезію; только здѣсь дѣйствица развитія по необходимости будетъ короче, такъ какъ здѣсь мы имѣемъ дѣло не съ обширнымъ материкомъ, представляющимъ нашему наблюденію въ различныхъ странахъ весьма различныя ступени цивилизаціи, но съ группами острововъ, разбросанныхъ по Тихому океану, начиная съ острова Пасхи и кончая Новой Зеландіей.

Правы дикарей полинезійской расы, населяющихъ эти острова, вездѣ сходятъ между собою, хотя въ отдѣльныхъ племенахъ и есть примѣсь посторонней крови; а между тѣмъ раса эта болѣе всякой другой подвергалась вліянію разобщенія, отлученности отъ остальнаго міра. И дѣйствительно, не всѣ полинезійскіе архипелаги стоятъ на одномъ уровнѣ цивилизаціи; на островахъ Товарищества, напримѣръ, европейцы встрѣтили населеніе гораздо менѣе дикое, чѣмъ на Новой Зеландіи. На этомъ островѣ еще сохранились первобытныя права; онъ представляетъ собой архаическую

Рабы въ Новой Зеландіи стояли, въ полномъ смыслѣ слова, внѣ закона, или, вѣрнѣе, обычнаго права, замѣнявшаго законы въ этой странѣ, и дѣти отъ невольницы рождались рабами, даже въ томъ случаѣ, если отцомъ могъ быть одинъ изъ вождей. Обычай однакоже разрѣшалъ вождю взять въ жены рабыню, потому что вождю вообще многое разрѣшалось; но для простого смертнаго такой постыдный поступокъ имѣлъ весьма непріятныя послѣдствія: всякій могъ безнаказанно обокрасть человѣка, который унижился до брака съ рабыней¹⁾.

Въ домѣ господина рабы исполняли всѣ домашнія работы, стряпали, готовили сладкіе пататы и пр. для многочисленной семьи — вѣрнѣе *familia* — хозяйна, состоявшей изъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей²⁾. Пользовались ими и для земледѣльческихъ работъ, такъ какъ вожди не могли заставить своихъ подданныхъ, плебеевъ, обрабатывать землю; строго говоря, обязанности плебеевъ по отношенію къ сюзерену ограничивались военной службой³⁾; зато рабъ былъ всецѣло во власти своего господина. Этотъ послѣдній владѣлъ имъ, какъ вещью, имѣлъ надъ нимъ безусловное право жизни и смерти, а между тѣмъ — странное противорѣчіе — въ обыденныхъ житейскихъ отношеніяхъ между полновластнымъ хозяиномъ и совершенно безправнымъ рабомъ не соблюдалось никакого этикета⁴⁾. Европейцы дивились той легкости, съ какой поддавались имъ туземки Новой Зеландіи, но это были, по большей части, рабыни, занимавшіяся проституціей по приказу и къ выгодѣ своихъ хозяевъ. Вожди очень мало интересовались этимъ презрѣннымъ и порабощеннымъ сословіемъ, гораздо меньше, чѣмъ своими собаками, и оставляли рабовъ умирать съ голоду, нисколько не трогаясь ихъ страданіями; зато проступки ихъ карали съ безпощадной жестокостью; такъ, раба, пойманнаго въ кражѣ, нерѣдко казнили смертью и потомъ съѣдали его, пользуясь удобнымъ случаемъ, чтобы задать веселый пиръ своимъ друзьямъ⁵⁾. — Впрочемъ, и помимо этого, въ Новой Зеландіи, для того чтобы убить и съѣсть раба, не требовалось никакихъ основаній, даже никакого предлога. Главной поставщицей рабовъ была война, а всякаго военнопленнаго можно было съѣсть тутъ же, на полѣ битвы; если же въ тотъ моментъ его почему-либо сочли за нужное пощадить, ничто не мѣшало подвергнуть его той же участи нѣсколько позже. Таковъ былъ обычай и держался онъ еще долгое время послѣ того, какъ англичане стали селиться въ Новой Зеландіи⁶⁾. Принимая у себя друга, вождь или просто вліятельный дворянинъ, въ честь и ради

¹⁾ *New Zealanders* (London, 1830), 247. ²⁾ *Ibid.*, 197. ³⁾ *Voy. Astrolabe, loc. cit.*, 160. ⁴⁾ *Ibid.*, 199. ⁵⁾ *Voy. Astrolabe, (Pièces justificatives)*, p. 400. ⁶⁾ *Darwin, loc. cit.*, 453. (Рус. пер.).

тѣнь ребенка въ *Reinga* (Reinga); мать сама настаивала на этомъ, боясь отпустить своего ребенка одного въ загробное путешествіе ¹⁾. Если умиралъ вѣятельный человѣкъ, нѣсколькихъ рабынь приносили въ жертву Манамъ покойнаго, чтобы умилостивить ихъ: смерть часто приписывали порчѣ, и родные умершаго боялись, какъ бы разгнѣванный двойникъ его не вернулся на землю мстить живымъ ²⁾. Все эти ужасы ново-зеландцы продѣлывали самымъ невиннымъ манеромъ, и это нисколько не мѣшало имъ въ другихъ случаяхъ проявлять даже гуманность. Такъ, они окружали уваженіемъ стариковъ — среди дикарей это наблюдается довольно рѣдко — и уступали имъ почетныя мѣста на пирахъ, на церемоніяхъ, въ совѣтѣ и пр. Иные вожди содержали на свой счетъ плебеевъ, достигшихъ преклоннаго возраста ³⁾, единственно изъ уваженія къ ихъ старости. Но въ общемъ вожди, дворяне, *рангатира*с относились къ черня свысока и презирали ее. Европейское образованіе, — говорили они первымъ колонистамъ, — хорошо только для благородныхъ дѣтей; оно бесполезно людямъ, у которыхъ никогда не будетъ ни собственности, ни слугъ, которые никогда не выйдутъ изъ зависимаго состоянія ⁴⁾.

Итакъ, рабство въ Новой Зеландіи было еще плохо организовано и не имѣло большого значенія. Существовалъ только одинъ разрядъ рабовъ — плѣнники, временно-оставленные въ живыхъ и исполнявшіе обязанности слугъ въ домахъ вельможъ. Въ сущности ново-зеландцы еще не испытывали потребности въ многочисленномъ сословіи рабовъ и порою довольствовались тѣмъ, что заставляли покоренныя племена платить себѣ дань натурою; а это уже рабство только по имени, скорѣе крѣпостное состояніе ⁵⁾.

Дѣло въ томъ, что условія жизни ново-зеландцевъ были еще очень просты. Вся ихъ промышленность ограничивалась постройкой домовъ и широгъ, выдѣлкой оружія и орудій изъ дерева, нефрита, базальта, плетеніемъ сѣтей и силковъ. Большинство этихъ работъ занимались мужчины и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ были большими искусниками. Сѣти и невода ихъ доходили иногда до 500 футовъ длины. Они умѣли строить большія военныя широгы длиною въ 60 футовъ, съ лѣпными украшеніями на носу и кормѣ ⁶⁾. Азотистыя вещества доставляло ново-зеландцамъ, главнымъ образомъ, море, но кромѣ того они держали собакъ и ловили сѣтью или силками утокъ, перепелокъ и вихирей. Военное искусство и охота были имъ неизвѣстны, какъ и большинству полинезийцевъ ⁷⁾.

¹⁾ Ibid., 288. ²⁾ Voy. *Astrolabe*, 285. ³⁾ Dumont d'Urville, *Hist. univ. voy. V. XVIII*, 264. ⁴⁾ Voy. *Astrolabe*, 199. ⁵⁾ A. I. Thomson, *History of New Zealand*, I. 148. ⁶⁾ Voy. *Astrolabe*, 65—66. *Pièces justificatives*. ⁷⁾ Ibid., 64.

Земледѣліе у нихъ также находилось въ зачаточномъ состояніи. Изъ всей страны были обработаны только небольшіе участки земли около самыхъ домовъ, засаженные обыкновенно сладкими пататами или тыквой. Разводили еще одно растеніе (*phormium tenax*), которое замѣняло коноплю ¹⁾. Большимъ подспорьемъ этимъ скуднымъ ресурсамъ питанія служили корни съѣдобнаго папоротника. — Свои маленькія поля или, вѣрнѣе, сады хозяева содержали въ чистотѣ и тщательно выпалывали. Земледѣльческія орудія были просты, какъ и само земледѣліе; мягкую почву безъ труда раскапывали деревянными лопатами и заступами. Для болѣе твердой земли и для выкапыванія корней папоротника употребляли орудіе, называемое *коко*, очень сходное съ перувіанскимъ коломъ. *Коко* также представляло собою заостренный колъ, приблизительно въ семь футовъ длиною; въ двухъ футахъ отъ заостреннаго конца былъ придѣланъ поперечный брусокъ, въ который упирались ногой, для того чтобы *коко* глубже вошелъ въ землю ²⁾, или чтобы вывернуть комъ побольше.

Земледѣльческій и промышленный трудъ распределялся между обоими полами. Специальность мужчинъ составляла выдѣлка оружія, орудій, челновъ. Плетеніемъ корзинъ, сученіемъ нитокъ, веревокъ, тканьемъ цыновокъ занимались мужчины и женщины вмѣстѣ ³⁾.

Но самая трудная обязанность собирать раковины, существенный элементъ питанія ново-зеландцевъ, — лежала на женщинахъ. Каждый день женщины и дѣвушки входили въ море и обнаживали прибрежныя скалы, отрывая отъ нихъ съѣдобныя раковины. Кромѣ того и земледѣліемъ и садоводствомъ занимались почти исключительно женщины и рабы. Миссіонеръ Марсденъ былъ однажды весьма удивленъ, увидавъ, что жена одного изъ главныхъ вождей, Шонгуи, прославившагося нѣкогда своей поѣздкой въ Англію, работаетъ на полѣ вмѣстѣ съ слугами и, несмотря на свою елѣиоту, собственноручно подаетъ имъ примѣръ прилежанія. Она вырывала руками сорныя травы, собирала ихъ въ пучокъ и клала себѣ подъ ноги, потомъ прикрывала ихъ землей и двигалась дальше ⁴⁾. Ея маленькая дочка сидѣла тутъ же, въ бороздѣ, проведенной матерью ⁵⁾.

Новозеландскія женщины находились въ большомъ подчиненіи у мужчинъ. Отцы выдавали дочерей замужъ, не спрашиваясь ихъ согласія ⁶⁾. Вдовѣ вождя обычай не давалъ права вторично выйти замужъ; если же ей случалось пренебречь этимъ, у нея насильно отбирали все ея имущество ⁷⁾. Зато мужьямъ не возбранялось

¹⁾ Ibid. 64. ²⁾ Voy. Astrolabe (*loc. cit.*) 64—300. ³⁾ Ibid. 167. ⁴⁾ Ibid. 67. ⁵⁾ Ibid. 301. ⁶⁾ *New Zealanders*, 388. ⁷⁾ Voy. Astrolabe. 286.

вводить въ домъ соперницъ жены; чаще всего это были, какъ и въ древней Греціи, рабыни — наложницы; а если жена позволила себѣ выразить неудовольствіе по этому поводу, мужъ доходилъ иногда до того, что грозилъ убить ее ¹⁾.

Всѣ эти свѣдѣнія собраны отчасти путешественниками, но главнымъ образомъ миссіонерами и колонистами, и, слѣдовательно, за достовѣрность ихъ можно ручаться. Итакъ, нравы новозеландцевъ сильно напоминаютъ нравы папуасовъ, населяющихъ меланезійскіе архипелаги. Какъ и въ Вити, рабство въ Новой Зеландіи является результатомъ пристрастія къ людоедству и потребности въ мясѣ. Сначала плѣнныхъ щадилъ для того, чтобы потомъ лакомиться ими на свободѣ; впослѣдствіи ихъ, въ промежуткахъ, стали заставлятъ работать, плѣнники иногда возвышались до званія наложницъ, и это давало имъ лишній шансъ на продленіе жизни. Одновременно съ этимъ на раба начали смотрѣть, какъ на мѣтовую цѣнность, на предметъ торговли, вещь, которую можно продавать и покупать. Этимъ дикимъ нравамъ покровительствовала религія. Въ данномъ случаѣ она освящала обычай пожирания навшаго врага на полѣ битвы и даже убійство домашнихъ рабовъ съ чисто кулинарными цѣлями.

IV. Полудиная Полинезія.

Туземцы Новой Зеландіи интересны во многихъ отношеніяхъ, но они болѣе дикіе изъ всѣхъ дикарей полинезійской расы; на другихъ архипелагахъ нравы жителей мягче. На Маркизовыхъ островахъ и на островахъ Мореплавателей, европейцы еще застали людоедство, но на всѣхъ другихъ островахъ оно сохранилось лишь въ символическомъ видѣ, въ религіи. Да и на Маркизовыхъ островахъ и на архипелагѣ Мореплавателей уже перестали убивать людей *pro domo sua* и съ чисто кулинарными цѣлями, тогда какъ на Новой Зеландіи, въ эпоху заселенія ея англійскими колонистами, этого рода убійства были дѣломъ обычнымъ. Туземцы Маркизовыхъ острововъ начинали стыдиться своихъ привычекъ; охотниковъ до человѣческаго мяса среди нихъ оставалось немного, и то это были старики, послѣдніе представители исчезающаго типа. Если туземцамъ временами и случалось отвѣдать мяса побѣжденнаго врага, ими руководили при этомъ другіе мотивы: ненависть, месть, ошьянѣніе битвой и т. под. ¹⁾.

Рабства на Маркизовыхъ островахъ не существовало; но край-

¹⁾ M. Radiguet, *Derniers sauvages*, 170.

ней мѣрѣ, никакихъ признаковъ его мы не видимъ. Общество здѣсь, какъ и въ Новой-Зеландіи, распадается на два класса: во-первыхъ, классъ *аканковъ*, аристократовъ, гордыхъ и надменныхъ, и во-вторыхъ, *кикино* — т. е. простой народъ, чернь ¹⁾, находящуюся въ полномъ порабожденіи у *аканковъ*. При встрѣчѣ съ аристократомъ, кикино должны падать ницъ; пироги аристократовъ спокойно плывутъ впередъ, не рѣдко опрокидывая по пути лодки *кикино*, эти же бѣдняки не имѣютъ возможности свернуть съ дороги ²⁾, такъ какъ, завидя аристократа, они первымъ долгомъ обязаны бросить весла и пасть ницъ, на дно пирога.

Хотя жители Маркизовыхъ острововъ и начали обуздывать свою страсть къ людоедству, обычай закланій еще сильно распространенъ среди нихъ. По смерти вождя обязательно принести въ жертву по крайней мѣрѣ двухъ человѣкъ, а за неимѣніемъ рабовъ, мѣсто ихъ заступаютъ плебеи, *кикино*. Двойники закланныхъ жертвъ должны снести на тотъ свѣтъ, одинъ — поясъ покойнаго, другой — голову кабана, фигурировавшаго въ качествѣ главнаго угощенія на поминкахъ. Эту голову, или вѣрнѣе двойникъ ея, необходимо поднести въ даръ сторожу лукавскаго рая. Рай находится на очаровательномъ островѣ, лежащемъ среди облаковъ ³⁾, по черберъ этого рая не преминетъ захлопнуть дверь подъ носомъ у ново-прибывшаго, если его не умилостивить предварительно подаркомъ — головой освященнаго кабана. *Кикино*, приносимые въ жертву при погребеніи, не всегда даже принадлежатъ къ одному племени съ покойнымъ. Нерѣдко особый отрядъ воиновъ отправляется въ походъ, специально съ цѣлью выслѣдить и поймать нѣсколькихъ человѣкъ изъ сосѣдняго племени; намѣченныхъ жертвъ преслѣдуютъ по пятамъ, устраиваютъ имъ засаду и, овладѣвъ ими, ведутъ ихъ на мѣсто закланія (*vahi tapou*) ⁴⁾.

Подобные же нравы мы находимъ на островахъ Мореплавателей; здѣсь уцѣлѣлъ еще и воинскій обычай пожиранія плѣнныхъ на полѣ битвы ⁵⁾; но пролетаріи здѣсь отличаются большею гордостью и служатъ вождямъ по своей охотѣ, а не за условленную плату ⁶⁾. На всѣхъ другихъ архинелагахъ завѣщанный предками обычай людоедства вышелъ изъ употребленія, но обычай закланія сохранился, и жертвы избираются, изъ среды плебеевъ, по указанію жрецовъ. Полинезійскіе боги продолжаютъ оставаться людоедами, и въ важныхъ случаяхъ поклонники ихъ не знаютъ иного средства обезпечить за собою ихъ помощь или обезоружить ихъ гнѣвъ,

¹⁾ Ibid. 155. ²⁾ Cooc. Troisième voy. *loc. cit.* X, 288. ³⁾ Ibid., *loc. cit.*, v. X, 327.

⁴⁾ Badiguet, *loc. cit.*, 170. ⁵⁾ Th. West. *Ten years in South central Polynesia*, 270.

⁶⁾ Ibid. 145.

какъ преподнести имъ въ *моран* (*morais*) нѣсколько человѣческихъ труповъ. Нерѣдко вожди и жрецы стовариваются между собой, кого выбрать, и пользуются этимъ, чтобы избавиться отъ непріятныхъ для нихъ людей ¹⁾. — Плебеи на различныхъ архипелагахъ носятъ и различныя названія; на Маркизовыхъ островахъ они называются *кикино*. на Тонгѣ — *туа* (*tuas*), на Таяти — *туту*; но вездѣ они питаютъ суевѣрное обожаніе къ вождямъ ²⁾ и безропотно покоряются ихъ велѣніямъ и желаніямъ. Когда унылыя звуки жреческаго барабана возвѣщаютъ народу о томъ, что *затуа*, боги, требуютъ жертвъ ³⁾, обреченные не противятся. А такое желаніе боги высказываютъ не рѣдко. Погребеніе вождя обязательно сопровождается закланіемъ нѣсколькихъ плебеевъ; а если это знаменитый, прославленный вождь, какъ напримѣръ великій Тамехамега на Сандвичевыхъ островахъ, то находятся даже охотники, которые сами просятъ, чтобъ ихъ принесли въ жертву ⁴⁾. Кромѣ того считается необходимымъ приносить человѣческія жертвы: передъ объявленіемъ войны ⁵⁾, въ военное время, когда посылаютъ помощь союзникамъ ⁶⁾; наканунѣ сраженія; на праздникѣ по случаю полученія дани съ подвластныхъ острововъ ⁷⁾; при снятіи *тибу* (запрещенія). Плебеи такъ хорошо выдрессированы, такъ привыкли повиноваться, что безропотно выслушиваютъ волю боговъ, обрекающую ихъ на скорую и насильственную смерть, не дѣлаютъ попытокъ спастись, смиренно идутъ на указанное мѣсто ⁸⁾ и тамъ, въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ, даже дней, терпѣливо ждутъ казни: вѣдь жрецъ говорилъ послѣ предварительнаго совѣщанія глазъ на глазъ съ *затуа*; — отказать ему въ повиновеніи немислимо ⁹⁾. Такая покорность низшихъ классовъ почти устраниваетъ потребность въ рабствѣ, поэтому, во время частыхъ войнъ плѣнныхъ безпощадно избиваютъ, безъ различія пола и возраста, и головы ихъ преподносятъ богамъ въ *моран* ¹⁰⁾; иногда такимъ образомъ истребляютъ цѣлыя кланы ¹¹⁾. Въ рабочихъ рукахъ нѣтъ нужды и, слѣдовательно, можно позволить себѣ наслажденіе местию.

Дѣйствительно, мать природа, какъ говорили въ прошломъ вѣкѣ, была по отношенію полинезійцевъ не только благосклонна, но даже предупредительна. Она обидѣла только новозеландцевъ, на родинѣ которыхъ нѣтъ иныхъ млекопитающихъ, кромѣ особой породы собакъ (*chiens-renards*), въ дикомъ или ручномъ состояніи, нѣтъ съѣдобныхъ растений, кромѣ сладкихъ пататовъ, папорот-

¹⁾ Moerenhout, *Voy. aux îles du Grand Ocean*, t. I. ²⁾ Cook, *loc. cit.* t. X, p. 247.

³⁾ Moerenhout, *loc. cit.* I, 510. ⁴⁾ Beechey, *Hist. univ. voy.* v. XLX, 347. ⁵⁾ Moerenhout *loc. cit.* I, 524. ⁶⁾ Ibid. 597. ⁷⁾ Ibid.—Cook, *loc. cit.* XI, 297. ⁸⁾ Cook, *loc. cit.* X, 21. ⁹⁾ Moerenhout, *loc. cit.* I, 510. ¹⁰⁾ Moerenhout, *loc. cit.*, t. II, 47. ¹¹⁾ Ibid. t. II, 38.

ника съ сочными корнями и тыквы; оттого-то новозеландцы и оставались дикими долше другихъ островитянъ. Зато на всѣхъ другихъ архипелагахъ растутъ: кокосовое дерево, ямсъ, корни котораго вѣсятъ иногда до двадцати-пяти килограммовъ, бананы, *colocaria esculenta*, дынное дерево (*papaue*), сладкіе пататы, сахарный тростникъ, наконецъ, хлѣбное дерево (*Artocarpus incisa*). Последнее для этихъ острововъ — настоящій даръ провидѣнія; его насчитываютъ тридцать три разновидности ¹⁾. На островахъ Таити хлѣбное дерево такъ акклиматизировалось, что перестало давать сѣмена, и разводить его можно только черенками; но въ этомъ и не представляется надобности; наоборотъ, приходится принимать мѣры противъ чрезмѣрнаго его размноженія, такъ какъ это дерево широко разстилаетъ свои корни, которые, въ свою очередь, мѣстами даютъ отростки, и если дать ему расти на свободѣ, оно скоро заполонитъ цѣлую равнину. Поэтому туземцы рѣдко сами разводятъ его. Вообще на плантаціяхъ разводятъ только ямсъ и бананы, попеременно; повидимому полинезийцы поняли, по крайней мѣрѣ въ этомъ отношеніи, выгоду плодo-перемѣннаго хозяйства. Посадивъ въ одномъ году бананы, черезъ два-три года на этой же плантаціи садятъ ямсъ и обратно ²⁾. Всѣ эти растенія растутъ на островахъ въ дикомъ состояніи: ухода за ними нѣтъ, туземцы не берегутъ ихъ ³⁾. Такое изобиліе выгодно отразилось на характерѣ полинезийцевъ; они всегда готовы оказать услугу другъ другу, подѣлиться съ сосѣдомъ пищей, одеждой, и во многихъ случаяхъ, не зная евангелія, исполняютъ евангельскую заповѣдь и не дѣлаютъ разницы между собою и ближнимъ ⁴⁾. По крайней мѣрѣ такъ поступаютъ другъ съ другомъ люди одного и того же сословія; но аристократы при своихъ себѣ привилегію на лучшей пицевой продуктъ, — свинину, и *туту* запрещено употреблять ее въ пищу ⁵⁾.

Полинезийцамъ нѣтъ надобности въ потѣ лица зарабатывать хлѣбъ свой, поэтому на банальныя увѣщанія мнимыхъ цивилизаторовъ европейцевъ — работать, трудиться, жители Таити отвѣчали: „Къ чему намъ работать? Вѣдь у насъ кокосовъ, банановъ и плодовъ хлѣбнаго дерева больше, чѣмъ мы можемъ съѣсть. Вамъ нужны красивыя платья, красивые корабли — ну, и работайте себѣ въ добрый часъ. А мы довольны и тѣмъ, что имѣемъ“ ⁶⁾. При этомъ они съ довольнымъ видомъ окидывали взоромъ окрестность. Это чувство довольства присуще всѣмъ жите-

¹⁾ A. Grisebach, *Végétation du globe*, II 748—810. (Рус. пер.). ²⁾ Th. West, *Ten years in South central Polynesia*, 129—130. ³⁾ Moerenhout, *loc. cit.*, II, 182. ⁴⁾ Cook, *loc. cit.*, v. VIII. ⁵⁾ *Ibid.* 290. ⁶⁾ Beechey, *Hist. univ. voy.* v. XLX 221.

лямъ этихъ благодатныхъ острововъ ¹⁾, въ особенности мужчинамъ и въ частности аристократамъ. Какъ ни первобытно чело-вѣческое общество, все же у него есть потребности не только насущныя, естественныя, но искусственно созданныя самой общественной жизнью и для удовлетворенія которыхъ необходимо коллективное усиліе. Безъ труда удовлетворить эти потребности невозможно, а тамъ, гдѣ организація общественнаго организма уже осложнилась, гдѣ есть хоть намекъ на іерархію, сумма труда, необходимаго для поддержки общества, распределяется очень неравномѣрно и ложится, главнымъ образомъ, на женщинъ и простолюдиновъ. Такъ было и на полинезійскихъ архинелагахъ. Вождямъ не зачѣмъ работать; въ принципѣ имъ и такъ все принадлежитъ; полинезійская поговорка говоритъ, что вождь не можетъ украсть, такъ какъ онъ можетъ взять себѣ все, что захочетъ. На Таити и на западныхъ островахъ, если вождь спрашивается: „Чьи это свиньи, чье это дерево и т. п.“ владылецъ отвѣчаетъ: „Твое и мое“ ²⁾. На томъ же островѣ дворяне, *arii* (*arii*) присваиваютъ себѣ большую часть плодовъ, собранныхъ ихъ подчиненными ³⁾. Одинъ изъ нихъ, убивъ простолюдина, страшно разсердился, когда ему сказали, что въ Англіи его за это повѣсили бы ⁴⁾. Итакъ, привилегированное сословіе проживаетъ въ Полинезиі безъ труда и безъ заботъ. Въ другія условія поставленъ низшій классъ. На нѣкоторыхъ островахъ, напримѣръ, на островѣ Тонга, мы находимъ мастеровыхъ, ремесленныя касты, профессіи, переходящія по наслѣдству отъ отца къ сыну, какъ напримѣръ плотничья, рыбацья и т. п. ⁵⁾. Мужчины на Тонгѣ сами строятъ дома и пироги, занимаются рыбной ловлей и судоходствомъ, довольно усердно занимаются и землѣдѣіемъ, такъ какъ плоды и съѣдобные корни играютъ большую роль въ ихъ питаніи. Какъ и въ Новой Зеландіи, здѣсь обрабатываютъ землю посредствомъ колесъ различной величины; самыя большіе снабжены поперечной перекладиной, въ которую нахарь упирается ногой. Такіе колы называются гуо (*houo*); въ ширину они имѣютъ отъ двухъ до четырехъ дюймовъ и внизу съ одного края острѣе ⁶⁾.

Женщины въ Полинезиі не такъ угнетены, какъ въ Австраліи. Оба пола танцуютъ и веселятся вмѣстѣ; иногда мужчины даже удостоиваютъ помогать женщинамъ въ уходѣ за дѣтьми ⁷⁾, но и здѣсь женщины очень подчинены и завалены тяжелой работой. Имъ запрещено приближаться къ мужу или отцу въ то время, какъ тѣ ѣдятъ. У нихъ своя посуда, которой не пользуются муж-

¹⁾ Radiguet, *loc. cit.*, 318. ²⁾ Moerenhout, *loc. cit.*, II. 181. ³⁾ *Ibid.* II, 9. ⁴⁾ Cook. *Troisième voyage* (Hist. univ. voy: X, 228). ⁵⁾ Th. West., *loc. cit.* 262. ⁶⁾ Cook. *loc. cit.* X, 66. ⁷⁾ *Ibid.* 306.

чины; даже пищу свою онѣ обязаны варить на особомъ огнѣ ¹⁾. Наконецъ, нерѣдко мужья немилосердно колотятъ своихъ женъ; это здѣсь въ порядкѣ вещей ²⁾.

Представленія о физической красотѣ у таитянъ такія же, какъ и у негровъ средней Африки. Красавица должна быть непременно очень полна и жирна; для достижения этого полинезійцы подвергаютъ своихъ подругъ особому режиму: въ теченіе извѣстнаго періода времени кормятъ ихъ до отвала пищей, богатой крахмаломъ, бананами, *попои*, т. е. плодами хлѣбнаго дерева и пр., и не позволяютъ ровню ничего дѣлать, даже ходить; единственная дозволенная прогулка — пойти къ рѣкѣ, чтобы вымыться. По окончаніи некуса, женщины раздѣваются до нага и дѣлаютъ имъ смотреть, прежде чѣмъ дозволить имъ показаться въ обществѣ. Зато, если желанный результатъ достигнутъ, красавица возбуждаетъ общій восторгъ и молодежь за ней усиленно ухаживаетъ ³⁾.

По всей вѣроятности, это эстетическое и несомнѣнно половое увлеченіе женской красотой у таитянъ лишь преходяще и относится только къ женщинамъ высшихъ классовъ; простолюдинкамъ некогда заниматься своей красотой; на нихъ лежатъ тяжелыя работы. Прежде всего онѣ носятъ тяжести — обычный удѣлъ женщинъ въ обществахъ дикарей; онѣ же собираютъ плоды хлѣбнаго дерева, *таро*, бананы и пр. Мужчинамъ не воспрещено формально помогать женщинамъ въ этомъ занятіи, но на практикѣ помощь оказывается довольно затруднительной. Обыкновенно мужчины носятъ тяжести на плечахъ, но въ тѣхъ случаяхъ, когда они вздумаютъ помочь женщинамъ, имъ разрѣшается нести что-нибудь только подъ мышкой; это конечно затягиваетъ работу и дѣлаетъ ее болѣе утомительной ⁴⁾.

Мужчины простолюдины нерѣдко готовятъ кушанье и для себя и для женщинъ, но на двухъ различныхъ очагахъ ⁵⁾.

На Маркизовыхъ островахъ женщины занимаются главнымъ образомъ приготовленіемъ свѣжей *попои*, для чего снимаютъ кожу съ плодовъ хлѣбнаго дерева, растираютъ и варятъ мякоть; иногда перевариваютъ старую *попои*, или дѣлаютъ *попои* особаго рода, сладкую, называемую *какисъ* (*kakis*), для чего варятъ плоды хлѣбнаго дерева, толкутъ ихъ въ ступѣ и поливаютъ миндальнымъ молокомъ изъ орѣха коко ⁶⁾.

Въ извѣстныя времена года женщины ходятъ на рыбную ловлю, днемъ забрасываютъ небольшія мережи въ устьяхъ рѣчекъ; ночью выходятъ на ловлю съ факелами и бьютъ рыбу небольшою дере-

¹⁾ Moerenhout, *loc. cit.*, II, 92—93. — Cook, *loc. cit.* 232. ²⁾ Cook, *loc. cit.*, X, 233. ³⁾ Moerenhout, *loc. cit.*, I, 206. ⁴⁾ Moerenhout, *loc. cit.*, II, 92—93. ⁵⁾ *Ibid.* ⁶⁾ Radiguet, *loc. cit.*, 190.

вянной саблей¹⁾; иногда цѣлые дни онѣ проводятъ по поясъ въ водѣ, собирая раковины. Ничѣмъ не защищенные отъ палящаго зноя, онѣ ступаютъ босыми ногами по острымъ коралламъ и т. п.²⁾. — Одна изъ трудныхъ работъ — разбиваніе плодовъ пандановъ, для того, чтобы вынуть изъ нихъ ядро; за этой работой женщины сидятъ по цѣлымъ днямъ. Если одна изъ нихъ, проголодавшись, позволитъ себѣ съѣсть нѣсколько ядеръ, ее жестоко наказываютъ³⁾. По главное занятіе женщинъ — выдѣлка циновокъ и тканей изъ коры нѣкоторыхъ деревьевъ. Это долгая и утомительная работа, разъ начатая, она уже не можетъ быть прервана. Матерьяломъ служитъ кора хлѣбнаго дерева (*Artocarpus incisa*), двухъ породъ фигового (*ficus prolixa* и *ficus tinctoria*), наконецъ *Bramonetia papyrifera*; иногда смѣшиваютъ вмѣстѣ кору различныхъ деревьевъ. Выдѣлка этихъ тканей, похожихъ на бумагу, дѣло очень сложное. Прежде всего надо содрать кожу и вымочить ее въ ручьѣ, для того, чтобы отдѣлнить верхнюю оболочку, содержащую хлорофилъ. Оставшуюся бѣлую и волокнистую часть сушатъ на солнцѣ, потомъ растягиваютъ на длинныхъ бревнахъ, снова смачиваютъ; затѣмъ начинается работа — разбиваніе коры. Для этого употребляютъ четырехугольныя колотушки, съ надрѣзами или бороздками различной ширины и глубины на всѣхъ четырехъ сторонахъ; начинаютъ бить той стороной, на которой бороздки пошире. Отъ этого битья полосы коры, положенныя рядомъ во всю длину, спаиваются вмѣстѣ, и отдѣльныя волокна сливаются въ одну массу. Эта работа очень тяжелая; многія женщины не выдерживаютъ ее. Выколовивъ хорошенько кору, ее просушиваютъ на солнцѣ, потомъ свертываютъ, заворачиваютъ и подвѣшиваютъ къ крышѣ или къ балкамъ домовъ. — Каждая семья отводитъ особый домикъ подъ мастерскую для выдѣлки тканей; кромѣ того въ каждомъ округѣ есть обширная мастерская, въ которой въ особыхъ случаяхъ ткани выдѣлываются *en grand*, — напримеръ, передъ большимъ праздникомъ, по случаю посѣщенія вождя или *aérois* и т. п. Въ такихъ мастерскихъ работаютъ сразу нѣсколько сотъ женщинъ, раздѣтыхъ до нага: стукъ колотушекъ раздается съ утра и до поздней ночи; длина выдѣлываемыхъ кусковъ ткани доходитъ до шестисотъ, семисотъ футовъ. Въ это время женщины не могутъ оторваться отъ работы, не могутъ выйти изъ мастерской, поэтому мужчины удостоиваютъ приносить имъ пищу, даже стряпать для нихъ. — Полнѣзійцы вообще очень веселаго нрава; за работой женщины все время поютъ и смѣются; по окончаніи каждой штуки матеріи.

¹⁾ Moerenhout, *loc. cit.*, II, 92—93. ²⁾ Ibid. II, 71. ³⁾ Ibid. II, 70.

радуются какъ дѣти и пляшутъ вокругъ мастерской. Но мало выдѣлать матерію,—нужно еще разукрасить ее. Изъ соковъ растеній полинезійскія женщины приготавливаютъ различныя краски, больше красныхъ и желтыхъ цвѣтовъ. Иныя ткани окрашиваютъ сплошь въ одинъ цвѣтъ, на другихъ выводятъ узоры, накладывая на окрашенную уже ткань вѣтви папоротника, листья, травы, пропитанные краской другого цвѣта и нажимая ихъ рукой, для того чтобы они отпечатались на неусиѣвшей еще затвердѣть матеріи.

Всѣми этими работами руководятъ жены вождей и даже славятся своимъ искусствомъ въ выдѣлкѣ наиболее драгоценныхъ тканей¹⁾. — Мужчины въ эти работы никогда не мѣшаются. У нихъ свои занятія: они плетутъ сѣти, дѣлаютъ оружіе, перламутровые крючки къ удочкамъ, на которые можно удить рыбу безъ приманки, гарпуны деревянные и костяные, удочки²⁾, пироги. Наконецъ, они строятъ дома, *морай* (храмы) и занимаются воинскими упражненіями. — Всѣ эти работы отнимаютъ однако же не много времени; остальную часть дня оба пола посвящаютъ удовольствію: спать, поютъ, купаются, плетутъ вѣнки изъ цвѣтовъ, танцуютъ, занимаются музыкой³⁾. — Въ общемъ трудно представить себѣ болѣе простое и радостное существованіе, болѣе легкія условія жизни. Если бы сами полинезійцы не отравляли ея жестокостями, они могли бы наслаждаться счастьемъ, безъ сомнѣнія очень узкимъ, но, въ своемъ родѣ, полнымъ и вполне соответствующимъ ихъ полудѣтской природѣ.

III. Эволюція рабства въ Полинезій.

Подмѣченныя нами черты правовъ безспорно весьма любопытны, хотя, за вычетомъ характерныхъ особенностей, отличающихъ расу, не говорятъ намъ ничего новаго; но именно вслѣдствіе этого онѣ и представляютъ большой социологической интересъ. Въ нашемъ изслѣдованіи рабства мы пришли къ важному пункту, къ которому приходитъ всякій, кто изучаетъ какое бы то ни было социальное учрежденіе, разумеется, если только онъ руководствуется сравнительной этиологіей и пользуется ею методически. Факты, провѣренныя наблюденіемъ и составляющіе основу этого сочиненія, мы подбирали не случайно. Мы всегда переходили отъ простаго къ сложному, отъ наименѣ развитыхъ къ болѣе развитымъ расамъ; первые показывали намъ, чѣмъ были во младенчествѣ вторыя. Но изъ этой методической группировки все болѣе и болѣе слож-

¹⁾ Moerenhout, *loc. cit.*, II, 113—120. ²⁾ Porter, *Hist. univ. voy.* XVI, 324.
³⁾ Radiguet, *loc. cit.*, 190.

наго матерьяла въ извѣстный моментъ обязательно выдѣляется общій взглядъ; очертанія его, вначалѣ смутныя, постепенно вырисовываются все яснѣе, а когда собрано достаточное количество наблюдений, въ цѣломъ согласующихся между собою, передъ нами раскрывается законъ эволюціи.

Такой моментъ насталъ и для насъ. Сходство нравовъ жителей Полинезіи съ нравами всѣхъ другихъ народовъ, ранѣе проходившихъ передъ нашими глазами, даетъ намъ основаніе предположить, что рабство вездѣ имѣло одинаковое начало и вездѣ, въ эволюціи своей, проходило почти тождественныя фазы развитія.

Безспорно, полинезійская раса стоитъ очень низко; цивилизація ея еще очень рудиментарна; но и въ Полинезіи мы находимъ уже нѣсколько послѣдовательныхъ формъ рабства, только въ разбросанномъ видѣ, не на одномъ и томъ же, а на различныхъ архипелагахъ. Низшую форму его мы наблюдали на Новой Зеландіи, гдѣ земледѣліе ограничивается скромнымъ садоводствомъ. Непріятный, но необходимый трудъ, связанный даже съ такой первобытной культурой растеній, довольно легокъ и можетъ быть возложенъ на женщинъ; поэтому побѣжденныхъ враговъ здѣсь не обращаютъ въ рабство, предпочитая убивать ихъ и пожирать тутъ же на мѣстѣ битвы еще трепещущія тѣла ихъ. Эти нравы, напоминающіе дикихъ звѣрей, повидимому, неизбѣжно присущи первой фазѣ развитія всѣхъ человѣческихъ обществъ — первобытному клану, который, въ борьбѣ за жизнь, сталкивается съ ожесточенной конкуренціей другихъ клановъ; но самую силой вещей они постепенно измѣняются и смягчаются.

Послѣ выиграннаго сраженія въ рукахъ побѣдителей оказывается иногда больше плѣнныхъ, чѣмъ они могутъ съѣсть тутъ же, на мѣстѣ. Въмѣсто того, чтобъ умертвить ихъ безъ всякой выгоды для себя, побѣдители уводятъ ихъ къ себѣ домой въ деревню, въ расчетѣ употребить ихъ въ пищу со временемъ, а въ ожиданіи подходящаго случая, возлагаютъ на нихъ часть работъ, которыя, до прихода ихъ, исполнялись исключительно женщинами, а теперь исполняются ими совмѣстно съ плѣнными.

Итакъ, на Новой Зеландіи мы находимъ, такъ сказать, зародышевую фазу рабства, но и тутъ уже имѣемъ дѣло съ цѣлымъ классомъ рабовъ, представляющихъ собою, во-первыхъ, мѣшную цѣнность, такъ какъ раба можно продать, во-вторыхъ, домашнихъ животныхъ, такъ какъ рабъ трудится и носитъ тяжести; наконецъ — драгоценный запасъ пищи, такъ какъ раба всегда можно съѣсть.

На другихъ архипелагахъ Полинезіи рабство уже переросло эту первую фазу, каковая наблюдается на Новой Зеландіи, но ни на одномъ еще не образовалось класса рабовъ, въ точномъ смыслѣ этого

слова; или же этотъ классъ, какъ мы его находимъ въ болѣе цивилизованныхъ обществахъ, въ Полинезій существовалъ очень не долго. Въмѣсто этого мы находимъ на Маркизовыхъ островахъ, на Сандвичевыхъ, на Таити, многочисленный классъ плебеевъ, обращенныхъ въ крѣпостное состояніе. На различныхъ островахъ они носятъ различныя названія, но общественное положеніе ихъ вездѣ одно и то же. Плебен дѣлаютъ настоящее рабство излишнимъ, ибо и сами они, и скудное ихъ имущество всецѣло зависятъ отъ произвола знатныхъ, богатыхъ, могущественныхъ дворянъ, которые владѣютъ не только землей, но и народомъ, живущимъ на ней. Итакъ, въ Полинезій, какъ и вездѣ, мы видимъ рядъ фазъ, черезъ которыя прошло рабство: первая — гдѣ рабъ не что иное, какъ илѣйникъ, временно оставленный въ живыхъ людодѣлами; вторая — гдѣ рабы, принадлежаніе различнымъ владѣльцамъ, составляютъ особый классъ; въ Полинезій эта фаза выражена слабо; и, наконецъ, третья, гдѣ рабъ превратился въ крѣпостного (*serf*). Все это основныя черты эволюціи рабства. Эти же фазы мы встрѣтимъ, но только въ болѣе ясныхъ и законченныхъ формахъ, и въ тѣхъ обществахъ, которыя намъ остается изучить.

ГЛАВА IX.

Рабство у азіатскихъ народовъ монгольскаго происхождения (mongoloides).

I. *Географическое распредѣленіе азіатскихъ народовъ монгольскаго происхожденія.* — Перечисленіе главнѣйшихъ группъ. — II. *Рабство у малайцевъ.* — Рабство у баттаковъ. — Источники рабства. — Рабство за долги у баттаковъ. — Легальное положеніе раба. — Права хозяина по отношенію къ невольницамъ. — Прелюбодѣянiе съ чужой наложницей или женой. — Тяжкія преступленія, предусмотрѣнныя кодексомъ баттаковъ. — Създаніе осужденныхъ. — Рабство пятнаеть челоуѣка. — Рабы составляютъ приданое дѣвушки. — Рабы земледѣльцы въ малайскихъ земляхъ (Malaisie). — Рабы торговцы и ремесленники. — Рабство наследственно. — *Десса* или земледѣльческая деревня на Явѣ. — Ужасы торговли меланезійскими неграми. — III. *Рабство въ Индо-Китаѣ.* — Абсолютно-монархическій образъ правленія. — Король — верховный владѣлецъ своего королевства. — Отправленіе повинностей; наборы рабочихъ. — Жестокое обращеніе съ военнопленными. — Королевскіе рабы. — Гуманное отношеніе къ домашнимъ рабамъ. — Крайнее подчиненіе и тяжкій трудъ женщинъ. — Паріи въ Бирманской имперіи. — IV. *Рабство въ Камбоджѣ.* — Свободные люди — рабы короля. — Патроны свободныхъ людей. — Различныя категоріи рабовъ. — Источники рабства и привилегіи королевскихъ рабовъ. — Права *pater familias*. — Рабство за долги. — Рабы земледѣльческіе и домашніе. — Законы, покровительствующіе рабамъ. — Рабы приравнены къ домашнимъ животнымъ. — Формальности при освобожденіи. — V. *Общій взглядъ на рабство въ Индо-Китаѣ и на Малайскомъ архипелагѣ.*

I. Географическое распредѣленіе азіатскихъ народовъ монгольскаго происхожденія (монголоидовъ).

Въ предыдущихъ главахъ мы изучали рабство сначала у туземцевъ Америки, потомъ у островитянъ Полинезій; тѣ и другіе представляютъ собою, такъ сказать, метисовъ монгольской расы, *монголоидовъ*. Теперь обратимся къ другимъ племенамъ, происшедшимъ также отъ скрещенія монгольской расы съ другими расами, но болѣе близкимъ къ первоисточнику, (т. е. къ азіатскимъ монголамъ), ибо эти *монголоиды* живутъ либо на архипелагахъ, тѣсно связанныхъ съ азіатскимъ материкомъ, либо на самомъ материкѣ, притомъ на большихъ пространствахъ. Влѣдствіе такой близости азіатскіе монголоиды, въ значительной мѣрѣ, подверглись вліянію соседнихъ государствъ, въ особенности Индіи и Китая, крупныхъ

представителей восточной цивилизации; ихъ учрежденія менѣе оригинальны, чѣмъ обычаи дикарей Америки и Полинезін. Мы послѣдовательно рассмотримъ, съ точки зрѣнія рабства, главнѣйшія группы азіатскихъ *монголоидовъ*, въ слѣдующемъ порядкѣ: 1) малайцы; 2) коренные жители Индо-Китаю; 3) континентальные *монголоиды*, живущіе на сѣверъ и на востокъ отъ Китая, т.-е. татары, или истые монголы, и тибетцы. Наше изслѣдованіе монгольской расы мы закончимъ Китаемъ и Японіей.

II. Рабство у малайцевъ.

Число острововъ и архипелаговъ, населенныхъ малайцами, такъ велико, что намъ придется ограничить свое изслѣдованіе главнѣйшими группами, точнѣе говоря, островами Суматрой и Явой. Три различныхъ народа — индусы, китайцы, арабы, старались привить этимъ островамъ каждый свою цивилизацію и въ значительной мѣрѣ успѣли въ этомъ; позже голландцы подчинили себѣ значительную часть обонхъ, и всѣ мелкія туземныя государства, признавшія надъ собою верховную власть Нидерландовъ, уничтожили у себя рабство, одни окончательно, другія еще не вполне; но на Целебесѣ, на Тиморѣ, у баттаковъ на Суматрѣ etc., мы находимъ еще классъ рабовъ, который несетъ наибольшую долю общественнаго труда. Кромѣ того мы имѣемъ довольно полныя свѣдѣнія о положеніи рабства въ эпоху, предшествовавшую появленію европейскихъ колонистовъ. Мы знаемъ, напримѣръ, что жители Филиппинскихъ острововъ, тагалы, понимали рабство самымъ первобытнымъ образомъ и, по смерти господина, не стѣснялись приносить въ жертву его рабовъ для того, чтобъ они послѣдовали за покойнымъ въ лучшій міръ¹⁾; — совершенно какъ это дѣлаютъ негры въ средней Африкѣ. Мы знаемъ также, что на *Саву* настоящихъ рабовъ уже не было, а были сервы, прикрѣпленные къ землѣ и вмѣстѣ съ нею переходившіе изъ рукъ въ руки. Владѣлецъ не имѣлъ почти никакой власти надъ самой личностью раба и даже не могъ наказать его безъ разрѣшенія раджи. Такой порядокъ вещей наблюдался еще при Кукѣ²⁾ и несомнѣнно былъ результатомъ самой общественной эволюціи, такъ какъ голландцы еще слишкомъ недавно заняли страну и вліяніемъ своимъ не могли произвести въ ней коренныхъ перемѣнъ. И въ наше время рабство на Суматрѣ, у независимыхъ баттаковъ, представляется чрезвычайно интереснымъ для изученія; это, такъ сказать, средній типъ рабства.

¹⁾ W. Marsden, *Histoire du Soumatra* II, 111. ²⁾ Cook, *Hist. univ. roy.* (Premier voyage), VII, 20.

Первобытной жестокости уже нѣтъ, но рабъ все еще находится въ полномъ подчиненіи; всѣ его обязанности тщательно предусмотрѣны и установлены цѣлымъ кодексомъ обычнаго права, адатомъ, трижды священнымъ въ глазахъ туземцевъ. — Въ странѣ баттаковъ источники рабства тѣ же, что и въ другихъ рабовладѣльческихъ странахъ. Человѣкъ можетъ сдѣлаться рабомъ вслѣдствіе различныхъ причинъ: 1) въ качествѣ военнопленнаго; 2) потому что родился отъ родителей невольниковъ; 3) попавшись въ руки охотникамъ за невольниками; 4) по приговору суда; 5) какъ неплатный должникъ¹⁾. Послѣдній часто становится рабомъ кредитора только на время, до уплаты долга. Иные впавшіе въ рабство должники уже пользуются правами свободныхъ людей, имѣютъ свои дома и поля, но еще обязаны оказывать господину должный почетъ и нести разныя мелкія повинности, чтобы этимъ окончательно откупиться на волю²⁾.

Въ дѣйствительности, подчиненные или поработанные классы состоятъ не изъ однихъ только рабовъ; всѣхъ баттаковъ можно раздѣлить на двѣ обширныхъ категоріи: одна заключаетъ въ себѣ индивидуумовъ, находящихся на положеніи личностей, другая — индивидуумовъ, которые приравнены къ вещамъ. Такъ, жена есть вещь своего мужа; дѣти, дѣвушки, вдовы принадлежатъ отцу или ближайшему родственнику, словомъ, главѣ общины; должникъ есть вещь кредитора; наконецъ, рабъ, въ точномъ смыслѣ этого слова, есть вещь своего господина³⁾ и доведенъ этимъ послѣднимъ до крайней степени униженія. Тѣмъ не менѣе въ своихъ распряхъ между собою несвободные классы, паравнѣ съ свободными, могутъ рассчитывать на защиту закона, за исключеніемъ случаевъ спора между невольникомъ и господиномъ⁴⁾.

Рѣдкая семья имѣетъ много рабовъ. Свободные баттаки не особенно стремятся къ владѣнію рабами; они предпочитаютъ, чтобы на нихъ работали родственники, находящіеся въ зависимости отъ нихъ, или же временно поработанные должники. По отношенію къ послѣднимъ господину предоставлено большое преимущество: если должникъ, не пожелавъ сдѣлаться рабомъ кредитора, убѣжить и скроется, за него отвѣчаютъ его родные, и, въ силу *адата*, одинъ изъ нихъ долженъ замѣнить бѣглеца. Иное дѣло настоящіе рабы: за тѣхъ никто не отвѣчаетъ, если они убѣгутъ, но зато они не могутъ и откупиться на волю безъ согласія господина⁵⁾.

Рабъ у баттаковъ есть собственность, но собственность частная: общины, группы не владѣютъ рабами. Въ качествѣ вещи, принад-

¹⁾ Louis de Backer, *Archipel indien*, 508. ²⁾ Ibid. *loc. cit.*, 471. ³⁾ Ibid. 459—460. ⁴⁾ Ibid., 473. ⁵⁾ W. Marsden, *loc. cit.* II. 31—32.

лежащей другому человѣку, баттакскій рабъ лишень права пріобрѣтенія; все, что онъ добудеть, своимъ ли трудомъ, или иными средствами, хотя бы воровствомъ, по праву принадлежитъ господину ¹⁾. Рабъ обязанъ исполнять все работы, какія господину угодно будетъ возложить на него; взаменъ этого господинъ обязанъ давать ему помѣщеніе и кормить его, даже одѣвать; а если у него не хватаетъ на это средствъ, долженъ предоставить рабу достаточно времени, чтобы тотъ могъ набрать въ лѣсу коры и прикрыть свое тѣло. Точно такъ же, если господинъ впалъ въ нищету и не имѣетъ чѣмъ кормить раба, послѣдній имѣетъ право самъ снискивать себѣ пропитаніе, и для этого хозяинъ обязанъ предоставлять ему нѣсколько свободныхъ часовъ ²⁾. Въ качествѣ вещи, рабъ только въ извѣстныхъ предѣлахъ отвѣтственъ передъ закономъ, и если онъ навлекъ на себя штрафъ, — заплатить долженъ его господинъ ³⁾.

Само собой разумѣется, что господинъ имѣетъ право наказывать раба, но *адатъ* запрещаетъ убивать раба, подъ страхомъ суда и наказанія.

Господинъ можетъ, если на то есть его желаніе, раздѣлить ложе незамужней рабыни, но кодексъ баттакской морали уже протестуетъ противъ этого, и господинъ, злоупотребившій такимъ образомъ властью, навлекаетъ на себя общее порицаніе ⁴⁾. Съ другой стороны, въ нѣкоторыхъ случаяхъ интимной близости свободной женщины съ рабомъ вождя, если связь продолжалась не меньше года, неосторожная дѣлитъ участь своего любовника и становится рабой государя. Нерѣдко также свободные люди, не имѣя средствъ къ жизни, по доброй волѣ уступаютъ своихъ женъ государю, орангъ-каю (*orang-cayu*), за очень небольшое вознагражденіе; такимъ способомъ они по крайней мѣрѣ сохраняютъ самихъ себя ⁵⁾.

Мы только что говорили, что незамужняя рабыня не смѣетъ отказаться отъ интимной связи съ господиномъ. Если связь эта продолжалась недолго и не имѣла послѣдствіемъ беременности, она не даетъ женщинѣ ни правъ, ни обязанностей, но въ противномъ случаѣ бываетъ иначе. Если рабыня возвысилась до званія признанной наложницы своего господина, обычай, *адатъ*, видить въ ней какъ бы жену низшаго разряда; если съ такой рабыней вступить въ связь свободный человѣкъ, это считается посягательствомъ на чужую собственность, и виновный обязанъ уплатить пеню, обыкновенно стоимость рабыни. Но денежное вознагражденіе оказывается достаточнымъ лишь въ томъ случаѣ, если наложница раньше не имѣла дѣтей отъ своего господина и повелителя. Въ

¹⁾ L. de Backer, *loc. cit.*, 507. ²⁾ Ibid. 508--509. ³⁾ Ibid. ⁴⁾ Ibid. ⁵⁾ L. de Backer, *loc. cit.*, 508.

противномъ случаѣ дѣло не можетъ быть сведено только къ деньгамъ; *адатъ* видитъ въ этомъ преступленіе и требуетъ смерти виновныхъ, точно такъ же, какъ и въ томъ случаѣ, если рабыня долгое время жила съ своимъ господиномъ на правахъ законной жены, хотя бы и не имѣя отъ него дѣтей¹⁾. Дѣло въ томъ, что у баттаковъ фактической бракъ равносильнъ браку законному, а невѣрность жены считается уголовнымъ преступленіемъ. Прелюбодѣянiе — одно изъ пяти преступленій, которыя общественное мнѣніе признаетъ особенно-важными. Вотъ списокъ этихъ чудовищныхъ преступленій: ночная кража; женитьба на дѣвушкѣ изъ своего клана, т. е. имѣющей общаго предка съ женихомъ; измѣническое нападеніе на деревню, на домъ, на человѣка; участіе въ войнѣ одного округа съ другимъ, въ качествѣ третьяго лица. И наконецъ, нарушеніе супружеской вѣрности со стороны жены и посягательство на чужую жену со стороны любовника. Въ каждомъ изъ этихъ пяти случаевъ виновный заслуживаетъ смерти, но смерти особаго рода: его приговариваютъ къ съѣденію²⁾. Этотъ видъ людоѣдства еще сохранился у баттаковъ.

Понятія баттаковъ во многихъ отношеніяхъ еще очень первобытны. Такъ, если человѣкъ имѣлъ несчастье быть захваченнымъ силой и проданнымъ въ рабство въ другой округъ, они считаютъ, что онъ запятналъ свою честь; и если ему удастся возвратитъ себѣ свободу и вернуться въ среду своего племени, его обязываютъ иногда уплатить денежную пеню вождю, чтобы смыть позоръ, которымъ онъ помимо воли покрылъ себя³⁾. Вѣроятно въ силу того же предразсудка, на Минданао, если отецъ выкупитъ сына, или сынъ выкупитъ отца изъ неволи, освобожденный становится рабомъ освободителя⁴⁾.

Въ глазахъ баттаковъ рабство глубоко клеймитъ человѣка, и клейма этого не стереть въ одинъ день. Господинъ можетъ въ любое время отпустить раба на волю; для этого ему стоитъ только заявить о своемъ неизмѣнномъ рѣшеніи совѣту старѣйшинъ племени; но освобожденіе это неполное, и вольноотпущенникъ обязанъ оставаться въ общинѣ (*dans la communauté*) господина⁵⁾, на положеніи среднемъ между слугой и клиентомъ.

По закону баттаковъ, рабъ перестаетъ быть личностью. Онъ есть вещь, собственность, мѣновая цѣнность. При выходѣ замужъ благородная дѣвица обязательно приноситъ своему мужу въ приданое нѣсколько рабовъ, минимумъ двухъ; но эти рабы представляютъ собой лишь известную цѣнность и, въ случаѣ расторженія

¹⁾ L. de Backer, *loc. cit.*, 511. ²⁾ *Life and public services of sir Stanford Raffles* (p. 425, in 4th). ³⁾ W. Marsden, *loc. cit.*, II, 35. ⁴⁾ Dèmeunier, *Esprit des différents peuples*, II, 119. ⁵⁾ L. de Backer, *loc. cit.*, 509.

брака, могутъ быть не возвращены, а замѣнены равнымъ числомъ другихъ, того же возраста и той же стоимости¹⁾.

У наиболѣе дикихъ баттакскихъ племенъ, напримѣръ, у оранговъ-бовкитовъ (orang-bonkits), рабство носитъ гораздо болѣе первобытный характеръ. Здѣсь рабы приравнены къ домашнимъ животнымъ; на свадебныхъ празднествахъ приносятъ въ жертву буйволовъ, свиней и рабовъ. Кровью этихъ послѣднихъ мажутъ новобрачныхъ и домъ, гдѣ они будутъ жить; затѣмъ головы жертвъ окунаютъ въ сосѣднюю рѣчку, а молодые супруги должны выкупаться въ окровавленной водѣ²⁾.

Таковы нравы баттаковъ; таковы были по всей вѣроятности и нравы древнихъ малайцевъ; но современные малайцы пережили слишкомъ много нашествій и скрещеній съ побѣждавшими ихъ народами, чтобы сохранить въ неприкосновенности древнiе нравы. Рабство у нихъ очень напоминаетъ собою рабство въ большинствѣ восточныхъ монархiй; это прежде всего рабство монархическое. До завоеванiя Малайскаго архипелага голландцами, раджи держали вооруженные отряды рабовъ, специально для набѣговъ. Количество рабовъ служило показателемъ богатства и власти раджи.

Наряду съ рабами-воинами, существовалъ цѣлый классъ рабовъ-земледѣльцевъ; изъ нихъ принадлежанце самимъ государямъ именовались „плѣнниками короля“; это позволяетъ предполагать, что вначалѣ они были военно-плѣнными; но постепенно превратились въ фермеровъ, которымъ земля отдавалась въ срочное пользованiе и которые платили за нее аренду хозяину. Дворяне, богачи, купцы также отдавали обрабатывать свои земли рабамъ, при чемъ тѣ должны были доставлять имъ въ городъ главные продукты сельскаго хозяйства: рисъ, перецъ, орѣхи коко, куръ, козъ и т. под. — Малайскiе рабы имѣли право брать землю въ аренду; нѣкоторые нанимались поденно къ частнымъ лицамъ; чаще всего работали шестъ дней на хозяина и шестъ на себя и свою семью³⁾.

Женщины — тѣ всегда работали: продавали съѣстные припасы, пряли или ткали; но каждый день часть вырученнаго отдавали хозяину⁴⁾.

Дѣти малайскихъ рабовъ, какъ и родители, были собственностью господина. Всякаго раба можно было продать какъ товаръ; если хозяинъ почему-либо желалъ отдѣлаться отъ раба, онъ заставлялъ его ходить изъ дома въ домъ и вездѣ предлагать, чтобы его купили. Господинъ имѣлъ надъ рабомъ всѣ права, кромѣ права умертвить его; по крайней мѣрѣ, этого нельзя было сдѣлать безъ

¹⁾ Louis de Backer, *loc. cit.*, 494. ²⁾ L. de Backer, 500. ³⁾ *Recueil des roy. de la Compagnie des Indes orientales* (Hollande) t. I, Deuxième partie, 355—359. ⁴⁾ *Voy. Comp. Indes, loc. cit.*, 359.

разрѣшенія государя, или губернатора, представляющаго особу государя¹⁾. Право наказанія было гораздо шире: за самый ничтожный проступокъ раба привязывали къ столбу и сѣкли бамбукомъ, пока кровь не начинала струиться изъ ранъ, при чемъ раны еще нарочно бередили, посыпая ихъ перцемъ и солью²⁾.

Въ настоящее время, по крайней мѣрѣ въ голландскихъ владѣнiяхъ, рабство уничтожено. Землю воздѣлываютъ крестьяне, сгруппированные, по старой системѣ, въ сельскiя общины, и каждая община платитъ подать натурою государству, т. е. голландскому правительству; подать составляетъ около пятой части всего урожая. Государство взымаетъ эту подать въ качествѣ верховнаго властелина, смѣнившаго прежнихъ раджей и сиборовъ. Кромѣ взноса подати натурою, земледѣлецъ обязанъ еще отбывать барщину, — одинъ день въ недѣлю; это смягченный остатокъ былого рабства³⁾. Говоря о собственности, мы пространно описывали республиканскую организацію этихъ сельскихъ общинъ на Явѣ, и отмѣтили ихъ благотѣльное влiянiе на приростъ населенiя⁴⁾. Поэтому мы не будемъ теперь останавливаться на нихъ.

Но, прежде чѣмъ покончить съ Малайскимъ архипелагомъ, мы должны сказать нѣсколько словъ о торговлѣ островитянъ, которая до сихъ поръ ведется здѣсь въ очень широкихъ размѣрахъ, и предметомъ этой торговли служатъ меланезiйцы и въ частности туземцы Новой Гвинеи.

По разсказамъ путешественника Альберта, раджа Амбонна торгуетъ рабами въ громаднхъ размѣрахъ. Его домъ биткомъ набитъ женщинами и дѣтьми обоого пола; окна обнесены рѣшетками, и у каждаго — куча головъ. Черными рабами торгуютъ открыто; Тернатъ, Мизоль, Тиморъ, Ки, Арру представляютъ собою настоящiе невольничьи рынки. — Торговля островитянами ведетъ къ тѣмъ же послѣдствiямъ и сопровождается тѣми же ужасами, какъ и торговля африканскими неграми; но европейскiя державы почему-то этимъ не возмущаются. А между тѣмъ меланезiйскiй негръ — родной братъ африканскаго. Можно подумать, что антирабовладѣльческое рвенiе нѣкоторыхъ европейскихъ нацiй обуславливалось главнымъ образомъ желанiемъ уничтожить конкуренцию американцевъ въ области промышленности и торговли, помѣшавъ ихъ колонiямъ добывать себѣ рабочихъ за дешевую плату и вслѣдствiе этого понизить цѣны на продукты вывоза.

¹⁾ Ibid. ²⁾ Voy. de Graaf (цит. у Demeunier), *loc. cit.*, 124. ³⁾ Tourmagne, *Histoire du Servage*, 600. ⁴⁾ Ch. Letourneau, *L'evoluton de la propriété*.

III. Рабство въ Индо-КитаѢ.

Туземныя государства Индо-Китаѣ, какъ и Малайскіе острова, подвергались различнымъ вліяніямъ; болѣе могущественные сосѣди пытались воздѣйствовать на нихъ — одни путемъ насилія, другіе мирнымъ путемъ; тѣмъ не менѣе всѣ они довольно схожи между собою. Всѣ они, по отношенію къ типу цивилизаціи, суть не что иное, какъ придатки великой китайской имперіи, хотя на нѣкоторыхъ изъ нихъ, напримѣръ на Сіамъ и Бирманъ, вліяніе Индіи также оставило довольно глубокіе слѣды.

Монархіи: Бирманъ, Сіамъ, Аннамъ, Кохинхина и Камбоджа — всѣ имѣли или имѣютъ почти одинаковое государственное устройство, — во всѣхъ царитъ полный, такъ называемый, азіатскій абсолютизмъ. Въ принципѣ король — верховный собственникъ своего государства и его обитателей. Въ Сіамѣ монархъ — земной богъ. Мы знаемъ, что въ древнемъ Египтѣ къ имени царствующаго фараона обязательно было прибавлять слова: „жизнь, здоровье, сила“; въ Сіамѣ обычай гребуетъ, чтобы имя короля прежде всего не произносилось всуе, а затѣмъ всегда сопровождалось эпитетами: „повелитель“, или „священный повелитель“¹⁾. Каждый сіамецъ, свободный по имени, обязанъ шесть мѣсяцевъ въ году работать на своего короля, котораго онъ даже не видитъ, такъ какъ стѣны храма, гдѣ король проводитъ свою жизнь, непроницаемы. Отъ этой повинности можно впрочемъ откупиться деньгами или продуктами: алоэ, рисомъ¹⁾, слоновыми клыками, ласточкиными гнѣздами и проч.²⁾. Воля властелина выше законовъ, поэтому ни одинъ свободный человѣкъ не можетъ считать свой садъ или поля своей неотъемлемой собственностью. Онъ живетъ въ вѣчномъ страхѣ. Если ему удалось вырастить на своей землѣ плоды высокаго качества, солдаты конфискуютъ урожай въ пользу короля или его любимаго министра; они даже заранѣе дѣлаютъ опись плодамъ, и если, во время сбора, не всѣ оказываются налицо, хозяина наказываютъ; нѣкоторые владѣльцы предпочитаютъ вырубить у себя фруктовыя деревья, чтобы не имѣть хлопотъ съ плодами³⁾.

Во время королевскихъ реквизицій, или, какъ сіамцы называютъ ихъ, „призывовъ къ общественнымъ работамъ“, рабочіе обязаны кормиться на свой счетъ и кормить свои семьи⁴⁾.

Такимъ образомъ сіамское правительство гораздо больше злоупотребляетъ властью, чѣмъ злоупотребляло ею правительство древняго Перу. Сіамскій рекрутъ считается гражданиномъ государ-

¹⁾ Jancigny, *Indo-Chine*, 444. ²⁾ Turpin, *Histoire civil et mutuel du royaume de Siam*. (1771) I, 98. ³⁾ Turpin, *loc. cit.*, 81. ⁴⁾ Jancigny, *Indo-Chine*, 445.

ства, именуемаго *tau* (*thai*), т. е. „свободная страна“, но на дѣлѣ ему живется хуже, чѣмъ настоящему рабу, котораго, по крайней мѣрѣ, обязанъ кормить его хозяинъ ¹⁾. Свободные же сіамцы, отбывая королевскую службу, не получаютъ ни жалованья, ни приварка: каждый мѣсяцъ партіи рекрутовъ смѣняють другъ друга, такъ какъ работа должна идти безостановочно ²⁾.

На ряду съ этими порабощенными гражданами, мы находимъ въ Сіамѣ многочисленный классъ настоящихъ и не временныхъ только, а вѣчныхъ рабовъ, большую часть котораго составляютъ военно-плѣнные и несостоятельные должники. Особенно много здѣсь военно-плѣнныхъ, такъ какъ сіамцы, ревностные буддисты, не любятъ проливать крови и предпочитаютъ обращать побѣжденныхъ враговъ въ рабство ³⁾. Но милосердіе, предписываемое буддѣйской религіей, не мѣшаетъ сіамцамъ очень жестоко обращаться съ плѣнными, заковывать ихъ въ цѣпи и обрекать на каторжный трудъ ⁴⁾. Несостоятельные должники могутъ возвратить себѣ свободу, уплативъ долгъ, но это довольно рѣдко имъ удается, такъ какъ кредиторъ ежедневно ставитъ имъ въ счетъ всѣ расходы на ихъ одежду, пищу, лѣченіе, и долгъ, вмѣсто того, чтобы уменьшаться, съ каждымъ днемъ все растетъ ⁵⁾.

Лично королю принадлежитъ множество рабовъ, которые обрабатываютъ его земли и сады ⁶⁾. По всей вѣроятности, путешественники, видѣвшіе скованныхъ людей, которые работали на общественныхъ постройкахъ, видѣли именно такихъ королевскихъ рабовъ; потому что къ домашнимъ работамъ сіамцы въ общемъ относятся довольно хорошо. Есть даже древній законъ, приравнивающій раба къ дѣтямъ, къ женѣ и не позволяющій продавать его, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда можно продать и жену и дѣтей ⁷⁾.

Политическое устройство Аннама и Бирмана очень сходно съ сіамскимъ; то же можно сказать и объ организаціи рабства. Въ Аннамѣ, да и повсюду въ Индо-Китаѣ, рабыней по преимуществу и вѣчной страдальцей является женщина. Мужъ можетъ сколько угодно истязать свою жену, не роняя себя въ общественномъ мнѣніи, лишь бы только не заколотить ее на смерть, да и то есть случаи, когда законъ разрѣшаетъ мужу убить жену. То и дѣло слышны крики женщинъ, которыхъ мужья „учатъ“ публично. Одинъ судовщикъ жаловался путешественнику, что на женщинъ идетъ ужасно много палокъ. По его словамъ, только бамбукомъ и можно заставить ихъ идти прямо. Женщины пахутъ землю плугомъ, боронятъ и жнутъ; онѣ же таскають на себѣ тяжести, торгуютъ въ

¹⁾ Turpin, *loc. cit.*, I, 80. ²⁾ Jancigny, *loc. cit.*, 445. ³⁾ Turpin, *loc. cit.*, 87.

⁴⁾ Jancigny, *loc. cit.*, 315. ⁵⁾ Ibid. 445. ⁶⁾ Turpin, *loc. cit.*, 95. ⁷⁾ Wake, *Evolution of morality* I. 468.

лавкахъ, разносятъ по домамъ мелкій товаръ, бываютъ тряпичницами, мѣнялами и т. п. Онѣ предпочитаютъ выходить замужъ за китайцевъ; эти лучше обращаются съ ними и больше работаютъ, такъ какъ не несутъ ни повинностей, ни военной службы ¹⁾. Въ Бирманѣ, какъ и въ Сіамѣ, имущество и самая личность обывателя считается собственностью короля; каждую женщину, которая ему приглянулась, онъ можетъ взять въ наложницы ²⁾, каждого здороваго мужчину въ солдаты ³⁾, или же послать его на общественныя работы ⁴⁾.

Нѣсколькими ступенями ниже короля и мандариновъ, его чиновниковъ, стоитъ такъ называемое свободное населеніе, состоящее изъ мелкихъ землевладѣльцевъ, земледѣльцевъ и всякаго рода ремесленниковъ. Всѣ эти, будто бы свободные люди, на самомъ дѣлѣ не что иное, какъ рабы монарха, но это не мѣшаетъ имъ въ свою очередь имѣть рабовъ, которыхъ можно раздѣлить на два разряда: 1) временныхъ, т. е. несостоятельныхъ должниковъ, которыхъ актъ, составленный въ присутствіи правительственнаго чиновника, отдаетъ во власть кредитору до уплаты долга личной службой; — и 2) вѣчныхъ, главнымъ образомъ военноплѣнныхъ, передающихъ свое состояніе потомству. Нерѣдко, послѣ удачной кампаніи, король милостиво даритъ плѣнныхъ своимъ солдатамъ, но чаще ихъ покупаютъ на рынкѣ, гдѣ они продаются за безпѣнокъ ⁵⁾, потому ли, что предложеніе черезчуръ велико, или потому, что въ Бирманѣ, какъ и вездѣ, плѣнные цѣнятся ниже домашнихъ рабовъ, болѣе свыкшихся съ рабствомъ.

Ниже всѣхъ, даже ниже рабовъ, стоитъ въ Бирманѣ многочисленный классъ людей, не принадлежащихъ ни къ какой кастѣ. Этотъ классъ несчастныхъ нѣкогда существовалъ и въ Японіи; онъ заключается въ себѣ всѣ отбросы населенія: таковы напр. рабы, состоявшіе при пагодахъ, затѣмъ тѣ рабы, которые занимаютъ сожиганіемъ труповъ, прокаженные и вообще неизлѣчимые больные, увѣчные или изуродованные, наконецъ, проститутки. Весь этотъ людъ считается нечистымъ, сквернымъ, лишенъ всякихъ гражданскихъ и политическихъ правъ. Выброшенные вонъ изъ общества, эти несчастные живутъ въ предмѣстьяхъ городовъ или въ окрестностяхъ деревень; имъ запрещено входить въ дома людей, пользующихся уваженіемъ ⁶⁾; они стоятъ не только внѣ закона, но какъ бы и внѣ человѣчества.

¹⁾ *Chine, Ava, Siam and Anam*, London, 1853 liv. 18. ²⁾ H. Spencer, *Sociologie*, III. 482 (рус. пер.). ³⁾ Jaucigny, *Indo-Chine* 318. ⁴⁾ *Ibid.* 238—242. ⁵⁾ Jaucigny, *Indo-Chine*. 313. ⁶⁾ Jaucigny, *Indo-Chine*, 314.

IV. Рабство въ Камбоджѣ.

Приведенные нами факты показываютъ, что Индо-Китай довольно трудно назвать страной свободы; эти факты достаточно выясняютъ положеніе раба въ мелкихъ деспотическихъ государствахъ, но среди этихъ государствъ есть одно, о законодательствѣ котораго мы имѣемъ относительно подробныя свѣдѣнія—это Камбоджа. Нѣкогда Камбоджа въ значительной степени находилась подъ вліяніемъ Индіи, но теперь, подобно остальнымъ государствамъ Индо-Китаю, усвоила себѣ цивилизацію китайскую, и мы намѣрены болѣе обстоятельно изслѣдовать ея государственное устройство, чтобы этимъ пополнить нашъ краткій очеркъ состоянія рабства въ государствахъ Индо-Китаю.

Въ Камбоджѣ населеніе дѣлится на два главныхъ класса: свободныхъ людей и рабовъ. Первый заключаетъ въ себѣ всю народную массу, не имѣющую иного господина, кромѣ короля; вслѣдствіе чего мандарины и называютъ свободныхъ людей „рабами королевскими“¹⁾. Эти граждане, свободные по имени, не вполнѣ свободны на дѣлѣ. Центральная власть не теряетъ ихъ изъ виду; ея десница всегда занесена надъ ними и въ любой моментъ можетъ придавить ихъ. Поэтому, каждый свободный обыватель Камбоджи необходимо долженъ избрать себѣ патрона среди мандариновъ. Патронъ оказываетъ кліенту защиту и покровительство, но зато до известной степени и распоряжается имъ. Если кліенту случится попасть подъ арестъ и подъ судъ, объ этомъ предупреждаютъ патрона, такъ какъ онъ — представитель своего кліента передъ закономъ. Съ другой стороны, на обязанности мандарина-патрона лежитъ собирать подушное со своихъ кліентовъ, при чемъ онъ же и отвѣчаетъ за неполный взносъ, — слѣдить за тѣмъ, чтобы они во время являлись отбывать военную службу и государственныя повинности и т. д.²⁾; патронъ является настоящимъ окомъ и рукой государства.

Собственно рабы дѣлятся на нѣсколько разрядовъ: 1) рабы короля; 2) рабы частныхъ лицъ; 3) рабы пагодъ³⁾. — Королевскіе рабы и рабы при пагодахъ обречены на вѣчное рабство, вмѣстѣ со своими потомками; ихъ нельзя ни выкупать, ни продавать. Что касается рабовъ частныхъ лицъ, изъ нихъ одни также всю жизнь остаются рабами и передаютъ свой удѣлъ дѣтямъ; они также не могутъ быть выкуплены, но могутъ быть проданы; другихъ, наоборотъ, можно и продавать и отпускать на волю за выкупъ⁴⁾.

¹⁾ Adhémар Leclerc, *Recherches sur la législation cambodgienne*. 15—16.
²⁾ A. Leclerc., *loc. cit.*, 18. ³⁾ Ibid. 165. ⁴⁾ Ibid. 165.

Попасть въ тотъ или другой разрядъ рабовъ можно вслѣдствіе различныхъ причинъ. Въ разрядъ королевскихъ рабовъ зачисляются военнопленные; близнецы и дѣти, родившіеся уродами; рабы, принадлежавшіе свободному человѣку, приговоренному судомъ къ тюремному заключенію и конфискаціи имущества, къ которому само собой относятся и его рабы; свободные люди, взявшіе на поруки преступника, который обманулъ ихъ довѣріе и убѣждалъ; если поручитель дѣйствовалъ съ вѣдома и согласія своихъ женъ и дѣтей, тѣ и другія раздѣляютъ его участь ¹⁾. Наконецъ, немалое количество рабовъ доставляютъ королю проступки и преступленія его подданныхъ: всѣ свободные люди, приговоренные по суду или административной властью къ лишенію имущества и свободы, зачисляются въ разрядъ королевскихъ рабовъ; нерѣдко наказаніе распространяется на жену и дѣтей виновнаго ²⁾. Все потомство этихъ рабовъ обречено на ту же участь. — Карой за особо важныя преступленія, или совершенныя при исключительныхъ условіяхъ, служить рабство при храмѣ (пагодѣ). Такъ, на примѣръ, если въ дракѣ между бонзой и мірянномъ одинъ изъ дерущихся будетъ убитъ, уцѣлѣвшій становится рабомъ пагоды. То же наказаніе постигаетъ бонзъ, виновныхъ въ прелюбодѣяніи, кровосмѣшеніи, скотоложствѣ, убійствѣ, кражѣ, или подстрекательствѣ къ кражѣ, наконецъ, въ приготовленіи abortивныхъ средствъ ³⁾.

Изъ этихъ двухъ категорій рабовъ, наиболѣе счастливые — рабы короля; въ сущности, они не столько рабы, сколько солдаты и сервы. Одни изъ нихъ составляютъ дворовую стражу, другіе получаютъ отъ короля земельные надѣлы и обрабатываютъ ихъ въ свою пользу, даже не платя налога. Всѣ ихъ повинности ограничиваются тѣмъ, что они по закону обязаны девяносто дней въ году работать на короля, но на дѣлѣ число рабочихъ дней гораздо меньше. Рабы, служащіе при дворцахъ, и семьи ихъ содержатся на счетъ королевскаго казначейства. Матеріально всѣ они обставлены гораздо лучше свободныхъ людей, хотя эти послѣдніе и смотрятъ на нихъ съ презрѣніемъ ⁴⁾.

Королевскаго раба нельзя продать, но — довольно странное по-
становленіе — его можно закладывать. Такъ, несостоятельному должнику судебнымъ порядкомъ производятъ оцѣнку, по справочнымъ цѣнамъ на рабовъ, а затѣмъ кредиторы сбрасываютъ со счета одну треть его стоимости; это часть короля; отъ своихъ обязательствъ по отношенію къ нему рабъ не можетъ быть освобожденъ. Остальныя двѣ трети принадлежатъ кредиторамъ, и должникъ обязанъ отработать ихъ, въ свободные отъ королевскихъ повинностей

¹⁾ Ibid. 170. ²⁾ Ib. 170. ³⁾ A. Leclerc, *loc. cit.*, 241. ⁴⁾ Ibid. 174—177.

дни; такъ образомъ онъ становится одновременно и вѣчнымъ рабомъ короля, и временнымъ рабомъ своихъ кредиторовъ¹⁾. Въ принципѣ королевскій рабъ не можетъ откупиться на волю; тѣмъ не менѣе онъ имѣетъ шансы на освобожденіе: во-первыхъ, король, для котораго все возможно, можетъ своею милостью даровать ему свободу или принять отъ него выкупъ; затѣмъ, его могутъ замѣнить, снять съ него поручительство, которое было причиной рабства, — наконецъ, онъ можетъ постричься въ монахи; въ послѣднемъ случаѣ небесная власть первенствуетъ надъ властью земною²⁾. Въ Камбоджѣ королевская власть окружена такимъ престижемъ, что даже рабамъ короля предоставлены нѣкоторыя преимущества сравнительно съ рабами частныхъ лицъ.

Эти послѣдніе поставлены въ менѣе благоприятныя условія; но прежде всего посмотримъ, какого рода причины могутъ сдѣлать человѣка рабомъ частнаго лица. 1) Человѣкъ можетъ по доброй волѣ продаться въ кабалу, напримѣръ, для того, чтобы отработать долгъ; 2) его могутъ продать судебнымъ порядкомъ, какъ неоплатнаго должника, или поручителя; 3) его могутъ продать на рынкѣ, опять таки по приговору суда, въ пользу королевской казны; 4) женившійся на рабынѣ, принадлежащей частному лицу, становится рабомъ ея господина; наконецъ, 5) судъ приговариваетъ къ рабству за кражу у отца и матери и у близкихъ родственниковъ, или наставниковъ. Въ послѣднемъ случаѣ наказаніе выходитъ довольно оригинальное и почти фиктивное. Если сынъ обокралъ отца, судъ налагаетъ на него штрафъ, $\frac{2}{3}$ котораго обязанъ уплатить отецъ, равно какъ и двѣ трети судебныхъ издержекъ; послѣ этого сынъ становится рабомъ отца³⁾, что въ сущности нисколько не мѣняетъ его положенія.

Отецъ семейства пользуется такими же правами, какъ *pater familias* въ древнемъ Римѣ. Жена и дѣти у него всегда *in manu*, всегда составляютъ собственность или мужа, или отца. Надъ выданной замужъ или, вѣрнѣе, проданной въ замужество дочерью отецъ и мать теряютъ всѣ права: они передаютъ ее мужу въ полное владѣніе. Мужъ имѣетъ право продать своихъ дѣтей и жену, при чемъ однако необходимо согласіе этой послѣдней; но при закладѣ жены и дѣтей можно обойтись и безъ ихъ согласія. Жену онъ, по крайней мѣрѣ, обязанъ выкупить, возвративъ занятую сумму денегъ; но по отношенію къ дѣтямъ у него нѣтъ никакихъ обязательствъ. Наконецъ, глава семьи можетъ занимать деньги подъ залогъ отъ своего имени и отъ имени жены, безъ согласія этой послѣдней; а въ случаѣ неуплаты, судъ можетъ присудить кредитору не

¹⁾ Ibid., 179. ²⁾ A. Leclerc, *loc. cit.*, 181. ³⁾ A. Leclerc, *loc. cit.*, 185—190.

только самого должника, но и его жену и дѣтей; всѣ они становятся рабами и обязаны отработать какъ долгъ, сдѣланный по-мимо ихъ вѣдома, такъ и наросшіе на немъ проценты ¹⁾).

Всякій, сдѣлавшійся рабомъ за долги, по собственной ли винѣ, или безвинно, есть рабъ лишь временный; онъ всегда можетъ вернуть себѣ свободу; для этого стоитъ лишь уплатить долгъ. Но есть рабы вѣчные; есть даже нѣсколько разрядовъ ихъ, а именно: 1) дикари, взятые въ плѣнъ и потомъ проданные; 2) дѣти, проданныя родителями; 3) потомки рабовъ, рожденныхъ въ неволѣ ²⁾).

Въ Камбоджѣ, какъ и вездѣ, есть рабы земледѣльческіе и рабы домашніе, но между положеніемъ тѣхъ и другихъ нѣтъ существенной разницы. Земледѣльческій рабъ живетъ въ деревнѣ; въ его пользу предоставляется нѣкоторая часть урожая, но размѣры ея не утверждены контрактомъ, а произвольно опредѣляются хозяиномъ ³⁾. Обращаются съ нимъ довольно мягко, въ родѣ того, какъ во Франціи съ работниками на фермахъ. Впрочемъ и съ домашними рабами обращаются хорошо ⁴⁾.

Каждый рабочій день должника, работающаго на кредитора, оцѣнивается въ извѣстную сумму, и сумма эта скидывается съ долга ⁵⁾; но нерѣдко хозяинъ посылаетъ домашнихъ рабовъ торговать на площади, или на проѣзжей дорогѣ и при этомъ назначаетъ минимумъ выручки, которую они должны приносить ему вечеромъ; всѣ недочеты причисляются къ долгу, равно какъ и вычеты за испорченныя вещи ⁶⁾. Въ случаѣ побѣга раба, къ долгу присчитываютъ стоимость всѣхъ рабочихъ дней, которые онъ пробылъ въ отлучкѣ ⁷⁾. При всемъ томъ рабъ въ Камбоджѣ не предоставленъ на произволь господина; его положеніе легально и урегулировано закономъ. Хозяинъ можетъ надѣть на раба деревянный ошейникъ, цѣпи или колодки; имѣетъ право „учить“ его; но если рабъ умретъ отъ нанесенныхъ ему хозяиномъ ранъ, этотъ послѣдній рискуетъ ни болѣе ни менѣе какъ смертной казнью; а если его жена была сообщицей, то его имущество конфискують ⁸⁾. Таковъ древній законъ страны. Новый идетъ еще дальше: онъ даетъ свободу рабу, котораго хозяинъ, хозяйка или родственники хозяина ударили ногой или палкой ⁹⁾; но есть правило, составляющее противовѣсъ этимъ милосерднымъ законамъ: несостоятельный должникъ, обращенный въ рабство, не имѣетъ права жаловаться въ судъ на своего господина, пока не уплатитъ долга ¹⁰⁾.

Цѣлый рядъ статей закона покровительствуетъ женщинамъ-рабынямъ. За изнасилованіе временной рабыни хозяиномъ, род-

¹⁾ A. Leclerc., *loc. cit.*, 65—82. ²⁾ Ibid. 195. ³⁾ Ibid. 197—198. ⁴⁾ Ibid. 174—177. ⁵⁾ Ibid. 199. ⁶⁾ Ibid. 197—198. ⁷⁾ A. Leclerc., *loc. cit.*, 199. ⁸⁾ Ibid. 203. ⁹⁾ Ibid. 203—206. ¹⁰⁾ Ibid. 204.

ственниками хозяина, или хотя бы его слугами и рабами, долгъ ея уменьшается на половину; за насильственный поцѣлуй или любовнаго прикосновенія — на одну четверть. Если рабыня забеременѣла, хотя бы и безъ насилія, она имѣетъ право уйти, оставить своего господина, ничего не заплативъ ему ¹). Если свободный человѣкъ соблазнилъ дѣвушку-невольницу, пообѣщавъ выкупить ее на волю, и не исполнилъ обѣщанія, она можетъ преслѣдовать судомъ соблазнителя ²). Законъ не оставляетъ его безъ наказанія, даже и въ томъ случаѣ, если обѣщаній никакихъ не было. Соблазненной и брошенной дѣвушкѣ-рабынѣ, оставленной вдовой, какъ выражается законъ, соблазнитель ея платитъ пеню, въ размѣрѣ третьей части ея стоимости ³). Законы Камбоджи не допускаютъ интимной близости между свободными людьми и рабами; свободнымъ женщинамъ строго воспрещено выходить замужъ за невольниковъ. Такой бракъ считается преступленіемъ; на виновныхъ надѣваютъ деревянный ошейникъ, заковываютъ ихъ въ цѣпи и присуждаютъ къ пенѣ ⁴). Все это дѣлается потому, что рабы приравнены къ вещамъ и въ описяхъ имущества фигурируютъ рядомъ съ домашними животными; очевидно, это еще остатокъ первобытныхъ нравовъ ⁵).

Насколько мы можемъ судить, частнымъ лицамъ разрѣшается отпускать на волю только временныхъ рабовъ, рабовъ за долги. Освобожденіе совершается гласно, на судѣ; вексель или расписку публично разрываютъ на части и рабу выдаютъ свидѣтельство объ увольненіи. Есть и другая форма освобожденія, мимическая, при чемъ мимика имѣетъ чисто символическое значеніе. Хозяинъ начинаетъ съ того, что, въ присутствіи судей, разрываетъ расписку, выданную ему должникомъ, затѣмъ подбрасываетъ на рукѣ нѣсколько монетъ, представляющихъ приблизительно стоимость освобождаемаго раба, и при этомъ говоритъ: „этотъ человѣкъ больше ничего мнѣ не долженъ; онъ больше не рабъ мой“ ⁶). Вся эта процедура есть подобіе гласнаго выкупа и напоминаетъ мимическія сцены освобожденія рабовъ въ древнемъ Римѣ.

V. Общій взглядъ на рабство въ Индо-Китаѣ и на Малайскомъ архипелагѣ.

Въ концѣ послѣдней главы мы обратили вниманіе читателя на то, что въ нашемъ изслѣдованіи источниковъ и эволюціи рабства мы дошли до того момента, когда изъ отдѣльныхъ фактовъ сла-

¹) Ibid. 210. ²) A. Leclerc., *loc. cit.*, 216. ³) Ibid. 217. ⁴) Ibid. 219. ⁵) Ibid. 249.
⁶) A. Leclerc., *loc. cit.*, 238.

гаются общія опредѣленія, когда передъ нами начинается вырисовываться нѣчто въ родѣ закона эволюціи. Наше изслѣдованіе рабства у монголоидовъ Малайскаго архипелага и Индо-Китая только подтверждаетъ наши слова. Любопытное въ смыслѣ подробностей, оно не говоритъ намъ ничего новаго, но лишь дополняетъ предыдущія изысканія. Мы все болѣе и болѣе убѣждаемся, что причины рабства вездѣ одні и тѣ же; что онѣ вездѣ вытекаютъ изъ желанія взвалить наибольшую и самую тяжелую долю общественнаго труда на слабыхъ, безпомощныхъ и беззащитныхъ; что такими жертвами неизмѣнно оказываются женщины и рабы, при чемъ между тѣми и другими часто не дѣлается большого различія.

Что касается источниковъ рабства, во всѣхъ изслѣдованныхъ нами странахъ они такъ же сходны между собою. Главная поставщица рабовъ — война; второй по степени важности источникъ рабства, въ странахъ, гдѣ экономическія условія жизни болѣе или менѣе сложны, — несостоятельность должниковъ. При займѣ денегъ залогомъ служить сама личность заемщика, нерѣдко также его жены и дѣтей, такъ какъ права отца семейства простираются очень далеко. Женщины и дѣти составляютъ собственность мужчины, отца или мужа; тотъ и другой имѣютъ право продать ихъ; при обращеніи въ рабство, жена и дѣти дѣляютъ участь отца и мужа. Наконецъ, въ обществахъ, вышедшихъ изъ дикаго состоянія, но еще далеко не освободившихся отъ варварства, рабство нерѣдко имѣетъ юридическое происхожденіе, является карой за преступленіе.

Относительно Индо-Китая и Малайскаго архипелага слѣдуетъ отмѣтить еще одно обстоятельство: здѣсь королевская власть такъ чудовищно разрослась, что масса подданныхъ, именующихъ себя свободными, на дѣлѣ находятся въ состояніи полу-рабства. Въ принципѣ они составляютъ собственность монарха, какъ частная семья — собственность отца и главы ея; это верховное право владителя выражается въ тяжкихъ повинностяхъ и продолжительныхъ работахъ, поглощающихъ большую часть жизни подданныхъ.

Въ то же время — и это драгоцѣнный коррективъ къ предыдущему — мы видимъ, что произволъ легализированъ, злоупотребленія сведены въ кодексъ и ограничены. Законъ или обычай точно опредѣляетъ права господина и обязанности раба, и тѣмъ самымъ ставитъ препоны произволу. Такъ, хозяинъ можетъ, если ему угодно, наказывать, ударить, ранить раба, но убить его не имѣетъ права. Эти ограниченія указываютъ на нѣкоторое развитіе нравственнаго чувства, на то, что раба уже начинаютъ считать человекомъ, а не ставятъ его, какъ прежде, на одну линію съ животными.

Г Л А В А X.

Рабство у народовъ монгольской расы.

I. *Распределение монгольскихъ племенъ.*—Кочевники и осѣдлые.—II. *Рабство у монголовъ-кочевниковъ.*—Трудъ женщинъ у киргизовъ.—Праздность мужчинъ.—Трудъ женщинъ у монголовъ.—Ихъ независимое положеніе.—Дѣленіе степей на территории.—Монархическій режимъ.—Угнетеніе сервовъ дворянами.—Жречество освобождаетъ отъ рабства.—Ламайское духовенство.—Принесеніе рабовъ въ жертву при погребеніяхъ.—Истребленіе военноплѣнныхъ.—Чингисъ-хань.—Рабство умѣряетъ жестокость.—Набѣги для добыванія рабовъ у туркомановъ.—Караваны плѣнныхъ.—Выкупъ и продажа плѣнныхъ.—Рабство въ Хивѣ и Бухарѣ.—III. *Тибетъ съ точки зрѣнія рабства.*—Гуманнныя воззрѣнія и деспотизмъ Дебъ-раджи.—Повинности.—Тяжкія работы женщинъ.—IV. *Рабство въ Китаѣ.*—Домашнее рабство.—Рабство, какимъ оно было въ старину.—Былыя права господина.—Явная несправедливость закона по отношенію къ невольнику.—Продажа дѣтей родителями.—Подкидываніе новорожденныхъ.—Бракъ—торговая сдѣлка.—Подчиненіе и трудъ женщины.—Жена и котель.—Рабство черезъ похищеніе.—Фиктивные жертвоприношенія.—Ремесленный трудъ.—Свободные ремесленники.—Ремесленные ассоціаціи.—Всѣ ремесла равны передъ судомъ общественнаго мнѣнія.—Дешевизна съѣстныхъ припасовъ.—Отсутствіе крупной промышленности.—Стачки.—Мелкое землевладѣніе и земледѣліе въ Китаѣ.—Повинности.—Императоръ социалистъ.—V. *Рабство въ Японіи.*—Рабство юридическаго происхожденія.—Закланіе рабовъ въ старину.—Проституція дѣвушекъ; родители принуждаютъ дочерей къ разврату.—Отщепенцы (hors caste).—Сервы и феодалы.—Кустарная промышленность.—VI. *Эволюція рабства у желтыхъ расъ.*

I. Распределение монгольскихъ племенъ.

Въ предыдущихъ главахъ мы изучили рабство у монголоидовъ Америки, Полинезіи, Индо-Китая и Малайскаго архипелага. Теперь намъ остается изслѣдовать состояніе его у настоящихъ монголовъ, населяющихъ большую половину азіатскаго материка, отъ Японскаго архипелага до Каспійскаго моря, и отъ Тибета до Сѣвернаго Ледовитаго океана. Уровни цивилизаціи у различныхъ народовъ монгольской расы весьма различны, — отъ сибирскихъ самоѣдовъ, для которыхъ и понынѣ продолжается каменный вѣкъ, до сравнительно очень цивилизованныхъ китайцевъ и японцевъ; но въ общемъ монголовъ можно раздѣлить на кочевниковъ и осѣдлыхъ. Главную массу осѣдлыхъ и цивилизованныхъ монголовъ составляютъ японцы, корейцы и китайцы, — остальные народы ведутъ болѣе или

менѣ кочевой и пастушескій образъ жизни; исключеніе составляютъ Хива, Бухара и Тибетъ. Намъ предстоитъ изслѣдовать теорію и практику рабства, сначала у кочевниковъ, затѣмъ въ мелкихъ варварскихъ государствахъ: Хивѣ, Бухарѣ и Тибетѣ, и наконецъ, въ обширныхъ монархіяхъ: Китаѣ и Японіи.

II. Рабство у монголовъ-кочевниковъ.

Прежде всего изъ среды монголовъ-кочевниковъ мы должны исключить самоѣдовъ, такъ какъ они составляютъ разновидность эскимосовъ, которые уже были нами рассмотрѣны. Остальные монголы или монгольскіе татары ведутъ жизнь пастушескую, кочуютъ по необъятнымъ сѣвернымъ равнинамъ Азіи, лежащимъ къ сѣверу отъ Тибета и по границамъ Китая. Ихъ всего нѣсколько милліоновъ, но это суцій пустыя въ сравненіи съ огромными пространствами земли, которой они завладѣли, которую подѣлили между собой ихъ племена и кланы. Для этихъ бродячихъ народовъ земледѣліе не что иное, какъ добавочный ресурсъ; поэтому сумма необходимаго общественнаго труда сравнительно невелика и самый трудъ легокъ; но всякая ручная работа, кромѣ охоты и войны, противна мужчинамъ монголамъ; поэтому наибольшая доля необходимаго труда возлагается на женщинъ; это можно считать общимъ правиломъ для всѣхъ монгольскихъ племенъ.

У киргизовъ женщины гораздо болѣе свѣдуци, чѣмъ мужчины, по крайней мѣрѣ, въ области полезныхъ искусствъ. Онѣ самостоятельно ведутъ хозяйство, ходятъ за скотомъ, кроютъ и шьютъ платья, прядутъ, ткутъ, вышиваютъ шелкомъ и золотомъ, готовятъ кушанье, наконецъ, обучаютъ всему этому своихъ дочерей¹⁾. — У туркомановъ вся палатка, *юрта*, сплошь сработана женщинами, за исключеніемъ деревянныхъ столбовъ, на которыхъ она держится. Женщины же собираютъ и разбираютъ юрту и навьючиваютъ отдѣльные части ея на верблюдовъ во время перекочевки на другое мѣсто, а сами тащатся за ними пѣшкомъ²⁾. По мнѣнію туркомановъ, для мужчины работать унижительно; поэтому въ свободное отъ набѣговъ и охоты время туркоманы мужчины ограничиваются уходомъ за лошадьми. Вычистивъ лошадь и задавъ ей корму, туркоманъ съ чистою совѣстью отправляется въ гости къ сосѣдямъ—поболтать. Въ каждой юртѣ разговоры одни и тѣ же, очень несложные, но для бесѣдующихъ весьма интересные; они вертятся по большей части на достоинствахъ и недостаткахъ лошадей, на воспитаніи жеребятъ и т. под.³⁾

¹⁾ Dubeux, *Tartarie*, 132. ²⁾ Vambéry, *Voy. d'un faux derviche*, 289. (Рус. пер.)

³⁾ Vambéry, *loc. cit.* 293.

Въ западной Татаріи мы находимъ такіе же нравы. Уходъ за стадами возложенъ на женщинъ и дѣтей; специально женскія обязанности: доить коровъ, сбивать масло и готовить кушанье. Мужчины страшно лѣнны; они лѣнятся даже ходить; имѣя всегда подъ рукою осѣдланную лошадь, они галопируютъ отъ шатра къ шатру, останавливаясь возлѣ каждого поболтать и попить кумыса съ сосѣдями. Они страстные охотники, лихіе наѣздки; лучшее удовольствіе ихъ — вихремъ нестись по степи¹⁾. То же распределение труда и *far-niente* мы находимъ у калмыковъ. Всѣ работы по дому и внѣ дома выполняются женщинами; только войлокъ для палатокъ выдѣлываютъ сообща, всей семьей. Но въ общемъ мужчины проводятъ время за игрой въ шахматы или въ бабки, пьютъ чай, или водку, курятъ и спятъ²⁾.

Приблизительно то же рассказываетъ намъ отецъ Гукъ о монгольскихъ татарахъ, которыхъ онъ посѣтилъ. Эти кочевники предоставляютъ своимъ женамъ доить коровъ, готовить молочные продукты, посылаютъ ихъ за водой къ колодцамъ, отстоящимъ иногда очень далеко. Женщины же собираютъ *арюль* — коровій навозъ, единственное топливо въ этой мѣстности, сушатъ его и складываютъ его въ кирпичи возлѣ шатровъ. Онѣ же шьютъ одежды, дубятъ кожи, валяютъ войлокъ изъ шерсти; во всѣхъ этихъ разнообразныхъ занятіяхъ имъ помогаютъ только дѣти. Мужчины снисходятъ только до размысканія отбившихся отъ стада животныхъ, да гоняютъ стада на пастбища, и то верхомъ. Остальное время они проводятъ въ совершеннѣйшей праздности: если не спать, такъ пьютъ чай и курятъ, да иногда, уступая непреодолимой потребности въ движеніи, отвязжутъ отъ столба лошадь, благо она всегда стоитъ осѣдланная, и пустятся вскачь по равнинѣ³⁾.

Если татарскимъ и монгольскимъ женщинамъ приходится много работать, зато онѣ, по крайней мѣрѣ, не страдаютъ отъ дурного обращенія. Надо впрочемъ сдѣлать оговорку: остяки жестоко колотятъ своихъ женъ, раздражающіе крики которыхъ нерѣдко нарушаютъ безмолвіе ночи⁴⁾. Наоборотъ, у настоящихъ монголовъ женщины не угнетены и не поработены. Онѣ пользуются большою свободой, почти независимостью, приходятъ и уходятъ, когда вздумается, бродятъ изъ шатра въ шатеръ; дѣятельная, но не чрезмерно утомительная жизнь придаетъ имъ бодрый видъ и увѣренность ихъ походкѣ⁵⁾.

Съ такими женщинами, сильными, трудолюбивыми, безропотно

¹⁾ Пржевальскій. Монголія, I. 59. ²⁾ Dubeux. *Tartarie*. 173. ³⁾ Нус. *Voy. en Tartarie*. I. 65, 66. (Рус. пер.) ⁴⁾ Castren *Ethnologische Vorlesungen über die Altäischen Völker*. ⁵⁾ Нус, *loc. cit.*, I. 271, 302.

несущими всю черную работу, можно обойтись и безъ рабовъ; поэтому ни у одного татарскаго племени мы не находимъ организованнаго рабства; иное дѣло крѣпостная зависимость.—Обширныя степи Татаріи не принадлежать всѣмъ и каждому; онѣ раздѣлены на участки, находящіеся во владѣніи отдѣльныхъ племенъ. Каждая мелкая этническая группа имѣетъ свой выгонъ и свою территорію для охоты, очень обширныя, но заключенныя въ строго опредѣленныхъ границахъ. Въ предѣлахъ своего участка каждое племя дѣлится на господъ и рабовъ. Правящій классъ заключаетъ въ себѣ князей, дворянъ, духовенство; имъ подчиненъ народъ ¹⁾. Земля цѣликомъ принадлежитъ князьямъ и дворянамъ, ихъ родственникамъ ²⁾. Остальное населеніе находится въ полной зависимости и платитъ оброкъ господамъ; кромѣ того, простолюдины должны стеречь стада аристократовъ. Татарскіе дворяне имѣютъ всѣ права надъ своими крѣпостными, даже право предать ихъ смерти; но въ послѣднемъ случаѣ смертный приговоръ можетъ быть переданъ на разсмотрѣніе высшей судебной инстанціи и, въ случаѣ несправедливаго осужденія, дворянинъ подлежитъ наказанію ³⁾.

Въ будничной жизни нравы монголовъ представляютъ любопытную смѣсь добродушія и деспотизма. Сервы, какъ и дворяне, владѣютъ стадами. У господъ и рабовъ одни и тѣ же интересы, одни и тѣ же занятія; живутъ они вмѣстѣ, иногда въ одной палаткѣ ⁴⁾; но тотъ же дворянинъ, который сегодня сидѣлъ рядомъ съ своимъ сервомъ, курилъ изъ его трубки и разговаривалъ съ нимъ, какъ равный съ равнымъ, завтра можетъ наказатъ своего сегодняшняго собесѣдника, отобрать у него стада, продѣлать надъ нимъ какую угодно несправедливость, и все это безнаказанно ⁵⁾. Освободиться, сбросить съ себя гнетъ произвола татарскій сервъ можетъ только однимъ способомъ: принявъ монашество, сдѣлавшись ламой. Передъ властью духовною свѣтская власть смиряется; лама свободенъ отъ всякихъ податей, воленъ выѣхать за предѣлы отечества, скитаться по всей Монголіи ⁶⁾; можетъ даже въ свою очередь сдѣлаться помѣщикомъ, если только ему удалось занять мѣсто въ рядахъ высшаго духовенства. Такъ Ургайскій Кутухту—нѣчто въ родѣ ламайскаго кардинала, владѣетъ ни болѣе, ни менѣе какъ 150.000 рабовъ; большинство ихъ прикрѣплены къ землѣ въ окрестностяхъ города; остальные разсыяны въ сѣверной Монголіи, но всѣ они непосредственно подчинены власти Кутухту и образуютъ классъ такъ называемыхъ *шабиновъ* (*chabins*) ⁷⁾.

Права помѣщиковъ уже достаточно обширны, но права князей простираются еще дальше, вплоть до принесенія въ жертву сво-

¹⁾ Ibid. 274—276. ²⁾ Нус. *loc. cit.*, 271. ³⁾ Prjévalsky, *Mongolia*, I, 87. ⁴⁾ Нус, *loc. cit.* I. 273. ⁵⁾ Ibid. I. 74. ⁶⁾ Ibid. 276. ⁷⁾ Prjévalsky, I. 13.

ихъ подданныхъ. Уже Марко Поло выражаетъ свое удивленіе по поводу человѣческихъ гекатомбъ, сопровождающихъ похороны вельможъ. „Когда, говоритъ онъ, тѣло великаго хана (cham) несутъ хоронить на гору Алхай (Alchai), участники погребальнаго шествія стрѣляютъ во всѣхъ, кто встрѣтится имъ на пути, приговаривая: „Идите служить нашему господину и повелителю на томъ свѣтѣ!“ Всѣ они до такой степени одержимы бѣсомъ, что воображаютъ, будто убитые ими люди дѣйствительно будутъ служить ихъ покойному королю въ загробной жизни; ярость ихъ простирается не только на людей, но даже на лошадей, которыя попадаются имъ по дорогѣ; и тѣхъ они убиваютъ, въ расчетъ, что лошади тоже пригодятся покойному. Въ то время, какъ умершаго великаго хана Монгу переносили на гору Алхай, съ цѣлью предать тамъ тѣло его тѣло, солдаты по дорогѣ убили до двадцати тысячъ человѣкъ, о чемъ сами потомъ и рассказывали“¹⁾. Теперь ужъ не бываетъ такой рѣзни, но обычай избіенія остается въ силѣ. По словамъ отца Гука, въ могилы монгольскихъ хановъ кладутъ серебро, драгоценности, царское платье. Кромѣ того отравляютъ ртутью нѣсколькихъ мальчиковъ и дѣвочекъ и кладутъ ихъ трупы вокругъ тѣла покойнаго короля, при чемъ въ руки имъ даютъ его трубку, вѣеръ, маленькую скляночку съ нюхательнымъ табакомъ и т. д., словомъ, всѣ предметы, которые онъ постоянно употреблялъ при жизни²⁾. Есть основаніе думать, что большинство жертвъ даетъ несвободный классъ населенія, въ особенности домашніе сервы, составляющіе ближайшую собственность князей³⁾. Впрочемъ, и простые вожди племенъ имѣютъ весьма широкія права надъ имуществомъ и личностью своихъ подданныхъ⁴⁾. А между тѣмъ сервы принадлежатъ къ одной расѣ съ помѣщиками; это феодальные сервы. Классъ ихъ существуетъ собственными средствами и не пополняется притокомъ новыхъ силъ, въ видѣ военноплѣнныхъ.

Какъ общее правило, татары и монголы щадятъ плѣнныхъ только въ томъ случаѣ, если имѣютъ намѣреніе продать ихъ, или получить за нихъ выкупъ. Чаще всего ихъ убиваютъ на мѣстѣ, по примѣру Чингисъ-Хана, который въ этомъ отношеніи только сообразовался съ нравами и обычаями своей расы. Великій монгольскій завоеватель, взявъ какой-нибудь городъ, приказывалъ вырѣзать все населеніе, за исключеніемъ мастеровыхъ и ремесленниковъ, которыхъ онъ дарилъ своимъ полководцамъ и женамъ ихъ⁵⁾.

Также поступаютъ и современные монголы, — они избиваютъ плѣнныхъ, безъ различія пола и возраста⁶⁾. Только расчетъ, на-

¹⁾ *Voyages de Marc Paul*, liv. I, Ch. LIII (1735). (Русск. пер. 1873 г.).

²⁾ Нук, *loc. cit.*, I, 117. ³⁾ Dubeux, *Tartarie*, 243. ⁴⁾ *Ibid.*, 290. ⁵⁾ Dubeux, *loc. cit.*, 290. ⁶⁾ Prjévalsky, *Mongolia*, I, 82.

дежда извлечь выгоду изъ побѣжденнаго, можетъ удержать занесенную руку побѣдителя татарина. Такъ, киргизы по большей части шадятъ плѣнныхъ, потому что имѣютъ надежду продать ихъ жителямъ Бухары и Хивы¹⁾.

Усерднѣе всѣхъ занимаются этой выгодной торговлей туркоманы. Они безпрестанно нападаютъ на сосѣдніе народы, главнымъ образомъ на несчастныхъ персовъ, подъ предлогомъ религіозной нетерпимости. Дѣло въ томъ, что сами они сунниты, а персы принадлежатъ къ презираемымъ шиитамъ; да и помимо того, они говорятъ, что магометанъ не грѣхъ продавать, такъ какъ Коранъ, священная книга, продается и покупается, и даже такой натріархъ, какъ Іосифъ, былъ проданъ въ рабство²⁾. Успокоивъ свою совѣсть этими доводами, они не стѣсняются охотиться за рабами на морѣ и на сушѣ. Ихъ военные корабли постоянно плаваютъ по Каспійскому морю; какъ древніе скандинавскіе мореходы³⁾, они грабятъ и уводятъ въ плѣнъ береговыхъ жителей; но сухопутные набѣги еще чаще и еще обильнѣе добычей. Такъ какъ туркоманы еще близки къ анархіи, эти хищническіе набѣги организуются обыкновенно по почину отдѣльныхъ лицъ, а не по приказанію князька, какъ это дѣлается въ средней Африкѣ; тѣмъ не менѣе они составляютъ излюбленное занятіе туркомановъ; похищеніе и захваты врасплохъ не прекращаются ни днемъ, ни ночью⁴⁾. Несчастные поселяне пограничныхъ персидскихъ деревень живутъ въ вѣчномъ страхѣ. Туркоманы нападаютъ обыкновенно ночью; стараясь захватить врасплохъ спящихъ, уводятъ въ плѣнъ жителей и завладѣваютъ ихъ имуществомъ; шайки разбойниковъ бродятъ въ пустынѣ и грабятъ караваны. Проводники персы почти не защищаются и порою, чтобы избѣжать смерти, по первому приказу сами вяжутъ другъ друга⁵⁾.

Плѣнныхъ всадники или гонятъ передъ собою, какъ стадо, или же привязываютъ къ хвостамъ лошадей. Для вѣрности, ихъ заковываютъ въ колодки, такъ что каждый шагъ причиняетъ имъ жестокую боль. Съ слабостью или ранами плѣнныхъ считается непріятно; въ пути они проводятъ иногда цѣлые дни. Кто не поспѣваетъ за другими, тѣхъ убиваютъ. На ночь плѣнниковъ приковываютъ къ низкому столбу посредствомъ цѣпи и желѣзнаго ошейника⁶⁾. Стариковъ нерѣдко приносятъ въ жертву на мѣстѣ, съ религіозной цѣлью; туркоманы думаютъ, что, убивая этихъ несчастныхъ еретиковъ, они дѣлаютъ угодное Аллаху⁷⁾.

По возвращеніи въ лагерь, грабители честно дѣлятъ между со-

¹⁾ Dubeux, *Tartarie*, 131. ²⁾ Vambéry, *Voy. d'un faux derviche*, 284. ³⁾ Ibid. 59. ⁴⁾ Ibid. 218. ⁵⁾ Vambéry, *loc. cit.*, 291. ⁶⁾ Vambéry, *loc. cit.*, 291. ⁷⁾ Burnes, *Hist. univ. voy.* XXXVII, 277.

бою добычу, — животныхъ, движимое имущество и рабовъ, — на части приблизительно равной стоимости ¹⁾. Пльнные персы служатъ для туркомановъ источникомъ крупныхъ выгодъ; хотя похитители обыкновенно не оставляютъ ихъ у себя, кромѣ развѣ женщинъ, которыхъ они берутъ въ наложницы или въ жены ²⁾. Мужчинамъ охотно возвращаютъ свободу за хорошей выкупъ, среднимъ числомъ не менѣ пятидесяти дукатовъ; родные по большей части спѣшатъ выкупить плѣнныхъ и даже сами прѣзжаютъ за ними къ туркоманамъ. Оставшихся форсированнымъ маршемъ гонять на невольничьи рынки въ Хивѣ и Бухарѣ ³⁾.

Въ этихъ городахъ рабство вполне организовано, и рабы выполняютъ самыя тонкія работы. До недавняго завоеванія ихъ русскими, среди такихъ рабовъ было немало русскихъ матросовъ и рыбаковъ съ Каспія, попавшихъ въ руки туркоманскихъ плѣнителей морей. Съ помощью долгаго терпѣнія и мелкихъ кражъ, ежемѣсячно продавая часть выдаваемого имъ запаса муки, эти несчастные успѣвали черезъ много лѣтъ скопить достаточную сумму для выкупа ⁴⁾; но Хива и Бухара лишь наполовину татарскія государства; въ нихъ преобладаютъ арабскія черты нравовъ.

Рабовладельческое усердіе туркомановъ отчасти слѣдуетъ приписать религію, которую они исповѣдуютъ, такъ какъ мусульманство поощряетъ рабство, признавая невѣрныхъ законной добычей правовѣрныхъ. Говоря вообще, татары и монголы по натурѣ своей хищники, грабители, охотники до набѣговъ и проистекающихъ отсюда всякаго рода выгодъ, но у себя дома они почти вездѣ замѣнили рабство крѣпостнымъ состояніемъ. Честь этой замѣны можетъ быть слѣдуетъ приписать вліянію ламайскаго буддизма — религіи, чрезвычайно распространенной среди монголовъ.

III. Тибетъ съ точки зрѣнія рабства.

Тибетцы дѣлятся на два класса; одинъ занимается исключительно свѣтскими, мірскими дѣлами; другой всецѣло посвятилъ себя небу ⁵⁾; нравственно руководящимъ классомъ является второй; онъ ведетъ первый въ духѣ своего ученія, а ученіе это очень гуманитарно.

„Я не желаю, — говоритъ Дебъ-раджа, глава свѣтской власти, Великій Лама, — ни притѣснять, ни преслѣдовать. Наша религія учитъ насъ скорѣе лишать самихъ себя пищи и сна, чѣмъ повредить ничтожнѣйшему изъ людей“ ⁶⁾.

¹⁾ Vambéry, *loc. cit.*, 222. ²⁾ Burnes, *loc. cit.*, 130. ³⁾ Vambéry, *loc. cit.* 152.

⁴⁾ Dubeux, *loc. cit.*, 75. ⁵⁾ Turner, *Ambassade au Thibet et au Boutan*, II, 88.

⁶⁾ Turner, *loc. cit.*, II, 7.

Такова теорія; на практикѣ выходитъ совсѣмъ другое. Вотъ какимъ образомъ тотъ же Лама формулируетъ свое всемогущество: „Есть у насъ неизблемый законъ: каждый изъ моихъ подданныхъ, котораго я приставилъ къ какому-нибудь дѣлу, не смѣетъ, пока въ немъ остается хоть капля жизни, ни уклониться отъ исполненія возложенной на него обязанности, ни предстать предо мной, пока онъ въ точности не исполнитъ всего, что я поручилъ ему, если только самъ я не разрѣшилъ ему вернуться“¹⁾. Это чистѣйшая доктрина отвлеченной монархіи, какой она и должна быть въ странѣ, гдѣ глава государства соединяетъ въ своей особѣ духовную и свѣтскую власть, гдѣ онъ имѣетъ претензію считать себя не только королемъ, но и проявленіемъ духа, управляющаго вселенной. При такой системѣ, правящій классъ можетъ обойтись безъ рабовъ; народъ и безъ того находится въ состояніи подчиненія. Правительство есть верховный владѣлецъ государства; въ сущности оно можетъ по произволу распоряжаться всѣмъ имуществомъ подданныхъ; пользуясь этимъ, оно налагаетъ подати и повинности, взимаетъ реквизиціи. Всякому, имѣющему проѣздное свидѣтельство отъ великаго Ламы, поселене должны давать требуемое количество людей, лошадей, быковъ, ословъ и муловъ. Малочисленные семьи нанимаютъ за себя бѣдняковъ; бѣдные соединяются въ группы по три, по четыре семьи и въ складчину доставляютъ необходимое количество животныхъ для реквизиціи, *улахъ* (*oulah*)²⁾.

Въ домашнемъ быту жители Тибета и Бутана сохранили древніе татарскіе обычаи и всѣ тяжелыя работы возлагаютъ на женщинъ. Климатъ Тибета суровъ; въ немъ произрастаетъ очень небольшое количество полезныхъ злаковъ; въ горахъ разводятъ почти исключительно рожь, горохъ и пшеницу³⁾. За исключеніемъ уборки, въ которой благоволятъ принимать участіе и мужчины, всѣ остальные земледѣльческія работы предоставлены женщинамъ; онѣ сѣютъ, полютъ, орудуютъ серпомъ и цѣпомъ; а мужчины только смотрятъ⁴⁾. Домашнія работы и подавно исполняются женщинами, даже самая трудная изъ нихъ: снабженіе хозяйства водой. Тибетскія деревни расположены обыкновенно по склонамъ горъ и за водой приходится спускаться въ долины. Женщины и дѣвушки обыкновенно носятъ воду, въ длинныхъ, большихъ колѣнахъ бамбуковыхъ стеблей⁵⁾; тѣ, которыя посильнѣй или похрабрѣй, носятъ даже по два колѣна заразъ; но это трудъ очень тяжелый.

Итакъ, несмотря на пресловутую буддійскую проповѣдь милосердія къ людямъ и даже къ животнымъ, ламайскій буддизмъ нисколько не уменьшилъ эксплуатаціи низшихъ классовъ привиле-

¹⁾ Ibid. II, 125. ²⁾ Нус., *loc. cit.*, II. ³⁾ Turner, *loc. cit.*, I. 330. ⁴⁾ Ibid., I 217—330. ⁵⁾ Ibid., I. 83.

хозяйство. Не женатому землевладельцу достаточно и четырех рабовъ. Въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ, взятыхъ въ аренду государствомъ, не было быковъ и ихъ замѣняли рабами; но всей вѣроятности рабы впрягались въ плугъ, какъ теперь впрягаются женщины ¹⁾. Надо прибавить однако, что китайскій плугъ легокъ, а почва рисовыхъ полей пропитана влагой. Въ наше время держать рабовъ только богатые китайцы и, выдавая дочь замужъ, считаютъ своей обязанностью дать ей въ приданое нѣсколько семействъ невольниковъ ²⁾.

Рабское состояніе въ Китаѣ наследственно ³⁾. Только во второмъ поколѣніи рабъ можетъ откупиться на волю, если успѣлъ скопить для этого достаточную сумму ⁴⁾; господинъ имѣетъ право во всякое время продать и раба и его дѣтей ⁵⁾.

Въ старину рабство было конечно еще тяжелѣе. Господинъ имѣлъ надъ рабомъ право жизни и смерти, даже право принудить рабню къ явной проституціи ⁶⁾; къ этому присоединялась еще прерогатива превращать невольниковъ въ евнуховъ. Сейчасъ это право предоставлено только императору и принцамъ крови, вѣроятно потому, что только они имѣютъ многочисленные гинекеи. Частныхъ лицъ, которыя воспитали кастратовъ и держатъ ихъ въ личномъ своемъ услуженіи, китайскіе законы наказываютъ сотней палочныхъ ударовъ и пожизненнымъ изгнаніемъ ⁷⁾.

Феодальная фаза рабства еще и теперь сохранилась бодрой и живучей въ Корей, государствѣ, платящемъ дань Китаю. Здѣсь вся политическая власть сосредоточена въ рукахъ дворянства военнаго происхожденія; дворяне владѣютъ рабами, съ которыми они по закону должны обращаться отечески, но которыхъ могутъ бить, сколько душъ угодно. Воспрещается только убивать рабовъ, подъ угрозой изгнанія или заточенія ⁸⁾. Рабское состояніе здѣсь наследственно. Всякое покушеніе на священную особу господина какъ въ Корей, такъ и въ Китаѣ карается безпощадно. Китайскій законъ предписываетъ обезглавить раба, осмѣливагося сознательно ударить своего господина. Если ударъ былъ нанесенъ съ намѣреніемъ убить, вина считается еще болѣе тяжелой, и простая смерть замѣняется такъ называемой мучительной. Раба, случайно убившаго своего господина, приговариваютъ къ смерти чрезъ удушеніе; странно, что та же казнь полагается за нанесеніе побоевъ родственникамъ господина ⁹⁾.

¹⁾ Wallon, *loc. cit.*, I. Note 3. ²⁾ Lettres édifiantes, XV. 156. ³⁾ Wallon, *loc. cit.*, I.—Tourmagne. Hist. du servage. 601. ⁴⁾ Ph. Daryl., *loc. cit.*, 52. ⁵⁾ Tourmagne, *loc. cit.* ⁶⁾ Ph. Daryl., *loc. cit.* ⁷⁾ Code pénal chinois. (Staunton) t. II. Section. 379. ⁸⁾ J. H. Rosny, *La Corée et les Coréens Revue scientifique*. 23 déc. 1893. ⁹⁾ Code pénal chinois, t. II. Division VI. Section 314. Art. I и II.

Законъ наказуетъ раба даже въ томъ случаѣ, если онъ подаетъ жалобу, все равно, ложную или справедливую, на господина, или кого-нибудь изъ его близкихъ родныхъ ¹⁾. Китайскій кодексъ весь испещренъ подобнаго рода статьями, явно пристрастными и несправедливыми. Неравенство положеній раба и свободного гражданина бьетъ въ глаза. Такъ обстоитъ дѣло на практикѣ; но это не мѣшаетъ официальной морали и моралистамъ провозглашать во всеуслышаніе, что рабъ и господинъ равны отъ природы. Одинъ указъ гласитъ: „хотя люди и различаются между собой общественнымъ положеніемъ; хотя одинъ рождается дворянствомъ, а другой простолюдиномъ, но природа у всѣхъ одна и та же“ ²⁾. Другой указъ гласитъ: „какъ? развѣ рабъ не сынъ человѣка и вслѣдствіе этого развѣ самъ онъ не человѣкъ?.. Нужда заставила родителей продать его тѣло“ ³⁾. И дѣйствительно, однимъ изъ главныхъ источниковъ рабства въ Китаѣ является продажа дѣтей отцами. Въ Небесной имперіи права отца семейства очень близки къ правамъ *pater familias* древняго Рима. Съ точки зрѣнія злоупотребленій родительской властью, законъ преспокойно ставитъ на одну линію сына, внука и раба ⁴⁾.

Въ Китаѣ, какъ и древнемъ Римѣ, отцу семейства прежде всего предоставлено право принять или не принять своего новорожденного ребенка. Въ послѣднемъ случаѣ ребенка убиваютъ ⁵⁾, или выставляютъ, т. е. бросаютъ на улицѣ, что обыкновенно равняется смерти. Уже Марко Поло упоминаетъ объ этомъ обычаѣ, сохранившемся и до нашихъ дней: „король приказывалъ подбирать брошенныхъ дѣтей, число которыхъ достигало иногда за одинъ годъ до двадцати тысячъ, и воспитывалъ ихъ на свой счетъ. Ибо въ этой странѣ бѣдныя женщины обыкновенно бросаютъ своихъ дѣтей, въ надеждѣ, что кто-нибудь возьметъ и воспитаетъ ихъ. Часть подобранныхъ дѣтей король раздаетъ богачамъ, съ тѣмъ чтобы они заботились о малюткахъ, по большей части такимъ, у которыхъ нѣтъ своихъ дѣтей, и въ этомъ случаѣ велитъ имъ усыновить найденнышей. Тѣхъ дѣтей, которыя воспитываются на его собственный счетъ, онъ впослѣдствіи женитъ и выдаетъ замужъ другъ за друга и доставляетъ имъ средства къ жизни“ ⁶⁾.

Если обычай разрѣшаетъ „выставлять“ новорожденныхъ, то ужъ продавать ихъ и подавно. Въ Китаѣ продажа дѣтей — обычное явленіе; это единогласно утверждаютъ какъ древніе миссіонеры ⁷⁾, такъ и современные путешественники; но продаютъ обыкновенно

¹⁾ Ibid. VI, VI-eme division, Section 337. Art. VII. ²⁾ *Lettres edificantes*, t. XV. Ch. XVII, p. 149. ³⁾ *Lettres edificantes*, loc. cit., 150. ⁴⁾ *Code penal chinois*, t. II. Div. VI, Sect. 294. ⁵⁾ *Lettres edificantes*, II, 155. ⁶⁾ *Voyages de Marc Paul*. Livre, II. Ch. 53. ⁷⁾ *Lettres edificantes*. XIV, 318.

Къ законнымъ средствамъ пополненія класса рабовъ присоединяются незаконныя — въ частности, продажа свободныхъ людей, захваченныхъ увозомъ или обманомъ. Законъ строго караетъ такія преступленія, множество статей его направлены не только противъ похитителей и продавцовъ, но также противъ покупателей и укрывателей; очевидно, такія злодѣянія въ Китаѣ не рѣдкость. Въ принципѣ продажа лицъ свободнаго состоянія воспрещена, даже съ согласія продаваемыхъ, которыхъ также наказываютъ — въ томъ случаѣ, если они старше десяти лѣтъ: предполагается, что въ такомъ возрастѣ дѣти уже могутъ дѣйствовать сознательно ¹⁾.

Китайскій законъ, какъ и законы Индо-Китая, которые, впрочемъ, отъ него же и произошли, воспрещаетъ всякую половую близость между свободными людьми и рабами. Глава семейства, женившій своего раба на дочери свободнаго человека, наказуется 80-ю ударами бамбука ²⁾, а бракъ объявляется недействительнымъ.

Всякій рабъ, или хотя бы наемный слуга, вступившій въ преступную связь съ женой или дочерью своего господина, наказуется обезглавленіемъ ³⁾.

Всѣ эти законы несомнѣнно появились гораздо позже самого рабства, существующаго въ Китаѣ съ давнихъ поръ, ибо за двѣнадцать столѣтій до нашей эры тамъ уже имѣлись общественные рабы ⁴⁾. Пока мы имѣемъ слишкомъ мало данныхъ, чтобы составить себѣ понятіе о положеніи рабовъ въ то отдаленное время. По всей вѣроятности, оно было очень близко къ положенію раба татарскаго. До сихъ поръ сохранившійся обычай сжигать на могилахъ вельможъ вырѣзанныя изъ бумаги фигуры, изображающія фрейлинъ и нажей ⁵⁾, позволяетъ предполагать, что въ былыя времена китайцы приносили въ жертву манамъ знатнаго покойника слугъ и рабовъ, какъ это и по сію пору дѣлаютъ татары.

Изъ всего предыдущаго можно вывести заключеніе, что классъ рабовъ въ Китаѣ состоитъ исключительно изъ рабовъ домашнихъ, слугъ, находящихся въ большей или меньшей зависимости отъ господина.

Въ области промышленности и земледѣлія трудятся, главнымъ образомъ, свободные люди. Въ старину низшіе классы были, по всей вѣроятности, болѣе подчинены, чѣмъ теперь, ибо китайскій законъ, который имѣетъ претензію все предвидѣть, и въ наше время подвергаетъ ихъ довольно узкой регламентаціи. Постановленіемъ его разъ на всегда опредѣлено число дозволенныхъ искусствъ и даже ремесель; тѣхъ и другихъ насчитывается всего шестнадцать

¹⁾ *Code chinois*, Div. VI, Sect. 275. ²⁾ *Code chinois*, Div. III, Sect. 115. ³⁾ *Ibid.* Div. IV, Sect. 370. ⁴⁾ A. Tourmagne, *Hist. du servage*, 601. ⁵⁾ H. Spencer, *Sociologie*, I, 275. (Русск. пер. Изд. И. Д. Сытина).

разрядовъ ¹⁾. Съ каждой семьи ремесленниковъ казна взимаетъ особый налогъ, помимо подушнаго и поземельнаго ²⁾. Такъ какъ въ Китаѣ еще живъ духъ клана и, вслѣдствіе этого, духъ ассоціаціи, ремесленники составляютъ отдѣльныя гильдіи, цехи, имѣющіе каждый свой особый уставъ и своихъ особыхъ властей. Такъ береговые рыболовы дѣлятся на группы изъ десяти и ста человекъ, и въ уставѣ ихъ законъ отечески предусматриваетъ мельчайшія подробности ихъ промысла, заранее опредѣляя: сколько тоннъ должно поднимать рыбацье судно; сколько соли можно взять съ собой про запасъ для соленья рыбы, сколько дней подрядъ слѣдуетъ оставаться въ морѣ. Каждый хозяинъ барки долженъ избрать себѣ отвѣтственнаго за него начальника ³⁾. Всѣ занимающіеся какимъ-либо ремесломъ или профессіей непременно члены цеха и должны подчиняться его организаціи, будь то каменщики, плотники и т. под., или хоть профессора; даже нищіе не составляютъ исключенія; организаціи всѣхъ цеховъ аналогичны между собою ⁴⁾. Общественное мнѣніе не дѣлаетъ никакой разницы между тѣмъ, кто живетъ своимъ трудомъ. Рабочій пользуется не меньшимъ уваженіемъ, чѣмъ врачъ или художникъ, и трудъ его оплачивается не хуже ихъ труда. Въ городѣ дневной заработокъ рисовальщика или живописца составляетъ отъ 50 до 60 сантимовъ; рабочій въ мастерской живописца получаетъ тѣ же 50 сант., но безъ стола. Въ деревнѣ плата понижается до 25—30 сантимовъ, но со столомъ. Рабочій день батрака, нанявшагося на полевая работы, стоитъ 15—20 сантимовъ, плюсъ ѣда; за пересадку риса платятъ на пять сантимовъ, а за молотбу его — на десять сантимовъ больше ⁵⁾.

Зато въ Китаѣ дешева и жизнь: человекъ достаточно 30—40 сантимовъ въ день, чтобы прокормиться ⁶⁾. Чашка варенаго риса стоитъ три сантима, фунтъ говядины (604 гр.) или рыбы — отъ 10 до 15 сантимовъ, чашка чаю стоитъ сантимъ, сорговаго или рисоваго вина — десять сантимовъ. Кучера въ гостиницѣ можно нанять за четыре сантима; нижнее платье на ватѣ стоитъ отъ семи до десяти франковъ и т. д. ⁷⁾. Мѣста въ театрѣ стоятъ отъ двухъ до двадцати сантимовъ; въ каждой глухой деревушкѣ обязательно играетъ труппа странствующихъ артистовъ.

Съ другой стороны, большихъ фабрикъ здѣсь нѣтъ; инструменты самые простые, и у каждаго рабочаго есть свой наборъ. Итакъ, въ общемъ, положеніе рабочаго-ремесленника въ Китаѣ не изъ худшихъ; но благоденствію его мѣшаютъ различныя при-

¹⁾ Pauthier, *Chine moderne*, 261. ²⁾ Ibid. loc. cit., 166. ³⁾ Ph. Daryl, *Le monde chinois*, 61. ⁴⁾ Ibid., 4. ⁵⁾ E. Simon, *Côte chinoise*, 108. (Рус. пер. «Срединное царство»). ⁶⁾ Ch. Lavallee, *Chine contemporaine*, 161. ⁷⁾ E. Simon, loc. cit., 117

чины: тиранія цеховъ, стремящихся къ монополіи, голодъ, волненія, конкуренція вслѣдствіе чрезмѣрнаго роста населенія. Поэтому стачки въ Китаѣ не рѣдкость; при этомъ рабочіе проявляютъ энергію и настойчивость поистинѣ геройскія: они скорѣе умрутъ, чѣмъ уступятъ¹⁾.

Въ деревняхъ господствуетъ режимъ мелкаго семейнаго землевладѣнія; кромѣ того, каждая деревня составляетъ кланъ, члены котораго обязаны помогать другъ другу²⁾.

Въ Китаѣ трудъ земледѣльца считается не только почетнымъ, но и почетнымъ; правительство прославляетъ его, безпрестанно проповѣдая поселянамъ усердіе и прилежаніе въ обработкѣ полей³⁾. Каждый годъ, на праздникъ земледѣлія, императоръ въ столицѣ и губернаторы въ провинціяхъ сами идутъ за плугомъ, воздавая такимъ образомъ честь труду пахаря⁴⁾. Всѣ эти усилія не прошли безплодно: земля въ Китаѣ вездѣ обработана съ любовью и по интенсивному методу. Въ полевыхъ работахъ принимаютъ участіе всѣ члены семьи. Въ бѣдныхъ семьяхъ въ плугъ впрягаются жены, а мужъ идетъ сзади и направляетъ ихъ⁵⁾. Интенсивность китайскаго земледѣлія много зависитъ отъ того, что здѣсь употребляютъ почти исключительно человѣческое удобреніе, тщательно собирая его отовсюду. Въ деревнѣ вы на каждомъ шагѣ встрѣтите ватерклозеты, одни—почти изящные, другіе—грубые и отвратительные; иные не что иное, какъ простыя лохани или тачки; но содержимое ихъ вездѣ выбирается одинаково тщательно и распределяется чрезвычайно бережливо, „какъ рѣдкая драгоценность“, по выраженію одного китайскаго автора⁶⁾. Законъ, съ своей стороны, поддерживаетъ и поощряетъ земледѣльцевъ; всякій, кто не обработалъ своего поля, подлежитъ наказанію; кромѣ того, за его нерадивость отвѣчаетъ и начальникъ округа⁷⁾. Строгость закона доходитъ до того, что умышленная потеря земледѣльческихъ орудій или порча продуктовъ земледѣлія приравнивается къ кражѣ соотвѣтственной суммы денегъ⁸⁾.

Земледѣльцы и ремесленники въ принципѣ имѣютъ права свободныхъ гражданъ, но на дѣлѣ обязаны отбывать различныя повинности и общественныя работы, какъ въ Тибетѣ и Индо-Китаѣ. Во время проѣзда одного посланника изъ Кантона въ Пекинъ, барку его тянули по каналамъ на бечевѣ крестьяне изъ прибрежныхъ селеній, поощряемые налками⁹⁾. Въ различныхъ статьяхъ закона предусмотрены всѣ виды повинностей: даже опредѣлено, сколько

¹⁾ Ph. Daryl, *loc. cit.*, 53. ²⁾ См. *Evolution de la propriété* (рус. пер.). ³⁾ Huc, *Empire chinois*, II, 328. ⁴⁾ *Ibid.*, 343. ⁵⁾ *Ibid.*, 344. ⁶⁾ Milne, *Vie réelle en Chine*, 320. ⁷⁾ *Code penal chin.* t. I, 3-ème div Sect. XCXVII. ⁸⁾ *Ibid.*, Sect. XCVIII. ⁹⁾ Nienhof, *Description de la Chine*, II, 157.

ран); 3) ремесленниковъ и 4) купцовъ ¹⁾. Пятую касту составляли отверженные (*hogs caste*), представители профессій, которыя считаются нечистыми, *йетасъ* (*yetas*) — мясники, кожевники и др. ²⁾. Еще ниже стояли люди съ запятнанной репутаціей: палачи, проказенные, сводни, калѣки, нищіе и, наконецъ, *кристаллы*, или потомки древнихъ христіанъ. Эти несчастные были скучены въ особыхъ кварталахъ *тетто*, и законъ игнорировалъ ихъ существованіе ³⁾. На нихъ-то японскіе дворяне въ старину и пробовали иногда закалъ своихъ сабель.

Въ позднѣйшія времена рабство въ Японіи перешло въ крѣпостную зависимость. Наиболѣе суровую и самую первобытную форму крѣпостного права мы находимъ на островахъ Ліу-Ціу, гдѣ король владѣлъ всей землей и все, что она производитъ, раздавалъ своимъ *самураи*. Бѣдные сервы, трудами которыхъ создавались роскошныя жатвы, были доведены до крайней нищеты и, несмотря на чрезвычайную дешевизну продуктовъ, большую половину года питались таро и пататами, подобно ново-каледонскимъ канакамъ ⁴⁾.

Въ самой Японіи нравы были нѣсколько мягче. И здѣсь сервы смиренно подчинялись своимъ помѣщикамъ, шли за ними на войну и платили имъ оброкъ натурою; но количество оброка было разъ навсегда установлено ⁵⁾, и незаконные поборы центральная власть карала не только строго, но даже жестоко, — она доходила иногда до истребленія всей семьи лихоимца ⁶⁾.

Въ настоящее время феодальная система въ Японіи уничтожена, частью мирно, частью путемъ насилія, и микадо соединяетъ въ своихъ рукахъ духовную и свѣтскую власть ⁷⁾.

Японская промышленность до послѣдняго времени ограничивалась кустарнымъ промысломъ; въ Японіи не было ни машинъ ни крупныхъ мануфактуръ. Работали сообща, всей семьей, вокругъ домашняго очага; женщины тоже принимали участіе въ этихъ работахъ, какъ и въ Китаѣ. Впрочемъ, распространяться объ этомъ было бы излишне.

VI. Эволюція рабства у желтыхъ расъ.

Какъ бы съ высоты птичьяго полета мы обозрѣли въ пространствѣ, а въ общихъ чертахъ и во времени, обширныя области, населенныя желтыми расами, повсюду отмѣчая способы распредѣленія и выполненія общественнаго труда. Въ общемъ, результаты нашего

¹⁾ L. Metchnikoff, *loc. cit.*, 328—368. ²⁾ Humbert, *loc. cit.*, I, 386. ³⁾ Humbert, *loc. cit.*, 139. ⁴⁾ Jurien de la Gravière, *Voyage en Chine*, I, 232. ⁵⁾ A. Tourmagne, *Histoire du servage*, 605. ⁶⁾ Fr. Caron, *loc. cit.* 112. ⁷⁾ A. Tourmagne, *loc. cit.*, 605.

изслѣдованія совпадаютъ съ тѣми, какіе получились при изученіи расъ черныхъ; и тамъ и здѣсь наибольшая и самая тяжелая доля труда, необходимаго для поддержанія болѣе или менѣе организованныхъ обществъ, лежитъ на рабахъ и на женщинахъ.

Въ то же время мы имѣли возможность убѣдиться, что первыя фазы эволюціи рабства и у черныхъ и у желтыхъ расъ однѣ и тѣ же. Вездѣ оно вытекаетъ изъ войны, вездѣ начинается съ того момента, какъ побѣдители найдутъ болѣе выгоднымъ продавать или эксплуатировать побѣжденныхъ, чѣмъ убивать или съѣдать ихъ. Затѣмъ, по мѣрѣ усложненія общественной организаціи, укоре-няется прочнѣе и рабство; классъ рабовъ пополняется и растетъ, благодаря продажѣ дѣтей и женщинъ, благодаря приговорамъ суда, несостоятельности должниковъ, наконецъ, естественному приросту подневольнаго населенія. Эти крупныя факты социальной эволюціи пріобрѣтаютъ, по мѣрѣ того, какъ мы подвигаемся впередъ въ нашѣмъ изслѣдованіи, все болѣе и болѣе общій характеръ.

Но у желтыхъ расъ мы могли прослѣдить эволюцію рабства гораздо дальше, чѣмъ у черныхъ. Желтокожіи челоѣкъ, въ общемъ, развитѣе негра. Онъ раньше цивилизовался, основалъ несравненно болѣе сложныя общества, въ которыхъ мы находимъ и рабство, но въ видоизмѣненной формѣ. Если исключить низшихъ монголоидовъ, туземцевъ Америки и наименѣе цивилизованныхъ изъ дикарей Полинезіи, а именно, ново-зеландцевъ, то можно сказать, что, въ общемъ, монгольскія племена, уже нѣсколько цивилизованныя, отличаются наклоностью къ смягченію дикой суровости первобытнаго рабства; всѣ они стараются преобразовать его въ крѣпостное состояніе; неограниченный произволъ рабовладѣльца замѣняется оброками и повинностями, иногда очень тяжелыми, но, по крайней, мѣрѣ разъ навсегда опредѣленными. На ряду съ крѣпостнымъ состояніемъ мы, однако, находимъ и рабство, но уложенное въ тѣсныя рамки домашняго быта и, наконецъ, легализированное; законы, болѣе или менѣе охраняющіе интересы раба, дѣлаютъ его положеніе менѣе безпомощнымъ, менѣе ужаснымъ.

Тѣ же преобразованія мы находимъ вездѣ, въ средней Америкѣ, на Малайскомъ архипелагѣ, въ Индо-Китаѣ, у татаръ и монголовъ-кочевниковъ, въ Китаѣ и въ странахъ, заимствовавшихъ отъ него свою цивилизацію.

Но въ этихъ странахъ, значительно опередившихъ Китай въ смыслѣ цивилизаціи, эволюція также далеко шагнула впередъ. Господинъ, сохраняя за собой всѣ права надъ своими рабами, нашелъ выгоднымъ предоставить имъ извѣстную свободу, дать имъ возможность работать или торговать въ ихъ пользу, подъ условіемъ отдавать ему, господину, часть заработка. Но многіе изъ

этихъ рабовъ, въ концѣ концовъ, откупились или были отпущены на волю. Получивъ свободу, но не имѣя средствъ къ жизни, они стали предлагать свои услуги всякому, кто могъ и хотѣлъ оплатить ихъ трудъ; они сдѣлались ремесленниками. Другіе рабочіе вышли, и еще съ большей легкостью, изъ класса сервовъ, такъ какъ сервъ былъ въ принципѣ свободенъ располагать своимъ временемъ, лишь бы только онъ исправно платилъ оброкъ. Мало-помалу число такихъ поденщиковъ, свободныхъ въ принципѣ, но вынужденныхъ, ради куска хлѣба, каждый день отдавать большую часть своей свободы, значительно возросло. Кончилось тѣмъ, что въ болѣе цивилизованныхъ странахъ, въ Китаѣ, въ Японіи, они образовали особое сословіе, обыкновенно сгруппированное въ цехи; а изъ него, въ свою очередь, вышло новое сословіе, купцы, съ того момента, какъ продукты ремесленного труда пріобрѣли мѣновую цѣнность.

Что и въ этой заключительной фазѣ эволюціи рабства уцѣлѣло или народилось вновь немало яркихъ злоупотребленій — это фактъ, котораго нельзя отрицать; тѣмъ не менѣе эволюція эта, отъ самаго своего начала была явленіемъ прогрессивнымъ. Впрочемъ, еще производить ей оцѣнку и взвѣшивать ея соціологическіе результаты въ этой главѣ не мѣсто. Мы сдѣлаемъ это позднѣе.

Въ дальнѣйшемъ теченіи этихъ изслѣдованій намъ придется сталкиваться съ наемнымъ трудомъ очень часто, но окончательный приговоръ надъ нимъ мы можемъ произнести не прежде, какъ покончивъ съ обзоромъ человѣческихъ расъ.

БѢЛЫЯ РАСЫ.

Г Л А В А XI.

Египетъ и прилежащія къ нему страны

I. *Населеніе первобытнаго Египта.* — Начало египетской цивилизаціи. — Первобытные берберы. — II. *Рабство у берберовъ.* — Гуанчи Канарскихъ острововъ. — Касты и крѣпостное право. — Рабство у туареговъ. — Крѣпостное право у туареговъ. — Аристократія. — Племена, обложенныя данью. — Положеніе свободныхъ женщинъ у туареговъ. — Ихъ независимость. — Рабство у кабилловъ. — III. *Рабство въ древнемъ Египтѣ.* — Наслѣдственныя профессіи. — Повинности ремесленниковъ. — Рабство въ Египтѣ. — Рабство юридическаго происхожденія. — Рабы — военноплѣнные. — Обязательныя работы. — Постройка пирамидъ. — Неограниченная власть фараоновъ. — Трудъ египетскихъ женщинъ. — Подневольный трудъ въ рудникахъ. — IV. *Рабство въ Эѳіопіи.* — Эѳіопы въ древности. — Трудъ женщинъ. — Свобода, предоставленная женщинамъ. — Трудъ женщинъ въ Абиссиніи. — Отсутствіе спеціализаціи въ промышленности. — Феодалный режимъ въ Абиссиніи. — Слуги. — Источники рабства. — Фаллотомія. — Торговля рабами. — Положеніе раба. — V. *Рабство на Мадагаскарѣ.* — Происхожденіе говасовъ (Novas). — Рабы королевскіе и рабы частныхъ лицъ. — Источники рабства. — Ласковое обращеніе съ рабами. — Царская служба. — Положеніе и трудъ женщинъ. — Земледѣліе. — VI. *Эволюція рабства въ Египтѣ и сосѣднихъ съ нимъ странахъ.* — Рабство, крѣпостное право и платный трудъ.

I. Населеніе первобытнаго Египта.

Въ предыдущей главѣ мы покончили съ изученіемъ рабства у желтыхъ и, въ болѣе общемъ смыслѣ, у цвѣтныхъ расъ. Теперь намъ предстоитъ изслѣдовать, съ точки зрѣнія рабства, бѣлыя, такъ называемыя, высшія расы. Трудно отрицать, что это первенство только относительное и что оно сводится больше къ умственному превосходству, чѣмъ къ положительнымъ нравственнымъ качествамъ; но все же, въ настоящее время, бѣлыя расы стоятъ во главѣ поступательнаго движенія, а въ прошломъ онѣ же создали всѣ главнѣйшіе типы цивилизаціи, за исключеніемъ китайскаго. Ихъ исторія болѣе извѣстна намъ, чѣмъ исторія цвѣтныхъ расъ, хотя корни ихъ, по необходимости, уходятъ въ доисторическое

прошлое. Мы имѣемъ о нихъ самыя подробныя свѣдѣнія, которыхъ намъ, наоборотъ, часто не хватаетъ для того, чтобы судить о цвѣтныхъ расахъ; поэтому мы займемся ими по преимуществу и посвятимъ имъ остальную часть нашей книги.

Въ этой главѣ мы займемся цивилизаціей Египта, первой изъ всѣхъ странъ земного шара, достигшей высокаго уровня образованности. Но прежде необходимо сказать нѣсколько словъ о расахъ, создавшихъ Египетъ, какъ государство. Официальное, принятое мнѣніе, основанное лишь на нѣкоторыхъ тонкихъ аналогіяхъ въ строеніи языка, которыхъ искали и обрѣли съ большимъ трудомъ, приписываетъ египетской цивилизаціи азіатское, даже семитическое происхожденіе. А между тѣмъ Египетъ основанъ гораздо раньше древнихъ семитическихъ имперій, и семиты, пастухи, гиксосы, овладѣли имперіей фараоновъ въ то время, когда эта имперія насчитывала уже нѣсколько тысячъ лѣтъ существованія. Разумѣется, настанетъ время, когда историки придутъ къ болѣе или менѣе научно обоснованному взгляду на вещи. Теперь это время еще не настало. Есть основаніе думать, что основатели Египта не принадлежали къ семитической расѣ, ни тѣмъ болѣе къ эіопской, ибо египетская цивилизація не спускалась, а подымалась по долинѣ Нила; ихъ можно отнести только къ берберской расѣ, прототипомъ которой являются кро-маньонскій человѣкъ и гуанчи Канарскихъ острововъ, расѣ, которая ранѣе начала всякой исторіи, даже исторіи Египта, населяла сѣверную Африку, южную и западную Европу и острова Средиземнаго моря. Эта раса первобытныхъ берберовъ, несомнѣнно бѣлокожихъ и долихоцефаловъ, представляющая собою средній типъ между семитическимъ и арійскимъ, столкнулась въ долинѣ Нила сначала съ эіопами, имѣющими черный цвѣтъ кожи и вьющіеся волосы, затѣмъ, гораздо позже, съ завоевателями-семитами. Результатомъ ея смѣшенія съ тѣми и другими явились расы метисовъ: копты, фелахи; правящіе же классы Египта, остерегавшіеся неравныхъ браковъ, сохранили болѣе блѣдный цвѣтъ кожи, и египетская живопись на саркофагахъ и т. п. изображаетъ ихъ, обыкновенно, съ чертами и цвѣтомъ лица кавказскаго типа, тогда какъ изображенія земледѣльцевъ и ремесленниковъ имѣютъ болѣе или менѣе приплюснутый носъ, выдающіяся скулы, курчавые волосы.

Итакъ, наше настоящее изслѣдованіе, какъ и предыдущія, мы должны начать съ источниковъ, т. е. съ древнихъ и современныхъ берберскихъ народовъ, по крайней мѣрѣ, тѣхъ, о которыхъ имѣются соціологическія данныя, а именно: *гуанчей*, *туареговъ* и *кабиловъ*.

ими преимущественно для домашнихъ услугъ и обращаются съ ними, по большей части, ласково¹⁾; однако же Бартъ видѣлъ на южной границѣ Сахары трехъ рабовъ, впряженныхъ въ плугъ, которыхъ хозяинъ-туарегъ понукалъ и подбадривалъ кнутомъ совершенно какъ домашнихъ животныхъ²⁾.

Но вообще можно сказать, что рабство, въ точномъ смыслѣ этого слова, рабство въ томъ видѣ, въ какомъ оно существуетъ у мусульманъ, у туареговъ составляетъ явленіе рѣдкое и случайное. Они дѣлятся на два сословія: дворянъ и сервовъ³⁾. Политическія права имѣютъ только дворяне⁴⁾. Остальные содержатъ своимъ трудомъ правящій классъ; нужно отъ четырехъ до восьми сервовъ для того, чтобы прокормить одного дворянина⁵⁾. Дворяне всю жизнь странствуютъ по пустынѣ, то конвоируютъ караваны, то грабятъ ихъ; сервы воздѣлываютъ оазисы, разводятъ овецъ, козъ, верблюдовъ; они же воспитываютъ и стерегутъ стада, принадлежащія дворянамъ, и ежегодно платятъ имъ оброкъ, состоящій изъ масла, молока, козъ, овецъ и верблюдовъ. Туареги-дворяне запасаются всѣмъ необходимымъ у своихъ сервовъ, которые нерѣдко бываютъ богаче ихъ и которымъ они предоставляютъ полную свободу богатѣть, довольствуясь взиманіемъ съ нихъ десятины⁶⁾.

Нѣкоторые разряды марабутовъ, *ифохаасъ*, совсѣмъ не держатъ сервовъ — это запрещено имъ религіей — и замѣняютъ ихъ преданными слугами, которые служатъ изъ чести, но ухотъ за стадами и черную домашнюю работу предоставляютъ многочисленнымъ рабамъ⁷⁾.

Наконецъ, между дворянами и сервами существовало еще среднее сословіе, платившее только налогъ дворянамъ⁸⁾. Этотъ налогъ, оброкъ и дань съ каравановъ, составляли всѣ доходы туареговъ благороднаго происхожденія. Впрочемъ, благородство происхожденія зависѣло только отъ матери; напр. сынъ раба и дворянки считался дворяниномъ; „чрево красить ребенка“, говорятъ туареги⁹⁾.

Послѣ смерти господина черные рабы нерѣдко получаютъ свободу; тогда они становятся сервами, могутъ жениться на бѣлыхъ, и продать ихъ уже нельзя¹⁰⁾; положеніе серва у туареговъ не имѣетъ ничего общаго съ положеніемъ раба, но оброкъ, которымъ обложены сервы, иногда бываетъ непомѣрно великъ. Такъ, туареги, владѣльцы оазиса Уаргла, отдають въ аренду свои сады сервамъ, *кхамма*, и до того эксплуатируютъ ихъ, что бѣдняки принуждены довольствоваться пятой частью урожая выращенныхъ ими плодовъ¹¹⁾.

¹⁾ Duveyrier, *Touareg du Nord*. 339. ²⁾ Barth, *Voy. en Afrique*, I. 220. ³⁾ Ibid. 329. ⁴⁾ Duveyrier, *loc. cit.* 331. ⁵⁾ Duveyrier, *loc. cit.* 368. ⁶⁾ Ibid. 334. ⁷⁾ Ibid. 362. ⁸⁾ Ibid. 329—334. ⁹⁾ Ibid. 337. ¹⁰⁾ Ibid. 336—337. ¹¹⁾ Ibid. 289.

Не будучи рабами, сервы, тѣмъ не менѣе, находятся въ большомъ подчиненіи. Существуютъ особые законы противъ роскоши, запрещающіе сервамъ, какъ мужчинамъ, такъ и женщинамъ, носить какую-либо одежду, кромѣ кожаной ¹⁾, а также шпагу или желѣзное копье, оружіе, присвоенное спеціально свободному человеку ²⁾. Туареги, находящіеся въ крѣпостномъ состояніи, или тѣ, въ жилахъ которыхъ течетъ не вполне чистая берберская кровь, обязаны довольствоваться, въ смыслѣ вооруженія, кинжаломъ и доисторическимъ деревяннымъ копьемъ ³⁾.

Несмотря на эти внѣшніе знаки подчиненія, между туарегами — сервами и дворянами — господствуетъ обыкновенно доброе согласіе; первые преданы вторымъ, вторые благосклонны къ первымъ и обращаются съ своими младшими братьями не только гуманно, но даже дружески ⁴⁾. Это не мѣшаетъ свободнымъ туарегамъ-кочевникамъ питать глубокое презрѣніе къ земледѣльцамъ, ведущимъ осѣдлую жизнь; по ихъ мнѣнію, только бродячая жизнь, конвоированіе и грабежъ каравановъ достойны порядочнаго человѣка; осѣдлыхъ же земледѣльцевъ они считаютъ какими-то выродками ⁵⁾.

Въ странахъ, населенныхъ племенами берберской расы, женщина, по большей части, не можетъ жаловаться на свое положеніе. То же мы находимъ и у туареговъ, по крайней мѣрѣ, по отношенію къ женщинамъ свободнаго сословія. Въ нашихъ предыдущихъ сочиненіяхъ мы не разъ подчеркивали этотъ довольно исключительный фактъ, и упоминали объ организованныхъ приемахъ гостей, и о „дворахъ любви“, гдѣ туарегскія дамы открыто окружаютъ себя поклонниками, и т. д.

Въ общемъ, женщины свободнаго или благороднаго сословія пользуются большой независимостью. Въ Тимбукту онѣ не только открыто посѣщаютъ мужчинъ и разговариваютъ съ ними запросто, но даже курятъ изъ одной съ ними трубки, переходящей изъ рукъ въ руки ⁶⁾.

Въ большихъ оазисахъ туарегскія женщины не отличаются строгостью нравовъ, чтобы не сказать болѣе. Въ Агадесѣ, женщины и дѣвушки сами приходили къ путешественнику Барту предлагать ему услуги особаго рода ⁷⁾; одна замужняя женщина, въ отсутствіе мужа, находилась въ слишкомъ интимныхъ отношеніяхъ съ другимъ мужчиной и почти не скрывала этого ⁸⁾. Всѣ эти факты очень краснорѣчивы; они составляютъ рѣзкій контрастъ съ нравами арабовъ; а между тѣмъ, туареги — магометане; такимъ образомъ предоставленіе свободы прекрасному полу является у нихъ какъ бы

¹⁾ Barth., *loc. cit.* IV. 165. ²⁾ Ibid. I. 137. ³⁾ Ibid. IV 113—114. ⁴⁾ Ibid. I 320.

⁵⁾ Denham et Clapperton. *Hist. univ. voy.* XXVII. 36. ⁶⁾ Barth, *loc. cit.*, IV. 146.

⁷⁾ Ibid. I. 263. ⁸⁾ Barth. I. 264.

особенностью расы; впрочемъ, это согласуется съ тѣмъ немногимъ, что намъ извѣстно о нравахъ древнихъ гуанчей Канарскихъ острововъ. Нѣкоторые обычаи кабилловъ, наиримѣръ, уважительное отношеніе къ женщинѣ въ военное время, *право возстанія* (*droit d'insurrection*), присвоенное замужней женщинѣ въ случаѣ нѣкоторыхъ оскорбленій со стороны мужа¹⁾, — все это также остатки старины, остатки свободы, которою пользовались женщины въ тѣ времена, когда арабскіе законы не успѣли еще измѣнить или уничтожить древніе обычаи берберовъ.

Объ эволюціи рабства у современныхъ кабилловъ можно сказать очень немногое. Въ этомъ смыслѣ они совершенно усвоили себѣ арабскіе обычаи; лишь нѣкоторыя отличительныя черты напоминаютъ тѣ далекія теперь времена, когда кредиторъ могъ непосредственно изловить должника и обратить его въ рабство. И теперь еще случается иногда, что кредиторъ закабалитъ сына несостоятельнаго должника²⁾ или кабилъ, обиженный членомъ другой *джемаа*, другой деревенской общины, задержитъ перваго попавшагося крестьянина изъ одной деревни съ его обидчикомъ. Обѣ эти черты нравовъ обусловлены принципомъ коллективной отвѣтственности, которая, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, можетъ привести и къ рабству.

Изъ всѣхъ этихъ фактовъ складывается тотъ общій выводъ, что рабство у независимыхъ берберовъ представляется явленіемъ рѣдкимъ, случайнымъ; что, какъ у гуанчей, такъ и у туареговъ, оно замѣнено крѣпостнымъ правомъ; наконецъ, что, несмотря на предписанія Корана, въ мелкихъ республиканскихъ общинахъ Кабиліи рабства не существуетъ. У всѣхъ этихъ берберскихъ племенъ рабовладѣльческія наклонности, въ полномъ смыслѣ этого слова, мало развиты.

III. Рабство въ древнемъ Египтѣ.

Также мало распространено было рабство и въ древнемъ Египтѣ, странѣ, наполовину населенной берберами; оно, повидному, сосредоточивалось во дворцахъ фараоновъ и вельможъ. Діодоръ говорить, что земля Египта была раздѣлена на три части, — между фараонами, жрецами и воинами, равно какъ и доходы съ нея³⁾. Собственники эти, въ свою очередь, отдавали свои земли въ аренду хлѣбопашцамъ, какъ говорятъ, за умѣренную плату⁴⁾.

Въ государствѣ фараоновъ всѣ профессіи были наслѣдственны. Земледѣлецъ передавалъ сыну искусство обрабатывать землю, пас-

¹⁾ См. *Evolution du mariage et de la famille*. ²⁾ Hanoteau et Letourneux, *Kabylie*, III. 220. ³⁾ Diodore, t. I. p. 73. ⁴⁾ Ibid. par. 74.

кихъ слугъ обоого пола для того, чтобы утѣшить или вознагра- дить его за потерю жены, которую онъ, фараонъ, отнял у него (Книга Бытія. XII, 16). Древніе авторы просвѣщаютъ насъ и на- счесть источниковъ рабства въ имперіи фараоновъ. До Псамме- тиха, Египетъ былъ закрытъ для чужестранцевъ; прїѣзжихъ, ви- новныхъ только въ томъ, что они осмѣлились безъ разрѣшенія ступить на египетскую землю, законъ предписывалъ казнить или обращать въ рабство ¹⁾. При Діодорѣ въ Египтѣ уже не было ра- бовъ за долги ²⁾; но есть основаніе думать, что ранѣе дѣло об- стояло иначе. Во всякомъ случаѣ однимъ изъ источниковъ раб- ства были судебные приговоры. По Діодору, императоръ Бохорисъ первый додумался до мысли утилизировать осужденныхъ на смерть, вмѣсто того, чтобы казнить ихъ; ими пользовались для различ- ныхъ общественныхъ работъ, главнымъ образомъ, для рытья кана- ловъ и постройки плотинъ; при этомъ рабы работали въ цѣпяхъ ³⁾.

Съ другой стороны, законъ защищалъ раба отъ жестокости го- сподина, даже не дѣлая разницы между убійствомъ раба и убій- ствомъ свободного человѣка; въ обоихъ случаяхъ убійцу ждала смертная казнь ⁴⁾.

Но не одними обращенными въ рабство преступниками поль- зовались для общественныхъ работъ. Когда Египетъ покорилъ себѣ сосѣднія страны, къ этимъ рабочимъ присоединились толпы плѣн- ныхъ; они-то и трудились до изнеможенія надъ постройкой гигант- скихъ памятниковъ, которые и теперь возбуждаютъ наше удив- леніе и восторгъ. Такъ, великій завоеватель Сесострисъ заставлялъ плѣнныхъ рыть каналы или перетаскивать огромныя глыбы камня, предназначенныя для сооруженія храмовъ ⁵⁾. Въ этомъ онъ только слѣдовалъ примѣру своего отца, Сезоосиса ⁶⁾, который въ каждомъ египетскомъ городѣ воздвигнулъ храмъ мѣстному божеству, поль- зуясь для этого исключительно услугами военноплѣнныхъ. По окон- чаніи постройки, зданіе украшали слѣдующей надписью: „ни одинъ египтянинъ не приложилъ къ этому своихъ рукъ“ ⁷⁾. Этой системы фараоны держались очень долго; въ концѣ концовъ войны ихъ превратились въ грандіозные походы для добыванія рабовъ, тру- дами которыхъ возводились величественныя зданія, — зданія, кото- рыми они такъ гордились ⁸⁾. Благодаря этой жестокой системѣ, вся долина Нила, отъ четвертаго порога до самаго моря, покры- лась болѣе или менѣе внушительнаго вида постройками ⁹⁾. Плѣн- никовъ, которые не годились ни въ каменщики, ни въ землекопы, продавали въ рабство частнымъ лицамъ ¹⁰⁾.

¹⁾ Diodore, liv. I. par. 67. ²⁾ Ibid. liv. I. par. 79. ³⁾ Ibid. liv. I. par. 78. ⁴⁾ Dio- dore, liv. I. par. 77. ⁵⁾ Hérodote, l. II. par. 124. (рус. пер.). ⁶⁾ Diodore, l. I. par. 56. ⁷⁾ Maspéro, loc. cit. 205. ⁸⁾ Maspéro, loc. cit. 205. ⁹⁾ Ibid. 83. ¹⁰⁾ Ibid. 262.

Иногда, плѣнныхъ оказывалось недостаточно, но и это не могло поставить фараоновъ въ затруднительное положеніе. Пользуясь неограниченною властью и состоя „въ близкомъ родствѣ съ богами“, они и на своихъ подданныхъ смотрѣли почти какъ на рабовъ и не задумывались обременять ихъ тяжкими повинностями. Библия говоритъ намъ о крѣпостяхъ, выстроенныхъ такимъ способомъ ¹⁾, передаетъ намъ жалобы евреевъ, пригнанныхъ въ долину Нила, обреченныхъ съ утра до поздней ночи мѣшать известь, дѣлать кирпичъ, работать на поляхъ безъ отдыха и срока ²⁾. Но и египтянамъ приходилось не легче: ихъ также не щадили. Геродотъ приводитъ не мало подвиговъ въ этомъ родѣ, совершенныхъ различными фараонами, которые тѣмъ и прославились, что такъ жестоко притѣсняли и свой несчастный народъ. Нечестивый Хеопсъ заперъ всѣ храмы и принудилъ египтянъ трудиться надъ возведеніемъ его колоссальной могилы. Десять лѣтъ ушло на одну постройку шоссе достаточной крѣпости, для подвоза матеріаловъ. Камень ломали въ Аравійскихъ горахъ, и огромныя глыбы его перевозили въ баркахъ по Нилу; потомъ нужно было доставить его на мѣсто, вырыть подземныя комнаты и воздвигнуть пирамиду. Рабочія руки стоили дешево, поэтому на нихъ не скупилась; каждыя три мѣсяца смѣнялись партіи въ сто тысячъ рабочихъ. На постройку самой пирамиды понадобилось около двадцати лѣтъ ³⁾. Хефренъ, братъ и наслѣдникъ Хеопса, слѣдовалъ примѣру своего предшественника. Онъ также выстроилъ себѣ пирамиду, только немного поменьше, и прибѣгалъ къ тѣмъ же средствамъ. Эти безумныя работы, по свидѣтельству историка ⁴⁾, продолжались сто шесть лѣтъ; все это время египтяне, т. е. конечно простой народъ, терпѣли всевозможныя лишенія, но фараоновъ это нисколько не трогало. Чтобы выяснитъ будущимъ поколѣніямъ все величіе своей затѣи, Хеопсъ повелѣлъ вырѣзать на своей пирамидѣ надписи, возвѣщавшія прохожимъ, что тысяча шестьсотъ серебряныхъ талантовъ были истрачены только для снабженія рабочихъ лукомъ, чеснокомъ и петрушкой въ достаточномъ количествѣ ⁵⁾.

По славнымъ стопамъ Хеопса и Хефрена пошелъ Амазисъ, но этотъ фараонъ, повидимому, предпочиталъ воздвигать портики, статуи и храмы; пирамиды не прельщали его; тѣмъ не менѣе и онъ не мало заботился о своемъ величій. Онъ заказывалъ скульпторамъ статуи колоссальныхъ размѣровъ; чудовищныя глыбы камня, служившія матеріаломъ, никогда не казались ему достаточно велики. По словамъ Геродота, Амазисъ вынесалъ изъ Элефантины

¹⁾ Ibid. 83. ²⁾ Herodote, liv. II. par. 124—125. ³⁾ Herodote, par. 127—128. ⁴⁾ Ibid. I. 125. ⁵⁾ Ibid. II. 175—176.

монолитъ съ высѣченной внутри его комнатою такой огромной величины, что двѣ тысячи рабочихъ должны были употребить три года, чтобы доставить его на мѣсто¹⁾. Но что значать двѣ тысячи человѣкъ въ сравненіи съ сотнями тысячъ, которыхъ со всѣхъ концовъ страны сгонялъ на постройку своей пирамиды Хеопсъ! — населеніе Египта видало худшія бѣды и не слишкомъ роптало на фараона Амазиса. Притомъ же оно съ давнихъ поръ было приучено къ безпрекословному повиновенію. Сезооспсъ, отецъ Сезостриса, желая приготовить своему будущему преемнику надежное войско, безъ церемоній конфисковалъ всѣхъ дѣтей мужескаго пола, родившихся въ одинъ день съ его знаменитымъ сыномъ, и велѣлъ дать имъ военное воспитаніе²⁾. Аменофисъ, по свидѣтельству Манеѳона (Manethon), собралъ 80,000 уродливыхъ или немощныхъ египтянъ и приказалъ бросить ихъ въ Турскія (Tourah) каменоломни, безъ сомнѣнія, для того, чтобы поочистить населеніе. Флавій Юсіфъ опровергаетъ этотъ послѣдній рассказъ и даже сомнѣвается въ существованіи Аменофиса. Онъ полагаетъ, что 80,000 уродовъ были не умерщвлены, а просто посланы работать въ каменоломни. Какъ бы тамъ ни было, уже одинъ тотъ фактъ, что историки приписываютъ властителямъ древняго Египта подобныя капризы, доказываетъ, что власть ихъ положительно не имѣла предѣловъ.

Главный общественный трудъ въ Египтѣ, какъ и въ Китаѣ, заключался, разумѣется, не въ постройкѣ пирамидъ, а въ полевыхъ работахъ и разведеніи скота. Мы знаемъ, что этотъ трудъ несли низшіе классы населенія, но не знаемъ хорошенько, насколько въ немъ принимали участіе женщины. Правда, найденные документы, — преданія, даже письменныя свидѣтельства, говорятъ, что египтянки пользовались большою независимостью, но это безъ сомнѣнія относится лишь къ женщинамъ высшихъ сословій. Въ Египтѣ, какъ и вездѣ, простонародье, чернь, не имѣетъ исторіи, и положеніе женщины изъ народа въ древнемъ Египтѣ, но всей вѣроятности, мало отличалось отъ положенія феллахской женщины въ наши дни. Изображенія на могиллахъ показываютъ намъ женщинъ, или вѣрнѣе, ихъ двойниковъ на томъ свѣтѣ, работающихъ въ поляхъ, какъ мужчины и вмѣстѣ съ мужчинами, напримѣръ, идущихъ за плугомъ, запряженнымъ коровами. Кромѣ того, онѣ сѣютъ, жнутъ, заставляютъ коровъ разминать колосья (см. Геродотъ)³⁾, словомъ, дѣлаютъ всѣ тѣ работы, которыя обыкновенно исполняютъ мужчины⁴⁾. Все это говоритъ намъ о крайнемъ подчиненіи женщины простолюдинки, и такое предположеніе вполне допустимо.

¹⁾ Diodore, I, 53. ²⁾ Réponse à Appion. ³⁾ Hérodote, II, 14. Champollion-Figeac, *Egypte ancienne*, 33. ⁴⁾ Diodore, Liv. III, par. 13.

Нельзя сказать, чтобы египтяне отличались нѣжностью, по крайней мѣрѣ, судя по тому, какъ они обращались съ рабами, работавшими въ рудникахъ. Древніе, по необходимости, должны были привыкнуть къ жестокостямъ, которыми сопровождалось рабство; тѣмъ не менѣе въ сердцѣ Діодора проснулася жалость, когда онъ увидалъ этихъ несчастныхъ, закованныхъ въ цѣпи, работавшихъ въ золотыхъ рудникахъ, на границахъ Эѳіопіи. «Никакого снисхожденія, — говоритъ онъ, — никакого состраданія къ увѣчнымъ, больнымъ, женщинамъ, старикамъ. Каждый, идя въ градомъ ударовъ, долженъ работать, пока смерть не освободитъ его¹⁾, работать безъ отдыха, день и ночь, пока хватитъ силъ, пока онъ не упадетъ безжизненнымъ трупомъ гдѣ-нибудь въ подземельѣ, доставивъ огромную выгоду своему господину. Всѣ они наги и грязны; чистота — для нихъ недозволенная роскошь...» Рабочихъ для рудниковъ вербовали различными способами: туда ссылали военнолѣнныхъ, осужденныхъ преступниковъ, даже, по свидѣтельству Діодора, людей, попавшихъ въ тюрьму за ложный доносъ. Иногда, въ видѣ коллективнаго наказанія, въ рудники ссылались цѣлыя семьи. Повидимому, работы въ рудникахъ считались государственной регаліей; завѣдывали же ими частные предприниматели, которые все же назначались самими фараонами. Присмотръ за рабами былъ порученъ солдатамъ, при чемъ для этого выбирали чужеземцевъ, незнакомыхъ съ языкомъ рудоколовъ, т. е. египетскимъ²⁾. Работа расиредѣлялась соотвѣтственно полу и возрасту рабочихъ. Дѣти проскальзывали въ узкіе ходы, въ расщелины скалъ и разыскивали тамъ мелкіе осколки руды. Рабы старше тридцати лѣтъ толкли минераль въ каменныхъ ступахъ желѣзными пестами. Женщины и старики растирали куски руды на ручныхъ мельницахъ, обращая ихъ въ порошокъ³⁾. Благодаря такому раздѣленію труда, cadaго раба можно было утилизировать и вытягивать изъ него все, что только возможно, независимо отъ его пола, возраста, силы или слабости.

Всѣ эти факты, взятые изъ разныхъ источниковъ и вкратцѣ резюмированные нами, даютъ намъ, по крайней мѣрѣ въ общихъ чертахъ, достаточное представленіе о подневольномъ трудѣ у древнихъ египтянъ. Теперь намъ предстоитъ, вмѣстѣ съ египетской цивилизаціей, подняться выше, къ верховьямъ Нила, проникнуть въ Эѳіопію, гдѣ, можетъ быть, и теперь еще уцѣлѣли нѣкоторыя черты нравовъ, нѣкогда занесенныя египетскими завоевателями, или просто заимствованныя эѳіопскимъ народомъ у болѣе цивилизованныхъ сосѣдей.

¹⁾ Ibid., Liv. V, par. 38. ²⁾ Diodore, Liv. III, par. 2. ³⁾ Ibid., Liv. III, par. 12.

IV. Рабство въ Эіопіи.

Упомянувъ о народахъ бѣлой расы, способствовавшихъ основанію древняго Египта, о берберахъ, потомкахъ древнихъ ливійцевъ; описавъ, насколько это возможно, рабство въ древнемъ Египтѣ, мы должны теперь перейти къ цвѣтнымъ расамъ, съ которыми болѣе или менѣе смѣшались египтяне. Мы говоримъ о наиболѣе развитой изъ черныхъ расъ, обладавшей тонкими чертами и вьющимися, а не курчавыми волосами, которая въ древности была извѣстна подъ общимъ именемъ народа эіоповъ, а нынѣ дѣлится на абиссинцевъ и нубійцевъ.

О древнихъ эіопахъ мы знаемъ очень немногое. Греческіе авторы, недостаточно изучившіе ихъ, приписываютъ имъ черты, которыми они, можетъ быть, никогда не обладали въ дѣйствительности. Они жили свободной и дружной семьей, свято чтили своихъ королей; Діодоръ тщательно подчеркиваетъ разницу между ними и низшимъ типомъ — неграми, отличающимися курчавыми волосами и звѣрской жестокостью нравовъ¹⁾. Они сѣяли ячмень и просо и умѣли готовить изъ нихъ хмельный напитокъ²⁾, по всей вѣроятности, то же *помбэ*, которымъ и въ наши дни упиваются африканскіе негры. Эіопы-троглодиты въ древности были наименѣе цивилизованными представителями расы.

Каждое племя, говоритъ Страбонъ, имѣло своего вождя, или „тирана“. Женщины и дѣти считались общимъ достояніемъ, за исключеніемъ женъ и дѣтей вождей³⁾; безъ сомнѣнія подъ общностью женъ слѣдуетъ понимать организованную близость половъ и смѣшанную семью нервобытнаго клана.

Къ счастью, о современныхъ эіопахъ мы имѣемъ гораздо больше свѣдѣній, и нѣкоторыя черты ихъ нравовъ проливаютъ яркій свѣтъ на нравы древняго Египта. Такъ, на примѣръ, положеніе женщинъ въ Дарфурѣ позволяетъ намъ провѣрить установившееся мнѣніе относительно былой независимости женщины въ царствѣ фараоновъ. Безспорно женщина изъ Дарфура въ семьѣ не угнетена; она даже пользуется нѣкоторымъ авторитетомъ, она имѣетъ право свободно входить въ жилище чужеземца; ея мужъ не ревнивъ. Дочери султана командуютъ своими мужьями, исполняютъ самыя безразсудныя свои капризы, и мужья не смѣютъ имъ противорѣчить, изъ страха навлечь на себя немилость монарха⁴⁾. Но несмотря на такую свободу нравовъ, вся черная работа лежитъ на женщинахъ простолюдинкахъ. Заодно съ рабами и на ряду съ ними,

¹⁾ Diodore, Liv. III, et. passim. ²⁾ Strabon, Liv. XVII, ch. II, par. 2. ³⁾ Strabon, Liv. XVI, ch. IV, par. 17. (Рус. пер.). ⁴⁾ Browne. *Hist. univ. voy.* Vol. XXV, 406—10.

менгиры и долмены, обычай еще уцѣлѣвшій на Мадагаскарѣ, кромѣ того, въ особенности, принимая во вниманіе расовый типъ его обитателей, которые цвѣтомъ кожи, волосами и чертами лица сильно отличаются отъ малайцевъ, мы скорѣе склонны частію отнести ихъ къ эѳіопамъ, частію видѣть въ нихъ потомковъ древнихъ ливійцевъ. Вотъ почему мы изучаемъ ихъ наряду съ египтянами и эѳіопами.

Рабы у *говасовъ* дѣлятся на двѣ категоріи: рабовъ королевскихъ и рабовъ частныхъ лицъ; первые дѣлятся, въ свою очередь, на *малгашей* (*malgaches*) и черныхъ. Королевскіе рабы изъ племени *малгашей* занимаютъ во дворцѣ довѣренныя должности пажей, оруженосцевъ, лакеевъ; они имѣютъ право жениться на свободныхъ женщинахъ. Черные, наоборотъ, могутъ заключать браки только между собою или съ рабынями частныхъ лицъ; они служатъ въ дворцовой охранѣ или въ арміи, гдѣ могутъ дослужиться до высшихъ чиновъ; между ними есть офицеры дворцовой стражи; нѣкоторые же занимаютъ гражданскія должности ¹⁾.

Источники рабства на Мадагаскарѣ не представляютъ ничего новаго для насъ: рабы здѣсь — или военно-плѣнные, или осужденные, вмѣстѣ съ семьями обращенные въ рабство за преступленіе уголовнаго или политическаго характера, или должники, проданные кредиторами, или, наконецъ, потомки рабовъ, принадлежавшихъ къ одной изъ предыдущихъ категорій ²⁾. Рабство на Мадагаскарѣ выражается въ очень мягкой формѣ; старыхъ рабовъ называютъ въ домѣ: „батюшка, матушка“, молодыхъ — „родные, друзья“; если нужно поручить имъ какую-нибудь работу, имъ не приказываютъ, а просятъ, ласкаютъ. Часто рабы сами владѣютъ недвижимою собственностью; съ ними рѣдко обращаются дурно; иногда они избѣгаютъ смерти именно потому, что представляютъ собой извѣстную цѣнность. Многіе рабы получаютъ хорошее воспитаніе и держатся запросто, на равной ногѣ съ сыновьями знатныхъ лицъ. Иные занимаютъ очень отвѣтственные посты. Въ общемъ рабамъ живется гораздо лучше, чѣмъ бѣднякамъ простолюдинамъ, хотя послѣдніе и свободны ³⁾.

Только послѣ того, какъ, заразившись алчностью европейцевъ, малгаши завели на островѣ торговлю невольниками, они стали позволять себѣ разныя жестокости по отношенію къ своимъ рабамъ ⁴⁾.

Свободные малгаши въ сущности пользуются весьма относительной свободой; всѣ они, болѣе или менѣе, порабощены королевской

¹⁾ Dupré, *Trois mois à Madagascar*, 143. ²⁾ James Sibree, *Madagascar etc.*, 234.
³⁾ J. Sibree. *Madagascar*, 135. Dupré, *loc. cit.* ⁴⁾ Ibid. 179.

властью. Какъ жители Индо-Китая и египтяне, такъ и малгаша несутъ барщину взаѣмъ налоговъ. А участь простаго солдата еще гораздо болѣе заслуживаетъ сожалѣнія, чѣмъ участь раба. Помимо военной службы, правительство и феодалы нуждаются въ услугахъ ремесленниковъ, и чѣмъ рабочій искуснѣе, тѣмъ больше съ него взыскиваютъ, при чемъ за трудъ свой онъ не получаетъ ни малѣйшаго вознагражденія ¹⁾.

Положеніе женщинъ на Мадагаскарѣ, по всей вѣроятности, очень близко къ положенію ихъ въ древнемъ Египтѣ. Мужчины не презираютъ ихъ и не считаютъ ихъ ниже себя: онѣ могутъ занимать даже престолъ, и нерѣдко женщины были вождями и пользовались значительной властью ²⁾. Главное домашнее занятіе женщинъ — выдѣлка тканей, *ламба*. Ткутъ и прядутъ съ помощью однѣхъ только рукъ; употребленіе прялки здѣсь неизвѣстно: веретена дѣлаются изъ кости или изъ коры папоротника. Женщины большую часть времени посвящаютъ пряденію, и выраженіе „дита веретена“ у малгашей обозначаетъ дѣвушку ³⁾.

Въ общемъ, женщинамъ здѣсь не льстятъ и не балуютъ ихъ, какъ женщинъ высшихъ сословій въ Европѣ, но и не тиранятъ, не обременяютъ ихъ тяжелой работой, какъ въ Индо-Китаѣ и даже въ Китаѣ.

Земледѣліемъ, т. е. главнымъ образомъ культурой риса, занимаются всѣ малгаша понемножку. Его сѣютъ въ особыхъ питомникахъ, потомъ пересаживаютъ, точно такъ же какъ въ Китаѣ и Индо-Китаѣ. Подготовительныя работы обыкновенно поручаютъ рабамъ; хозяйнѣ, его жена и дѣти только подбираютъ за ними ⁴⁾. Плуга здѣсь не знаютъ; довольствуются желѣзнымъ заступомъ, очень длиннымъ и узкимъ, который силою собственной тяжести глубоко уходитъ въ рыхлую землю... ⁵⁾ Въ уборкѣ всѣ принимаютъ участіе; цѣлая семья пріѣзжаютъ изъ города въ свои имѣнія поработать въ полѣ. По окончаніи жатвы, рисъ складываютъ въ магазины или *силоса*, на африканскій манеръ ⁶⁾.

Многія черты нравовъ малгашей, распредѣленіе труда, относительная свобода женщинъ и пр. сильно напоминаютъ Абиссинію, а слѣдовательно, и древній Египетъ, и, наоборотъ, очень далеки отъ нравовъ и обычаевъ Малайскаго архипелага, откуда ученые упорно выводятъ генеалогію *ювасовъ*.

¹⁾ Ibid. 220—236. ²⁾ Ibid. 179. ³⁾ Ibid. 211—122. ⁴⁾ I. Sibree, *Madagascar*, 143. ⁵⁾ Ibid. 307. ⁶⁾ Ibid. 143.

VI. Эволюція рабства въ Египтѣ и сосѣднихъ съ нимъ странахъ.

Въ этой главѣ мы старались сопоставить между собой нѣкоторые народы, принадлежащіе къ различнымъ расамъ, но которые участвовали въ образованіи древняго Египта и, въ послѣдствіи, въ теченіе долгой исторіи царства фараоновъ, не переставали вліять на его цивилизацію, или же испытывать на себѣ ея вліяніе. Сравнительный методъ, неизбѣжный въ такомъ изслѣдованіи, какъ наше, пригодился намъ и здѣсь. Благодаря ему, мы могли, въ извѣстныхъ предѣлахъ, пополнить скудость социологическихъ данныхъ о древнемъ Египтѣ; на помощь исторіи еще разъ пришла этнографія. Теперь мы можемъ ясно представить себѣ главныя фазы эволюціи рабства въ Египтѣ и прилежащихъ къ нему странахъ.

Всѣ разсмотрѣнные нами народы, ливійцы или берберы, египтяне, древніе и современные эіопы, болѣе или менѣе цивилизовавшись, ограничили у себя рабство, но не отказались отъ него окончательно. Они стали обращать въ рабство не всѣхъ плѣнныхъ, а лишь нѣкоторую часть ихъ; число рабовъ уменьшилось и свелось, главнымъ образомъ, къ рабамъ домашнимъ, которые замѣняли знатнымъ лицамъ слугъ. Земледѣльческій трудъ былъ возложенъ преимущественно на сервовъ; у ремесленниковъ были свои повинности, иногда ничѣмъ не ограниченныя, какъ мы это видимъ на Мадагаскарѣ. Не видя большой выгоды въ порабощеніи военно-плѣнныхъ, къ нимъ опять стали относиться очень жестоко, — ихъ убивали или уродовали, какъ то дѣлается и теперь въ Абиссиніи.

Врядъ ли можно сомнѣваться, что наемный трудъ народился позднѣе крѣпостного права (*servage*). Такъ, у современныхъ ливійцевъ, у туареговъ несвободное населеніе состоитъ изъ многочисленнаго сословія сервовъ и очень небольшой группы рабовъ; наемники же здѣсь, повидимому, еще не извѣстны.

Въ древнемъ Египтѣ, благодаря совмѣстному существованію рабства, крѣпостного права и наемнаго труда, рельефно выступаетъ тѣсное родство между этими тремя учрежденіями. Первое изъ нихъ, рабство, породило оба другихъ, которыя представляютъ собой лишь смягченныя его формы. Нетрудно нарисовать въ своемъ воображеніи стадіи эволюціи рабства. Война создала рабство, она поощряла социальное неравенство, способствовала образованію кастъ и сословій. Привилегированные классы владѣли рабами, безусловно повиновавшимися малѣйшему ихъ капризу, они безъ большого труда обратили въ крѣпостное состояніе и плебеевъ, толпу, уже порабощенную нравственно или зависимую матеріально. Съ этого момента, рабство, въ буквальномъ смыслѣ слова, перестало быть необходимостью; оно сдѣлалось, по преимуществу, предметомъ роскоши.

Общественный трудъ съ этого времени лежитъ на сервахъ обоого пола; потому что хотя женщинамъ и была предоставлена нѣкоторая полунезависимость, но пользовались ею главнымъ образомъ, женщины командующихъ классовъ.

Что касается ремесленниковъ и отпущенныхъ на волю рабовъ, ихъ положеніе было немногимъ легче сравнительно съ прежнимъ. Не имѣя иныхъ средствъ къ существованію, кромѣ труда своихъ рукъ, они поневолѣ продолжали оставаться въ зависимости отъ правящихъ классовъ, которые, съ своей стороны, старались урѣзывать ихъ и безъ того относительную свободу тяжелой обязательной барщиной. Жалкіе египетскіе ремесленники, заваленные подневольной работой, угнетенные, полуголодные, работавшіе подъ надзоромъ надсмотрщиковъ, подъ градомъ ударовъ, ремесленники, которыхъ „за малѣйшую провинность визали, какъ лотось на болотѣ“ — не что иное, какъ полу-рабы, которые волочатъ за собой обрывокъ цѣпи. Аналогичныя условія жизни ихъ мы находимъ у *ювасовъ*, на Мадагаскарѣ. Мы еще не разъ встрѣтимся съ этой эволюціей рабства, но въ Египтѣ она предстала передъ нами во всемъ своемъ ужасѣ.

Г Л А В А XII.

Рабство у семитовъ.

I. *Рабство у арабовъ.* — А. Первобытныя арабы. — Рабство до введенія ислама. — Нравы, изображенныя въ романѣ Антара. — Выкупъ и продажа плѣнныхъ. — В. Рабство послѣ введенія ислама. — Предписанія Корана относительно войны. — Отношеніе къ рабамъ, предписанное Кораномъ. — Продажа невольницъ въ Мекку. — Рабыни наложницы. — Какія права имѣлъ надъ плѣнницами тотъ, кто захватилъ ихъ въ плѣнъ. — Постановленія закона относительно вступленія рабовъ въ бракъ. — Разныя тонкости и ухищренія законовъ объ освобожденіи рабовъ. — Причины обязательнаго отпуска на волю. — Отпущенія на волю женщинъ. — Освобожденіе по договору. — Лишеніе права отпуска на волю. — Крѣпостное право у мусульманъ. — Угнетеніе земледѣльческаго населенія въ Турціи. — Тягость повинностей въ современномъ Египтѣ. — Подневольный трудъ на Суэзскомъ каналѣ. — II. *Рабство у евреевъ.* — Библия и начало рабства. — Обращеніе съ военно-плѣнными. — Обязательная жестокость. — Порабощеніе женщинъ и дѣтей. — Право конкубината по отношенію къ плѣнницамъ. — Общественныя рабы. — Мягкая форма, въ которой выражалось рабство у евреевъ. — Различныя источники рабства. — Юбилейный годъ. — Почему рабы иногда отказывались отъ субботняго отпущенія на волю. — Выкупъ рабовъ-евреевъ. — Юбилейный годъ не возвращаетъ свободы рабамъ-иноземцамъ. — Положеніе раба. — Доброта и суровость. — Трудъ свободныхъ женщинъ. — Мягкое отношеніе къ наемникамъ. — III. *Рабство въ Тирѣ, Сидонѣ и Карфагенѣ.* — Тягость рабства у финикянъ. — Жестокость караягенянъ по отношенію къ рабамъ. — IV. *Рабство въ Ассиріи.* — Звѣрства надъ плѣнными. — Невольничьи караваны. — Подневольный трудъ. — Торговля рабами. — V. *Эволюція рабства у семитовъ.*

I. Рабство у арабовъ.

A. *Древнѣйшіе арабы.* — Для того, чтобы логически прослѣдить развитіе рабства въ Египтѣ, намъ пришлось сгруппировать различныя расы, о которыхъ можно съ увѣренностью сказать, что всѣ онѣ способствовали нѣкогда образованію имперіи фараоновъ и вплоть до нашихъ временъ сохранили нѣкоторые, общія имъ всѣмъ, черты нравовъ. — Теперь намъ предстоитъ вступить въ міръ семитовъ, въ массѣ своей гораздо болѣе однородный, но и здѣсь намъ необходимо разбить наше изслѣдованіе на нѣсколько частей: прежде всего выяснить, каковы были первобытныя нравы семитовъ; затѣмъ, какимъ измѣненіямъ они подверглись, съ одной стороны, у мусульманъ, съ другой — въ древнихъ семитическихъ государствахъ, въ Іудеѣ, Ассиріи, Карфагенѣ и пр. — Этимъ путемъ мы будемъ имѣть

если только они не примутъ исламъ, или повелитель правовѣрныхъ не пожелаетъ распорядиться ими иначе, а женщины и дѣти будутъ обращены въ рабство¹⁾. Предписано шадить женщинъ, дѣтей и стариковъ, конечно, при условіи, что они не сражались; обязательно также, при дѣлежѣ добычи, не разлучать мать съ ребенкомъ²⁾.

Война, понимаемая въ духѣ ислама, является религіозной обязанностью. Каждый годъ исламъ обязанъ собирать войска и идти войной противъ невѣрныхъ; *священная война* есть долгъ всякаго правовѣрнаго, совершеннолѣтняго и способнаго носить оружіе; но рабъ не можетъ пойти на войну безъ согласія своего господина; онъ недостоинъ³⁾. Между невѣрнымъ и правовѣрнымъ Магометъ дѣлаетъ глубокую разницу; можно подуматъ, что дѣло идетъ о двухъ существахъ различной породы. Правовѣрный, говоритъ Коранъ, убившій на войнѣ правовѣрнаго же врага, обязанъ отпустить на волю раба мусульманина; если убитый принадлежалъ къ дружественному народу, онъ долженъ отпустить на волю правовѣрнаго раба и, кромѣ того, уплатить цѣну крови. Въ случаѣ, если не найдется раба, котораго можно было бы выкупить, онъ долженъ искупить свой грѣхъ двухмѣсячнымъ постомъ⁴⁾. Смыслъ этого предписанія ясенъ. Надо просто пополнить пробѣлъ, образовавшійся въ рядахъ правовѣрныхъ свободнаго состоянія, ибо только они принимаются въ расчетъ. Рабъ, хотя бы и мусульманинъ, во всѣхъ отношеніяхъ существо нижее. Законъ возмездія, который у мусульманъ положенъ въ основу правосудія, также рѣзко отличаетъ свободнаго человѣка отъ раба; жизнь раба имѣетъ несравненно меньшую цѣнность и не можетъ быть принята въ уплату за жизнь свободнаго человѣка⁵⁾.— Однако война не единственная поставщица рабовъ. Къ ней присоединяются торговля и различныя случайности. Такъ, во всей Аравіи существуетъ береговое право, и потерпѣвшій крушеніе становится рабомъ или эмира, или правителя данной области⁶⁾.

Итакъ, мусульмане также могутъ быть обращаемы въ рабство и нерѣдко бываютъ рабами, но все же большинство рабовъ принадлежитъ къ черной расѣ. Мы видѣли уже, что арабскіе торговцы подстрекають туземцевъ къ набѣгамъ и опустошаютъ, такимъ образомъ, тропическую Африку, чтобы доставить мусульманамъ рабовъ, безъ которыхъ тѣ не умѣютъ обходиться. Безпрестанно въ магометанскія владѣнія отправляютъ караваны живого товара. Въ одинъ

¹⁾ G. Sale, *Loc. cit.*, 512. ²⁾ Ibn Khâliî, *Precis de jurisprudence musulmane* II. deuxime partie, sect. IV, p. 282. ³⁾ Khâliî, *ibid.*, 247. ⁴⁾ Koran, ch. IV. vers., 54. ⁵⁾ Koran, ch. II. vers., 163. ⁶⁾ *Voy. au camp. du grand Emir fait par ordre du Roy dans la Palestine* (1717) p., 37.

только Марокко приводятъ каждый годъ до трехъ тысячъ невольниковъ. По праву, присвоенному королю, мароккскій султанъ двадцатую часть ихъ беретъ себѣ, а остальнымъ назначаетъ цѣну по произволу. Мужчина тридцати лѣтъ стоитъ среднимъ числомъ 100 фр., юноша—30 фр.¹⁾ Въ Аравіи держатъ почти исключительно черныхъ рабовъ и рабынь, вывезенныхъ, главнымъ образомъ, изъ Абиссиніи. Большинство наложницъ,—а въ Меккѣ ихъ держатъ по нѣскольку дюжинъ,—абиссинки. Нѣкоторые жители Мекки даже предпочитаютъ жениться на абиссинкахъ, находя, что онѣ менѣе расточительны и болѣе послушны, чѣмъ арабскія женщины. Общественное мнѣніе, съ своей стороны, обзываетъ магометанина, сдѣлавшаго свою наложницу матерью, жениться на ней, разумеется, если онъ еще не успѣлъ обзавестись четырьмя женами, предписанными закономъ. Между дѣтьми, рожденными отъ невольницъ абиссинокъ и отъ свободныхъ женщинъ, не дѣлаютъ никакой разницы. — Нѣкоторые жители Мекки, не отличающіеся щепетильностью, покупаютъ рабынь абиссинокъ, воспитываютъ ихъ, развиваютъ въ нихъ таланты и черты характера, которыя особенно цѣнятся мусульманами, и, затѣмъ, перепродаютъ ихъ пріѣзжимъ съ большой выгодой²⁾.

Эта гнусная, по нашимъ понятіямъ, торговля представляется далеко не такой гнусной въ глазахъ мусульманъ, для которыхъ бракъ вообще не что иное, какъ торговая сдѣлка. Женъ, какъ и рабынь, покупаютъ за наличныя деньги³⁾; поэтому онѣ довольно хорошо уживаются съ наложницами-рабынями. Одинъ старинный писатель съ грустью сравниваетъ мирную жизнь многоженной семьи съ надменными требованіями европейскихъ женщинъ, на которыхъ женятся ради ихъ приданого, и которыя даютъ полную волю своему необузданному нраву, прежде всего потому, что онѣ связаны съ мужьями неразрывными узами, а затѣмъ потому, что онѣ „одѣли оборванца, облагодѣтельствовали нищаго, накормили голоднаго и т. д.“⁴⁾. Право отвергнуть жену также является могущественнымъ орудіемъ въ рукахъ мужа-мусульманина. Возможность примѣненія этого права настолько принимается въ расчетъ при заключеніи брака, что мужъ платитъ родителямъ невѣсты только половину ея стоимости, а другую половину удерживаетъ и выдаетъ только при отверженіи. У арабовъ-кочевниковъ звонкая монета составляетъ рѣдкость, потому выкупъ за невѣсту, по большей части, уплачиваютъ верблюдами, коровами и баранами⁵⁾; такъ что дѣвушки, дочери являются для семьи настоящимъ источникомъ благосостоянія⁶⁾.

¹⁾ A. Tourmagne, *Histoire du servage*, 586. ²⁾ Burckhardt, *Voy. en Arabie*, I, 251. ³⁾ Reland, *Religion des mahometans*, 240. ⁴⁾ Reland, *loc. cit.* (1721) p. 140. ⁵⁾ *Voy. au camp du grand Emir*, etc. *Loc. cit.*, 169. ⁶⁾ *Ibid.*, 194.

стоимости рабыни ¹⁾. По той же причинѣ, свободнаго мусульманина не казнятъ смертью и за убійство раба, хотя бы этотъ рабъ тоже былъ мусульманинъ ²⁾. По тому же рабъ не обязанъ идти на поклоненіе въ Мекку, какъ обязанъ свободный мусульманинъ ³⁾. Въ силу своего положенія, рабъ несетъ и болѣе легкую кару за проступки и преступленія; высшія мѣры наказанія не могутъ быть примѣнены къ нему. Напримѣръ, раба нельзя побить камнями, такъ какъ, по закону, ему полагается половинное наказаніе, а это наказаніе не можетъ быть смягчено ⁴⁾.

Арабскіе законники не уступаютъ въ гибкости ума своимъ европейскимъ коллегамъ, и въ толкованіи текстовъ Корана доходятъ до необычайныхъ тонкостей. Они наслаждаются, изощряясь въ придумываніи различныхъ примѣровъ; каждый отдѣльный случай тщательно разсматривается ими словно въ увеличительное стекло, и при этомъ ему придается особое специальное значеніе; каждое слово — предлогъ къ толкованіямъ и комментаріямъ. Въ примѣрѣ мы приведемъ нѣсколько выдержекъ изъ законовъ, относящихся къ освобожденію рабовъ.

Относительно этого пункта Коранъ выражается очень кратко; онъ ограничивается тѣмъ, что въ общихъ словахъ разрѣшаетъ отпускать рабовъ на волю: „если кто изъ твоихъ рабовъ попроситъ, чтобы ты написалъ ему вольную, дай ему вольную, если считаешь, что онъ того достоинъ. Удѣли ему и часть благъ, которыми Господь наградилъ тебя. Не принуждай своихъ рабынь къ разврату“ ⁵⁾. Въ этомъ текстѣ не упоминается ни словомъ о выкупѣ; можно думать, что освобожденіе всегда должно завистъ отъ воли господина и совершаться бесплатно. Въ свѣтскомъ законодательствѣ дѣло обстоитъ далеко не такъ просто. Прежде всего выраженію „воля господина“ даютъ очень широкое толкованіе. Всякая формула, заключающая въ себѣ идею освобожденія, равносильна отпуску на волю ⁶⁾. Если господинъ произнесъ такую формулу, рабъ *ipso facto* свободенъ, хотя бы господинъ и вовсе не имѣлъ намѣренія отпустить его, хотя бы самъ онъ не желалъ свободы ⁷⁾. Точно такъ же освобожденіе является результатомъ продажи, сопряженной съ обманомъ, вслѣдствіе котораго продажа становится не дѣйствительной, хотя бы заинтересованной стороною былъ самъ рабъ, откупающійся на волю ⁸⁾. Освобожденіе по обѣту нравственно обязательно, но тутъ ужъ правосудіе не вмѣшивается ⁹⁾. Если рабъ принадлежитъ нѣсколькимъ владѣльцамъ, и одинъ изъ нихъ отречется отъ своей

¹⁾ Ibid., t. VI, ch. VII, sect. IV, p. 232. ²⁾ Ibid., sect. III, ch. LX, t. V. ³⁾ Ibid., t. II, ch. VI, sect. II, p. 8. ⁴⁾ Ibid., t. VI, sect. III, § 1. ⁵⁾ Koran, XXIV, v. 33. ⁶⁾ Khâil, *loc. cit.*, t. VI, sect. II, § 1, p. 123. ⁷⁾ Ibid., § 2, 124; § 4, 125. ⁸⁾ Ibid., 4, p. 125. ⁹⁾ Ibid., § 6.

части, съ него взыскиваютъ и остатокъ суммы, въ которую оцѣненъ рабъ, а самого раба освобождаютъ ¹⁾). Если господинъ скажетъ рабу: „ты получишь свободу за годъ до моей смерти“, рабъ съ этого самаго момента становится свободнымъ, такъ какъ никто не знаетъ, когда онъ умретъ ²⁾). Если отпускаютъ на волю беременную рабыню, ея ребенокъ родится уже свободнымъ ³⁾). Въ случаѣ, если родятся близнецы, а освобожденіе относилось только къ одному ребенку, второе дитя не освобождается ⁴⁾). Посредникъ, покупающій раба на деньги, доставленныя ему этимъ же самымъ рабомъ, долженъ заплатить за него вдвойнѣ, ибо имущество проданнаго раба должно оставаться у хозяина, тогда какъ отпущенный на волю рабъ имѣетъ право взять съ собой все, что ему удалось скопить ⁵⁾). Господинъ имѣетъ право присвоить себѣ наслѣдство, полученное рабомъ, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда завѣщатель оставилъ ему наслѣдство, съ цѣлью способствовать его освобожденію ⁶⁾). Наконецъ, въ случаѣ чрезмѣрно жестокаго обращенія господина съ рабомъ, власти, по собственному почину, могутъ вмѣшаться и объявить его свободнымъ ⁷⁾). Въ законѣ перечислены даже жестокіе поступки, которые могутъ повести къ освобожденію раба. Этотъ списокъ жестокостей даетъ ужасающее понятіе о тѣхъ капризахъ, какіе можетъ позволить себѣ арабъ рабовладѣлецъ. Вотъ онѣ: вырываніе ногтей, отсѣченіе куска уха или иной части тѣла, просверленіе ноздри, вырываніе зуба или подпиливаніе ихъ напилкомъ, выжиганіе раскаленнымъ желѣзомъ клеймъ на лицѣ ⁸⁾). Если красивой рабынѣ обрѣжутъ косу, это также считается жестокостью, и потерпѣвшую освобождаютъ ⁹⁾). Но есть статья, значительно умаляющая достоинство вышеприведенныхъ статей, покровительствующихъ рабамъ: господину достаточно подъ клятвой отрицать взводимое на него обвиненіе, чтобы уже рабу не повѣрили, если только господинъ не пользуется репутацией жестокаго человѣка ¹⁰⁾).

Освобожденію рабыни посвящены особыя статьи. Прежде всего законъ допускаетъ для рабыни такъ называемое освобожденіе черезъ материнство. Если рабыня забеременѣла отъ своего господина, она получаетъ титулъ *Уманъ эль-узмедъ*, т. е. „матери ребенка“, имѣетъ право получить свободу послѣ смерти господина за счетъ оставленнаго имъ капитала, и ребенокъ ея рождается свободнымъ ¹¹⁾). За господиномъ такой рабыни остается право сожительства съ нею, но продать ее онъ не можетъ; онъ заслужи-

¹⁾ Ibid., § 2, p. 139. ²⁾ Ibid., t. VI, sect. VII, p. 176. ³⁾ Khâliîl, *loc. cit.*, sect. IX, p. 152. ⁴⁾ Ibid. ⁵⁾ Ibid. ⁶⁾ Ibid., sect. II, ch. I, IV, § 2. ⁷⁾ Ibid., sec. IV, 134. ⁸⁾ Ibid., sect. V, ch. IX, 136—137. ⁹⁾ Ibid., sect. IV, p. 134. ¹⁰⁾ Ib., sect. VI, 138. ¹¹⁾ Khâliîl, t. VI, ch. I, II, sect. I, § 1, p. 121.

ваетъ порицанія уже въ томъ случаѣ, если выдаетъ ее замужъ, хотя бы и съ ея согласія ¹⁾). Наконецъ, при освобожденіи черезъ материнство, господинъ продолжаетъ нести отвѣтственность за проступки, которые могутъ быть совершены рабыней, и платить за нее протори и убытки ²⁾). Въ томъ случаѣ, если господинъ измѣнитъ своей вѣрѣ, законъ запрещаетъ ему имѣть половыя сношенія съ рабыней, освобожденной черезъ материнство ³⁾). Наконецъ, можетъ случиться, что рабыней сообща обладаютъ двое владѣльцевъ; тогда, если рабыня забеременѣтъ отъ одного изъ нихъ, этотъ послѣдній долженъ уплатить другому сумму, въ какую была оцѣнена его доля ⁴⁾).

Мусульманскій законъ допускаетъ еще другой видъ освобожденія, — „по договору“, который можетъ быть примѣненъ къ рабамъ обоего пола и состоитъ въ томъ, что раба въ принципѣ отпущаютъ на волю раньше, чѣмъ онъ внесетъ за себя выкупъ. Освобожденіе „по договору“ создаетъ рабу особое легальное положеніе. Такъ, господинъ, вступившій въ связь съ своей „вольнотпущенницей по договору“, подлежитъ исправительному наказанію; а между тѣмъ этого рода освобожденіе въ сущности не уничтожаетъ рабства. „Отпущенный по договору, — говоритъ пророкъ, — до тѣхъ поръ остается рабомъ, пока за нимъ числится какой-нибудь долгъ“ ⁵⁾). Если вольнотпущенница „по договору“ забеременѣтъ отъ своего господина, ея положеніе можетъ не измѣниться, но она пріобрѣтаетъ право на полученіе свободы по смерти господина, и, во всякомъ случаѣ, господинъ долженъ содержать такую рабыню на свой счетъ, до тѣхъ поръ, пока она не внесетъ за себя выкупа сполна ⁶⁾).

Въ двухъ случаяхъ законъ не разрѣшаетъ отпущенія на волю. Человѣкъ, обремененный долгами, теряетъ право отпустить на волю своихъ рабовъ, безъ сомнѣнія потому, что рабы составляютъ часть имущества и, слѣдовательно, вмѣстѣ съ прочимъ имуществомъ гарантируютъ уплату долга. Затѣмъ, нельзя освободить военноплѣннаго мусульманина, выкупивъ его у враговъ ⁷⁾, безъ сомнѣнія потому, что законъ предвидитъ случаи трусости и не желаетъ, чтобы правотѣрные сдавались безъ боя, ради спасенія жизни.

Рабство не единственная форма подневольнаго труда, принятая въ магометанскихъ обществахъ; во всѣхъ странахъ, населенныхъ мусульманами, широко распространено и крѣпостное право. Арабы ввели его у себя съ самаго начала, въ эпоху своихъ побѣдъ. Жители покоренныхъ странъ получали званіе „опекаемыхъ“, *dhimmi*.

¹⁾ Ibid., sect. II. ²⁾ Ibid., sect. II, p. 230. ³⁾ Ibid., sect. V. ⁴⁾ Ibid., sect. IV, p. 232. ⁵⁾ Ibid. T. VI, sect. XVIII, ch. II, p. 211. ⁶⁾ Khálil, p. 262. ⁷⁾ Ibid., t. VI, sect. 1, ch. XXIX, p. 119.

Dhimmi прикрѣплены къ землѣ и обязаны обрабатывать ее, но зато они гарантированы отъ новаго вторженія мусульманъ ¹⁾. Вначалѣ крѣпостное право у мусульманъ выражалось въ довольно мягкой формѣ; оно было даже менѣе тягостно, чѣмъ суровый колонатъ, процвѣтавшій въ провинціяхъ Восточной Римской имперіи; поэтому угнетенныя сословія часто душою были на сторонѣ арабовъ-завоевателей. Жители Эмезы дали знать мусульманамъ, что они предпочитаютъ ихъ справедливости несправедливости грековъ; въ Египтѣ копты возстали и примкнули къ побѣдителямъ ²⁾, говоря: „нашъ врагъ — это нашъ господинъ“.

Но относительная снисходительность мусульманъ къ своимъ сервамъ, въ концѣ концовъ, перешла въ жестокость. Земледѣльческое населеніе Турціи и Египта изнываетъ подъ гнетомъ несправедливости и незаконныхъ поборовъ. Шейхи и паши, прежде всего, вербовщики и сборщики податей. Они обязаны представлять по требованію столько-то рекрутъ, такую-то сумму денегъ съ ввѣренной имъ области. Получивъ такой приказъ, они тотчасъ приступаютъ къ дѣлу и произвольно, безъ всякаго контроля надъ собой, устраиваютъ рекрутскіе наборы, взыскиваютъ требуемая суммы, съ помощью запугиваній, палочныхъ ударовъ, произвольныхъ арестовъ. Эти наборы и грабежи повторяются періодически ³⁾. Подать платится натурою; земледѣльцы обязаны сами вносить ее въ общественныя магазины ⁴⁾. Главный собственникъ вездѣ государство, олицетворяемое особой государя. Отдѣльные крестьяне или крестьянскія общины только пользуются землей, но размѣры подати, которую они обязаны платить за это, опредѣляются очень произвольно ⁵⁾. Алчность казны доходитъ до того, что многіе землевладѣльцы предпочитаютъ уступать свои участки мечетямъ, сохраняя за собой и своими потомками только вѣчное право пользованія ими. Съ момента уступки, земли ихъ считаются священными и, вслѣдствіе этого, — драгоцѣнное преимущество! — освобождаются отъ налоговъ. Въ Турціи треть всей территоріи принадлежитъ мечетямъ и на этомъ основаніи свободна отъ налоговъ; но казна отъ этого ничего не теряетъ; она все взыщетъ съ христіанскаго населенія, которое не имѣетъ возможности прибѣгнуть къ такой благочестивой уловкѣ ⁶⁾.

Но хуже всего положеніе сервовъ въ Египтѣ; тираннія фиска доведена здѣсь до крайности; онъ оставляетъ феллахамъ ровно столько, сколько нужно, чтобъ они не умерли съ голода въ своихъ мазанкахъ изъ рубленой соломы пополамъ съ грязью. И это еще не все: въ долинтѣ Нила воскресены, или просто уцѣлѣли до сихъ поръ повинности, угнетавшія народъ во времена фараоновъ. Мало того,

¹⁾ Von Berghem, *Propriété territoriale*. ²⁾ *Ibid.*, 26. ³⁾ A. Tourmagne, *Histoire du servage*, 579. ⁴⁾ *Ibid.*, 518. ⁵⁾ *Ibid.*, 578. ⁶⁾ *Ibid.*, 581.

что у крестьянина отбирають большую часть урожая, — его еще гоняють на разныя общественныя работы. Типиченъ въ этомъ смыслѣ первоначальный способъ прорытія Суэзскаго канала; онъ скопированъ съ тѣхъ способовъ, къ какимъ нѣкогда прибѣгали строители пирамидъ, и ничуть не уступаетъ имъ въ притѣсненіяхъ, жестокости и количествѣ человѣческихъ жертвъ. Благодаря усиленнымъ реквизиціямъ, большая часть Суэзскаго канала, и самая нездоровая, прорыта феллахами. Толпы мужчинъ, женщинъ и дѣтей, оторванныя отъ родныхъ деревень и пригнанныя сюда съ разныхъ концовъ Египта, рыли землю, часто голыми руками, и уносили прочь нарывное въ дрянныхъ соломенныхъ плетушкахъ¹⁾. Палки надсмотрщиковъ, чаще всего неимѣніе крова и достаточнаго количества пищи сдѣлали свое дѣло; изъ 100,000 рабочихъ треть—30,000 погибла, и въ европейской прессѣ не раздалось ни одного протеста по этому поводу, а, впоследствии, крупный дивидендъ, полученный акціонерами Суэзскаго канала, носужилъ въ ихъ глазахъ достаточнымъ оправданіемъ всѣхъ этихъ ужасовъ.

По такія жестокости и притѣсненія у арабовъ не въ обычаѣ. Мы уже видѣли, что мусульманскій законъ оказываетъ рабу нѣкоторое покровительство; зачисляя его въ разрядъ предметовъ владѣнія, онъ все же видитъ въ немъ человѣка, имѣющаго право на нѣкоторое уваженіе къ себѣ.

II. Рабство у евреевъ.

Благодаря географическому положенію своей страны, арабы долгое время не имѣли серьезнаго соприкосновенія съ древними цивилизаціями Египта и Месопотаміи; поэтому мы могли изучить ихъ въ одной изъ первыхъ стадій ихъ исторической и социологической эволюціи. Гораздо меньше знаемъ мы о началѣ исторіи евреевъ, выходцевъ изъ Аравіи и, слѣдовательно, состоящихъ въ близкомъ родствѣ съ арабами кочевниками, съ бедуинами, съ бродячими племенами, изображенными въ „Приключеніяхъ Антара“. Библия—почти единственный серьезный источникъ, по которому мы можемъ изучать народъ израильскій. Но Библия говоритъ намъ объ этнической группѣ, уже сложившейся и испытавшей на себѣ не мало вліяній извнѣ—со стороны Египта, Ассиріи, Персіи; въ нравахъ евреевъ почти невозможно отдѣлнить основныя, коренныя черты отъ чертъ, привитыхъ давленіемъ обстоятельствъ; но относительно происхожденія рабства и социальнаго положенія еврейскихъ рабовъ Священное Писаніе даетъ намъ многочисленныя и точныя указанія, которыя мы и намѣрены резюмировать.

¹⁾ А. Tourmagne, *loc. cit.*, 585.

Въ Иудеѣ, какъ и вездѣ, главнымъ источникомъ рабства была война. Въ предыдущемъ нашемъ сочиненіи¹⁾ мы уже описывали воинскіе обычаи народа Божія. Обычаи эти были сходны съ обычаями древнихъ арабовъ, но еще болѣе безпощадны. „Когда подойдетъ къ городу, чтобы завоевать его, говоритъ Библія, предложи ему миръ; если онъ согласится на миръ съ тобою и отворитъ тебѣ ворота, то весь народъ, который найдется въ немъ, будетъ платить тебѣ дань и служить тебѣ. Если же онъ не согласится на миръ съ тобою, и будетъ съ тобою вести войну, то осади его. И когда Господь Богъ твой предастъ его въ руки твои, порази въ немъ весь мужескій полъ остриемъ меча; только женъ и дѣтей, и скотъ, и все, что въ городѣ, всю добычу его возьми себѣ и пользуйся добычею враговъ твоихъ, которыхъ предалъ тебѣ Господь Богъ твой. Въ городахъ сихъ народовъ, которыхъ Господь Богъ твой, дастъ тебѣ во владѣніе, не оставляй въ живыхъ ни одной души; но предай ихъ заклятію, какъ повелѣлъ тебѣ Господь Богъ твой, дабы они не научили васъ дѣлать такія же мерзости, какія они дѣлали для боговъ своихъ, и дабы вы не грѣшили предъ Господомъ Богомъ вашимъ“ (Библ. Синод. изд. Второзак. XX, 1—19). Жестокость здѣсь не зависитъ отъ произвола, какъ у арабовъ, но ставится въ обязанность воину. Совершенно такъ же поступаютъ современные арабы-кочевники. Всю добычу, все захваченное, отъ человѣка до скота, они гонятъ или переносятъ въ лагерь, гдѣ и происходить дѣлеж²⁾.

Эпизодъ съ Голиафомъ свидѣтельствуетъ о томъ, что иногда, при вооруженномъ столкновеніи двухъ народовъ, исходъ борьбы рѣшался поединкомъ, и соотечественники побѣжденнаго становились рабами побѣдителей; но, безъ сомнѣнія, такіе случаи были рѣдки³⁾.

Оставленные въ живыхъ плѣнные, т.-е. обыкновенно женщины и дѣти, становились рабами. Дѣтей или воспитывали или продавали въ рабство. Женщинъ брали въ наложницы, какъ и въ Аравіи, не придавая этому особеннаго значенія. „Если увидишь между плѣнными женщину, красивую видомъ, и полюбишь ее, и захочешь взять себѣ въ жену, то приведи ее въ домъ свой, и пусть она острижетъ голову свою и обрѣжетъ ногти свои, и сниметъ съ себя плѣнническую одежду свою, и живетъ въ домѣ твоемъ, и оплакиваетъ отца своего и мать свою въ продолженіе мѣсяца; и послѣ того ты можешь войти къ ней и сдѣлаться ея мужемъ, и она будетъ твоею женою. Если же она послѣ не понравится тебѣ, то

¹⁾ Ch. Letourneau, *La guerre dans les diverses races humaines*. ²⁾ Числ. XXXI, 1—11. ³⁾ I. Самуила, XVII.

отпусти ее куда она захочетъ, но не продавай ее за серебро и не обращай ее въ рабство, потому что ты смиришь ее¹⁾. Изъ Библии же видно, что рабынь не-наложницъ можно было продавать какъ товаръ.

Вообще говоря, взрослыхъ иноземцевъ мужескаго пола евреи избивали, не обращая въ рабство. Но очень часто бывало и иначе. Напримѣръ, побѣжденные гибеоняне были пощажены и сдѣлались чѣмъ то вродѣ общественныхъ рабовъ, и что ими пользовались, какъ водоносами и дровосѣками²⁾.

На ряду съ рабами-иноземцами, взятыми въ плѣнъ или купленными, древніе евреи имѣли и рабовъ евреевъ, — но участь тѣхъ и другихъ была весьма различна. Еврей могъ сдѣлаться рабомъ вслѣдствіе различныхъ причинъ, все тѣхъ же, какія мы перечисляли уже много разъ. Бѣдный имѣлъ право продаться въ кабалу, но, въ этомъ случаѣ, Библия предписываетъ обращаться съ нимъ не какъ съ рабомъ, но какъ съ наемникомъ, и, при наступленіи юбилейнаго года, возвратитъ свободу не только ему, но и женѣ, и дѣтямъ его³⁾. Пойманнаго въ кражѣ и не имѣющаго средствъ заплатить вдвое⁴⁾, могли продать судебнымъ порядкомъ; точно такъ же можно было продать еврея за долги, въ случаѣ несостоятельности; только въ этомъ случаѣ отвѣтственность распространялась и на дѣтей, которыя могли быть проданы вмѣстѣ съ отцомъ⁵⁾. Еврей-отецъ имѣлъ право продать свою дочь. Если въ послѣдствіи покущикъ пожелалъ бы отдѣлаться отъ нея, онъ могъ уступить ее другому, вѣрнѣе, выдать ее замужъ, но только за соотечественника же; продать же ее чужому онъ не имѣлъ права; а если онъ „обручилъ ее своему сыну“, то долженъ былъ поступить съ нею „по праву дочерей“⁶⁾. Наконецъ, случалось, что злоумышленники похищали свободныхъ людей и продавали, но это считалось уголовнымъ преступленіемъ, которое влекло за собою смертную казнь. „Кто украдетъ человѣка (изъ сыновъ израилевыхъ) и (поработивъ его) продастъ его, или найдется тотъ человѣкъ въ рукахъ у него, то должно предать его смерти“⁷⁾.

Законъ дѣлаетъ громадную разницу между рабомъ-евреемъ и рабомъ-иноземцемъ. Первый становится рабомъ только на время, самое большее на шесть лѣтъ, такъ какъ седьмой годъ, юбилейный, возвращаетъ ему свободу, и не только ему, но и женѣ, и дѣтямъ его, въ томъ случаѣ, если онъ былъ обращенъ въ рабство уже женатымъ. Наоборотъ, если онъ женился, уже будучи рабомъ, или вѣрнѣе, если господинъ далъ ему жену, только онъ одинъ

¹⁾ Второзаконіе, XXI, 8—19. ²⁾ Исаи, IX, 18 — 27. ³⁾ Левитъ, XXV, 31 — 43. ⁴⁾ Исходъ, XXII, 7. ⁵⁾ II Царствъ, IV, 7. ⁶⁾ Исходъ, XXI, 3—10. ⁷⁾ Исходъ, XXI, 10 — 24.

получаетъ свободу; жена же его и дѣти, рожденныя ею отъ него, остаются у господина ¹⁾). Такимъ образомъ выходитъ, что господинъ только одолжалъ ему жену, съ цѣлью имѣть отъ него прибыль и умножить число своихъ рабовъ.

Но если, въ субботній годъ, рабъ самъ откажется отъ свободы, если онъ скажетъ: „люблю господина моего, жену мою и дѣтей моихъ, — не пойду на волю“, то пусть господинъ его приведетъ его предъ судей, и поставитъ его къ двери или къ косяку, и проколеть ему ухо шиломъ, и онъ останется рабомъ его вѣчно ²⁾). Изъ этого текста видно, прежде всего, что заявленія о желаніи остаться навѣки рабомъ шли обыкновенно отъ рабовъ, которымъ господинъ ихъ далъ женъ. Несчастные не имѣли духу покинуть своихъ подругъ и дѣтей. Окончательное отреченіе отъ свободы происходило публично и близъ храма. Всѣ эти подробности выяняютъ намъ, съ какой цѣлью евреи давали, или, вѣрнѣе, одолжали женъ своимъ временнымъ рабамъ. Жены эти были, конечно, чужестранки, ибо юбилейный годъ не возвращалъ имъ свободы. Жена служила могущественной приманкой для того, чтобы приковать раба къ его игу и заставить его безповоротно и навсегда отречься отъ свободы. Гуманность господина объясняется слѣдовательно простымъ расчетомъ.

Помимо освобожденія въ юбилейный годъ, еврей рабъ могъ выкупиться самъ на волю — въ томъ случаѣ, если господинъ его былъ чужеземецъ или его могли выкупить родные: братья, дяди, сыновья дядей. При выкупѣ слѣдовало сосчитать, сколько еще лѣтъ останется до юбилейнаго года, и за всѣ эти года вознаградить хозяина деньгами ³⁾).

Рабъ еврей пользовался и другими преимуществами: какъ и вообще каждый бѣднякъ, и онъ уже могъ взять себѣ часть плодовъ, выросшихъ безъ посѣва на отдыхающихъ подъ паромъ поляхъ въ годъ субботній, въ „субботу покоя Господня“ ⁴⁾; онъ участвовалъ въ пасхальной трапезѣ и вкушалъ отъ пасхальнаго агнца ⁵⁾; отпуская раба на волю въ юбилейный годъ, господинъ обязанъ былъ наградить его скотомъ и плодами: „....Не отпусти его съ пустыми руками, но снабди его отъ стада твоихъ, отъ гумна твоего и отъ точила твоего... Помни, что и ты былъ рабомъ въ землѣ Египетской и избавилъ тебя Господь Богъ твой“ ⁶⁾).

Положеніе раба чужеземца было гораздо тяжелѣе. „...Покупайте себѣ раба или рабыню у народовъ, которые вокругъ васъ. Также и ихъ дѣтей-поселенцевъ, поселившихся у васъ, можете

¹⁾ Исходъ, XXI, 1—10. ²⁾ Исходъ, XXI, 1—10. ³⁾ Левитъ, XXV, 48—52. ⁴⁾ Ibid., XXV. ⁵⁾ Исходъ, XII, 44. ⁶⁾ Второзаконіе, XV, 8—18.

покупать, и изъ племени ихъ, которое у васъ, которое у нихъ родилось въ землѣ вашей, и они могутъ быть вашею собственностью. Можете передавать ихъ въ наслѣдство и сынамъ вашимъ по себѣ, какъ имѣніе; вѣчно владѣйте ими какъ рабами. А надъ братьями вашими, сынами Израилевыми, другъ надъ другомъ, не господствуйте съ жестокостью¹⁾. Иго, давнишее раба чужеземца, было очень тяжело, какъ и въ другихъ странахъ. Пльнный, или купленный на деньги рабъ, все равно, не пользовался привилегіей юбилейнаго года, и дѣти его обречены были на то же вѣчное рабство.

Еврейскій законъ очень мало защищалъ раба, все равно, какой расы и какого происхожденія тотъ ни былъ, отъ жестокости господина. „Если кто ударитъ раба своего или служанку свою палкою, и они умрутъ подъ рукою его; то онъ долженъ быть наказанъ“. Но если они день или два переживутъ, то не должно наказывать его, „ибо это его серебро“²⁾. Жестокость этого ноложенія смягчена дальнѣйшими предписаніями: „если кто раба своего ударитъ въ глазъ или служанку свою въ глазъ, и повредитъ ихъ, пусть отпуститъ ихъ на волю за глазъ. И если выбьетъ зубъ рабу своему или рабѣ своей, пусть отпуститъ ихъ на волю за зубъ“³⁾. Есть и другія милосердія предписанія по отношенію раба: „шесть дней дѣлай дѣла свои, а въ седьмой день покойся, чтобы отдохнулъ воль твой и осель твой, и успокоился сынъ рабы твоей и приналецъ“⁴⁾. Рабовъ слѣдуетъ щадить, наравнѣ съ домашними животными, и не утомлять черезчуръ ни тѣхъ ни другихъ, ради собственной же выгоды. Изъ псалмовъ мы видимъ, что первую обязанностью раба было быстрое и точное исполненіе приказаній, что онъ долженъ былъ повиноваться малѣйшему знаку господина и предупреждать приказаніе. „Какъ очи рабовъ обращены на руку господь ихъ, какъ очи рабы — на руку госпожи ея, такъ очи наши къ Господу Богу нашему, доколѣ онъ помилуетъ насъ“⁵⁾. Но и у древнихъ евреевъ доброта идетъ рука объ руку съ суровостью. *Второзаконіе* предписываетъ не выдавать бѣглогаго раба. „Не выдавай раба господину его, когда онъ прибѣжитъ къ тебѣ отъ господина своего. Пусть онъ у тебя живетъ, среди васъ, на мѣсть, которое онъ избереетъ въ какомъ-нибудь изъ жилищъ твоихъ, гдѣ ему понравится; не притѣсняй его“⁶⁾.

Свободныя женщины въ Іудеѣ не были особенно угнетены въ смыслѣ труда. Онѣ занимались, главнымъ образомъ, домашнимъ хо-

¹⁾ Левитъ, XXV, 44 — 55. ²⁾ Исходъ, XXI, 10 — 24. ³⁾ Исходъ, XXI, 24 — 37. ⁴⁾ Исходъ, XXIII, 12. ⁵⁾ Псалмы, СХХІІ, 2. ⁶⁾ Второзаконіе, XXIII, 9 — 19.

зайствомъ: пекли хлѣбъ, стряпали, пряли шерсть, ткали и шили одежды. Всю тяжелую работу обыкновенно исполняли мужчины ¹⁾).

Условія жизни евреевъ, въ особенности до эпохи царей, были очень просты. Всѣ, даже вожди, занимались земледѣліемъ и скотоводствомъ. Лошади были рѣдки и считались предметомъ роскоши. Ѣздили обыкновенно верхомъ на ослахъ, даже въ торжественныхъ случаяхъ; такъ, тридцать сыновей судьи Гаира разъѣзжали по округу верхомъ на тридцати ослахъ ²⁾). При всемъ томъ въ Израилѣ, съ давнихъ поръ, существовали наемные рабочіе и бѣдняки. *Второзаконіе* очень милостиво къ нимъ: „не обижай наемника, бѣднаго и нищаго, изъ братьевъ твоихъ или изъ пришельцевъ твоихъ, которые въ землѣ твоей, въ жилищахъ твоихъ. Въ тотъ же день отдай плату его, чтобы солнце не зашло прежде того, ибо онъ бѣденъ и ждетъ ея душа его; чтобы не возопилъ онъ на тебя ко Господу и не было на тебѣ грѣха“ ³⁾). Въ Іудеѣ ремесленниковъ, изготовляющихъ предметы роскоши, было очень мало; потребности были очень просты, и каждая семья сама удовлетворяла всѣ свои нужды. Изящныя искусства находили себѣ примѣненіе только при украшеніи храмовъ, и артисты, художники считались людьми, одаренными свыше, вдохновляемыми Богомъ: „смотри, Я назначаю именно Веселіила, сына Уріева, сына Орова, изъ колѣна Іудина! И я исполнилъ его Духомъ Божиимъ, мудростію, разумѣніемъ, вѣдѣніемъ и всякимъ искусствомъ, работать изъ золота, серебра и мѣди...; рѣзать камни для вставленія, и рѣзать дерево для всякаго дѣла“ ⁴⁾).

Изъ предыдущаго видно, что положеніе раба у древнихъ евреевъ было относительно лучше чѣмъ положеніе раба у арабовъ, даже у магометанъ. Въ особенности поразительна разница, если мы возьмемъ раба еврея; несмотря на нѣкоторыя варварскія ограниченія, великодушный законъ объ отпущеніи на волю рабовъ въ годъ субботній составляетъ капитальное улучшеніе, до котораго арабы еще не додумались; но съ другой стороны, онъ свидѣтельствуетъ и о сохранившемся еще клановомъ духѣ, духѣ узкаго личнаго интереса, для котораго чужеземецъ не существуетъ.

III. Рабство въ Тирѣ, Сидонѣ и Карвагенѣ.

Для завершения нашего обзора древнихъ семитовъ намъ остается рассмотретьъ торговые города, какъ-то: Тиръ, Сидонъ и др., и ихъ колоніи, въ особенности, Карвагенъ, наконецъ, древнія ассирій-

¹⁾ Fleury, *Moeurs des Israélites*, 35. ²⁾ Судей, X, 3 — 4. ³⁾ Второзаконіе, XXIV, 14 — 15. ⁴⁾ Исходъ, XXXI, 8—9.

скія монархіи. Мореходы изъ Тира, Сидона и пр., бесспорно, оказали большія услуги цивилизаціи; они распространяли и популяризировали многія драгоценныя изобрѣтенія. Странствующие агенты крупныхъ первобытныхъ цивилизацій, они проводили въ соприкосновеніе между собой различные народы, нерѣдко помимо ихъ воли, и тѣмъ приносили огромную пользу, хотя имѣли въ виду единственно личную выгоду; это показываетъ, что торговля, даже преслѣдующая чисто эгоистичныя цѣли, можетъ одна оказать всѣ тѣ международныя услуги, какія нерѣдко весьма великодушно приписываются войнѣ.

Но погоня за наживой не способствуетъ развитію совѣстливости и щепетильности въ выборѣ средствъ; по этому мореходы-семиты были яркими приверженцами рабства; они нерѣдко грабили чужія суда, подавая дурной примѣръ эллинамъ. Смотря по обстоятельствамъ, и купцы, и пираты высаживались на берегъ то въ одномъ мѣстѣ, то въ другомъ и, если чувствовалъ себя сильнѣйшими, нападали на жителей, грабили, жгли, увозили дѣтей и женщинъ и потомъ продавали ихъ на восточныхъ рынкахъ ¹⁾. Въ финикійскихъ городахъ, какъ въ Тирѣ, такъ и въ Карѣагенѣ, мы находимъ множество рабовъ, жестоко притѣсняемыхъ своими хозяевами и возстававшихъ противъ нихъ при каждомъ удобномъ случаѣ. Юстинъ упоминаетъ объ одномъ изъ такихъ возстаній, результатомъ котораго была побѣда рабовъ и избѣженіе всѣхъ свободныхъ гражданъ города Тира ²⁾. Въ Карѣагенѣ также произошелъ бунтъ рабовъ, въ 350 г. до Р. X. ³⁾.

Финикияне были отважными мореходами, но должно быть очень посредственными солдатами. Всецѣло преданные промышленности и торговлѣ, они предпочитали вести войну съ помощью наемниковъ или рабовъ, хотя въ личномъ мужествѣ у нихъ не было недостатка: объ этомъ достаточно свидѣтельствуетъ геройское сопротивленіе, оказанное Тиромъ всемогущему Александру. Въ Карѣагенѣ всѣ земледѣльческія и иныя работы были возложены на рабовъ; ихъ все время держали въ оковахъ; на работу ихъ гнали толпою, какъ стадо ⁴⁾. Въ Ливіи обширныя помѣстья воздѣлывали опять таки рабы и опять таки закованные; иногда у одного помѣщика работало до 20,000 рабовъ ⁵⁾. Главнымъ источникомъ богатства у карѣагенянъ были Иберійскіе серебряные рудники; отсюда они добывали деньги на содержаніе наемныхъ войскъ ⁶⁾; несчастныхъ рабовъ, трудившихся въ этихъ рудникахъ, немилосердно эксплуатировали. Суровые и жестокіе вообще, карѣагеняне по отно-

¹⁾ Maspero, *loc. cit.*, 252. ²⁾ Justin, XVIII, 3. ³⁾ *Ibid.*, 4. ⁴⁾ Diodore, XX, 11
⁵⁾ Meyer et Ardant, *Question agraire*, 63. ⁶⁾ Diodore, V, 38.

ненію къ своимъ рабамъ были просто безжалостны, и едва ли имъ могло прійти въ голову составить законы, оберегающіе интересы рабовъ.

IV. Рабство въ Ассиріи.

Презрѣніе къ человѣческой жизни, въ особенности къ жизни побѣжденнаго врага и раба, который по большей части тотъ же побѣжденный, или потомокъ побѣжденнаго, — свойственно дикарямъ и варварамъ вообще, независимо отъ того, къ какой расѣ они принадлежатъ; но, въ частности, оно было наиболѣе развито и выражалось въ наиболѣе жестокой формѣ у древнихъ семитовъ. Ассиріане, при своемъ образѣ правленія, довели это презрѣніе до максимума. Домашній бытъ, нравы и вообще успѣхъ жизни ассиріянъ мало извѣстны намъ; но, судя по нѣкоторымъ историческимъ даннымъ, положеніе раба въ Месопотаміи было ужасно. Ассирійскіе власти-тели истребляли побѣжденныхъ съ какою-то безумною яростью. Вотъ въ какихъ выраженіяхъ рассказываетъ ассирійская надпись о подвигахъ Сеннахирна въ Іудеѣ: „Огнемъ и мечомъ, приступомъ и осадой я взялъ города; занялъ ихъ; приказалъ выйти всѣмъ жителямъ; вышло 200,150 человекъ, старыхъ и малыхъ, мужеска пола и женска, а лошадей, муловъ, верблюдовъ, быковъ и барановъ безъ счета, и всѣхъ ихъ я взялъ себѣ, какъ добычу“ ¹⁾. Всѣхъ, кого не успѣвали убить или замучить свирѣпые побѣдители, перевозили, *пересаживали* на чужбину и обращали ихъ въ рабство ²⁾. Ниневійскіе барельефы наглядно рисуютъ оргіи жестокости страшныхъ побѣдителей. Побѣжденныхъ, въ особенности если это бунтовщики, казнятъ мучительною смертью, садятъ грудью на колъ, съ живыхъ сдираютъ кожу. Оставленнымъ въ живыхъ царь наступаетъ ногой на шею. Пересылка невольниковъ на чужбину сильно напоминаетъ невольничьи караваны въ современной Африкѣ; цѣлыя племена, не разбирая пола и возраста, уводятся въ плѣнъ; мужчины скованы по рукамъ и ногамъ; женщины несутъ тяжести и, кромѣ того, или за немѣнѣемъ ноши, своихъ дѣтей; плѣнные идутъ гуськомъ; всѣ связаны между собой веревкой, продернутой въ кольца, а эти кольца продѣты въ ноздрю или губу ³⁾.

На другихъ барельефахъ представлены рабы за работой; отдѣльныя группы ихъ, подъ надзоромъ вооруженнаго палкой надсмотрщика, тащатъ за собою каменное изваяніе быка и т. под. ⁴⁾.

Царскіе дворцы кипѣли рабами обоюго пола. Въ особенности

¹⁾ Maspero, *loc. cit.*, 336 и 295, 296, 435, 441, 453, 467. ²⁾ Layard, *The monuments of Nineveh*, pl. 82. *Nineveh and its remains*, II, 369. ³⁾ Wallon, *Hist. de l'esclavage*, I, 42. ⁴⁾ Maspero, *loc. cit.* 421.

много было евнуховъ; нѣсколько человѣкъ евнуховъ всюду сопровождали царя¹⁾. Въ знатныхъ домахъ рабыни увеселяли господъ танцами, игрой на флейтѣ; самыхъ красивыхъ предлагали, въ видѣ угощенія, почетнымъ гостямъ²⁾.

Сохранившіеся на табличкахъ контракты свидѣтельствуютъ о томъ, что торговля рабами процвѣтала въ Ассиріи, но цѣны на живой товаръ стояли различныя; можно было купить невольника и за 22—23 руб., но бывало и такъ, что за рабыню платили больше 700 руб. Иногда рабовъ продавали по жребію³⁾.

V. Эволюція рабства у семитовъ.

Мы покончили съ обзоромъ древнихъ семитовъ и подчеркнули наиболѣе характерныя черты теоріи и практики рабства. Многія изъ этихъ чертъ свойственны и другимъ человѣческимъ расамъ, прошедшимъ аналогичныя соціальныя стадіи. У арабовъ кочевниковъ и язычниковъ рабство еще плохо организовано и не имѣетъ въ себѣ ничего оригинальнаго; рабъ принадлежитъ, какъ вещь, тому, кто взялъ его въ плѣнъ или купилъ, и не видно, чтобы законъ сколько-нибудь оберегалъ его личность или интересы. Не то мы видимъ у арабовъ мусульманъ; здѣсь раба уже начинаютъ считать человѣкомъ. Но всего дальше въ смыслѣ гуманности ушла Іудея; здѣсь рабство ограничено извѣстнымъ срокомъ, по крайней мѣрѣ, для раба-еврея. Законъ отпущенія на волю рабовъ въ седьмой годъ — нововведеніе совершенно оригинальное и дѣлающее большую честь Израилю, хотя нѣкоторыя непохвальныя черты нравовъ и умаляютъ его достоинство. Впрочемъ, евреи, какъ и мусульмане, дѣлаютъ огромную разницу между своимъ соотечественникомъ-единовѣрцемъ и рабомъ-чужеземцемъ; участь послѣдняго гораздо тяжелѣе.

Въ Финикіи, и въ особенности въ Ассиріи, мы видимъ, несмотря на общіе успѣхи цивилизаціи, торжество инстинктовъ жестокости. У финикійянъ страсть къ выгодѣ и наживѣ задавила всякую жалость къ рабу. Ассирія, огромное варварское государство, сдѣлавшись монархіей съ теократическимъ и абсолютнымъ образомъ правленія, пришла къ тѣмъ же результатамъ, даже болѣе возмутительнымъ. Рядомъ съ Сеннахирибомъ и его подражателями, арабы кочевники, описанные въ романѣ Антара, кажутся ангелами кротости. Это обстоятельство не мѣшаетъ запомнить; оно показываетъ, что успѣхи въ области промышленности и даже политической организаціи нисколько не мѣшаютъ странѣ регрессировать въ нравственномъ отношеніи.

¹⁾ Wallon, *loc. cit.*, I, 49. ²⁾ *Ibid.*, 52. ³⁾ *Ibid.*, 48.

Рабство въ Индіи и Персіи.

I. *Арійскія расы*. — Теорія общаго происхожденія арійскихъ языковъ. — Расы, жившія въ Европѣ до арійцевъ. — II. *Рабство у аборигеновъ Индіи и Афганистана*. Разнообразіе нравовъ. — Сословіе рабовъ у каффировъ. — III. *Рабство у древнихъ арійцевъ*. — Стихи, относящіеся къ рабамъ. — Платный трудъ и ремесла. — Трудъ женщинъ. — IV. *Рабство въ Индіи*. — По мнѣнію греческихъ авторовъ, его не существовало. — Множество стиховъ, относящихся къ рабамъ въ кодексѣ Ману. — Промышленный трудъ судра. — Парія и положеніе ихъ. — Парія-рабы. — Четырнадцать разрядовъ рабовъ. — Законы, покровительствующіе рабамъ. — Освобожденіе. — Символическая церемонія освобожденія. — Наемники. — Буддизмъ и касты. — V. *Рабство въ Персіи*. — Рабство и маздеизмъ. — Рабство у мидянъ. — Рабство въ монархической Персіи. — Гаремъ Александра. — Придворные рабы по Фирдуси. — Податныя сословія въ современной Персіи. — Рабы вельможъ. — Общее рабское повиновеніе. — Какимъ образомъ пополняется гаремъ шаха. — Мелкая промышленность въ Персіи. — Ремесленники, несущіе повинности. — VI. *Причина введенія крѣпостного права въ болшихъ монархіяхъ*.

I. Арійскія расы.

Знаменитая теорія относительно роли, сыгранной арійскими расами въ заселеніи древняго азіатско-европейскаго материка, настолько хорошо всѣмъ извѣстна, что достаточно напомнить о ней въ нѣсколькихъ словахъ. Лингвистика отвела почетное мѣсто этой теоріи; этнографія и антропология, въ значительной степени, подтверждаютъ ее. При настоящемъ состояніи нашихъ знаний можно считать доказаннымъ, что, въ доисторическую эпоху, время наступленія которой нельзя установить даже приблизительно, толпы, потоки переселенцевъ бѣлой расы, выходцевъ изъ средней Азіи, наводнили Европу. Эти переселенцы были арійцы, т. е. говорили на языкахъ, съ измѣняющимися окончаніями словъ, имѣющихъ одинъ общій корень, общее происхожденіе. Батальоны этой побѣдоносной арміи состояли изъ кельтовъ, латиновъ, эллиновъ, славянъ и германцевъ. Арійцы, оставшіеся въ Азіи, афганцы, индусы, армяне, къ которымъ слѣдуетъ присоединить мидянъ и жителей Ирана, или персовъ, несмотря на нѣкоторыя несходства ихъ языковъ съ европейскими, вышли изъ того же источника.

Въ эпоху великаго переселенія народовъ Европа была мало обитаема, въ особенности сѣверъ ея, и населена исключительно

первобытными народами, дикими и плохо вооруженными. На югѣ и на западѣ населеніе было гуще. Первобытные жители сѣверной Европы принадлежали къ финской расѣ и, мѣстами, къ монгольской; жители южной и западной Европы — къ великой берберской расѣ, уже ранѣе разсмотрѣнной нами.

Намъ остается — и это составитъ предметъ послѣдней части нашей книги — изучить рабство у всѣхъ арійскихъ или индо-европейскихъ расъ какъ Азіи, такъ и Европы; этому мы посвятимъ слѣдующія главы; немало мѣста придется удѣлить въ нихъ Греціи и Риму. Въ настоящей главѣ мы займемся только рабствомъ въ Индіи и Персіи, но, какъ всегда, рассмотримъ сначала однородныя племена, до сихъ поръ пребывающія въ болѣе или менѣе дикомъ состояніи, а именно: каффировъ, афганцевъ и такъ называемыхъ аборигеновъ Индіи, представляющихъ населеніе крайне смѣшанное, заключающее въ себѣ элементы монгольскій, тамильскій или арійскій. Съ этихъ-то аборигеновъ мы и начнемъ наше изслѣдованіе.

II. Рабство у аборигеновъ Индіи и Афганистана.

Къ несчастію, относительно общественной жизни аборигеновъ Индіи, мы имѣемъ лишь очень отрывочныя и неполныя свѣдѣнія. Намъ говорятъ, на примѣръ, что *аборы*, до сихъ поръ сохранившіе организацію республиканскаго клана и даже коммунальнаго (*communaux*), несмотря на это, владѣютъ рабами, что едва ли допустимо; во всякомъ случаѣ, рабы эти очень мало похожи на рабовъ, такъ какъ самые молодые изъ нихъ живутъ вмѣстѣ съ свободными юношами въ длинныхъ общественныхъ зданіяхъ (*morang*)¹⁾. Можетъ быть, въ такихъ обществѣніяхъ они и выполняютъ роль невольниковъ, но объ этомъ мы ничего не знаемъ.

Увѣряютъ, будто другія племена, *бодо*, *джималы*, *леписы* до сихъ поръ держатся принципа полного равенства и не знаютъ дѣленія на сословія²⁾.

Есть ли у нихъ рабы, и кто эти рабы, — быть можетъ, побѣжденные и взятые въ плѣнъ враги, — ничего этого мы не знаемъ; но другое племя аборигеновъ, *куки*, несомнѣнно владѣетъ этого рода рабами, — ибо куки вѣрятъ въ то, что двойникъ побѣжденнаго врага на томъ свѣтѣ становится рабомъ побѣдителя³⁾.

О *яро* и говорить нечего; это племя рабовладѣльческое; оно на двѣ пятыхъ состоитъ изъ рабовъ. Порабощенное сословіе, должно быть, существуетъ здѣсь съ давнихъ поръ, такъ какъ рабами пользуются даже на войнѣ; впрочемъ, ихъ хорошо кормятъ и хорошо

¹⁾ Dalton, *Ethnology of Bengal*, 23. ²⁾ Н. Spencer. *Sociologie*, III, 392. Рус. пер., изд. Сыгина и К^о. ³⁾ *Ibid.*, t. I, 67.

щихъ за плату. Этихъ послѣднихъ нанимають обыкновенно на девятимѣсячный срокъ, кормятъ, нерѣдко одѣваютъ и при расчетѣ выдаютъ имъ, кромѣ жалованья, еще нѣкоторое количество зерна ¹⁾).

Всѣ эти племена дикарей или варваровъ Индіи и Афганистана, взятая вмѣстѣ, не дали намъ ни одного факта, представляющаго выдающійся интересъ. Изученіе ихъ только подтвердило то, что мы уже знаемъ относительно общей эволюціи рабства. Въ группахъ, еще не вышедшихъ изъ первичной стадіи развитія — республиканскаго или общиннаго (*communautaire*) клана, существованіе рабства сомнительно; такое заключеніе согласуется и съ логикой и наблюденіемъ; наоборотъ, монархическія и воинственныя племена владѣютъ рабами въ большомъ количествѣ; наконецъ, у племенъ, которыя додумались до феодальной организаціи, рабъ, дѣлающій всякую работу и къ тому же безвозмездно, превратился въ серва, платящаго оброкъ. Каффиры-сіапухи, въ социологическомъ отношеніи сходные съ арійцами временъ Ведъ, также рабовладѣльцы и добываютъ рабовъ посредствомъ войны. Изъ этого мы можемъ заключить, что древніе арійцы временъ Ведъ поступали также, до побѣднаго вторженія ихъ въ Индію, и эта индукція имѣетъ свою цѣнность, такъ какъ о предкахъ современныхъ индусовъ мы знаемъ очень немногое.

III. Рабство у древнихъ арійцевъ. по Ведамъ.

Поэзія Ведъ носитъ почти исключительно богослужебный характеръ. Въ свое время составители ихъ очень мало заботились объ интересахъ социологін; для того, чтобы опредѣлить, владѣль или не владѣль рабами народъ, создавшій эти священныя книги, намъ приходится подбирать тамъ и сямъ отдѣльныя слова, отдѣльныя фразы, которыя могутъ болѣе или менѣе помочь нашимъ догадкамъ.

Существовало ли рабство у древнихъ арійцевъ? А priori, это можно допустить. Насколько можно судить, арійцами управляли мелкіе царьки — феодалы, а феодальная система, въ особенности на первыхъ порахъ, допускаетъ одновременное существованіе рабовъ и сервовъ.

Есть и болѣе убѣдительныя доказательства. Нѣкоторые стихи Ведъ говорятъ о людяхъ, ниспосланныхъ въ даръ народу богами. „О Сома, пошли намъ изобиліе въ золотѣ, въ лошадяхъ, въ коровахъ и людяхъ“ ²⁾. Въ другомъ мѣстѣ авторъ одной пѣсни говоритъ, что

¹⁾ Dubéux A. *Afglanistan*, 58. ²⁾ Rig-Veda, sect. 7, Hymne XX, V, 18.

онъ получилъ въ подарокъ „двухъ быстроногихъ кобылицъ, сотню коровъ, готовую пищу и слугъ, покрытыхъ золотомъ, красивыхъ сильныхъ, преданныхъ“¹⁾. Люди, которыхъ дарятъ наравнѣ со скотомъ, могутъ быть только военноплѣнными, только рабами, и это тѣмъ болѣе вѣроятно, что у арійцевъ времянь Ведъ не существовало поработеннаго сословія. *Судры* появились уже послѣ завоеванія Индіи, при браминахъ; судры — это плебеи побѣжденнаго и покореннаго народа, обращенные въ рабство²⁾. Очевидно ручнымъ трудомъ у арійцевъ должны были заниматься или рабы или сервы. Такимъ образомъ, мы видимъ, что существованіе рабства у арійцевъ почти доказано текстами Ведъ.

Точно также доказано и существованіе сервовъ: въ плѣняхъ воспѣвается щедрость сеньоровъ по отношенію къ вассаламъ, исправно платящимъ оброкъ³⁾. Были ли у арійцевъ свободные ремесленники? Это весьма вѣроятно, принимая въ расчетъ ихъ социальное состояніе. Во всѣхъ странахъ, гдѣ процвѣтаютъ рабство и крѣпостное право, отпущенные на волю рабы и освобожденные крѣпостные естественнымъ путемъ превращаются въ платныхъ рабочихъ-ремесленниковъ. Въ работѣ же не могло быть недостатка; промышленность у арійцевъ стояла на довольно высокой ступени развитія; они выдѣлывали золотыя ожерелья и браслеты, головныя украшенія и оружіе, колесницы на колесахъ съ ободьями; ткали полотно, ковры; умѣли даже строить корабли⁴⁾.

Одинъ стихъ указываетъ на спеціализацію ремеселъ. „Я рабочий; отецъ мой врачъ; мать мельничиха; наши занятія различны, но и все мы просимъ хлѣба, какъ коровы просятъ ячменя“. Этотъ текстъ повидимому ясно показываетъ, какого рода ремесла были платными; въ немъ упоминается также объ одномъ видѣ труда, который во всѣхъ варварскихъ и земледѣльческихъ обществахъ возлагается на женщинъ, — о размалываніи зерна, безъ сомнѣнія между двумя камнями, или на маленькой ручной мельницѣ. Но размалываніе зерна было не единственнымъ занятіемъ женщинъ: онѣ должны были еще прясть шерсть и ленъ. Изъ шерсти дѣлали ковры; изъ ссушеннаго втрое льна — веревки⁵⁾. Эти свѣдѣнія отрывочны и неполны, но мы, по необходимости, должны ими удовольствоваться и заняться изслѣдованіемъ Индіи подъ владычествомъ браминовъ.

¹⁾ M. Fontanes, *Jude védique*, 231. ²⁾ Burnouf. *Le Veda*, 229. ³⁾ E. Burnouf. *Le Veda*, 242. ⁴⁾ *Ibid.*, *loc. cit.*, 40. ⁵⁾ M. de Fontanes, *Inde védique*, 88.

IV. Рабство въ браминской Индиі.

Если, какъ мы имѣемъ основаніе предполагать, рабство существовало уже у древнихъ арійцевъ, то тѣмъ болѣе должно было оно существовать въ покоренной Индиі, въ Индиі, подчиненной владычеству браминовъ. А между тѣмъ греки не замѣтили его, безъ сомнѣнія потому, что оно не било въ глаза и сосредоточивалось, главнымъ образомъ, въ предѣлахъ домашняго быта, т. е. выражалось въ той формѣ, въ какой оно и до сихъ поръ выражается въ Индо-Китаѣ и Китаѣ. Мегасѣенъ утверждаетъ, будто индійцы вовсе не владѣютъ рабами. Онезикритъ видѣлъ рабовъ только въ одной индійской провинціи, которую онъ по этой причинѣ ставитъ выше другихъ. Страбонъ говоритъ, что въ Индиі рабство запрещено закономъ ¹⁾. Діодоръ утверждаетъ то же: „Между всѣми странными законами индійцевъ,— говоритъ онъ,— есть одинъ удивительный, заповѣданный древними философами. Этотъ законъ совсѣмъ не признаетъ рабовъ; въ глазахъ его всѣ люди свободны и должны уважать равенство“ ²⁾. Но эти авторы сами себѣ противорѣчатъ. Такъ, Страбонъ, говоря о раболѣпномъ поклоненіи индійцевъ не только королямъ, но и вельможамъ ³⁾, прибавляетъ, что королю прислуживаютъ женщины, купленные имъ у ихъ родителей ⁴⁾. Въ другомъ мѣстѣ тотъ же писатель упоминаетъ о сословіи ремесленниковъ, мелкихъ торговцевъ, вообще людей, живущихъ своимъ трудомъ. Изъ членовъ этого сословія, говоритъ онъ, одни платятъ дань (вѣрише было бы сказать оброкъ); другіе несутъ повинности, какъ на примѣръ, корабельные плотники и оружейники; они работаютъ исключительно на короля и содержатся на его счетъ ⁵⁾. Говоря о сословіи, несущемъ повинности, Страбонъ очевидно смѣшиваетъ его съ кастой судра, учрежденной браминами, порабощеннымъ сословіемъ, которому, по словамъ Ману, опредѣлено богами только одно: служить высшимъ сословіямъ ⁶⁾. Существованіе этого подневольнаго сословія въ Индиі уменьшило потребность въ рабахъ и ограничило ихъ количество.

При всемъ томъ кодексъ Ману подтверждаетъ существованіе рабства. Въ одномъ мѣстѣ говорится, что господинъ отвѣчаетъ за всякій заемъ, сдѣланный однимъ изъ его рабовъ, хотя бы во время его отсутствія ⁷⁾. Въ другомъ тотъ же кодексъ точно обозначаетъ семь разрядовъ рабовъ: „знаменосецъ, взятый при

¹⁾ Strabon, liv. XV, ch. I, § 54. ²⁾ Diodore, liv. II, § 39. ³⁾ Strabon, liv. XV, ch. VI, § 67. ⁴⁾ Strabon, XV, ch. I, § 55. ⁵⁾ Ibid. liv. XV, ch. VI, § 46. ⁶⁾ Code de Manou, liv. I, v. 91. ⁷⁾ Code de Manou, VIII, 167.

знамени, или солдатъ, захваченный въ плѣнъ въ сраженіи; слуга, который поступилъ въ услуженіе съ тѣмъ, чтобы хозяинъ содержалъ его; сервъ, рожденный отъ рабыни въ жилищѣ господина; рабъ, купленный или полученный въ подарокъ; рабъ, перешедшій по наслѣдству отъ отца къ сыну; рабъ, обращенный въ рабство за то, что не могъ уплатить пени¹⁾. Въ этомъ спискѣ перечислены все источники рабства, какіе мы встрѣчали повсюду, всё ли вмѣстѣ, или порознь.

Кодексъ Ману лишь вскользь упоминаетъ о сословіи рабовъ. Это сословіе не имѣетъ ни численности, ни значенія, ибо весь общественный и подневольный трудъ несетъ весьма многочисленная каста судръ, этихъ прирожденныхъ рабовъ браминовъ, которые даже не могутъ быть освобождены, такъ какъ они специально предназначены къ рабству²⁾; этихъ несчастныхъ, имущество которыхъ можетъ по желанію и „съ спокойной совѣстью“ присвоить себѣ каждый нуждающійся браминъ³⁾, и которыхъ король обязываетъ — все равно, были ли они куплены имъ, или достались ему инымъ путемъ, — служить браминамъ, такъ какъ они на то и созданы „самодовлѣющимъ существомъ“⁴⁾; этихъ презрѣнныхъ, самое имя которыхъ выражаетъ уничиженіе⁵⁾, учить закону которыхъ считается преступленіемъ, такъ какъ они вышли всего только изъ ноги Брами⁶⁾. Мы не станемъ теперь распространяться объ этомъ, такъ какъ въ предыдущихъ нашихъ работахъ не разъ описывали подробно унижительное состояніе, на которое обречены судры кодексомъ Ману. Мы уже знаемъ теперь, что четыре обширныхъ касты: браминовъ, кшатріевъ, вайсьевъ и судръ весьма несовершенно представляютъ собою распредѣленіе личнаго достоинства и труда въ Индіи. По словамъ Г. С. Мэна, утверждать, что касты, обозначенныя въ кодексѣ Ману, существуютъ до сихъ поръ — не что иное, какъ неосновательная претензія со стороны браминовъ. Но если въ наше время устройство индусскаго общества и не совсѣмъ таково, какимъ оно было во времена Ману, принципъ, положенный въ основу его, останется все тѣмъ же; кастовый духъ неизмѣнно живетъ въ немъ; только касты теперь раздробились на подраздѣленія и многочисленныя корпораціи.

Не далѣе, какъ въ концѣ прошлаго вѣка, аббатъ Дюбуа утверждалъ, что большинство профессій, требующихъ механическаго, и почти всё виды ручного труда предоставлены судрамъ; но что эти послѣдніе дѣлятся на множество корпорацій, такъ какъ

¹⁾ Ibid., VIII, 415. ²⁾ Ibid., VIII, 414. ³⁾ Ibid., VIII, 417. ⁴⁾ Ibid., 413. ⁵⁾ Ibid. liv. II, 31. ⁶⁾ Ibid. liv. I, 31.

ихъ вмѣстѣ съ землей и располагать ими, какъ ему вздумается. Малабарская область пострадала отъ вторженій менѣе южной Индіи; древніе обычаи сохранились здѣсь лучше, чѣмъ гдѣ бы то ни было, и весьма возможно, что настоящее положеніе здѣшнихъ парій именно таково, какимъ было положеніе судра на всемъ полуостровѣ, послѣ завоеванія его арійцами.

Но между паріями есть и настоящіе рабы; это тѣ, которые сами себя продали въ кабалу *судрамъ* — земледѣльцамъ, вмѣстѣ съ женами и дѣтьми. Этого рода паріи несутъ самыя трудныя работы; обращаются съ ними чрезвычайно сурово. Нѣкоторые изъ нихъ являются чѣмъ-то вродѣ общественныхъ рабовъ; они служатъ всей деревнѣ и занимаются уборкой нечистотъ ¹⁾. Если вѣрять аббату Дюбуа, паріи рабы, которыхъ онъ, впрочемъ, недостаточно отличаетъ отъ сервовъ, могутъ быть продаваемы своими хозяевами; но помѣщики рѣшаются на это только въ крайнихъ случаяхъ, и то имъ запрещено продавать паріевъ на вывозъ въ дальнюю сторону и чужеземцамъ. Продають паріевъ или для того, чтобъ уплатить ими долгъ, или же для того, чтобы избавиться отъ лишнихъ рукъ ²⁾. Иные крупные землевладѣльцы держатъ у себя въ услуженіи до ста и болѣе такихъ рабовъ паріевъ и обращаются съ ними обыкновенно довольно мягко, распредѣляютъ между ними работу соотвѣтственно силамъ и возрасту cadaго, кормятъ ихъ рисомъ того же качества, какой сами ѣдятъ, наконецъ, женятъ ихъ и одѣваютъ ³⁾. Съ своей стороны, рабы считаютъ себя какъ бы членами семьи господина и не проявляютъ никакихъ поползновеній на независимость; и дѣйствительно, положеніе ихъ гораздо лучше положенія свободныхъ паріевъ ⁴⁾.

Иритомъ же, инстинктъ рабскаго подчиненія, можно сказать, вошелъ въ плоть и кровь паріевъ; они дошли до того, что считаютъ свою участь совершенно естественной; отъ нихъ никогда не услышишь ни жалобы, ни даже ропота; обезпеченіе ихъ доведено до крайности ⁵⁾. Зато они и нравственно опустились до уровня своего положенія, утратили всякое нравственное чувство; никакіе пороки не страшатъ ихъ, никакая грязь ихъ не отталкиваетъ ⁶⁾. „Они оспариваютъ у собакъ, шакаловъ и вороновъ подустгнившее мясо мертвыхъ животныхъ; даже болѣе: рѣжутъ его на куски сушатъ ихъ и вѣшаютъ въ своихъ хижинахъ ⁷⁾.“

Режимъ собственности въ Индіи измѣнялся смотря по мѣстности; но въ общемъ, никто не смотрѣлъ на землю, какъ на мѣстовую цѣнность, могущую переходить изъ рукъ въ руки, подобно движимому имуществу. Общины, деревни и князья испоконъ вѣку

¹⁾ Dubois, *loc. cit.*, 57. ²⁾ Ibid., 62. ³⁾ Ibid. ⁴⁾ Ibid., 63. ⁵⁾ Dubois, *loc. cit.*, 52. ⁶⁾ Ibid., 58. ⁷⁾ Ibid., 59.

владѣли одними и тѣми же помѣстьями. На Малабарѣ и вообще во владѣніяхъ тампловъ, гдѣ арійцы столкнулись съ расой, очень отличной отъ ихъ собственной, главнымъ землевладѣльцемъ въ каждомъ округѣ былъ обыкновенно раджа; его вассалы собирали для него подать съ народа и сами платили ему оброкъ, скотомъ, рабами, тканями и т. д.; вассалы эти, въ свою очередь, жестоко притѣсняли земледѣльческое населеніе; поэтому много земель оставалось невоздѣланными ¹⁾. Устойчивости политической организаціи, явившейся результатомъ побѣднаго вторженія арійцевъ, мы обязаны тѣмъ, что можемъ судить о положеніи, въ какое поставили побѣдители туземное населеніе, на основаніи современныхъ условій жизни паріевъ на Малабарскомъ берегу. Если бы греки могли проникнуть въ Малабарскую область, они не стали бы такъ смѣло утверждать, что Индія не знала рабства.

На самомъ дѣлѣ, въ древней Индіи только одни брамины не могли быть обращены въ рабство; вансія же, да и кшатринъ, дойдя до нужды, прекраснѣйшимъ образомъ становились рабами ²⁾.

Помимо кодекса Ману, въ индусскомъ законодательствѣ есть отдѣлы, цѣлкомъ посвященные рабству. Законовѣдъ народа различаетъ четырнадцать разрядовъ домашнихъ рабовъ, и эти разряды исчерпываютъ почти все виды, почти все источники рабства. Вотъ они: 1) рабъ по праву рожденія, рожденный отъ домашней рабыни; 2) рабъ, купленный за деньги; 3) рабъ, входившій въ составъ даровъ, которые были приняты; 4) рабъ, доставшійся по наслѣдству при раздѣлѣ имущества; 5) рабъ, котораго приютили въ нуждѣ; 6) рабъ, подѣ залогъ котораго заняты деньги; 7) рабъ, который самъ продался въ кабалу за долгъ; 8) военнопленннй, побѣжденный и взятый въ плѣнъ во время сраженія; 9) рабъ, проигравшій свою свободу (въ карты или кости); 10) рабъ доброволецъ, который по своей охотѣ пришелъ и сказалъ: „Стану твоимъ рабомъ“; 11) человекъ, обращенный въ рабство за то, что, отрекшись отъ міра, измѣнилъ своему обѣту; 12) временный рабъ, добровольно отказавшійся отъ свободы на извѣстный срокъ времени; 13) рабъ, который отрабатываетъ стоимость съдѣннаго имъ риса; 14) рабъ, который самъ продался въ кабалу за деньги ³⁾. Но не рабъ тотъ, кого похитили воры, а потомъ продали или заложили ⁴⁾.

Индусскіе законодатели объявляютъ, что на раба можно возложить какую угодно работу, но тутъ же перечисляютъ главныя занятія рабовъ, какъ-то: мести дворъ, улицу и другія грязныя

¹⁾ Amiral Verhoeven, (*Voy. Compagnie des Indes orientales*, t. VIII, 32).
²⁾ Sicé, *Legislation hindoue*, 137. ³⁾ Ibid., 136—137. ⁴⁾ Ibid., 138.

мѣста, чесать потаенныя части тѣла, убирать плевки, экскременты и пр. ¹⁾.

Есть однакоже въ индусскомъ законодательствѣ и статьи, покровительствующія рабамъ. Такъ, законъ налагаетъ штрафъ на займодавца, который дурно обращается съ служанками, врученными ему должникомъ только въ качествѣ залога, гарантирующаго уплату долга ²⁾; если рабыня забеременѣла отъ своего господина, законъ объявляетъ ее свободной, равно какъ и ея ребенка ³⁾.

Всякій рабъ, какова бы ни была причина его обращенія въ рабство, можетъ быть отпущенъ на волю господиномъ, кромѣ раба религіознаго, впавшаго въ рабство за то, что онъ нарушилъ свой обѣтъ отреченія отъ міра. Этотъ послѣдній можетъ сдѣлаться только рабомъ государя; а въ случаѣ, если званіе брамина избавляетъ его отъ рабства, царь велитъ вытравить у него на лбу особое клеймо, изображающее собачью лапу, и затѣмъ изгоняетъ его вонъ изъ страны ⁴⁾.

Рабъ, спасшій своего господина отъ неминуемой бѣды, напримѣръ, отъ когтей тигра, можетъ получить не только свободу, но и равную съ дѣтми долю въ наслѣдствѣ.

Само собой разумѣется, что условія освобожденія мѣняются, смотря по тому, что послужило причиною рабства: временный рабъ получаетъ свободу по истеченіи условленнаго срока; рабъ за долги—по уплатѣ занятыхъ денегъ или риса; человекъ, сдѣлавшійся рабомъ того, кто помогъ ему въ бѣдѣ, снова становится свободнымъ, уплативъ хозяину за прокормъ. Освобожденіе раба господиномъ освящается символической церемоніей. Господинъ беретъ полный воды сосудъ, который рабъ несетъ на плечѣ, и разбиваетъ его; затѣмъ, обратившись лицомъ къ востоку, посыпаетъ голову раба рисомъ, окрашеннымъ шафраномъ и цвѣтами, поливаетъ водой и, наконецъ, трижды повторивъ: „ты больше не рабъ мнѣ“, отпускаетъ его ⁵⁾. Кромѣ настоящихъ рабовъ, въ Индіи есть полу-рабы, скорѣе даже слуги, чѣмъ рабы. Сюда относятся: тотъ, кто идетъ въ услуженіе по доброй волѣ, предоставляя великодушнѣе господина назначить вознагражденіе за его трудъ; тотъ, кто за свою службу получаетъ въ пользованіе клочокъ земли или корову; тотъ, кто служитъ господину потому, что женился на рабынѣ изъ его дома; каждый изъ этихъ неполныхъ рабовъ можетъ легко вернуть себѣ свободу, отказавшись отъ жалаванья, коровы или жены ⁶⁾.

На ряду съ рабами и полурабами есть еще классъ наемниковъ.

¹⁾ Sice, *loc. cit.*, 137. ²⁾ Ibid., 87. ³⁾ Ibid., 139. ⁴⁾ Ibid., 138. ⁵⁾ Sice, *loc. cit.*, 139. ⁶⁾ Ibid., 135, 138.

Персія побѣдительница, торжествующая, монархическая Персія изобиловала рабами; мы видимъ здѣсь рабовъ - пастуховъ на горахъ и въ стѣняхъ; на поляхъ — рабовъ земледѣльцевъ; рабовъ ремесленниковъ и торговцевъ; рабовъ царскихъ; рабовъ жреческихъ; рабынь проституткокъ при храмахъ и т. д. ¹⁾ Цари царей окружали себя многочисленнымъ штатомъ рабовъ. Въ Дамаскѣ Парменіонъ насчиталъ въ свитѣ Дарія 329 музыкантшъ, 46 человекъ, специально занимавшихся плетеніемъ вѣнковъ, 277 поваровъ и при нихъ 29 подручныхъ, 13 пирожниковъ, 17 человекъ, на обязанности которыхъ лежало готовить напитки, 70 — фильтровавшихъ вина и 40 парфюмеровъ ²⁾. Жены Артабота и Ментора держали особаго рода служанокъ, именуемыхъ *климацидами*, потому что госпожи пользовались ими, какъ подножками, (*κλιμαξ*) при восхожденіи на колесницы ³⁾.

Дарій и Ксерксъ, въ глазахъ которыхъ всѣ люди были ихъ рабами, обращались съ покоренными народами, какъ съ животными, находящимися въ полной ихъ власти. Чтобы долѣ сопротивляться Дарію, осажденные вавилоняне удавили своихъ женщинъ, съ цѣлью сбереженія съѣстныхъ припасовъ. Овладевъ городомъ, персидскій царь началъ съ того, что, для примѣра, посадилъ три тысячи человекъ на колъ, а затѣмъ просто-напросто приказалъ сосѣднимъ народамъ доставить вавилонянамъ достаточное количество женщинъ для замѣны умерщвленныхъ; всего такимъ образомъ было ввезено въ Вавилонъ, по приказанію Дарія, до 50,000 женщинъ ⁴⁾. Впрочемъ, персидскіе цари и на своихъ собственныхъ подданныхъ смотрѣли не лучше. Такъ, Ксерксъ, перейдя Геллеспонтъ, устроилъ смотръ своей арміи, которая дефилировала передъ нимъ подъ градомъ ударовъ кнута ⁵⁾. Точно такъ же, при Термопилахъ, начальники отрядовъ кнutomъ натравляли своихъ людей на спартанцевъ ⁶⁾. Когда къ Ксерксу явился просить убѣжища Темистокль, въ знакъ особой милости, Ксерксъ подарилъ ему множество рабовъ ⁷⁾.

Александръ, побѣдитель персовъ, къ сожалѣнію слишкомъ легко поддавался соблазну дурнаго примѣра и поспѣшилъ усвоить себѣ обычный образъ жизни „царя царей“. Онъ окружилъ себя наложницами, все замѣчательными красавицами; по словамъ Діодора, ихъ было столько же, сколько дней въ году. Каждый вечеръ стадо женщинъ собиралось вокругъ царскаго ложа, чтобы побѣдитель могъ выбрать изъ нихъ себѣ подругу ⁸⁾.

¹⁾ Strabon, XI, XII, XIII, XVI. Hérodote, I, 199. Lucien. *La deesse de Syrie*. Athénée, XII. Elien, Hist. var. IV. ²⁾ Cétésias, ap. Athénée, XIII. ³⁾ Ibid., VI. ⁴⁾ Hérodote, 217. ⁵⁾ Hérodote, Livre VII, § 56. ⁶⁾ Hérodote, VII, 223. ⁷⁾ Diodore, liv. XI, § 57. ⁸⁾ Diodore, liv. XVII, § 87.

Безъ сомнѣнія, древне-греческіе историки и лѣтописцы могли преувеличить и прикрасить дѣйствительность или представить её въ ложномъ свѣтѣ, давъ черезчуръ много воли своему воображенію; но факты остаются, и даже болѣе того: согласуются со всѣмъ, что мы знаемъ о соціальной организаціи, или, вѣрнѣе, дезорганизаціи великихъ варварскихъ монархій древности.

Въ этихъ монархіяхъ рабство, съ нравственной точки зрѣнія, принимаетъ гиперболическіе размѣры; но очень можетъ быть, что въ Персіи рабство сосредоточивалось, главнымъ образомъ, при дворѣ и во дворцахъ, что рабами пользовались почти исключительно вельможи. Это предположеніе вполне подтверждается тѣми данными, какія можно извлечь изъ поэмы Фирдуси. И дѣйствительно, въ *Книгѣ царей* говорится только о придворныхъ рабахъ, которые даже носятъ въ ухахъ особыя серьги, такъ называемыя „невольничьи“¹⁾. Нѣкоторые изъ нихъ однакоже сопровождаютъ своихъ господъ на войну²⁾. Царицы осыпаютъ грубой бранью своихъ рабынь, которыя предоставлены въ полное ихъ распоряженіе³⁾. Рабовъ этихъ доставляетъ война. Въ покоренныхъ странахъ мужчинъ обезглавливаютъ, а женщинъ и дѣтей уводятъ въ рабство⁴⁾. Цари цѣлыми десятками дарятъ храбрецамъ красивыхъ невольницъ и т. д.⁵⁾

Въ этихъ обширныхъ имперіяхъ матерьяльная и промышленная цивилизація достигла уже высокой ступени развитія, а такого рода цивилизація не очень-то уживается съ суровой первобытной формой рабства. Въ интересахъ общественнаго труда и въ особенности земледѣлія нерѣдко оказывается болѣе удобнымъ замѣнить его крѣпостнымъ правомъ. Въ этомъ отношеніи настоящее Персіи можетъ пролить свѣтъ на ея прошлое.

Со временъ Дарія и Ксеркса Персія испытала немало превратностей судьбы; цари ея перестали именоваться „великими государями“; она была покорена; магометанство замѣнило религію Зороастра; но въ общихъ чертахъ политическая и соціальная организація ея измѣнилась менѣе, чѣмъ того можно было ожидать; нынѣшній шахъ пользуется такой же неограниченной властью, какою пользовался въ свое время Камбизъ; раболѣпство, по прежнему, является отличительной чертой нравовъ; но рабовъ мало; деревни принадлежатъ вельможамъ — помѣщикамъ; крестьяне платятъ имъ оброкъ, частію деньгами, частію натурой и кромѣ того несутъ обязательныя повинности. Нѣкоторые важные сановники владѣютъ на такихъ условіяхъ каждый сотней деревень⁶⁾. Земледѣліе не считается болѣе священнымъ, какъ во времена Маз-

¹⁾ *Livre des Rois* (trad. Mohl), vol. I, 93, 136. ²⁾ *Ibid.*, 265. ³⁾ *Ibid.*, t. II, 14. ⁴⁾ *Ibid.*, II, 376. ⁵⁾ *Ibid.*, 461. ⁶⁾ Drouville, *Voyage en Perse*, t. I, 136—139.

довъ, но все же стоитъ довольно высоко, при помощи остроумной системы орошенія, вошедшей въ употребленіе съ давнихъ поръ. Горныя воды освѣжаютъ засохшія поля; за правильнымъ распредѣленіемъ и бережнымъ расходомъ воды смотрятъ особые чиновники, называемые *мирабъ*, или *эмиръ-абъ* (князья воды). Каждый обыватель, владѣющій землей, получаетъ извѣстное количество воды, соотвѣтственно размѣрамъ его участка, и всякія мошенничества съ водой наказываются очень строго ¹⁾. Землю въ Персіи удобряютъ особымъ способомъ, напоминающимъ древній Перу и Китай; здѣсь пользуются исключительно человѣческимъ удобреніемъ. Крестьяне тщательно собираютъ все человѣческія испраженія въ городахъ, находя ихъ лучшимъ удобреніемъ, чѣмъ деревенскія, и каждый годъ въ знакъ благодарности приносятъ плоды тѣмъ горожанамъ, чьи дома доставили имъ это драгоценное удобреніе ²⁾.

Собственно рабовъ въ Персіи немного ³⁾, какъ сказано выше; вотъ почему до тѣхъ поръ, пока Персія не усвоила себѣ воинскихъ обычаевъ Европы, — а это было очень недавно, — персы въ военное время не брали въ плѣнъ побѣжденныхъ враговъ; они не знали бы, что дѣлать съ плѣнными, и потому предпочитали рубить имъ головы и собирать эти трофеи побѣды, такъ какъ за каждый такой трофей правительство выдавало въ награду золотую монету ⁴⁾. Персы давно уже не выказываютъ никакого желанія владѣть рабами и, вѣроятно, все по той же причинѣ; еще Хозрой построилъ въ Малой Азій городъ, носящій его имя, Хозроантіохію, и сдѣлалъ её, какъ называли такіе города во Франціи, въ эпоху общинъ, вольнымъ городомъ, т. е. прибѣжищемъ всѣхъ бѣглыхъ рабовъ, гдѣ бѣглецовъ принимали, объявляли родственниками гражданъ и тѣмъ ограждали ихъ отъ всякихъ покушеній со стороны бывшихъ господъ ⁵⁾.

Дѣло въ томъ, что въ такихъ странахъ, какъ Персія, гдѣ все населеніе порабощено, съ рабами не знаютъ, что дѣлать. А Персія до сихъ поръ осталась страной по преимуществу азіатской; весь персидскій народъ до сихъ поръ считается собственностью шаха. Этотъ послѣдній можетъ по произволу располагать всѣми своими подданными; каждый изъ нихъ считаетъ за честь быть его рабомъ, и слово *кули* (рабъ) предшествуетъ, въ смыслѣ почетнаго эпитета, именамъ многихъ вельможъ ⁶⁾. Если шахъ удостоитъ взять себѣ чью-нибудь жену или дочь, это считается за большую честь для ея мужа или отца ⁷⁾. Коджарбахи, глава евнуховъ шаха,

¹⁾ Drouville, *loc. cit.*, 411—412. ²⁾ Dubeux, *Perse*, 412. ³⁾ *Ibid.*, 409. ⁴⁾ Drouville, *loc. cit.*, I, 39 (note). ⁵⁾ Dubeux, *Perse*, 293. ⁶⁾ G. Drouville, *loc. cit.*, I, 251. ⁷⁾ *Ibid.* 252.

отъ времени до времени, отъ имени шаха, обходить гаремы вельможъ или объѣзжаетъ провинціи, гдѣ, по свѣдѣніямъ, собраннымъ его корреспондентами, имѣются красивыя дѣвушки, и пополняетъ новыми красавицами гаремъ шаха¹⁾. Вельможи и богачи, по мѣрѣ силъ и средствъ, подражаютъ этому послѣднему. Они набираютъ столько законныхъ женъ, сколько могутъ купить и содержать, да еще присоединяютъ къ этому большее или меньшее количество молодыхъ рабынь-наложницъ, изъ которыхъ на каждую возложена особая обязанность въ гаремѣ; инныя просто развлекаютъ своихъ господъ пѣніемъ и танцами. Вообще персидскія женщины не получаютъ никакого образованія, не исключая и знатныхъ дамъ, которыхъ не учатъ даже читать²⁾. Впрочемъ, согласно магометанскому закону, персы не дѣлаютъ никакого различія между законными и незаконными дѣтьми; сынъ-первенецъ, хотя бы и рожденный отъ рабыни, пользуется правами старшинства³⁾.

На ряду съ земледѣльческими сервами и рабами, въ Персіи существуютъ и наемные рабочіе, вольные ремесленники. Подобно Китаю, Персія пока не пошла дальше мелкой промышленности; большинство ремесленниковъ не имѣютъ ни лавокъ, ни верстаковъ; инструментъ у нихъ самый первобытный, и они всюду носятъ его съ собою⁴⁾. Эти рабочіе, оиять таки, какъ въ Китаѣ, дѣлятся на цехи, и каждый цехъ имѣетъ своего главу, назначаемаго царемъ. Чтобы получить разрѣшеніе открыть лавку, надо прежде всего объявить главѣ цеха свое имя и адресъ. Съ своей стороны, глава цеха слѣдитъ за тѣмъ, чтобы лавки находились на извѣстномъ разстояніи одна отъ другой, съ цѣлью воспрепятствовать слишкомъ ярой конкуренціи. Персидскіе ремесленники состоятъ на службѣ шаха, хотя и считаются свободными, и, по требованію государя, выполняютъ различныя повинности (Chardin)⁵⁾. И это вполне естественно, такъ какъ, въ принципѣ, государство и все что въ немъ есть, и вещи, и люди, составляютъ собственность шаха. Именно деспотизму шаха, возведенному въ право владѣтеля, и слѣдуетъ, безъ сомнѣнія, приписать нѣкоторое смягченіе, нѣкоторыя практическія ограниченія рабства.

VI. Причина введенія крѣпостного права въ большихъ монархическихъ государствахъ.

Изучая древнія монархіи Индіи и Персіи, Египета и Ассиріи, словомъ главнѣйшія монархическія государства древности, мы не безъ удивленія замѣчаемъ, что рабство, въ буквальномъ смыслѣ

¹⁾ Ibid. I. 273—274. ²⁾ Ibid. I, 88. ³⁾ Dubeux, *Perse*, 468. ⁴⁾ Chardin, *Voy. en Perse*, Ch. XVII. ⁵⁾ Ibid.

слова, вездѣ сѣуживается, замыкается въ тѣсныя рамки домашняго быта и въ то же время рядомъ съ нимъ организуется его смягченная форма — крѣпостное право, и появляются зачатки саларіата. Причину такого рода эволюціи слѣдуетъ искать не въ гуманитарныхъ чувствахъ, которыя были чужды древнимъ обществамъ, но отчасти въ матерьяльномъ разсчетѣ, отчасти въ законѣ необходимости, присущемъ самымъ вещамъ.

Въ обществахъ дикарей ручной трудъ, хоть и необходимъ, но не играетъ важной роли; поэтому его можно безъ особенныхъ неудобствъ цѣликомъ возложить на рабовъ безправныхъ и вполнѣ зависимыхъ, надъ которыми къ тому же всё права принадлежатъ господину; но въ большомъ обществѣ съ сложной организаціей, въ обществѣ, гдѣ искусство и промышленность уже достигли значительнаго развитія, нѣкоторое раздѣленіе общественнаго труда въ силу необходимости является неизбѣжнымъ. Поле личнаго произвола неизбѣжно сѣуживается. Правда, рабство какъ учрежденіе еще не уничтожается, но замыкается въ стѣны домовъ и палатъ; а главный общественный трудъ, необходимый для существованія общества, возлагается на сервовъ, т. е. на тѣхъ же рабовъ, находящихся въ нѣсколько лучшихъ условіяхъ. Рабовъ превращаютъ постепенно въ сервовъ, обыкновенно прикрѣпленныхъ къ землѣ.

Наконецъ, кромѣ земледѣльческаго труда, есть еще трудъ ремесленный, по значенію своему менѣе важный, но все же очень цѣнный. Въ области этого труда рабы рѣдко достигаютъ большого искусства; они по самому положенію своему не имѣютъ свободнаго времени и возможности усовершенствоваться въ какомъ-нибудь ремеслѣ или искусствѣ. Большинство ремесленниковъ и артистовъ выходятъ изъ сословія освобожденныхъ сервовъ, отпущенныхъ на волю рабовъ, — сословія, которое все растетъ и растетъ. Эти вольные ремесленники все же пользуются значительной независимостью. Они наемники, т. е. лица, не имѣющія иныхъ средствъ къ жизни, кромѣ продажи своего труда.

Эти соображенія объясняютъ намъ социальные факты, съ виду противорѣчащіе одинъ другому: повсемѣстное введеніе крѣпостнаго права въ обширныхъ деспотическихъ имперіяхъ и, наоборотъ, широкое развитіе рабства въ мелкихъ республикахъ древней Греціи, гдѣ свободные граждане обыкновенно отказывались мириться съ зависимымъ образомъ жизни сервовъ-земледѣльцевъ.

ГЛАВА XIV.

Рабство въ Греціи.

I. Численное отношеніе рабовъ къ свободнымъ гражданамъ въ Греціи. — Нравственное развитіе не всегда идетъ рука объ руку съ развитіемъ умственнымъ. — Огромная численность несвободнаго населенія въ греческихъ городахъ. — II. Источники рабства въ Греціи. — Порабощеніе женщинъ и дѣтей. — Рабство по Гомеру. — Рабыни-наложницы. — Война, разбойничество и рабство. — Различныя причины обращенія въ рабство. — Невольничій рынокъ въ Делосѣ. — Торговля рабами. — Стоимость раба. — III. Положеніе раба въ Греціи. — Неограниченная власть господина надъ рабомъ въ древней Греціи. — Различныя занятія рабовъ. — Домашній рабъ. — Мягкое обращеніе съ рабами въ Афинахъ. — Рабъ, рожденный въ домѣ. — Легальное положеніе рабовъ. — Законы о невольникахъ. — Рабъ передъ судомъ. — Мѣры наказанія, примѣняемыя къ рабамъ. — Рабы-ремесленники въ Сициліи. — Статьи закона, покровительствующія рабамъ. — Общественные рабы и гиродулы. — Проституція невольницъ при храмахъ. — Коринѣъ и Эриксъ. — Ксенофонтъ и промышленное рабство. — IV. Освобожденіе рабовъ. — Выкупъ съ помощью *peculium'a* — Безплатное освобожденіе съ религіозной подкладкой. — Освобожденіе по приказу правительства. — Освобожденіе черезъ военную службу. — Гражданское положеніе вольноотпущенника. — V. Аристотель и рабство. — По мнѣнію Аристотеля рабство необходимо и справедливо. — Двусмысленное сужденіе Платона.

I. Численное отношеніе рабовъ къ свободнымъ гражданамъ въ Греціи.

Не разъ, въ нашихъ странствіяхъ по' различнымъ странамъ съ цѣлью изученія происхожденія и эволюціи различныхъ видовъ человѣческой дѣятельности, мы чувствовали нѣчто вродѣ облегченія, когда попадали въ древнюю Грецію. Въ этой избранной странѣ человѣкъ часто оказывался болѣе человѣкомъ, — мы хотимъ сказать, болѣе человѣчнымъ, — чѣмъ гдѣ бы то ни было; и, переходя отъ другихъ народовъ къ эллинамъ, мы не разъ испытывали впечатлѣніе крупнаго шага впередъ, быстрого и внезапнаго подъема по лѣстницѣ прогресса. Но — намъ не разъ уже приходилось констатировать этотъ фактъ — всѣ первоисточники грубы и всѣ стбятъ другъ друга; высшія расы въ началѣ своей эволюціи прозябали на уровнѣ развитія низшихъ расъ, подобно тому, какъ взрослый человѣкъ неминусемо долженъ пройти черезъ дѣтство.

Притомъ же, какъ бы высоко ни была одарена извѣстная раса, нравственный прогрессъ ея идетъ неровнымъ ходомъ; ускоряясь

съ одной стороны, онъ нерѣдко замедляется съ другой; знаменитое выраженіе Паскаля: „ангелъ и звѣрь“ специально относится къ высшимъ расамъ. — Наконецъ, у народовъ, какъ и у отдѣльныхъ индивидуумовъ, нравственное развитіе можетъ значительно отстать въ сравненіи съ умственными; а блескомъ цивилизаціи народы обязаны именно этому послѣднему.

Эти размышленія могутъ быть отъ слова до слова отнесены къ Греціи, по крайней мѣрѣ въ томъ, что касается рабства. Въ благороднѣйшихъ греческихъ городахъ рабство выражалось въ самой варварской формѣ, а величайшіе греческіе философы не задумывались оправдывать практику теоріей. Вся организація греческихъ городовъ держалась на рабствѣ; даже въ Аѣнахъ и притомъ въ самыя демократическія эпохи, общество было рабовладѣльческимъ и олигархическимъ. Граждане всѣхъ сословій въ сущности составляли ничтожное меньшинство, управляющее относительно огромной массой населенія, лишеннаго политическихъ правъ; это большинство, находящееся въ зависимости отъ меньшинства, состояло изъ рабовъ и чужеземцевъ, постоянно живущихъ въ городѣ *метэкогахъ*, о которыхъ мы будемъ говорить въ слѣдующей главѣ; ибо эти сословія были поработаны, хотя и въ различной степени, и несли на себѣ все бремя общественнаго труда ¹⁾. Наиболѣе тяжкая часть этого бремени приходилась на долю рабовъ; зато общее количество несвободнаго населенія въ Греціи достигало цифры, которая, съ перваго взгляда, можетъ показаться невѣроятной.

Во всѣхъ мелкихъ греческихъ республикахъ количество рабовъ, въ сравненіи съ количествомъ свободныхъ гражданъ, было чрезвычайно велико, по крайней мѣрѣ въ историческую эпоху. — На о-въ Хиосъ, по расчету, сдѣланному Фукидидомъ, было 210,000 рабовъ ²⁾. Въ Спартѣ насчитывалось только 4,000 равноправныхъ гражданъ (*бюою*), составляющихъ собственно спартанскій народъ ³⁾; если прибавить къ этому женщинъ и дѣтей, свободное населеніе можно считать въ 30,000 человекъ всѣхъ половъ и возрастовъ. Эти 30,000 эксплуатировали 220,000 илотовъ ⁴⁾. Въ военное время, граждане Спарты, въ подмогу къ своимъ небольшимъ отрядамъ, составляли войска изъ илотовъ, пропорціонально общему количеству несвободнаго населенія; такъ, въ битвѣ при Платей спартанская армія состояла изъ 5,000 спартанцевъ и 35,000 илотовъ; т. е. на одного свободного гражданина приходилось семь рабовъ ⁵⁾. Также огромно было количество несвободнаго

¹⁾ Schoemann, *Antiquités grecques*, I, 397. ²⁾ Wallon, I, 333.—Thucydide, VIII, 40.

³⁾ Xénophon, *Helléniques*, liv. III, ch. 3. ⁴⁾ Wallon, *loc. cit.* I, note, 9. ⁵⁾ Hérodote, IX, 10—28.

населенія въ Аттікѣ; здѣсь насчитывалось около 365,000 рабовъ на 90,000 свободныхъ людей, т. е. четыре раба на одного господина ¹⁾. По Атенею, въ общемъ, населеніе Аттіки. въ 309 г. до Р. Х., состояло изъ 21,000 гражданъ, 400,000 рабовъ и 10,000 метэковъ, къ которымъ мы еще возвратимся ²⁾. Не было такой бѣдной семьи свободного гражданина, которая бы не имѣла рабовъ; богачи владѣли сотнями; наиболѣе скромные довольствовались двумя, по своимъ годамъ способными къ службѣ; это ужъ было самое меньшее ³⁾. Было принято, чтобы, при выходѣ господина изъ дому, за нимъ слѣдовало, по меньшей мѣрѣ, одинъ рабъ и самое большее — три ⁴⁾. По мнѣнію Платона, порядочный домъ не могъ обойтись менѣе, чѣмъ съ 50 рабами ⁵⁾. Аристотель имѣлъ 13 взрослыхъ рабовъ плюсъ ихъ дѣти ⁶⁾. Но нерѣдко число домашнихъ рабовъ значительно превышало эти цифры. Филоменидъ имѣлъ 300 рабовъ; Гиппоникъ—600; Никіасъ—1000 ⁷⁾; но рабы Никіаса работали въ рудникахъ и вообще значительное количество держали только люди, занимавшіеся различными промышленными предпріятіями; впрочемъ, къ этому мы еще вернемся впоследствии.

Собственность въ Аттікѣ долгое время дробилась на мелкія доли. Средняя цифра годового дохода гражданина не превышала 20—30 минъ; имѣніе, стоившее отъ одного до трехъ талантовъ, считалось уже крупною собственностью; а между тѣмъ участки земли, стоимостью пять талантовъ заключали въ себѣ всего 300 *плетровъ*, т. е. 28 гектаровъ, 58 центіаровъ ⁸⁾. Капиталь въ одиннадцать талантовъ считался уже многимъ больше средняго, и наслѣдство въ 15 талантовъ, полученное Демосѣномъ, являлось цѣлымъ состояніемъ; о владѣльцѣ 30 талантовъ и говорить нечего: это былъ крупный капиталистъ. Впрочемъ капиталы Никіаса и Калліаса доходили до 100 и 200 талантовъ ⁹⁾; но такія исключительныя состоянія обыкновенно создавались промышленностью, о чемъ мы скажемъ ниже.

II. Источники рабства въ Греціи.

Причины, въслѣдствіе которыхъ несвободное населеніе въ Греціи возрасло до такихъ необычайныхъ размѣровъ, различны, но главная изъ нихъ, какъ и вездѣ, война; это явленіе какъ бы составляетъ общій законъ. Правда, Геродотъ упоминаетъ объ отдаленной эпо-

¹⁾ Schoemann, *Antiquités grecques*, I, 397. ²⁾ Athenée, *Deiposoph*, liv. VI. ³⁾ Wallon, *loc. cit.*, 244. ⁴⁾ *Ibid.*, *loc. cit.*, I, 236. ⁵⁾ Diogène Laërce, V, 1, 9. ⁶⁾ *Republique*, IX. ⁷⁾ Moreau Christophe, *loc. cit.*, 153. ⁸⁾ Wallon, *loc. cit.*, 270. ⁹⁾ H. Wallon, I, note 29.

хъ, когда греки еще не знали рабства, когда молодые люди обоого пола сами носили воду ¹⁾. Атпей также утверждаетъ, что въ первыя времена существованія Греціи въ ней не было рабовъ, а молодые служили старымъ ²⁾. Это преданіе подразумѣваетъ, конечно, доисторическую эпоху, вѣкъ общинныхъ клановъ первобытной Эллады. Въ Греціи время Гомера мы видимъ уже совсемъ другое; война безпрестанно доставляетъ новыхъ и новыхъ рабовъ, въ особенности женскаго пола. Герон Иліады на войнѣ обнаруживаютъ большую свирѣпость; они безъ милосердія избиваютъ побѣжденныхъ, жгутъ города. Если иногда плѣннымъ и оставляютъ жизнь, то лишь для того, чтобы впослѣдствіи принести ихъ въ жертву богамъ; такъ, Ахиллъ принесъ двѣнадцать троянцевъ въ жертву манамъ Патрокла ³⁾. Но дѣтей и женщинъ перѣдко щадили. Дѣти, воспитанныя въ неволѣ, могли превратиться со временемъ въ ловкихъ и умѣлыхъ рабовъ. Женщины были не опасны по причинѣ своей слабости; ихъ обращали въ служанокъ. Вотъ въ какихъ выраженіяхъ рисуетъ Гекторъ своей женѣ Андромахѣ судьбу, ожидающую ее въ случаѣ взятія Трои:

«... Не страшатъ меня столько страданія прочихъ троянцевъ, даже Гекубы самой и отца скиптоносца Пріама, Бѣдствія братьевъ родныхъ, что большою толпой и отважной Все же полагаютъ во прахъ подъ руками мужей супостатовъ, Сколько твои, Андромаха. Въ тотъ день мѣднобронный ахеецъ, Льющую слезы, тебя уведетъ и похититъ свободу. Будешь ты въ Аргосѣ ткать, подъ надзоромъ жены чужеземной, Будешь тамъ воду носить изъ Мессеиса плъ Гиперей, Нехотя сильно, но все же нужда роковая заставитъ» ⁴⁾.

Точно такъ же жена Мелеагра, умоляя мужа отразить куретовъ, которые уже взбираются на крѣпостные валы, перечисляетъ ему—

... веѣ напасти,
Что угрожаютъ народу, чей приступомъ городъ берется:
Мужи убиты оружіемъ; дома превращаются въ пепель,
Дѣти уводятся въ плѣнъ, также пышноодѣтыя жены ⁵⁾.

Не воспрещалось побѣдителямъ убивать и дѣтей. Въ своемъ плачѣ надъ останками Гектора Андромаха слѣдующимъ образомъ описываетъ участь, ожидающую троянцевъ:

«... Погибнетъ священная Троя,
Ибо погибъ нашъ блюститель, хранившій твердыню троянцевъ.
И защищавшій ихъ женъ дорогихъ и дѣтей малолѣтнихъ.
Вскорѣ ихъ въ плѣнъ повезутъ на глубокихъ судахъ мореходныхъ,
Буду и я между ними. И ты, нашъ малютка, со мною
Въ землю послѣдуешь вражью, гдѣ ждетъ меня трудъ недостойный,
И угождать поневолѣ жестокому буду владыкѣ.
Или, за руку схвативъ, тебя съ башни ахеецъ низринетъ,
Смерти жестокой подвергнетъ»...

¹⁾ Herodote, VI, 137. ²⁾ Monard, *Morale*, 240. ³⁾ Иліада, пѣнь XXI, XXIII.
⁴⁾ *Иліада*, пѣнь VI (пер. Гнѣдича). ⁵⁾ Иліада, IX.

Юныхъ плѣнницъ побѣдители нерѣдко дѣлали своими наложниками; ихъ главнымъ образомъ съ этой цѣлью и оставляли въ живыхъ, но кромѣ того пользовались ими, какъ мѣновой цѣнностью. Агамемнонъ, въ надеждѣ утишить гнѣвъ Ахилла, между прочими дарами, предлагаетъ ему красивыхъ плѣнницъ; вотъ что говоритъ о нихъ Одиссей:

«Семь оны даетъ тебѣ женъ, безупречно искусныхъ работницъ,
Семь лесбиянокъ, всѣхъ женщинъ красивой далеко превзошедшихъ,
Избранныхъ имъ, когда ты покорилъ намъ Лесбосъ населенный»¹⁾.

Проходя черезъ Лемнось, греки, „густовласые ахеяне“, запасались виномъ, вымѣнивая его на мѣдь, желѣзо, быковъ, бычачьи кожи и на рабынь²⁾. Лаэртъ купилъ „юную, цѣломудренную и разумную Эвриклею“ и заплатилъ за нее очень дорого, вымѣниавъ ее на двадцать быковъ, но не сдѣлалъ ее своей наложницей, чтобы не возбудить ревности въ царцѣ, своей супругѣ³⁾. Должно быть немногіе обладали сдержанностью Лаэрта, ибо Гомеръ сообщаетъ намъ, что сыновья рабыни и свободаго челоуѣка наслаждавали состояніе отца⁴⁾. Мать оставалась невольницей и переходила по наслѣдству вмѣстѣ съ прочимъ имуществомъ⁵⁾.

Греки долгое время почти не дѣлали разницы между войной и разбойничествомъ. Самъ Несторъ, почтенный старецъ Несторъ, преспокойно спрашиваетъ у Телемака:

«Кто жъ вы, скажите? Откуда къ намъ прибыли влажной дорогой?
Дѣло ль какое у васъ? Иль безъ дѣла скитааетесь всюду,
Взадъ и впередъ по морямъ, какъ добычники вольные, мчая,
Жизнью играя своей и бѣды приключая народамъ?»⁶⁾.

Солонъ заботился о поддержаніи въ Аѣнахъ разбойничьихъ коллегій и ассоціацій⁷⁾. Фукидидъ объявляетъ, что „въ старину занятіе разбоемъ вовсе не безчестило челоуѣка; наоборотъ, пиратъ могъ покрыть себя славой“⁸⁾. Пираты похищали иноземцевъ, въ особенности женщинъ и дѣтей и затѣмъ продавали ихъ, т. е. въ сущности дѣлали то же, что и воины; греки неизмѣнно держались этого воинскаго обычая во весь первый періодъ своей исторіи. Послѣ взятія Тира и избіенія его защитниковъ, Александръ Великій приказалъ повѣсить всѣхъ юношей, а дѣтей и женщинъ продать съ аукціона⁹⁾. Точно такъ же поступили аѣняне послѣ взятія Мелоса¹⁰⁾. Во время мидійской войны, тѣ же аѣняне, предводительствуемые Мильтіадомъ, взяли городъ Эпонъ и продали въ рабство его обитателей¹¹⁾; такая же участь постигла населеніе Олинта¹²⁾.

¹⁾ Илиада, XXIV. ²⁾ Илиада, IX. ³⁾ Илиада, VII. ⁴⁾ Одиссея, I. ⁵⁾ Одиссея, XIV. Одиссея, I. ⁶⁾ Одиссея, III. ⁷⁾ *Institutes de Gaius*. ⁸⁾ Thucydide, I ch. V, § 3. ⁹⁾ Diodore, liv. XVIII, § 46. ¹⁰⁾ *Ibid.*, XII, § 90. ¹¹⁾ Thucydide, liv. § I, 88. ¹²⁾ Diodore, XVI, 53—55.

И такъ, главными средствами добыванія рабовъ были война и разбойничество, мы говоримъ главными, но не единственными. Въ Греціи долго терпѣли продажу дѣтей родителями и подкидышаніе ихъ. Свободный человѣкъ, не имѣя средствъ къ жизни, могъ по доброй волѣ продаться въ кабалу¹⁾. До реформы Солона, несостоятельный должникъ, по закону, становился рабомъ; множество рабовъ за долги были проданы кредиторами за предѣлы Аттики, и значительная часть низшаго сословія перешла въ собственность эвпатридовъ. Суды, съ своей стороны, способствовали пополненію класса рабовъ, ибо нѣкоторыя преступленія влекли за собой лишеніе свободы²⁾. Религія также способствовала этому: убійцы, мучимые угрызениями совѣсти, сами продавались въ рабство ради искупленія своей вины. Аполлонъ первый подаль тому примѣръ, поступивъ въ услуженіе къ Адмету, послѣ убійства Писсона³⁾. Былъ и еще одинъ, довольно оригинальный источникъ рабства: безнадежные больные, въ случаѣ выздоровленія, становились рабами вылѣчившаго ихъ врача⁴⁾.

Но всѣ эти обращенные въ рабство преступники, рабы за долги и рабы, искупавшіе рабствомъ свою вину, по велѣнію нравственнаго или религіознаго долга, немного пополняли контингентъ несвободнаго населенія. Главными источниками пополненія были, во-первыхъ, естественный приростъ населенія, во-вторыхъ, война и разбойничество. Плѣнники, проданные съ молотка, иноземцы, похищенные пиратами, поступали на городскіе рынки, гдѣ всякій гражданинъ легко могъ запасться рабами. Отсюда обширная торговля, сосредоточивавшаяся въ нѣсколькихъ крупныхъ центрахъ. Изъ нихъ наиболѣе славился Делосъ, гдѣ всякаго рода живой товаръ краденый или похищенный, легко находилъ себѣ сбытъ. Въ Делосѣ иногда въ одинъ день продавали по нѣскольку десятковъ тысячъ рабовъ. Быстрота торговыхъ оборотовъ нашла себѣ выраженіе въ извѣстной греческой поговоркѣ: «спѣши, купецъ, причаливай, выгружай, все уже продано»⁵⁾. Кромѣ того, въ каждомъ изъ главныхъ городовъ Греціи былъ свой невольничій рынокъ. Въ Афинахъ онъ помѣщался подъ открытымъ небомъ и носилъ названіе *периболла*. Купцы охотно показывали свой товаръ, а покупщики добросовѣстно осматривали его, искали недостатковъ, подвергали невольниковъ самому тщательному изслѣдованію. Раба поворачивали во всѣ стороны, щупали, осматривали его ноги, руки, зубы; заставляли его ходить, бѣгать; требовали отъ продавца гарантій, на случай, если у раба окажется

¹⁾ Plutarque, *Solon*, 13. ²⁾ Plutarque, *Solon*, 13. *Du péril des dettes*, 8. ³⁾ Schoemann, *loc. cit.*, 557. ⁴⁾ Wallon, *loc. cit.*, I, 79. ⁵⁾ Athénée, VII.

За отборныхъ рабовъ или красивыхъ дѣвушекъ платили гораздо больше. Такъ, Платонъ удостоился чести быть проданнымъ за 20 или 30 минъ, — обычная стоимость молодой и красивой куртизанки ¹⁾).

Какъ же вели себя свободные граждане по отношенію къ не-свободному населенію? Какое положеніе создали рабу законы и нравы? Все это намъ теперь и предстоитъ разсмотрѣть.

III. Положеніе раба въ Греціи.

Въ гомеровскихъ поэмахъ мы видимъ, что рабъ находится совершенно въ такой же зависимости отъ своего господина, какъ и военнопленные. Вотъ что говоритъ Телемакъ:

«Въ домѣ своемъ я одинъ повелитель; здѣсь мнѣ подобаетъ
Власть надъ рабами, для насъ Одиссеемъ добытыми въ битвахъ ²⁾».

По приказанію своего отца, Улисса, онъ преспокойно отправляется вѣнать, „какъ дроздовъ“, рабынь, виновныхъ въ непростительномъ преступленіи — въ томъ, что онѣ отдавались женихамъ Пенелопы ³⁾).

Гомеръ сообщаетъ намъ, что греки утилизировали рабовъ различными способами; рабы-мужчины исполняли иногда обязанности слугъ въ княжескихъ дворцахъ ⁴⁾). Они сопровождали своего господина въ морскихъ путешествіяхъ, въ качествѣ гребцовъ, даже ходили съ нимъ на войну ⁵⁾). Они же стерегли стада и оберегали ихъ отъ нападенія дикихъ звѣрей. Рабы дѣлають изгородь изъ терновника вокругъ сада стараго Лаэрта. Къ пожилымъ рабамъ относились иногда съ большимъ уваженіемъ. Въ Одиссеѣ старикъ Эвмей, глава свинопасовъ, именуется „божественнымъ“; Телемакъ считаетъ его своимъ другомъ ⁶⁾); Эвмей самъ имѣетъ раба и увѣряетъ Телемака, что еслибы Улиссъ былъ живъ, онъ непременно устроилъ бы его, далъ бы ему

«Все, что рабу за усердіе даетъ господинъ благодушный,
Поле и домъ, и хозяйку, которую по сердцу самъ онъ выбралъ» ⁷⁾).

По его мнѣнію именно такъ долженъ поступать добрый и милостивый господинъ.

Судя по гомеровскимъ поэмамъ, рабынями пользовались, главнымъ образомъ, для домашнихъ услугъ. Онѣ работали подъ надзоромъ и руководствомъ своихъ хозяекъ: пряли, ткали шерсть, мололи зерно на ручныхъ мельницахъ, или же ходили къ фон-

¹⁾ Diogène Laërce, *Pluton*, XLX. ²⁾ Одиссея, I. ³⁾ Одиссея, XXII. ⁴⁾ Одиссея, XV, XX, IV, XVIII. ⁵⁾ Одиссея, IV, VI, XVIII, XV. *Илиада*, XI. ⁶⁾ Schœmann, *loc. cit.*, 49. ⁷⁾ Одиссея, XIV.

ному по своему воспитанію¹, и не скрываетъ этого. По его мнѣнію, рабовъ легко пріучить къ повиновенію; „удовлетворяя ихъ прозорливостью, отъ нихъ многого можно добиться“; слова и разсужденія хороши только для свободныхъ людей²). А между тѣмъ греческіе рабы долгое время принадлежали къ цивилизованнымъ расамъ, иногда даже были единоплеменниками своихъ господъ. Безъ сомнѣнія это послѣднее обстоятельство и было причиной, заставлявшей аѳинянъ довольно мягко обращаться съ своими рабами.

Вступленіе въ домъ новопріобрѣтеннаго раба знаменовалось особымъ обрядомъ. Раба усаживали возлѣ очага или даже подводили къ домашнему алтарю, и хозяинъ или хозяйка дома осыпали его смоквами, финиками, орѣхами, пирожками и мелкими деньгами. По словамъ Демосфена, рабы въ Аѳинахъ пользовались большей свободой слова, чѣмъ граждане во многихъ другихъ государствахъ³). Лучше всего обращались съ рабомъ, „рожденнымъ въ домѣ“; его нерѣдко усыновляли; его титулъ „οἰχογενής“ фигурируетъ во многихъ актахъ выкупа, освобожденія подѣ видомъ продажи божеству⁴); нерѣдко рабовъ хоронили въ фамильномъ склепѣ господина⁵). У нихъ были свои особые праздники и мѣста на нѣкоторыхъ народныхъ празднествахъ⁶).

Въ богатыхъ домахъ рабы исполняли всѣ обязанности домашнихъ слугъ: сторожили у воротъ, содержали въ чистотѣ домъ, закупали провизію и готовили кушанье, составляли свиту господина при выходѣ; присматривали за женщинами, сопровождали своихъ господъ въ баню, на охоту, на войну и т. п.⁷). Они одѣвались такъ же, какъ и свободные граждане, только брили голову⁸). Звали ихъ обыкновенно именемъ той страны, откуда они были родомъ; такъ въ прошломъ вѣкѣ французскіе сеньоры звали своихъ слугъ: „пикардіецъ, бургиньонецъ“ и т. п. Рабамъ запрещено было носить слишкомъ благородныя имена, какъ напримѣръ, Гармодій и Аристокитонъ. Точно такъ же было имъ запрещено посѣщать гимназій и палестры, гдѣ подвизались свободные граждане, и присутствовать на народныхъ собраніяхъ. Рабъ не могъ обращаться къ суду, но, будучи уполномоченъ своимъ господиномъ, могъ выступить въ качествѣ истца или защитника. При производствѣ слѣдствія по поводу преступленія, показанія раба имѣли значеніе только въ томъ случаѣ, если были вырваны пыткой⁹). Сбереженія раба (*peculium*) по праву принадлежали его господину, который нерѣдко и прибѣгалъ къ нимъ въ исключительныхъ

¹) Xénophon, *Economique*. ²) Schoemann, *loc. cit.*, 400. Wallon., I. 286. ³) H. Wallon, *loc. cit.*, I, 159. ⁴) *Ibid.*, 299. ⁵) 297. ⁶) *Ibid.*, 181. ⁷) Aristophane, *Les viseaux*. ⁸) Schoemann, *loc. cit.* I. 401.

если послѣдствіемъ пытки была смерть или увѣчье раба ¹⁾. Страннымъ и грубымъ средствомъ на мельницы или въ рудники. Понудительныя средства, къ которымъ имѣли право прибѣгать рабовладѣльцы, были жестоки и разнообразны: рабамъ *чесали бедра* кнутомъ или розгамъ; бѣглыхъ невольниковъ привязывали къ колесу и бичевали ²⁾. Имъ надѣвали цѣпи на ноги, кандалы на руки и желѣзный ошейникъ на шею; послѣ первой попытки къ бѣгству, ихъ клеймили раскаленнымъ желѣзомъ ³⁾.

Сицилійскіе рабовладѣльцы, ослѣвленные страстью къ наживѣ, возымѣли опасную мысль спекулировать склонностію къ воровству, подмѣченной ими въ своихъ рабахъ; они разбѣишли имъ разбойничать и грабить сосѣдей, а добычу присвоивали себѣ. Въ результатъ такая система способствовала образованію шаекъ воровъ и убійць, а затѣмъ и цѣлыхъ арій мятежниковъ ⁴⁾.

Изъ своихъ рабынь господа нерѣдко извлекали большія выгоды, заставляя ихъ заниматься проституціей; эллинская мораль не имѣла ничего возразить противъ этого; самъ добродѣтельный Солонъ покупалъ молодыхъ дѣвушекъ и основывалъ дома терпимости, — впрочемъ, имѣя въ виду нравственную цѣль: отвлечь юношей отъ еще худшихъ излишествъ. Рабъ стоялъ ниже закона и права; легко могло явиться желаніе поставить его и ниже нравственности ⁵⁾.

Впрочемъ, нѣкоторые благодѣтельныя постановленія закона смягчали эти грубыя черты правовъ. Такъ, рабъ, истязуемый своимъ господиномъ, имѣлъ право потребовать, чтобы его продали, и въ этомъ случаѣ судъ обязанъ былъ, по закону, назначить ему защитника ⁶⁾. Раба нельзя было казнить безъ суда. Если господинъ слишкомъ жестоко обращался съ нимъ, онъ могъ нести убѣжища въ храмъ у алтаря, въ священныхъ рощахъ. Одно прикосновеніе къ священнымъ предметамъ, къ повязкѣ, къ лавровому вѣнку Аполлона и т. п., могло защитить раба отъ гнѣва господина ⁷⁾.

До сихъ поръ мы говорили только о рабахъ частныхъ лицъ, но были и другаго рода рабы. Города владѣли общественными, а храмы священными или жреческими рабами, — точный переводъ слова *геродулы*. Геродулами назывались рабы, принесенные въ даръ божеству. Одни изъ нихъ служили въ самомъ храмѣ, — ихъ можно приравнять къ домашнимъ рабамъ частныхъ лицъ; другіе состояли на положеніи колоновъ или сервовъ, платили оброкъ или исправляли разныя повинности. Такіе геродулы-сервы просто на просто воздѣлывали земли, принадлежащія храму, и платили

¹⁾ Du-Boys, *loc. cit.*, 162. ²⁾ Ibid., *loc. cit.*, 179. ³⁾ H. Wallon, *loc. cit.*, I. 415.

⁴⁾ Diodore, *Fragments*, liv. XXIV, XXXV. ⁵⁾ Moreau Cristophe, *loc. cit.*, 116—118.

⁶⁾ H. Wallon, *loc. cit.*, I. 314. ⁷⁾ H. Wallon, *loc. cit.*, I. 310—311.

аренду¹⁾. Въ древней Греціи иногда все населеніе покоренной области или города посвящали, т. е. отдавали въ рабство богамъ, и всего чаще наиболѣе любимому изъ боговъ, Аполлону дельфійскому. Въ послѣдствіи стали довольствоваться тѣмъ, что удѣляли богамъ десятую часть всего имущества, кромѣ людей²⁾. Порою какой-нибудь городъ, въ годину тяжелой напасти, уступая порыву набожности и страха, посвящаль тому или другому божеству десятую часть своихъ гражданъ. При такихъ массовыхъ посвященіяхъ, божеству доставалась цѣлая толпа рабовъ, которыхъ оно не всегда могло и должно было утилизировать исключительно въ своихъ храмахъ и церковныхъ имѣніяхъ; въ такомъ случаѣ ихъ отправляли куда-нибудь въ качествѣ колонновъ, поселенцевъ, при чемъ, конечно, на нихъ налагались извѣстные обязательства. Такъ напримѣръ, магнеты, основавшіе при такихъ обстоятельствахъ колонію въ Азіи, должны были давать пріютъ пріѣзжающимъ туда жителямъ Дельфъ, доставлять имъ соль, масло, укусы и пр.³⁾

Гіеродулы, служившіе въ самыхъ храмахъ, выполняли всѣ различныя функціи и работы, которыхъ требоваль культъ божества. Одни изъ нихъ носили и даже рубили дрова для жертвенныхъ костровъ; другіе вели жертву къ алтарю; третьи убивали, свѣжевали ее или разнимали на части. Иные фигурировали въ процессіяхъ, неся реликвіи, разливали вино, носили корзины и розы; при храмахъ были также свои пѣвцы и пѣвицы, флейтисты и трубачи, фигуранты. Ко всему этому персоналу нужно присоединить еще гіеродуловъ ремесленниковъ, скульпторовъ, архитекторовъ и т. д., сплоченныхъ въ корпораціи и состоящихъ на службѣ при храмахъ, т. е. скорѣе подлежащихъ повинностямъ, чѣмъ настоящихъ слугъ⁴⁾.

Въ нѣкоторыхъ храмахъ, въ особенности въ храмахъ Венеры, гіеродулы женскаго пола занимались освященной религіей проституціей и часть своего заработка клали въ сокровищницу храма. Проститутки при храмахъ древней Греціи занимали совершенно то же положеніе, что и баядеры при индійскихъ пагодахъ. Этотъ выгодный промыселъ — развратъ, прикрывающійся религіей — процвѣталъ, главнымъ образомъ, въ большихъ торговыхъ городахъ. Особенно славились въ этомъ отношеніи Коринѳъ и Эриксъ. Одинъ храмъ Венеры въ Коринѳѣ владѣль болѣе чѣмъ тысячей куртизанокъ, пожертвованныхъ усердіемъ различныхъ благодѣтелей мужскаго и женскаго пола; эти куртизанки привлекли въ городъ толпу мужчинъ и вводили ихъ въ большіе расходы, что было очень выгодно городу. Особенно разорялись

¹⁾ Schoemann, *Antiquites grecques*, t. II. 274. ²⁾ Ibid., 275. ³⁾ Athenée, liv. IV, ch. 74. ⁴⁾ Schoemann, *loc. cit.*, II. 497—498.

на эти благочестивыя удовольствія судовщики. Отсюда пословица: „Не всякому дано побывать въ Коринѣ“¹⁾.

Многіе, собираясь предпринять что нибудь важное, даютъ обѣтъ принести въ даръ храму своего города большее или меньшее количество куртизанокъ. Такъ, Ксенофонтъ эфесскій, отправляясь на Олимпійскія игры, обѣщаль, въ случаѣ, если онъ выйдетъ побѣдителемъ, привести толпу молодыхъ дѣвушекъ въ даръ мѣстной Венерѣ. Онъ въ точности исполнилъ обѣтъ, и Пиндаръ воспѣлъ это похвальное дѣяніе въ одной изъ своихъ одъ²⁾. Въ Коринѣ куртизанки при храмахъ пользовались чрезвычайнымъ уваженіемъ; въ торжественныхъ случаяхъ на нихъ даже возлагалось порученіе передать мольбы гражданъ богинѣ, которой онѣ такъ добросовѣстно служили³⁾.

Съ коринѣскимъ храмомъ соперничалъ храмъ Венеры въ городѣ Эриксѣ, въ Сициліи. Основаніе его приписывали миѣическому сыну самой Венеры; это достаточно свидѣтельствуетъ о его древности. Вотъ что рассказываетъ Діодоръ: „Проѣзжая черезъ Эриксѣ, римскіе консулы, сановники и полководцы считаютъ долгомъ почтить храмъ Венеры жертвами и приношеніями. Сложивъ съ себя важность, приличествующую ихъ сану, они весело принимаютъ участіе въ играхъ и собраніяхъ женщинъ, думая, что это единственное средство сдѣлаться угоднымъ богинѣ. Наконецъ, самъ римскій сенатъ, ревнуя о благолѣпномъ служеніи богинѣ, повелѣлъ семнадцати городамъ, вѣрнѣйшимъ въ Сициліи, поставлять золото въ храмъ ея, а къ священной оградѣ приставить стражу изъ двухсотъ солдатъ⁴⁾. Эти нравы сильно напоминаютъ нравы современной Японіи,— только въ Греціи они носили гораздо болѣе торжественный и главное религіозный характеръ; кромѣ того, именно по контрасту съ нашими нравами, они свидѣтельствуютъ о томъ, какой глубокой переворотъ произвело христіанство въ нашихъ нравственныхъ воззрѣніяхъ на все, что касается плоти.

Греческіе города также владѣли небольшимъ количествомъ священныхъ рабовъ, которые прислуживали при празднествахъ и общественныхъ жертвоприношеніяхъ, — и очень большимъ — рабовъ общественныхъ, выполнявшихъ различныя работы, которыя городъ находилъ для себя полезными, и служившихъ при городскихъ правленіяхъ. Одинъ аѳинскій писатель, Фалеасъ, выражаетъ желаніе, чтобы республика всѣ работы, безъ исключенія, возложила на общественныхъ рабовъ⁵⁾. На практикѣ дѣло не заходило такъ далеко, но все же въ Аѳинахъ было очень много общественныхъ рабовъ; прежде всего упомянемъ объ отрядѣ стрѣлковъ, состоявшемъ

¹⁾ Strabon. liv. VIII, ch. V. § 20. ²⁾ Athénée XIII. ³⁾ Ibid. ⁴⁾ Diodore, IV. § 83. ⁵⁾ Aristote, II, ch. V § 12—13.

IV. Освобожденіе.

Въ Греціи рабовъ нерѣдко отпускали на волю вслѣдствіе различныхъ причинъ и различными способами. Рабъ самъ могъ откупиться на волю, конечно съ согласія господина; для этого ему прежде всего необходимо было имѣть *residuum*, т. е. сбереженія, накопленные долгими годами послушанія, трудолюбія и бережливости: купленная имъ свобода являлась наградой за хорошее поведение ¹⁾.

Нерѣдко рабу давали свободу путемъ фиктивной продажи его какому-нибудь божеству, чаще всего Аполлону; иногда это дѣлалось безвозмездно, но чаще всего рабъ, какъ и въ первомъ случаѣ, покупалъ волю за наличныя деньги; вся разница была въ томъ, что его отдавали подъ покровительство божества, которое ручалось за дѣйствительность освобожденія. Многія надписи упоминаютъ о такого рода освобожденіяхъ, въ особенности объ освобожденіяхъ женщинъ ²⁾. Часто, впрочемъ, освобожденіе было неполное, и вольноотпущеницѣ вмѣнялось въ обязанность оставаться при бывшемъ своемъ господинѣ до самой его смерти ³⁾. Многіе отпускали своихъ рабовъ на волю по духовной. Если освобожденіе имѣло мѣсто при жизни господина, ему старались дать какъ можно больше огласки: приказывали глашатаю возвѣстить объ этомъ во всеуслышаніе; объявляли о томъ въ судахъ или въ храмахъ во время какого-нибудь празднества, дѣлали соотвѣтственную надпись на памятникѣ, или вносили раба въ общественные списки ⁴⁾.

Могло освободить раба и само государство. Указомъ, изданнымъ въ Афинахъ, обѣщана была свобода всякому рабу, который обнаружитъ обманъ въ торговлѣ ⁵⁾; но чаще всего свободу рабу давала военная служба. Въ принципѣ рабъ не могъ быть солдатомъ; его считали недостойнымъ поступить въ военную службу; но, на практикѣ, необходимость часто вынуждала вербовать рабовъ, и для соблюденія закона рекрутамъ изъ рабовъ давали свободу. Въ Спартѣ илотъ, зачисленный въ отрядъ гоплитовъ, становился свободнымъ ⁶⁾. Этнхъ солдатъ — вольноотпущениковъ было въ Спартѣ такъ много, что изъ нихъ образовалось даже особое сословіе *неодамодовъ* (*Neodamodeis*) ⁷⁾. Та же Спарта, во время первой мессенской войны понесла такой большой уронъ въ людяхъ, что многимъ родамъ грозила опасность угаснуть; для предотвращения этой опасности разрѣшены были свободные союзы илотовъ съ дочерьми или вдовами гражданъ, и утилизируемыя такимъ

¹⁾ Wallon, *loc. cit.*, I. 335. ²⁾ Wallon, *loc. cit.*, t. I, 337—339 et 477 (note 23).

³⁾ *Ibid.*, 330. ⁴⁾ *Ibid.*, 336—337. ⁵⁾ *Ibid.*, 352. ⁶⁾ Thucydide, V p. 34. § 65. (Рус. пер. Мищенко), Diodore, liv. XV. ⁷⁾ Schoemann, *loc. cit.*, t. I. p. 233.

образомъ илоты объявлены свободными¹⁾. Извѣстно, что въ Лакедемоніи государственныя соображенія всегда ставились впереди всѣхъ другихъ, въ особенности, когда дѣло касалось области полowychъ отношеній.

Получить свободу въ Греціи не значило сдѣлаться гражданиномъ. Вольноотпущенникъ, выйдя изъ состоянія рабства, поступалъ подъ двойную опеку — государства и своего бывшего господина; онъ становился *метэкомъ* и, слѣдовательно, подлежалъ всѣмъ податямъ и тяготамъ, угнетающимъ это сословіе. Его общественное положеніе было вначалѣ весьма неблестяще; онъ не имѣлъ права ни составить завѣщанія, ни принять закладной; съ теченіемъ времени онъ становился *изотелѣмъ*, т. е. платилъ налоги наравнѣ съ гражданами, но получить званіе полноправнаго гражданина онъ могъ только въ томъ случаѣ, если предложеніе о зачисленіи его въ граждане прошло большинствомъ голосовъ въ собраніи изъ шести тысячъ гражданъ. Кромѣ того, въ качествѣ *метэка*, вольноотпущенникъ нуждался въ патронѣ, и этимъ патрономъ естественно становился его бывший господинъ. Но выходѣ на волю, рабъ продолжалъ заниматься тѣмъ же ремесломъ или искусствомъ, какимъ занимался въ домѣ своего господина, и увеличивалъ собою число свободныхъ ремесленниковъ, конечно, если это былъ мужчина; женщины-вольноотпущенницы снискивали себѣ пропитаніе игрой на флейтѣ, становились куртизанками и т. д.²⁾. — Словомъ, большинство отпущенныхъ на волю рабовъ присоединялись къ сословію наемныхъ рабочихъ, пролетаріевъ, не имѣющихъ иныхъ средствъ къ жизни, кромѣ труда своихъ рукъ.

Зависимое положеніе вольноотпущенника, среднее между рабствомъ и свободой³⁾, созданное ему закономъ и нравами, вполне соответствуетъ возрѣніямъ эллиновъ, налагавшихъ, что рабскому состоянію неизбѣжно должно сопутствовать нравственное паденіе. Эта идея, въ глазахъ эллиновъ, извиняла, даже оправдывала всякую жестокость и несправедливость въ отношеніи рабовъ. Въ виду этого намъ не мѣшаетъ остановиться на ней, прежде чѣмъ закончить эту главу.

V. Аристотель и рабство.

Древніе считали рабство соціальной необходимостью. Гражданамъ, свободнымъ людямъ некогда было заниматься механическимъ трудомъ: у нихъ были другія дѣла и заботы.

¹⁾ Schoemann. *loc. cit.*, t. I. 235. ²⁾ Wallon, *loc. cit.* I, 346. ³⁾ Wallon, *loc. cit.* 346—347.

Нация неинтеллигентныя притѣсняють слабыхъ по врожденной грубости и не разсуждая. У расъ, умственно развитыхъ, до нѣкоторой степени уже воспитавшихъ въ себѣ нравственное чувство, протестующая совѣсть требуетъ, чтобъ её успокоили болѣе или менѣе живыми разсужденіями; а за этимъ дѣло не станеть. Возьмемъ ли мы народъ или индивидуума, если нравственное развитіе его не стоитъ на одномъ уровнѣ съ умственнымъ, умъ его всегда окажется покорнымъ слугою и адвокатомъ его инстинктовъ и желаній. Что касается рабства, то мы находимъ прекраснаго защитника этого неправаго дѣла въ лицѣ великаго Аристотеля.

Аристотель желалъ, чтобы весь механическій трудъ, или, по крайней мѣрѣ, наибольшая доля его была предоставлена населенію, стоящему внѣ политической жизни страны, и плохо отличаетъ рабочаго отъ раба. Греки были того мнѣнія, что всякая ручная работа притупляетъ умъ; у того, кто трудится изъ-за выгоды, изъ-за наживы, чувства становятся менѣе благородными, въ немъ развивается эгоизмъ ¹⁾. Притомъ же, какъ могли бы граждане выполнять свои гражданскія обязанности, еслибъ они не имѣли для этого достаточно свободнаго времени?.. По мнѣнію Аристотеля, есть рабы прирожденные, для которыхъ рабское состояніе — наилучшее. „Всѣ существа, столь же отличныя отъ насъ, какъ тѣло отъ души, какъ животное отъ человѣка (а таковы всѣ тѣ, которые предназначены пользоваться исключительно своими тѣлесными силами, не имѣя возможности дѣлать что-либо лучшее), всѣ эти существа — рабы по природѣ... дабы и домашнія животныя служить намъ только своими тѣлесными силами. Природѣ угодно было даже тѣлосложеніемъ отличить свободныхъ людей отъ рабовъ. Однихъ она одарила силой, соотвѣтствующей ихъ назначенію; другихъ — гордой осанкой и статнымъ ростомъ, дѣлающимъ ихъ мало пригодными для подобныхъ грубыхъ работъ... Очевидно, что (между людьми) одни суть существа, свободныя по природѣ, другіе — по природѣ рабы, коимъ полезно и справедливо пребывать въ рабскомъ подчиненіи“ ²⁾.

Въ своемъ *Поученіи Никомасу*, Аристотель объявляетъ, что между свободнымъ человѣкомъ и рабомъ не можетъ быть дружбы, какъ не можетъ ея быть между человѣкомъ и лошадью или быкомъ. „Между этими существами нѣтъ ничего общаго; рабъ не что иное, какъ одушевленное орудіе; орудіе — неодушевленный рабъ“. А такъ какъ, въ другомъ мѣстѣ, онъ объявляетъ, что законы необходимы

¹⁾ Aristote, *Politique*, liv. III ch. 3 § 2 и 3. ²⁾ Aristote. *Politique*, liv I, § 13, 14, 15 (trad. B. Saint-Hilaire). (Рус. пер.).

только для людей, равныхъ по рожденію и способностямъ¹⁾, изъ этого можно заключить, что, по его мнѣнію, рабъ стоитъ ниже закона, какъ человѣкъ высшаго класса стоитъ выше его.

Платонъ, новидимому, не знаетъ хорошенько, въ какомъ смыслѣ ему высказаться. „Судить о рабствѣ очень затруднительно во всѣхъ отношеніяхъ. Доводы, которые приводятъ въ его пользу, хороши въ одномъ смыслѣ и плохи въ другомъ, ибо они одновременно доказываютъ, что и хорошо и опасно владѣть рабами“²⁾. Платонъ желаетъ, чтобы греки щадили, по крайней мѣрѣ, своихъ соотечественниковъ и не обращали въ рабство плѣнныхъ, добытыхъ во время междоусобныхъ войнъ городовъ³⁾. Въ его идеальной республикѣ мѣсто и званіе cadaго обусловливается не рожденіемъ, но личнымъ достоинствомъ, или, — употребляя его излюбленную метафору, — качествомъ металла, изъ котораго сдѣланъ этотъ человѣкъ. Если пахарь обладаетъ душой золотой или серебряной, пусть его возвысятъ до званія воина, или судьи; тѣ же, чьи души состоятъ изъ желѣза и мѣди, будь они даже сынами судей, должны вступитъ въ ряды ремесленниковъ и пахарей⁴⁾.

Но республика Платона — мечта, утопія; на нравы эллиновъ она не имѣла ровно никакого вліянія; что же касается практики рабства, то Греція не уступала въ варварствѣ другимъ государствамъ древности.

¹⁾ Ibid. VIII, § 2. —) Platon, Lois. VI. (Рус. пер.). ³⁾ Republique, V. (Рус. пер.). ⁴⁾ Republique, III, IX.

ГЛАВА XV.

Рабство въ Греціи. (Продолженіе).

I. Кръпостное право. — Сервъ земледѣлецъ и домашній рабъ. — Кръпостное право, какъ результатъ покоренія страны. — Кръпостное право на островѣ Критѣ. — Илоты въ Спартѣ. — Ихъ общественное и легальное положеніе. — Численное отношеніе илотовъ къ свободнымъ гражданамъ. — Ихъ освобожденіе путемъ военной службы. — Аѣинскіе *веты*, наемные рабочіе. — *II. Періэки и метэки.* — Происхожденіе спартанскихъ періэковъ. — Они несутъ повинности и лишены политическихъ правъ. — Періэки — рабочіе и наемники. — Метэки въ Атикѣ. — Ихъ положеніе. — Изотэлія метэковъ. — *III. Ремесленники.* — Въ Греціи время Гомера ремесленный трудъ былъ въ почётѣ. — Презрѣніе къ труду въ послѣдующій періодъ. — Теорія Аристотеля. — Солонъ пытается произвести реакцію. — Аѣинскіе пролетаріи. — Ремесленные цехи. — Пролетаріатъ въ Аѣинахъ въ сравненіи съ нашимъ. — *IV. Греческій индустриализмъ.* — Свободные руки на рынкѣ. — Мастерскія въ Аѣинахъ. — Наемные рабы-ремесленники. Рабочіе въ рудникахъ. Ксенофонтъ и эксплуатація рудниковъ государствомъ. — Тяжкій трудъ рудокопа въ древности. — *Каруси* въ сѣрныхъ рудникахъ Сициліи. — Эксплуатація промышленнаго труда въ Аѣинахъ. — Плутократія и презрѣніе къ труду. — Плутократическія воззрѣнія Аристотеля. Жалкое положеніе аѣинскихъ наемныхъ рабочихъ, описанное Аристофаномъ. — Погоня за наживой ведетъ къ деморализаціи. — *V. Женскій трудъ.* — Сравнительно завидное положеніе женщинъ. — Ихъ невѣжество и ранніе браки. Идеаль хозяйки по Ксенофону. — *Пряденіе.* — Мужчина — «собака, стерегущая овецъ». — *VI. Эволюція рабства и ея послѣдствія.* — Переходъ отъ домашняго рабства къ рабству промышленному и къ платному труду. — Его соціальныя и политическія послѣдствія.

I. Кръпостное право.

У всѣхъ народовъ и расъ, до сихъ поръ изученныхъ нами, рабство на нашихъ глазахъ смягчалось и мѣняло форму, по мѣрѣ того, какъ прогрессировала и укоренялась цивилизація; и сущность этой переменны вездѣ одна и та же: мало-по-малу самую личность раба перестаютъ притѣснять и довольствуются тѣмъ, что эксплуатируютъ его трудъ, пользуясь плодами этого труда въ большемъ или меньшемъ размѣрѣ; въ итогѣ, рабъ становится сервомъ. Всего выгоднѣе отзывается эта переменна на рабѣ земледѣльческомъ; въ концѣ концовъ получается огромная разница между его положеніемъ и положеніемъ раба домашняго. Этотъ послѣдній, вѣчно находясь на глазахъ господина, пользуется всѣми преимуществами и долженъ терпѣть всѣ невыгоды такого сосѣдства; его балуютъ или тиранятъ, смотря по настроенію; но всегда

онъ находится въ большей зависимости отъ господина, чѣмъ рабъ земледѣльческій; всегда первобытная стадія рабства длится для него дольше и медленнѣе смѣняется новою стадіей.

Въ Греціи, какъ и въ другихъ странахъ, рабство значительно предшествовало крѣпостному праву. Нерѣдко къ нему прибѣгаютъ завоеватели, которые, погоривъ какую-нибудь страну, желаютъ сразу поработить ея населеніе. Никакихъ слѣдовъ его мы не находимъ у Гомера, да и вообще въ древней Греціи, до завоеванія Пелопоннеса дорійцами и Беотіи ѳессалійцами. Беотійцы сами предложили ѳессалійцамъ, что они поступятъ къ нимъ въ подданство въ качествѣ сервовъ, но на опредѣленныхъ условіяхъ; они требовали, чтобъ ихъ не смѣли продавать на вывозъ изъ *Арнайи*, чтобы никто не имѣлъ надъ ними права жизни и смерти; взаменъ этого, они обязывались воздѣлывать землю и платить ежегодную дань продуктами земледѣлія; они получили названіе *пейсестовъ*¹⁾. Нерѣдко свободные люди становились крѣпостными по доброй волѣ, какъ въ данномъ случаѣ; обыкновенно, крѣпостная зависимость являлась результатомъ покоренія; такъ жители Мегары обратили въ крѣпостное состояніе маріандиинцевъ (*Mariandyniens*)²⁾.— Точно такъ же, послѣ покоренія Крита, дорійцы обратили его жителей въ сервовъ, прикрѣпленныхъ къ землѣ, и раздѣлили ихъ на двѣ категоріи: *клароты* или *афаніоты*, обрабатывающіе земли частныхъ лицъ, и *мноиты* прикрѣпленные къ государственнымъ имѣніямъ, доставлявшимъ, между прочимъ, и средства для общей трапезы. *Кларотамъ* и *мноитамъ* не дозволялось носить оружія; имъ запрещены были даже гимнастика и вонзекія упражненія, которыя могли сдѣлать ихъ опасными³⁾. Побѣдители поработили, приручили побѣжденныхъ, но не забывали, что имѣютъ дѣло съ бывшими врагами, и заботились о томъ, чтобы они оставались ручными. „Своимъ кошемъ я пашу землю, жну и собираю виноградъ“, говорится въ старинной критской пѣснѣ⁴⁾.

Также удобно устроились и спартанцы; они тоже убирали хлѣбъ и виноградъ съ помощью коній. Впрочемъ, спартанцы не сразу поработили покоренные народы. По словамъ Страбона, побѣдители вначалѣ довольствовались тѣмъ, что туземцы признавали надъ собой ихъ владычество и даже наградили ихъ *изотиміей* — равенствомъ правъ. Впоследствии Агисъ, сынъ Эврисоена, отнялъ у нихъ изотимію и заставлялъ ихъ платить ему дань; но жители Гелоса возстали, были побѣждены и обращены въ подданническое состояніе, которому они дали свое имя; они сдѣлались *илотами*, общественными рабами, обязанными имѣть

¹⁾ Athenée, VI. ²⁾ Strabon, liv. XII, ch. II, par. 4. ³⁾ Schoemann, *loc. cit.* t. I 343, 346. ⁴⁾ Athenée, XV (Cité par Wallon, t. I, 138).

опредѣленное мѣстожителство и обложенными различными повинностями ¹⁾. Страбонъ сообщаетъ намъ, что эти повинности заключались, главнымъ образомъ, въ обрабатываніи земель и помѣстій, принадлежавшихъ свободнымъ гражданамъ; эти послѣдніе однако же имѣли право взять себѣ только опредѣленную часть урожая натурою — виномъ, масломъ и ячменемъ; остальное по потреблялось самими илотами. Отсюда слѣдуетъ, что они могли владѣть собственностью. И дѣйствительно, когда Клеоменъ III пообѣщаль свободу всякому илоту, который внесетъ за себя выкупъ въ пять миъ (около 470 фр.), шесть тысячъ илотовъ оказались въ состояніи внести требуемую сумму. Спартанскій законъ и нравы разрѣшали гражданину, въ случаѣ необходимости, пользоваться сервами другого помѣщика, но ни продавать илотовъ, ни убивать ихъ не дозволялось, какъ не дозволялось и отпускать ихъ на волю: илотъ былъ на вѣки вѣчные прикрѣпленъ къ землѣ ²⁾.

Но запрещеніе убивать илотовъ относилось только къ частнымъ лицамъ, ибо въ государственныя соображенія вовсе не входило беречь ихъ жизнь. Были такіе дни въ году, когда юноши-спартанцы, чтобы пріучиться къ войнѣ, устраивали имъ засады, *криптейи*, (Плутархъ, *Ликургъ*, 58), такъ что въ эти дни ни одинъ илотъ не могъ выйти изъ дому вечеромъ, не рискуя жизнью; безъ сомнѣнія, къ этому же средству прибѣгали, когда замѣчали, что илоты слишкомъ размножились. Кромѣ того, они каждый годъ получали установленное количество ударовъ, — просто для того, чтобъ они помнили, что они рабы; они должны были одѣваться въ кожи животныхъ, носить на головѣ колпакъ изъ собачьей кожи; ихъ поощряли напиваться пьяными, съ добрымъ намѣреніемъ — для того, чтобы внушать спартанцамъ отвращеніе къ пьянству; имъ были запрещены пѣсни и пляски господъ ихъ, дорійцевъ ³⁾. По Аристотелю, илоты находились какъ бы на положеніи домашнихъ животныхъ; каждый могъ заставить ихъ служить себѣ, какъ будто они были его собственностью, поступали съ ними такъ же, какъ съ лошадьми, собаками и съѣстными припасами ⁴⁾. На каждомъ участкѣ земли, предоставленномъ въ пользованіе свободному гражданину, сидѣло семь семействъ илотовъ ⁵⁾. Послѣ завоеванія Мессеніи и обращенія въ состояніе илотовъ всѣхъ ея жителей, не принимавшихъ участія въ походѣ, число илотовъ достигло огромной цифры, въ сравненіи съ количествомъ свободнаго населенія; всего ихъ насчитывали болѣе 200,000 ⁶⁾; такъ что на одного

¹⁾ Strabon, liv. VIII, § 3, ch. V. (Рус. пер. О. Мищенко). ²⁾ Schoemann, *loc. cit.* t. I. 231. ³⁾ Wallon, *loc. cit.*, I, 108, 109, 114. ⁴⁾ *Politique*, Liv. II ch. II, par. 5. ⁵⁾ Schoemann, *loc. cit.*, 249. ⁶⁾ *Ibid.*, *loc. cit.*, 229—Strabon, VI, ch. III par. 2.

свободнаго гражданина приходилось, примѣрно, десять илотовъ¹⁾. Эта угрожающая пропорція была одной изъ круинныхъ внутреннихъ опасностей, съ которыми приходилось считаться Спартѣ. Правда, въ принципѣ, употребленіе оружія и воинское ремесло были запрещены илотамъ, но нерѣдко законъ склонялся передъ необходимостью. Илотовъ не возвышали до званія гоплитовъ; ими пользовались какъ оруженосцами, щитоносцами, прашниками, саперами. или же возлагали на нихъ обязанность заботиться о продовольствіи войскъ²⁾. Иногда, въ критическія минуты, ихъ даже подстрекали къ поступленію въ регулярное войско, обѣщая имъ свободу въ награду за храбрость³⁾. Во время пелопонесской войны, когда Спарта еще имѣла значительный флотъ, гребцы и матросы набирались изъ илотовъ⁴⁾: древніе брезгали морской службой. презирали её, безъ сомнѣнія потому, что суда шли, главнымъ образомъ, на веслахъ, а трудъ гребца считался унизительнымъ и годнымъ только для раба. Съ другой стороны, Спарта была такъ бѣдна свободными гражданами, что ей поневолѣ приходилось бречь ихъ; поэтому, когда дѣло шло о дальнемъ походѣ, граждане Спарты составляли только генеральный штабъ арміи; человекъ тридцать спартанцевъ сопутствовали полководцу въ качествѣ адъютантовъ, офицеровъ, вѣстниковъ, которыхъ посылали съ различными порученіями. Остальная часть экспедиціоннаго корпуса состояла изъ илотовъ, періэковъ и наемниковъ⁵⁾.

Слѣдуетъ замѣтить, что подобная организованная форма крѣпостнаго права въ древней Греціи представляла собой исключеніе. Ничего подобнаго мы не видимъ, напримѣръ, въ Атикѣ, которая, по крайней мѣрѣ, въ продолженіе перваго историческаго періода, не завоевывала никакихъ областей. Но для всѣхъ обществъ неизбѣжно необходимы такъ называемыя низкія занятія, и кто нибудь долженъ же взять ихъ на себя. Въ Аѳинахъ они, въ концѣ концовъ, сдѣлались удѣломъ многочисленныхъ рабовъ, по большей части иностраннаго происхожденія; но въ тотъ моментъ, когда Солоонъ вводилъ свои реформы, значительная часть ихъ приходилась на долю свободныхъ пролетаріевъ, сословія *θῆτες*, которые нанимались поденно и не имѣли земельного надѣла. До реформы Солона многіе изъ этихъ *θῆτες* были несостоятельными должниками, принужденными отрабатывать свой долгъ. Они воздѣлывали землю, но пять шестыхъ урожая отдавали кредиторамъ. Послѣ реформы изъ нихъ образовалось свободное сословіе низшаго разряда. Они даже не платили общественныхъ налоговъ, но тѣмъ не менѣе были избирателями и имѣли право голоса въ народныхъ собра-

¹⁾ Ibid., 236. ²⁾ Schoemann, I. 232. ³⁾ Xenophon, *Helleniques*, liv. VI, ch. V. ⁴⁾ Schoemann, *loc. cit.*, I. 232. ⁵⁾ Ibid., 326.

ніяхъ, которыя созывались для обсужденія общественныхъ дѣлъ и выбора членовъ городекого правленія. Подобно илотамъ въ Спартѣ, они служили не въ рядахъ голпитовъ, но въ легкой пѣхотѣ и во флотѣ ¹⁾. Они то и представляли собой пролетаріатъ древнихъ Аѳинъ.

II. Перізки и метзки.

Положеніе *этовъ* въ Аттикѣ, если оставить въ сторонѣ различіе въ названіяхъ, представляетъ немало общихъ чертъ съ положеніемъ *перізковъ* въ Лаконіи. Вначалѣ перізками назывались первобытные обитатели Лаконіи, ахеяне, побѣжденные и усмиреныя дорійцами. Завоеватели, по всей вѣроятности, отняли у нихъ имущество, но оставили имъ свободу и даже *изотимію* ²⁾, которую, впрочемъ, впоследствии также отняли. Тѣ изъ нихъ, которые не возстали противъ побѣдителей ³⁾, подобно обитателямъ Гелоса, не были обращены въ крѣпостное состояніе; они просто превратились въ наемниковъ, лишенныхъ всякихъ политическихъ правъ: они даже сохранили за собой нѣкоторые города, или, по крайней мѣрѣ, продолжали жить въ нихъ; впрочемъ, города эти были скорѣе убогими посадами. Другіе обрабатывали землю вокругъ дорійскихъ городовъ; отсюда и названіе ихъ. У нихъ были отняты все права свободныхъ людей; тѣмъ не менѣе ихъ брали въ солдаты и даже въ большомъ количествѣ. По Діодору, у Леонида, кромѣ 300 спартанцевъ, было еще 7,000 перізковъ ⁴⁾. Ихъ, по преимуществу, ставили на самые опасныя пункты, посылали на вѣрную гибель, обременяли тяжелыми трудами; эфоры имѣли право предавать ихъ смерти безъ всякаго суда ⁵⁾. Кромѣ того, съ нихъ взымались еще какіе-то поборы, но въ чемъ заключались эти поборы, мы не знаемъ ⁶⁾. Имъ безусловно былъ воспрещенъ доступъ не только въ городскія правленія, но даже и въ народныя собранія, что ставило ихъ гораздо ниже *этовъ* Аттики; они пользовались нѣкоторой независимостью только при рѣшеніи своихъ собственныхъ общинныхъ дѣлъ ⁷⁾. При всемъ томъ перізковъ не смѣшивали съ илотами и допускали ихъ къ участию въ олимпійскихъ играхъ ⁸⁾.

Во всякомъ обществѣ, классъ, политически свободный или почти свободный лично, но лишенный имущества, или недостаточно снабженный средствами къ жизни, волей неволей превращается въ сословіе наемныхъ рабочихъ, ибо у представителей его нѣтъ

¹⁾ Schoemann, *loc. cit.*, 378, 379. ²⁾ Отъ *ισοτιμία* — имѣющей одинаковое право на занятіе разныхъ должностей. ³⁾ Strabon, liv. VIII, ch. V, par. IV. ⁴⁾ Diodore, XI, liv., par. IV. ⁵⁾ Schoemann, I, 238. ⁶⁾ *Ibid.*, 241. ⁷⁾ *Ibid.*, 240. ⁸⁾ Wallon, *loc. cit.*, 102.

иново серьезнаго ресурса, кромѣ труда своихъ рукъ. Такъ и періэки часто занимались обрабатывать землю, или воздѣлывать еѣ въ свою пользу и платить оброкъ¹⁾; въ Спартѣ они, по большей части, были ремесленниками. Свободные граждане Спарты никогда не занимались ручнымъ трудомъ; они были подготовлены только къ войнѣ. Періэки, которые въ арміи были только союзниками, а во флотѣ гребцами²⁾, посвятили себя промышленности; сдѣлались каретниками, оружейниками, сапожниками, портными, рѣзчиками, артистами, торговцами и т. д.³⁾. Въ Спартѣ, какъ и въ Египтѣ, ремесленныя профессіи были наследственными; по крайней мѣрѣ Геродотъ утверждаетъ это относительно поваровъ и флейтистоу⁴⁾. — У дорійцевъ, жившихъ на островѣ Критѣ, были свои періэки, которыхъ не слѣдуетъ смѣшивать съ общественными и частными рабами, — *мноитами* и *афанотами*; точно такъ же, какъ и въ Лаконіи, періэки на Критѣ имѣли свои города⁵⁾. — Всѣ эти періэки, критскіе и лаконскіе, равно какъ и аонскіе *эты*, составляли въ цѣломъ такъ сказать разсадникъ наемныхъ рабочихъ.

Ночти на ряду съ періэками можно поставить еще другое слово, стоящее, какъ и они, между рабскимъ и свободнымъ, — аттическихъ *метэковъ*. Но *метэки* повидимому были, по большей части, торговцами и лавочниками. Большинство метэковъ были иностранцы, имѣющіе право постоянного жительства въ городѣ, но безъ права гражданства. Въ самыхъ Аоннахъ число ихъ, въ лучшія времена республики, доходило до 45,000. Метэкамъ не дозволялось ни пріобрѣтать собственность въ Атикѣ, ни жениться на горожанкахъ, ни обращаться къ суду. Каждый изъ нихъ обязанъ былъ избрать себѣ патрона изъ гражданъ, который и заступалъ его передъ судомъ⁶⁾; не имѣть патрона было очень рискованно; метэка могли преслѣдовать уголовнымъ судомъ и продать, какъ раба. Та же тяжкая кара постигала метэка, не унлатившаго своевременно особой, наложенной на него подати: двѣнадцать драхмъ съ мужчины и шесть — съ женщины; къ этому слѣдуетъ прибавить еще стоимость патента на право торговли, который обязанъ былъ имѣть всякій метэкъ, желающій открыть лавку⁷⁾; граждане могли торговать безъ патента. Все это ничуть не избавляло метэковъ отъ экстраординарныхъ налоговъ, равно какъ и отъ военной службы. Доступъ въ кавалерію былъ имъ закрытъ; но они несли службу въ войскѣ другихъ родовъ оружія и во флотѣ.

Случалось, что метэкъ оказывалъ городу важную услугу; въ награду, его избавляли отъ обязанности имѣть патрона, отъ особой подушной подати, которую платили метэки, разрѣшали ему

¹⁾ Schoemann, *loc. cit.*, I. 241. ²⁾ Ibid. 329. ³⁾ Ibid., 242. ⁴⁾ Herodote, VI, par. 60. Рус. пер. О. Мищенко. ⁵⁾ Herodote, 345. ⁶⁾ Schoemann, *loc. cit.*, 404. ⁷⁾ Ibid., 345.

приобрѣтать собственность; словомъ, награждали его *изотеліей*, въ силу которой онъ платилъ налоги на равныхъ правахъ съ гражданами, хотя и не имѣлъ еще правъ гражданина; да и самая изотелія могла быть дарована мегѣку не иначе, какъ по постановленію народнаго собранія¹⁾.

III. Ремесленники.

Итакъ, въ Аѣинахъ не было недостатка въ промышленномъ классѣ, въ людяхъ, зарабатывающихъ себѣ хлѣбъ ремесломъ, или мелкой торговлей; *веты* и *метэки* играли здѣсь совершенно ту же роль, что и *періэки* въ Лакедемоніи; несмотря на это, всѣ виды ручного труда не пользовались уваженіемъ въ Греціи, въ особенности за предѣлами Аѣинъ.

Это презрѣніе къ труду было сравнительно недавняго происхожденія; у Гомера мы не видимъ ничего подобнаго, безъ сомнѣнія потому, что въ его время рабство въ Греціи еще не имѣло большого развитія. Эллинскій политеизмъ не задумался даже включить въ число боговъ кузнеца Вулкана; но надо помнить, что во многихъ странахъ искусство ковать желѣзо пользовалось вначалѣ большимъ уваженіемъ, и еще въ наше время въ нѣкоторыхъ областяхъ средней Африки, кузнецы составляютъ аристократическую касту. Вообще муза Гомера не отдѣляетъ ремесленниковъ отъ воинствъ; она восхваляетъ искуснаго мастера, который изъ рога дикаго козла сѣмѣлъ сдѣлать знаменитый лукъ Пандара²⁾; она, безъ малѣйшей тѣни презрѣнія, упоминаетъ о токаряхъ, о строителяхъ. Сынъ Гармона, построившій Парисовы корабли, самолично сражается среди грековъ и падаетъ на полѣ чести. О щитѣ Ахилла, дѣйствиительно чудномъ произведеніи искусства, говорится, что онъ божественной работы. Одиссей, для того, чтобы Пенелопа признала его, напоминаетъ ей, какъ онъ самъ, своими руками, сдѣлалъ ихъ брачную кровать изъ ствола дикаго масличнаго дерева³⁾.

Но взгляды эти измѣнились вмѣстѣ съ политической эволюціей греческихъ городовъ. Геродотъ говоритъ, что греки, его современники, презираютъ трудъ и что онъ склоненъ былъ бы приписать это чувство вліянію египтянъ, еслибы оно не составляло также отличительной черты еракійцевъ, скиновъ, персовъ, лидійцевъ, вообще варваровъ. Онъ замѣчаетъ однако же, что презрѣніе къ ручному труду особенно присуще лакедемонянамъ⁴⁾, которые называютъ Гезіода „поэтомъ“ илотовъ“, за то что онъ

¹⁾ Schoemann, *loc. cit.*, 405. ²⁾ Илиада. V.— Одиссея. XXIII. ³⁾ Илиада, IV.
⁴⁾ Moreau Christophe, *loc. cit.*, 4.

воспѣвалъ земледѣліе и восхвалялъ тружениковъ ¹⁾. Одинъ спартанецъ, гостившій въ Аѳинахъ, попросилъ позволенія взглянуть, какъ на рѣдкую диковинку, на гражданина, посаженнаго въ тюрьму за праздность, т. е. за уклоненіе отъ работы: по его мнѣнію, въ свободномъ человѣкѣ такое поведеніе было вполне естественно ²⁾.

Аристотель, съ своей стороны, вполне одобряетъ поведеніе правительства, отказывающаго свободному рабочему въ званіи гражданина ³⁾. „Нѣкогда, говоритъ онъ, всѣ рабочіе были или рабами или иностранцами... Въ хорошо устроенномъ государствѣ ремесленникъ никогда не займетъ мѣста среди гражданъ. Званіе гражданина принадлежитъ только тѣмъ, кому нѣтъ надобности работать для того, чтобы жить“.

Въ своей „Республикѣ“ Платонъ проводитъ ту мысль, что трудиться не только постыдно, но и преступно. „Природа, говоритъ онъ, не создавала ни сапожниковъ ни кузнецовъ; подобныя занятія унижаютъ людей, которые предаются имъ, низкихъ наемниковъ, презрѣмыхъ существъ безъ имени, по состоянію своему лишенныхъ даже политическихъ правъ. Что касается купцовъ, привыкшихъ лгать и обманывать, ихъ можно терпѣть въ обществѣ только какъ необходимое зло. Гражданинъ, который унижится до торговли въ лавкѣ, долженъ быть отданъ подъ судъ. Если виновность его доказана, — онъ будетъ посаженъ на годъ въ тюрьму. За каждое повтореніе проступка, наказаніе удваивается“ ⁴⁾. Ксенофонтъ совершенно того же мнѣнія и приводитъ основанія этому: „Такъ называемыя механическія искусства безславны и не даромъ правительства ставятъ ихъ такъ низко. Люди, которые занимаются ими, и тѣ, которые изучаютъ ихъ и обречены оставаться все время въ сидячемъ положеніи, жить въ потемкахъ, иногда у постоянного огня, разрушаютъ свое здоровье, а когда тѣло истощено, развѣ душа способна къ сильному подъему духа? А главное, у нихъ нѣтъ времени сдѣлать что бы то ни было для друзей или для государства, такъ что эти люди считаются дурными друзьями и плохими защитниками отечества; вотъ почему въ нѣкоторыхъ республикахъ, главнымъ образомъ въ тѣхъ, которые приобрѣли себѣ воинскую славу, гражданамъ запрещено заниматься механическимъ трудомъ“ ⁵⁾.

Напротивъ, Солонъ пытался побороть этотъ предразсудокъ, столь распространенный и укоренившійся въ Греціи. Онъ издаетъ законы противъ праздности, противъ бродяжничества; наиболѣе искусному рабочему въ каждой профессіи онъ предоставляетъ

¹⁾ Plutarque, Apopht. Lacon, Cleom., Anax. I. ²⁾ Ibid. Apopht. ³⁾ Politique, liv. III, ch. III par. 2 et. 3. ⁴⁾ Platon, Republique. ⁵⁾ Xenophon, *Economiques*.

встрѣтить демагога, сдѣлавшаго изъ этого послѣдняго званія себя профессію.

Аѳиняне прекрасно понимали, что рабочее сословіе явилось результатомъ соединеннаго дѣйствія двухъ причинъ: нищеты и личной свободы. т. е. одиночества и безпомощности. „Еслибы Плутусъ вдругъ прозрѣлъ, говоритъ Аристофанъ въ одномъ изъ своихъ діалоговъ, и на всѣхъ равно излилъ свои щедроты, никто не захотѣлъ бы заниматься ремеслами или изучать искусства. А если уничтожить эти два условія жизни, кто же станетъ ковать желѣзо, строить корабли, шить одежды, выдѣлывать колеса, кроить кожу, дѣлать кирпичъ, лудить, валять глину или борошить плугомъ землю, съ цѣлью извлечь изъ нея дары Цереры, когда каждый можетъ жить, ничего не дѣлая и пренебрегая всѣми этими работами? — Работы, о которыхъ ты говоришь, будутъ исполнять наши рабы. — Откуда же взять рабовъ? — Ну вотъ еще! Купимъ. — А кто же станетъ продавать, если у каждого денегъ довольно? — Найдемъ какого-нибудь алчнаго купца изъ Фессаліи, страны, изобилующей работорговцами. — Да вѣдь въ твоей системѣ нѣтъ мѣста работорговцамъ; ибо какой же богатый чловѣкъ захочетъ рисковать своимъ капиталомъ ради этой торговли?«¹⁾

Условія жизни свободнаго пролетаріата въ Аѳинахъ были очень сходны съ положеніемъ пролетарія западно-европейскаго, и повели къ образованію класса неимущихъ, убогихъ, и больныхъ и безпомощныхъ стариковъ, а также рабочихъ, сидящихъ безъ работы, на помощь которымъ долженъ былъ приходиться городъ²⁾. Аѳинскому пролетарію приходилось бороться даже съ большими трудностями, чѣмъ нашему, такъ какъ поле свободнаго труда, благодаря рабству, было очень ограничено. Это положеніе толкнуло Аѳины на поприще промышленности и спекуляціи; началась одновременная эксплуатація свободнаго рабочаго и раба, въ особенности послѣдняго; это придадо городу особую фізіономію, заслуживающую болѣе внимательнаго изслѣдованія.

IV. Греческій индустріализмъ.

Изъ тѣхъ подробностей быта, чертъ нравовъ, вообще различныхъ свѣдѣній, какія сообщаются намъ греческими писателями, можно заключить, что большинство свободныхъ рабочихъ предпочитали, когда это было возможно, заниматься своимъ ремесломъ въ одиночку, у себя дома, что въ такихъ случаяхъ они работали за свой счетъ и жили своимъ ежедневнымъ заработкомъ. Только

¹⁾ Plutus (Trad. Attand). ²⁾ Wallou, *loc. cit.*, 151.

самые жалкіе бѣдняки ходили на рынокъ наниматься на ряду съ рабами и за такую же низкую плату. Рабовъ отдавали внаймы ихъ господа такъ, какъ отдаютъ на прокатъ лошадей и другихъ домашнихъ животныхъ, и заработокъ ихъ, или, вѣрнѣе, плата за прокатъ, шла въ пользу владѣльца.

Вообще, рабы, занимавшіеся полевыми работами, тутъ же и жили въ имѣніи. Что касается рабовъ-поденщиковъ, толпившихся на аѳинскомъ рынкѣ, то они нанимались специально на ремесленные работы; тутъ уже дѣло шло не объ одиночномъ трудѣ, но о работѣ въ мастерской, о спекуляціи. Греція не знала ничего подобнаго нашей крупной промышленности, за исключеніемъ, можетъ-быть, рудничнаго дѣла. Всѣ остальные отрасли промышленности сосредоточивались въ скромныхъ мастерскихъ, не требующихъ большого количества рукъ. Такъ, Демосѳену достались по наслѣдству двѣ мастерскихъ; въ одной изъ нихъ тридцать три раба выдѣлывали оружіе, другая была просто-напросто небольшой фабрикой кроватей; въ ней работали двадцать рабовъ, приносившіе каждый около двухъ оболовъ въ день; оружейная мастерская давала меньше дохода: въ ней работникъ зарабатывалъ всего полтора обола въ день ¹⁾. Нерѣдко господинъ не эксплуатировалъ своихъ рабовъ непосредственно, а отдавалъ ихъ внаймы подрядчикамъ, или частнымъ лицамъ. Этотъ способъ эксплуатаціи гарантировалъ отъ всякихъ потерь, даже отъ смерти рабовъ, такъ какъ подрядчикъ обязывался, по истеченіи срока, вернуть то самое количество рабовъ, какое было имъ нанято ²⁾. Иногда рабовъ обоого пола нанимали также на очень короткое время и для самыхъ разнообразныхъ занятій, напримѣръ, для того, чтобы сопровождать нанимателя во время прогулки. Поваровъ нанимали для приготоуленія обѣда или ужина; танцовщицъ и флейтистовъ для увеселенія гостей и пр. ³⁾.

Рабы, искусные въ ремеслахъ, или обладающіе иными талантами, цѣнились соотвѣтственно ихъ достоинствамъ. Трое рабовъ, управляющихъ оружейной мастерской отца Демосѳена, были оцѣнены въ 500—600 драхмъ каждый (около 200 руб.); остальные стоили только по 300 драхмъ (125 руб.). Такія скромныя мастерскія приносили немного дохода; такъ, напримѣръ, вышеупомянутая оружейная мастерская, за вычетомъ всѣхъ расходовъ, давала въ годъ всего только 437 р. ⁴⁾. Среднимъ числомъ рабъ-ремесленникъ приносилъ своему господину два обола въ день, по расчету. едѣланному Эхиномъ относительно кожевниковъ и вышивальщиковъ ⁵⁾.

¹⁾ Wallon, I. note 19. ²⁾ Wallon, 188. ³⁾ Ibid., 189—190. ⁴⁾ Moreau-Christophe, *loc. cit.*, 221. ⁵⁾ *Harangue contre Timarque.*

Итакъ, рабы, мало-по-малу почти вытѣснившіе свободнаго рабочаго на поприщѣ земледѣльческаго труда, были для него опасными конкурентами и въ области промышленности. Аѳинскіе фабриканты и купцы находили болѣе удобнымъ и экономнымъ пріобрѣтать живыя орудія труда въ полную собственность, чѣмъ нанимать ихъ на время; они покупали рабочихъ въ видахъ спекуляціи; это можно отнести къ самымъ разнообразнымъ профессіямъ; даже врачи поручали уходъ за бѣдными больными особо обученнымъ для этого рабамъ¹⁾. Были хозяева, которые разрѣшали своимъ рабамъ работать или торговать на свой страхъ подѣ условіемъ, чтобы тѣ отдавали имъ опредѣленную часть изъ ихъ заработка или прибыли.

Но спекуляція въ широкихъ размѣрахъ, грандіозная эксплуатация подневольнаго труда имѣли мѣсто, главнымъ образомъ, въ рудничномъ дѣлѣ. Въ древности тяжкій трудъ рудокопа считался занятіемъ, пригоднымъ только для осужденныхъ преступниковъ да для рабовъ, главнымъ образомъ, для послѣднихъ. Въ иныхъ государствахъ въ рудники и каменоломни ссылали за наказаніе, какъ у насъ на каторгу. Мы уже рассказывали, какъ обходились египтяне и карфагеняне съ несчастными, копаншими подземныя галереи въ ихъ рудникахъ. Сложныхъ машинъ еще не было, и почти вся работа выполнялась человѣческими руками. Даже и въ Атикѣ доставка минерала изъ глубины шахтъ на поверхность и вся разработка рудника производилась не машинами, а руками рабовъ²⁾, что, разумѣется, составляло чрезвычайно тяжкій трудъ³⁾.

Почва Атики заключала въ себѣ богатые минеральныя залежи. эксплуатация которыхъ государство поручало арендаторамъ, взимая съ нихъ за это двадцать четвертую часть добытаго минерала; но иногда получившій концессію на рудникъ, въ свою очередь, поручалъ управленіе имъ третьему лицу, которому онъ доставлялъ и рабовъ; или же тотъ отъ себя нанималъ необходимое количество рабовъ⁴⁾. Ксенофонтъ выражаетъ желаніе, чтобы государство послѣдовало примѣру спекуляторовъ, отдающихъ внаймы своихъ рабовъ для работы въ рудникахъ. „Такіе люди обогащаются, говоритъ онъ: — почему бы государству, или, вѣрнѣе, эпатридамъ не заняться той же спекуляціей, только на болѣе широкую ногу: они могли бы доставить казнѣ значительные барыши“. „Кто не знаетъ, что Никіасъ, сынъ Никерата, постоянно держалъ тысячу своихъ рабовъ въ рудникахъ, отдавая ихъ внаймы фракійцу Сокіасу, за плату одинъ оболъ въ день съ человѣка и подѣ усло-

¹⁾ Wallon, *loc. cit.*, I, 185—186. ²⁾ Ibid. I. note. 27. ³⁾ Pline, *Ibid.* not. XXXIII. Wallon, *loc. cit.*, 188.

строителей египетскихъ пирамидъ тоже кормили, главнымъ образомъ, лугомъ. Съ тяжелой ношей на плечахъ они безпрестанно поднимаются вдоль стѣнъ крутыхъ и узкихъ колодевъ, по неровнымъ, сырмъ и очень скользкимъ ступенькамъ, вырубленнымъ въ стѣнахъ. „Не успѣли мы спуститься на нѣсколько метровъ“, говоритъ корреспондентъ, „какъ замѣтили внизу, подъ нами, слабый свѣтъ; то были лампочки *карусей*, которые подымались, сгибаясь подъ тяжестью руды. Потомъ до насъ донеслись тяжкіе вздохи — жалобы ближайшихъ къ намъ несчастныхъ дѣтей. То были вздохи измученныхъ и угнетенныхъ существъ, которыя не находятъ въ себѣ силы двигаться и все же продолжаютъ свой путь, изъ страха, какъ бы сторожъ не подбодрилъ ихъ палкой... Намъ пришлось посторониться, чтобы пропустить *карусей*: когда мы увидали, какъ они гнулись подъ тяжестью ноши, какъ дрожали ихъ слабыя попки, такая жалость защемила намъ сердце, что мы расплакались какъ дѣти“. — Посѣтители послѣдили облегчить нѣкоторыхъ изъ маленькихъ каторжниковъ; ноши ихъ вѣсили отъ 40 — 50 килограммовъ; кожа на плечахъ и на спинѣ была у нихъ стерта, красна, покрыта мозолями, рубцами и багровыми подтеками. А за ними поднимались новые и новые мученики-дѣти, съ такими же жалобными вздохами. „На первомъ поворотѣ колодца я услыхалъ, какъ одинъ изъ нихъ, плача, говорилъ своему спутнику: „Я не могу больше, я брошу мѣшокъ“. На третьемъ поворотѣ я увидалъ маленькаго бѣлокурого мальчика съ чертами, искаженными напряженіемъ; бѣдняжка не въ состояніи былъ двигаться дальше; онъ сложилъ свою ношу и тихонько плакалъ, лежа на одной изъ ступенекъ. У него были голубые глаза и розовыя губки; по его впалямъ щекамъ катились крупныя слезы“. — Одинъ врачъ, докторъ Джордано, вычислилъ средній вѣсъ *карусей* и сравнилъ его съ среднимъ вѣсомъ обыкновеннаго ученика первоначальной школы, одного и того же возраста. Разница, въ ущербъ первому, замѣчается всегда и увеличивается съ годами. Въ девять лѣтъ *карусей* вѣсиль 20 кгр. 585 гр.; школьникъ—22 кгр. 307 гр.: въ семнадцать лѣтъ, первый вѣсиль всего 38 кгр. 83 гр., а второй—50 кгр. 666 гр.; итого, первый отсталъ въ физическомъ развитіи отъ второго приблизительно на одну пятую. Мы воздержимся отъ всякихъ комментариевъ: они только ослабили бы впечатлѣніе. Благодаря этому разсказу, мы имѣемъ теперь правильное понятіе объ ужасномъ обращеніи съ рабами въ рудникахъ древней Греціи, Египта и Кароагена. Въ этомъ ужасномъ примѣрѣ современнаго жестокосердія оживаютъ передъ нашими глазами всѣ жестокости, совершаемыя надъ рабами въ древности. Это послѣдній штрихъ: онъ дополняетъ картину и показываетъ, до какихъ

безчеловѣчныхъ поступковъ можетъ довести жажда наживы. Онъ наводитъ также на не особенно лестное для насъ сравненіе между далекимъ прошлымъ Аѳинъ и нѣкоторыми явленіями современности.

Итакъ, мы находимъ въ Аѳинахъ страсть къ легкой наживѣ, къ игрѣ случая, которая именуется спекуляціей, къ погонѣ за наживой, чтобы получить побольше процентовъ на свои деньги, и эксплуатацію подневольнаго труда. Въ Аѳинахъ существовали даже промышленныя акціонерныя общества на малыхъ паяхъ и торговыя компаніи ¹⁾. Такое положеніе вещей неизбѣжно должно было создать денежную аристократію, кичившуюся своимъ презрѣніемъ къ механическимъ искусствамъ, обогатившимъ ее, такъ какъ, по ея мнѣнію, они унижаютъ и умъ и сердце ²⁾. Выразителемъ взглядовъ, господствовавшихъ среди аѳинскихъ богачей, явился Аристотель. „Городъ“, говоритъ онъ, „не можетъ обойтись безъ земледѣльцевъ, ремесленниковъ и наемниковъ всякаго рода; но, политически, онъ состоитъ только изъ класса воиновъ и класса свободныхъ гражданъ“ ³⁾.

„...Есть много видовъ рабовъ, такъ какъ работы бываютъ очень многообразны; часть ихъ выполняется руководѣльниками (*manouvriers*), т. е. тѣми, которые, какъ показывается и самое имя ихъ, живутъ трудомъ своихъ рукъ; къ нимъ слѣдуетъ отнести и ремесленниковъ, занимающихся различнаго рода механическими искусствами. Вотъ почему въ древности, у нѣкоторыхъ народовъ, ремесленники не имѣли доступа въ городскія правленія вплоть до учрежденія крайней демократіи, которая принимаетъ въ разрядъ гражданъ и послѣдніе классы населенія ⁴⁾. Итакъ, незачѣмъ порядочному человѣку или тому, кто готовитъ себя къ политической дѣятельности, и вообще доброму гражданину учиться такого рода работамъ, годнымъ лишь для тѣхъ, кому отъ вѣка предназначено повиноваться“ ⁵⁾. По мнѣнію Аристотеля, всякое ремесло, всякая торговля унижаетъ человѣка, дѣлаетъ его недостойнымъ званія и правъ гражданина. „Въ старыя времена, у нѣкоторыхъ народовъ, ремесленникомъ могъ быть только рабъ или иностранецъ; вотъ почему большинство этихъ людей и до сихъ поръ остаются въ томъ же положеніи. Да и никогда благоустроенный городъ не приметъ ремесленника въ число гражданъ“ ⁶⁾. Въ Фивахъ былъ изданъ законъ, разрешавшій купцу доступъ къ общественной дѣятельности только по истеченіи десяти лѣтъ со времени полного прекращенія имъ торговли ⁷⁾. „Что касается работъ, необходимыхъ для поддержанія жизни, тѣ, кои, выполняя ихъ, служатъ отдѣльнымъ лицамъ, име-

¹⁾ Mesnil-Marigny, *Hist. éconóm. pol.* III, 192. ²⁾ Xenophon, *Economique*, ch. VI. ³⁾ *Politique*, liv. VII, ch. VIII, par. 6. ⁴⁾ *Politique*, liv. III, ch. II, par. 8. ⁵⁾ Политика, par. IX. ⁶⁾ *Ibid.*, liv. III ch. III § 2. ⁷⁾ *Ibid.* par.

нуются рабами; тѣ же, кои, выполняя ихъ, служатъ всему обществу, суть ремесленники и наемники (*mercenaires*)¹⁾. Для Аристотеля подобныя занятія несомвѣстимы съ тѣмъ, что онъ называетъ „добродѣтелью“. „Такъ какъ уже ранѣе было сказано, что счастье не можетъ существовать безъ добродѣтели, то очевидно, что въ государствѣ съ совершеннымъ образомъ правленія, и если граждане его — люди справедливые (въ абсолютномъ смыслѣ этого слова, а не по отношенію данной системы), они не должны заниматься ни механическими искусствами ни торговыми предпріятіями; ибо такой образъ жизни имѣетъ въ себѣ нѣчто низкое и противенъ добродѣтели. Настоящій гражданинъ не долженъ быть даже земледѣльцемъ, ибо для того, чтобы упражняться въ добродѣтели или выполнять обязанности гражданина, человѣкъ нуждается въ досугѣ“²⁾. „Земледѣліе необходимо³⁾ предоставить рабамъ, варварамъ или періэкамъ“.

Нужно сознаться, что такая оцѣнка не лишена основанія, если ее примѣнить къ подневольному труду, составляющему предметъ крайней эксплуатаціи, къ тому труду, какой аѳинскіе капиталисты заставляли нести своихъ рабовъ и свободныхъ наемниковъ. Многіе изъ этихъ послѣднихъ, не имѣя возможности бороться съ конкуренціей рабовъ, были рады попасть въ одну изъ мастерскихъ, гдѣ работали рабы, и трудиться наравнѣ съ ними, лишь бы только не умереть съ голоду; отъ такого сосѣдства нравственность ихъ конечно не выигрывала. Другіе играли роль паразитовъ или занимались такими постыдными дѣлами, которыя не имѣютъ и названія. Всѣ эти различныя причины способствовали образованію класса плебеевъ, въ общемъ невѣжественнаго и презрѣннаго. но, несмотря на это, столь же вліятельнаго въ общественной жизни, сколько зависимаго въ жизни частной“³⁾. — Въ комедіи *Плутусъ* Аристофанъ очень реально изображаетъ жалкое положеніе аѳинскаго рабочаго наемника: „Толпы ребятишекъ и старухъ, кричащихъ отъ голода; несчетныя массы вшей, блохъ, комаровъ, которыя вьются вокругъ головы несчастнаго, безцокоятъ его, шепча ему: „Ты будешь голоденъ, но все-таки встань!“ Въ-сто плаща — лохмотья; вмѣсто постели — тростниковое ложе, кишущее клопами, которые не даютъ сомкнуть глазъ; вмѣсто одѣяла — старая сгнившая цыновка; вмѣсто подушки — большой камень. Ыда. — вмѣсто хлѣба — корни мальвы; вмѣсто пироговъ — листья сухой рѣшвы; вмѣсто скамьи — крышка отъ сломаннаго кувшина, и т. д.“⁴⁾.

¹⁾ Ibid. § 3. ²⁾ Ibid. liv. VII, ch. VIII, par. 2. ³⁾ Wallon, *loc. cit.* 449—452.
⁴⁾ Aristophane, *Plutus*.

Извѣстно, къ чему пришло въ концѣ концовъ это выродившееся общество. Греція обезлюдѣла; сосредоточеніе богатствъ въ немногихъ рукахъ привело къ оскудѣнію въ людяхъ. къ *олигантропії*, по выраженію Аристотеля; любовь къ родинѣ, нѣкогда столь пламенная, смѣнилась свирѣпымъ эгоизмомъ. Аристофанъ говоритъ о фабрикантахъ щитовъ и копій, жаждавшихъ войны единственно ради того, чтобы выгодно сбыть свой товаръ ¹⁾. Такому нравственному регрессу сопутствуетъ обыкновенно трусость; поэтому, когда Греціи пришлось защищаться противъ Рима, у нея не достало на то ни силы ни желанія; богатые предпочитали демагогіи господство иностранцевъ; бѣднякамъ нечего было терять ²⁾; въ итогъ, у Греціи оказалось слишкомъ мало нравственнаго здоровья, чтобы отстоять свою независимость.

Нашъ бѣглый обзоръ рабства въ Греціи даетъ намъ уже достаточно данныхъ для того, чтобы формулировать общіе выводы. но прежде, чѣмъ приступить къ этому, посмотримъ, какое положеніе занимала въ эллинскомъ обществѣ женщина.

V. Трудъ женщинъ.

какъ бы далеко мы ни углублялись въ прошлое Греціи съ помощью легендъ, поэмъ, исторій и преданій, мы повсюду видимъ, что свободная женщина обставлена сравнительно недурно. Даже во времена Гомера рабыни не принуждали къ труднымъ работамъ внѣ дома. Что касается свободныхъ женщинъ средняго сословія, Ксенофонтъ говоритъ намъ, что умъ и сердце ихъ не старались развить воспитаніемъ, но что ихъ и не обижали. Сдѣлать изъ замужней женщины хорошую хозяйку — вотъ идеаль, къ которому стремились. Въ *Экономикѣ* Ксенофонта мы находимъ по этому поводу очень характерныя отрывки діалога: „Есть ли кто-нибудь, съ кѣмъ бы ты разговаривалъ меньше, чѣмъ съ твоей женой? — Такихъ людей очень мало. — Когда ты женился на ней, не была ли она ребенкомъ, или, по крайней мѣрѣ, женщиной, которая ничего не видала и не слыхала? — Совершенно справедливо. — Эге, Сократъ! откуда же она могла чему-нибудь научиться? Вѣдь ей едва минуло пятнадцать лѣтъ, какъ я женился на ней. А до тѣхъ поръ она находилась подъ строгимъ надзоромъ. Родители желали, чтобы она почти ничего не видала и не слыхала, чтобы она задавала какъ можно меньше вопросовъ. Скажи же, не достаточно ли было для меня, что я нашелъ въ ней женщину, умѣющую прясть шерсть, готовить изъ нея одежду, распределять

¹⁾ Aristophane, *La paix*. ²⁾ Meyer et Ardant, *Question agraire*, 54.

работу между служанками? Что касается умѣренности и воздержанія, — эти качества, Сократъ, въ ней были выработаны въ совершенствѣ*. Очевидно, для Ксенофонта идеаль супруги — хорошая хозяйка, бдительная, бережливая и воздержная. Онъ сравниваетъ ее съ пчелиной маткой: она „стережетъ улей, не позволяя пчеламъ оставаться праздными; она посылаетъ въ поле тѣхъ, которымъ предназначено трудиться внѣ дома; у каждой она осмотритъ и приметъ добычу; она хранитъ запасы провизіи и благообразно расходуетъ ихъ... Она учитъ новыхъ рабынь пряхть“¹⁾.

Эта послѣдняя черта показываетъ, что пряденіе было однимъ изъ главныхъ занятій невольницъ. Но были у нихъ и болѣе трудныя занятія — напримѣръ, печеніе хлѣбовъ. Въ этой работѣ принимала участіе и хозяйка дома; она своими руками должна была замѣсить тѣсто; кромѣ того, она собственноручно выколачивала и убирала одежду и ковры; по мнѣнію Ксенофонта, такое упражненіе было ей очень полезно²⁾. Ея же дѣло было раздать рабынямъ шерсть для пряденія, присматривать за тѣмъ, какъ онѣ шьютъ одежды: платья, тунги и плащи, выдавать провизію, расходую ее съ благообразной бережливостью, ходить за больными служителями³⁾. Мужчина бережетъ свои силы для внѣшней жизни; онъ — стражъ, покровитель, собака, которая стережетъ овецъ⁴⁾; его жена — первая изъ его служанокъ, и ему даже въ голову не приходитъ сдѣлать ее своей подругой въ полномъ смыслѣ этого слова.

VI. Эволюція рабства и ея послѣдствія.

Въ Греціи эволюція рабства представляетъ слѣдующую картину. Правда, первая, или первичная стадія, — кланы, предоставляющіе равныя права всѣмъ своимъ членамъ, — ускользаетъ отъ нашего непосредственнаго наблюденія, но о ея существованіи въ древности свидѣтельствуетъ множество преданій и пережитковъ. Въ доисторической, гомеровской Греціи рабство уже существуетъ какъ учрежденіе, но оно мало развито, сосредоточивается въ домашнемъ быту, составляетъ предметъ роскоши. Рабовъ очень немного и принадлежатъ они исключительно великимъ міра сего; но эти великіе не подавляютъ своимъ величіемъ: дворцы ихъ не имѣютъ внушительнаго вида; многіе изъ нихъ не брезгаютъ работать своими аристократическими руками.

Несвободное населеніе состоитъ преимущественно изъ женщинъ-плѣнницъ, среди которыхъ цари выбираютъ себѣ наложницъ. Въ этотъ періодъ съ рабами обращаются довольно мягко; въ принципѣ

¹⁾ Xenophon, *Economique*, ch. III. ²⁾ Ibid, ch. X. ³⁾ Ibid, ch. VII, — Xenophon, *Memoires sur Socrate*, liv. II, ch. VII. ⁴⁾ Xenophon, *loc. cit.*

господинъ, конечно, имѣеть надъ ними всѣ права, но не злоупотребляетъ ими на практикѣ. Это обусловливается различными причинами; прежде всего раба не эксплуатируютъ въ области промышленности; затѣмъ рабы, въ большинствѣ случаевъ, военноплѣнные, а Эллада пока еще не нападаетъ на сосѣдніе народы и страны; въ ней одинъ городъ воюеть съ другимъ; одна область покоряеть другую; это, въ сущности, войны междоусобныя: а, слѣдовательно, большинство рабовъ по происхожденію — тоже греки, иногда люди знатнаго рода, высокаго званія, обѣщающие богатый выкупъ; откупившись на волю, они переходятъ на положеніе гостей; хозяева не считаютъ ихъ ниже себя, не питаютъ къ нимъ наслѣдственной ненависти. По мѣрѣ успѣховъ военного искусства и промышленности, все измѣняется. Дальнія войны, усиленное разбойничество доставляютъ Греціи толпы рабовъ, часто чуждой расы и говорящихъ на невѣдомомъ языкѣ; мало того, рабы эти становятся предметомъ оживленной торговли. Утилизируя ихъ, начинаютъ съ того, что сваливаютъ на нихъ всѣ ручныя работы, а въ концѣ концовъ ихъ превращаютъ въ простыя орудія, въ предметъ торговой и промышленной спекуляціи. Основываются мастерскія; чтобы свадить ихъ достаточнымъ количествомъ рабочихъ рукъ, хозяева ихъ покупаютъ или нанимаютъ рабовъ. До индивидуальных особенностей каждаго изъ этихъ рабовъ, превращенныхъ въ машины, никому нѣтъ дѣла; ихъ не знаютъ въ отдѣльности; это — вещи, домашнія животныя, „тѣла“, по выраженію Аристотеля. Имъ интересуются единственно съ точки зрѣнія выгоды, которую они могутъ доставить; ихъ морятъ на работѣ, не испытывая никакихъ угрызений совѣсти. Не велика бѣда, если рабъ умретъ отъ истощенія сихъ, — лишь бы только съ лихвою вернуть заплаченные за него деньги; чтобъ замѣнить умершаго, надо только пойти на рынокъ и купить или нанять другого раба.

Чѣмъ больше развивается индустриализмъ, тѣмъ больше жестокостей совершается подъ его эгидой. Въ Сициліи рабовладѣльцы клеймятъ своихъ рабовъ какъ животныхъ, не имѣютъ къ нимъ ни жалости ни снисхожденія, эксплуататоры рудниковъ морятъ тысячи невольниковъ на работѣ, совершенно забывая, что эти массы состоятъ изъ людей.

На ряду съ настоящими рабами существуютъ, такъ сказать, полу-рабы. Мы говоримъ не объ илотахъ и періэкахъ Спарты, Фессалии, Крита; — это цѣлые народы, побѣжденные и покоренные. Въ остальной Греціи мы не находимъ крѣпостнаго права; оно замѣнено платнымъ трудомъ, смягченной, замаскированной формой рабства, — формой, отъ которой не можетъ уйти ни одинъ человѣкъ, свободный по праву, если только у него нѣтъ иныхъ средствъ къ

жизни, кромѣ труда своихъ рукъ. Аѳинскій *аѳтъ*, періэжъ, вольноотпущенникъ, даже бѣдный метэкъ, словомъ, всѣ обездоленные, — не рабы въ теоріи, — на практикѣ оказываются порабощенными. Часто положеніе ихъ даже болѣе достойно жалости, чѣмъ участь раба, ибо на поприщѣ труда настоящіе рабы являются для нихъ опасными конкурентами; чтобы увеличить свои силы, они соединяются въ корпораціи, не пренебрегаютъ самыми презираемыми занятіями; наконецъ, доведенные до отчаянія, они идутъ на рынокъ наниматься, чтобы работать заодно и наравнѣ съ рабами.

Благодаря этому, зажиточные или богатые граждане презираютъ всякаго рода рабочихъ, а философы не дѣлаютъ большого различія между греческимъ наемнымъ рабочимъ и рабомъ. И дѣйствительно, тѣ и другіе, согбенные подъ тяжестью механическаго и унижительнаго труда, разбитые физически и морально, нерѣдко приходятъ къ нравственному и умственному паденію; многіе изъ нихъ пріобрѣтаютъ пороки, которые греческіе писатели считаютъ неотъемлемо присущими рабамъ: обжорство, трусость, хитрость, привычку лгать и т. д. Поэтому ихъ презираютъ всѣхъ безъ различія, приписывая природнымъ свойствамъ характера то, что есть, на самомъ дѣлѣ, лишь неизбежный результатъ тѣхъ условій жизни, въ которыя ихъ поставило общество. Аристотель грубо формулируетъ взгляды греческой буржуазіи на раба и ремесленника. Болѣе гуманныхъ взглядовъ мы почти не встрѣчаемъ, но крайней мѣрѣ до возникновенія школы стоиковъ; едва-едва найдется у кого-нибудь изъ философовъ, напрімѣръ, у Эпикура, нѣсколько фразъ въ родѣ того, что рабъ — это „другъ, занимающій низшее, чѣмъ мы, положеніе“. Въ общемъ греки такъ же смотрѣли на рабовъ, какъ мы теперь смотримъ на негровъ центральной Африки.

Въ одной изъ своихъ комедій Аристофанъ владыкуетъ въ уста Харона, адскаго перевозчика, слѣдующія слова: „Я не беру въ свою лодку рабовъ“¹⁾. Но эти столь презираемые рабы составляютъ главную массу населенія, и нравственный регрессъ ихъ, по необходимости, сообщается и свободному меньшинству. Даже въ средѣ этого меньшинства бѣдняки, поденщики и наемники, живутъ почти такъ же, какъ и рабы, и нерѣдко работаютъ вмѣстѣ съ ними. Да и богачи постоянно сталкиваются съ ними; дѣти богачей вырастаютъ среди рабовъ, взлелѣянные рабами. Отъ родителей они научаются презирать рабовъ и даже обходиться съ ними жестоко; отъ развращенныхъ рабовъ они заимствуютъ недостатки, свойственные рабству; такимъ образомъ, ихъ развращаютъ съ двухъ сторонъ

¹⁾ Аристофанъ, *Ляццшки*. (Рус. пер.).

сразу. Ремесленники, стоящіе такъ близко къ рабамъ, также заимствуютъ ихъ нравы, но кромѣ того въ нихъ зарождается и растетъ чувство возмущенія противъ класса собственниковъ и притѣснителей. Но свободные ремесленники все же граждане; у нихъ есть политическія права, и этими правами они нерѣдко пользуются во вредъ привилегированнымъ сословіямъ. Сила, которую греки съ презрѣніемъ и вмѣстѣ со страхомъ называли демагогіей, становится могуществомъ, наводящимъ ужасъ на богачей и до того страшнымъ для нихъ, что они предпочитаютъ ему даже владычество иноземцевъ. Съ этого момента начинается нравственное распаденіе Эллады; всѣ умственные силы поглощены гражданской войной; время приспѣло, — остается только появиться завоевателю: Эллада падаетъ предъ владычествомъ Рима.

ГЛАВА XVI.

Рабство въ Римѣ.

I. *Источники.* — Общность происхожденія эллиновъ и латинянъ. — Война и рабство. — Презрѣніе къ ручному труду. — Права захватившаго въ плѣнъ надъ плѣнникомъ. — Позорное пятно, накладываемое рабствомъ. — Избѣнія плѣнныхъ. — Рабство домашнее и рабство въ широкихъ размѣрахъ. — Походы для добыванія рабовъ. — Разбойничество и продажа людей пиратами. — Торговля рабами. — Рабство за долги. — Законъ Двѣнадцати таблицъ и его отношеніе къ должнику. — Продажа дѣтей и отцовская власть. — Выставленіе и подкидываніе дѣтей. — Рабъ свободнорожденный и обыкновенный рабъ. — Рабы по приговору суда. — *Servi poenae.* — Естественный ростъ несвободнаго населенія. — Катонъ Старшій и союзы рабовъ. — II. *Положеніе раба въ римскомъ обществѣ.* — Продажа побѣжденныхъ. — Принесеніе рабовъ въ жертву. — Рабы приравнены къ вещамъ. — *Contubernium* и *peculium.* — Законныя права господина. Отношеніе Катона къ старымъ рабамъ. — Нравственная казуистика о рабахъ. — Проституція рабынь. — Рабамъ воспрещенъ доступъ въ военную службу. — Общественныя рабы и предоставленныя имъ привилегіи. — Рабы домашніе, ремесленники, земледѣльцы. — *Oboerati.* — Какое вино и лакомство Катонъ рекомендуетъ давать рабамъ. — Домашніе рабы вельможъ. — Дрессировка рабовъ. — Мастерскія для домашнихъ рабовъ и ремесленниковъ. — Законы, покровительствующіе рабамъ. — III. *Рабъ и законъ.* — Чрезмѣрно широкія права, предоставленныя господину. — Наказанія, налагаемыя на рабовъ. — Плагіатъ. — Постепенное смягченіе законовъ и причины, обусловившія его. — IV. *Нравственность раба.* — Притупленіе нравственнаго чувства въ рабахъ. — Возмущенія рабовъ и характеръ этихъ возмущеній. — Рабство считается необходимымъ. — Человѣкъ сживается съ рабствомъ. — Культъ господина.

I. Источники.

Предполагаемая дата основанія Рима какъ бы свидѣтельствуетъ о томъ, что цивилизація квинитовъ на нѣсколько вѣковъ моложе цивилизаціи эллиновъ; но очевидное родство между языками латинскимъ и греческимъ, въ особенности между древне-греческимъ и древне-латинскимъ, говоритъ о кровномъ родствѣ этихъ двухъ народовъ. На основаніи одной этой общности происхожденія, весьма вѣроятной, мы имѣли бы право думать, что источники рабства у обоихъ народовъ были одни и тѣ же, если бы наше изслѣдованіе рабства у самыхъ различныхъ расъ давно уже не убѣдило насъ въ томъ, что причины, обуславливающія происхожденіе рабства, вездѣ почти тождественны. Тѣмъ не менѣе, если мы разсмотримъ каждую изъ этихъ причинъ въ отдѣльности, то увидимъ, что одиѣ

изъ нихъ болѣе, другія менѣе активны. На первомъ планѣ почти всегда стоитъ война; но если воевали всѣ племена, всѣ народы. то не всѣ они воевали съ одинаковымъ успѣхомъ; поэтому нѣкоторые изъ нихъ гораздо больше покупали рабовъ, чѣмъ брали ихъ въ плѣнъ. Римъ былъ прежде всего вонителемъ, которому вездѣ сопутствовала побѣда; онъ былъ хищникомъ. существованіе котораго ложилось тяжкимъ гнетомъ на весь міръ; одного его примѣра, грандіознаго и безиравственнаго, оказалось достаточно, чтобы развратить всѣ послѣдующія націи, привить имъ страсть къ убійству и грабежу подъ покровомъ войны. Поэтому вполне естественно, что въ Римѣ болѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было, главный контингентъ несвободнаго населенія доставляла война.

Съ самаго своего основанія Римъ былъ для своихъ сосѣдей неистиннѣ той волчицей, которую онъ взялъ себѣ за эмблему; ко всѣмъ видамъ ручнаго труда, кромѣ одного, римляне относились свысока и съ пренебреженіемъ. Преданіе говоритъ, что Ромулъ находилъ только два занятія, земледѣліе и войну, достойными свободнаго человѣка. Всѣ остальные профессіи считались гнусными—*sordidae artes*, и годными только для рабовъ¹⁾. Между прочими тяжкими укорами, которые Брутъ бросаетъ въ лицо Тарквиніямъ, онъ обвиняетъ ихъ въ томъ, что они превратили воиновъ въ ремесленниковъ и каменщиковъ²⁾. — Мененій, слышій мудрѣйшимъ изъ сенаторовъ, говорилъ своимъ коллегамъ: „Намъ нужны солдаты, а не ремесленники и наемники; работать за насъ будутъ побѣжденные“³⁾. — И дѣйствительно, первобытное право, или вѣрнѣе отсутствіе права, отдавало плѣнника въ полную власть человѣка, который взялъ его въ плѣнъ; разъ этотъ человѣкъ счелъ за лучшее оставить плѣннику жизнь, онъ могъ располагать имъ по своему усмотрѣнію. По понятіямъ римлянъ попастьъ безъ различія, и къ чужимъ и къ согражданамъ. Иногда сенатъ доходилъ до того, что запрещалъ выкупать римскихъ гражданъ, взятыхъ въ плѣнъ врагами⁴⁾, или высылать изъ предѣловъ Италіи плѣнныхъ, выкупленныхъ родными⁵⁾. Плѣнные воины, добровольно возвращенные непріятелемъ, получали пониженіе по службѣ; кавалеристъ становился пѣхотинцемъ; пѣхотинецъ простымъ союзникомъ (*auxiliaire*); это продолжалось до тѣхъ норъ, пока опозоренному воину не удавалось реабилитировать себя въ общественномъ мнѣніи, убивъ двухъ враговъ. *Dediti*—пощаженное населеніе завоеванныхъ странъ — должны были произносить нижеслѣдующую знаменитую формулу обращенія въ рабство: „Мою личность, мой городъ, мою

¹⁾ Denys d'Halicarnasse, lib II. lib. IX. ²⁾ Tite Live, I, 59. ³⁾ Moreau Christophe, *loc. cit.*, 23. ⁴⁾ Tite Live, XVII, 59—61. ⁵⁾ Dion Cass., LVI, 22—36.

землю, воду, которая протекаетъ черезъ нее, моихъ боговъ, мои храмы, мое движимое имущество, — все, что принадлежитъ богамъ я отдаю римскому народу“¹⁾).

Первобытные римляне почитали за безчестье сдаться врагу и предпочитали смерть безчестью. Понятно, что такіе взгляды дѣлали ихъ строгими къ попавшимся въ плѣнъ согражданамъ и жестокими къ поверженнымъ или плѣннымъ врагамъ. Послѣ выигранной битвы нерѣдко въ лагерѣ происходило поголовное избіеніе плѣнныхъ; иногда солдаты, ради забавы, заставляли ихъ убивать другъ друга²⁾. Послѣ пораженія самнитовъ 4000 плѣнныхъ, приведенныхъ на Марсово поле и запертыхъ въ *Villa Publica*, были въ одинъ день перебиты специально для того посланными воинами³⁾.

Но когда, благодаря постояннымъ побѣдамъ и завоеваніямъ, скромныя отчины древнихъ римлянъ, которыя Цинцинаты и Регулы могли воздѣлывать собственными руками, съ помощью нѣсколькихъ рабовъ, превратились въ обширныя помѣстья, на войнѣ перестали убивать плѣнныхъ враговъ; наоборотъ, старались захватить ихъ побольше; плѣнные составляли самую значительную часть добычи и легко находили себѣ сбытъ на невольничьихъ рынкахъ, ибо на этотъ товаръ всегда былъ большой спросъ. Особенно возросло несвободное населеніе въ Римѣ послѣ паденія Коринѳа и Карфагена⁴⁾. Съ этого момента военныя экспедиціи превращаются въ грандіозныя походы за рабами. Павелъ Эмилий, какъ говорятъ, увелъ въ рабство изъ Эпира 150,000 человекъ⁵⁾. Послѣ завоеванія Понта Лукулломъ предложеніе настолько превысило спросъ, что раба можно было купить всего за четыре драхмы (около 4 руб.)⁶⁾. Марій взялъ въ плѣнъ при Аквѣ Секстін и Верцеллѣ 90,000 тевтоновъ и 60,000 кимвровъ⁷⁾. При раздѣлѣ добычи, послѣ взятія Алексіи Цезаремъ, каждому солдату досталось по одному плѣннику⁸⁾. Плутархъ приписываетъ тому же завоевателю великую, по его понятіямъ, честь обращенія въ рабство милліона человекъ⁹⁾. Иосифъ Флавій рассказываетъ, что послѣ оргіи убійства, отпразднованной по случаю взятія Иерусалима добродѣтельнымъ Титомъ, въ рукахъ римлянъ осталось еще около ста тысячъ плѣнныхъ, которые и были обращены въ рабство¹⁰⁾. Когда опустошительныя войны и сосредоточеніе собственности въ рукахъ немногихъ оптиматовъ привели къ постепенному обезлюднѣнію Италіи, походы въ Германію предпринимались, главнымъ образомъ, съ цѣлью добыванія „рукъ“, которыя потомъ разсылались во всѣ концы Имперіи¹¹⁾.

¹⁾ Fustel de Coulanges, *Cité antique*, 245. (Рус. пер.). ²⁾ Dion Cassius, XLVII, 48 liv. 8. Tite Live, XXI, 42. ³⁾ Strabon, V, ch. IV, II. ⁴⁾ Strabon, liv. XIV, ch. V, par. 1. ⁵⁾ Ibid. liv. VII, ch. II, par. 3. ⁶⁾ Liv. *Epit.* LVII. ⁷⁾ Цезарь, *De Bello gallico*, VII, 89. ⁸⁾ Плутархъ, *Жизнь Юлія Цезаря*. ⁹⁾ Fl. Joseph, *Guerre des Juifs*, liv. VI, ch. XI—XLV. ¹⁰⁾ Ibid. ¹¹⁾ Meyer et Ardant, *Question agraire*, 90—91.

Законы Двѣнадцати таблицъ предоставляютъ кредиторамъ просто такі жестокія права. По истеченіи срока займа, должнику давался одинъ мѣсяцъ льготы; если и черезъ мѣсяцъ онъ не могъ уплатить долга, судъ отдавалъ его кредитору (*jure addicitur*), и тотъ держалъ его въ оковахъ у себя дома; такъ что свободный по рожденію человѣкъ на дѣлѣ становился рабомъ. Если и послѣ этого должникъ не возвращалъ занятой суммы, онъ изъ *addictus*'а превращался въ раба (*servus*), котораго кредиторъ могъ продать, но только по ту сторону Тибра, ибо римскаго гражданина нельзя было продать на римской территоріи¹⁾. То была одна изъ легальныхъ уловокъ, придуманныхъ для того, чтобы обойти стѣснительные законы, — уловокъ, къ которымъ римляне такъ часто прибѣгали и такъ много злоупотребляли ими. — Въ текстѣ законовъ Двѣнадцати таблицъ встрѣчаются прямо дикія постановленія, ведущія начало отъ доисторическаго періода; такъ, кредиторамъ предоставляется право раздѣлить между собой несостоятельнаго должника, разрѣзавъ его гѣло на части. Если кредиторъ только одинъ, онъ можетъ предать его смерти или продать въ рабство по ту сторону Тибра²⁾. Чего добраго, въ первобытныя времена эта статья толковалась буквально, и должника дѣйствительно дѣлили на части; но въ эпоху историческую, какъ бы далеко ни углублялись въ прошлое, такого звѣрства мы уже не находимъ; кредиторы довольствуются тѣмъ, что продаютъ должника и дѣлятъ между собой вырученныя деньги³⁾. Главное здѣсь, конечно, самый фактъ, что и въ Римѣ, какъ во многихъ другихъ странахъ, можно было сдѣлаться рабомъ за долги.

Другой первобытный законъ, съ которымъ мы также не разъ уже сталкивались у народовъ, еще не вышедшихъ изъ дикаго или варварскаго состоянія, давалъ право отцу семейства продать дѣтей и жену. Всѣ члены римской *familiae* — жена, дѣти и рабы были одинаково подвластны главѣ семьи. Впрочемъ, для того, чтобы воспользоваться правомъ продажи жены, мужъ долженъ былъ получить надъ ней *manus*; ибо тогда она, по закону, становилась его дочерью (*loco filiae*) и сестрой своихъ собственныхъ дѣтей. Если мужъ былъ не главой, а сыномъ главы семейства, и слѣдовательно подчиненъ отповской власти, жена его считалась какъ бы внучкой отца своего мужа⁴⁾.

Какое бы положеніе ни занималъ человѣкъ среди своихъ согражданъ, какими бы правами ни пользовался внѣ дома, какъ членъ семьи онъ былъ предоставленъ во власть и въ полное распоряженіе отца, наравнѣ съ вещами, мебелью, скотомъ и ра-

¹⁾ Cubain, *Lois civiles*, etc. 129—131. ²⁾ Ortolan, *Hist. lég. Rom.* (Douze tables). Table III. disp. 3 etc. 4. ³⁾ Wallon, *loc. cit.*, II, 22. ⁴⁾ Daruy, *loc. cit. Italie*. II.

бами. (Гиббонъ). Въ глазахъ закона, сынъ, проданный своимъ отцомъ ради крайней нужды, былъ рабомъ на дѣлѣ, если не по праву (*in servitute, non servus*) (Cubain, *Lois civiles*, 120). Консулъ Спурий Кассей былъ осужденъ на смерть своимъ отцомъ и казненъ имъ у подножія домашнихъ ларъ. Произнеся сграшную формулу: *Sacer esto penatibus*, отецъ семейства могъ поразить на смерть любого изъ членовъ своей *familiae* ¹⁾. Сынъ былъ до такой степени приравненъ къ рабу, что не могъ даже владѣть собственностью. Онъ самъ находился *во власти* отца. „Дѣти, которыхъ мы прижили въ законномъ бракѣ, говорятъ тѣ же *Institutes*, подвластны намъ“. (*Institutes*, книга I, стр. IX). Отецъ имѣлъ право присвоить себѣ все имущество, приобретенное сыномъ, и пользоваться всѣми выгодами заключенныхъ имъ контрактовъ, ничѣмъ его за это не вознаграждая, но съ своей стороны не несъ никакихъ обязанностей по отношенію къ сыну. Какъ и рабы, сынъ могъ владѣть только *peculium*’омъ ²⁾).

Кромѣ права продагъ своихъ дѣтей въ годину нужды, отецъ семейства имѣлъ право бросать ихъ или подкидывать. Брошенный ребенокъ становился рабомъ того, кто подобралъ и приютилъ его. Впослѣдствіи это постановленіе закона, вышедшее изъ древняго Рима, было подтверждено декретомъ Арлезіанскаго собора, въ V вѣкѣ, и, еще позже, указомъ Карла Великаго. Что касается продажи дѣтей, этотъ обычай продолжалъ существовать еще много времени спустя послѣ царствованія Θεодосія ³⁾.

При всемъ томъ законъ огличалъ гражданина, впавшаго въ рабство по волѣ отца или кредитора, отъ обыкновеннаго раба. Первый не лишался права свободнаго рожденія и, получивъ свободу, становился опять *ingenuus*’омъ (свободнорожденнымъ), тогда какъ обыкновенный рабъ становился только опущенникомъ. Рабъ могъ выйти на волю только съ согласія своего господина; *addictus*’у стоило уплатить долгъ, чтобы вернуть себѣ свободу ⁴⁾. Только само государство могло превратить гражданина въ полнаго раба, подвергнувъ его *maxima capitis diminutio*. Это унижительное наказаніе постигало гражданина за уклоненіе отъ народной переписи и за отказъ вписаться въ списки легіона, а также того, кто, имѣя болѣе двадцати лѣтъ отъ роду, позволилъ продать себя подъ видомъ раба, съ цѣлю воспользоваться вырученными отъ этой незаконной продажи деньгами, а затѣмъ въ качествѣ гражданина, погребовалъ признанія продажи несогласившейся. (Cubain, *Lois civiles*, 125). Наконецъ, приговоренные къ смерти пре-

¹⁾ Du Bois, *Hist. du droit criminel*, 249. ²⁾ Н. Maine, *Ancien droit*, 134. Lecky, *Hist. Europ. Morals*, II, 31. ³⁾ Quintil. *Instit. orat.* VII, III. 26 ch. 27.

ступники, съ момента произнесенія надъ ними приговора, зачислялись въ разрядъ рабовъ; въ силу легальной фикціи они становились *servi poenae*, рабы наказанія. Благодаря этой фикціи, палачъ казнилъ только рабовъ ¹⁾. Позднѣ для *servi poenae* нерѣдко смягчали мѣру наказанія: вмѣсто смертной казни ихъ сослали въ рудники. Такъ какъ кара эта постигала мужчинъ и женщинъ одинаково, было рѣшено, что дѣти рабынь наказанія при самомъ рожденіи своемъ будутъ рабами ²⁾.

Ко всемъ этимъ источникамъ рабства слѣдуетъ присоединить самый естественный и одинъ изъ наиболѣе важныхъ—естественный ростъ несвободнаго населенія. Рабство, независимо отъ своего происхожденія, было порокомъ наслѣдственнымъ, а слѣдовательно, рабы могли размножаться естественнымъ путемъ; но и въ Римѣ, какъ въ Греціи, господинъ имѣлъ право регулировать по своему желанію приростъ населенія среди своихъ рабовъ, — способствовать или пренятствовать ихъ размноженію, совершенно какъ это дѣлается съ домашними животными. По всей вѣроятности, господа умышленно устраивали такъ, что наибольшее количество рожденій приходилось на весну, ибо дѣтямъ невольниковъ часто давали имя *verna* ³⁾. На ту же регламентацію рожденій указываетъ повидимому одно мѣсто изъ *Сатирикона*, гдѣ сказано, что въ одномъ изъ имѣній богатѣйшаго Тримальхіона родилось въ одинъ день тридцать мальчиковъ и сорокъ дѣвочекъ ⁴⁾. По словамъ Варрона, многіе находили полезнымъ давать женъ пастухамъ; отъ этого они прилежише работали; притомъ же жены помогали имъ, готовили имъ пищу и пр. ⁵⁾. Катонъ, ужасный Катонъ старшій, который совершенно приравнивалъ своихъ рабовъ къ скоту и спекулировалъ всемъ, чѣмъ только было можно, ухитрился извлекать непосредственную выгоду даже изъ этихъ союзовъ между рабами. Вотъ что пишетъ по этому поводу Плутархъ: „Будучи того мнѣнія, что рабовъ подстрекаетъ къ наибольшимъ злодѣяніямъ желаніе удовлетворить свою похоть съ женщинами, онъ повелѣлъ, чтобы его рабы могли по желанію соединяться съ служанками въ его домѣ, за опредѣленную цѣну, имъ самимъ назначенную, и строго запретилъ имъ имѣть дѣло съ какою бы то ни было женщиной внѣ его дома“ ⁶⁾. Но тутъ ужъ намъ предстоитъ разсмотрѣть вообще социальное положеніе римскаго раба, его судьбу въ повседневной жизни, различные способы пользованія имъ или эксплуатаціи его, наконецъ, выяснитъ, какъ онъ самъ относился къ своему положенію.

¹⁾ Wallon, *loc. cit.* II, 23—24. ²⁾ *Ibid.*, 25—30. ³⁾ *Ibid.*, 17. ⁴⁾ Petrone, *Satyricon*, Ch. III. ⁵⁾ Varron, II, X, 6—8. ⁶⁾ Плутархъ, *Маркъ Катонъ*, XLIII.

Какъ римскіе законы, такъ и римскіе права громко свидѣльствуютъ о томъ, что въ отношеніи рабовъ римляне не проявляли ни справедливости, ни даже гуманности. *Institutes* открыто высказываются въ этомъ смыслѣ: „Рабы подвластны господамъ. У всѣхъ народовъ господинъ имѣетъ надъ рабомъ право жизни и смерти“. *Institutes*, Liv. I titre VIII, 1). Съ рабомъ поступали, какъ съ вещью; его можно было дарить или отдавать въ пользованіе, закладывать, обмѣнивать, нанимать, завѣщать, продавать, приобретать посредствомъ простаго *usucapio*, переуступать судебнымъ порядкомъ, налагать на него арестъ по просьбѣ господина ¹⁾; онъ былъ *res mancipi*. Рабъ былъ лишень всякихъ гражданскихъ правъ, даже права вступать въ бракъ; если свободный гражданинъ впадалъ въ рабство, бракъ его считался расторгнутымъ. (*Cubaïn, Lois civiles etc.*, 183). Слова: „отецъ“, „сынъ“ были въ употребленіи между рабами, но въ сущности не имѣли значенія ²⁾). Во времена республики *contubernium* былъ бракомъ только по наружности, а на самомъ дѣлѣ простымъ сожительствомъ, и только императоры запретили разлучать женатаго раба съ женой и дѣтьми ³⁾). Какъ *contubernium* былъ бракомъ только по внѣшности, такъ и *peculium* только съ виду былъ собственностью раба, а на самомъ дѣлѣ, какъ и самъ рабъ, принадлежалъ господину. При переходѣ въ другое помѣстье рабъ не могъ взять съ собой своихъ сбереженій; ни продажа, ни передача его третьему лицу по завѣщанію не обезпечивали за нимъ его *peculium*'а. Все, что рабъ могъ приобрести, принадлежало господину: это было основное положеніе римскаго права (*Duruy etc. Italie*, 496). Господинъ же не могъ взять на себя никакого обязательства въ пользу раба, не могъ также обвинить его въ кражѣ ⁴⁾). Законъ разсматриваетъ раба какъ мертваго ⁵⁾).

Въ древнія времена больныхъ рабовъ перевозили на одинъ изъ острововъ среди Тибра, гдѣ находился храмъ Эскулапа, и бросали тамъ безъ всякой помощи. Господинъ поручалъ его покровительству божества и послѣ этого считалъ себя вправѣ забыть о немъ ⁶⁾). Когда рабъ состарится, обезсилѣетъ, не въ состояніи больше работать и не приноситъ господину никакого дохода, его сбываютъ, какъ старый хламъ. Катонъ Старшій совѣтуетъ продавать „старыхъ быковъ, больной скоть, хворыхъ овецъ, шерсть, кожи, старыя повозки, желѣзный ломъ, стараго раба, больного раба и, вообще, все ненужное“. Въ глазахъ этого ужаснаго великаго человѣка, самое важное было увеличить свое родовое имѣніе; человѣка, которому удалось удвоить его, онъ на-

¹⁾ Wallon, *loc. cit.* II, 179. ²⁾ *Ibid.*, 180. ³⁾ *Ibid.* III, 53. ⁴⁾ *Ibid.* II, 182. ⁵⁾ *Ibid.*, 183. ⁶⁾ *Ibid.*, 253.

зываютъ „богоподобнымъ“. Оставаясь вѣрнымъ этому принципу, онъ, овдовѣвъ, изъ экономіи довольствовался дѣвочкой служанкой. (Плутархъ). Прибавимъ, что въ это время Катонъ былъ дряхлый старикъ — обстоятельство, отягчающее его вину ¹⁾. Плутархъ не грѣшитъ чувствительностью, но и его скандализуютъ совѣты Катона. „Все же“, говоритъ онъ, „продавать такимъ образомъ рабовъ или выгонять ихъ изъ дому, послѣ того какъ они состарѣлись у васъ на службѣ, поступать съ ними ни больше, ни меньше, какъ съ животными, которыхъ удаляютъ, послѣ того, какъ они служили вамъ всю свою жизнь, — мнѣ кажется, что это происходитъ отъ чрезмѣрной природной грубости и суровости“ ²⁾. Но жестокость Катона Старшаго вовсе не представляетъ собой исключенія. Въ своемъ трактатѣ *Объ обязанностяхъ* Цицеронъ упоминаетъ о книгѣ Гекатона, носящей то же названіе; по словамъ Цицерона, въ VI главѣ этой книги разбираются вопросы вродѣ слѣдующихъ: „Дозволено ли честному человѣку не кормить своихъ рабовъ въ голодный годъ?“ Или: „На морѣ и въ непогоду, когда нужно облегчить корабль, бросивъ за бортъ часть груза, чѣмъ должно пожертвовать: дорогой ли лошадыю или ничего не стоящимъ рабомъ? Человѣчность говоритъ: да, лошадыю; выгода говоритъ: нѣтъ“. Цицеронъ склоняется въ сторону гуманности; Гекатонъ руководствуется принципомъ пользы ³⁾. При осадѣ Перузы, Антонію пришлось рѣшать этотъ вопросъ на практикѣ. Когда съѣстные припасы у осажденных истощились, онъ приказалъ не выдавать провіанта рабамъ и въ то же время не выпускать ихъ изъ города, чтобъ они не передались непріятелю и не разыграли роли лазутчиковъ. Эти несчастные, какъ тѣни, бродили по улицамъ, катались по землѣ въ корчахъ, ѣли траву и умирали ⁴⁾.

Въ своемъ трактатѣ *De ira* Сенека изображаетъ господъ, которые калѣчатъ своихъ рабовъ, вырываютъ имъ глаза и пр. и пр. и тѣмъ *самимъ себѣ чинятъ вредъ*. Фламиній однажды велѣлъ убить одного изъ своихъ рабовъ съ цѣлью позабавить любопытнаго гостя. Ведій Полліонъ кормилъ рыбъ въ прудѣ мясомъ рабовъ. Августъ приказалъ распять раба, который убилъ и съѣлъ его любимую перепелку и т. д. и т. д. До воцаренія Адріана господинъ имѣлъ почти безграничныя права надъ рабами. По выраженію Плавта, если господинъ такъ рѣшилъ, то и несправедливость станетъ справедливостью: *Indigna, digna habendu sunt, herus quae fecit* ⁵⁾.

Контингентъ домовъ терпимости въ Римѣ вербовался просто-напросто изъ рабынь, купленныхъ на рынкѣ съ тѣмъ, чтобы по-

¹⁾ Caton, *De re rustica*, II. ²⁾ Плутархъ, *Маркъ Катонъ*, VI. ³⁾ Cicero *De officiis*, III, 23. ⁴⁾ Appien, *Guerre civ.* v. 35. ⁵⁾ Plaute, *Captiv.* II.

Рабы же служили на бойняхъ. Съ другой стороны, утвержденныя свыше корпорации и ассоціаціи имѣли своихъ собственныхъ рабовъ, вринадлежащихъ ихъ общинамъ¹⁾. Каждый городъ содержалъ въ своемъ арсеналѣ большее или меньшее количество рабовъ. Такъ, послѣ взятія Кароагена, Сципіонъ оставилъ для города Рима двѣ тысячи человекъ, искусныхъ въ выдѣлкѣ оружія, воинскихъ орудій, веревокъ, снастей и ир. и пр.²⁾; рабы эти работали въ обширныхъ общественныхъ мастерскихъ.

Рабы частныхъ лицъ были домашними слугами, ремесленниками или земледѣльцами. Особенно много было послѣднихъ: земледѣліе требовало большого количества рукъ. Въ первыя времена республики рабъ былъ не болѣе, чѣмъ помощникомъ, помогавшимъ свободному гражданину воздѣлывать свою маленькую вотчину. Когда Римъ завоеваніями расширилъ до безконечности предѣлы своей территоріи, мелкое землевладѣніе смѣнилось крупнымъ, образовались огромныя помѣстья, которыя владѣльцы ихъ старались по возможности обрабатывать руками рабовъ; но къ этимъ рабамъ, по необходимости, приходилось присоединять свободныхъ и платныхъ рабочихъ. Сюда же относились *oboerati*, или должники, поступавшіе въ услуженіе къ кредитору, чтобы отработать свой долгъ. Только очень маленькія имѣнія воздѣлывали владѣльцы своими силами, съ помощью своихъ семействъ³⁾. — Въ сколько нибудь значительномъ имѣніи уже нельзя было обойтись безъ большого количества рабовъ. По Варрону, на 8 *югеровъ*, (около двухъ гектаровъ) годной къ обработкѣ земли полагался одинъ рабъ⁴⁾; слѣдовательно, не свободному труду отведено было очень много мѣста. Съ этими земледѣльческими рабами обходились очень сурово. Управляющимъ и надсмотрщикамъ, а также пастухамъ провізію выдавали разъ въ мѣсяцъ. Невольники, работающіе въ полѣ, каждый день получали уже готовыя порціи; лѣтомъ эти порціи были нѣсколько больше, соотвѣтственно большому количеству работы. Онѣ состояли, главнымъ образомъ, изъ хлѣба и вина весьма посредственнаго качества. Катонъ Старшій опубликовалъ во всеобщее свѣдѣніе свои хозяйственные рецепты. Вотъ способъ заготовленія вина на зиму. „Вылей въ бочку десять амфоръ сладкаго вина, двѣ амфоры остраго уксусу, столько же вина, увареннаго до одной трети, и пятьдесятъ амфоръ прѣсной воды. Пять дней подъ рядъ мѣшай все это палкой, по три раза въ день; потомъ прибавь шестьдесятъ четыре сетье стоялой морской воды⁵⁾. „Это вино врядъ ли било въ голову, да притомъ и выдавалось по порціямъ. А вотъ совѣты относительно лакомствъ. Катонъ озаглавилъ свой рецептъ: *Хорошій столъ*

¹⁾ Wallon, *loc. cit.*, II, 91. ²⁾ Tite Live, XXVI, 48. ³⁾ Varron, *De re rustica*, lib. I, ch. XVII. ⁴⁾ *Ibid.* I, 18. ⁵⁾ Caton, *De re rustica*, I. CIV.

для прислуги. „Постарайся приберечь какъ можно больше осыпавшихся оливокъ, да и тѣхъ, которыя были сорваны спѣлыми, если не надѣешься извлечь изъ нихъ много масла, и давай ихъ рабамъ, но бережливо, чтобы запаса хватило какъ можно долыше. Когда оливки все выйдутъ, давай имъ разсолъ съ уксусомъ. На каждого раба выйдетъ въ мѣсяцъ одинъ сетъе (0,54 литра) масла; соли же въ годъ достаточно четверика (8,67 лит.) на одного человѣка“¹⁾). Трудно соединить великодушiе съ большей алчностью. Помѣщенiе земледѣльческихъ рабовъ стоило ихъ пищи; подъ стать была и одежда. Катонъ рекомендуетъ каждые два года выдавать рабу туннику безъ рукавовъ; сшитую изъ саржи, и грубые деревянные башмаки, подбитыя гвоздями. Обыкновенныхъ рабовъ держатъ въ клѣткахъ; рабовъ, такъ называемыхъ *иппныгъ*, т. е. закованныхъ въ цѣпи, которыя никогда не снимаются, бросаютъ на ночь въ *ergastulum*, подземную тюрьму, куда свѣтъ проникаетъ только черезъ крошечныя окошечки, находящiяся на уровнѣ земли. (Валлонъ, по Колумеллѣ и Витрувию, *loc. cit.* II, 204). Добрые господа охотно вступали въ разговоръ со своими рабами, но въ большихъ имѣнiяхъ настоящимъ хозяиномъ и часто тираномъ былъ управляющiй, *villicus* (Ibid. II, 221).

Въ городѣ знатные дома были полны рабовъ, исполнявшихъ различнаго рода обязанности, отъ самыхъ низкихъ до самыхъ высокихъ; у каждого было свое особое дѣло; многiя изъ занятiй рабовъ были совершенно бесполезны и придуманы только для парада. Рабъ-привратникъ замѣнялъ сторожевого пса и, какъ пестъ, сидѣлъ на цѣпи²⁾). Далѣе шли сторожа въ *atrium*³⁾, придверники, рабы, вводившiе посѣтителей, рабы приподнимавшiе передъ ними портьеры; потомъ толпа слугъ во внутреннихъ покояхъ, прислужники въ банѣ, прислужники въ столовой, метрдотель и его многочисленныя подручныя и поставщицы, рабы, разрѣзывавшiе и обносившiе кушанья, рабы, пробовавшiе каждое блюдо передъ тѣмъ, какъ оно подавалось господину, нарядныя, раздушныя юноши, сидѣвшiе у ногъ господина или наливавшiе вино въ чашки; рабаны пѣвицы и танцовщицы; затѣмъ, рабы, составлявшiе свиту господина на улицѣ, несшiе факелы или мѣшки съ золотомъ, которымъ патриции иногда щедро одѣляли толпу, въ особенности въ дни выборовъ³⁾).

Множество рабовъ служило спеціально госпожѣ дома. Прежде всего это были рабы, принесенныя ею въ приданое и неприкосновенныя, какъ оно; затѣмъ, стражи, евнухи, акушерка, кормилица, баюкальщицы, носильщицы, пряхи, ткачихи, швеи; госпожа считала долгомъ дѣлать видъ, что сама надзираетъ за ними и руководить

¹⁾ Ibid. LVIII. ²⁾ Wallon, *loc. cit.*, t. II, 105, 226. ³⁾ Ibid. 108.

ихъ работами ¹⁾. При выходѣ изъ дому матрону - патриціанку сопровождала многочисленная свита послыльщиковъ, курьеровъ, лакеевъ, вѣстниковъ, посмыльныхъ, передававшихъ привѣтствія, красивыхъ кудрявыхъ юношей, составляющихъ почетную стражу (Wallon, 115). Ливія Августа приставила особую рабыню къ своей любимой кошкѣ ²⁾; эта страсть къ пышности и стремленіе щегольнуть обиліемъ рабовъ развились, главнымъ образомъ, во времена имперіи.

Въ большихъ домахъ держали рабовъ, обладавшихъ различнаго рода спеціальными знаніями; такъ, при библіотекахъ состояли: хранители книгъ, комментаторъ, переписчики, писцы, наклейщики ярлыковъ, выколачивальщики цыли, полировщики ³⁾; затѣмъ, для воспитанія дѣтей или для того, чтобы, на всякій случай, имѣть подъ рукой готовую науку и эрудицію, богачи пріобрѣтали рабовъ поэтовъ, грамматиковъ, риторовъ, философовъ. Богачъ Сабинусъ купилъ 11 рабовъ, обученныхъ по его же заказу, знавшихъ наизусть одинъ Гомера, другой Гезіода и девять остальныхъ — девять различныхъ лириковъ ⁴⁾. Педагогія, какъ и медицина, была повсюду въ рукахъ рабовъ ⁵⁾. Слѣдуетъ упомянуть еще о многочисленныхъ рабахъ, завѣдывавшихъ дѣлами господина: счетчикахъ, экономахъ, повѣренныхъ и пр. ⁶⁾. Въ частныхъ домахъ театральныя представленія давали опять таки артисты рабы, которыхъ покупали иногда цѣлыми труппами ⁷⁾.

Разумѣется, война не всегда могла доставить рабовъ, обладающихъ такими спеціальными талантами; ихъ приходилось учить, дрессировать. Многіе капиталисты покупали съ этой цѣлью десяти-двѣнадцати лѣтнихъ дѣтей, давали имъ подходящее воспитаніе и затѣмъ предоставляли ихъ къ услугамъ желающихъ за хорошую плату, конечно. Въ такомъ питомникѣ были специалисты по самымъ различнымъ отраслямъ искусствъ и ремесель; здѣсь можно было нанять грамматика или учителя танцевъ, музыканта или сапожника, каменщика, портного. Вечеромъ панимавшіеся поденно рабы приносили хозяину заработанныя деньги ⁸⁾. Но услугами наемныхъ рабовъ пользовались только люди небогатые; богачи же имѣли всѣхъ такихъ специалистовъ у себя дома; въ иномъ знатномъ домѣ насчитывалось однихъ только городскихъ рабовъ до 120, при чемъ они дѣлились на отряды ⁹⁾. Старались чтобы все необходимое для жизни, и даже предметы роскоши, по возможности, изготовлялись и выдѣлывались въ самомъ домѣ. Такъ, на общей гробницѣ служителей Ливіи Августы и цезарей, мы находимъ множество подписей, посвя-

¹⁾ Ibid. 112—113. ²⁾ Moreau-Christophe, *loc. cit.*, 148. ³⁾ Wallon, *loc. cit.*, II, 116.

⁴⁾ Ibid. 117. ⁵⁾ Moreau-Christophe, *loc. cit.*, 25. ⁶⁾ Wallon, *loc. cit.*, 119. ⁷⁾ Ibid. 122.

⁸⁾ Moreau-Christophe, *loc. cit.*, 211. ⁹⁾ Moreau-Christophe, *loc. cit.*, 146.

ценныхъ памяти рабовъ вышивальщиковъ, позолотчиковъ, рѣзчиковъ, живописцевъ, архитекторовъ, скульпторовъ¹⁾.

Во многихъ домахъ были цѣлыя мастерскія, гдѣ съ рабами обходились очень сурово. Особенно тяжела была служба на мельницѣ и въ булочной; рабочихъ здѣсь безпрестанно поощряли ударами²⁾. Чтобы рабы не ѣли муки, имъ надѣвали на шею особую машину, въ видѣ колеса³⁾. Въ промышленныхъ мастерскихъ посерединѣ былъ вбитъ въ землю столбъ, къ которому привязывали провинившихся рабовъ, чтобы наказать ихъ кнутомъ, розгами, плетью или стрелаломъ. Къ столбу приклевали при этомъ ярлыкъ съ именемъ провинившагося раба и указаніемъ его проступка⁴⁾.

Были, наконецъ, и рабы занимавшіеся своей профессіей на свободѣ, внѣ дома, но обязанности платить господину оброкъ или отдавать часть заработаннаго. Этотъ видъ рабства составляетъ обычное явленіе всюду, гдѣ много ремесленниковъ рабовъ. Это промежуточная форма между рабствомъ и платнымъ трудомъ. Уже во времена имперіи былъ изданъ законъ, гласившій, что если господинъ выгонитъ больного раба, рабъ этотъ становится свободнымъ⁵⁾; слѣдовательно, надо думать, что до тѣхъ поръ господинъ могъ, въ случаѣ болѣзни раба, поступать какъ ему вздумается.

III. Рабъ и законъ.

Съ вѣками законы о рабахъ мало-по-малу смягчились, но вначалѣ они были очень суровы. Рабъ былъ зачисленъ въ разрядъ вещей, *mancipi*, поставленъ наравнѣ съ землей, лошадью, быками⁶⁾. Законъ Аквилія не дѣлаетъ разницы между нанесеніемъ раны домашнему животному и рабу⁷⁾. Въ древнемъ Римѣ господинъ имѣлъ право подвергнуть пыткѣ своихъ рабовъ у ногъ домашнихъ ларъ и въ присутствіи друзей или гостей⁸⁾. Изстари было заведено, чтобы, въ гражданскихъ процессахъ, рабовъ допрашивали подъ пыткой по желанію ихъ господина или по требованію обвинителя; добровольное же показаніе раба не имѣло никакой цѣны на судѣ⁹⁾. Законъ Граціана предписывалъ сжигать живымъ раба, осмѣливагося обвинить своего господина въ какомъ-нибудь преступленіи. Исключенія составляли только государственная измѣна и оскорбленіе величества; въ этихъ исключительныхъ случаяхъ рабъ могъ предстать передъ судомъ въ качествѣ обвинителя¹⁰⁾. — Съ юриди-

¹⁾ Ibid. 207. ²⁾ Apulée, *Mat.* IX. ³⁾ Wallon, *loc. cit.*, II, 223. ⁴⁾ Moreau-Christophe, *loc. cit.*, 219. ⁵⁾ Suétone, *Vita Claudii* 25. ⁶⁾ H. Sumner Maine, *Ancien droit*. 258. — Gains, ch. I par. 121. ⁷⁾ Cubain, *Lois civiles*, 124. ⁸⁾ Du Boys, *Hist. du Droit criminel*, 297. ⁹⁾ Ibid., 330. — Wallon, *loc. cit.*, II, 184. ¹⁰⁾ Lecky, *Hist. europ. Morals*, II, 64. — Wallon, *loc. cit.*, III, 61.

ческой точки зрѣнія римскій рабъ не существуетъ. Ни онъ не можетъ быть долженъ, ни ему не могутъ быть должны. Онъ можетъ одолжать только за счетъ господина или въ его пользу, но самъ на себя не можетъ брать никакихъ обязательствъ¹⁾. За вредъ или убытокъ, причиненный рабомъ, вознаградить потерпѣвшаго обязанъ его господинъ²⁾.

Рабы подлежатъ болѣе строгимъ наказаніямъ, чѣмъ свободные люди. Если госпожа вступить въ связь съ своимъ рабомъ, Константинъ велитъ казнить её, раба же засѣчь до смерти или сжечь на кострѣ³⁾. Въ кодексѣ Феодосія мы находимъ подтвержденіе этого дикаго закона⁴⁾. По закону Корнелія, за подлогъ свободнаго человѣка ждала ссылка, раба — смертная казнь⁵⁾. Раба пойманнаго въ грабежѣ, законы двѣнадцати таблицъ предписываютъ бить пещадно и потомъ сбросить съ Тарпейской скалы⁶⁾. Рабъ не можетъ быть обиженнымъ лицомъ, обидѣть его — значитъ нанести обиду его господину⁷⁾. Августъ издалъ указъ, гласившій, что, въ случаѣ убійства господина, всѣ рабы, живущіе подъ его кровлей, должны быть преданы смерти, безъ различія пола и возраста. Тацитъ приводитъ случай, когда, въ силу этого указа, было казнено за разъ 700 человѣкъ рабовъ⁸⁾. Если господину пришла фантазія дать пощечину рабу, этотъ послѣдній долженъ былъ не только подставить щеку, но еще и надуть её⁹⁾. Къ рабамъ примѣнялись особые мѣры наказанія и особыя казни: жерновъ, вилы, кнутъ, клейма, цѣпи, распятіе¹⁰⁾. Однѣ и тѣ же преступленія влекли за собой различныя наказанія, смотря по тому, былъ ли виновный рабомъ или свободнымъ человѣкомъ; свободнаго ждала палка, раба бичъ; свободнаго — книжаль, раба — топоръ; свободнаго — пропасть, раба — висѣлица и крестъ¹¹⁾. За попытку къ бѣгству, рабу выжигали клеймо на ябу раскаленнымъ желѣзомъ¹²⁾. Господинъ имѣлъ право послать своего раба въ амфитеатръ¹³⁾, на борьбу съ дикими звѣрями, осудить его на смерть и даже казнить его всенародно; примѣры послѣдняго мы видимъ еще во времена Августа¹⁴⁾. Право предать смерти раба было отнято у господина только въ царствованіе Адріана¹⁵⁾. Рабъ былъ неприкосновенной собственностью своего господина; плагиать, т. е. укрыательство раба, удержаніе его насильно и продажа его безъ вѣдома господина, — считался преступленіемъ, которое иногда влекло за собою смертную казнь¹⁶⁾.

¹⁾ Wallon, t. II, 189—190. ²⁾ Ibid., II, 194. ³⁾ Du Boys, *loc. cit.*, 678. ⁴⁾ *Code Theodosien*, Liv. IX, titre IX, 1. ⁵⁾ *Institutes*, Liv. IV, titre XVIII, 7. ⁶⁾ Du Boys, *loc. cit.*, 300. ⁷⁾ *Institutes*, Liv. IV, tit. IV. ⁸⁾ Tacite, *Annales* XI, 42—45. ⁹⁾ Du Boys, *loc. cit.*, 454. ¹⁰⁾ Ibid. 452. ¹¹⁾ Wallon, *loc. cit.*, II, 198. ¹²⁾ Ibid., 239. ¹³⁾ Ibid., 240. ¹⁴⁾ Wallon, *loc. cit.*, 243. ¹⁵⁾ Ibid., 276. ¹⁶⁾ Du Boys, *loc. cit.*, 399.

Всѣ эти гнусные и ужасные законы во многихъ отношеніяхъ смягчились при императорахъ. Уже въ царствованіе Перона былъ назначенъ особый чиновникъ для приѣма жалобъ отъ рабовъ на дурное обращеніе съ ними хозяевъ. Законъ Петронія лишилъ господина права бросать своего раба на сѣденіе звѣрямъ ¹⁾. Каракалла запретилъ продавать дѣтей ²⁾. Діоклетіанъ запретилъ свободнымъ людямъ продаваться въ рабство, а кредиторамъ — продавать должниковъ ³⁾. Торговецъ, продавшій завѣдомо свободного человѣка, подлежалъ одинаковому наказанію съ похитителемъ. Изувѣченіе раба посредствомъ кастраціи наказывалось изгнаніемъ, даже смертью ⁴⁾. Антонинъ Пій приказалъ продавать по сходной цѣнѣ рабовъ, искавшихъ защиты у алтаря отъ чрезмѣрной жестокости своихъ господъ ⁵⁾. Объявлено было, что господинъ превышаетъ свою власть, принуждая ученаго раба къ ручному труду, дѣлая изъ музыканта привратника или учителя гимнастики, заставляя чистить отхожія мѣста ⁶⁾. Господину разрѣшалось наказывать рабовъ умѣренно; далѣе и въ томъ случаѣ, если послѣдствіемъ наказанія была смерть, съ него ничего не взыскивали, но если рабъ погибъ подъ пыткой, его судили какъ убійцу ⁷⁾.

Всѣ эти послабленія, вкравшіяся мало-по-малу въ жестокіе законы о рабахъ, были вызваны различными причинами, главнымъ образомъ, сравнительной рѣдкостью войнъ и постояннымъ общеніемъ съ столь различными народами, составившими населеніе Римской Имперіи, а отчасти и успѣхами нравственной философіи, выдѣлившей сначала стоицизмъ, а затѣмъ нѣкоторыя гуманитарныя принципы, впоследствии пропагандируемые христіанствомъ.

IV. Нравственность раба.

Въ цѣломъ положеніе раба, [какъ въ республиканскомъ Римѣ, такъ и въ Римѣ время имперіи, было ужасно и несомнѣнно должно было дѣйствовать развращающимъ образомъ на всю огромную массу несвободнаго населенія. Надо думать, что латинскіе авторы не слишкомъ преувеличивали, изображая въ своихъ комедіяхъ рабовъ низкими, порочными, обжорами, полными коварства, склонными къ воровству, клятвопреступниками, лжецами, нечувствительными къ презрѣнію и побоямъ ⁸⁾. Вотъ черта еще болѣе любопытная и показывающая, какъ тѣсно связано развитіе нравственнаго чувства съ общими условіями существованія, — ра-

¹⁾ Wallon, *loc. cit.*, III, 56. ²⁾ *Ibid.*, 49. ³⁾ *Ibid.* III, 49. ⁴⁾ *Ibid.* 51. ⁵⁾ *Institutes*. Liv. I. tit. VIII, 2. ⁶⁾ Wallon, 58. ⁷⁾ Lecky, *loc. cit.*, II, 62. ⁸⁾ Moreau-Christophe, *loc. cit.*, 139.

бамъ, томившимся въ тяжелой неволѣ, даже и въ голову не приходила мысль о возможности отмѣны рабства какъ учрежденія. И въ Римѣ дѣло не обошлось безъ возстаній рабовъ; нѣкоторыя изъ нихъ были ужасны; но бунтовщики обыкновенно ставили себѣ задачей не просто вырваться на свободу, но непременно сдѣлаться господами въ свою очередь и поработить своихъ прежнихъ хозяевъ ¹⁾. Ни Аѳеніонъ, предводительствовавшій рабами во вторую великую невольничью войну на островѣ Сициліи, вызванную жестокостью и безграничной алчностью сицилійскихъ рабовладѣльцевъ, ни Эвней, бывшій главой мятежниковъ въ первую войну, и не подумали уничтожить самое рабство. Тотъ и другой грабили города, села, замки и украшали себя знаками царской власти, въ которыхъ они были только смѣшны. Пастухъ Аѳеніонъ, изображая триумфатора, нарядился въ пурпуровую одежду, надѣлъ діадему и взялъ въ руки серебряную трость, вмѣсто скипетра ²⁾. Эвней первымъ дѣломъ провозгласилъ себя царемъ. Затѣмъ мятежники устроили народное собраніе и приговорили къ смерти всѣхъ свободныхъ людей, кромѣ оружейниковъ, которыхъ заковали въ кандалы и въ такомъ видѣ заставили выдѣлывать оружіе для самозванныхъ господъ ³⁾. Во вторую невольничью войну въ Сициліи, Сальвій, товарищъ и соревнователь Аѳеніона точно такъ же короновался подъ именемъ Трифона. Затѣмъ, взявъ городъ Триокаль, онъ избралъ своимъ постояннымъ мѣстопребываніемъ одинъ изъ дворцовъ и учредилъ совѣтъ, въ присутствіи котораго онъ давалъ аудіенціи. Онъ показывался въ народѣ не иначе, какъ въ сопровожденіи ликторовъ, шедшихъ впереди, въ тогѣ претекстѣ, обшитой пурпуромъ, въ латиклавѣ при всѣхъ эмблемахъ царской власти ⁴⁾.

Дѣло въ томъ, что у древнихъ рабство было краеугольнымъ камнемъ, положеннымъ въ основаніе общества. Рабы, по мнѣнію древнихъ, всегда были и всегда будутъ. Никому и въ голову не приходило, что можетъ прійти такое время, когда вовсе не будетъ рабства; его терпѣли по нуждѣ, даже не мечтая о его уничтоженіи; его переносили съ странной покорностью. Впасть въ рабство считалось несчастіемъ — и только. Если рабы порою и пытались сбросить съ себя иго, то лишь въ надеждѣ взвалить его на другія плечи. Они устали страдать, но въ сердцахъ ихъ было не больше гуманности, чѣмъ въ сердцахъ ихъ господъ. Большинство рабовъ въ сущности и не думали о возмущеніи. Они только старались устроиться какъ можно менѣе худо и облегчить тяжелую участь, ниспосланную имъ судьбой, съ помощью средствъ, къ ко-

¹⁾ Ibid. 171. ²⁾ Florus, III. ³⁾ Diodore, Fragment, XXXIV. ⁴⁾ Diodore, XXXVI.

торымъ всегда прибѣгаютъ слабые и угнетенные: хитрости, лицемерія, низости. Многие доходили до того что переставали даже и желать свободы. Когда Марію, въ борьбѣ его съ Суллой, понадобились солдаты, онъ напрасно пытался привлечь къ себѣ рабовъ общаніемъ. даровать имъ свободу: ему удалось этимъ путемъ только рабъ не обладаетъ исключительной твердостью характера, порабощеніе тѣла непременно отразится и на умѣ его. Подобно домашнимъ животнымъ, рабъ утрачиваетъ даже и любовь къ свободѣ; за извѣстную сумму труда, которую онъ ухитряется довести до минимума, онъ обезпеченъ, въ смыслѣ нищи и крова; его не тревожитъ забота о завтрашнемъ днѣ; подобно рабу, выведенному въ одной изъ комедій Плавта, онъ можетъ сказать своему господину: „Еслибъ я былъ свободенъ, я жилъ бы на свой страхъ, а теперь я живу на твой ²⁾“. Болѣе того, — были рабы, которые не только мирились съ своимъ положеніемъ, но въ концѣ концовъ начинали питать нѣчто въ родѣ обожанія къ своему господину и, при случаѣ, жертвовали за него жизнью. Во время гражданскихъ войнъ и странныхъ проскрипцій, рабы охотнѣе и чаще жертвовали собой для господъ, чѣмъ дѣти для своихъ отцовъ. Это еще понятно, когда дѣло касается добрыхъ господъ, отечески заботившихся о своихъ рабахъ, унчтожившихъ въ своей familia всѣ гнусныя стороны рабства; но и жестокимъ господамъ случалось, въ минуту невзгодъ, спастись благодаря преданности своихъ рабовъ; такъ на примѣръ, Аппіанъ рассказываетъ о Рестіонѣ, спасенномъ тѣмъ самымъ рабомъ, которому онъ нѣкогда приказалъ выжечь клейма на лбу ³⁾. Исторія эта стоитъ того, чтобы рассказать ее подробно. Дѣло было во время проскрипцій второго триумvirата. Рестіонъ, преслѣдуемый наемными убійцами, скрылся въ пещерѣ; тамъ его нашелъ и сталъ служить ему рабъ, котораго онъ нѣкогда такъ жестоко наказалъ. Боясь, какъ бы враги не открыли убійца Рестіона, вѣрный рабъ, съ цѣлью отвести глаза убійцамъ, напалъ на перваго поавшагося прохожаго, убилъ его и принесъ его трупъ тѣмъ, которые искали его господина, говоря, что онъ самъ убилъ этого жестокаго человѣка, чтобы отомстить за себя; въ доказательство своей правдивости онъ указывалъ на клейма, выжженные у него на лбу.

Многіе рабы подавали такимъ образомъ примѣры преданности сыновьямъ изгнанниковъ, но тѣ плохо имъ слѣдовали. „Достойно вниманія“, говоритъ *Velleius Paterculus*, „что жены выказали замѣчательную вѣрность своимъ мужьямъ - изгнанникамъ; вольно-

¹⁾ Плутархъ *Маріи*, XXXV. ²⁾ *Plante, Casin*, II, 4. ³⁾ *Appien, G. civil*, IV, 43. — *Dion Cassius*, XLVII, 10.

отпущенники — посредственную; рабы также иногда проявляли преданность, сыновья же никогда¹⁾).

Такие страшные акты самоотвержения можно объяснить только чувством, порожденным и воспитанным самим рабством, — „культомъ господина“, укоренившемся въ рабѣ, глубокимъ уваженіемъ къ могуществу господина, отъ котораго онъ всецѣло зависитъ. Такого рода чувство трудно объяснимаго благоговѣнія встрѣчается нерѣдко; исторія и социологія полны подобныхъ примѣровъ. Болѣе того, — это одно изъ главныхъ препятствій, съ которыми приходилось считаться эманципаторамъ всѣхъ временъ. Съ теченіемъ времени, рабы начинаютъ чтить того, кто ихъ притѣсняетъ, какъ собака обожаетъ хозяина, который привязываетъ ея на цѣпь и бьетъ ее плетью. Человѣкъ необычайно воспріимчивъ къ воспитанію, и приучить его къ рабству можетъ-быть даже легче, чѣмъ воспитать въ немъ свободную душу.

¹⁾ Velleius Paterculus, *Histoire romaine*, Liv. II par. 67.

Г Л А В А XVII.

Рабство въ Римѣ (продолженіе).

I. *Торговля рабами.* — Ея особенности. — Сходство съ работорговлей въ Греціи. — II. *Вольноотпущенники.* — Законы и судебные порядки, относящіеся къ освобожденію. — Освобожденіе экстра-легальное. — Обязанности патрона по отношенію къ его отпущенникамъ. — Его права наслѣдства послѣ нихъ. — Освобожденіе какъ спекуляція. — Легальное положеніе отпущенника. — Возвышеніе вольноотпущенника въ угоду императору. — Причины нравственной испорченности отпущенниковъ. — III. *Крупныя состоянія въ Римѣ.* — Война ради обогащенія. — Она разоряетъ мелкихъ землевладѣльцевъ. — Земледѣліе въ рукахъ рабовъ. — Поля превращаются въ пастбища. — Ростовщичество. — Деньги и нравственность. — Сосредоточеніе капиталовъ въ немногихъ рукахъ. — Надменность и чванство богачей. — Продажность въ области правосудія и политики. — IV. *Сельскій пролетаріатъ.* — Огнятія земель у мелкопомѣстныхъ. — Происхожденіе колоната. — *Adscripti.* — *Nexus colonarius.* — Права и обязанности колона. — V. *Городской пролетаріатъ.* — Его происхожденіе. — Государство кормитъ на свой счетъ гражданъ-пролетаріевъ. — Кустарная промышленность въ домахъ богачей. — Развитие роскоши и промышленности. — Цицеронъ и торговля. — Корпорации и коллегии. — Офиціальныя имперскія коллегии. — Государственный социализмъ. — Императорскій фискъ и его функціи. — VI. *Кліенты.* — Соціальное положеніе кліента. — Эволюція и деморализація класса кліентовъ. — Ихъ низкоклонство. — Милостыня. — VII. *Женщины.* — Простолюдинка. — Матрона и ея обязанности. — Воспитаніе патриціанокъ. — Деморализація женщинъ и причины ея. — VIII. *Величіе и паденіе Рима.* — Ложное величіе Рима. — Политика по Монтескье. — Нравственный регрессъ.

I. Торговля рабами.

Работорговля въ Римѣ была обставлена почти такъ же, какъ и въ Греціи, но здѣсь она приняла болѣе широкіе размѣры. Помимо рабовъ, похищенныхъ морскими разбойниками, на римскіе рынки поступали толпы рабовъ, добытыхъ войнами и непрестанными завоеваніями¹⁾. Работорговцы покупали плѣнныхъ или прямо у республики или же у солдатъ, которымъ они достались, какъ часть добычи. Торговые обороты были, естественно, всего значительнѣе въ Римѣ, и сюда постоянно прибывали партіи рабовъ изъ самыхъ различныхъ странъ. На рынкѣ — рабовъ, предназначенныхъ къ продажѣ, выставляли на особой платформѣ. Ноги ихъ были вымазаны бѣлой краской — знакъ рабства. Военноплѣнные имѣли

¹⁾ Cubain, *Lois civiles de Rome*, 125.

нахъ, отъ 175 до 210 руб.; но иногда продавецъ назначалъ цѣну по произволу; за молодыхъ женщинъ и дѣвочекъ платили иногда по 100,000 сестерцій (около 8750 р.); случалось, что молодые купцы и развратники продавали все свое имущество ради пріобрѣтенія красавицы-рабыни ¹⁾.

Въ общемъ, римская работоторговля не имѣла въ себѣ ничего характернаго и ничѣмъ, кромѣ размѣровъ, не отличалась отъ греческой; она была значительнѣе, потому что, пока Римъ держался системы завоеваній, каждый новый походъ, увѣнчавшійся побѣдой, бросалъ на рынокъ толпы плѣнныхъ. По общіе рабовъ въ Римѣ имѣло спеціальнымъ послѣдствіемъ образованіе многочисленнаго класса отпущенниковъ, которые самымъ пагубнымъ образомъ вліяли на судьбы царственнаго народа.

II. Вольноотпущенники.

Во всѣхъ рабовладѣльческихъ обществахъ мы находимъ вольноотпущенниковъ, но нигдѣ не было ихъ такъ много, какъ въ римскомъ обществѣ, и нигдѣ они не играли такой важной и такой прискорбной роли. Поэтому необходимо поговорить о нихъ подробнѣе.

Римляне были большіе охотники составлять законы и, разумѣется, не преминули издать особые постановленія касательно освобожденія и вольноотпущенниковъ. Легальное освобожденіе было оставлено нѣкоторыми торжественными формальностями. Оно могло совершиться посредствомъ усыновленія ²⁾, или по завѣщанію, посредствомъ *vindicta* и *census*. Наиболѣе простымъ способомъ было освобожденіе непосредственное, по завѣщанію. Если завѣщатель предпочелъ предоставить эту заботу своему наслѣднику, послѣдній долженъ былъ прибѣгнуть къ *цензу* или къ пруту. Въ первомъ случаѣ наслѣдникъ представлялъ раба цензору и заявлялъ о своемъ желаніи отпустить его на волю; во второмъ, онъ, въ присутствіи претора или иного представителя власти, рукой поворачивалъ своего раба налѣво кругомъ и при этомъ произносилъ обычную формулу: „*Sacer esto*“, а представитель власти, чтобы скрѣпить его слово, ударялъ раба пучкомъ прутьевъ ³⁾. Экстра-легальное освобожденіе не требовало никакихъ особыхъ формальностей; господину достаточно было выразить свою волю письменно или словесно, на пиру ⁴⁾ или за столомъ, въ кругу друзей; но такого рода освобожденіе было неполнымъ и ненадежнымъ; господинъ могъ присвоить себѣ *peculium* новоиспеченнаго отпущенника

¹⁾ *Vie de Lucullus*. — Martial, XII. ²⁾ *Instit.* I, 11, 42. ³⁾ Wallon, *loc. cit.* II. 388—389. ⁴⁾ Wallon, *loc. cit.*, 390.

и продолжать пользоваться его услугами¹⁾. Мы видѣли, что у арабовъ и донинѣ такъ ведется. Только легальное освобожденіе было полнымъ и прочнымъ, только оно не могло быть отмѣнено. Отпущенная на волю раба простымъ заявленіемъ, ему только удлиняли цѣнь; номинально свободный, онъ оставался попрежнему подчиненъ господину, всю свою жизнь онъ пріобрѣталъ для него, а послѣ смерти оставлялъ ему въ наслѣдство свое имущество²⁾. Въ первыя времена республики часто прибѣгали къ этому способу освобожденія. Законъ *Iulia Norbana* призналъ это полуосвобожденіемъ и приказалъ отпущенному такимъ образомъ рабу именоваться *латиномъ*. Указъ Константина гласитъ, что имущество *латина* не что иное, какъ *peculium*, и послѣ смерти его должно перейти къ патрону или наслѣдникамъ патрона; сыновья же *латина* не имѣютъ никакихъ правъ на наслѣдство. (F. de Coulanges. *Dom. rur. rom.*). Наименованіе *латина* имѣло особое значеніе. Законно отпущенный находился подъ защитой закона, отпущенный экстралегально — подъ покровительствомъ господина³⁾.

Патронъ былъ естественнымъ заступникомъ отпущенныхъ имъ на волю рабовъ; они носили его фамилію; онъ защищалъ ихъ передъ судомъ какъ кліентовъ, да и внѣ суда обязанъ былъ защищать ихъ отъ всякихъ злоупотребленій власти, а впавшихъ въ нищету и кормить на свой счетъ⁴⁾. Въ свою очередь и отпущенникъ несъ нѣкоторыя тяготы и обязанности. Ему предписывалось оказывать патрону почтеніе, помощь, услуги, пособлять патрону деньгами, если тотъ выдавалъ замужъ дочь или впалъ въ бѣдность. Онъ обязанъ былъ даже сопутствовать господину при выходѣ⁵⁾.

Законъ двѣнадцати таблицъ разрѣшалъ патрону наслѣдовать имущество отпущенника только при отсутствіи завѣщанія или прямыхъ наслѣдниковъ этого отпущенника, но законъ этотъ скоро научились обходить⁶⁾. Юристы, по словамъ Гаія (*Gaius*), нашли, что несправедливо позволять бездѣтному вольноотпущеннику отказывать свое имущество постороннимъ; было установлено, что, по крайней мѣрѣ, половина его состоянія должна перейти къ патрону. По смыслу закона *Paria Porrasa*, патрону предоставлена была въ наслѣдствѣ одинаковая доля съ сыновьями покойнаго въ томъ случаѣ, если ихъ было не болѣе двухъ. Дѣти отпущенника являлись единственными наслѣдниками только въ томъ случаѣ, если ихъ было болѣе⁷⁾. Права свои надъ отпущенникомъ патронъ передавалъ по наслѣдству своимъ дѣтямъ, какъ и прочее имущество. Когда Августъ вздумалъ вербовать въ армію отпущенниковъ, ему пришлось обязать рабовладѣльцевъ представить, смотря по со-

¹⁾ F. de Coulanges, *loc. cit.* ²⁾ Wallon, *loc. cit.* II, 392. ³⁾ *Ibid.*, 393. ⁴⁾ *Ibid.*, 294—295. ⁵⁾ Wallon, *loc. cit.*, 393—391. ⁶⁾ *Ibid.*, 402. ⁷⁾ F. de Coulanges, *loc. cit.*

стоянію своему, большее или меньшее количество отпущенныхъ ими на волю рабовъ ¹⁾).

Со стороны господина отпускъ на волю могъ быть простой спекуляціей; онъ могъ просто продать свободу за сумму, достаточную для того, чтобы купить другого раба ²⁾. Перѣдко также господинъ, при отпускѣ, ставилъ условіемъ, чтобы прежній рабъ несъ извѣстнаго рода службу, хотя и облегченную, — службу вольноотпущеника (F. de. Coulanges, *loc. cit.*). Иногда отпущеникъ обязывался нести какую-нибудь повинность, напр. — построить зданіе, если онъ былъ архитекторъ, изваять статую, если онъ былъ скульпторъ; живонисцу предписывалось расписать тотъ или другой покой, и т. д. и т. д. ³⁾. Иногда, при освобожденіи, хозяинъ бралъ съ раба клятву, что онъ никогда не женится или что онъ будетъ удѣлять ему долю изъ всѣхъ прибылей и барышей ⁴⁾. Наконецъ, иной владѣлецъ передъ смертью отпускалъ на волю большое количество рабовъ просто изъ тщеславія, чтобы цѣлый кортежъ отпущениковъ слѣдовалъ за его гробомъ, чтобы, какъ говорятъ у насъ, похороны вышли „шикарныя“ ⁵⁾).

Въ глазахъ закона и общественнаго мнѣнія, вольноотпущеникъ былъ гражданномъ низшаго разряда; чтобы поступить въ военную службу, ему нужно было прежде возвыситься до званія помѣщика, да и то его зачисляли въ низшіе роды оружія, напримѣръ, во флотъ, гдѣ приходилось служить вмѣстѣ съ плебеями, а, въ критическія минуты, даже и съ рабами ⁶⁾).

Какимъ образомъ, отъ такого презираемаго положенія вольноотпущеники могли перейти къ той выдающейся роли, какую они, какъ извѣстно, играли впоследствии въ римскомъ обществѣ? Въ этомъ виновато главнымъ образомъ желаніе первыхъ императоровъ показать свою власть, распорядиться по своему, сохраняя въ то же время видъ полнаго уваженія къ древнимъ обычаямъ. Во всѣхъ знатныхъ домахъ было принято обходиться собственными средствами; каждый патрицій считалъ долгомъ поручать все необходимое для дома занятія и работы своимъ рабамъ и вольноотпущеникамъ. Императоры тоже слѣдовали этой традиціи, но управление ихъ личными дѣлами все болѣе и болѣе сливалось съ управленіемъ дѣлами государства; вслѣдствіе этого нѣкоторые императорскіе вольноотпущеники сдѣлались весьма важными особами, и это, конечно, должно было правиться ихъ господину, какъ подтвержденіе его всемогущества. Первый изъ цезарей подаль этому примѣръ, поручивъ командованіе легиономъ своему прежнему любимцу, сыну вольно-

¹⁾ F. de. Coulanges, *loc. cit.* ²⁾ Wallon, *loc. cit.*, II, 408. ³⁾ *Ibid.*, 297—298.

⁴⁾ F. de. Coulanges, *loc. cit.* ⁵⁾ Wallon, *loc. cit.*, 409. ⁶⁾ Duruy, v. *Italie ancienne*, 306.

отпущенника ¹⁾ etc. Зло быстро расло и развивалось. При Коммодѣ вольноотпущенники уже завѣдывали императорскими финансами и были государственными секретарями ²⁾. Многие изъ этихъ выскочекъ были родомъ съ Востока, или изъ Египта, т. е. принадлежали къ расамъ, наиболѣе презираемымъ римлянами; нѣкоторые дебютировали выставкой на *катасть*, на невольничьемъ рынкѣ, и подвергались всемъ униженіямъ, связаннымъ въ Римѣ съ званіемъ раба. Это, конечно, не могло имѣть благотворнаго вліянія на ихъ характеръ; для того, чтобъ оно не имѣло дурного вліянія, отпущеннику нужно было обладать рѣдкой силою и твердостью воли. Исторія говоритъ намъ, что такихъ избранныхъ натуръ встрѣчается очень немного. По словамъ Плинія, римскіе государи были въ одно и то же время господами гражданъ и рабами своихъ вольноотпущенниковъ ³⁾, т. е. самыхъ низкихъ и порочныхъ членовъ римскаго общества. Въ лѣтописяхъ Рима упоминается только о знаменитыхъ отпущенникахъ, любимцахъ императоровъ; и то большинство тѣхъ изъ нихъ, чьи имена дошли до насъ, были образцами низости, плутовства и жестокости; несмотря на освобожденіе, характеръ ихъ сохранилъ отпечатокъ рабства. Легко допустить, что то же самое зачастую бывало и съ безвѣстными отпущенниками. Количество ихъ постепенно достигло огромной цифры. Освобожденіе поддерживало новый притокъ и грязныхъ струй въ свободные классы, поставляло туда личностей, по большей части достойныхъ презрѣнія. Римляне прекрасно понимали всю опасность такой инфильтраціи и даже пытались помочь горю, ограничивъ число освобожденій. Законъ *Furia Caninia* устанавливаетъ максимумъ рабовъ, которые могутъ быть отпущены на волю, въ обратной пропорціональности съ общимъ количествомъ ихъ, принадлежащимъ одному господину. По этому закону, изъ 3-хъ рабовъ, можно было освободить по завѣщанію двухъ; изъ десяти — половину; отъ 10—40 — одну треть; отъ 100—500—¹/₃ и ни въ какомъ случаѣ не болѣе ста ⁴⁾. При этомъ съ cadaго вольноотпущенника при освобожденіи взимался налогъ въ размѣрѣ ¹/₂₀ его стоимости ⁵⁾. Но это не уничтожило, а только ослабило зло, и масса отпущенниковъ, безспорно, играла роль весьма активнаго фермента въ нравственномъ разложеніи римскаго общества. Римъ злоупотреблялъ рабствомъ, — черезъ грѣхъ пришло и наказаніе.

¹⁾ Suétone, *Cesar*, LXXVI. ²⁾ Friedlaender, *Civilisation et moeurs romaines*, II, 60. ³⁾ Panégyrique de Trajan. ⁴⁾ Cubain, *loc. cit.*, 148. ⁵⁾ Wallon, *loc. cit.*, II, 15.

III. Крупныя состоянія въ Римѣ.

Рабство имѣло для Рима весьма серьезныя послѣдствія и въ другомъ отношеніи: оно привело къ постепенному обезземленію мелкопомѣстныхъ и къ скопленію огромныхъ богатствъ въ рукахъ крупныхъ владѣльцевъ. Римляне очень скоро стали смотрѣть на войну, какъ на средство къ обогащенію. Фламиній первый придумалъ законъ, въ силу котораго земли Пиценума, послѣ изгнанія сеноновъ, были раздѣлены между завоевателями. Этотъ прецедентъ вызвалъ впослѣдствіи много подражаній и въ высокой степени способствовалъ развитію алчности въ римлянахъ¹⁾. Стали воевать ради захвата земель и грабежа. Катонъ Старшій, котораго приходится приводить въ примѣръ каждый разъ, какъ дѣло идетъ о беззастѣнчивомъ хищничествѣ, въ одинъ прекрасный день показалъ сенату великолѣпныя смоквы, привезенныя имъ изъ Африки, со словами: „Земля, которая родитъ эти плоды, лежитъ всего въ трехъ дняхъ морского пути отъ Рима“. Сенатъ не устоялъ передъ этимъ аргументомъ и вотировалъ третью пуническую войну. Съ этихъ поръ римская исторія представляетъ собой рядъ вооруженныхъ грабежей. Одно паденіе Карфагена принесло римлянамъ около 175 миліоновъ рублей. Сиракузы, Тарентъ, Сирія, нумидійскіе города были разграблены до основанія. Двѣсти пятьдесятъ колесницъ, нагруженныхъ золотомъ и серебромъ, слѣдовали за триумфомъ Павла Эмілія и золотили его славу. Манлій опустошилъ Малую Азію, Семпроній—Лузитанію, Флаккъ—Испанію; въ Эпирѣ семьдесятъ городовъ были разграблены до тла и т. д. и т. д.²⁾ Такъ какъ при дѣлежѣ добычи на долю каждаго воина падала часть, соответствующая его рангу, то богатые отъ удачныхъ походовъ богатѣли еще больше; бѣдняки же, по возвращеніи въ Римъ, оказывались въ очень стѣсненныхъ обстоятельствахъ, хотя и возвращались побѣдителями, — война мѣшала имъ обработать свой родовой кусокъ земли. Приходилось обращаться за помощью къ богачамъ, занимать деньги подъ залогъ имѣнія и за огромные проценты, не менѣе 12%. Разъ сдѣланный долгъ съ каждымъ годомъ увеличивался, а должникъ, превратившійся въ *nexius*'а, *связанннмо*, скользья по наклонной плоскости, незамѣтно приближался къ пропасти рабства и нерѣдко падалъ туда. Въ результатъ — большія имѣнія поглотили малыя, не говоря уже о томъ, что патриціи взяли себѣ львиную долю изъ *ager publicus*, общественной земли, приобрѣтенной побѣдами. Бо-

¹⁾ Olybe, *Republique romaine*, liv. II, ch. IV. ²⁾ Moreau-Christophe, *loc. cit.*, 43.

гатые предпочитали, насколько это было возможно, воздѣлывать свои обширныя помѣстья руками рабовъ, тѣмъ болѣе, что вельдствіе безпрестанныхъ побѣдъ, толпы ихъ наводняли Италію. Лишившись собственнаго имѣнія, мелкій землевладѣлецъ, если ему и удавалось сохранить свободу, долженъ былъ работать въ имѣніи богача, въ качествѣ колона или поденщика¹⁾; но и тутъ ему было отведено очень узкое поприще, такъ какъ предпочтеніе отдавалось труду рабовъ. Крупные землевладѣльцы покупали ихъ большими партиями, клеймили ихъ какъ скоть, морили на тяжелой работѣ и очень плохо кормили²⁾; свободныхъ рабочихъ такъ эксплуатировать было нельзя. Изгнанные изъ деревень, эти послѣдніе искали убѣжища въ Римѣ и мало-по-малу образовали тамъ классъ пролетаріевъ³⁾. Въ концѣ концовъ дошло до того, что свободный поденщикъ могъ найти работу только въ видѣ исключенія, въ мѣстности съ нездоровымъ климатомъ, или во время жатвы и уборки винограда⁴⁾.

Съ другой стороны, съ цѣлью уменьшить расходы по эксплуатаціи имѣній, римляне измѣнили самую систему сельскаго хозяйства и стали заниматься, главнымъ образомъ, разведеніемъ скота; мало-по-малу нивы превратились въ обширныя пастбища, гдѣ конные рабы-пастухи стерегли безчисленныя стада. Уже Катонъ Старшій проповѣдывалъ этотъ переворотъ въ области сельскаго хозяйства⁵⁾.

Къ выгодамъ, извлекаемымъ изъ самой земли, надо прибавить другую статью дохода, еще болѣе прибыльную для помѣщиковъ, — отдачу денегъ въ ростъ подъ залогъ. Славнѣйшіе изъ римскихъ гражданъ не брезгали этимъ удобнымъ способомъ эксплуатаціи капиталовъ. Катонъ Старшій достигъ въ этомъ отношеніи большого искусства; стоикъ Брутъ далъ денегъ взаймы саламинскому сенату, за 4⁰/₀ въ мѣсяцъ, и отказался принять ихъ обратно, когда ему хотѣли возвратить долгъ, такъ что жители Саламина вынуждены были ежегодно выплачивать ему 48⁰/₀ на его капиталъ⁶⁾. Деньги господствовали надъ всѣмъ; самъ Цицеронъ, объясняя, что такое *оптиматъ* (хорошій, порядочный человекъ), говоритъ, что оптиматы — это люди, которые, не будучи ни жестокими, ни безчестными, умѣютъ „хорошо вести свои дѣла“⁷⁾.

Благодаря такимъ изреченіямъ и въ особенности ихъ практическому примѣненію, въ концѣ концовъ въ Римѣ оказалось весьма ограниченное количество крупныхъ капиталистовъ, а рядомъ съ ними и толпа лищихъ. Къ 104 г. до Р. Х., по словамъ консула Филиппа, въ Римѣ не насчитывалось и 2000 собственниковъ, а

¹⁾ Ibid. *loc. cit.*, 237. — Wallon, *loc. cit.*, II, 14. ²⁾ Diodore, XXIV et XXV. (Fragment). ³⁾ Wallon, *loc. cit.*, II, 372. ⁴⁾ Wallon, *loc. cit.*, II, 100. ⁵⁾ Varron, I, VII, 10 — Cicéron, De officiis, II, 25. ⁶⁾ Cicéron, Act. Attic., VI. ⁷⁾ Cicéron, Pro Sext. 45.

назывался хлѣбопашецъ, прикрѣпленный къ землѣ; его нельзя было продать иначе, какъ вмѣстѣ съ землей; онъ былъ обязанъ платить разъ навсегода установленную подать, но лично былъ свободенъ. Классъ колоновъ пополнялся различными путями; колонаты были только однимъ изъ способовъ поглощенія малыхъ и слабыхъ большими и сильными, т. е. богатыми¹⁾. Часто колонъ былъ рабомъ, котораго помѣщикъ, его господинъ, отпустилъ на оброкъ, давъ ему клочокъ земли для воздѣлыванія. Такимъ образомъ можно было одновременно быть рабомъ и колономъ. Уже Варронъ совѣтуетъ надѣлять трудолюбивыхъ рабовъ землей и давать имъ небольшое стадо, чтобы „привязать ихъ къ имѣнью“²⁾. Съ другой стороны, свободные арендаторы, изъ поколѣнія въ поколѣнїе сидѣвшїе все на одномъ и томъ же клочкѣ земли, мало-по-малу приближались къ крѣпостному состоянїю. Свободные люди, не имѣющіе средствъ къ жизни, и очень мелкіе землевладѣльцы дошли до того, что, какъ милости, просили дозволенія поселиться въ какомъ-нибудь помѣстьѣ въ качествѣ колоновъ³⁾. Къ этимъ двумъ видамъ колоновъ нужно прибавить еще насильственно введенныхъ въ Италію жителей покоренныхъ странъ. Такъ, Діоклетіанъ переселилъ во Фракію населеніе нѣсколькихъ азіатскихъ областей и надѣлилъ переселенцевъ землей. Точно такъ же Максиминъ отдалъ франкамъ пустынную страну нервовъ и тревировъ⁴⁾. Съ теченіемъ времени различія между колонами сгладились, и всѣ они оказались на равномъ положенїи.

Въ концѣ четвертаго вѣка, указомъ Валентиніана и Граціана санкціонирована была эта перемѣна и было запрещено продавать земледѣльческихъ рабовъ безъ земли, къ которой они были прикрѣплены⁵⁾. Сервы еще съ конца III вѣка были закрѣпощены, превратились въ *adscripti glebae*, приписанныхъ къ землѣ⁶⁾. Паряду съ колонами, продолжали однако воздѣлывать землю и настоящіе рабы; но законъ дѣлалъ различіе между первыми и вторыми; въ указахъ колонъ нерѣдко именовался „свободнымъ“; и дѣйствительно, личность его не была порабощена; правда, онъ не могъ уйти съ своего клочка земли, но зато и помѣщикъ не могъ его прогнать оттуда; его удерживала законная связь съ землей, *nexus colonarius*⁷⁾. Римскій колонъ имѣлъ право обращаться къ суду хотя бы съ жалобой на своего помѣщика. Если колонъ жаловался на то, что ему хотятъ увеличить оброкъ, судья, къ защитѣ котораго онъ обратился, обязанъ былъ воспротивиться этому и даже заставить помѣщика возвратитъ колоцу все, что было взято у

¹⁾ Viollet, *Hist du droit français*. ²⁾ F. de Coulanges, *loc. cit.* ³⁾ Meyer et Ardant, *Question agraire*, 88. ⁴⁾ Cibrario, *Economie politique du Moyen age*, 33. ⁵⁾ Viollet, *loc. cit.*, 266. ⁶⁾ F. de Coulanges, *loc. cit.* ⁷⁾ Ibid.

него (сверхъ положеннаго¹⁾). Колонъ могъ пріобрѣтать собственность и поступать въ военную службу; бракъ его былъ настоящимъ бракомъ въ глазахъ закона, и помѣщикъ не имѣлъ права разлучить его съ женой и дѣтьми²⁾. Иногда колонъ обязывался отправлять повинности или же, будучи рабомъ, продолжалъ нести ихъ; въ такомъ случаѣ ему приходилось извѣстное число дней въ годъ работать на хозяина. Землевладѣльцамъ запрещено было продавать свои имѣнія безъ колоновъ; покупатель, съ своей стороны, не имѣлъ права поселить въ имѣніи новыхъ колоновъ. Сыновья колона наследовали его имущество и обязаны были выбирать себѣ женъ въ предѣлахъ имѣнія; желающій взять жену изъ другой мѣстности долженъ былъ купить на то особое разрѣшеніе. Помѣщикъ имѣлъ право подвергнуть колона наказанію только за нѣкоторые проступки, предусмотрѣнные закономъ. Изъ всего сказаннаго явствуетъ, что колонъ не былъ ни вещью ни рабомъ, но лишь пролетаріемъ, прикрѣпленнымъ къ землѣ. Землевладѣльцы сами были избавлены отъ обязательной военной службы, но обязаны представлять извѣстное число рекрутовъ, большее или меньшее, смотря по размѣрамъ имѣнія, и рекрутовъ этихъ они вербовали среди колоновъ. За неимѣніемъ колоновъ; необходимо количество людей добывали вербовщики, или же государство покупало солдатъ; въ видахъ этого былъ установленъ даже особый налогъ. Отъ милиціи первыхъ вѣковъ существованія Рима осталось только одно воспоминаніе³⁾.

V. Городской пролетаріатъ.

Городской пролетаріатъ имѣлъ происхожденіе аналогичное съ сельскимъ, — онъ образовался вслѣдствіе двухъ главныхъ причинъ: обезземеленія мелкихъ собственниковъ и отъ освобожденія рабовъ. Пролетаріамъ назывались неимущіе граждане, которые служили государству только тѣмъ, что производили на свѣтъ дѣтей. Ихъ называли еще *capite censi*, такъ какъ ихъ можно было внести въ списки только поголовно: имѣній у нихъ не было. Пролетаріи съ давнихъ поръ составляли въ средѣ римскаго народа огромное большинство. При Цезарѣ ихъ насчитывалось въ Римѣ 320,000 на 450.000 гражданъ⁴⁾. Въ военную службу они не могли поступить, если не въ принципѣ, то на практикѣ, такъ какъ не въ состояніи были нести связанные съ нею расходы; съ другой стороны, тѣхъ изъ нихъ, которые были римскими гражданами, нельзя было принудить ни къ какому ручному труду. Государству приходилось

¹⁾ Ibid. ²⁾ Rambaud Hist. Civ. Fr. t. I, 38—39. ³⁾ Wallon, *loc. cit.*, III, 146.

⁴⁾ Moreau-Christophe, *loc. cit.*, 35.

содержать на свой счетъ всѣхъ этихъ лѣнивцевъ, имѣвшихъ право быть праздными, проводившихъ свою жизнь въ шатаньѣ по улицамъ, въ политическихъ интригахъ, и нерѣдко продававшихъ свои голоса. Казна истощала всѣ силы, чтобы накормить эту бездѣйствующую толпу, которую Цицеронъ называлъ „пиявницей государственнаго казначейства“ (*concionalis hirudo aerarii*)¹⁾. Пролетаріямъ периодически раздавали съѣстные припасы. Во времена республики выдавали только зерно; императоры, добываясь популярности, пошли гораздо дальше. Северъ присоединилъ къ хлѣбу масло. Аврелій замѣнилъ ежемѣсячную выдачу зерна выдачей печенаго хлѣба, потому сала; онъ велѣлъ продавать пролетаріямъ вино по низшей противъ обыкновенной цѣнѣ, а въ царствованіе Константина его стали выдавать даромъ²⁾.

Дѣло въ томъ, что римляне, какъ и греки, считали физической трудъ пригоднымъ только для рабовъ. Дѣйствительно, богачи и даже просто состоятельные люди могли доволъствоваться семейной, кустарной промышленностью, отданной въ руки рабовъ, ибо эта промышленность удовлетворяла всѣмъ ихъ потребностямъ. Каждая зажиточная семья имѣла свою мельницу, печь для печенія хлѣбовъ, ткацкую мастерскую, орудія и рабовъ, изготовлявшихъ хлѣбъ и одежду; припасы доставляло имѣніе. Самъ Августъ подчеркивалъ то обстоятельство, что онъ одѣвается только въ ткани, изготовленныя и вытканныя въ его *familia*. Эта система абсолютно разнилась отъ нашей; промышленное производство никогда не переходило извѣстныхъ границъ, опредѣляемыхъ потребностями семьи³⁾, и богатому не было надобности пользоваться за плату трудомъ бѣдняка.

Но вмѣстѣ съ переменами, происшедшими въ самомъ Римѣ и въ судьбѣ частныхъ лицъ, измѣнились и нравы. Притокъ иностранцевъ, освобожденіе рабовъ, обезземеленіе мелкопомѣстныхъ, все это, взятое вмѣстѣ, создало многочисленный классъ пролетаріевъ, большинство которыхъ не имѣло ни права гражданства, ни права на бесплатное полученіе принасовъ. Въ то же время многіе изъ свободныхъ гражданъ занялись торговлей или ремеслами. Одновременно съ этимъ у римлянъ народилась и быстро развилась привычка къ роскоши, къ блеску, искусственные потребности. Знать уже не могла обходиться безъ музыкантовъ, литейщиковъ, ювелировъ и пр. Появились мастерскія, открылись лавки. Но патриціи продолжали питать глубокое презрѣніе къ этому мірку торговцевъ и трудолюбивыхъ рабочихъ. „Что добраго можетъ выйти изъ лавки? говорилъ Цицеронъ, и какимъ образомъ торговля можетъ произ-

¹⁾ *Ad. Attic.* Lib. I. ep. XIII. ²⁾ Wallon, *loc. cit.*, III, 241—242. ³⁾ Moreau-Christophe, *loc. cit.*, 202—206.

вести что-либо честное? Всякій рабочій, какимъ бы ремесломъ онъ ни занимался, представляетъ собой нѣчто гнусное; все, что называется лавкой, недостойно порядочнаго человѣка. Торговля, ведомая въ большихъ размѣрахъ и ради снабженія товарами страны, самое большее, что терпима; въ малыхъ — она не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ только гнуснымъ промысломъ, ибо мелкій торговецъ безъ обмана ничего не наживетъ. А что постыднѣе лжи и обмана? А потому должнo почитать низкимъ и подлымъ ремесло всѣхъ тѣхъ, кои продаютъ свой трудъ, или свои издѣлія, ибо кто отдаетъ свой трудъ за деньги, продаетъ самого себя и спускается до уровня раба“¹⁾.

Значительную часть рабочаго населенія составляли вольноотпущенники²⁾, а отпущенникъ часто сохраняетъ въ себѣ слишкомъ много общихъ чертъ съ рабомъ. Притомъ же и несвободный трудъ по прежнему составлялъ опасную конкуренцію труду свободному; отсюда вытекала для рабочихъ необходимость сплотиться, тѣмъ болѣе, что крупные капиталисты безъ церемоніи эксплуатировали коллективный трудъ своихъ рабовъ³⁾. Для того, чтобы увеличить свои силы, свободные ремесленники, иногда вперемежку съ рабами, соединялись въ различнаго рода корпораціи или коллегіи. Къ этому времени торговля, особенно въ области ввоза, развилась до огромныхъ размѣровъ и въ одномъ только Римѣ давала занятія тысячамъ.

Ремесленный трудъ тоже развивался и все больше специализировался; одна корпорація выдѣляла изъ себя другую. Отъ первоначальнаго цеха башмачниковъ отдѣлились саножники, фабриканты сапдалій, туфель, женскихъ башмаковъ; рядомъ съ булочниками появились различнаго рода пекари и пирожники. Въ выдѣлкѣ металлическихъ издѣлій также господствовало раздѣленіе труда; мы находимъ здѣсь лѣпщиковъ, литейщиковъ, ваятелей, позолотчиковъ, котельщиковъ, фабрикантовъ фонарей, касокъ, щитовъ и пр. Сюда же слѣдуетъ отнести ювелировъ, гранильщиковъ и пр. Всѣ улицы Рима были загромождены выступами лавокъ и мастерскихъ.

Каждая рабочая корпорація имѣла свой уставъ, свои праздники и свои обязанности; повидимому, одна изъ главныхъ между ними была — обезпечить своимъ членамъ приличныя похороны. На большія празднества собирались всѣ члены корпораціи⁴⁾. Корпораціи могли получать по завѣщанію деньги или иного рода собственность, напримѣръ, мѣсто для погребенія, залу для собраній и пр.⁵⁾. Ремесленники и торговцы группировались по улицамъ. Организанія

¹⁾ Cicéron, *De officiis* I, tit. II, ch. XLII. ²⁾ Moreau-Christophe, *loc. cit.* ³⁾ Ibid., 195. ⁴⁾ Friedlaender, *loc. cit.*, III, supplément, 64—77. ⁵⁾ Wallon, III, 244.

эта повидимому послужила образцомъ для устройства средневѣковыхъ цеховъ.

При императорахъ корпоративная, или коллегіальная система была принята официально и дѣйствіе ея расширено; въ концѣ концовъ всѣ общественныя работы стали поручать корпораціямъ. Корпораціи завѣдывали водами, государственными свинцовыми плавильнями, монетнымъ дворомъ, сборомъ багрянки, поставкой тканей и одежды въ императорскій дворецъ и на армію ¹⁾. Были коллегіи почтъ и транспортовъ, погонщиковъ муловъ и конюховъ, шоссейныхъ сторожей, землѣтровъ, сборщиковъ податей, судовщиковъ, грузчиковъ ²⁾. Въ лагеряхъ были еще коллегіи плотниковъ, кузнецовъ, строителей плотовъ и палатокъ ³⁾.

Разумѣется, всѣ эти корпораціи должны были подчиняться особымъ законамъ, изданнымъ для нихъ императорами. Члены корпораціи не имѣли права выйти изъ нея, должны были жениться въ своей коллегіи, иногда даже имѣли клеймо на рукѣ. Тяготы и обязанности переходили по наследству отъ отцовъ къ дѣтямъ. Членъ, выходящій изъ корпораціи, въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда это оказывалось возможнымъ, обязанъ былъ оставить ей свое имущество и найти себѣ замѣстителя, способнаго платить вмѣсто него подать въ казну. Но были и такія корпораціи, изъ которыхъ совсемъ нельзя было выйти. Такъ, напримѣръ, члены коллегіи оружейниковъ оказывались рабами своего ремесла; даже чины, даже милость государя не могли возвратить имъ свободу ⁴⁾. — Рабочіе превратились въ чиновниковъ; трудъ, который римляне столько вѣковъ презирали, теперь былъ въ почетѣ; начальники гуртовщиковъ, собиравшихъ рогатый скотъ и свиней, черезъ пять лѣтъ службы получали графскій титулъ ⁵⁾; но, сдѣлавшись почетнымъ, трудъ сдѣлался и обязательнымъ; онъ превратился въ общественную службу, гдѣ высшимъ должностнымъ лицомъ былъ въ принципѣ самъ императоръ ⁶⁾.

Было бы большою ошибкой приписывать этотъ социальный переворотъ нравственнымъ или гуманитарнымъ побужденіямъ. Во-первыхъ, цезарь, сосредоточившій въ себѣ всѣ виды власти, прежде всего нуждался въ слугахъ и съ этой цѣлью безъ церемоніи бралъ изъ частныхъ мастерскихъ рабочихъ, необходимыхъ ему для заполнения пробѣловъ въ имперскихъ корпораціяхъ ⁷⁾. А главное, имперія, олицетворяемая въ лицѣ императора, нуждалась въ деньгахъ; войны и побѣды перестали наполнять общественныя кассы; единствен-

¹⁾ Wallon, *loc. cit.*, t. III, 136. ²⁾ *Ibid.*, 168—171. ³⁾ *Ibid.*, 137. ⁴⁾ Wallon, *loc. cit.*, 139—140, 174—175, 187. ⁵⁾ *Ibid.*, III, 172. ⁶⁾ Moreau-Christophe, *loc. cit.*, 264—268. ⁷⁾ *Ibid.*, 273.

ными денежными ресурсами оставались налоги на собственность и на трудъ; поэтому необходимо было заставить народъ трудиться и въ то же время устроить такъ, чтобы всѣ плательщики податей были подъ рукою у фиска, какъ ремесленники въ коллегіяхъ, такъ и помѣщики; фискъ былъ господствующимъ учрежденіемъ въ имперіи, — учрежденіемъ, которымъ держались всѣ другія.

VI. Кліенты.

Перечисляя болѣе или менѣе поработанные классы населенія древняго Рима, нельзя не упомянуть, хотя бы вскользь, о кліентахъ, — классъ также зависимомъ, но рѣзко отличающемся отъ рабовъ, колоновъ и ремесленниковъ. Кліентъ не былъ рабомъ, онъ былъ только наполовину слугою, но прикрѣпленнымъ не къ землѣ, какъ холопъ или сервъ, а къ личности, къ семьѣ патрона. Кліентура, въ томъ смыслѣ, какой придавали этому слову римляне, развивалась какъ и рабство. Въ первые времена республики кліента связывали съ патрономъ чувства любви, признательности, взаимный обменъ услугъ; болѣе могущественный оказывалъ покровительство слабѣйшему; тотъ, съ своей стороны, платилъ ему преданностью, но не доходящей до униженія. Во времена имперіи роль кліента и характеръ его отношеній къ патрону измѣнились къ худшему: кліентъ сдѣлался чѣмъ-то въ родѣ челядинца, холопа. Имперскіе сановники не довольствовались такой скромной свитой, какой довольствовались выдающіеся республиканцы. Они и въ городѣ и дома окружали себя цѣлымъ дворомъ. На улицѣ они показывались не иначе, какъ въ сопровожденіи по возможности болѣе блестящей и многочисленной свиты. Множество бѣдныхъ гражданъ, не имѣющихъ чѣмъ жить, но глубоко презирающихъ и механической трудъ и торговлю, только тѣмъ и существовали, что прилѣплялись къ знатнымъ и богатымъ и становились ихъ неотлучными спутниками, — ремесло, безъ сомнѣнія, унижительное, но зато легкое. Утромъ они первымъ долгомъ являлись привѣтствовать патрона; ихъ такъ и называли *Salutatores*¹⁾. Днемъ они сопровождали его, куда бы ему ни вздумалось отправиться; шли впереди или сзади его носилокъ, расчищали дорогу, въ случаѣ надобности силой, и съ бранью расталкивали толпу. Если патронъ собирался ѣхать въ деревню или путешествовать, они всѣ держались наготовѣ, на случай, если онъ пригласитъ кого-нибудь ѣхать вмѣстѣ съ нимъ. Всегда смиренные и послушные, они восхваляли каждое слово, каждый поступокъ человѣка, отъ котораго они находились въ за-

¹⁾ Friedlaender, *loc. cit.*, I, liv. III, par. 2.

висимости, усиленно аплодировали ему, когда онъ читалъ имъ стихи или говорилъ на судѣ; называли его „повелитель, *государь*“, обращались къ нему не иначе, какъ съ глубокой почтительностью. Нерѣдко любимцы рабы захлопывали двери подъ носомъ у кліентовъ или пускали ихъ только за плату. Если кліентъ удостоивался приглашенія къ обѣду, его садили на самое послѣднее мѣсто, подавали ему кушанье и посуду низшаго качества и т. д. Вмѣсто всякой награды кліенты получали скудныя подачки деньгами или жизненными припасами. Деньгами кліенту выдавали среднимъ числомъ десять сестерцій въ день, — немного больше двухъ копѣекъ. Многіе кліенты имѣли по нѣскольку патроновъ, но главнымъ источникомъ дохода для нихъ были случайныя, экстренныя подачки. Нерѣдко также патронъ давалъ кліенту помѣщеніе у себя въ домѣ, конечно для того, чтобы всегда имѣть его подъ рукою; наконецъ, не отказывался иногда одолжить ему денегъ, поручиться за него, оказать протекцію или заступиться на судѣ. — Но, для того, чтобы пользоваться всѣми этими преимуществами, кліенту необходимо было выказывать усердіе, стараться о томъ, чтобы въ *atrium* патрона съ ранняго утра толкалась толпа просителей, не показываясь ему на глаза иначе какъ въ тогѣ, — древнеримской тогѣ изъ толстаго сукна, и въ этой тяжелой одеждѣ ходить за нимъ во всякую погоду и при всякой температурѣ¹⁾; глазомъ не моргнувъ сносить шутки, отказы, презрѣніе, всѣ дерзости, какія позволяютъ себѣ плохо воспитанные богачи, которые всегда рады дать почувствовать бѣдняку его зависимость отъ нихъ.

Можно смѣло утверждать, что кліентура, такимъ образомъ понимаемая и практикуемая, была для Рима временъ упадка добавочнымъ дѣятельнымъ агентомъ деморализаціи, или, еще вѣрнѣе, признакомъ нравственнаго регресса характеровъ и усиливающейся тиранніи денегъ. Изслѣдованіе положенія женщины въ Римѣ и тѣхъ измѣненій, какимъ оно подверглось, должно привести насъ къ аналогичнымъ заключеніямъ.

VII. ЖЕНЩИНЫ.

Римляне, какъ и греки, были слишкомъ развитой расой для того, чтобы обременять женщинъ, въ особенности свободныхъ женщинъ, тяжкими работами, возлагаемыми на рабовъ. Мы имѣемъ очень мало свѣдѣній о занятіяхъ свободной и бѣдной простолюдинки, — латинскіе историки, лѣтописцы и бытописатели не сочли нужнымъ обратить на это вниманіе. Что касается женщины

¹⁾ Friedlaender, *loc. cit.*, t. I, liv. III, par. 2.

средняго сословія и патриціанки, ея положеніе было, повидимому, очень сходно съ участіемъ гречанки, занимающей такое же общественное положеніе. Римская матрона вела хозяйство, заправляла домою, *familia*, выдавала провизію, надзирала за ея заготовкой, распределяла шерсть для пряжи между рабынями¹⁾. Какъ и въ Греціи, главными занятіями женщины были пряденіе и тканье (*Domum mansit, lanam fecit*). Императоръ Августъ не носилъ ни одной одежды, кромѣ выпряденной и вытканной его дочерьми и внучками. На гробницахъ женщинъ даже вырѣзывали иногда ткацкій станокъ.

Женщинамъ высшихъ классовъ старались дать литературное образованіе, познакомить ихъ съ извѣстными поэтами, а главное обучить ихъ музыкѣ и танцамъ. Молодыя дѣвушки фигурировали иногда на религіозныхъ церемоніяхъ и погребеніяхъ въ качествѣ хора. Многія умѣли играть на лютиѣ. Замужъ онѣ выходили рано, между двѣнадцатю и семнадцатю годами. Когда населеніе начало уменьшаться, Августъ, чтобы помочь горю, издалъ указъ, въ силу котораго всякая женщина, до двадцати лѣтъ не сдѣлавшая матерью, подлежала наказанію; одинаковое наказаніе несли холостяки и немѣющіе дѣтей.

Мы не станемъ пересказывать здѣсь давно всеѣмъ извѣстные факты и мысли о той роли, какую играло общество женщинъ въ нравственномъ разложеніи Рима, о томъ, какъ важная матрона первыхъ вѣковъ ресублики превратилась въ женщину болѣе чѣмъ легкихъ нравовъ во времена имперіи и пристрастилась къ зрѣлищамъ мало того что непристойнымъ, но прямо циничнымъ, какъ пантомимы, или жестокимъ, какъ игры въ амфитеатрѣ; какъ тѣсныя вначалѣ узы брака уступили мѣсто свободѣ, даже распущенности, а порабощеніе жены мужемъ — ея независимости, основанной на неприкосновенности приданаго. Мы уже набросали эту картину въ другомъ мѣстѣ; возможно, что римскіе бытописатели нѣсколько ступили краски, но все они проявляютъ такое единодушіе и приводятъ такія подробности, что въ общемъ достовѣрность ихъ разсказовъ не подлежитъ сомнѣнію. Но если принять въ расчетъ то подчиненное положеніе, какое занимали женщины во всеѣ времена и во всеѣхъ странахъ, можно съ увѣренностью сказать, что онѣ скорѣе поддаются вліянію нравственнаго регресса въ извѣстномъ народѣ, чѣмъ сами даютъ толчокъ этому регрессу²⁾. Римлянки были страстныя любительницы пантомимъ, но вѣдь не имъ первымъ пришла мысль заставить обнаженныхъ куртизанокъ изображать сладострастныя сцены³⁾; не онѣ разрѣшили игры, еже-

¹⁾ Tertullien, *Exhortation a la charité*, ch. XII. ²⁾ См. Friedlaender, *loc. cit.*, t. I, liv. V, *passim*. ³⁾ Moreau-Christophe, *loc. cit.*, 105.

Величіе Рима — фактъ, признанный цѣлымъ свѣтомъ. О немъ трубили и трубятъ до сихъ поръ на всѣ лады и на всѣхъ языкахъ. Оспаривая его, мы наталкиваемся на препятствіе, которое присвоило себѣ титулъ и привилегіи исторической истины. Этотъ взглядъ каждому изъ насъ прививали съ дѣтства, съ дѣтства заставляли насъ удивляться подвигамъ римской волчицы, которая ухитрилась подчинить себѣ всѣ современные ей народы бѣлой расы. Самъ по себѣ фактъ неоспоримъ; онъ наглядно доказываетъ, что, соединивъ въ подобающихъ дозахъ выдержку съ насиліемъ и хитростью, одинъ народъ можетъ покорить много другихъ. Но принесъ ли этотъ триумфъ какую-нибудь пользу обществу? Какова его нравственная цѣнность? Мы знаемъ, что онъ тяжкимъ гнетомъ давилъ цѣлый міръ, что его губительныя послѣдствія сказываются еще въ наше время. Попытаемся произвести еще оцѣнку съ точки зрѣнія нравственной и утилитарной.

Правда, историческая мораль до сихъ поръ всегда была на сторонѣ успѣха; она обыкновенно оправдываетъ убійство и хищничество, при условіи, чтобы онѣ практиковались въ широкихъ размѣрахъ. Но въ цивилизованномъ мірѣ занимается заря новой нравственности, и мы можемъ уже предвидѣть близость момента, когда великіе историческіе убійцы перестанутъ слѣть великими людьми. И, съ точки зрѣнія этой новой нравственности, Римъ, можно сказать, былъ не что иное, какъ великое торжествующее преступленіе.

Во весь свой періодъ роста вѣчный городъ неизмѣнно держался одной и той же беззастѣливой тактики, резюмированной Монтескье въ его знаменитой книгѣ. Тактика эта можетъ быть выражена въ аксіомахъ. Римляне поставили себѣ за правило: „Никогда не заключать мира искренне, а только для видимости. Уничтоживъ войска противника, разорять его чрезмѣрными налогами. Обрушиваться на побѣдителя, истощеннаго войной, и вырывать у него плоды побѣды. — Если два народа воюютъ между собой, поддерживать слабѣйшаго, дабы занять выгодное положеніе въ спорѣ. — Раздѣлять, чтобы господствовать. Предлагать миръ на сходныхъ условіяхъ; а когда ихъ примутъ, присоединять къ нимъ другія, болѣе тягостныя. Въ договоры вводить выраженія неясныя, дающія мѣсто различнымъ толкованіямъ; такъ напримѣръ, обѣщать пощадить Карфагенъ, понимая подъ этимъ *карфагеняны*, и разрушить его, какъ городъ *). Давать полную волю своей алчности и мѣрить добытую славу количествомъ золота и серебра, фигурирующими на триумфѣ. Присваивать себѣ сокровища покореннаго міра“ (Мон-

*) Въ подлинникѣ: *respecter la cite de Carthage, mais detruire la ville: cite*—городъ въ смыслѣ собранія гражданъ; *ville*—городъ въ смыслѣ собранія построекъ. Пер.

tesqieu, *Grandeur et décadence des Romains*, ch. VI pas.). „Систематически держась этой политики, римляне пришли къ извѣстнымъ уже намъ результатамъ; издали и съ виду эти результаты были блестящи, но посмотримъ, каковъ былъ конецъ. Относительно нравственнаго достоинства ихъ не можетъ быть никакихъ пререканій; политика римлянъ была разбойничьей политикой, безусловно лишеной благородства. На практикѣ получился не лучший результатъ: нравственная и матеріальная гибель Рима. Частныя лица не ставили преградъ своей алчности, какъ и само государство. Сильные и худшіе разорили слабыхъ и лучшихъ. Масса гражданъ была порабощена нѣсколькими тысячами крестовъ, разбогатѣвшихъ именно вслѣдствіе того, что они были презрѣнные люди. Деньги заступили мѣсто всякой добродѣтели; граждане охладѣли къ общественному дѣлу. Продажность воцарилась повсюду. Привилегированные классы все болѣе и болѣе притупляли въ себѣ нравственное чувство утонченнымъ развратомъ и недѣпой роскошью. Въ концѣ концовъ отъ Рима, пришедшаго въ упадокъ, обезлюдѣвшаго, порабощеннаго наиболѣе богатыми и часто самыми недостойными, осталось одно огромное тѣло, утратившее силу и бодрость, легкая добыча, которую по кускамъ растанцили варвары. Римъ существовалъ всего какихъ-нибудь тысячу лѣтъ; изъ нихъ—нѣсколько вѣковъ упадка. Стоило ли, ради такого жалкаго результата, топить въ крови цѣлый міръ и останавливать ходъ естественнаго развитія ста различныхъ народовъ?—Римъ можно и должно приводить въ примѣръ прочимъ народамъ, но какъ примѣръ, которому не слѣдуетъ подражать.

Г Л А В А XVIII.

Рабство у европейских варваровъ.

I. *Европейскіе варвары.*—Доисторическіе европейцы и переселенцы арійцы.—Расы, населявшія варварскую Европу.—II. *Рабство у древнихъ европейскихъ берберовъ.*—Рабство у кантабрійцевъ.—Трудъ женщинъ и кувада у жителей Иберіи и Лигуріи.—III. *Народы Кавказа.*—Кавказскіе иберы.—Осетины.—Продажа дѣтей у осетинъ.—Легальное положеніе раба у осетинъ.—Осетинскіе сервы.—Осетинскіе *кавдассары.*—Кланы или *братства* у черкесовъ.—Крѣпостное право у черкесовъ.—Набѣги для добыванія рабовъ въ старину и въ наше время.—Воспитаніе черке пенокъ.—IV. *Рабство у славянъ.*—Древній міръ и славяне.—Рабство у скифовъ.—Торговля рабами.—Земледѣльскія славянскія общины въ доисторическую эпоху.—Свободные наемные рабочіе.—Происхожденіе рабства.—Легальное положеніе раба у славянъ.—Крѣпостное право въ Польшѣ и въ Сербіи.—Сербскія общины.—V. *Рабство въ Германіи.*—Походы германцевъ.—Колоны.—Откуда брались рабы.—VI. *Рабство у кельтовъ.*—Ни одна человѣческая раса по своей природѣ не выше другой.—Принесеніе въ жертву плѣнныхъ.—Начало рабства у кельтовъ.—Порабощенная чернь. Ирландскій колонатъ.—Права отца семейства.—Принесеніе въ жертву дѣтей.—Рабъ, какъ мѣновая цѣнность.—VII. *Характеръ рабства въ варварской Европѣ.*—Прогрессивная эволюція вездѣ одинакова.

I. Европейскіе варвары.

Народы Эллады и Рима, которыми мы занимались въ предыдущихъ главахъ, положили основаніе весьма цивилизованнѣмъ обществамъ, оставившимъ неизгладимый слѣдъ въ исторіи человечества. Что большинство ихъ были потомками варварскихъ племенъ арійской расы, вышедшихъ изъ Азіи—это фактъ, нынѣ неоспоримый. Но пришельцы переселились не въ безлюдную пустыню. Задолго до нихъ, въ самыя отдаленныя доисторическія эпохи, нашъ материкъ былъ уже обитаемъ. По всей вѣроятности первые обитатели его и были строителями нашихъ мегалитическихъ памятниковъ. Въ нѣкоторыхъ областяхъ первобытные европейцы достигли довольно высокой степени цивилизаціи. Такъ напримѣръ, народы,—несомнѣнно, жившіе раньше арійцевъ—которые возвели такъ-называемыя целасгическія постройки, очевидно давно уже вышли изъ состоянія дикости: имъ недоставало только письменности и историковъ.

Внѣ и вокругъ великихъ очаговъ цивилизаціи—греческаго и латинскаго, древняя Европа была населена болѣе или менѣе вар-

варскими и дикими племенами; греко-латины покорили только нѣкоторыя изъ нихъ. Это-то населеніе мы и намѣрены изслѣдовать съ точки зрѣнія рабства. Древніе авторы никогда не пытались привести въ связь свои наблюденія надъ ними и сдѣлать общіе выводы. Чаще всего историки и географы древности просто записывали имена народовъ или племень, съ которыми войска или путешественники ихъ родины находились въ воинственныхъ или мирныхъ отношеніяхъ, не подвергая эти племена ни описанію, ни классификаціи. — Знаменитое дѣленіе на три расы населенія Галліи, сдѣланное Цезаремъ, — вотъ все, что намъ оставили древніе, — это наиболѣе общее и достовѣрное въ дѣлѣ этнографическаго распредѣленія городовъ. Но и то прежде всего надо установить тождественность бельгійцевъ Цезаря съ германцами, или, если угодно, съ кимбрами, народомъ кельто-германскимъ. Что касается кельтовъ, — они вовсе не были сосредоточены въ одной Галліи; они населяли и до сихъ поръ еще населяютъ всю среднюю Европу и часть британскихъ острововъ. Аквитанцы Цезаря были въ родствѣ съ иберійцами, что, впрочемъ, констатируетъ и Страбонъ, на основаніи сходства языковъ и физическихъ особенностей ¹⁾. Въ настоящее время мы склонны относить тѣхъ и другихъ, иберійцевъ и аквитанцевъ, къ одной изъ африканскихъ расъ, къ берберской расѣ, изъ которой вышли первые обитатели южной и западной Европы, а можетъ-быть и древней Этруріи.

Итакъ, если оставить въ сторонѣ Италію, какой она была во времена владычества Рима, а также и Грецію, и разсматривать варварскую Европу въ ея цѣломъ, то мы увидимъ, что она была населена главнымъ образомъ четырьмя великими расами: берберской — на югѣ; кельтической — въ средней части своей; германской — на Скандинавскомъ полуостровѣ и на сѣверѣ нынѣшней Германіи; наконецъ — славянской, съ примѣсью финновъ и татаръ, на востокѣ. Эти-то расы намъ и предстоитъ изслѣдовать одну за другой, для того, чтобы узнать, какъ они понимали рабство и въ какой формѣ оно тамъ существовало.

II. Рабство у древнихъ европейскихъ берберовъ.

О древне-европейскихъ берберахъ мы имѣемъ очень мало соціологическихъ данныхъ; но жители такъ называемаго иберійскаго полуострова, бывшіе еще весьма дикими въ то время, когда узнали ихъ греко-латины, несомнѣнно имѣли рабовъ и заставляли ихъ работать, равно какъ и женщинъ.

¹⁾ Strabon, liv. IV, ch. I, par. I.

Лузитанцы и кантабрійцы существовали только набѣгами и грабежами, а незначительное количество необходимаго для нихъ земледѣльческаго и промышленнаго труда возлагали на рабовъ и на женщинъ¹⁾. Тартесинцы (Tartesiens) въ Испаніи, очень просвѣщенные сравнительно съ другими народами этого полуострова, повиновались закону, изданному, какъ думаютъ, первымъ ихъ законодателемъ, Габисомъ, и гласившему, что всякій ручной трудъ долженъ быть предоставленъ рабамъ, ибо онъ по самому существу своему есть занятіе унижительное, рабское²⁾.

Въ Иберіи, говоритъ Страбонъ, какъ впрочемъ и вездѣ, у европейскихъ варваровъ, все равно, будь это кельты, оракійцы или скины, оба пола отличаются одинаковымъ мужествомъ, но землю воздѣлываютъ женщины. Часто онѣ рожаютъ дѣтей въ полѣ и обмываютъ новорожденнаго младенца въ ближайшемъ ручьѣ. Иногда, въ особенности у иберійцевъ, въ постель ложится мужчина, а роженица ухаживаетъ за нимъ³⁾; этотъ обычай называется *куада*, — о немъ мы уже говорили, и довольно пространно, въ нашей книгѣ „Эволюція брака и семьи“.

Тѣ же нравы рисуетъ Диодоръ у лигурійцевъ. Лигурійскія женщины работаютъ вмѣстѣ съ мужчинами до самаго момента наступленія родовъ; инныя прерываютъ работу только для того, чтобы разрѣшиться — что у нихъ беретъ очень немного времени, и затѣмъ опять возвращаются къ ней. Но, по свидѣтельству того же авторитета, механическія работы выполняются главнымъ образомъ наемными рабочими обоюбого пола, и какъ будто даже за поденную плату, что указываетъ уже на довольно высокую степень общественной эволюціи⁴⁾.

Поневоля приходится удовольствоваться этими обрывками свѣдѣній и, продолжая наше изслѣдованіе варварской Европы, перейти къ болѣе извѣстнымъ народамъ. Итакъ, перенесемъ теперь на другой конецъ Европы, къ восточной границѣ, черезъ которую азіатскіе арійцы потоками хлынули на нашъ континентъ.

III. Народы Кавказа.

Въ долинахъ Кавказа и на равнинахъ, окаймляющихъ этотъ величественный горный кряжъ, обитали и до сихъ поръ обитаютъ народы, весьма различные какъ по происхожденію своему, такъ и по языку. Древніе называли Кавказъ „горой языковъ“, говоря, что путешественникъ, который вздумаетъ посѣтить эту страну, долженъ запастись по крайней мѣрѣ полдюжиной переводчиковъ.

¹⁾ Justin, XLIV, 3. ²⁾ Justin, 4. ³⁾ Strabon, liv. III, ch. IV par. 17. ⁴⁾ Diodore, IV, par. 20.

Мы не станемъ и пытаться перечислять все мелкіе древніе и современные народцы, населяющіе Кавказъ. Для насъ представляютъ нѣкоторый интересъ только три изъ нихъ: иберійцы, осетины и черкесы.

Приходились ли кавказскіе иберійцы, о которыхъ упоминаетъ Страбонъ, сродни иберійцамъ испанскимъ, или только носили одно съ ними имя? Этого мы не знаемъ. Но если они не состояли въ кровномъ родствѣ съ древними народами берберской расы, то значить ихъ слѣдуетъ отнести или къ армянамъ или мидянамъ; и въ такомъ случаѣ они интересны для насъ въ другомъ отношеніи, — какъ племя арійское. Страбонъ дѣлитъ иберійцевъ на горцевъ, мало занимающихся земледѣіемъ и очень воинственныхъ, и жителей равнинъ, болѣе цивилизованныхъ, болѣе преданныхъ земледѣлію и, главное, болѣе мирныхъ. Эти послѣдніе дѣлятся въ свою очередь на четыре класса: дворянъ, имѣющихъ привилегію избирать изъ среды своей короля; воиновъ; земледѣльцевъ и простонародье; этотъ послѣдній классъ состоитъ исключительно изъ королевскихъ рабовъ, выполняющихъ всякаго рода ручныя работы.

Гораздо болѣе свѣдѣній имѣемъ мы о небольшомъ племени осетинъ, открытомъ не такъ давно соціологами и драгоценнымъ для насъ въ томъ отношеніи, что оно, повидимому, сохранило чрезвычайно древніе права и учрежденія, быть-можетъ, именно тѣ, какіе были у первобытныхъ мидянъ и персовъ. Современные кавказскіе осетины — потомки колонистовъ, вышедшихъ изъ Мидіи ¹⁾, а слѣдовательно представляютъ собой обломокъ древняго прошлаго, которое могло быть общимъ для мидянъ, древнихъ персовъ и даже первобытныхъ славянъ; вотъ почему они сдѣлались предметомъ соціологическихъ изслѣдованій, давшихъ драгоценные результаты: благодаря имъ, передъ нашими глазами ожили древній общественный строй и древнее право арійскихъ варваровъ.

Немного лѣтъ тому назадъ, въ странѣ осетинъ отецъ еще имѣлъ право отречься отъ своего новорожденного ребенка и бросить его, или продать, какъ это въ старину водилось въ Римѣ ²⁾. Осетинское общество было построено на феодальной системѣ; дворянство состояло изъ небольшого количества привилегированныхъ семействъ; а подъ ними были вассалы, сервы и рабы. Послѣдніе чаще всего, особенно вначалѣ, были военноплѣнными ³⁾. Право владѣть рабами было предоставлено только дворянамъ, зато эти послѣдніе располагали ими по произволу и могли наказывать ихъ, не обращаясь къ суду ⁴⁾. Вслѣдствіе этого,

¹⁾ Klaproth, *Voyn. au Caucase*, t. III, 223, 437. ²⁾ Dareste, *Etudes. Hist. Dr.* 144.

³⁾ М. Ковалевскій, *Обычное право у осетинъ*. (Введение). ⁴⁾ Ibid.

за убійство раба не приходилось уплачивать цѣну крови, какъ за убійство свободнаго человѣка ¹⁾. У осетинъ рабы не шли въ счетъ; они стояли ниже закона, и господинъ могъ по желанію продавать ихъ или дарить, по одиночкѣ или цѣльными семьями; ему не было запрета даже предавать ихъ смерти ²⁾.

Наоборотъ, сервы или крѣпостные находились подъ защитой закона. То были свободные люди, по доброй волѣ осѣвниіе на землѣ того или другого помѣщика, обязавшись выплачивать ему извѣстный оброкъ, нести личную службу ³⁾. Ежегодный оброкъ крѣпостного состоялъ обыкновенно изъ воза сѣна, круга козьяго сыра и десяти фунтовъ масла. Если крѣпостной осетинъ убивалъ быка или барана,—онъ обязанъ былъ отдать помѣщику одну изъ лопатокъ и ребра. Въ годовщину смерти или свадьбы кого-нибудь изъ членовъ господской семьи, крѣпостной долженъ былъ доставлять пиво и съѣстные припасы. Важнѣйшей изъ личныхъ обязанностей серва было сопровождать верхомъ на лошади своего помѣщика въ путешествіи и служить ему опять таки коннымъ тѣлохранителемъ во время войны. Въ пору сѣнокоса, нахоты, жатвы, каждая крѣпостная семья должна была представить помѣщику одного рабочаго, съ своими собственными орудіями, и обязаннаго работать съ утра до вечера; кормить же его долженъ былъ самъ хозяинъ. Осетинскій сервъ могъ перемѣнить хозяина, но подъ условіемъ оставить прежнему свой домъ и все свое имущество. Помѣщикъ съ своей стороны могъ прогнать изъ своего имѣнія серва, если тотъ плохо исполнялъ свои обязанности; въ противномъ случаѣ онъ обязанъ былъ оказывать ему защиту и покровительство, а если у крѣпостного угнали скотъ, дѣло помѣщика было преслѣдовать вора ⁴⁾.—Между помѣщикомъ и простыми сервами былъ еще промежуточный классъ — *кавдассаровъ*—нѣчто въ родѣ вассаловъ, хотя у нихъ были нѣкоторыя обязанности общія съ сервами. *Кавдассары* жили чаще всего въ самой удачѣ помѣщика и занимались разными домашними дѣлами: чистили дворъ, рубили дрова, варили пиво; но это не лишало ихъ права владѣть землей, покупать её или наследовать, и даже покупать рабовъ. Только одно обстоятельство могло возвратить независимость *кавдассарамъ*; если вымирали всѣ члены помѣщичьей семьи, къ которой они принадлежали, они становились наследниками ⁵⁾. Можно предположить, что *кавдассары* вели свой родъ отъ того же древняго клана, что и помѣщикъ, но предокъ помѣщика нѣкогда подчинилъ себѣ всѣхъ остальныхъ сородичей;

¹⁾ Dareste, *loc. cit.*, 147. ²⁾ М. Ковалевскій, *loc. cit.* ³⁾ *Ibid.*, 26. ⁴⁾ М. Ковалевскій, *loc. cit.*, 20. ⁵⁾ *Ibid.*, 21—22.

такіе случаи не рѣдки въ исторической эволюціи первобытныхъ народовъ.

Возможно, что и эти вымершіе кланы въ свое время владѣли рабами, какъ владѣли ими кланы или братства черкесовъ. Нѣкоторые изъ этихъ черкесскихъ *братствъ* состояли изъ нѣсколькихъ сотъ дворянскихъ, или, точнѣе, свободныхъ семействъ, при чемъ каждая семья владѣла пятью-шестью семьями сервовъ. Всѣ мужчины-сервы умѣли владѣть оружіемъ и въ каждый данный моментъ были къ услугамъ своихъ господъ, такъ что иные многочисленные кланы имѣли возможность выставить нѣсколько тысячъ вооруженныхъ воиновъ ¹⁾. Нерѣдко черкесы плѣли кланомъ предпринимали дальніе набѣги, заходили далеко отъ своей территоріи, угоняли скотъ, вводили въ плѣнъ женщинъ и дѣтей и обращали ихъ въ рабство. Экспедиціи эти предпринимались обыкновенно ночью; если походъ былъ хорошо задуманъ и обстоятельства благоприятствовали, грабителямъ удавалось иногда увести въ плѣнъ всѣхъ женщинъ и дѣтей изъ деревни, подвергнувшейся нападенію. Хищники нерѣдко сами подвергались большой опасности; идти приходилось ночью, иногда зимой, по горамъ, покрытымъ снѣгомъ, но мало знакомымъ или совсѣмъ незнакомымъ лѣсамъ, гдѣ притомъ еще плѣнниковъ и плѣнницъ приходилось мѣстами нести на рукахъ; а сзади каждую минуту можно было ждать погои ²⁾. Поэтому слава воиновъ, отличавшихся въ этихъ разбойничьихъ экспедиціяхъ, гремѣла далеко окрестъ, и пѣвцы воспѣвали ихъ подвиги ³⁾. Впрочемъ, и самые походы часто предпринимались столько же ради славы, сколько ради выгоды, потому что благополучное возвращеніе изъ похода черкесы праздновали роскошными пиршествами, на которыхъ тратили иногда болѣе того, сколько имъ удалось награбить ⁴⁾.

Несмотря на такіе разбойничьи нравы, черкесы отличались большой привѣтливостью, даже милосердіемъ, и въ особенности широкимъ гостепримствомъ ⁵⁾. — Нравы эти привились не со вчерашняго дня; интересно, что они очень мало измѣнились съ того времени, какъ о нихъ писалъ Страбонъ; настолько медленно идетъ соціологическій прогрессъ у варваровъ. Древній географъ сообщаетъ о кавказцахъ, которыхъ онъ называетъ ахейцами, зигійцами, геніоками, тѣ же свѣдѣнія, изъ которыхъ видно, что нравы этихъ племенъ очень походили на нравы современныхъ черкесовъ; разница только въ томъ, что древніе кавказцы жили на берегу и потому присоединяли къ сухопутнымъ набѣгамъ еще и морское разбойничество. Въ длинныхъ баркасахъ, поднимающихъ

¹⁾ James Stanislas Bell, *Journ. resid. en Circassie*, II, 58. ²⁾ *Ibid.*, 215—216.

³⁾ *Ibid.*, 135. ⁴⁾ *Ibid.* ⁵⁾ James Stanislas Bell, *loc. cit.* 134.

каждый отъ тридцати до сорока человекъ и напоминающихъ суда скандинавскихъ викинговъ, они врасплохъ нападали на корабли и на приморскіе города. Ихъ суда были настолько легки, что черкесы иногда вытаскивали ихъ на землю и прятали въ лѣсу, неподалеку отъ берега. Потомъ они отправлялись въ походъ и шли день и ночь, чтобы добыть себѣ рабовъ, — совершенно какъ это дѣлали еще очень недавно ихъ потомки. Въ дополненіе къ весьма краткимъ свѣдѣніямъ, сообщаемымъ Страбономъ, можно предположить, что кавказскіе пираты приводили своихъ плѣнниковъ къ лодкамъ, снова спускали лодки на воду и сѣвшили въ обратный путь. Въ заключеніе, какъ говоритъ Страбонъ, родственникамъ плѣнныхъ предлагали возвратить этихъ послѣднихъ за подобающей выкупъ¹⁾. Итакъ, мы можемъ констатировать, на основаніи историческихъ данныхъ, что походы для добыванія рабовъ были на Кавказѣ въ обычаѣ и въ почетъ въ продолженіе по крайней мѣрѣ двухъ тысячъ лѣтъ.

Весьма вѣроятно также, что положеніе невыкупленныхъ рабовъ было на Кавказѣ въ древности такимъ же, какъ и въ наши дни. А какимъ оно было въ наши дни — намъ хорошо извѣстно. Это было скорѣе крѣпостное право, чѣмъ рабство; мы впрочемъ даже видѣли, что сервы у черкесовъ носили оружіе и сражались рядомъ со своими господами. Эти послѣдніе обращались съ ними хорошо, но тѣмъ не менѣе имѣли надъ ними чрезвычайно широкія права, на примѣръ, право спаривать ихъ, какъ скотъ, не сираваясь объ ихъ вкусахъ и симпатіяхъ²⁾. Молодыми дѣвушками, дочерьми сервовъ, просто-напросто торговали и нерѣдко продавали ихъ купцамъ, поставившимъ черкешенокъ въ константинопольскіе гаремы³⁾. — При всемъ томъ сервамъ дозволено было владѣть собственностью; многіе изъ нихъ, занимаясь торговлей, которую презирали дворяне, наживались и становились гораздо богаче своихъ хозяевъ⁴⁾. Имъ предоставлено было также право брать свою свободу и искать пріюта у другого хозяина; но покинутый хозяинъ, какъ и у осетинъ, завладѣвалъ всею имуществомъ, оставшимся послѣ раба. Понятно, что бѣглець старался оставить послѣ себя какъ можно меньше, но во всякомъ случаѣ покинутый хозяинъ имѣлъ право требовать отъ новаго патрона, избраннаго бѣглецомъ, вознагражденія скотомъ, — что то около 40—60 быковъ. Если бѣглець, что называется, побратался съ своимъ новымъ хозяиномъ, съ этого момента онъ поступалъ подъ защиту клана, къ которому принадлежалъ избранный имъ побратимъ и покровитель⁵⁾. Повидимому, въ этомъ

¹⁾ Strabon, liv. XI, ch. V, par. 12 et. 13. ²⁾ James Stanislas Bell, *loc. cit.* II, 25.

³⁾ *Ibid.*, I, 333. ⁴⁾ *Ibid.*, 26. ⁵⁾ *Ibid.*, I, 307—308.

случаѣ бѣглець изъ серва превращался въ кліента, въ отпущенника; да и сервъ, непосредственно освобожденный своимъ господиномъ, имѣлъ право на покровительство клана этого послѣдняго ¹⁾). Въ черкесской семьѣ сервъ, очевидно, занималъ высшее положеніе, чѣмъ обыкновенный рабъ; ибо по смерти его хозяинъ приносилъ иногда довольно обильныя жертвы баранами и скотомъ, для того чтобы обезпечить покойному удобную и пріятную жизнь на томъ свѣтѣ ²⁾).

Мы видѣли, что, несмотря на свои разбойничьи повадки, черкесы были не лишены нѣкотораго нравственного благородства. Это сказалось и въ томъ воспитаніи, какое они давали женщинамъ. Дѣвочки и мальчики вмѣстѣ ходили въ школу при мечети, вмѣстѣ учились говорить и писать по-турецки. Дома главное занятіе дѣвушекъ составляло изготовленіе одежды на семью. Жилища строили всей семьей, безъ посторонней помощи. Понятно, что при такихъ условіяхъ свободные ремесленники встрѣчались рѣдко; у черкесовъ не было ни сапожниковъ, ни шапочниковъ, ни портныхъ, а только мастера, выдѣлывающіе разныя вещи изъ серебра, оружейники, телѣжники да бочары ³⁾).

Эти варварскіе нравы, эти первобытныя учрежденія несомнѣнно ведутъ свое начало изъ глубокой древности, ибо мы можемъ доказать историческими фактами, что нѣкоторыя изъ нихъ, на примѣръ, набѣги для добыванія рабовъ и послѣдствія ихъ существуютъ по крайней мѣрѣ нѣсколько тысячъ лѣтъ. Сохранившіеся во всей чистотѣ до нашихъ дней, они переносятъ насъ въ варварскую Европу и вмѣстѣ съ тѣмъ очень напоминаютъ нравы славянъ, германцевъ и кельтовъ, которыхъ намъ остается изучить.

IV. Рабство у славянъ.

Въ древности греки и латины мало знали славянъ; а между тѣмъ скиѣ, оракійцы, иллирійцы и сарматы, съ которыми греки и латины нерѣдко приходили въ соприкосновеніе, вѣроятно, стоятъ всего ближе къ славянскимъ расамъ; но этого этническаго родства древніе даже и не подозрѣвали, и по интересующему насъ предмету мы находимъ въ ихъ писаніяхъ лишь отрывочныя наблюденія, достаточныя, однакожъ, чтобы убѣдиться въ рабовладѣльческихъ наклонностяхъ древнихъ скиѣвъ. Славянскіе народы, извѣстные въ древности, были по большей части пастухами и кочевниками. Ремесленный трудъ у нихъ ограничивался самыми простыми работами, да и тѣ были поручены женщинамъ и

¹⁾ Ibid. I, 307—308. ²⁾ James Stanislas Belle, II, 97. ³⁾ Ibid. 342.

рабамъ¹⁾. По свидѣтельству Геродота, древніе скиомъ выкалывали глаза своимъ рабамъ, — безъ сомнѣнія для того, чтобы помѣшать имъ бѣжать, такъ какъ кочевая жизнь давала много случаевъ къ бѣгству, — и заставляли ихъ донѣ коровъ²⁾. Скиомъ, занимавшіеся земледѣліемъ, сѣяли хлѣбъ не для себя, а на продажу³⁾. Ю смерти царей, они на могилѣ его приносили въ жертву главныхъ слугъ покойнаго: его кравчаго, повара, конюха и т. д., да кромѣ того удавливали нѣсколько простыхъ рабовъ, и убивали лошадей, на которыхъ клали затѣмъ трупы убитыхъ. Ко всѣмъ этимъ жертвамъ присоединяли обыкновенно еще одну изъ царскихъ наложницъ⁴⁾. У скиомовъ не могло быть много рабовъ, такъ какъ они предпочитали убивать и скальпировать побѣжденныхъ. Иллирійцы береговъ Истра утилизировали своихъ рабовъ, какъ мѣновую цѣнность, вымѣнивая ихъ, наравнѣ со скотомъ, на вино и масло⁵⁾. Фракіійцы, да безъ сомнѣнія и всѣ скиоскія племена, продавали рабовъ, но не покупали ихъ, ограничиваясь добываніемъ ихъ посредствомъ войны и набѣговъ. Въ сущности, рабство у нихъ еще не ушло дальше первоначальной формы.

Въ первобытную историческую эпоху, насколько она извѣстна намъ изъ древнѣйшихъ лѣтописей, славяне были сгруппированы въ земледѣльческія общины; крестьяне сами владѣли землей или же брали еѣ въ пользованіе и въ такомъ случаѣ платили оброкъ помѣщикамъ или монастырямъ. Между ними выдѣлялся особый классъ земледѣльческихъ рабочихъ, свободныхъ лично и работавшихъ по найму, за плату. По всей вѣроятности, это были, какъ и вездѣ, освобожденные рабы или потомки ихъ. На послѣдней ступени общественной лѣстницы стоялъ классъ рабовъ, состоявшій, какъ и въ другихъ странахъ, преимущественно изъ военноплѣнныхъ, но также изъ несостоятельныхъ должниковъ, преступниковъ, и свободныхъ людей, вынужденныхъ бѣдностью пойти въ кабалу. — Все это уже знакомо намъ: все это мы встрѣчали понемножку въ разныхъ мѣстахъ. Какъ и во всѣхъ странахъ, гдѣ рабство уже перешло на степень организованнаго учрежденія, въ славянскихъ земляхъ отвѣтственность за проступки раба падала на его господина⁶⁾. Если рабу случилось ударить свободнаго человѣка и укрыться въ чьемъ-нибудь домѣ, хозяинъ этого дома обязанъ былъ выдать его или уплатить пеню, но пеня эта нисколько не спасала виновнаго раба отъ мести обиженнаго⁷⁾.

Отдѣльныя славянскія земли, за исключеніемъ Сербіи, не представляютъ въ этомъ отношеніи ничего, особенно заслуживающаго внп-

¹⁾ Strabon, XI. ²⁾ Hérodote, IV, 2. ³⁾ Hérodote, IV, par. 17. ⁴⁾ Hérodote, IV, par. 61—62. ⁵⁾ Strabon, liv. V, ch. I, par. 8. ⁶⁾ Dareste, *loc. cit.*, 217. ⁷⁾ Ibid., 215.

походы доставляли добычу, скоть и конечно рабовъ. — Какая же участь ждала этихъ рабовъ? Количество домашнихъ рабовъ у германцевъ было, новидимому, ограничено. Какъ въ Африкѣ у туземцевъ Футахъ-Джаллона, и у германцевъ были цѣлыя деревни, населенныя одними рабами; эти рабы, вѣрнѣе, колонны или сервы пользовались относительной независимостью, жили въ своихъ собственныхъ хижинахъ и только платили оброкъ своимъ господамъ хлѣбомъ, скотомъ и одеждой ¹⁾. Господинъ имѣлъ всѣ права надъ своими рабами, даже право безнаказанно предать ихъ смерти, но такъ какъ онъ очень мало видѣлъ ихъ, то и не притѣснялъ, развѣ иногда въ порывѣ слѣпого, безразсуднаго гнѣва ²⁾.

Вольноотпущенники, какъ и вездѣ, занимали очень низкое общественное положеніе; въ политикѣ они не играли никакой роли ³⁾, а промышленность германская находилась на слишкомъ низкой ступени развитія, чтобы съ помощью ея рабъ могъ создать себѣ менѣе зависимое положеніе. — Въ Германіи источникомъ добыванія рабовъ была не одна только война. И свободный германецъ могъ внасть въ рабство, напримѣръ, проигравъ въ кости свою свободу; но такихъ рабовъ спѣшили продать куда-нибудь подальше, такъ какъ держать ихъ у себя было трудно и даже опасно ⁴⁾. Изъ этого факта видно, во-первыхъ, что у германцевъ существовала торговля рабами; а затѣмъ, можно заключить, что несостоятельныхъ должниковъ тоже обращали въ рабство. Именно такъ поступали и норвежскіе скандинавы: у нихъ несостоятельный должникъ предлагалъ самого себя въ вознагражденіе за уплату взыскиваемой съ него суммы сначала родственникамъ, начиная съ ближайшаго. Въ случаѣ отказа родственниковъ, онъ становился рабомъ своего кредитора впродъ до уплаты долга. Кромѣ того, онъ могъ отдать вмѣсто себя своихъ дѣтей, что предполагаетъ первоначальное право продажи ихъ. Если порабощенный должникъ отказывался работать, кредиторъ могъ убить его или изувѣчить, „рѣзать, гдѣ ему угодно. выше или ниже“ ⁵⁾, какъ сказано въ текстѣ закона, напоминающаго законы 12 таблицъ.

Промышляя рабствомъ и войной, германцы мужескаго пола проводили жизнь въ „благородной праздности“. Охота, война, пирушки и сонъ — вотъ ихъ обычныя занятія. Всѣ работы по дому и въ полѣ справляли старики, слабосильные и женщины ⁶⁾; необходимыя ремесленныя работы выполняли конечно домашніе рабы, а можетъ-быть, вольноотпущенники, превратившіеся въ кліентовъ. Точно такой образъ жизни ведутъ краснокожіе и негры центральной Африки.

Когда германцы, выйдя изъ предѣловъ своей страны, хлынули

¹⁾ Tacite, *Germania*, XXV. (Рус. пер.) ²⁾ Ibid. ³⁾ Ibid., XXV. ⁴⁾ *Germania*, XXIV. ⁵⁾ Ibid. — Ibid., XV. ⁶⁾ Dareste, *loc. cit.*, 333.

потокомъ къ ослабѣвшему Риму и раздѣлили между собою его владѣнія, касательно рабства они заимствовали нѣкоторые законы у римлянъ, но прибавили кое-что и свое, и главное, свою старинную систему вознагражденія за проступки и преступленія — *Wehrgeld* или денежную пеню. Въ этомъ смѣшанномъ законодательствѣ мы находимъ нѣсколько интересныхъ подробностей, рисующихъ положеніе раба въ варварскихъ монархіяхъ, основанныхъ послѣ завосванія Рима, и, конечно, отчасти, положеніе его въ Германіи. Въ слѣдующей главѣ намъ представится еще случай сообщить нѣкоторыя подробности о римскихъ законахъ о рабствѣ. Мы увидимъ тогда, что эти законы были сводомъ беззаконій; что законъ изобрѣталъ особыя наказанія для тѣхъ самыхъ рабовъ, которыхъ онъ же иногда ставилъ на одну доску съ вещами, съ домашними животными. Но сейчасъ мы не станемъ распространяться объ этомъ и будемъ продолжать наше изслѣдованіе. Теперь намъ предстоитъ разсмотрѣть наиболѣе цивилизованныхъ изъ европейскихъ варваровъ — кельтовъ.

VI. Рабство у кельтовъ.

До сихъ поръ нашъ бѣглый обзоръ древне-европейскихъ варваровъ не внесъ никакихъ новыхъ элементовъ въ наше изслѣдованіе рабства, какъ учрежденія. Онъ оказался полезенъ въ другомъ отношеніи — онъ лишній разъ подтвердилъ, что расы, нынѣ слышущія высшими, вначалѣ ничѣмъ не отличались отъ такъ называемыхъ низшихъ расъ, — а это фактъ общаго значенія, который слѣдуетъ установить какъ можно тверже.

Подобно германцамъ и славянамъ, кельты не проявляли никакого врожденнаго благородства души. Рабство у нихъ вытекало изъ тѣхъ же источниковъ и выражалось въ такой же грубой формѣ. — Главнымъ источникомъ, какъ и вездѣ, являлась война. Часть плѣнныхъ кельты нерѣдко приносили въ жертву богамъ, иногда по обѣту, данному передъ битвой¹⁾. Для закланія побѣдители выбирали самыхъ красивыхъ и сильныхъ изъ плѣнныхъ, не щадя даже тѣхъ, съ кѣмъ были связаны узами дружбы или гостепріимства²⁾. Вмѣстѣ съ людьми иногда убивали или сжигали отбитый у непріятеля скотъ³⁾; кельты думали, что дѣлаютъ угодное богамъ, предоставляя имъ такимъ образомъ часть добычи. По всей вѣроятности, именно эти плѣнные, или рабы, наполняли собою,

¹⁾ César, *De Bello gallico*, XI, ch. XVII, 2—3. ²⁾ Diodore, XXXI, *Fragm.*

³⁾ Diodore, liv. V, par. 32.

за недостаткомъ преступниковъ, большіе манекены, которые сплетены изъ прутьевъ ивы и которые набожно поджигались друидами¹⁾.

Плѣнники становились рабами, а нередко и предметомъ торговли: наравнѣ съ рогатымъ скотомъ, охотничьими собаками и пр., въ числѣ главныхъ предметовъ вывоза изъ Великобританіи фигурировали пощаженные рабы²⁾.

Въ Галліи, какъ и въ другихъ странахъ, война была не единственнымъ источникомъ рабства; свободный человекъ могъ сдѣлаться рабомъ по приговору суда, равно какъ и несостоятельный должникъ. Въ Галліи рабъ былъ вещью, не имѣя никакихъ правъ; господинъ могъ дѣлать съ нимъ, что угодно, — продать его, изувѣчить, убить³⁾. Впрочемъ число рабовъ было здѣсь не особенно велико, такъ какъ право владѣть ими было предоставлено только дворянамъ. Остальные классы населенія, народъ, сами были порабощены и пользовались не большей свободой, чѣмъ настоящіе рабы. Въ счетъ шли только дворяне и друиды⁴⁾. Это ввело въ заблужденіе римлянъ, и они приняли вождей клановъ за владѣльцевъ и земли и ея обитателей⁵⁾.

Весьма вѣроятно, что въ Галліи, какъ и на плоскогоріяхъ кельтской Шотландіи, многіе вожди клана выдавали жизненные припасы главамъ подчиненныхъ имъ плебейскихъ семействъ⁶⁾.

Въ Ирландіи, древняя организація которой лучше извѣстна намъ, существовали рабы и колонны. Эти послѣдніе были должниками вождя, взявшими у него скотъ на прокормъ, и въ силу этого находились въ состояніи среднемъ между рабствомъ и свободой⁷⁾. Ирландскій колонъ обязанъ былъ прежде всего оказывать своему господину почетъ, а затѣмъ работать на него; кромѣ того, по требованію вождя, онъ долженъ былъ сопровождать его на войну⁸⁾. — Въ большемъ порабощеніи находился *fuidhir*, по положенію своему близкій къ домашнему рабу. *Fuidhir* былъ обыкновенно иностранецъ, бѣглець, отверженный (*outlaw*); вождь пріютилъ его у себя и за то имѣлъ право распоряжаться имъ по произволу; колонны и вассалы не питали къ *fuidhir*'у, къ порабощенному чужаку, ничего кромѣ недовѣрія и презрѣнія⁹⁾.

Различныя, извѣстныя намъ черты нравовъ убѣждаютъ насъ въ томъ, что и въ Ирландіи рабство было такимъ же, какимъ мы его находимъ повсюду. Намъ не говорятъ, что отецъ имѣлъ право продавать своихъ дѣтей, но мы сами можемъ вывести это заключеніе изъ того факта, что онъ имѣлъ надъ дѣтьми право

¹⁾ César, *De Bello gallico*, VI, XVI, 4—5. ²⁾ Strabon, liv. IV, -ch. V, par. V.

³⁾ Rambaud, *Civilisation française*, 13. ⁴⁾ César, VI, 13. ⁵⁾ Rambaud, *loc. cit.*, 13.

⁶⁾ H. S. Maine, *Ancien droit*, 253. (Рус. пер.) ⁷⁾ H. S. Maine, *loc. cit.*, 197—204.

⁸⁾ *Ibid.*, 197. ⁹⁾ H. S. Maine, *Institutions primitives*, 215. (Рус. пер.)

жизни и смерти: такъ напр. первенца приносили въ жертву богамъ *fomôré* и въ особенности молодому мѣсяцу ¹⁾. А кому возможно большее, возможно и меньше. — Въ томъ, что въ Ирландіи рабъ былъ мѣншею цѣнностью, насъ убѣждаетъ тотъ фактъ, что иногда судъ обязывалъ виновнаго представить въ видѣ пени известное количество рабовъ. Такъ, за оскорбленіе чести короля взымалась пеня въ семь рабынь ²⁾; полъ людей, служившихъ ходячей монетой при уплатѣ пени, какъ бы указываетъ, что классъ рабовъ состоялъ по большей части изъ женщинъ, взятыхъ въ плѣнъ при вооруженныхъ столкновеніяхъ между отдѣльными племенами или мелкими королевствами Ирландіи. Рабовъ въ Ирландіи было по всей вѣроятности немного, какъ и въ Галліи, и то главнымъ образомъ домашнихъ, ибо домашнее рабство — единственная форма, переживающая водвореніе крѣпостного права.

VII. Особенности рабства у европейскихъ варваровъ.

Нашъ бѣглый обзоръ рабства у европейскихъ варваровъ окончательно убѣждаетъ насъ въ томъ, что у всѣхъ народовъ, безъ различія цвѣта, рабство имѣло одинаковое происхожденіе. На первой ступени цивилизаціи нѣтъ ни высшихъ ни низшихъ расъ. Исходя изъ общей и очень низкой точки отправленія, граничащей съ зоологическими состояніямъ, всѣ расы развиваются — прогрессивно. Быстрѣй или медленнѣй, смотря по тому, насколько благопріятствуютъ имъ обстоятельства и насколько ихъ природныя свойства помогаютъ или препятствуютъ имъ страхнуть съ себя нравственное и умственное оцѣпенѣніе первыхъ вѣковъ. Но эта первоначальная разниа очень ничтожна. Черный, бѣлый или желтокожій, историческій или доисторическій человѣкъ улучшается очень медленно, какъ бы неохотно. Непросвѣщенные расы идутъ по пути общественнаго прогресса, что называется, черепашьимъ шагомъ. Наконецъ, — и это лучшее доказательство первоначальной тождественности всего человѣчества, социологическая эволюція у самыхъ различныхъ расъ всегда одинакова; въ этомъ насъ убѣждаетъ цѣлый рядъ фактовъ. Возьмемъ ли мы семью, собственность, бракъ, политическую организацію, правосудіе, рабство, или что угодно, мы видимъ, что народы всѣхъ странъ и всѣхъ цвѣтовъ приближаются къ однимъ и тѣмъ же средствамъ, вводятъ одни и тѣ же учрежденія; мы видимъ, что учрежденія эти постепенно переживаютъ рядъ одинаковыхъ измѣненій, съ тою лишь разницею, что

¹⁾ D'Arbois de Joubainville, *Cycle mythologique*, 103—107. ²⁾ D'Arbois de Joubainville, *Droit irlandais*, 26.

одни развиваются быстрѣе, другіе медленнѣе, одни уйдутъ дальше, другіе отстанутъ.

Закону этому повиновались и европейскіе варвары. Въ ту историческую и даже доисторическую эпоху, когда мы знакомимся съ ними впервые, всѣ они уже вышли изъ состоянія дикости, которая однакожь еще сквозитъ въ нѣкоторыхъ уцѣлѣвшихъ обычаяхъ. Что касается рабства, они, за рѣдкими исключеніями, понимаютъ его уже не такъ, какъ негры Габона; всѣ они — иберійцы, славяне, германцы, кельты — въ различной степени смягчили жестокую первобытную форму рабства и замѣнили его крѣпостнымъ правомъ. Это не значитъ, что первобытное рабство, приравливающее человека къ скоту, уничтожено окончательно; нѣтъ, оно обыкновенно только сужено, сведено къ домашнему рабству, почти къ переживанію рабства. Въ этомъ отношеніи варвары, оказывается, ушли дальше, чѣмъ греки и римляне въ продолженіе высшаго періода ихъ исторической эволюціи. Предоставленные самимъ себѣ, они, вѣроятно, подвинулись бы и еще на нѣсколько шаговъ впередъ и создали бы оригинальная цивилизаціи. Но однихъ завоеваніе Рима, а другихъ косвенное вліяніе греко-латинской цивилизаціи выбило изъ колеи и толкнуло не на тотъ путь, которымъ имъ предназначено было идти. Мало того, у потомковъ европейскихъ варваровъ, средніе вѣка были въ значительной мѣрѣ реакціей противъ цивилизаціи, навязанной имъ царственнымъ народомъ.

Подневольный трудъ въ средневѣковыхъ монархiяхъ.

I. Рабство въ германо-латинскихъ государствахъ. — Германскiе миты. — Нашествiе варваровъ. — Походы для добыванiя рабовъ, предпринимаемые Мервингами. — Невольничьи рынки. — Рабы-добровольцы. — Порабощенные ремесленники. — Германское законодательство и его несправедливое отношенiе къ рабству. — II. Крѣпостное право въ среднiе вѣка. — Наслѣдственные лены. — Сервы, прикрѣпленные къ землѣ, и арендаторы. Тиранинъ сеньеровъ. — Ихъ права. *Formariage*. — Право первой ночи. — Бирочный сборъ. — Гнетъ налоговъ и нищета. — III. Общины (*коммюны*) и корпорации. — Сельскiя общины. — Происхожденiе коммюнь. — «Подразумѣваемая» община. — Возрожденiе корпораций. — Безумiе 1000 г. и его послѣдствiя. — Организациа цеховъ. — Правила, установленныя для нихъ сеньерами. — Уставы Кольбера. — Рабство въ среднiе вѣка. — Рабы, принадлежащiе духовнымъ. — Церковь и крѣпостное право. — Привольная жизнь духовенства. — Рабы капитула св. Кладiя. — Освобожденiе крѣпостныхъ и руководящiй мотивъ этихъ освобожденiй. — Отщепенцы. — Звѣрство солдатъ надъ сервами. — Королевская милициа и мужики. — Жалкое существованiе солдата. — Возстанiе крестьянъ. — *Мазза* въ Верхнемъ-Валлисѣ и тайное судилище (*St. Vehm*). — IV. *Дальнѣйшiй; ходъ развитiя.*

I. Рабство въ германо-латинскихъ государствахъ.

Изъ трехъ различныхъ расъ европейскихъ варваровъ, о которыхъ мы говорили въ предыдущей главѣ, первая кельтическая была почти вся покорена, вошла въ составъ населенiя Римской имперiи и усвоила себѣ ея цивилизацию; вторая, славянская, соприкасалась съ имперiей только на южной границѣ своихъ обширныхъ владѣнiй; третья, германская, завладѣла большей половиной западной имперiи и раздробила ее на нѣсколько варварскихъ государствъ, гдѣ впослѣдствiи и развилась феодальная система. Что же случилось съ рабствомъ и колонатомъ въ этихъ германско-латинскихъ монархiяхъ? Это и составитъ предметъ нашего изслѣдованiя въ настоящей главѣ.

Прежде чѣмъ ринуться цѣлой массой на огромное умирающее тѣло Рима, германцы успѣли присвоить себѣ часть его мирнымъ путемъ. Уже въ эпоху кажущагося расцвѣта силъ и могущества, Римскую имперiю подтачивала смертельная болѣзнь: ему недоставало рукъ для земледѣлiя и войны. Въ виду этого на границахъ

имперіи устроены были колоніи *литовъ*. *Литами* назывались варвары, которыхъ правительство надѣляло землей, подъ условіемъ обязательной военной службы. Земли, принадлежащія литамъ, были освобождены отъ налоговъ и передавались по наслѣдству отъ отца къ сыну. Въ случаѣ отсутствія наслѣдниковъ мужескаго пола, имущество *лита* наслѣдовала колонія ¹⁾.

Кромѣ того, послѣ каждой новой побѣды въ глубинѣ страны замѣчался наплывъ плѣнныхъ, которые распределялись по помѣщичьимъ домамъ (имѣніямъ) ²⁾. Въ 373 г. двѣсти тысячъ визиготовъ, гонимыхъ гуннами, явились въ качествѣ просителей на берегахъ Дуная, моля не отказать имъ въ убѣжищѣ. Ихъ принимали въ дома, какъ рабовъ, и садили на землю, въ качествѣ колоновъ: но тамъ, гдѣ въ одной мѣстности было сосредоточено большое количество поселенцевъ, они нерѣдко грабили сосѣдей и бунтовали, какъ бы въ видѣ вступленія къ своимъ грядущимъ завоеваніямъ ³⁾. Такимъ образомъ, почва для великаго вторженія варваровъ была давнымъ давно подготовлена; германскимъ вождямъ оставалось только свергнуть имперское правительство и занять его мѣсто. Они мало что измѣнили въ системѣ правленія и, разумѣется, оставили неприкосновенными рабство и крѣпостное право, существовавшія и въ Германіи ⁴⁾. Завоеватели завладѣли только казенными землями; вожди раздали эти земли наиболѣе выдающимся изъ своихъ товарищей по оружію; эти жалованья помѣстья (бенефиціи) въ послѣдствіи превратились въ лены ⁵⁾.

Но, разрѣзавъ на куски огромное тѣло Римской имперіи и понадѣлавъ изъ нихъ монархіи, германскіе вожди не отказались отъ своихъ воинственныхъ обычаевъ. Почти ежегодно, весной, они собирали людей и шли войной на то или другое сосѣднее государство съ цѣлью разграбить его. Изъ каждой удачной экспедиціи побѣдители приводили съ собой толпу плѣнныхъ, которыхъ, какъ въ старину, продавали на рынкахъ ⁶⁾. Во Франціи невольничьи рынки существовали вплоть до XII вѣка ⁷⁾. Кромѣ того, многіе свободные люди добровольно отрекались отъ независимости, представлявшей для нихъ больше невыгодъ, чѣмъ преимуществъ, и охотно шли въ кабалу вмѣстѣ съ женами и дѣтьми, лишь бы только кто-нибудь взялся ихъ кормить ⁸⁾. Какъ до паденія Римской имперіи, такъ и послѣ него, несвободное населеніе состояло изъ домашнихъ рабовъ, отпущенниковъ, колоновъ и крѣпостныхъ ⁹⁾. Но съ теченіемъ времени всѣ эти различія сгладились. Земледѣльче-

¹⁾ А. Tourmagne. *Hist. du servage*, 14. ²⁾ *Ibid.*, *loc. cit.*, 17. ³⁾ *Ibid.*, 18. ⁴⁾ *Ibid.*, 19. ⁵⁾ Tourmagne, *loc. cit.*, 61. ⁶⁾ Rambaud, *loc. cit.*, 101. ⁷⁾ Tourmagne, *loc. cit.*, 25. ⁸⁾ *Ibid.*, 42. ⁹⁾ *Ibid.*, 32.

скіе рабы по большей части превратились въ крѣпостныхъ, и всѣ аренды были сдѣланы вѣчными ¹⁾.

Ремесленники, и тѣ не ушли отъ порабощенія. Въ Галліи, послѣ завоеванія ея Римомъ, они составили корпораціи, по образцу тѣхъ, какія существовали въ другихъ областяхъ имперіи; но всѣ эти корпораціи и коллегіи были смыты нотокомъ, хлынувшимъ извнѣ. Германцы зачислили и ихъ, какъ сервовъ, въ разрядъ сельскаго населенія доменовъ, заставили платитъ тотъ же оброкъ и нести тѣ же повинности ²⁾. — Законы, дѣйствовавшіе въ различныхъ германо-латинскихъ государствахъ, не признаютъ въ рабствѣ никакихъ категорій, и все законодательство о рабахъ есть не что иное, какъ компромисъ между германскими обычаями и римскими законами.

Въ принципѣ рабъ не разсматривается, какъ личность. За всякій вредъ, причиненный рабомъ, отвѣчаетъ его господинъ ³⁾. Если одинъ рабъ убьетъ другого, его господинъ и тотъ, кому принадлежалъ убитый, дѣлятъ между собою убійцу, т. е. сумму, въ которую онъ оцѣненъ ⁴⁾. Въ таксахъ на мировыя сдѣлки, въ уложеніи о пеняхъ, *Wehrgeld*ⁿ, жизнь раба цѣнится только съ точки зрѣнія убытка, который смерть его можетъ причинить господину ⁵⁾; и за одинъ и тотъ же проступокъ или преступленіе наказаніе полагается различное, смотря по тому, рабъ ли преступникъ или свободный человѣкъ. Похищеніе раба законъ ставитъ на одну доску съ кражей домашняго животнаго: „За кражу раба, служанки, коня или кобылы полагается пеня въ тридцать пять су“ ⁶⁾, говоритъ салической законъ. Впрочемъ, сумма пени измѣняется пропорціонально стоимости украденнаго раба. За кузнеца, ковала, плотника, золотыхъ дѣлъ мастера и пр. взимается 25 су ⁷⁾. За менѣ искусныхъ рабовъ берется и меньшая пеня. Въ Бургундскомъ уложеніи о наказаніяхъ, за убійство золотыхъ дѣлъ мастера налагается пеня въ 150 су; за кузнеца, умѣющаго ковать серебро, — 100 су; за простаго кузнеца — 50 су; за плотника — 140 су; за хлѣбопашца или свинопаса — 30 су. (*Leg. Burg.* titre X. 2—6). Убійство раба обходится виновному не дороже, чѣмъ похищеніе или продажа его ⁸⁾.

Если одинъ оптимать выбилъ зубъ другому, онъ платитъ пеню въ 15 су золотомъ; но рабу, выбившему зубъ свободнорожденному, полагается отрубить руку ⁹⁾. За ударъ до крови, нанесенный рабу, виновный платитъ его господину всего поль-су; за отрубленный

¹⁾ Ibid., 94. ²⁾ Ibid., 101. ³⁾ *Lex Thuringiorum*, tit. XVI.—*Lex saxonom.* tit. XI. ⁴⁾ *Lex salica*, tit. XXXVIII, 1. ⁵⁾ Viollet, *Hist. du droit francais*, 251. ⁶⁾ *Lex salica Eccardi*, tit. X. ⁷⁾ *Lex salica*, tit. XI, 6. ⁸⁾ *Lex salica*, tit. XI, 6. ⁹⁾ *Lex Burg.*, tit. XXVI, 1.

большой палець — 4 су; за убійство раба — 20 су ¹⁾. Если рабъ повиненъ въ мелкой кражѣ, господинъ его долженъ возвратить украденное и, кромѣ того, наказать раба положеннымъ количествомъ ударовъ розогъ; впрочемъ, отъ послѣдняго наказанія можно было откупиться; но уже за кражу 40 денье рабъ подвергается кастраціи, или господинъ его — пенѣ въ 6 су ²⁾.

Раба, уличеннаго въ преступной связи со свободной женщиной, господинъ долженъ выдать родителямъ виновной, предоставляя имъ наказывать его или предать смерти ³⁾. — За изнасилованіе служанки свободнорожденнымъ, виновный платитъ 12 су ея господину ⁴⁾; но раба, изнасиловавшаго свободную женщину, ждетъ смертная казнь ⁵⁾. Всякая свободная женщина, вступившая въ связь съ рабомъ, сама дѣлается рабыней ⁶⁾. Если рабъ уличенъ въ какомъ-либо преступленіи, и потерпѣвшая сторона требуетъ его казни, то истецъ самъ долженъ доставить даже розги толщиною въ мизинець ⁷⁾. Рабовъ, вызванныхъ въ судъ въ качествѣ свидѣтелей, нерѣдко допрашивали подъ пыткой, но обвинитель долженъ былъ предварительно взять на себя обязательство замѣнить, въ случаѣ надобности, раба, для котораго онъ требовалъ пытки, другимъ рабомъ той же стоимости ⁸⁾.

Во всѣхъ варварскихъ законодательствахъ социальная классификація очень проста; нація состоитъ изъ двухъ главныхъ классовъ: свободныхъ людей и рабовъ; этихъ послѣднихъ кодексы визиготовъ дѣлятъ на земледѣльческихъ и домашнихъ. Промежуточный классъ составляютъ отпущенники; они уже не рабы, но обязаны оказывать своимъ бывшимъ господамъ нѣкоторыя услуги и сопровождать ихъ на войну. Юридическая цѣнность ихъ, *Wehrgeld*, — средняя между стоимостью свободного челоуѣка и раба. Кромѣ этого измѣненія въ законодательствѣ, т. е. введенія денежныхъ пеней, германскаго *Wehrhgold'u*, — вытѣснившихъ почти всѣ другія мѣры наказанія, галло-германскія монархіи не слишкомъ отличаются отъ Восточной Римской имперіи; границы судебныхъ дѣлокъ и общая организація ихъ остались почти такими же, какъ и были. Варвары сохранили даже администрацію римскаго фиска и систему взысканій; они собирали подать съ помощью сборщиковъ, назначаемыхъ изъ числа обывателей наиболѣе состоятельныхъ и обязанныхъ вносить подать за своей личной отвѣтственностью. ⁹⁾

¹⁾ *Lex bavar.* tit. V. 2—7, 18. ²⁾ *Lex salica*, tit. XIII, 1—2. ³⁾ *Leg. burg.*, tit. IX. ⁴⁾ *Leg. burg.* tit. XXX. ⁵⁾ *Lex burg.* tit. XXXV. 1. ⁶⁾ *Leges Rachiis*, 1. ⁷⁾ *Lex salica*, tit. XLIII, 4. ⁸⁾ *Leg. Wisig.* Liv. VI, tit. 1, 5. ⁹⁾ *Tourmagne, loc. cit.*, 502.

II. Крѣпостное право въ средніе вѣка.

Итакъ, германо-римское общество состояло изъ короля, монарха съ неограниченной властью, его дворянъ и вассаловъ, и порабощенной массы населенія, спеціально занимавшейся земледѣліемъ. Сюда надо присоединить еще духовенство, которое всегда старалось ладить съ правящимъ классомъ и пользовалось такими же, какъ онъ, если не большими, привилегіями. Средневѣковая организація только подчеркнула, иммобилизировала это положеніе вещей, замѣнивъ пожизненное владѣніе ленами наслѣдственными, превративъ высшихъ сановниковъ Церкви въ сеньоровъ, круиныхъ помѣщиковъ, и предоставивъ имъ право взиманія десятины. — Въ теоріи можно было оставаться свободнымъ человѣкомъ и не будучи сеньоромъ или аббатомъ, но на практикѣ бродяга, чело-вѣкъ, не признавшій никого своимъ господиномъ, или сюзереномъ, почти не имѣлъ возможности существовать; мелкіе землевладѣльцы оказывались вынужденными искать покровительства сеньоровъ или монастырей, взамѣнъ котораго они жертвовали своими землями или личной свободой, и превращались въ колоновъ, или сервовъ своего покровителя. Обычай этотъ такъ привился, что въ 847 г. издано было постановленіе одного капитула обязывавшее каждаго свободнаго человѣка найти себѣ *поручителя* (*se recomman-der de quelqu'un*)¹⁾. Однакоже, еще въ 1243 г. Бомануаръ различаетъ три класса въ средневѣковомъ обществѣ: дворянъ, свободныхъ людей и сервовъ; но свободныхъ людей очень немного. Сервы дѣлятся на двѣ категоріи: крѣпостные, неотдѣлимые отъ земли и продаваемые вмѣстѣ съ нею, и сервы арендаторы²⁾. Первые, такъ называемые *mainmortables* (мертвая рука), подвластны сеньору тѣломъ; онъ наслѣдуетъ ихъ имущество; они не имѣютъ права составлять завѣщанія и въ этомъ смыслѣ считаются мертвыми. Были между этого рода сервами такіе, надъ которыми всѣ права господина ограничивались „мертвой рукой“; отказавшись отъ своего имущества, они становились свободными; другіе были приписаны къ землѣ и могли получить свободу только путемъ выхода на волю съ согласія сеньора³⁾. Эта форма крѣпостного права уже нѣсколько отличается отъ той, какая существовала у германцевъ въ первые вѣка послѣ завоеванія Рима, когда не только имущество, но и тѣло серва принадлежало господину, когда тотъ могъ продать серва, какъ рабочей скотъ⁴⁾. Но, къ какой бы категоріи ни принадлежалъ *mainmortable*, онъ не имѣлъ права

1) Tourmagne, *loc. cit.*, 76. 2) *Ibid.*, 256. 3) *Ibid.*, 257. 4) *Ibid.*, 92.

ни наследовать ни располагать своимъ имуществомъ, ни вступать въ бракъ безъ разрѣшенія сеньора¹⁾. Между крѣпостными и сеньорами не было ничего общаго. Даже во времена Генеральныхъ Штатовъ 1614 г., когда средневѣковой періодъ варварства почти уже миновалъ, дворяне съ негодованіемъ обрушились на депутата, осмѣливагося сказать, что короля можно уподобить отцу троихъ дѣтей: духовенства, дворянства и средняго сословія (*tiers-état*), крича: „Мы отказываемся отъ такого родства, мы не хотимъ, чтобы дѣти чеботарей называли насъ братьями. Между ними и нами такая же разница, какъ между господиномъ и слугой“²⁾.

Безъ сомнѣнія, долгъ сеньора былъ, въ его же собственныхъ интересахъ, оказывать покровительство своимъ сервамъ и чинить надъ ними правый судъ; но до XII вѣка формально ничто не обязывало его къ этому. Въ 1439 г., въ Орлеанскихъ Генеральныхъ Штатахъ, *Juvénal des Ursins*³⁾ восклицаетъ. „Одинъ Богъ вѣдаетъ, какія мученія терпитъ несчастный народъ отъ тѣхъ, кто обязанъ оберегать его... Вѣдниковъ хватаютъ, сажаютъ въ тюрьму, заковываютъ, бросаютъ въ подземныя темницы, мерзостныя ямы, кишащія гадами, и морятъ голодной смертью. — Однихъ поджариваютъ, другимъ рвутъ зубы до тѣхъ поръ, пока они не заплатятъ... Мужей и отцовъ хватаютъ и убиваютъ въ присутствіи женъ и дочерей, а надъ женщинами насильничаютъ. И всѣ эти преступленія совершаются не врагами, но людьми, именующими себя служителями короля... А если (мужики) не платятъ, то жгутъ деревни и церкви вмѣстѣ со всѣми, кто въ нихъ находится: мужчинами, женщинами и дѣтьми; такъ что не остается ни рабочей лошади, ни иного животнаго, и изъ ста человѣкъ — одинъ“⁴⁾.

Положеніе бѣднаго серва было ужасно; права сеньора тяготѣли и надъ личностью его, и надъ его имуществомъ. Въ силу такъ называемаго *formariage*⁵⁾, серву запрещалось вступать въ бракъ безъ позволенія сеньора, подъ угрозой штрафа и расторженія брака⁵⁾. — Это почти то же, что и присвоенное господину римскимъ закономъ право регулировать по желанію приплодъ отъ своихъ рабовъ. Уцѣлѣло и другое, не менѣе древнее право господина — дѣлать рабынь своими наложницами; оно выражалось въ формѣ *droit de prélibation*, такъ называемаго „права первой ночи“, существовавшаго еще въ XVI и далѣе въ XVII вѣкѣ, о чемъ свидѣтельствуютъ многіе документы. Въ одномъ документѣ 1538 г. мы читаемъ: „Если кто изъ людей вздумаетъ жениться, онъ долженъ, прежде чѣмъ познать свою жену, представить еѣ сеньору, чтобы тотъ насладился ею. Если родится ребенокъ мужского пола,

¹⁾ Ibid., 254. ²⁾ Ibid., 321. ³⁾ Tourmagne, *loc. cit.*, 68. ⁴⁾ Ibid., 196. ⁵⁾ Ibid., 259.

онъ будетъ свободнымъ, ибо возможно, что онъ былъ зачатъ отъ сеньора въ первую ночь вышесказанныхъ наслажденій“. Приговоръ Гьенскаго сенешаля, отъ 1302 г., повелѣваетъ супружеской четѣ, очевидно упорствующей, подчиниться праву сеньора и даже обязываетъ мужа, въ очень ясныхъ и грубыхъ выраженіяхъ, собственноручно оказать помощь своему сеньору и господину ¹⁾. — Однако уже въ 1579 г. особымъ указомъ запрещено было сеньорамъ располагать дочерьми своихъ данниковъ и выдавать ихъ замужъ за своихъ слугъ или друзей; болѣе того, для вассаловъ установленъ былъ настоящій бракъ съ оглашеніемъ, свидѣтелями и согласіемъ родителей: очевидно, всего этого раньше не существовало ²⁾.

Въ дѣйствительности, сервы были почти что предоставлены на произволъ своихъ сеньоровъ. Прежде всего крѣпостные — *serfs de corps* были *taillables et corvéables à merci*, т. е. могли быть облагаемы податью и барщиной по произволу; по закону, сервъ, прикрѣпленный къ землѣ, подлежалъ только опредѣленнымъ податямъ и повинностямъ, но поневолѣ долженъ былъ склоняться передъ произволомъ и насилиемъ. Въ 1260 г. одинъ французскій юристъ писалъ: „Нашнъ обычаи таковы, что между нами и мужикомъ нѣтъ иного судьи, кромѣ Бога“; здѣсь онъ рѣзко отдѣляетъ мужика (*vilain*) отъ серва ³⁾. Въ 1610 г. другой писатель выражаетъ ту же мысль слѣдующимъ образомъ: „Сеньоры забрали такую власть надъ своими подданными, что заставляютъ ихъ пахать, косить, убирать виноградъ и налагаютъ тысячи иныхъ повинностей безъ всякаго права, кромѣ угрозы палочными ударами и жандармами“ ⁴⁾. Самая личность податного (*taillable*), его движимое имущество и рабочія орудія принадлежали сеньору. Жениться онъ могъ только на такой же податной, принадлежащей тому же помѣщику и съ разрѣшенія этого послѣдняго. Помѣщикъ разрѣшалъ сыну наслѣдовать отцу, но и только; никакіе другіе родственники не могли быть наслѣдниками, и послѣ смерти бездѣтнаго податного серва господинъ могъ прогнать его жену, братьевъ или племянниковъ, и посадить на ихъ мѣсто другихъ податныхъ, на болѣе выгодныхъ для себя условіяхъ.

Слѣдуетъ различать сервовъ отъ оброчныхъ (*censitaires*), — нѣчто въ родѣ колонновъ, платящихъ опредѣленный оброкъ и несущихъ повинности. Оброчные легко могли возвратить себѣ свободу, бросивъ обрабатываемый ими кусокъ земли, который, смотря по мѣстности, назывался различно: *масомъ*, *мансой*, *габержемъ* и т. д. ⁵⁾.

Самымъ тяжкимъ изъ правильныхъ и свѣтскихъ налоговъ была

¹⁾ Tourmagne, *loc. cit.*, 229—230. ²⁾ *Ibid.*, 375. ³⁾ *Ibid.*, 258—261. ⁴⁾ *Ibid.*, 22с.

⁵⁾ Cibrario, *Econ. pol. М. уен. аге*, I, 148.

бирочная подать (*taille*); вначалѣ этимъ именемъ обозначалась совокупность всѣхъ сборовъ, приношеній и вспоможеній, какіе мужики должны были платить и оказывать графу-судьѣ¹⁾. Бирочная подать взималась не въ опредѣленные сроки, а по произволу. вплоть до изданія *Постановленій* (*Etablissements*) Людовика Святого.

Съ тѣхъ поръ её стали собирать только разъ въ годъ, а экстренно только въ четырехъ случаяхъ: если сеньора посвятили въ рыцари, если онъ отправлялся въ Святую Землю, попался въ плѣнъ или выдавалъ замужъ дочерей²⁾. Отъ бирочной подати никто не былъ избавленъ, её платили не только крестьяне, но и ремесленники и буржуа³⁾. Въ *Золотые дни Оверни*, о которыхъ намъ рассказываетъ Флешье, благородные сеньоры брали себѣ одинъ снопъ изъ трехъ, а нѣкоторые изъ нихъ посылали вооруженныхъ людей для сбора бирочной подати и брали все, что вздумается, не стѣсняясь⁴⁾.

Когда королевская власть восторжествовала надъ властью дворянъ, то французскихъ крестьянъ и разночинцевъ (*roturiers*) обложили тройнымъ налогомъ, и только ихъ однихъ, тогда какъ дворяне и духовенство, владѣвшіе двумя третями государства, были почти свободны отъ налоговъ. Сервы же и разночинцы должны были платить подать королю, сеньору и церкви⁵⁾. Наканунѣ Французской революціи, крестьяне провинціи Пуату были доведены до того, что платили налоговъ по 36 франковъ въ годъ съ человѣка⁶⁾. Въ золотые годы среднихъ вѣковъ, въ XI вѣкѣ, крестьянину шагу нельзя было ступить, не заплативъ налога сеньору. Онъ платилъ за молотьбу, за печеніе хлѣбовъ, за домъ, за землю, за правосудіе (*droits de justice*), штрафы, описи; платилъ за каждаго члена своей семьи поголовную (*cens*) и бирочную подать, не считая подаяній (*quêtes*), повинностей, незаконныхъ поборовъ (*exactions*) и пр.⁷⁾. Притомъ же подать взималась коллективно, т. е. съ цѣлой деревни, такъ что исправному крестьянину приходилось платить за несостоятельнаго или сбѣжавшаго сосѣда⁸⁾. — Еще въ царствованіе Людовика XIII для сбора королевской подати посылались отряды солдатъ, которые вели себя, какъ въ завоеванной странѣ, — забирали скирды хлѣба, уводили скотъ, поджигали дома и пр.⁹⁾. — До XII в. помѣщику предоставлено было по отношенію къ крѣпостнымъ право преслѣдованія; это значило, что сервовъ, покинувшихъ участки земли, къ которому они были прикрѣплены, сеньоръ могъ разыскать, вернуть силою и наказать. Позже, когда королевскій судъ сталъ играть первенствующую роль, сервы, не

¹⁾ Ib. 98. ²⁾ Tourmagne, *loc. cit.*, 99. ³⁾ Ibid., 288. ⁴⁾ Ibid., 334. ⁵⁾ Ibid., 491. ⁶⁾ Tourmagne, *loc. cit.*, 492. ⁷⁾ Ibid., 132. ⁸⁾ Ibid., 328. ⁹⁾ Ibid., 228.

крѣпостные (*mainmortables*, но не *serfs de corps*) получили право уйти отъ помѣщика, отрекшись отъ своего имущества¹⁾.

Изъ жалобъ, слуханныхъ на собраніи Генеральныхъ Штатовъ 1560 г., видно, что крестьянамъ приходилось иногда самимъ выпираться въ плугъ, чтобы замѣнить отобранный у нихъ рабочей скотъ²⁾. Такое убожество мы до сихъ поръ встрѣчали только въ странахъ абсолютно варварскихъ.

По принятому въ исторической наукѣ и вполне произвольному дѣленію, средневѣковой періодъ заканчивается въ 1453 г. взятіемъ Константинополя; на самомъ дѣлѣ, наиболѣе бьющія въ глаза злоупотребленія крѣпостнымъ правомъ сохранялись, въ нѣкоторыхъ французскихъ провинціяхъ, вплоть до революціи 1789 г. въ Германіи они прекратились лишь очень недавно, а въ Россіи еще позже. Въ Англіи Эдмундъ Спенсеръ писалъ въ 1596 г.: „Сеньоръ — настоящій тиранъ; арендаторъ — настоящій рабъ; мужику въ одномъ отношеніи приходится еще хуже чѣмъ рабу: раба кормить господинъ, а тутъ рабъ кормить господина“³⁾.

„Рабъ“ здѣсь самое подходящее слово. Положеніе феодальнаго серва мало чѣмъ отличается отъ положенія земледѣльческаго раба. Для него нѣтъ правосудія; это роскошь, доступная только людямъ свободнымъ. Сервъ же, наравнѣ съ *вещами*, принадлежащими сеньору, предоставленъ его произволу; его судитъ простой старшина (*prévôt*)⁴⁾; за браконьерство (*délit de chasse*) его вѣшаютъ; онъ долженъ, сложа руки, смотрѣть, какъ дичь сеньора пожираетъ его скудную жатву⁵⁾. Въ XIII вѣкѣ папскій легатъ, Жакъ де Витри, пишетъ слѣдующее: „Грабежи, хищенія и насилія, которые они (сеньоры) позволяютъ себѣ надъ несчастными, подвластными имъ (крестьянами), дѣлаютъ ихъ жестокою тираннію невыносимой. Сеньоры же, несмотря на свои титулы и чины, ходятъ за добычей и занимаются воровскимъ промысломъ, а также разбоемъ, опустошаютъ цѣлые округа пожарами“. „Черезъ посредство старшинъ (*prévôts*), своихъ прислѣшниковъ, они преслѣдуютъ бѣдняковъ, обижаютъ вдовъ и сиротъ, заводя съ ними ссоры... Ни въ чемъ неповинныхъ людей сажаютъ въ тюрьму только для того, чтобы вытягивать отъ нихъ деньги“⁶⁾.]

Въ 1668 г. Гюн-Патенъ пишетъ: „Чума свирѣпствуетъ повсюду; голодь и нищета повсемѣстны; половина крестьянъ питается травой“⁷⁾. Нѣсколько позже Фенелонъ говоритъ королю: „Ваши подданные мрутъ съ голода... Земледѣліе заброшено; селенія покинуты... Вся Франція не что иное, какъ громадная больница, полная уни-

¹⁾ Ibid., 259. ²⁾ Ibid., 378. ³⁾ H. S. Maine, *Instit. primitives*, 222—223. ⁴⁾ Tourmagne, *loc. cit.*, 64. ⁵⁾ Ibid., 452. ⁶⁾ Ibid., 262—263. ⁷⁾ Ibid. 393.

нія и лишенная жизненныхъ припасовъ“¹⁾. И это была не мимо-летная невзгода. Въ 1739 г. д'Аржансонъ пишетъ въ своихъ мемуарахъ: „Монсеньоръ герцогъ Орлеанскій недавно принесъ на засѣданіе Совѣта кусокъ чернаго хлѣба и положилъ его передъ королевскимъ столомъ, со словами: „Вотъ хлѣбъ, которымъ теперь питаются ваши подданные. Въ моемъ Туренскомъ кантонѣ вотъ уже годъ, какъ люди ѣдятъ траву“²⁾. Въ 1749 г. д'Аржансонъ изображаетъ намъ крестьянина дошедшимъ до отчаянія, „избѣгающимъ умножать населеніе“, умирающимъ отъ нищеты, принужденнымъ четвертую часть дня отдавать барщинѣ; говоритъ, что населеніе уменьшилось на цѣлую треть³⁾. Картина жалкой участи сельскаго населенія, набросанная Артуромъ Юнгомъ наканунѣ французской революціи 1789 г., сдѣлалась знаменитой; что она вѣрна дѣйствительности, это подтверждается множествомъ официальныхъ документовъ. Что же представляетъ изъ себя крестьянинъ того времени? — Онъ живетъ въ глинобитной хижинѣ безъ оконъ; ходитъ босикомъ; жена его, одѣтая въ лохмотья, „походитъ на кучу движущагося навоза“. Самъ онъ не имѣетъ другой одежды, кромѣ шерстянаго балахона. Онъ никогда не пьетъ вина, а говядины не видитъ по цѣлымъ мѣсяцамъ⁴⁾. Треть земель въ помѣстьяхъ стоитъ подъ паромъ⁵⁾. — Но это ужасное положеніе вещей не ново; въ средніе вѣка оно было частымъ, чтобы не сказать обычнымъ явленіемъ. Именно во избѣжаніе его и были основаны общины (коммуны) и различныя ассоціаціи.

III. Общины, коммуны и корпораціи.

Не разъ уже въ нашихъ изслѣдованіяхъ мы замѣчали, что нужда будитъ обыкновенно въ людяхъ старинные инстинкты солидарности, что всѣ угнетаемые и слабые пробуютъ соединяться между собою. То же случилось и въ годину безконечныхъ бѣдствій, порожденныхъ феодализмомъ. Вначалѣ, можетъ-быть, въ подражаніе церковнымъ приходамъ, возникли деревенскія общины, позже — городскія коммуны.

Деревенскія общины состояли изъ крѣпостныхъ (*mainmortables*), живущихъ общимъ хозяйствомъ. иногда подъ одной кровлей, и управляемыхъ старшиной изъ ихъ же среды, который былъ ихъ представителемъ передъ сеньоромъ. Дворяне и сеньоры обыкновенно поощряли такія ассоціаціи, такъ какъ онѣ представляли больше гарантій исправнаго взноса податей и выполненія повинностей. Члены такихъ общинъ назывались прихожанами, общинниками —

¹⁾ *Tourmagne, loc. cit.*, 394. ²⁾ *Mémoires*, Mai, juillet, août 1739. ³⁾ *Tourmagne, loc. cit.*, 489. ⁴⁾ *Ibid.*, 491. ⁵⁾ *Ibid.*, 438.

parsonniers, communiers; они составляли какъ бы одну семью и изъ среды своей выбирали распорядителя. Въ коммунѣ сообща смотрѣли за дѣтьми, совѣтовались со стариками; каждому находилось занятіе, соотвѣтствующее его полу и возрасту; но кто вышелъ изъ общины, тотъ терялъ права на наследство¹⁾. По внукотренней своей организаціи эти ассоціаціи напоминаютъ сербскія общины и русскій *миръ*. Извѣстно, что въ Шievръ, одна изъ нихъ, *la communauté des Jault* уцѣлѣла до нашихъ дней. Можетъ-быть, эти общины послужили если не образцомъ, то примѣромъ для городскихъ буржуа и ремесленниковъ.

Въ средніе вѣка, какъ и въ древности, ремесленники вышли изъ рядовъ свободныхъ людей, но не имѣющихъ средствъ къ жизни, и изъ отпущенниковъ. Чтобы жить, имъ поневолѣ приходилось, работать на тѣхъ условіяхъ, какія поставилъ имъ владѣлецъ земли, т. е. сеньоръ. Подобно серву, ремесленники и даже буржуа были обложены многими повинностями и повинностями; они платили за право пользованія мельницей и печью, вѣсами и мѣрой сеньора, подчинялись его распоряженію (*ban*), принуждавшему ихъ въ теченіе извѣстнаго срока покупать у сеньора продукты урожая. Какъ и сервы, они подлежали суду сеньора, за что платили особый сборъ, равно какъ платили за дозоръ, за охрану, платили штрафы, по требованію сеньора обязаны были слѣдовать за нимъ на войну и пр.²⁾ Именно желаніемъ избавиться отъ наиболѣе тягостныхъ изъ этихъ повинностей обусловливается возникновеніе общинъ. Сеньоры нашли выгоднымъ продавать льготы и дозволенія, создавать новые *вольные города*, куда они привлекали людей изъ сосѣднихъ помѣстій. Многія общины однакоже завоевали себѣ право на существованіе только путемъ кровавой борьбы. Но здѣсь не мѣсто излагать исторію общинъ; онѣ интересны для насъ только въ томъ смыслѣ, что изъ нихъ вышли корпораціи, цехи ремесленниковъ.

Еще задолго до періода общинъ, тамъ и сямъ возникли отдѣльныя ремесленныя ассоціаціи, организованныя по образцу сельскихъ общинъ; то были такъ называемыя „безмолвныя“, или „подразумѣваемая“ общества, — *taisibles* или *tacites*, состоящія изъ свободныхъ людей, нерѣдко связанныхъ между собою узами родства. Для учрежденія такого общества не требовалось ни формальностей ни договора, но лишь совмѣстная жизнь въ продолженіе одного года и одного дня. Помѣщеніе, столъ и очагъ были общими. Выборный голова (*chef élu*) былъ представителемъ общества передъ судомъ и заключалъ контракты отъ его имени; выборная

¹⁾ Cognille, *Coutume des Nivernois*. ²⁾ Tourmagne, *loc. cit.*, 289.

же хозяйка заправляла домомъ. Изъ такой общины можно было выйти когда угодно, унося съ собою свою долю имущества, которая была одинакова равна для всѣхъ; для вступленія требовалось согласіе старшихъ. „Безмолвныя“ общества назывались также „компаніями“ (*compagnies*), потому что они вкушали отъ одного и того же хлѣба — (*rain.*) Занимались онѣ специально промышленностью и торговлей ¹⁾.

Одновременно съ этимъ начали воскресать рабочія ассоціаціи, древнія коллегіи, разрушенныя вторженіемъ германцевъ; это было около 1000 г., когда христіане готовились къ кончинѣ міра. Побуждаемые страхомъ смерти, люди повсюду строили церкви; вновь образовавшіяся корпораціи каменщиковъ, свободныхъ каменщиковъ (*franc-maçons*), даромъ предлагали свои услуги нріорамъ и епископамъ. Поселяне цѣлыми деревнями покидали свои земли и присоединялись къ строителямъ ²⁾, которые переходили изъ города въ городъ, воздвигая соборы. Но *цехи* возникли позже, — они вышли изъ общинъ въ XII и XIII вѣкѣ. Цехъ, *métier*, былъ добровольной ассоціаціей всѣхъ ремесленниковъ одного и того же города, занимающихся одной и той же профессіей. Древняя коллегія была неволей, повинностью; цехъ — обществомъ, защищавшимъ своихъ членовъ отъ конкуренціи и произвола сеньоровъ. Каждый цехъ имѣлъ свой уставъ и пользовался монополіей своего труда. Онъ заключалъ въ себѣ учениковъ, рабочихъ и мастеровъ. Число учениковъ было ограничено, равно какъ и продолжительность ученія. Ученикъ жилъ и столовался у патрона; долгое время такъ жили и подмастерья (*compagnons*); чтобы получить званіе мастера, нужно было сдѣлать образцовую вещь, *chef d'oeuvre*. Позже вошло въ обычай откупаться отъ этого испытанія за большія деньги — отъ 3 до 4 тысячъ ливровъ. Во избѣжаніе конкуренціи, многіе цехи ограничили число мастеровъ, и кандидатъ на это званіе, прежде чѣмъ представить *chef d'oeuvre*, долженъ былъ еще дождаться вакансіи. Мастеру предоставлялось право держать сколько угодно подмастерьевъ и слугъ (*valets*). Эти послѣдніе въ концѣ концовъ отдѣлились отъ мастеровъ и основали соперничающія съ ними ассоціаціи; иногда они представляли собою нѣчто въ родѣ современнаго пролетаріата ³⁾. И дѣйствительно, всѣми преимуществами цеха пользовался главнымъ образомъ мастеръ; подмастерье же находился въ полной отъ него зависимости. Чтобы получить право уйти отъ мастера, подмастерье долженъ былъ предупредить его за три мѣсяца впередъ, окончить начатую работу, выхлопотать письменное увольненіе, а въ томъ

¹⁾ Tourmagne, *loc. cit.*, 279. ²⁾ Ibid., 53. ³⁾ Tourmagne, *loc. cit.*, 283—284.

случаѣ, если у него былъ забранъ авансъ ¹⁾, и расквитаться съ хозяиномъ. Съ другой стороны, званіе мастера давалось не безъ труда, и съ нимъ были сопряжены свои тяготы. Прежде всего нужно было пройти школу, побывать въ ученикахъ и рабочихъ, а затѣмъ, платить подать корпорации, налогъ сеньору, выполнять разныя тягостныя формальности, нерѣдко покупать патентъ (*acheter le métier*) у короля или сеньора; наконецъ добиться, чтобы его приняли въ члены корпорации на торжественномъ собраніи ²⁾.

Сеньоры, съ своей стороны, позаботились подчинить весь строй жизни цеховъ строгой регламентации. Для каждаго ремесла до мельчайшихъ подробностей были опредѣлены: количество и качество матеріала, вѣсъ, форма, способъ выдѣлки; всюду введены неудобныя постановленія. Запрещено было зазывать покупателей, отбивать ихъ у другихъ лавокъ, дѣйствовать въ ущербъ другому цеху. Такъ, напримѣръ, кузнецъ не имѣлъ права ни выковать ни продать ключъ, — это было дѣло слесаря. Портнымъ запрещено было чинить платье, а старьевщикамъ — шить новое ³⁾. Позже эту придирчивую регламентацію переняло королевское правительство и еще усилило ея тягость; такъ продолжалось до самой революціи. Въ особенности тираннизировалъ рабочихъ Кольберъ; читая его указъ 1669 г., можно подумать, что онъ былъ изданъ въ Китаѣ. Для каждой матеріи опредѣлена длина и ширина куска, число нитокъ, качество матеріала, способъ выдѣлки ⁴⁾. На этомъ пути Кольберъ имѣлъ множество послѣдователей; въ 1755 г. Гриммъ запретилъ выдѣлывать цвѣтныя холсты и полотна, чтобы не вредить шелковымъ и шерстянымъ мануфактурамъ. Доходили до того, что предписывали приказчикамъ срывать платья изъ цвѣтного холста съ тѣхъ женщинъ, которыя осмѣлятся появиться въ нихъ публично. Продажа цвѣтного холста влекла за собою галеры ⁵⁾.

При такомъ режимѣ возможенъ былъ только одинъ видъ промышленности: семейная, или кустарная. Она, безспорно, была связана со многими неудобствами, но, съ общественной точки зрѣнія, и со многими важными преимуществами. Крупная промышленность, которая сдѣлала много добра, но много и зла, расправила крылья только подъ конецъ XVIII-го вѣка, когда всѣ старыя пути были порваны и открылось широкое поприще для спекуляціи.

До сихъ поръ мы говорили только о крѣпостномъ правѣ, и оно на самомъ дѣлѣ было обще-распространенной формой средневѣковаго рабства; но бокъ о бокъ съ крѣпостнымъ правомъ продолжало существовать въ извѣстной мѣрѣ и рабство на античный

¹⁾ Ibid., 479. ²⁾ Ibid., 285. ³⁾ Ibid., 286. ⁴⁾ Ibid., 398. ⁵⁾ Tourmagne, *loc. cit.*, 489.

манерь. Церковь терпѣла рабовъ, подѣ условіемъ только, чтобы они не были христіанской вѣры; въ XIV и даже XV вѣкѣ венеціанцы держали домашнихъ рабовъ. Въ 1289 г. миланское правительство запретило продавать сервовъ отдѣльно отъ земли; слѣдовательно, до тѣхъ поръ такая продажа считалась дозволенной. Сами папы держали рабовъ мусульманъ, которыхъ рыцари Родоса и Мальты считали долгомъ доставлять имъ. Такъ что на практикѣ личное рабство существовало въ Италіи до конца XVII-го вѣка ¹⁾.

Рабство и крѣпостное право не уживаются съ гуманитарными принципами первыхъ христіанъ, но средніе вѣка отличались иными воззрѣніями, которыя безъ труда мирились съ несправедливостями феодальной системы, тѣмъ болѣе, что это было выгодно. Епископы и аббаты были очень важными господами и безъ зазрѣнія совѣсти пользовались всеми правами сеньоровъ. Католическое духовенство было даже могущественнѣе королей и дворянъ, такъ какъ въ его рукахъ соединялась и свѣтская и духовная власть. Феодальнымъ сюзеренамъ никто ничего не дарилъ и не завѣщаль, но каждый добрый христіанинъ считалъ почти своимъ долгомъ оставить что-нибудь церкви. Папика, господствовавшая въ 1000 г., была необычайно прибыльна для духовенства. Съ лихорадочнымъ рвеніемъ міряне отрекались въ пользу монастырей и церквей отъ презрѣнныхъ благъ земныхъ, рассчитывая вымѣнять на нихъ безконечно болѣе цѣнные блага небесныя. „Въ виду приближенія кончины міра и во спасеніе своей души, — говорится въ дарственныхъ записяхъ, — отдаю все, что имѣю, святому такого-то или такого-то аббатства“ ²⁾. 25-е марта 1000 г. народъ провелъ въ церквахъ, простертый во прахъ; небесная труба не вострубила, и страхъ разсѣялся, но даянія остались за тѣми, кому были принесены, и отнынѣ аббатства могли считать своихъ сервовъ тысячами. А сервы платили аббатствамъ оброкъ деньгами и натурой, не считая повинностей и произвольной бирочной подати (*taille*) ³⁾. Кромѣ того, священники взимали десятину со всехъ продуктовъ хозяйства, сначала съ сырыхъ, потомъ съ выработанныхъ. Такъ, взявъ десятую часть сноповъ, они брали еще десятину съ немолотаго зерна, потомъ съ муки, съ печенаго хлѣба, и не было участка земли, свободнаго отъ десятины. Зато церковныя земли не были обложены бирочной податью ⁴⁾.

И въ помѣстьяхъ, принадлежащихъ духовенству, сервамъ жилось не лучше, чѣмъ въ доменахъ сеньоровъ; они платили такія же подати, несли тѣ же повинности; въ періодъ развитія общинъ они

¹⁾ Ibid., 541. ²⁾ Tournaigne, *loc. cit.*, 52. ³⁾ Ibid., 216. ⁴⁾ Ibid., 236.

ными (*soumis au joug*). Кроме того, они признаютъ, что мы освободили ихъ, равно какъ и дѣтей ихъ отъ крѣпостного права и права *мертвой руки*, принадлежащихъ нашей Церкви, подъ условіемъ: 1) вносить ежегодно лишь шестьдесятъ парижскихъ ливровъ бирочной подати, тогда какъ до сего времени Церковь имѣла право облагать бирочной податью какъ личность ихъ, такъ и имущество сколько хотѣла; 2) выплатить десятину, подчиниться повинностямъ (*corvée*), верхнему и нижнему суду, штрафамъ и инымъ пошлинамъ, независимо отъ бирочной подати, взимаемой королемъ... и еще четырехсотъ парижскихъ ливровъ, которые имѣютъ быть выплачиваемы въ продолженіе восьми лѣтъ¹⁾“. Какъ видите, въ этихъ освобожденіяхъ о гуманности нѣтъ и поминя; тутъ все сводится къ простому расчету. Одинъ средневѣковой юристъ, Бомануаръ, увѣряетъ даже, что сеньору прибыльнѣе было отпустить на волю своихъ сервовъ, такъ какъ свободные люди работаютъ лучше рабовъ²⁾. Вѣдь въ сущности, освобожденіе разрѣзывало только часть узъ, связывавшихъ крѣпостного. вмѣсто того, чтобы быть облагаемымъ податями и барщиной по произволу, отпущенникъ становился сервомъ-арендаторомъ, подлежащимъ мертвой рукѣ, податямъ и повинностямъ; правда, онъ былъ свободенъ идти куда угодно и распоряжаться своимъ имуществомъ при жизни, но послѣ смерти его имущество переходило къ сеньору. Именно во избѣжаніе этого послѣдняго обязательства, крѣпостные основывали земледѣльческія общины, владѣнія нераздѣльнымъ имуществомъ (*in indivis*)³⁾.

Въ продолженіе средневѣковаго періода наиболѣе часты были освобожденія сервовъ во Франціи. Въ концѣ XIII вѣка добрая половина сервовъ была уже наполовину свободна. Въ остальной Европѣ усердствовали меньше. Въ 1574 г. королева англійская Елизавета издала указъ, повелѣвавшій въ нѣкоторыхъ владѣніяхъ (*manoirs*) короны отпустить на волю сервовъ за выкупъ⁴⁾; въ Германіи крѣпостное право было окончательно уничтожено только въ наши дни, — именно послѣ 1848 г.⁵⁾, а барщина мѣстами уцѣлѣла тамъ и до сихъ поръ.

Въ теоріи феодальный режимъ, т. е. систематическое, организованное притѣсненіе массы народа, долженъ былъ вытѣснить бродяжество, нищенство, всякія случайныя насилія. На дѣлѣ было совсѣмъ другое. Европа кишѣла бродягами, отщепенцами, нищими, бѣглыми крѣпостными, ворами, подозрительными людьми; это была какъ бы общественная проказа, неудоботерпимая и зловредная. Повсюду въ Европѣ къ этимъ отверженнымъ, „*hors caste*“, относились чрез-

¹⁾ *Cartulaire de Notre-Dame*. ²⁾ *Tourmagne, loc. cit.*, 269. ³⁾ *Tourmagne, loc. cit.*, 270. ⁴⁾ *Ibid.*, 532. ⁵⁾ *Ibid.*, 549.

вычайно жестоко. Въ Англіи королевскіе указы повелѣвали ихъ вѣшать. Въ 1351 г. Французскій король Іоаннъ повелѣлъ всѣмъ здоровымъ покинуть Парижъ въ теченіе трехъ дней, подѣ угрозой тюремнаго заключенія, а въ случаѣ возвращенія — подѣ угрозой позорнаго столба, клейменія раскаленнымъ желѣзомъ и ссылкой. Еще Францискъ I присуждалъ бродягъ и публичныхъ женщинъ къ каторжнымъ работамъ на дальнихъ островахъ ¹⁾.

Дѣло въ томъ, что войны безпрестанно колебали съ виду незблемый строй феодальнаго общества. Въ принципѣ, средневѣковыхъ сервовъ, какъ и рабовъ древности, нельзя было брать въ военную службу; но въ дѣйствительности они то и составляли ядро арміи, *piétaille*, сбродъ, который незачѣмъ было щадить, такъ какъ неоткуда было ждать за него выкупа. Въ военное время и свои войска не щадили беззащитнаго сельскаго населенія; поистинѣ можно сказать, что ему всѣ войны князей и дворянъ приходилось выносить на своихъ плечахъ. Бѣдныхъ сервовъ грабили, разоряли, колотили, убивали, жгли ихъ дома, чтобъ погрѣться у костровъ, насиловали ихъ женъ. Имъ оставалось одно — скрываться въ лѣсахъ или искать убѣжища въ укрѣпленныхъ мѣстахъ ²⁾. Вотъ что пишетъ современникъ Карла VII: „Всѣ равнины невоздѣланы, бесплодны, заросли терномъ и ежевикой. Землю осмѣливаются пахать только близъ городовъ и укрѣпленныхъ замковъ. Часовой на верху башни звонитъ въ сигнальный колоколь, возвѣщая о приближеніи непріятеля, и всѣ работающіе на поляхъ спѣшатъ укрыться подѣ защиту стѣнъ“ ³⁾. По счету Матьё Пари, въ началѣ XIII вѣка во Франціи было до 4,352 укрѣпленныхъ замковъ, а если вѣрить Жаку де-Витри, папскому легату, всѣ они были разбойничьими притонами ⁴⁾. Въ записяхъ собранія Генеральныхъ Штатовъ 1484 г. значится: „Главная причина печальнаго положенія народа — невыносимыя притѣсненія и постоянное грабительство военныхъ людей. Это вопіющая несправедливость, что именно военные люди, которымъ за то и платятъ, чтобъ они защищали народъ, грабятъ и оскорбляютъ его и т. д.“ ⁵⁾. Съ воцареніемъ Людовика XIV и началомъ долгихъ войнъ, службу феодаламъ замѣнила служба королю, была учреждена милиція, введена жеребьевка и *шестьмѣсячный срокъ службы*; но и этотъ налогъ крови всей тяжестью палъ исключительно на мужиковъ. Отъ военной службы были избавлены: жители городовъ, обнесенныхъ стѣнами, и всѣхъ другихъ, которые могли защитить себя, привилегированныя сословія, чиновники, свободныя профессіи, цехи, включая сюда сыновей, приказчиковъ и слугъ членовъ цеха. Кто же оставался? Бѣдняки-крестьяне да рекруты, хи-

¹⁾ Ibid., 123. ²⁾ Tourmagne, *loc. cit.*, 168—169. ³⁾ Ibid., 171. ⁴⁾ Ibid., 215. ⁵⁾ Ibid., 203.

тостью заманенные вербовщиками, и арестанты, содержащіеся въ смиренныхъ домахъ. Въ мирное время эти войны поневолѣ вели самую несчастную жизнь. Въ 1745 г. графъ де-Сенъ Жерменъ писалъ: „Солдатъ такъ бѣдствуетъ, что сердце за него обливается кровью. Онъ влачитъ дни свои въ гнусномъ и презрительномъ состояніи и живетъ подобно цѣпной собакѣ, предназначаемой къ бойнѣ“¹⁾.

Итакъ средневѣковой сервъ бѣдствовалъ ничуть не меньше древняго раба; подобно ему онъ не разъ возставалъ противъ своихъ притѣснителей и, какъ въ мятежахъ рабовъ, въ возстаніяхъ его не было ни успѣха, ни послѣдовательности, ни идеи. Въ сущности такіе мятежи подневольныхъ и угнетаемыхъ никогда не прекращались. Въ III вѣкѣ галльскіе холопы и сервы, подъ именемъ *багодовъ*, возстали противъ римскаго фиска. Ихъ было до 100,000; они грабили, разрушали замки и города, но въ концѣ концовъ всѣ были истреблены²⁾. Въ 1251 г. Францію опустошали пастухи (*Pastoureaux*), и точно такъ же въ концѣ концовъ бунтъ былъ подавленъ. Въ XIV вѣкѣ вспыхнуло настоящее народное возстаніе, *жакерія*. Жаки жгли замки, мучили ихъ владѣльцевъ и пр.³⁾. Но это лишь главнѣйшія народныя движенія, принятія во вниманіе исторіей. Въ дѣйствительности мелкіе мятежи вспыхивали на каждомъ шагу, то въ одномъ, то въ другомъ пунктѣ Европы. Въ одномъ изъ капитуляріевъ Людовика Благочестиваго упоминается о разговорѣ фламандскихъ сервовъ; въ IX вѣкѣ саксонскіе *реставраторы* пытаются воскресить язычество. Около 1000 г. нормандскіе сервы возстали противъ Ричарда II. Въ 1041 г. мелкіе миланскіе подвассалы и даже нѣкоторые изъ крѣпостныхъ, по словамъ лѣтописца, монаха Эпиданно, „дерзко стоворились противъ своего повелителя (сеньора), сами себѣ поставили судей, избрѣли права и законы. Для усмиренія наглецовъ миланскій епископъ и другіе сановники (сенаторы) Италіи вынуждены были взяться за оружіе⁴⁾. Въ XIV вѣкѣ крестьяне Верхняго Валлиса придумали оригинальный способъ избавляться отъ бароновъ-притѣснителей; этотъ способъ назывался *mazza* и состоялъ въ слѣдующемъ: когда притѣсненія барона становились слишкомъ ужъ тяжелы, изъ дерева вырѣзывали фигуру, долженствующую изображать его; это-то и была *mazzo*. Эмблему эту носили изъ дома въ домъ, и кто стоялъ за осужденіе барона, втыкалъ въ нее гвоздь. Утыканную гвоздями *mazzу* ставили у дверей осужденнаго. Тотъ обыкновенно спѣшилъ обратиться въ бѣгство, а замокъ его срывали съ лица земли. Эти таинственныя осужденія, наводящія на мысль о невѣдомыхъ исполнителяхъ, скрывающихся во мракѣ, всегда сильно дѣйствовали на воображеніе угнетателей. *Mazza*

¹⁾ Tourmagne, *loc. cit.*, 501. ²⁾ *Ibid.*, 176. ³⁾ *Ibid.*, 178. ⁴⁾ Cibrario, *Econ. polit. du Moyen-Age*, I, 76.

не что иное, какъ грубый заговоръ, рассчитанный на одинъ день. Но были и другія, прочныя, хорошо организованныя тайныя общества въ родѣ тайнаго суда (Sainte Vehme), до извѣстной степени обуздывавшія произволъ феодаловъ, но здѣсь мы только упомянемъ о нихъ мимоходомъ.

IV. Дальнѣйшее развитіе крѣпостного права.

Мы прослѣдили эволюцію подневольнаго труда отъ временъ мервинговъ до нашихъ дней; въ результатъ нашего изслѣдованія получился общій фактъ значительной важности. Длинный историческій періодъ, захваченный нами, даже черезчуръ изобилуетъ насиліями и катастрофами. Начинается онъ паденіемъ Римской имперіи и нашествіемъ варваровъ, т. е. поистинѣ хаотическими неистовствами. Во все продолженіе его мы только и видимъ, что войны, и большія и малыя, разоряющія и угнетающія главнымъ образомъ порабощенное сословіе, которое нерѣдко волнуется, пытаясь сбросить съ себя непосильное бремя. Но всѣ эти запасы какъ будто нисколько не отражаются на крѣпостномъ правѣ. Сотни тысячъ пастуховъ, жаковъ и т. д. поднимаютъ знамя возстанія, жгутъ замки и безошадно примѣняютъ законъ возмездія къ ихъ обитателямъ, преслѣдуя ихъ, какъ дикихъ звѣрей. Затѣмъ, побѣжденные и истребленные въ свою очередь, они исчезаютъ, а старая несправедливость воцаряется снова и неуклонно продолжаетъ свое теченіе до новаго взрыва. Всѣ эти насилія, взятая вмѣстѣ, нисколько не поколебали крѣпостного права, какъ учрежденія. А между тѣмъ, оно все-таки было постепенно подорвано, потому уничтожено и превращено въ salariatъ. Эта реформа — результатъ медленной и мирной эволюціи, и главнымъ образомъ учрежденія общинъ.

Началось съ того, что свободные наемные рабочіе, въ большинствѣ случаевъ, отпущенные на волю крѣпостные, соединились въ корпораціи по ремесламъ; затѣмъ, когда количество ихъ достаточно возросло, они, пользуясь обстоятельствами, составили городскія группы, съ которыми сеньорамъ приходилось уже считаться, и даже болѣе того — признать за ними право на независимое существованіе. Умножившись, эти ремесленныя и торговыя группы сдѣлались силой, привлекли къ себѣ тысячи сервовъ и отпущенниковъ, захватили въ свои руки всю мѣновую (échanges) торговлю и промышленное производство, разбогатѣли и въ концѣ концовъ составили обширный классъ, промежуточный между классами сервовъ и сеньоровъ. Теперь уже эти послѣдніе находили выгоднымъ отпускать на волю своихъ крѣпостныхъ за наличныя деньги и

разныя повинности, и превращать ихъ въ крестьянъ, *de jure*, но не *de facto* свободныхъ, но все же покорявшихся сеньорамъ, взысканіямъ фиска, грубымъ безчинствамъ солдатъ и пр. Но уже самое право на свободу составляетъ большое преимущество, по крайней мѣрѣ, нравственное; оно создаетъ какъ бы психическій ферментъ, побуждающій загнаннаго крестьянина, жалкаго ремесленника сдѣлать еще шагъ впередъ, согласить фактъ съ правомъ, словомъ, окончательно разбить свои оковы. Это было уже дѣломъ французской революціи, нанесшей смертельный ударъ феодальной системѣ. Мало-по-малу та же перемѣна произошла и во всей остальной Европѣ. Въ Германіи, потомъ въ Россіи реформа была введена мирнымъ путемъ, съ помощью мѣръ, продиктованныхъ свыше. Правительства уразумѣли необходимость ея. Платный трудъ замѣнилъ крѣпостное право, какъ это послѣднее замѣнило нѣкогда рабство.

Г Л А В А XX.

Прошлое и настоящее труда.

I. *Прошлое.* — Необходимость общественного труда. — Трудъ равномѣрный. — Специализация труда у муравьевъ. — Рабство у муравьевъ. — Происхождение рабства у людей. — Трудъ женщинъ въ первобытныхъ обществахъ. — Домашніе и земледѣльческіе рабы. — Домашній животный. — Походы для добыванія рабовъ. — Различные источники рабства. — Первобытныя права господина — Законы, угнетающіе рабовъ, и законы, покровительствующіе имъ — Крѣпостное право и происхождение его. — II. *Происхождение салиариата.* — Вначалѣ промышленный трудъ былъ личный — Трудъ женщинъ и рабовъ. — Торговля создаетъ промышленность, основанную на обмѣнѣ. — Магистерскія рабовъ. — Насмный рабочій. — Рабочія коллегіи въ Восточной Римской имперіи. — Крѣпостное право замѣняется салиариатомъ. — III. *Рабство въ новѣйшее время.* — Торговля неграми. — Насмники въ старицу и въ настоящее время. — Европейскіе *пасквики (engages)*. — IV. *Современный салиариатъ.* — Платный трудъ и крупная промышленность — Его социальныя и нравственныя послѣдствія. — Меркантильное производство.

I. П р о ш л о е .

Наше документальное изслѣдованіе окончено. Все человѣчество прошло передъ нами. Мы знаемъ теперь, какую организацію дали общественному труду каждая отдѣльная раса, даже каждый великій народъ. Въ этомъ отношеніи даже общества животныхъ были разсмотрѣны нами. Теперь мы въ состояніи объять въ цѣломъ всю эволюцію рабства.

Общественная жизнь неизбежно сопряжена съ искусственными условіями, самопроизвольная и добровольная реализація которыхъ немислима. Трудъ, необходимый для существованія общества, долженъ быть выполненъ за что бы то ни стало. Уже одинъ фактъ агломерации многихъ человѣческихъ существъ, или, говоря вообще, индивидуумовъ, принадлежащихъ къ высшимъ видамъ организмовъ, создаетъ потребность въ особомъ способѣ, въ особыхъ приѣмахъ, для того, чтобы снабжать данную общественную группу пищей въ достаточномъ количествѣ, воспитывать дѣтенышей, бороться съ обществами сонерниковъ, — словомъ, требуетъ значительной суммы общественного труда.

И дѣйствительно, оно возможно, пока образъ жизни очень простъ, и главныя потребности тоже. Но и тутъ уже, если агломерация многочисленна, находятъ обыкновенно болѣе выгоднымъ специализировать силы, раздѣлиться на классы, такъ чтобъ каждый классъ выполнялъ особую функцію. Нѣкоторыя породы муравьевъ съ своими кастами производителей, рабочихъ, воинновъ, уже показываютъ намъ фактическое рѣшеніе социальной проблемы посредствомъ раздѣленія и специализации функцій. Мы видѣли также, что нѣкоторыя муравьиныя общества держатся исключительно рабствомъ, при чемъ рабы добываются при помощи набѣговъ, какъ это бывало и въ большинствѣ человѣческихъ обществъ. Въ то же время городки муравьевъ весьма поучительны для насъ и въ другомъ отношеніи. Мы убѣждаемся, что, въ средѣ муравьевъ, съ давнихъ поръ установленный общинный режимъ въ концѣ концовъ привелъ къ полному подавленію индивидуальнаго эгоизма и къ замѣнѣ его широкимъ альтруизмомъ, до такой степени, что плодотворныя самки, стояція внѣ общественной жизни, какъ бы утратили инстинктъ материнства, столь могущественный у большинства видовъ; наоборотъ, бесплодныя работницы, дочери этихъ матерей, такъ мало заботящихся о своемъ потомствѣ, всецѣло посвящаютъ себя воспитанію личинокъ и всегда готовы жертвовать для нихъ собой, ибо надъ ними властвуетъ тиранническое чувство, широкій общественный инстинктъ, подавившій въ нихъ все другіе инстинкты. Этотъ альтруистическій инстинктъ составляетъ общую отличительную черту муравьевъ рабочихъ всехъ видовъ; рабовладельческіе же нравы свойственны лишь нѣкоторымъ породамъ муравьевъ, и потому мы имѣемъ основаніе думать, что они сравнительно недавно произошли. У муравьевъ не-рабовладельцевъ рабочіе родились въ самомъ городкѣ; никакая каста воинновъ не господствуетъ надъ ними; они добровольно, свободно работаютъ для общины и, въ случаѣ надобности, защищаютъ ее.

Итакъ, рабство необходимо для поддержанія болѣе или менѣе нервебитныхъ обществъ; и на самомъ дѣлѣ, мы видимъ, что жители фиджи, готтентоты, большинство племенъ эскимосовъ и краснокожихъ, австралійцы и пр. обходились, или и посейчасъ обходятся, безъ рабовъ.—Для того, чтобы люди додумались до рабства, необходимы нѣкоторыя условія или одно, вмѣщающее въ себя ихъ все: возможность извлечь изъ раба выгоду. Если такой возможности не представляется, на войнѣ не берутъ въ плѣнъ побѣжденныхъ враговъ, а предпочитаютъ убивать ихъ. Нерѣдко убитыхъ съжигаютъ; мы видѣли, что дикари каждую побѣду увеличиваютъ и санкціонируютъ пиршествомъ людоедовъ. Наконецъ, начинаютъ брать въ плѣнъ побѣжденныхъ, но и тутъ вначалѣ на

плѣнниковъ смотрять просто, какъ на убойный скоть. Ихъ берегутъ про запасъ, но въ ожиданіи, пока представится случай съѣсть ихъ, извлекають изъ нихъ различнаго рода пользу: мужчинамъ поручаютъ разныя тяжелыя работы; женщины нерѣдко берутъ въ наложницы. Часто также тѣми и другими пользуются, какъ мѣновыми цѣнностями, торгуютъ ими; но эта безкровная утилизація плѣнныхъ принимаетъ широкіе размѣры только съ того времени, когда кочевой образъ жизни замѣняется пастушескимъ и въ особенности земледѣльческимъ, т. е. когда оказывается возможнымъ свалить на плѣнника или плѣнницу нѣкоторыя работы, полезныя, но въ то же время неприятыя.

Большинству первобытныхъ народовъ долгое время пренятствовало имѣть рабовъ то обстоятельство, что подъ рукой у мужчинъ были прирожденные рабыни ихъ, женщины; на нихъ они вваливали все утомительныя работы, надъ ними присвоили себѣ все права, ихъ можно было по желанію дарить, одолжать, вымѣнивать, обижать, можно было даже убить и съѣсть; совершенно такъ же поступали они вначалѣ и съ своими рабами. Впрочемъ, въ первой стадіи рабства подневольный трудъ рабовъ дѣлятъ съ ними женщины; тѣ и другія работаютъ вмѣстѣ. Слѣдуетъ помнить также, что, въ самомъ началѣ, во время набѣговъ уводятъ въ плѣнъ исключительно женщинъ и дѣтей, съ цѣлью обращенія ихъ въ рабство, ибо это существа болѣе податливыя; ихъ легче укротить и устеречь, чѣмъ плѣнниковъ-мужчинъ. По всей вѣроятности, первые рабы мужескаго пола были взяты еще малыми дѣтьми вмѣстѣ съ ихъ матерями и вращены въ домѣ похитителя. Обуздать взрослыхъ и пріучить ихъ къ рабскому повиновенію могли лишь многочисленныя общества, занимающія достаточно обширную территорію и располагающія серьезными и сильными понудительными средствами.

Въ такихъ обществахъ, находящихся на пути къ цивилизаціи, уже владѣющихъ домашними животными и болѣе или менѣе искусно занимающихся земледѣліемъ, скоро образовались двѣ категоріи рабовъ: одни, — домашніе рабы всегда были подъ рукою; другихъ посылали работать внѣ дома, въ полѣ, или же ходить за скотомъ и стеречь стада. Первые, домашніе рабы, больше терпѣли отъ прихоти господина, но условія ихъ жизни были лучше: они были лично извѣстны господину, жили съ нимъ общей жизнью, болѣе или менѣе вошли въ составъ его семьи. Другихъ, — земледѣльческихъ рабовъ, проводившихъ большую часть жизни вдали отъ хозяевъ, эти послѣдніе нерѣдко приравнивали къ домашнимъ животнымъ. Кстати, о домашнихъ животныхъ; замѣчательно, что люди очень нескоро стали пользоваться ими, какъ механическою силой,

вьючнымъ или упряжнымъ скотомъ, способнымъ выполнить если не всё, то часть работъ, возлагаемыхъ на рабовъ и женщинъ. Долго, очень долго, домашнихъ животныхъ употребляли исключительно въ пищу, и, если въ Египтѣ въ былое время въ плуги впрягали иногда рабовъ и женщинъ, а въ Китаѣ и у нѣкоторыхъ племенъ туареговъ это практикуется и нынѣ, — въ первыхъ стадіяхъ цивилизаціи такой способъ обработки земли, должно-быть, былъ общепотребительнымъ.

Мы уже видѣли, что въ началѣ всё народы добываютъ рабовъ посредствомъ войны, набѣговъ или разбойничества; впоследствии, когда рабство уже проявилось какъ учрежденіе, и получило прочную организацію, оказывается возможнымъ умножать число рабовъ и другими способами, опять-таки одинаковыми у всѣхъ народовъ. На первомъ мѣстѣ, въ виду того, что рабство во всѣхъ странахъ, за рѣдкими исключеніями, наследственно, — слѣдуетъ поставить естественный приростъ несвободнаго населенія, — приростъ, который господа нерѣдко регламентировали, какъ имъ было наиболѣе выгодно, — затѣмъ продажу дѣтей родителями и женъ мужьями, судебные приговоры, несостоятельность, наконецъ, добровольное отреченіе отъ свободы, обыкновенно подъ гнетомъ крайней нищеты.

Повсюду господину предоставлены чрезмѣрные права надъ рабами; это — права владѣльца надъ принадлежащей ему вещью; мало-по-малу, однакоже, вмѣстѣ съ прогрессомъ правовъ и общей цивилизаціи, права эти ослабѣваютъ. Вначалѣ господинъ имѣлъ надъ рабами всё права безъ исключенія. Въ нѣкоторыхъ странахъ, въ Египтѣ, Индіи, древнемъ Римѣ, законъ раньше беретъ подъ свою защиту быка, чѣмъ раба. Первые законы, оберегающіе интересы рабовъ, несомнѣнно, имѣли въ виду рабовъ городскихъ и домашнихъ. Нельзя же было ретировать людей совсемъ ужъ какъ животныхъ, людей, съ которыми приходилось постоянно имѣть общеніе и которые, въ силу этого, были связаны со всѣми счастливыми и несчастными событіями къ жизни своихъ хозяевъ. Въ особенности это относится къ женщинамъ; молодыя рабыни часто становились наложницами своихъ господъ, и это давало имъ право на нѣкоторое снисхожденіе. Въ концѣ концовъ люди все же замѣтили, что рабы, эти жалкія существа, занимающія столь низкое общественное положеніе, — тоже существа человеческой породы, и сначала обычай, потомъ законъ предоставили имъ нѣкоторый *минимумъ* правъ. Для нихъ былъ выработанъ особый кодексъ, собраніе законовъ низкаго порядка, законовъ несправедливыхъ, но все же, въ извѣстной мѣрѣ, охраняющихъ интересы рабовъ. За одинъ и тотъ же проступокъ раба карали строже, чѣмъ свобод-

наго челоуѣка; ему запрещено было подавати въ судъ на обидчика, владѣть собственностью, вступати въ бракъ и т. д. и т. д. Рабъ, попрежнему, былъ собственностью, поставленной на одну доску съ вещами; попрежнему его можно было продавать, дарить, спаривать съ кѣмъ угодно, тиранить и пр.; но уже нельзя было убить его, ни даже изувѣчить; были введены особыя правила, регулировавшія его освобожденіе, равно какъ и положеніе рабыни, забеременѣвшей отъ своего господина, и положеніе ея ребенка и т. д. и т. д.

Потребовались тысячи лѣтъ для того, чтобы завершилась вся эта эволюція рабства; но, въ концѣ концовъ, на ряду съ рабствомъ, въ настоящемъ смыслѣ этого слова, установилась другая, смягченная форма неволи — крѣпостное право. Хотя, во всей вѣроятности, большая часть законовъ, покровительствующихъ рабамъ, сложилась подъ вліяніемъ домашняго рабства, крѣпостное право вышло не изъ него, но явилось результатомъ эксплуатаціи земли въ широкихъ размѣрахъ. Обыкновенно крѣпостное право вводили въ слѣдствіе покоренія цѣлой страны и порабощенія всей массы ея населенія относительно малочисленными завоевателями. Дѣйствительно, при такихъ условіяхъ, путемъ домашняго рабства и даже продажи плѣнныхъ можно утилизировать лишь ничтожную часть покореннаго народа. Съ другой стороны, какая польза завоевателямъ отъ опустошеннаго, безлюднаго края? Гораздо практичѣе, а главное, — прибыльнѣе, оставить земледѣльцевъ на поляхъ, а пастуховъ при стадахъ, и не посягать на личность побѣжденныхъ, но установить для нихъ, разъ навсегда, извѣстный оброкъ, прикрѣпить ихъ къ землѣ, превратить въ сервовъ или колоновъ, заставить ихъ аккуротно платить дань: хлѣбопашцевъ — продуктами земледѣлія, скотоводовъ — скотомъ, ремесленниковъ — работой или издѣліями, торговцевъ — деньгами, все равно какими. Впрочемъ, личная свобода, предоставленная сервамъ, очень условна; права владѣнія, наследованія, вступленія въ бракъ и т. д. для нихъ ограничены; но ихъ уже не продадутъ безъ земли, они должны дѣлать ея участь. Иногда имъ предоставляется свобода разорвать связывающій ихъ договоръ и уйти, но подъ условіемъ — оставить хозяину все свое имущество; такимъ правомъ пользовалась въ средніе вѣка извѣстная категория сервовъ.

Источники крѣпостнаго права, какъ и рабства, различны. Главный изъ нихъ — завоеванія; но нерѣдко сервы — просто полусвободные люди и, еще чаще, несчастные, покинутые, обратившіеся въ крѣпостное состояніе, чтобы обезнечить себя хлѣбъ насыщный, пристанище и хотя нѣкоторую защиту отъ притѣсеній, ибо въ томъ обществѣ, полномъ насилія и несправедливости, свобода —

роскошь, недоступная для слабого. Разъ пустивъ корни, крѣпостное право быстро разрастается; рабство, наоборотъ, мало-по-малу суживается, становится, главнымъ образомъ, домашнимъ, такъ что, въ концѣ концовъ, рабами владѣютъ почти исключительно князья, богачи, вообще, великіе міра сего. Мы видѣли, что крѣпостное право, эта смягченная форма первобытнаго рабства, уцѣлѣло въ самыхъ цивилизованныхъ странахъ чуть не до нашихъ дней. Франція первая нашла возможнымъ обойтись безъ рабовъ, но въ ней остатки крѣпостного права исчезли всего лишь столѣтіе тому назадъ; въ Германіи оно было уничтожено только въ половинѣ нынѣшняго столѣтія; наконецъ, Россія избавилась отъ него по волѣ императора Александра II. Послѣ исчезновенія крѣпостного права масса пролетаріевъ все же не получила возможности наслаждаться полною свободой. Крѣпостное право было не чѣмъ инымъ, какъ смягченною формой рабства; его смѣнила и замѣнила новая форма, еще болѣе смягченная.

II. Происхождение salariata, или наемнаго труда.

Пока общественный трудъ исчерпывается земледѣльческими работами, уходомъ за стадами и домашними занятіями, общество можетъ довольствоваться рабствомъ и крѣпостнымъ правомъ. Саларіатъ — порожденіе, главнымъ образомъ, промышленнаго труда; вотъ почему мы совсѣмъ или почти не находимъ его у народовъ, стоящихъ на низкомъ уровнѣ цивилизаціи. Въ первыхъ стадіяхъ соціальной эволюціи, человѣкъ обыкновенно самъ выдѣлываетъ себѣ оружіе, равно какъ и орудія или предметы для личнаго своего обихода. Другія ремесленные работы онъ предоставляетъ или насильно возлагаетъ на женщинъ и рабовъ. Такъ у всѣхъ дикихъ народовъ, историческихъ и доисторическихъ, гончарнымъ ремесломъ занимались женщины, какъ рабыни, такъ и свободныя. То же было съ приденіемъ и тканьемъ, когда одежды изъ коры или звѣриныхъ шкуръ были замѣнены тканями; да и нервы часто сшивали или выдѣлывали женщины; припомнимъ, напр., полинезійскую *тану*. Но все производство оружія, орудій, тканей и т. д. строго ограничивалось потребностями небольшой группы. Никому и въ голову не приходило работать на продажу и еще меньше на вывозъ. Иначе пошло дѣло, когда между различными народами и племенами, достигшими довольно высокой степени цивилизаціи, установились болѣе или менѣе мирныя отношенія. Съ этого момента обнаруживается нѣкоторое движеніе въ торговлѣ, люди привыкаютъ къ обмѣну цѣнностями, выгодному для всѣхъ сторонъ. Возьмемъ примѣръ: такой-то народъ выдѣлываетъ, положимъ, наиболѣе

прочную или изящную глиняную посуду; другой — наиболее прочная или мягкая ткань; третий — наилучшее оружие, художественной работы, драгоценности и т. д. Каждый берет у другого его лучшее и отдает взамен свое. Съ этого времени продукты промышленнаго труда приобретаютъ мгновенную цѣнность; оказывается выгоднымъ усилить производство, выдѣлывать тѣ или другіе предметы, въ количествѣ большемъ чѣмъ это необходимо для внутренняго потребленія; въ видахъ этого основываются обширныя мастерскія, гдѣ работаютъ рабы, живыя орудія, приобретенныя единственно съ цѣлью спекуляціи.

Въ Аоннахъ мы наблюдали полный расцвѣтъ этого рода подневольной промышленности. Одновременно съ этимъ къ рабскимъ рабочимъ рукамъ присоединяются руки свободныя; въ области промышленности окончательно завоевываетъ себя мѣсто салариатъ. Наемный рабочий, несомнѣнно, имѣетъ права свободнаго человѣка, но не имѣетъ средствъ къ жизни, а вслѣдствіе этого, будь онъ отпущеникъ или пролетарій, оказывается безусловно вынужденнымъ, подѣ страхомъ голодной смерти, ежедневно, за самую скромную плату, отречься отъ невѣрной свободы, которую признаетъ за нимъ законъ. Хозяева, подрядчики, спекуляторы, нуждавшіеся въ рабочихъ рукахъ для рудниковъ или мастерскихъ, нанимали этихъ свободныхъ труженниковъ за ту же плату, какъ и рабовъ, и перѣдко заставляли тѣхъ и другихъ работать бокъ-о-бокъ, не видя между ними большой разницы и одинаково презирая обоихъ. Эти меркантильныя воззрѣнія привели въ промышленныхъ государствахъ къ образованію многочисленнаго пролетаріата, неимущаго, нуждающагося и слишкомъ часто нравственно развращеннаго самымъ образомъ жизни, который ему приходилось вести, — массы порабощенной, хотя и не находящейся въ состояніи рабства. Обыкновенно, пролетаріи скоплялись въ большихъ центрахъ, гдѣ имъ легче было найти себя работу; туда стекались отпущеники и мелкіе землевладѣльцы, лишенные своихъ имѣній. Наиболее яркій примѣръ такого общественнаго строя мы наблюдали въ Восточной Римской имперіи и могли отмѣтить все его дурныя и опасныя стороны. Этотъ опасный порядокъ вещей держался очень долго, во все продолженіе среднихъ вѣковъ. Въ отношеніи организаціи труда, средневѣковой сервь очень походила на колону Восточной Римской имперіи; а цеховой ремесленникъ — на римскаго рабочаго времени упадка имперіи, внесеннаго въ списки одной изъ латинскихъ *collegii*, по крайней мѣрѣ, свободныхъ коллегій; и средневѣковой ремесленникъ, подобно члену рабочей коллегіи времени имперіи, не могъ сдѣлаться чиновникомъ. Зато личность его всегда оставалась независимой; вмѣстѣ съ своими прежними товарищами, превратив-

шимся въ купцовъ, ремесленники мало-по-малу составили особый классъ, не владѣвшій землей, но зато владѣвшій большимъ или меньшимъ количествомъ движимыхъ цѣнностей; въ концѣ концовъ изъ этого класса образовалось третье, среднее сословіе, буржуазія, — сила весьма почтенная, съ которой пришлось считаться.

Наконецъ, и крѣпостное право, — эта смягченная форма древняго рабства, державшаяся въ нѣкоторыхъ французскихъ провинціяхъ вплоть до революціи, а въ средней и восточной Европѣ и еще того дольше, — повсюду уступило мѣсто саларіату, который теперь выполняетъ всѣ работы въ гораздо болѣе широкихъ размѣрахъ.

III. Рабство въ новѣйшее время.

Влѣ Европы, великія современныя націи, гордясь своею уточненной цивилизаціей, такъ сказать, вчера еще не брезгали практикой рабства, и притомъ, самаго безжалостнаго. Мы не станемъ возвращаться къ этому; напомнимъ только мимоходомъ, что не далѣе, какъ въ прошломъ вѣкѣ, іезуиты пытались поддѣлаться въ Парагваѣ подъ общественный строй древняго Перу. Но это еще очень гуманная форма подневольнаго труда. Наоборотъ, торговля неграми, въ томъ видѣ, въ какомъ она существовала еще на нашихъ глазахъ, превзошла въ жестокости всѣ ужасы первобытнаго рабства. Пока въ Америкѣ былъ спросъ на черныхъ рабовъ (послѣднюю перестала погнать ихъ Бразилія), торговля ими не прекращалась; бѣлые негроторговцы продолжали содержать факторіи на Габонскомъ берегу, куда негры прибывали скованные за шею, по шести человѣкъ вмѣстѣ. Работорговцы пригоняли свой товаръ изъ глубины страны для продажи коллегамъ-европейцамъ, и, вмѣсто денегъ, вымѣнивали ихъ на ромъ, бумажныя матеріи, жемчугъ, зеркала, порохъ, ружья и пр. ¹⁾ Но жестокости, которыя позволяли себѣ надъ рабами сначала торговцы, потомъ рабовладѣльцы, извѣстны цѣлому свѣту. Обличительные рассказы старыхъ путешественниковъ и *Хижина дяди Тома* до сихъ поръ находятъ много читателей. Но мало кому извѣстно, что этотъ дикій порядокъ вещей далеко не разрушенъ окончательно. Прежняя работорговля не давала себѣ труда скрываться, нынѣшняя носитъ маску: бѣлые рабы превратились въ кучи „наемниковъ“ (кули, *engagés*); этихъ „наемниковъ“ или „обязанныхъ“, изъ людей цвѣтной расы, перѣдко увозятъ силой, какъ въ старину рабовъ, но считается, что они по доброй волѣ взяли на себя обязательство работать въ теченіе извѣстнаго числа лѣтъ въ дальней и совершенно чужой имъ странѣ.

¹⁾ Du Chaillu, *Afrique équatoriale*, 45—48.

Въ ноябрѣ 1891 г. одинъ нѣмецкій врачъ осматривалъ въ Ундахѣ пятьсотъ или шестьсотъ такихъ будто бы свободныхъ рабочихъ, выписанныхъ правительствомъ Конго, нуждавшимся въ рабочихъ рукахъ для постройки желѣзной дороги. Эти, такъ называемые, свободные рабочіе были доставлены чиновниками короля Беханцина и, очевидно, представляли собой излишекъ плѣнныхъ, которыхъ этотъ монархъ не смелъ за нужное приносить въ жертву. Посредничество между торговцами и покупателями взяла на себя одна Гамбургская фирма. Несчастные „наемники“, скученные какъ попало, въ тѣсномъ помѣщеніи, были истощены голодомъ; у многихъ были раны на головѣ, на груди, на шеѣ. Всѣ, и мужчины и женщины, были скованы по пятидесяти человекъ вмѣстѣ. У мужчинъ обшая цѣпь была продѣта въ желѣзные ошейники, сдавливающіе шею плѣнныхъ. Женщины были привязаны къ крѣпкимъ деревяннымъ брусьямъ и т. д.¹⁾ Предметомъ такой же торговли служатъ до сихъ поръ меланезійцы изъ Папуасіи.

Но не одна негритянская раса пользуется привилегіей поставлять человѣческой товаръ современнымъ работорговцамъ. Желтая раса также въ значительной степени способствуетъ процвѣтанію этой торговли, которая по-англійски зовется labour traffic — торговлей трудомъ, а по-французски immigration réglementée, правильной иммиграціей. Благодаря этой-то переряженной работорговлѣ, китайцы попали во всѣ тѣ страны, гдѣ ихъ можно было покупать. По прибытіи на мѣсто назначенія, въ ту или другую тропическую страну, наемники обязаны работать три года при самыхъ невозможныхъ условіяхъ и за самую ничтожную плату. Въ Америкѣ, на нашихъ глазахъ, безъ жалости и стыда, преслѣдуютъ желтокожихъ рабочихъ, попавшихъ туда почти что противъ воли²⁾; ибо эта лицензійная торговля губельно отразилась на задѣльной платѣ, вызвавъ ея пониженіе, т. е. повлекла за собой тѣ же неудобства, какія въ греко-латинскомъ мірѣ являлись результатомъ конкуренціи свободнаго труда съ подневольнымъ. Впрочемъ, эта система *наемничества* не представляетъ собою ничего новаго. Во все продолженіе прошлаго вѣка она прагматиковалась сначала флибустьерами³⁾, потомъ и просто торговцами, весьма респектабельными, нерѣдко даже очень благочестивыми. Товаръ поставляла, главнымъ образомъ, Германія. Несчастныхъ нѣмецкихъ эмигрантовъ, съ дѣтства привычныхъ ко всевозможнымъ лишеніямъ, нагружали на корабли, какъ настоящій товаръ. Случалось, что за время переѣзда черезъ Атлантическій океанъ, три четверти пассажировъ умирали

¹⁾ *Le Temps*, 5 décembre, 1893. ²⁾ E. Barbès, *Les blancs et les jaunes* (*Revue scientifique*, 21 octobre, 1893). ³⁾ *Histoire des aventuriers flibustiers*, etc, 4 vol. in 12 (Fréroux, 1775).

ты свидѣтельствуютъ о томъ, что рабство, само-по себѣ, хотя бы выраженное въ самой жестокой формѣ, ничуть не противно совѣсти современнаго человѣка. А между тѣмъ въ настоящее время оно законнымъ порядкомъ уничтожено во всѣхъ государствахъ, цивилизованныхъ на европейскій манеръ.

IV. Современный salariatъ.

Salariatъ, несомнѣнно, ведетъ начало отъ того дня, когда человѣкъ, свободный по праву, но неимѣющій средствъ къ жизни, впервые принужденъ былъ продать свой трудъ, чтобы не умереть съ голоду. Мы видѣли, что день этотъ наступилъ уже чрезвычайно давно, но, съ развитіемъ крупной промышленности, salariatъ, сдѣлавшись самымъ распространеннымъ видомъ труда, принялъ новый характеръ; онъ ведетъ свое начало приблизительно съ 1815 года, съ примѣненія все болѣе и болѣе широкаго машиннаго производства въ индустріи, съ водворенія царства пара и каменнаго угля. Тогда же начался переворотъ въ области промышленности, который продолжается и до сихъ поръ. Скромныхъ семейныхъ мастерскихъ въ Западной Европѣ теперь совсѣмъ нѣтъ, или ихъ очень мало; мелкая промышленность повсюду уступаетъ дорогу крупной; рабочая семья разрознена или разрушена; толпы пролетаріевъ, часто кочующихъ съ одного мѣста на другое, стекаются на фабрики. Тогда же открылась новая эра въ области промышленности, со всѣми ея послѣдствіями. Отношенія между наемнымъ рабочимъ и нанимателемъ, котораго ко многому вынуждаетъ конкуренція, подъ угрозой разоренія, измѣнились. Какимъ образомъ изобрѣтенія, сами по себѣ безусловно полезныя, могли привести къ печальнымъ результатамъ? Перѣдко цитируютъ маленькое стихотвореніе, въ которомъ одинъ изъ древнихъ поэтовъ, Антипарось, воспѣваетъ изобрѣтеніе водяныхъ мельницъ. По его мнѣнію, это нововведеніе даетъ возможность отдохнуть рабьямъ. „Оберегите руку, которая вертитъ мельницу, о мельничихи, и спите спокойно! Напрасно вѣтухъ возбѣждаетъ вамъ, что день уже наступилъ: Дао приказалъ нимфамъ работать вмѣсто дѣвушекъ. Вотъ онѣ весело вспрыгнули на колесо, вотъ уже вертится приведенный въ движеніе валъ, а за нимъ вертится и жерновъ. Будемъ жить жизнью нашихъ отцовъ и проводить время въ праздности, радуясь дарамъ, ниспосланнымъ намъ богиней“. Антипарось отнесся къ этому изобрѣтенію слишкомъ оптимистически. Изобрѣтеніе механическихъ мельницъ еще далеко не облегчило участи рабьянъ. Въ Соединенныхъ Штатахъ, на нашей памяти, рабовъ-негровъ стали заставлять работать до истощенія силъ

на путь разврата, а дѣтей ведущія къ смерти ¹⁾. И зло это все растеть, по мѣрѣ того, какъ городское населеніе, особенно въ промышленныхъ городахъ, увеличивается на счетъ деревенскаго, а деревни пустѣютъ. По переписи 1876 г. во Франціи промышленнымъ трудомъ занималось 9,274,257 человекъ, около $\frac{1}{4}$ всего населенія ²⁾, при чемъ на долю крупной промышленности и тогда уже приходилось болѣе двухъ милліоновъ ³⁾, а теперь, конечно, гораздо больше.

За практикой слѣдуетъ теорія. Одинъ англійскій экономистъ дошелъ до мечтаній объ идеальномъ *workhouse*'ѣ, рабочемъ домѣ, который былъ бы „maison de terreur“ и гдѣ рабочій день продолжался бы четырнадцать часовъ ⁴⁾.

Другой экономистъ, Ж. Б. Сэй (Sag), не моргнувъ глазомъ, заявляетъ, что „общество не обязано оказывать никакой помощи своимъ членамъ“ ⁵⁾. Въ Англии одинъ фабричный инспекторъ доноситъ, что случаи раздавливанія пальцевъ рабочаго, попавшихъ во время работы въ зубчатое колесо, фабриканты называютъ „пустяками, бездѣлицей“ ⁶⁾.

Но въ настоящее время можно видѣть и нѣкоторыя надежды на лучшее будущее. Установить повсюду болѣе короткій рабочій день, какъ это уже сдѣлала Англія для нѣкоторыхъ государственныхъ мастерскихъ и верфей (гдѣ устроена норма въ 8 часовъ, а Россія для всѣхъ 11 $\frac{1}{2}$ час.), было бы великимъ благодѣяніемъ. На пути къ лучшему будущему каждый шагъ впередъ влечетъ за собою другіе шаги, и мало-по-малу люди, въ концѣ концовъ, достигаютъ намѣченной цѣли. Какъ же надо представлять себѣ эту цѣль?

К О Н Е Ц Ъ .

¹⁾ F. Le Play, *Réforme sociale en France*, 20. ²⁾ A. Legoyx, *Suicide*. ³⁾ M. Block, *Statistique de la France*, t. II, 115. ⁴⁾ K. Marx, *loc. cit.*, ch. X p. 119. ⁵⁾ *Cours complet d'économie politique*, ch. XXXII (édition belge in-4), p. 476. ⁶⁾ K. Marx, *loc. cit.* ch. V, p. 164 (note).

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

ГЛАВА I. Рабство въ животномъ царствѣ.

I. Предварительныя соображенія	3
II. Рабочія касты у муравьевъ и термитовъ	5
III. Рабство у муравьевъ	8
IV. Рабская зависимость у приматовъ	17
V. Соціальный вопросъ въ животныхъ обществахъ	17

ГЛАВА II. Начало рабства въ Меланезіи.

I. Негритянскія подрасы	20
II. Рабство женщинъ въ Австраліи	21
III. Рабство въ Папуасіи	27
IV. Эволюція рабства въ Меланезіи	33

ГЛАВА III. Рабство въ Африкѣ.

I. Отсутствие рабства у готтентотовъ	36
II. Рабство у кафровъ	38
III. Рабство у дикарей тропической Африки	43
IV. Происхожденіе рабства въ Африкѣ	50

ГЛАВА IV. Рабство въ мелкихъ африканскихъ монархіяхъ.

I. Рабство въ мелкихъ фетишистскихъ государствахъ	52
II. Промышленность въ мелкихъ мусульманскихъ государствахъ	60
III. Эволюція рабства у африканскихъ негровъ	64

ГЛАВА V. Рабство въ мелкихъ африканскихъ монархіяхъ.

I. Женщины	67
II. Рабы	71
III. Различныя источники рабства	77
IV. Вліяніе рабства въ Африкѣ	80
V. Эволюція рабства въ Африкѣ	81

ГЛАВА VI. Рабство у туземцевъ Америки.

I. Рабство въ Южной Америкѣ	83
II. Рабство у эскимосовъ	90
III. Рабство у краснокожихъ	91

ГЛАВА VII. Рабство въ Мексикѣ и Перу.

а) Древняя Мексика.

I. Начало мексиканской цивилизации	100
II. Рабство въ странахъ, граничащихъ съ Мексикой	102
III. Людоѣдство въ Мексикѣ, какъ воинскій обычай	103
IV. Людоѣдство религиозное	105
V. Рабы	108

б) Древній Перу.

VI. Начало цивилизации въ Перу	110
VII. Эволюція туземнаго рабства въ Америкѣ	117

ГЛАВА VIII. Рабство въ Полинези.

I. Новая Зеландія и подчиненный классъ населенія	120
II. Полудикая Полинезія	126
III. Эволюція рабства въ Полинези	133

ГЛАВА IX. Рабство у азіатскихъ народовъ монгольскаго происхожденія.

I. Географическое распредѣленіе азіатскихъ народовъ монгольскаго происхожденія	136
II. Рабство у малайцевъ	137
III. Рабство въ Индо-Китаѣ	143
IV. Рабство въ Камбоджѣ	146
V. Общій взглядъ на рабство въ Индо-Китаѣ и на Малайскомъ архипелагѣ	150

ГЛАВА X. Рабство у народовъ монгольской расы.

I. Распредѣленіе монгольскихъ племенъ	152
II. Рабство у монголовъ-кочевниковъ	153
III. Тибетъ съ точки зрѣнія рабства	158
IV. Рабство въ Китаѣ	160
V. Рабство въ Японіи	167
VI. Эволюція рабства у желтыхъ расъ	169

БѢЛЫЯ РАСЫ.

ГЛАВА XI. Египетъ и прилежація къ нему страны

I. Населеніе первобытнаго Египета	172
II. Рабство у берберовъ	174
III. Рабство въ древнемъ Египтѣ	177
IV. Рабство въ Феоіиці	183
V. Рабство на Мадагаскарѣ	186
VI. Эволюція рабства въ Египтѣ и сосѣднихъ съ нимъ странахъ	189

ГЛАВА XII. Рабство у семитовъ.

I. Рабство у арабовъ	191
II. Рабство у евреевъ	201

III. Рабство въ Тирѣ, Сидонѣ и Кареагенѣ	206
IV. Рабство въ Ассиріи	208
V. Эволюція рабства у семитовъ	209
ГЛАВА XIII. Рабство въ Индіи и Персіи.	
I. Арійскія расы	210
II. Рабство у аборигеновъ Индіи и Афганистана	211
III. Рабство у древнихъ арійцевъ, по Ведамъ	213
IV. Рабство въ браминской Индіи	215
V. Рабство въ Персіи	222
VI. Причина введенія крѣпостного права въ большихъ монархическихъ государствахъ	226
ГЛАВА XIV. Рабство въ Греціи.	
I. Численное отношеніе рабовъ къ свободнымъ гражданамъ въ Греціи	228
II. Источники рабства въ Греціи	230
III. Положеніе раба въ Греціи	235
IV. Освобожденіе	243
V. Аристотель и рабство	244
ГЛАВА XV. Рабство въ Греціи (продолженіе).	
I. Крѣпостное право	247
II. Періэки и метэки	251
III. Ремесленники	253
IV. Греческій индустриализмъ	256
V. Трудъ женщинъ	263
VI. Эволюція рабства и ея послѣдствія	264
ГЛАВА XVI. Рабство въ Римѣ.	
I. Источники	268
II. Положеніе раба въ римскомъ обществѣ	275
III. Рабъ и законъ	282
IV. Нравственность раба	284
ГЛАВА XVII. Рабство въ Римѣ (продолженіе).	
I. Торговля рабами	289
II. Вольноотпущенники	290
III. Крупныя состоянія въ Римѣ	294
IV. Сельскій пролетаріатъ	296
V. Городской пролетаріатъ	298
VI. Кліенты	302
VII. Женщины	303
VIII. Величіе и паденіе Рима	305
ГЛАВА XVIII. Рабство у европейскихъ варваровъ.	
I. Европейскіе варвары	308
II. Рабство у древнихъ европейскихъ берберовъ	309
III. Народы Кавказа	310
IV. Рабство у славянъ	315

	<i>Стр.</i>
V. Рабство въ Германіи	317
VI. Рабство у кельтовъ	319
VII. Особенности рабства у европейскихъ варваровъ.	321
ГЛАВА XIX. Подневольный трудъ въ средневѣковыхъ монархіяхъ.	
I. Рабство въ германо-латинскихъ государствахъ	323
II. Крѣпостное право въ средніе вѣка.	327
III. Общины, коммуны и корпораціи	332
IV. Дальнѣйшее развитіе крѣпостного права	341
ГЛАВА XX. Прошлое, настоящее и будущее труда.	
I. Прошлое.	343
II. Происхожденіе salariata или наемнаго труда	348
III. Рабство въ новѣйшее время.	350
IV. Современный salariatus	353
V. Трудъ въ будущемъ	358

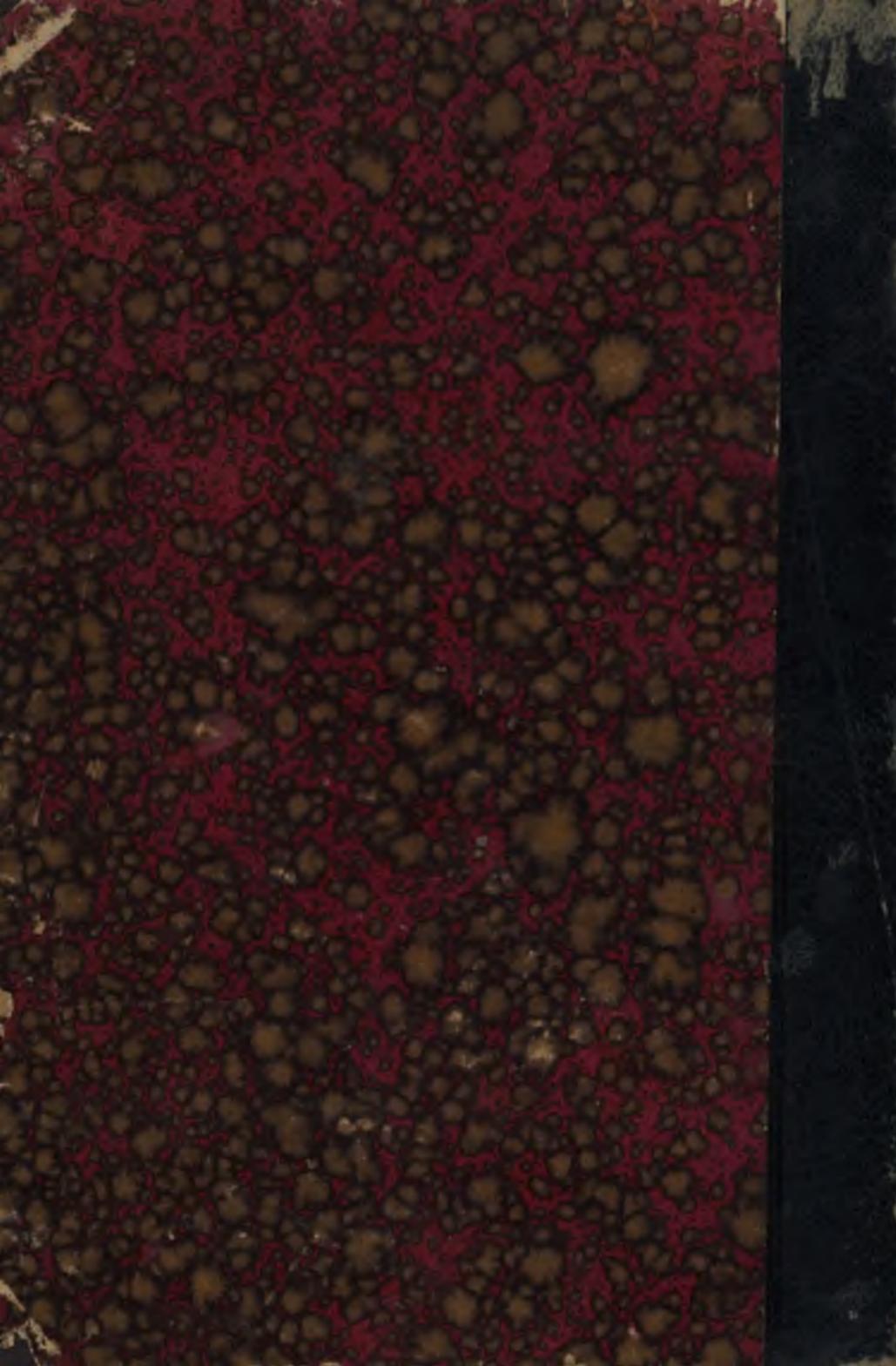
5-

ЦУНБ

им. Н. А. Некрасова

2 000001 926079

для общественнаго организма, ибо каждый изъ рабочихъ отдаетъ все свои силы на служеніе обществу и, въ случаѣ надобности, не задумываясь жертвуетъ собою для общаго блага.

У муравьевъ-рабовладѣльцевъ общественная организація сложнѣе; тамъ посредствомъ войны и набѣговъ (*razzias*) былъ искусственно созданъ классъ рабовъ, такъ хорошо дрессированныхъ съ ранняго дѣтства, съ самаго выхода изъ личинокъ, что имъ даже и въ голову не приходитъ уклоняться отъ подневольной работы. Между тѣмъ какъ хозяева ихъ предаются исключительно войнѣ, съ цѣлью постоянного пополненія класса безплодныхъ рабочихъ невольниковъ, эти послѣдніе съ неутомимымъ рвеніемъ выполняютъ все другія общественныя функціи и какъ бы наслаждаются своимъ рабствомъ. Къ нимъ можно примѣнить стихъ Ламартина:

«Le joug que l'on choisit est encore liberté».

(Иго, избранное по доброй волѣ, все еще свобода).

Но поддерживать общественный организмъ и выполнять необходимыя для этого работы можно и другимъ способомъ, не прибѣгая къ рабству. Достаточно, чтобы члены одного и того же общества раздѣлились на ясно выраженные классы и выполняли бы различныя функціи: чтобы одни посвятили себя специально продолженію рода, другіе — домашнимъ и промышленнымъ занятіямъ, иные — войнѣ. Такой ассоціаціи нѣтъ необходимости быть ужасомъ и бичомъ своихъ сосѣдей; невольническіе набѣги для нея бесполезны, общественный организмъ можетъ прожить своими средствами и ограничиться единственнымъ законнымъ видомъ войны — войной оборонительной.

Нашъ первый социальный типъ трудолюбивой, уравнивающей и самобытной анархіи осуществляютъ различныя общества млекопитающихъ: лошади, бизоны, дикія собаки, въ особенности бобры; таковъ же онъ, за исключеніемъ специализировавшейся функціи продолженія рода, у пчелъ и у большинства видовъ муравьевъ. Представители второго типа, общества рабовладѣльческаго, муравьи-набѣдники (*la fourmi-amazone*, *Polyergus rufescens*) и кроважадные кровавые муравьи (*sanguinea*), о которыхъ мы скоро будемъ говорить. Третій типъ, — общество раздѣленное на касты, — воиновъ и ремесленниковъ, имѣетъ прекрасныхъ представителей въ лицѣ африканскихъ, американскихъ и азіатскихъ термитовъ. У этихъ умныхъ насѣкомыхъ, искусныя архитектурныя сооруженія которыхъ относительной величиной своей на много превосходятъ египетскія пирамиды, есть самцы и самки, какъ у пчелъ и муравьевъ есть рабочіе и еще классъ или каста воиновъ. Такое раздѣленіе общественнаго труда невольно напоминаетъ организацію знаменитой Индійской имперіи; но у термитовъ специализація носитъ гораздо

II. Рабство женщинъ въ Австраліи.

Австралийцы и родственные имъ жители Тасманіи принадлежать къ числу самыхъ примитивныхъ типовъ современнаго человѣчества: у нихъ сохранилась еще во всей своей чистотѣ первичная общественная форма — кланъ, о которомъ мнѣ приходилось говорить уже много разъ. Благодаря клановому режиму, эти низшіе представители человѣчества усвоили себѣ нѣкоторыя возвышенныя черты нравовъ, составляющія контрастъ съ ихъ крайней дикостью, на примѣръ: живой духъ солидарности и регламентаціи, юридическое ограниченіе войны и т. д. Но это не мѣшаетъ имъ убивать плѣнныхъ и даже съѣдать ихъ, а такъ какъ война повсюду является крупной поставщицей рабовъ, то австралийцы не могутъ имѣть рабовъ въ обыкновенномъ значеніи этого слова ¹⁾. Какъ ни простъ образъ жизни первобытнаго клана, онъ требуетъ, однакоже, нѣкоторыхъ тяжелыхъ работъ, внушающихъ отвращеніе мужчинамъ: такія работы тѣ возлагаютъ на женщинъ. Общее правило: во всѣхъ первобытныхъ цивилизаціяхъ женщина заступаетъ мѣсто домашнихъ животныхъ, вьючнаго скота, которымъ владѣютъ лишь общества болѣе цивилизованныя: въ сущности, съ ней обращаются, какъ съ рабыней, и, конечно, это одна изъ причинъ, почему въ эволюціи общества рабство появилось сравнительно поздно. Въ немъ не ощущалось потребности.

Австралийки, по свидѣтельству Лумгольца, зоркаго и внимательнаго наблюдателя ²⁾, — пастоящія рабыни. Съ ними всегда дурно обращаются; никто не уважаетъ ихъ; на нихъ взвалена вся тяжелая работа: ихъ дѣло — строить грубые шалани, запасать воду и топливо, необходимыя въ хозяйствѣ. Одинъ французскій путешественникъ слѣдующимъ образомъ описываетъ жизнь австралийки: „Взгляните на неё, — вотъ она тащитъ на спишѣ своего ребенка (иногда двухъ) и тяжелый мѣшокъ съ провизіей и рыболовною снастью; вотъ она идетъ черезъ лѣса и болота, съ трудомъ пробирается по глубокому песку дюнь, велѣдъ за своимъ повелителемъ; а тотъ, не обремененный никакой тяжестью и недоступный состраданію, все ускоряетъ шагъ и до самаго вечера не даетъ отдохнуть своей семьѣ. Наконецъ наступаетъ моментъ, когда племя (вѣрнѣе, кланъ), мѣняющее стоянку или предпринявшее какую-нибудь воинскую экспедицію, останавливается на почлегъ. Мужчины отдыхаютъ, женщины, наоборотъ, отправляются въ лѣсъ нарѣзать вѣтвей, чтобы поддерживать огонь ночью, или бродятъ

¹⁾ Карль Лумгольцъ, *Questionnaire de sociologie* (Bull. soc. d'anthrop. нояб. 1888 г.).

²⁾ Лумгольцъ, *loc. cit.*

по берегамъ рѣкъ и озеръ, подбирая раковины, которыя онѣ потомъ пекутъ на угольяхъ и подаютъ своимъ мужьямъ. Если раковинъ нѣтъ, онѣ разыскиваютъ ящерицъ и опоссумовъ и преслѣдуютъ ихъ вплоть до вершинъ самыхъ высокихъ деревьевъ, куда причуются эти безобидныя звѣрьки, воображая, что въ своемъ дуплѣ они будутъ въ полной опасности. «Я бы могъ описать, — продолжаетъ путешественникъ, — еще много другихъ ухищреній, къ каковымъ прибѣгаютъ эти несчастныя, чтобы добыть пищу своему тирану и дѣтямъ. Иногда онѣ ложатся враспяжку на пригоркѣ, держа въ полураскрытой горсти кусокъ мяса, чтобы привлечь птицъ, и остаются неподвижными, пока имъ не удастся поймать одну изъ неосторожныхъ, пытающихся овладѣть приманкой. Если племя кочуетъ по берегу моря, участь женщинъ его, пожалуй, еще болѣе достойна сожалѣнія; въ охотѣ за рыбой или раковинами онѣ проводятъ цѣлыя дни и даже ночи, плавая среди морской пѣны, или далеко отъ берега, съ убогаго плота, забрасываютъ грубыя сѣти, сплетенныя изъ грубыхъ волоконъ древесной коры, съ крючками на концѣ, сдѣланными изъ черенковъ устрицы, почти не обдѣланныхъ. Эти трудныя занятія предоставлены исключительно слабому полу, и каждой дѣвчкѣ, чуть не при рожденіи, отрубаютъ два послѣднихъ сустава мизинца лѣвой руки для того, чтобы удочка легче обвивалась вокругъ другихъ пальцевъ¹⁾».

Въ общемъ, эта картина вѣрна дѣйствительности; только отрубаніе суставовъ практикуется въ Австраліи, какъ и во многихъ другихъ странахъ, съ иной цѣлью: это — жертва, приносимая тѣмъ или инымъ племенемъ или злымъ духамъ, чтобы обезоружить ихъ гнѣвъ. Съ другой стороны, перечисленіе занятій, возложенныхъ на австралійскую женщину, не совсѣмъ полно. Но на этотъ предметъ у насъ имѣются другія свидѣтельства — и болѣе современныя и болѣе обстоятельныя.

Италианецъ-миссіонеръ Рудезиндо Сальвадо въ слѣдующихъ выраженіяхъ оплакиваетъ участь австраліянки: «Бѣдная женщина!.. Твоя жизнь и рожденіе зависятъ отъ произвола жестокосердой матери; горе тебѣ, если ты своимъ появленіемъ на свѣтъ увеличишь третью дочь, или если ты имѣла несчастіе родиться третьей дочерью. Въ дѣтствѣ твоёмъ, если на то вынудитъ крайность, члены твои служатъ пищей твоей семьѣ, внимающей только одному голосу — голосу голода!.. Да если ты и вырастешь, жизнь твою не будетъ ставить ни во что даже твой мужъ²⁾». Тотъ же наблюдатель говоритъ намъ, что жизнь австраліянки —

¹⁾ Лапласъ — *Voyage de la Favorite*. ²⁾ R. Salvado, *Memoires historiques sur l'Australie*, 196.

кормить семью — не его дѣло; онъ не признаетъ, чтобы роль мужа и отца налагала на него какія-нибудь обязанности. Онъ живетъ въ свое удовольствіе, уходитъ на охоту, лишь только обсохнетъ роса на травѣ, и возвращается уже подъ вечеръ, иногда съ пустыми руками, пожравъ на мѣстѣ пойманную добычу. Но если мужъ-австраліецъ несетъ мало обязанностей, зато у него много правъ¹⁾: онъ можетъ, по произволу, бить, истязать, даже убить свою жену. Эта несчастная ночью, во всякую погоду принуждена ходить за хворостомъ и за водой. Одинъ изъ самыхъ интеллигентныхъ людей изъ туземцевъ, сопровождавшихъ Лумгольца, провелъ добрую половину ночи, колотя свою жену, и даже сломалъ ей два пальца за то, что она, какъ онъ выразился, подъ предлогомъ, будто ночь слишкомъ холодна, не сразу согласилась идти въ лѣсъ за хворостомъ²⁾. Зато и богатство австраліица измѣряется количествомъ женъ, такъ какъ на нихъ падаютъ все работы³⁾. Онъ — настоящій рабыня. Для насъ важно установить этотъ пунктъ твердо, и потому я присоединю къ уже сдѣланнымъ выборкамъ еще нѣсколько чертъ, подмѣченныхъ разными путешественниками.

Австраліянки собираютъ и готовятъ не только растительную пищу: въ прибрежныхъ мѣстностяхъ, гдѣ основной элементъ пищи составляютъ раковины, ихъ добываетъ, ныряя на дно, та же женщина. Кромѣ того, она должна оберегать и разводить огонь. Единственный занятіи мужчины — война и охота: во всѣхъ его походахъ женщина слѣдуетъ за нимъ, неся на себѣ, кромѣ грудныхъ дѣтей, весь домашній скарбъ семьи, впрочемъ очень несложный, и еще головню, тлѣющую съ одного конца, которой она не должна дать потухнуть⁴⁾. Въ награду за все это, австраліянка терпитъ такое обращеніе, какого хуже не бываетъ. Австраліяская женщина, по словамъ Олدفилда, довольно рѣдко умираетъ естественной смертью. Ее обыкновенно спроваживаютъ на тотъ свѣтъ раньше, чѣмъ она успѣетъ похудѣть и состариться; жаль вѣдь упустить такой вкусный кусокъ!.. Короче говоря, женщиной придается такъ мало значенія, что невольно спрашиваешь себя, не ставитъ ли австраліецъ совершенно на одну доску свою жену и свою собаку, пока та жива, и о комъ изъ нихъ онъ вспоминаетъ чаще и съ большей нѣжностью, послѣ того какъ съѣлъ ихъ обѣихъ? ⁵⁾ Жизнь австраліянки — сплошное мученіе, часто, впрочемъ, непродолжительное; вѣтъ она только послѣ мужчинъ и только то, что имъ заблагоразсудится бросить ей черезъ плечо, какъ собакѣ (Сальвадо). Это еще не все: мужъ-австраліецъ имѣетъ право про-

¹⁾ Лумгольцъ, *loc. cit.*, 257, 258. ²⁾ *Ibid.*, 258. ³⁾ *Ibid.* ⁴⁾ Сальвадо: *Memoires sur l'Australie.* ⁵⁾ Oldfield, *Trans. Ethnol. soc.* Новая сер., III, 220.

нихъ же раздорахъ къ мертвымъ относятся почтительно, по крайней мѣрѣ, не употребляютъ ихъ въ пищу ¹⁾).

Собственно рабства здѣсь нѣтъ; оно замѣнено рабскимъ подчиненіемъ всего племени вождю, которому, въ прищипѣ, принадлежатъ все: земля, хижины, оружіе, мужчины, женщины и дѣти ²⁾; бѣдняки, мелкота должны, кромѣ того, еще и работать на вождей ³⁾. Зато женщины—настоящія рабыни ⁴⁾. У мужа свои занятія: онъ ловитъ рыбу, плететъ сѣти, строитъ дома и лодки. Но трудъ его жены гораздо тяжелѣе; во время отлива она собираетъ раковины и голотурій, стряпаетъ, мететъ домъ, собираетъ хворостъ для топлива, вырываетъ изъ земли и таскаетъ на себѣ ямы, разбиваетъ комья земли на поляхъ, жжетъ траву на плантаціяхъ, полетъ ихъ, и за всѣ свои услуги не получаетъ никакой благодарности; мужъ едва удостоиваетъ разговаривать съ нею, но не скупится на шипки и удары ⁵⁾. Никакой интимности нѣтъ между полами: женщина ѣсть особо, спитъ особо, даже танцуетъ особо; часто жизнь ея до того ужасна, что она ищетъ выхода въ самоубійствѣ ⁶⁾. Каждый мужчина старается имѣть побольше женъ, такъ какъ онѣ замѣняютъ вьючный скотъ, но только вожди достаточно богаты, чтобы позволить себѣ полигамію въ широкихъ размѣрахъ. Иные имѣютъ по двѣнадцати, по тринадцати женъ, замѣняющихъ имъ рабовъ или слугъ ⁷⁾.

Итакъ, на папуасскихъ архипелагахъ, описанныхъ нами, собственно рабство неизвѣстно. Не совѣмъ такъ обстоитъ дѣло на островахъ Соломоновыхъ, Фиджи, на Новой Гвинее и нѣкоторыхъ иныхъ.

Дикари Соломоновыхъ острововъ начинаютъ понимать, какія выгоды даетъ владѣніе рабами; поэтому они постоянно воюютъ между собой, единственно съ цѣлью захвата военно-плѣнныхъ. Они не совѣмъ еще отрѣшились отъ людоедства, но предаются ему у себя дома; притомъ же военно-плѣнные полезны имъ во многихъ отношеніяхъ. Плѣнные, обращенные въ рабовъ, работаютъ на плантаціяхъ въ ожиданіи того дня, когда будетъ признано за нужно принести ихъ въ жертву для того, чтобы достойно отпраздновать какое-нибудь важное событіе, напримѣръ, спускъ пороги или постройку новаго общественнаго зданія. Въ этомъ последнемъ случаѣ, жертвъ разрѣзываютъ на куски и одѣляютъ ими старѣйшинъ клана или племени. Впрочемъ, въ обыкновенное время, на Соломоновыхъ островахъ невольниковъ не тиранятъ и даже не презираютъ ихъ. Ими начинаютъ торговать. Такъ, одинъ

¹⁾ De Rochas, *Nouvelle Calédonie*, 242. ²⁾ Bourgairel, *Races de l'Océanie fr.* (Bull. soc. d'anthr. II). ³⁾ De Rochas, *l. c.* 245. ⁴⁾ Moncelon, *l. c.* 370. ⁵⁾ Bourgairel et de Rochas, *l. c.* ⁶⁾ De Rochas, *l. c.* 222, 227. ⁷⁾ Ibid. 228.

ГЛАВА III.

Рабство въ Африкѣ.

I. *Отсутствіе рабства у готтентотовъ.* — Прimitивный монархическій режимъ. — Походный домъ. — Обязательная пастушья служба. — Похищенія и набѣги. — Работы, лежащія на женщинахъ. — Готтентотскій *point d'honneur*. II. *Рабство у кифровъ.* — Пастушескій и земледѣльческій образъ жизни. — Пастушеская плутократія. — Набѣги необходимы для государства. — Отношеніе къ побѣжденнымъ. — Рабская каста *балала*. — Злоупотребленіе силой и безмѣрной покорностью. — Благородный трудъ мужчинъ. — Тяжкія работы женщинъ. — Женщина — крупная экономическая цѣнность. III. *Рабство у дикарей тропической Африки* — Буйные набѣги жителей области Бенуэ. — Людоѣды-лакомки. — Рабство умѣряетъ дикость. — Караваны невольниковъ. — Рабство и жертвоприношенія при похоронахъ. — Трудъ женщинъ въ Габонѣ. — Экономическая польза многоженства. — Купля женъ. — Безусловная подчиненность женщинъ. — Право убѣжища, присвоенное женщинамъ и рабамъ. — Чрезвычайная свирѣпость набѣговъ въ области Нижняго Нигера. — Продажа дѣтей. — Юридическое рабство. — Неволя за долги. — Рабство — наказаніе за колдовство. — Сравнительно сносныя условія жизни домашняго раба. — Походы за невольниками въ восточной Африкѣ. — Король — собственникъ своего народа. — Жертвоприношенія на могилахъ. IV. *Происхожденіе рабства въ Африкѣ.*

I. Отсутствіе рабства у готтентотовъ.

Въ предыдущей главѣ мы видѣли, что въ Меланезіи рабство не распространено повсемѣстно. Нѣкоторыя племена ввели его у себя, другія, хотя принадлежать къ одной и той же расѣ, не помышляютъ о немъ и не нуждаются въ немъ. Переходя къ африканскимъ неграмъ, мы находимъ тѣ же различія, которыя, впрочемъ, встрѣтимъ, въ болѣе широкихъ размѣрахъ, и въ дальнѣйшемъ нашемъ изслѣдованіи. Какъ всегда, мы начнемъ обзоръ рабства въ Африкѣ съ наименѣ развитыхъ представителей челоѣчества. Послѣднюю ступень въ іерархіи цвѣтныхъ расъ Африки безспорно занимаютъ готтентоты, по крайней мѣрѣ если мы возьмемъ ихъ такими, какими они были до вторженія бѣлыхъ.

Не возвращаясь къ политическому устройству готтентотскаго общества, ибо мы имѣли уже случай описать его въ одномъ изъ предыдущихъ нашихъ трудовъ ¹⁾, напомнимъ только, что готтентотскія племена, еще до появленія европейцевъ ввели у себя монар-

¹⁾ *Evolution politique*, 60, 61.

ства кафровъ — организованныя монархіи, повинующіяся деспотамъ, которые пользуются неограниченной властью. Готтентоты — только охотники и пастухи, а слѣдовательно и кочевники; кафры также высоко цѣнятъ скотъ и даже называютъ корову «волосатой жемчужной», но занимаются и земледѣліемъ, строятъ настоящія деревни, даже маленькіе города. Однакоже, эта сравнительная цивилизованность кафровъ не особенно давняго происхожденія. Какъ мы сейчасъ увидимъ, рабство у кафрскихъ племенъ еще носитъ коллективный характеръ. Точно такъ же и деспотизмъ вождей не вездѣ одинаково пустилъ корни. Нѣкоторые племена не знаютъ рабства, и власть ихъ вождей ограничена; когда они перестаютъ быть популярными, ихъ смѣщаютъ; наконецъ, здѣсь нѣтъ нотаблей, аристократовъ по рожденію ¹⁾).

Но истинной основой вліянія и высокаго общественнаго положенія у кафровъ уже служить богатство, владѣніе многочисленными стадами ²⁾; сами вожди, гораздо болѣе, чѣмъ простые смертные, должны обладать извѣстнымъ достаткомъ; безъ этого нельзя обойтись: имъ нужно содержать воиновъ, щедро одаривать ихъ и т. п. Именно въ этомъ главная причина собачьей услужливости, подмѣченной путешественниками у нѣкоторыхъ кафрскихъ племенъ; *дамара*, какъ болонка за господиномъ, ходитъ за богачами, въ надеждѣ получить отъ нихъ подачку ³⁾. По той же причинѣ *балонда* падаютъ на колѣни и натираютъ себѣ пылью руки и грудь при встрѣчѣ съ вождемъ ⁴⁾).

Содержать свое вѣрное войско кафрскіе вожди и царьки могутъ только на чужой счетъ, т. е. при помощи набѣговъ на сосѣдей. Говоря о войнѣ, мы уже упомянули, какъ ужасны эти грабительскіе набѣги кафровъ ⁵⁾, имѣющіе цѣлью безъ хлопотъ и труда добыть побольше мѣновыхъ цѣнностей: женъ, наложницъ и скота. Всѣхъ, кто сопротивляется, избиваютъ; старикамъ и замужнимъ женщинамъ тоже нѣтъ пощады; малыхъ дѣтей оставляютъ въ жертву голоду и дикимъ звѣрямъ. Щадятъ только молодыхъ людей обоихъ половъ и, нагрузивъ ихъ добычей, какъ выючный скотъ, гонятъ къ жилищамъ побѣдителей. Въ честь побѣды задаютъ пирь, на которомъ отбываются до отвату человѣческимъ мясомъ, а въ видѣ отличія, каждому воину, умертвившему въ бою не менѣе десяти человѣкъ, подносятъ огромную чашу крови ⁶⁾. Похищенные молодыя дѣвушки становятся наложницами похитителей ⁷⁾. Юношей

¹⁾ Thompson. *Hist. mir. roy.* vol. XXIX, 124. ²⁾ Burchell, *Hist. mir. roy.* v. XXVI, 413. ³⁾ H. Spencer, *Sociologie*, III, 365. (Рус. пер. изд. И. Д. Сыгина.) ⁴⁾ Burton, *Mission*, t. I, 259. У Спенсера III, 112. ⁵⁾ Ch. Letourneau. *La guerre dans les diverses races humaines.* ⁶⁾ Moffat, *Vings-trois ans de séjour dans le sud de l'Afrique*, 350. ⁷⁾ Ibid. 332.

обращаютъ въ рабство. Если разграблена не кафрская деревня, а лагерь бушменовъ, побѣдители избиваютъ всѣхъ, безъ различія пола и возраста, для того, какъ они объясняютъ, чтобы дѣти не выросли такими же разбойниками, какъ ихъ отцы, а женщины не народили новыхъ дѣтей¹⁾.

Такіе нравы несомѣстимы съ рабствомъ,—поэтому у кафровъ и нѣтъ настоящихъ домашнихъ рабовъ; а между тѣмъ они уже додумались до торговли невольниками: двое кафровъ предлагали, наиримѣръ, миссіонеру Моффату продать ему своихъ дѣтей,—одинъ замѣнъ овцы, а другой за жемчугъ²⁾. Въ сѣверной части страны кафровъ, граничащей съ тѣми областями Африки, гдѣ процвѣтаетъ торговля невольниками, вожди нѣкоторыхъ кафрскихъ племенъ нападаютъ на сосѣдей уже ради человѣческаго товара, который потомъ продаютъ торговцамъ невольниками³⁾.

Въ странѣ кафровъ, какъ мы сейчасъ увидимъ, трудъ ремесленный и домашній лежить главнымъ образомъ на женщинахъ; но помимо женщинъ, купленныхъ или захваченныхъ въ плѣнъ мужчинами, существуетъ еще классъ подневольныхъ рабочихъ, которые принадлежатъ всѣмъ и въ то же время находятся на собственномъ иждивеніи. Такъ, по крайней мѣрѣ, обстоитъ дѣло у кафровъ бенуановъ. Эти плоты называются *балала* или *сонэй* (*saunney*, бѣдняки). Они — пролетаріи страны кафровъ: въ этой странѣ, гдѣ главную роль играютъ деньги, вѣрнѣе скотъ, эти несчастные, лишенные всего, унижены превыше мѣры; имъ живется несравненно хуже, чѣмъ собакамъ. *Балала* безвозмездно прислуживаютъ богачамъ; на охотѣ исполняютъ обязанности собакъ и относятъ домой убитую дичь. Иногда приходится тащить ее за десять миль; этотъ тяжкій трудъ выпадаетъ обыкновенно на долю женщинъ. Если случилось такъ, что и на слѣдующій день могутъ понадобиться услуги *балала*, ихъ, послѣ цѣлаго дня труда, запираютъ на ночь въ особый загонъ, обнесенный колючею изгородью, совершенно какъ скотъ⁴⁾. Въмѣсто всякаго вознагражденія, имъ бросаютъ жалкіе объѣдки. Чтобы не умереть съ голоду, *балала*, подобно бушменамъ, должны охотиться или выкапывать изъ земли съѣдобные корни. Тѣ изъ этихъ несчастныхъ, которые не соглашаются служить богачамъ, поражаютъ своей худобой: имъ то ужъ никто не придетъ на помощь. Въ этомъ отношеніи кафры весьма невыгодно для себя отличаются отъ своихъ сосѣдей и соперниковъ, готтентотовъ, между которыми очень развито гостепримство и милосердіе⁵⁾.

Во время охоты *балала* питаются огрызками и оглодками,

¹⁾ Campbell, *Hist. univ. roy.* XXIX, 352. ²⁾ Livingstone, *Explor. dans l'Afr. australe.* ³⁾ Moffat, *loc. cit.*, 248. ⁴⁾ Moffat, *loc. cit.*, 243. ⁵⁾ Burchell, *Hist. univ. roy.* v. XXVI, 475.

совершенно какъ собаки, вмѣстѣ съ которыми они выслѣживаютъ звѣря. Многіе изъ нихъ пристраиваются къ одному какому-нибудь вождю, какъ самые смиренные изъ его слугъ. Они не владѣютъ никакой собственностью, да и не имѣютъ возможности что бы то ни было приобрести. Во время набѣговъ, все, что имъ удается захватить, они должны представить своему господину, который, если ему заблагоразсудится, можетъ возвратить имъ часть награбленнаго. Кромѣ того, обычай запрещаетъ имъ носить плащи изъ конской кожи и вообще мѣховую одежду, какую носятъ богачи ¹⁾. За одну тѣнь сопротивленія богачъ можетъ безнаказанно убить *балала* ²⁾. Зато если богачъ дозволитъ *балала* служить своему дому, своей *котль*, онъ этимъ какъ бы беретъ его подъ свое покровительство и не отказываетъ бѣдному *балала* въ защитѣ ³⁾.

Именно изъ этого класса клиентовъ, покинутыхъ и презираемыхъ, избираются человѣческія жертвы, которыя приносятся при погребеніяхъ или по другимъ причинамъ. Такъ, вождь племени Тебелесъ убилъ человѣка только потому, что нуждался въ нѣкоторыхъ частяхъ его тѣла для составленія чудодѣйственнаго питья ⁴⁾. Когда отецъ Моффатъ, первый кафрскій миссіонеръ, выказывалъ состраданіе къ этимъ паріямъ, богатые бехуанцы насмѣхались надъ его добротой, сирашивая, какъ могутъ его интересоваться эти собаки. Съ своей стороны, *балала* нисколько не смущаются жестокостью своихъ господъ и повелителей. Если *балала* падеть отъ руки богача, они говорятъ другъ другу, что такова уже ихъ судьба, и считаютъ подобное убійство такимъ же несчастнымъ случаемъ, какъ когда левъ задеретъ человѣка ⁵⁾.

Во многихъ странахъ и у многихъ расъ мы увидимъ то же; благодаря рабству, притупляется, атрофируется чувство справедливости и у рабовъ и у господъ. Даже за предѣлами собственно рабства, нравственное вырожденіе повсюду является результатомъ долговременнаго гнета и насильственнаго подчиненія. Но тиранія богачей, угнетающая *балала*, не есть еще организованное рабство; у племенъ банту, напримѣръ, всѣ работы по дому и внѣ дома выполняются главнымъ образомъ женщинами.

Вообще кафрская женщина выполняетъ большинство тѣхъ функций или работъ, которыя, въ обществахъ съ болѣе сложной организаціей, возлагаются обыкновенно на рабовъ или на домашнихъ животныхъ. Чрезвычайно рѣдко можно увидать мужчинъ и женщинъ вмѣстѣ за предѣлами кафрской деревни; впрочемъ, мужчины почти все время посвящаютъ войнѣ и охотѣ. Есть у нихъ,

¹⁾ Campbell, *Hist. un. roy c.* XXIX, 330. ²⁾ Moffat, *loc. cit.*, 6, 7. ³⁾ *Ibid.*, 248.—Livingstone, *Explor. dans l'Afr. australe*, Ed. in — 12 p. 16. (Рус. перев.)
⁴⁾ Livingstone, *loc. cit.*, 85. ⁵⁾ Moffat, *l. c.*, 243, 244.

кафрскій форумъ, гдѣ происходятъ совѣщанія мужчинъ. Есть, однакоже, исключенія, — безъ сомнѣнія остатки старины республиканскаго клана. Такъ, женщины кафрскаго племени *тебелесъ* присутствуютъ при преніяхъ, улыбаются ораторамъ, рукоплещутъ имъ и т. д. ¹⁾ У *балонда* женщины имѣютъ право даже прекратитъ поединокъ, бросившись между сражающимися ²⁾. Но это только исключеніе; общее правило — крѣпостная зависимость, рабство женщинъ.

Ближе къ сѣверу, въ области Замбезе, населеніе которой родственно племенамъ *банту*, населяющимъ южную часть страны кафровъ, женщина находится въ такомъ же подчиненіи. Ливингстонъ видѣлъ здѣсь женщинъ, воздѣлывавшихъ землю и размалывавшихъ зерно на грубомъ подобіи мельницы, состоящей изъ неподвижнаго вогнутаго камня и каменнаго же песта, выпуклаго съ одной стороны; этотъ пестъ онѣ двигаютъ назадъ и впередъ обѣими руками, какъ булочникъ скалку по квашнѣ ³⁾. Но благодаря португальцамъ, скупщикамъ негровъ, въ области Замбезе уже развилась торговля невольниками и въ самой жестокой формѣ. Вожди безпрестанно предпринимаютъ походъ за живымъ товаромъ, путешественнику по дорогѣ то и дѣло попадаютъ вереницы плѣнныхъ. Впрочемъ, объ этомъ намъ сейчасъ придется говорить, такъ какъ мы уже покончили съ относительно свободной Африкой. Тропическій поясъ, куда мы теперь проникнемъ, есть по преимуществу область рабства. Здѣсь оно существуетъ съ незапамятныхъ временъ, здѣсь отразилось въ нравахъ и предстанетъ передъ нами во всемъ своемъ ужасѣ.

III. Рабство у дикарей тропической Африки.

Съ точки зрѣнія социологін, далеко не всѣ части обширной области рабства поставлены въ одинаковыя условія. Зона рабства захватываетъ и племена, повинующіяся монарху-вождю, но еще очень дикія, и маленькія государства, замѣтно болѣе цивилизованныя, изъ которыхъ одни еще предаются фетишизму, тогда какъ другія уже исповѣдуютъ религію Магомета, смягченную и приспособленную къ пониманію низшихъ расъ. Но повсюду господствуетъ рабство, и участь раба болѣе или менѣе ужасна, смотря по степени цивилизаціи племени. Оставаясь вѣрными эволюціонному методу, руководящему нами въ этихъ изслѣдованіяхъ, мы начнемъ обзоръ пояса рабства съ племенъ наиболѣе дикихъ.

¹⁾ Livingstone, *Explor. dans l'Australie* (édit. in 12), 32. (Рус. пер.). ²⁾ Giraud-Toulon, *Origines du mariage*, 213. (Рус. пер.). ³⁾ Livingstone, *l. c.*, 323, 327.

рвыныхъ войнъ, которыя дагомейскіе короли считаютъ долгомъ вести за счетъ сосѣдей.

Въ королевствѣ Ашанти нравы такіе же. Въ Бантамѣ рабовъ очень часто приносятъ въ жертву, при чемъ собираютъ кровь ихъ въ большой мѣдный сосудъ; изъ этой крови, смѣшанной съ различными веществами, минеральными и растительными, приготовляются талисманы, фетиши неотразимой силы¹⁾.

Въ Дагомэ эти избиенія рабовъ продолжались вплоть до недавняго завоеванія страны французами. Въ началѣ своего царствованія, въ продолженіе почти двухъ мѣсяцевъ, король Грерэ каждый день отправлялъ вѣстниковъ къ своему отцу на тотъ свѣтъ. Но это все мелочь сравнительно съ жертвоприношеніями во время настоящаго погребенія: въ два дня было обезглавлено болѣе пятисотъ рабовъ, добровольно принесенныхъ въ даръ королю знатнѣйшими людьми Удаха²⁾. Въ одну ночь пятнадцать человѣкъ плѣнныхъ были съ помощью княжаловъ отправлены на тотъ свѣтъ прислуживать покойному государю.

У ашантиевъ, нравы и вѣрованія которыхъ очень близки къ дагомейскимъ, умершимъ королямъ приносились такіе же огромныя гекатомбы, иногда по нѣскольку тысячъ человѣкъ за одинъ разъ. Частныя лица слѣдовали примѣру государей, только въ болѣе скромныхъ размѣрахъ, и по смерти богача передъ дверью его дома закалывали двухъ-трехъ рабовъ³⁾. Къ погребальнымъ жертвамъ въ обонхъ королевствахъ вскорѣ присоединились жертвы благодарственныя. Такъ, одержавъ побѣду надъ фидасами, одинъ дагомейскій король принесъ въ жертву нѣсколько тысячъ плѣнныхъ единственно для того, чтобы выразить благодарность богамъ⁴⁾.

Матеріаль для этихъ торжественныхъ гекатомбъ мелкіе властелины Ашанти и Дагомэ добывали посредствомъ дикихъ набѣговъ на болѣе слабыхъ сосѣдей. Во время процвѣтанія европейской торговли неграми, эти набѣги обогащали и королевскую сокровищницу: такъ, плѣнныхъ, оставленныхъ въ живыхъ, безъ всякихъ хлопотъ гуртомъ скупали европейцы, торговцы невольниками, среднимъ числомъ по четыреста франковъ за голову⁵⁾. Въ этихъ мѣстностяхъ торговля невольниками имѣла двойное вліяніе на рабство: пагубное—потому что подстрекала къ набѣгамъ, благотворное—потому что жажда наживы хоть нѣсколько умѣряла жестокости. Убивали, главнымъ образомъ, плѣнныхъ, которыхъ не удавалось продать, отправляя ихъ въ лучшій міръ къ покойному королю и важнымъ лицамъ, въ качествѣ вѣстниковъ или слугъ.

¹⁾ Wake *Evolution of morality*. I, 172. ²⁾ Lafitte, *Le Dahome*. 134. ³⁾ Bondiech. *Hist. univ. voy.* vol. XXVIII, 428. ⁴⁾ Richard, *Hist. nat. de l'homme*, t. II, 323. ⁵⁾ Lafitte, *Le Dahome*, 96.

извлечь выгоду. Формируются караваны невольниковъ, жалкіе по виду и еще болѣе достойные жалости потому, какъ съ ними обращаются проводники. Въ Каартѣ эти послѣдніе обыкновенно ѣдутъ верхомъ; плѣнные же, почти исключительно женщины и дѣти, связанные попарно за шею, принуждены плѣнкомъ поспѣвать за лошадьми. Несчастные идутъ почти обнаженные; каждый несетъ на головѣ тяжелую ношу: часть награбленной добычи или мѣхъ полный воды. Маленькихъ дѣтей привязываютъ къ спинамъ плѣнныхъ или къ сѣдламъ всадниковъ веревками изъ коры боабаба, при чемъ до того стягиваютъ веревки, что онѣ впиваются въ тѣло¹⁾. Если ребенокъ привязанъ къ сѣдлу, обшивка задней луки безпрестанно бьетъ его въ грудь, отъ чего скоро образуется рана²⁾. Рабыни ступаютъ босыми ногами по каменистой почвѣ, покрытой камышомъ и колючими вѣтвями терновника. Въ одномъ изъ такихъ каравановъ Грей и Дошаръ видѣли женщину, которая всего два дня какъ родила; отъ младенца избавились, бросивъ его въ огонь³⁾. Съ тѣхъ поръ до настоящаго времени положеніе вещей не измѣнилось. Нѣсколько лѣтъ назадъ, во время своего путешествія въ Сегу, Солейль встрѣтилъ караванъ невольниковъ. Впереди всѣхъ шла дряхлая старуха; за ней, гуськомъ, по двѣ въ рядъ, четырнадцать женщинъ, изъ которыхъ многія несли дѣтей; далѣе — толпа дѣтей-подростковъ и позади всѣхъ — пятнадцать мужчинъ въ ошейникахъ, связанные другъ съ другомъ кожаными ремнями. Всѣ невольники — мужчины, женщины, даже дѣти постарше — несли на головахъ тяжелые тюки, зашитые въ козью или баранью кожу⁴⁾. Камеронъ рассказываетъ о подобной же встрѣчѣ. На этотъ разъ караванъ состоялъ изъ пятидесяти-двухъ женщинъ, скованныхъ отдѣльными группами. Каждая сгибалась подъ тяжестью непосильной ноши; многія, кромѣ того, несли еще и дѣтей. Изнемогая отъ усталости, несчастныя едва переступали; ноги ихъ были избиты въ кровь: тѣло покрыто синяками и рубцами⁵⁾. Такіе же ужасы происходятъ и въ восточной Африкѣ. Буртонъ рассказываетъ, что одинъ проводникъ каравана, наскучивъ ждать рабыню, которая отставала, потому что у нея ноги были изранены, бросилъ ее на дорогѣ, предварительно отрубивъ ей голову, чтобы никто другой не воспользовался ею⁶⁾. Впрочемъ, нѣкоторые торговцы рабами больше заботятся о своемъ товарѣ, но только въ тѣхъ случаяхъ, когда караванъ состоитъ исключительно изъ невольниковъ, предназначенныхъ къ продажѣ; тогда ихъ хорошо кормятъ и не даютъ слишкомъ уставать. Вся жестокость такихъ торговцевъ обращается

¹⁾ Gray et Doehard, *Loc. cit.* 287, 288, 316, 317. ²⁾ Ibid. et Soleillet *Loc. cit.* 204 (примѣч.). ³⁾ Gray et Doehard, *Loc. cit.* 289. ⁴⁾ Soleillet, *Loc. cit.* 79. ⁵⁾ Cameron, *A travers l'Afrique*. ⁶⁾ Burton, *Loc. cit.* 665.

Начиная нашъ обзоръ съ наиболѣе дикихъ американскихъ племенъ, мы должны прежде всего обратиться къ туземцамъ Огненной Земли. Неразвитые умственно, не имѣя ни промышленности ни общественной организаціи, огнеземельцы находятся еще въ состояніи анархіи. Однако, они уже владѣютъ отдѣльными территориями охоты и рыбной ловли, при чемъ пограничныя пространства считаются нейтральными ¹⁾. Отдѣльныя группы ихъ дерутся между собою, но не берутъ враговъ въ плѣнъ ²⁾, а слѣдовательно рабовъ имѣть не могутъ. Самыя тяжелыя работы лежатъ на женщинахъ, болѣе угнетенныхъ и несчастныхъ, чѣмъ невольницы въ другихъ странахъ. Жена, вѣрнѣе сама огнеземельца во всякое время года, несмотря на суровый климатъ, входитъ въ воду, чтобы набрать съѣдобныхъ раковинъ или вычерпать воду изъ пироги. Ея же дѣло построить или, вѣрнѣе, разбить конусообразную палатку, прикрытую шкурами; часто она служитъ и гребцомъ, при чемъ ея не освобождаютъ отъ работы даже въ то время, когда она кормитъ ребенка, котораго всюду таскаетъ за собой. Ребенка завернуть въ шкуру и привязать у ней на спинѣ ³⁾.

И на континентѣ женщины живутся не лучше: участь ея почти вездѣ сходна съ участью туземки Огненной Земли. Племена кочевниковъ, блуждающихъ по обширнымъ равнинамъ Южной Америки, носятъ различныя названія, но находятся на одной и той же ступени цивилизаціи, крайне первобытной. Въ былое время единственнымъ ресурсомъ этихъ дикарей была охота, а война и теперь остается ихъ любимымъ занятіемъ. Съ тѣхъ поръ, какъ въ пампасахъ появилась лошадь, они получили возможность передвигаться съ мѣста на мѣсто съ невѣдомой дотошъ быстротой и перестали бояться голода. Прежде патагонцы странствовали пѣшкомъ, отдѣльными семьями и, разбивъ гдѣ-нибудь свои шатры, не снимались съ мѣста до тѣхъ поръ, пока по соседству оставалось хоть немного дичи. Мужчины охотились и воевали. Женщины дѣлали все остальное—собирали и разбирали палатки и во время переходовъ несли на себѣ шкуры и колья. Онѣ же разводили костры, сдирали кожу съ убитыхъ животныхъ, вымачивали и скоблили шкуры, чтобы сдѣлать ихъ мягкими, а потомъ шили изъ нихъ плащи, украшенные рисунками. Мужчина самъ несъ только свое оружіе: лукъ, стрѣлы съ кремневыми наконечниками, пращу и *болоасы*. Теперь онъ уже ничего не несетъ, а ѣдетъ верхомъ и беретъ къ себѣ на сѣдло дѣтей ⁴⁾. При такомъ образѣ жизни раб-

¹⁾ Darwin, *Voy. d'un naturaliste*. (Рус. пер.) ²⁾ Hyades, *Ethnographie des Fuegiens* (*Bull. Soc. d'anthropologie*, 1887). ³⁾ Bougainville, *Hist. nouv. voy.* v. IV. 172.—Weddel. *Ibid.*, v. XXI, 287.—A. D'Orbigny, *L'homme américain*, I, 197.
⁴⁾ A. D'Orbigny, *loc. cit.*, II, 61, 62.

ство могло бы облегчить только участь женщинъ, а объ этомъ мужчины не заботятся.

Аналогичные нравы мы находимъ у сосѣдей патагонцевъ—пуэльховъ, харруасовъ и пр. Они составляютъ орды, первобытные кланы; въ мирное время такой кланъ управляется совѣтомъ главъ семействъ (старѣйшинъ) ¹⁾, а въ военное избираетъ себѣ вождя. Вездѣ господствуетъ полигамія, и женщины замѣняютъ вьючный скотъ ²⁾: онѣ несутъ на себѣ все, что можно нести, иногда даже собакъ ³⁾.

Всѣ эти кочевники чрезвычайно жестоко обращаются съ женщинами и дѣлаютъ это умышленно. Мужчина намѣренно грубъ со своими женами, особенно въ первые мѣсяцы брака; онѣ бьютъ ихъ ни за что ни про что, безъ всякой вины, просто для того, чтобъ воспитать и приучить ихъ къ повиновенію ⁴⁾. Даже въ послѣднемъ періодѣ беременности женщина не освобождена отъ работы ⁵⁾. Дикари, кочующіе въ пампасахъ, постоянно нападаютъ на испанско-американскія поселенія, грабятъ, увозятъ скотъ и женщинъ. Иногда поселокъ отстоятъ на нятьсотъ-шестьсотъ лье отъ кочевья ⁶⁾; въ такія дальнія экспедиціи нѣкоторые мужья берутъ съ собой женъ и даже дѣтей. На тѣхъ и другихъ возложена особая миссія: пока мужчины сражаются, женщины и дѣти собираютъ и гонять домой стада поселенцевъ ⁷⁾.

Эти индѣйцы-хищники отличаются необыкновенно крѣпкимъ сложеніемъ; имъ ничего не стоитъ въ любое время года проспать ночь на голой землѣ, и притомъ безъ всякой одежды; поэтому они насмѣхаются надъ блѣдыми-блѣдылицами, которые трудятся для того, чтобъ добыть золота и укутать свое тѣло неудобной одеждой ⁸⁾. Они не держатъ рабовъ одной съ ними расы, но иногда обращаютъ въ рабство плѣнныхъ христіанъ, въ особенности женщинъ. Во время нападенія они щадятъ только молодыхъ дѣвушекъ и малыхъ дѣтей и лишь въ видѣ исключенія оставляютъ жизнь взрослымъ мужчинамъ; такой плѣнный становится предметомъ торговли: его вымѣниваютъ на лошадь, на быка и т. п. ⁹⁾. Плѣнницы также иногда переходятъ изъ рукъ въ руки. Нѣкоторыя становятся женами своихъ похитителей, часто самыми любимыми; это, конечно, лучший исходъ. Одинъ качикъ составилъ себѣ такимъ образомъ цѣлый гаремъ изъ тридцати-двухъ женъ ¹⁰⁾. Плѣнныхъ дѣтей приучаютъ къ кочевой жизни, заставляютъ ихъ пасти стада: чаще всего они мирятся съ своимъ положеніемъ, привыкаютъ, забываютъ даже родной языкъ и въ концѣ концовъ стано-

¹⁾ D'Orbigny, *loc. cit.*, 90. ²⁾ *Ibid.*, II, 89. ³⁾ *Ibid.*, II, 112. ⁴⁾ A. Guimard, *Trois ans d'esclavage chez les Patagons*, 127. ⁵⁾ *Ibid.*, 129. ⁶⁾ *Ibid.*, 118. ⁷⁾ *Ibid.*, 137. ⁸⁾ A. Guimard, *loc. cit.*, 89. ⁹⁾ *Ibid.*, 49. ¹⁰⁾ *Ibid.*, 120, 231.

вятся полноправными членами племени ¹⁾). Попытка къ бѣгству считается непростительнымъ преступленіемъ и наказуется смертью. Всадники образуютъ кругъ; бѣглеца — все равно, военно-плѣнный это или рабъ — ставятъ въ центрѣ и убиваютъ его, но медленно, по очереди пронизывая его длинными копьями ²⁾). Женщинъ связываютъ еще ужаснѣе, съ болѣе утонченной жестокостью. Связанныхъ по рукамъ и по ногамъ, ихъ долго и нещадно сбкутъ кожаными ремнями, а затѣмъ предоставляютъ въ полное распоряженіе нѣсколькихъ десятковъ озвѣрѣвшихъ мужчинъ ³⁾). Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ такимъ же способомъ наказываютъ женъ виновныхъ въ прелюбодѣянн.

Все это показываетъ, что у кочевниковъ американскихъ пампасовъ рабство находится еще въ зачаточномъ состояніи, да по своему образу жизни они мало и нуждаются въ немъ.

Индѣйцы, населяющіе сѣверную область пампасовъ, абнионы, тобасы, чикитосы, моксосы, — болѣе цивилизованы: они не только охотники, но и земледѣльцы, сѣютъ и собираютъ мансъ, даже умѣютъ готовить изъ него хмельной напитокъ — чичу (*chicha*). Тобасы, кромѣ того, занимаются разведеніемъ скота; жены ихъ — искусныя ткачихи; онѣ прядутъ овечью шерсть и хлопчатую бумагу, красятъ нитки въ желтый и красный цвѣта, вьютъ веревки, ходятъ за скотомъ и воздѣлываютъ землю; впрочемъ, въ этомъ имъ помогаютъ и мужчины ⁴⁾).

Индѣйцы по большей части очень любятъ общество; отъ природы музыкальные, они часто устраиваютъ лирическія и вакхическія состязанія, на которыя приглашаютъ не только своихъ односельчанъ, но и жителей сосѣднихъ деревень. Особенно отличаются своей общительностью моксосы: они готовы всю жизнь пѣть, плясать, смѣяться и бражничать ⁵⁾). При всемъ томъ, у этихъ весельчаковъ-моксосовъ мы уже находимъ начатки рабства. Они успѣли сообразить, что изъ побѣжденныхъ враговъ можно извлекать выгоду, вмѣсто того, чтобы убивать ихъ или съѣдать, какъ это дѣлаетъ родственное имъ племя канихауасовъ ⁶⁾). Моксосы уже въ прошломъ столѣтіи не убивали плѣнныхъ, а продавали ихъ племенамъ, которыя ввели у себя рабство ⁷⁾). У чикитосовъ рабство организовано; плѣнныхъ держатъ въ неволѣ, но обращаются съ ними отечески и надѣляютъ ихъ женами ⁸⁾).

Эти сравнительно мирные нравы составляютъ рѣзкій контрастъ съ обычаями племени гуарановъ, которыхъ наблюдали въ XVI вѣкѣ Жапъ де Лери и францисканецъ Тева. Любопытные рассказы этихъ

¹⁾ Ibid., 114, 190. ²⁾ Ibid., 174. ³⁾ Ibid., 120. ⁴⁾ D'Orbigny, *loc. cit.*, II, 89.
⁵⁾ Ibid., II, 112. ⁶⁾ Ibid., II, 101. ⁷⁾ Ibid., II, 241. ⁸⁾ D'Orbigny, *loc. cit.*, II, 247.

также одарены инстинктомъ общительности, особенно чикитосы и моксосы. Всѣ эти индѣйцы очень музыкальны, обожаютъ пѣніе, игры, пляски и хмельную чичу. Они часто устраиваютъ ширушки, на которыя съзываютъ не только всю свою деревню, но и гостей изъ окрестныхъ селеній. Всѣ они не только охотники, но и земледѣльцы, всѣ имѣютъ по нѣсколькѣ женъ, всѣ ведутъ осѣдлый образъ жизни; моксосы до сихъ поръ живутъ огромными семьями. наподобіе клановъ ¹⁾. У чикитосовъ всѣ молодые люди живутъ вмѣстѣ, въ особыхъ домахъ ²⁾. Моксосы и чикитосы уже не ѣдятъ плѣнныхъ, а торгуютъ ими; они нападаютъ на сосѣдей, чтобы добыть себѣ рабовъ, которыхъ иногда продаютъ, а иногда оставляютъ у себя; въ послѣднемъ случаѣ рабу дается жена ³⁾. Эти дикари цивилизованнѣе другихъ; одеждой имъ служатъ не однѣ только шкуры; жены ихъ умѣютъ прясть, красить, ткать бумагу, а въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ есть овцы, — и шерстяныя матеріи ⁴⁾. Мужчины избрали себѣ ремесло попроще: они занимаются исключительно выдѣлкой оружія ⁵⁾.

По мѣрѣ приближенія къ сѣверу, къ крупнымъ государствамъ центральной Америки — Перу, древней Мексикѣ и сосѣднимъ съ нимъ государствамъ, менѣе значительнымъ, но одинаково цивилизованнымъ, — уровень цивилизаціи вообще повышается, но вмѣстѣ съ тѣмъ растутъ и развиваются рабовладѣльческія тенденціи, невѣдомыя какъ бродячимъ индѣйцамъ пампасовъ, такъ и сѣвероамериканскимъ краснокожимъ.

Мы видѣли уже, что моксосы и чикитосы предпринимали набѣги съ цѣлью добыванія рабовъ для продажи; совершенно такъ же поступаютъ племена дикарей, разбѣянные близъ границъ древней Мексики. Иныя крадутъ дѣтей у сосѣднихъ племенъ или, за недостаткомъ ихъ, продаютъ своихъ собственныхъ ⁶⁾; другія открыто держатъ рабовъ. Такъ, древнимъ майямъ въ Табаско рабство знакомо было уже давно ⁷⁾. Точно такъ же въ провинціи Куба военноплѣнный становится рабомъ того, кто взялъ его въ плѣнъ ⁸⁾. Индѣйцы Пуэбло, несмотря на свою сравнительную культурность, на войнѣ отличались крайней жестокостью, мучили до смерти взятыхъ въ плѣнъ мужчинъ и сипѣшили сбыть дѣтей и женщинъ ⁹⁾. У *пиписловъ* Сальвадора рабство настолько укоренилось, что даже служить наказаніемъ за проступки; такъ мужчина, соблазнившій чужую жену, становится рабомъ оскорбленнаго мужа ¹⁰⁾. Рабство — социальный порокъ, какъ бы специально присущій

¹⁾ D'Orbigny, *Homme américain*, t. II, 394. — Thevet, *loc. cit.* ²⁾ D'Orbigny, *loc. cit.* ³⁾ Ibid. ⁴⁾ *Lettres édifiantes*, t. X, 196. ⁵⁾ D'Orbigny, *loc. cit.*, 167. ⁶⁾ Bancroft, *Native Races of the Pacific States*, I, 150. ⁷⁾ Bancroft, *loc. cit.*, t. I, 161. ⁸⁾ Ibid., I, 764. ⁹⁾ Ibid., II, 675. ¹⁰⁾ Ibid., *loc. cit.*

они найдутъ нужнымъ обезчестить себя такимъ низкимъ поступкомъ¹⁾.

Образъ жизни краснокожихъ былъ очень простъ. Земледѣлія они почти не знали и добывали себѣ пропитаніе охотой, рыболовствомъ и собираніемъ плодовъ. Мужчины признавали достойными себя только два занятія: войну и охоту. Кромѣ того, они сами выдѣлывали оружіе; выучиться этому каждый индѣецъ считалъ своимъ нравственнымъ долгомъ. Но все остальное время они проводили въ благородной праздности; этого требовало приличіе. Всѣ работы по дому и внѣ дома лежали на природенныхъ рабняхъ всѣхъ первобытныхъ обществъ—на женщинахъ.

Во время пребыванія въ деревнѣ индѣйцы положительно ничего не дѣлаютъ; всю черную работу они предоставляютъ женщинамъ. На охотѣ—другое дѣло: тутъ мужчины должны обходиться своими средствами; должны сами разводить огонь, стрѣлать, чинить платье, упаковывать мѣха. Всѣ эти занятія для нихъ нестерпимы, поэтому они берутъ въ помощь себѣ такъ называемыхъ *наемниковъ* (*engagés*); это—молодые люди изъ богатыхъ семействъ, поступающіе въ кабалу или въ услуженіе на нѣсколько лѣтъ для того, чтобы освободить себя на будущее время отъ всякихъ унижительныхъ работъ²⁾. *Наемники* эти очень напоминаютъ собою нашихъ средневѣковыхъ пажей. Омахи не имѣютъ рабовъ, но держатъ слугъ³⁾, вѣроятно такихъ же *наемниковъ*. Рабы краснокожихъ, о которыхъ говорятъ путешественники прошлаго вѣка, были по большей части простыми плѣнниками, въ ожиданіи казни работавшими на побѣдителей.

Извѣстно, что у краснокожихъ плѣнника ожидало одно изъ двухъ: мучительная смерть или усыновленіе; чаще—первое. Побѣдители, вереницей, съ торжествомъ вступали въ родное селеніе, гоня передъ собой плѣнныхъ и потрясая надѣтыми на палки шевелюрами скальшпированныхъ враговъ; плѣнные заранѣе пѣли себѣ надгробную пѣснь⁴⁾. Передъ выстунленіемъ въ походъ войны взяли на себя обязательство доставить своему клану столько-то скальповъ или привести столько-то плѣнныхъ. Первой заботой ихъ по возвращеніи былъ дѣлежъ трофеевъ и плѣнниковъ; скальшп соответствовалъ человѣку. Прежде всего одѣляли женщинъ, потерявшихъ мужей или сыновей въ предыдущія войны. Если плѣнныхъ оказывалось чрезчуръ много, излишекъ дарили союзникамъ⁵⁾. Плѣнникъ поступалъ въ полное распоряженіе семьи

¹⁾ Catlin, *La vie chez les indiens*, 65, 72. (Рус. пер. Среди дикарей изд. Пльнна). ²⁾ Domenech. *Voy. pittor. dans les deserts du Nouveau-Monde*, 434. ³⁾ Owen Dorsy, *Omaha Sociology, in Smithsonian Institution's Report of Ethnology*, 207, 1881—82. ⁴⁾ Lafiteau, *Moeurs des sauvages*, III, 241. ⁵⁾ Charlevoix, *Journal d'un voyage en Amerique*, Lettre XVI.

давали ему поѣсть, переодевали въ чистую одежду, — словомъ, обращались съ нимъ такъ, какъ будто онъ въ самомъ дѣлѣ былъ воскресшимъ другомъ или братомъ. Нѣсколько времени спустя устраивался пиръ, на которомъ пріемыши торжественно получали имя того, кого онъ призванъ былъ замѣнить; съ этого дня къ нему переходили все права и обязанности покойнаго ¹⁾. Перѣдко пріемные сыновья и братья принимали въ серъезъ эту перемѣну отечества и, не задумываясь, сражались противъ своихъ прежнихъ единоплеменниковъ ²⁾; точно такъ же и кланъ, усыновившій плѣнника, считалъ его въ кровномъ родствѣ со всеми, кто былъ близокъ по крови тому, чье мѣсто онъ заступилъ.

Таковы были въ старину нравы краснокожихъ: когда у нихъ завязались сношенія съ бѣлыми, нравы эти значительно измѣнились и смягчились. Краснокожіе стали вести мѣншой торгъ плѣнными и все рѣже и рѣже предавали ихъ пыткамъ. Перѣдко также они усыновляли плѣнниковъ или женили ихъ на вдовахъ убитыхъ воиновъ, при чемъ на такого пріемнаго мужа возлагалась обязанность содержать доставшуюся ему жену и дѣтей. Впрочемъ, иногда при усыновленіи обходились и безъ обязательнаго брака ³⁾. Омахи уже окончательно отворотились отъ обычая въ предковъ. Иногда плѣннику достаточно было попросить, чтобы его отпустили домой, и его отпускали. Къ тѣмъ, которые по доброй волѣ оставались въ плѣну, относились какъ къ своимъ близкимъ, хотя и не усыновляли ихъ ⁴⁾.

Общій выводъ изъ всѣхъ этихъ фактовъ тотъ, что краснокожіе не знали настоящаго рабства. А между тѣмъ индѣйцы считаютъ всякій трудъ унижительнымъ для своего достоинства; слѣдовательно, бремя общественнаго труда должно было всей тяжестью падать на женщину. Такъ оно и было въ дѣйствительности.

Бракъ для краснокожей индианки былъ вполне равносильнъ рабству. Съ момента выхода замужъ она становилась смиреннѣйшей служанкой своего мужа, обизанной слѣдовать за нимъ всюду, куда ему вздумается повести ее, и повиноваться ему безропотно. Всякая глѣнь сопротивленія строго наказывалась, а явное непослушаніе влекло за собою смерть ⁵⁾. Женщины, говорится въ одномъ старинномъ сочиненіи (*Historia canadensis, Lib. prim. 57*) замѣняли мужчинамъ невольниковъ, рабочихъ, даже лошадей. Ихъ дѣло было разводить огонь и поддерживать его, приносить домой убитую дичь, готовить кушанье, чинить челноки изъ древесной коры, обрабатывать кожи, выдѣлывать изъ нихъ одежду и мoccas-

¹⁾ Ibid., t. V, 361—363. ²⁾ Ibid., t. V, 361. ³⁾ Catlin, *La vie chez les Indiens*, 76. ⁴⁾ Owen Dorsy, *Omaha Sociology, loc. cit.* ⁵⁾ Long, *Voy. chez differ. nat. de l'Amer. Septentr.* III (1795).

положеніе очень смѣлое, но доказательства слабы. Первое изъ нихъ — легенда амазонокъ, которая была въ ходу у древнихъ грековъ и римлянъ. Іустинъ повторилъ эту легенду¹⁾ въ своей „Исторіи“; Діодоръ рассказываетъ её въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Улинъ и Сколонитъ, два молодыхъ скиѣскихъ князя, изгнанные изъ страны происками вельможъ, увели съ собою многихъ скиѣскихъ юношей, поселились въ Каппадокіи, близъ рѣки Термодона, и завладѣли селеніемъ Ѳемнекиры. Оттуда они долгіе годы грабили сосѣдей и разоряли страну; наконецъ, народы составили заговоръ противъ нихъ, завлекли ихъ въ засаду и умертвили. Жены ихъ, когда къ скорби изгнанія присоединилась скорбь вдовства, взяли за оружіе, сначала для защиты своей страны, но, когда изгнали непріятеля, стали и сами нападать на сосѣдей. Онѣ не имѣли никакого желанія вторично выйти замужъ, находя, что положеніе женщины въ бракѣ очень похоже на рабство. Онѣ подали рѣдкій примѣръ мужества и добродѣтели, достойный того, чтобъ о немъ помнили и прославляли его до скончанія вѣка; онѣ расширили границы своей республики и сумѣли поддержать въ ней порядокъ безъ помощи мужчинъ и даже презирая ихъ; а для того, чтобы ни одна изъ нихъ не была счастливѣй другихъ, онѣ умертвили всѣхъ оставшихся мужей и отомстили за смерть ихъ изгребленіемъ сосѣдей. Затѣмъ, водворивъ миръ съ помощью оружія, онѣ заключили союзъ съ ближайшими сосѣдями, изъ страха, чтобы раса ихъ не погибла. Всѣхъ рождавшихся мальчиковъ убивали, а дѣвочкамъ давали особое воспитаніе: не позволяли имъ проводить время праздно или заниматься рукодѣльями, но учили ихъ владѣть оружіемъ, ѣздить верхомъ и охотиться. Всѣмъ еще въ дѣтствѣ выжигали правую грудь для того, чтобы она не мѣшала носить перевязь отъ лука и спускать стрѣлы. За это ихъ прозвали „амазонками“.

Многіе древніе авторы, даже Гиппократъ, воспроизводятъ эту легенду безъ всякихъ комментарій²⁾. Нѣкоторые рассказываютъ даже о побѣдахъ амазонокъ, напримѣръ, въ Эфіопіи. Не хватаетъ одного — доказательства. Никто не видалъ амазонокъ, и существованіе ихъ относятъ обыкновенно къ туманной доисторической эпохѣ, хотя въ честь ихъ иной разъ чеканили медали³⁾. Легенда эта несомнѣнно основана на слѣдующемъ фактѣ, который неоднократно наблюдался у различныхъ народовъ, въ особенности у кочевниковъ. Женщины нерѣдко сопровождаютъ мужчинъ въ походахъ и даже принимаютъ участіе въ сраженіяхъ. Отсюда до предположенія о существованіи женскихъ армій и женскихъ государствъ

¹⁾ Diodore, I. II, par. 45—46.— Justin, *Histoire*, Liv. II. ²⁾ *De l'air, des lieux, de l'eau.* ³⁾ P. Petit, *Traité hist. sur les Amazones*, Leide, 1817.

Полинезію; съ него-то мы и начнемъ наше соціологическое изслѣдованіе.

Новая Зеландія была населена нѣсколькими племенами, управлявшимися монархически, независимыми, часто враждовавшими между собою. Первые изслѣдователи дѣлили новозеландцевъ на два разряда: касту *рамапирасъ*, лицъ благороднаго происхожденія, къ которой принадлежали всѣ вожди, — и чернь, рабовъ. Но это дѣленіе ошибочно. Народъ въ Новой Зеландіи безспорно былъ норабощенъ, но еще ниже его стояли настоящіе рабы; они жили обыкновенно въ домахъ вождей и дворянъ и вполнѣ зависѣли отъ произвола своихъ господъ. Домашніе рабы были — по крайней мѣрѣ въпридичіи — военноплѣнными. Известно, что ново-зеландцы пожирали побѣжденных на мѣстѣ битвы, и притомъ съ такой жадностью, что иногда раздирали на куски плѣнныхъ, даже не давъ себѣ труда умертвить ихъ предварительно. Въ этомъ отношеніи они держались самыхъ нервобитныхъ обычаевъ, съ тою разницею, что съѣдали не всѣхъ плѣнныхъ. Устраивали они и спеціальныя походы для добыванія рабовъ. Первые европейскіе колонисты въ Новой Зеландіи были свидѣтелями возвращенія побѣдителей изъ одного такого похода; они привели съ собою около двухъ тысячъ плѣнныхъ разнаго пола и возраста. Всѣхъ этихъ плѣнныхъ подѣлили между собою вожди и обратили ихъ въ рабство¹⁾. Вотъ откуда брались настоящіе рабы въ Новой Зеландіи. Классъ рабовъ пополнялся издлинкомъ плѣнныхъ — тѣми, кого побѣдители, изъ жадности или изъ мести, не пожрали на полѣ битвы, вообще изъ мелкой рыбешки — людей, не стоившихъ даже того, чтобы препарировать и сохранять ихъ головы²⁾. — Ново-зеландскихъ рабовъ можно было продавать и покупать; ихъ вымѣнивали на топоры, на одну или нѣсколько корзинъ сладкихъ пататовъ³⁾. Пользовались ими главнымъ образомъ, какъ вьючнымъ скотомъ. Вождь или дворянинъ ни за что не унизилися бы до того, чтобы перенести съ мѣста на мѣсто какую-нибудь пошу, хотя бы и легкую⁴⁾, и унижительныя обязанности носильщиковъ исполняли рабы. Въ походахъ они сопровождали своихъ господъ, неся съѣстные припасы, или ходили зимой за провизіей, если отрядъ расположился лагеремъ не слишкомъ далеко отъ родной деревни. Женщины, съ своей стороны, не забывали по дорогѣ припасать пищу для воиновъ, и съ этой цѣлью вырывали изъ земли корни съѣдобнаго напоротника⁵⁾, т. е. дѣлали почти то же, что и австраліанки.

¹⁾ Dumont d'Urville. *Voyage de l'Astrolabe* (Pièces justificatives), p. 313. ²⁾ Ibid. 314. ³⁾ Duperry, *Hist. univ. voy.*, t. XVIII, 158. ⁴⁾ Darwin, *Voy. d'un naturaliste*, 451. (Рус. пер.). ⁵⁾ *New Zealanders* (London, 1830) p. 247.

удовольствія гостя, приказывалъ убить молодую дѣвушку, невольницу, и притомъ не первую попавшуюся, а непременно любимицу, которую ласкали и баловали въ семьѣ. Передъ тѣмъ, какъ пробить ей черепъ, ее наряжали и исполняли надъ нею для праздника обрядъ посвященія. Рабыню, прошедшую черезъ этотъ обрядъ, считалось кощунствомъ оставить въ живыхъ, ради какой бы то ни было причины.

Эти дикіе обычаи, нѣсколько напоминающіе обычаи древней Мексики, но еще болѣе жестокіе, кажутся просто невѣроятными: поэтому мы приведемъ дословно слѣдующій разсказъ: „Однѣ морякъ показали м-ру Вельду (бывшему управляющему ново-зеландской колоніей) мѣсто закланія одной изъ такихъ жертвъ. То была красивая молодая дѣвушка, извѣстная всѣмъ морякамъ, останавливавшимся въ этомъ портѣ; одно время она жила даже съ капитаномъ купеческаго судна. Въ одинъ прекрасный день, выйдя на берегъ вмѣстѣ съ товарищами, разсказчикъ увидалъ ее, разряженную, посреди толпы людей, тоже одѣтыхъ по-праздничному. Неподалеку были раскалены каменные печи, въ которыхъ предполагалось изжарить лучшіе куски... Ея хозяинъ принималъ гостей, а ей предстояло фигурировать въ качествѣ угощенія“.

Европейцы вмѣшались, хотѣли выкупить несчастную, предлагали въ обмѣнъ разныя вещицы, какія у нихъ были съ собой и все свои наличныя деньги. Имъ отвѣчали: „Это невозможно: она посвящена“. Тогда европейцы пошли на ближайшій базаръ — базары уже успѣли завестись въ этихъ мѣстахъ — и купили боченокъ пороху въ надеждѣ соблазнить имъ туземцевъ и побѣдить ихъ сопротивленіе, но въ отвѣтъ услышали только: „Говорятъ вамъ, она посвящена“, и тутъ же ударомъ тяжелаго ножа несчастной раскрыли затылокъ, такъ что отдѣлилась верхняя часть черепа¹⁾. Какую бы цѣль ни имѣло закланіе, жертвой являлась, по большей части, рабыня, женщина. Ново-зеландцы не видѣли ничего дурного въ такихъ жертвоприношеніяхъ, и даже лучшіе изъ нихъ не испытывали угрызений совѣсти. Вскорѣ послѣ прибытія первыхъ колонистовъ, одна такая рабыня, приговоренная къ смерти своимъ хозяиномъ, преспокойно пришла прощаться съ европейцами. Иногда обреченныя жертвы убѣгали и скрывались въ лѣсахъ²⁾. Впрочемъ, такіе праздники бывали не часто. Обыкновенно рабовъ приносили въ жертву только въ опредѣленныхъ случаяхъ, напримѣръ, въ наказаніе за воровство, или, по смерти одного изъ господъ, на его похоронахъ³⁾. Такъ, если въ хозяйской семьѣ умиралъ ребенокъ, убивали и одну изъ рабынь, для того, чтобы тѣнь ея сопровождала

1) *Brau de Saint-Pol Lias, Perak et les Orangs Sakeys*, 226—227. 2) *Voy. de l'Astrolabe*, p. 392—394. 3) *New Zealanders*, 203.

гированными, и женщинъ мужчинами. Общее крѣпостное состояніе замѣнило рабство, сдѣлавъ его бесполезнымъ. Страхнуть этотъ гнетъ тѣмъ труднѣе, что ламы приписываютъ себѣ права сверхъестественныя. Великій же лама считается чуть ли не богомъ, а его сановники изъ высшаго духовенства выдаютъ себя за нѣчто высшее, чѣмъ обыкновенные дворяне. Въ Китаѣ, гдѣ ученые мандарины добиваются власти путемъ обыкновенныхъ экзаменовъ и свѣтскихъ конкурсовъ, административный деспотизмъ несомнѣнно меньше угнетаетъ народъ, чѣмъ деспотизмъ тибетской теократіи.

VI. Рабство въ Китаѣ.

Въ наши дни рабство въ Китаѣ такъ съужено, такъ невидно, носить такой семейный характеръ, что совсѣмъ не бросается въ глаза путешественникамъ, и нерѣдко люди, побывавшіе въ Китаѣ, но недостаточно освѣдомленные, утверждаютъ, будто рабство тамъ неизвѣстно. Дѣйствительно, въ тѣсныхъ предѣлахъ его развитія нѣтъ мѣста слишкомъ кричащимъ злоупотребленіямъ властью. Но достаточно заглянуть въ списокъ лицъ податного сословія, чтобы убѣдиться въ существованіи въ Китаѣ класса рабовъ: все населеніе, обложенное податью, дѣлится на два разряда: *почтенныхъ* (*persones honorables*) и *подлыхъ* (*persones viles*). Послѣдній разрядъ заключаетъ въ себѣ наемныхъ слугъ, куртизанокъ, актеровъ, актрисъ и *рабовъ* ¹⁾.

Каждая богатая китайская семья владѣетъ не менѣе, какъ двадцатью рабами. Такую роскошь китайцы позволяютъ себѣ изъ тщеславія, такъ какъ въ странѣ ихъ достаточно и свободныхъ ремесленниковъ ²⁾. Имѣть рабовъ обязываетъ нѣкоторыхъ чиновниковъ даже императорскій указъ, конечно, для увеличенія ихъ престижа ³⁾. Но въ старину рабство было гораздо болѣе распространено въ Китаѣ.

Въ XII вѣкѣ существовали рабы общественные: то были военнопленныя, или тѣ, для кого рабство являлось карой за различныя преступленія и проступки.

Въ настоящее время въ Китаѣ процвѣтаетъ мелкое интенсивное земледѣліе и занимаются имъ обыкновенно семьи вольныхъ поселенцевъ. Но не всегда было такъ. При второй династіи *Уэй* (*Оуэй*) земли мелкихъ владѣльцевъ воздѣлывали рабы. Древній указъ (420 г. до Р. Х.) гласитъ, что всякая пара супруговъ, владѣющая участкомъ земли, обязана имѣть восемь рабовъ; изъ нихъ рабы мужескаго пола должны обрабатывать землю, а женщины вести

¹⁾ Pauthier, *Chine moderne*. 171. ²⁾ Ph. Daryl, *Le monde chinois*. 51. ³⁾ Wallon *Histoire de l'esclavage*, I. 44—45.

не младенцевъ, а дѣтей старшаго возраста, безъ сомнѣнія потому, что законъ, формально разрѣшая продажу дѣтей, требуетъ, однако, чтобы она проиходила съ ихъ согласія. Заручившись согласіемъ, можно продавать не только собственныхъ дѣтей, но и младшихъ братьевъ и сестеръ, племянниковъ и племянницъ, младшую жену, двоюродныхъ братьевъ и внучатныхъ племянниковъ ¹⁾. Законъ все это разрѣшаетъ, съ однимъ только ограниченіемъ: купившій ребенка не имѣетъ права перепродать его. Зато есть другой выходъ: вывозная торговля. Барышники скупаютъ дѣвочекъ и перепродаютъ ихъ креоламъ, на Филиппинскіе острова, гдѣ ихъ обращаютъ въ служанокъ ²⁾. Цѣны на этотъ живой товаръ подчинены закону спроса и предложенія; въ мирное время цѣна поднимается иногда до пятисотъ-шестисотъ франковъ за ребенка; но во время войны или голода семья, обремененная дѣтьми, готовы продать сына или дочь за нѣсколько франковъ, даже за пригоршню риса ³⁾.

Да и самый бракъ въ Китаѣ не что иное, какъ торговая сдѣлка. Родители, имѣющіе красивыхъ и хорошо воспитанныхъ, на китайскій манеръ, дочерей, могутъ извлечь изъ нихъ большую выгоду ⁴⁾. Молодую дѣвушку продаютъ тому, кто больше даетъ, а она не смѣетъ даже справиться о достоинствахъ или заслугахъ своего будущаго повелителя ⁵⁾. Вообще въ Китаѣ положеніе женщины въ обществѣ очень близко къ участи рабыни. „Новобрачная, говоритъ одинъ старинный китайскій авторъ, должна быть въ домѣ тѣнью и эхомъ“ ⁶⁾. Женщины-простолюдинки завалены работой. Онѣ пахутъ землю мотыжкой или плугомъ, боронятъ, работаютъ въ плотничныхъ мастерскихъ, раздуваютъ мѣхи въ кузницахъ, занимаются переноской тяжестей, гребутъ веслами на джонкахъ или на челнокахъ. Почти на всѣхъ китайскихъ лодкахъ гребцы — женщины ⁷⁾; нерѣдко у такого гребца на спинѣ привязанъ ребенокъ ⁸⁾. Неудивительно, что самоубійство женщинъ въ Китаѣ — обычное явленіе ⁹⁾. „Старшій братъ мой, — говорилъ китаецъ мужу, во время супружеской ссоры разбившему чугунный котель, — ты глупъ! вмѣсто того, чтобы разбивать котель о полъ, отчего ты не разбилъ имъ голову своей женѣ? Тогда по крайней мѣрѣ ты имѣлъ бы покой въ своемъ домѣ“. — „Я и самъ думалъ объ этомъ, — отвѣчалъ собесѣдникъ; — но поступить такъ было бы глупо. За 200 сапеконъ мнѣ починять котель, а жену-то новую покупать — денегъ нужно куда больше“ ¹⁰⁾.

¹⁾ *Code chinois*, Div. VI. Sect. 275. ²⁾ *Simbaldo de Mas. La Chine et les puissances chrétiennes*. t. I. 133. ³⁾ Ph. Daryl. *Le Monde chinois*. 51. ⁴⁾ *China, Ava, Siam*. (London, 1853) p. 194. ⁵⁾ Нуч. *L'Empire chinois*, I. 269. ⁶⁾ Нуч., *loc. cit.*, I. 270. ⁷⁾ *China, Ava, Siam*. 195. ⁸⁾ Russell Killough, *Seize milles lieues à travers l'Asie*. t. II. (Рус. пер.). ⁹⁾ Нуч., *loc. cit.*, 271. ¹⁰⁾ *Ibid.* II, 267.

палочныхъ ударовъ слѣдуетъ дать тому, кто, будучи призванъ государствомъ къ работѣ, уклоняется отъ нея, а также чиновнику, который сдѣлалъ поблажку виновному ¹⁾ или пристрастно распредѣлять повинности: однихъ освобождать или щадить, съ другихъ, наоборотъ, взыскивалъ больше, чѣмъ надо, на примѣръ, посылая рабочихъ, ремесленниковъ, художниковъ работать дальше, чѣмъ на узаконенномъ разстояніи отъ ихъ дома ²⁾.

Такая организація прямо противоположна индивидуализму, но вполне гармонируетъ съ политической доктриной, которая положена въ основу китайскаго общественнаго зданія и дѣлаетъ императора въ одно и то же время отцомъ и матерью государства. Въ XI вѣкѣ одинъ китайскій императоръ, соблазнившись теоріями социалиста Вангъ-гангъ-че, сдѣлалъ попытку ввести у себя государственннй социализмъ, но на монархическихъ основаніяхъ ³⁾. Онъ провозгласилъ государство собственникомъ всей земли и приказалъ ежегодно выдавать каждой семьѣ необходимое количество зерна для посѣва. Это вызвало сильный протестъ со стороны дворянства и повело къ многимъ злоупотребленіямъ: нерѣдко крестьяне, вмѣсто того, чтобы посѣять выданное имъ зерно, просто съѣдали его. Въ концѣ концовъ реформа не удалась, и императоръ самъ отказался отъ своей затѣи, главнымъ образомъ въ виду ожесточенной оппозиціи сословія ученыхъ. Замѣчательно, что оппозиція эта была вызвана не столько самой аграрной реформой, сколько обстоятельствомъ на первый взглядъ второстепенной важности—намѣреніемъ императора измѣнить традиціонную форму экзаменовъ и пересмотрѣть комментаріи къ такъ называемымъ „священнымъ книгамъ“ ⁴⁾. Это значило поднять руку на ковчегъ завѣта, на вѣковую рутину, и вооружить противъ себя весь правящій классъ.

Въ Японіи, которою мы закончимъ наше изслѣдованіе рабства у народовъ монгольской расы, на нашихъ глазахъ императоръ провелъ гораздо болѣе серьезныя реформы, не встрѣтивъ большого сопротивленія; но надо принять во вниманіе, что политическая организація Японіи, въ сравненіи съ китайской, еще очень юна, да и самъ японскій народъ, съ точки зрѣнія расы, состоитъ изъ менѣе однородныхъ элементовъ, чѣмъ населеніе Небесной имперіи.

У. Рабство въ Японіи.

Японія, имперія Восходящаго Солнца, по крайней мѣрѣ та Японія, какой мы знали ее нѣсколько лѣтъ назадъ, заимствовала

¹⁾ *Code pénal chinois*, Die. III, Sect. 84. ²⁾ *Ibid.*, Sect. 86. ³⁾ См. ст. «Китайскій этикъ-соціалистъ XI в.» Рус. Рѣчь, 1881 г. ⁴⁾ Нус. *L'Empire chinois*, t. II, 73—79.

у Китая самая свѣтлая стороны его цивилизаціи, но до послѣдняго времени держалась феодальнаго режима, который былъ уничтоженъ въ Китаѣ вмѣстѣ съ учрежденіемъ мандаринства. Исторія Японіи и путешественники, посѣтившіе ее, не говорятъ о рабствѣ, по всей вѣроятности потому, что здѣсь оно было заключено въ тѣсныхъ предѣлахъ и по всей вѣроятности сосредоточено въ домахъ знатныхъ лицъ. Подтверженіе нашему мнѣнію мы находимъ у Карона въ его описаніи Японіи, появившемся въ началѣ прошлаго вѣка; въ немъ упоминается о слугахъ, которыхъ вельможи замуровываютъ въ фундаментъ при постройкѣ зданій. Другіе слуги, въ которыхъ трудно не признать домашнихъ рабовъ, по смерти господина распарываютъ себя животь ¹⁾. Тотъ же путешественникъ говоритъ, что за нѣкоторыя преступленія кара постигала не только виновнаго, но его отца, братьевъ и дѣтей; мать же его, дочерей и сестеръ продавали въ рабство ²⁾. Это коллективное наказаніе по всей вѣроятности и есть *Канъ-до* — указъ, изданный однимъ изъ древнихъ императоровъ противъ слугъ, покушавшихся съ успѣхомъ или безъ успѣха на жизнь своихъ господъ. *Канъ-до* требуетъ ни болѣе ни менѣе какъ полнаго истребленія всей семьи, „съ корнями и вѣтками“ ³⁾.

Извѣстно также, что въ древней Японіи въ числѣ разныхъ погребальныхъ приношеній, въ могилу богача опускали нѣсколькихъ рабовъ и хоронили ихъ живыми вмѣстѣ съ господиномъ. Въ началѣ нашей эры императоръ *Икумэ-ири-бико*, услышавъ стоны несчастныхъ, заживо погребенныхъ, пожелалъ уничтожить этотъ жестокой обычай; одинъ изъ его чиновниковъ внушилъ ему мысль замѣнить человѣческія жертвы фигурками изъ терракоты и былъ награжденъ довольно оригинально: должностію распорядителя погребальныхъ церемоній ⁴⁾.

Этихъ данныхъ достаточно, чтобъ установить тотъ фактъ, что въ Японіи рабство существовало и, развиваясь, проходило тѣ же стадіи, что и вездѣ. Существующее и теперь или по крайней мѣрѣ еще недавно существовавшее право родителей отдавать своихъ дочерей въ дома терпимости за годовую плату 100—200 фр. явно вытекло изъ первобытнаго права продажи ихъ ⁵⁾. Дѣти были собственностью отца и матери, и если дѣвушка безъ разрѣшенія ихъ предавалась разврату, ее наказывали кнутомъ, такъ какъ она лишила родителей ихъ законнаго дохода. Однако настоящихъ рабовъ въ Японіи давно уже не было, и населеніе издревле дѣлилось на пять кастъ: 1) принцевъ; 2) не-титулованныхъ дворянъ (саму-

¹⁾ Fr. Caron, *Relation du Japon* (in *Recueil du voy. au Nord* etc. III, 104, 105 Amsterdam, 1715). ²⁾ *Ibid.*, 108—109. ³⁾ Léon Métchnikoff, *L'Empire japonais*, 614.

⁴⁾ Léon Métchnikoff, *loc. cit.*, 324. ⁵⁾ Aimé Humbert, *Japon illustre*, II, 279. (Рус. пер.).

II. Рабство у берберовъ.

Гуанчи, берберы Канарскихъ острововъ, извѣстны намъ только изъ разсказовъ древнихъ мореходовъ, — португальцевъ, норманновъ, испанцевъ¹⁾, которые открыли и покорили ихъ, между четырнадцатымъ и шестнадцатымъ вѣками. Отъ этихъ искателей приключеній мы имѣемъ краткія, но достаточныя, въ социологическомъ смыслѣ, свѣдѣнія объ островитянахъ. Мы знаемъ, что въ то время для нихъ еще продолжался вѣкъ полированного камня; что они жили въ пещерахъ, искусственныхъ и естественныхъ, или въ домахъ, которые какъ двѣ капли воды походили на пещеры; что они держали огромныя стада козъ, и главнымъ средствомъ къ существованію было для нихъ скотоводство; что, несмотря на это, они культивировали одно изъ хлѣбныхъ растений, ячмень, зерна котораго ихъ женщины размалывали на маленькой ручной мельницѣ, какія и теперь еще въ употребленіи у кабилловъ; что они одѣвались, когда находили это нужнымъ, въ платья и плащи изъ козьей кожи, мягкой, тонкой, хорошо выдѣланной, окрашенной въ красный или шафранный цвѣта, спитыя струнами; что у нихъ были касты жрецовъ, жрицъ и бальзамировщиковъ. Господствующей политической формой на этихъ островахъ былъ режимъ монархическій. Своего государя каждое племя чтило какъ божество; аристократы между прочими привилегіями присвоили себѣ такъ называемое *право первой ночи*. При вступленіи на престолъ новаго государя, многіе, по своей охотѣ, бросались въ пропасть, жертвуя жизнью, чтобы умилостивить злыхъ духовъ²⁾. Когда кому-нибудь изъ этихъ мелкихъ властителей приходила фантазія обойти свое государство, впереди его шель офицеръ, несшій *анепу*, царскій жезлъ, на концѣ перевитый лентой. При одномъ видѣ этого знака монаршей власти, народъ падалъ ницъ, простираясь во прахъ. Эти обожаемые царьки владѣли всей землей и раздавали её въ пользованіе своимъ поданнымъ, пропорціонально званію cadaго³⁾. При такой организаціи въ настоящемъ рабствѣ не было надобности. Сервы смиренно обрабатывали землю.

Туареги Сахары, потомки древнихъ жителей Ливіи, племя одной крови съ гуанчами, гораздо болѣе извѣстны намъ, чѣмъ эти послѣдніе. Мы знаемъ, что у нихъ народомъ правитъ аристократія, что дворянство живетъ насчетъ труда сервовъ, фермеровъ и рабовъ.—Туареги держатъ обыкновенно черныхъ рабовъ, пользуются

¹⁾ Courtet de l' Isle, *Etudes sur les anciennes races de l' Egypte et de l'Ethiopie*. (Mém. Soc. d'Ethnol., t. I (1847 p. 23, 27). ²⁾ Sabin Berrthelot, *Mémoires sur les guanches*. (Mém. Soc. Ethnol. t. I. p. 131, 137, 138). ³⁾ Ibid. 160. 175. 177.—т. II. 114.

тухъ — умѣнье выращивать скотъ. Въ древнихъ монархіяхъ меньше всего заботились о личной свободѣ; египтяне, напротивъ, полагали, что земледѣліе, скотоводство и т. п., много выигрываютъ, если ими занимаются люди, которые имѣютъ возможность къ личному опыту присоединить наслѣдственный, знанія, переходящія изъ поколѣнія въ поколѣніе. Въ защиту этого взгляда Діодоръ указываетъ на прогрессъ въ нѣкоторыхъ отрасляхъ хозяйства, — напримеръ, на искусственное высиживание куриныхъ и гусиныхъ яицъ, которое практиковалось египетскими птицеводами, а также на высокій уровень развитія искусствъ на берегахъ Нила. Ремесленники были также прикованы къ ремеслу предковъ; не имѣя доступа къ общественнымъ дѣламъ, волей-неволей вынужденные заниматься тѣмъ же, чѣмъ занимались ихъ отцы и дѣды, они не могли отрѣшиться отъ своего дѣла и думать о другомъ; всякія честолюбивыя мечты были имъ воспрещены, и ничто не отвращало ихъ отъ работы ¹⁾.

На основаніи нѣкоторыхъ древнихъ папирусовъ, очень любопытныхъ и уже не разъ цитированныхъ нами въ предыдущихъ нашихъ сочиненіяхъ, трудъ египетскаго ремесленника, повидимому, не могъ назваться свободнымъ. Каждый день, по крайней мѣрѣ въ извѣстное время года, онъ обязанъ былъ представлять установленное количество готовой работы; за нимъ надзирали особо къ тому приставленные чиновники и, въ случаѣ нерадивости, наказывали его. „Ткачъ, гласитъ одинъ папирусъ, — несчастіе женщины. Его колѣни находятся на одной высотѣ съ его сердцемъ; онъ не дышитъ свѣжимъ воздухомъ. Если онъ за день не успѣетъ выткать указанное количество матеріи, его вяжутъ, какъ лотосъ на болотѣ. и т. д.“ ²⁾. Трудно не видѣть въ этомъ описаніи доказательства крѣпостной зависимости ремесленниковъ, или, по крайней мѣрѣ, обязательности тяжкихъ и долгихъ работъ, какимъ они до сихъ поръ подвержены въ Индо-Китаѣ. А между тѣмъ, въ Египтѣ были и рабы, но рабы домашніе, находящіеся въ услуженіи у правящихъ классовъ. На могильныхъ фрескахъ мы видимъ изображеніе умершаго, несомато въ паланкинѣ четырьмя мужчинами ³⁾. Тотъ же папирусъ, рисуя мрачными красками судьбу надсмотрщика за колесницами (*officier des chars*), говоритъ: „когда отецъ и мать отдадутъ его въ школу, у него отбираютъ двухъ изъ пяти принадлежащихъ ему рабовъ“ ⁴⁾. Мы знаемъ также, что рабовъ этихъ можно было продавать, ибо знаменитая греческая куртизанка, Родопа, была выкуплена на волю въ Египтѣ ⁵⁾; что ихъ можно было дарить, ибо книга Бытія говоритъ, что фараонъ подарилъ Аврааму нѣсколь-

¹⁾ Diodore, I. par. 74. ²⁾ Maspéro, *Du genre épistolaire*, 50 — 62. ³⁾ Wallon, *Hist. de l'esclavage*, I. pr. 25 2-me édit. ⁴⁾ Maspéro, *loc. cit.* 272. ⁵⁾ Hérodote, liv. II. par. 135.

женщины работаютъ въ полѣ, пахутъ, сѣютъ, жнутъ, размалываютъ зерно, дѣлаютъ хлѣбы, носятъ воду, метутъ, стираютъ, готовятъ кушанье. Мужчина, отправляясь въ путь, усаживается на осла, женщина, слѣдуя за нимъ пѣшкомъ, несетъ багажъ и провизію¹⁾. Такой же условной независимостью пользовались, безъ сомнѣнія, и древніе египтянки.

Въ Абиссиніи мы наблюдаемъ аналогичныя черты нравовъ. Здѣсь, какъ и въ Египтѣ, мужчины не продаютъ и не покупаютъ. Пойти на рынокъ считается униженіемъ; всякаго рода куплю и продажу они предоставляютъ своимъ женамъ. Точно такъ же мужчина не пойдетъ за водой и не станетъ мѣсить хлѣбы. Абиссинцы мужчины носятъ тяжести на головѣ, абиссинскія женщины на плечахъ; то же мы видимъ и въ древнемъ Египтѣ. Женщины размалываютъ между двумя камнями зерна и сѣмена; онѣ же чешутъ и прядутъ шерсть²⁾; словомъ, у нихъ достаточно дѣла, хотя онѣ и пользуются довольно большой независимостью. Каждый мужчина умѣетъ печь хлѣбы, ткать, шить одежды и дѣлать оружіе; до специализаціи труда абиссинцы еще не додумались³⁾.

Организація рабства въ Абиссиніи извѣстна довольно хорошо. Прежде всего надо помнить, что въ Абиссиніи до сихъ норъ держится феодальная система, что среди всѣхъ ея жителей, съ верху до низу общественной лѣстницы, можно наблюдать тѣ же отношенія сюзереновъ къ своимъ вассаламъ, какъ это было когда-то въ Европѣ: что всякій, стоящій виѣ этой цѣпи правъ и обязанностей, считается въ Абиссиніи бродягой, „праздношатающимся“⁴⁾; наконецъ, что передъ королемъ всѣ, безъ различія званія, почти что рабы⁵⁾.

Рабство въ Абиссиніи распространено повсемѣстно; между простыми слугами и рабами не дѣлаютъ большого различія. Слуги не имѣютъ права покинуть своихъ хозяевъ, какъ бы дурно съ ними ни обращались; въ противномъ случаѣ ихъ ждетъ страшная кара⁶⁾, совершенно, какъ если бы они были собственностью хозяина.

Источники рабства въ Абиссиніи тѣ же, что и вездѣ. Прежде всего война. При разграбленіи городовъ, большинство жителей уводятъ въ плѣнъ, съ тѣмъ, чтобы потомъ продать ихъ въ рабство⁷⁾. Къ этому надо прибавить единичныя похищенія мужчинъ, женщинъ и дѣтей. Разбойники, улучивъ минуту, когда дѣвушки пойдутъ за хворостомъ или за водой, набрасываются на нихъ, хватаютъ, перекидываютъ черезъ сѣдло и спѣшатъ продать за одинъ-два таляриса⁸⁾. За нѣкоторыя преступленія обычай тре-

¹⁾ Ibid. ²⁾ Bruce *Hist. univ. Voy*, XXIII, 358. ³⁾ Combes et Tamisier, *voy. en Abyssynie*, IV, 83. ⁴⁾ Combes et Tamisier, *Voy. en Abyssynie*, IV, 63—65. ⁵⁾ A. d'Abbadie, *Douze ans dans la haute Ethiopie*, 265. ⁶⁾ Combes et Tamisier, *loc. cit.*. II. ⁷⁾ Ibid. IV, 98. ⁸⁾ Ibid., *loc. cit.*

буетъ *hari* (hari), буквально „вымести“ семью виновнаго; самого преступника и всѣхъ его близкихъ вяжутъ и продаютъ въ рабство¹⁾. Тотъ же обычай обращенія въ рабство по суду существовалъ, да и теперь еще существуетъ у многихъ другихъ народовъ. Но главный источникъ рабства— война и набѣги. Надо помнить, что абиссинцы чрезвычайно воинственный народъ; они страшные забіяки, готовые драться въ любой моментъ, безъ смысла и повода; кромѣ того, они сохранили старинный обычай древнихъ египтянъ и уродуютъ побѣжденныхъ совершенно особымъ способомъ, который по-гречески называется „фаллотоміей“. Человѣка, не совершившаго ни одного изъ этихъ гнусныхъ подвиговъ, всѣ презираютъ, гнушаются имъ; онъ не имѣетъ права заплести свои волосы въ косу, какъ это дѣлаютъ люди испытанной храбрости. На окраинахъ селеній шатается множество такихъ удалцовъ, въ одиночку срывающихъ фаллотомическіе лавры; они не разборчивы; они рады захватить врасплохъ и пахаря на полѣ, и крестьянина въ его хижинѣ; они не щадятъ даже дѣтей и уродуютъ грудныхъ младенцевъ, вырванныхъ изъ рукъ матерей²⁾. Эти гнусныя насилія вызываютъ отвѣтныя набѣги изъ мести: оскорбленные уведятъ въ плѣнъ дѣтей и женщинъ и обращаютъ ихъ въ рабство.

Но захватить врага еще не достаточно; нужно его продать. Отсюда крупная торговля, караваны невольниковъ, отсылаемыхъ на берегъ, при чемъ цѣна на нихъ возрастаетъ по мѣрѣ приближенія къ морю, съ 10 талярисовъ подымается иногда до 40. По пути илѣнными пользуются для переноски тяжестей³⁾.

Въ городахъ, черезъ которыя проходятъ невольничьи караваны, абиссинцамъ христіанамъ разрѣшено приобрѣтать рабовъ, но запрещено перепродавать ихъ⁴⁾. Древній обычай запрещалъ абиссинцамъ держать рабовъ христіанъ; новые законы, писанные христіанами же, наоборотъ: разрѣшаютъ это на томъ основаніи, что рабы могутъ попасть и въ руки магометанъ, гдѣ они рискуютъ измѣнить своей вѣрѣ. чего не случится, если они будутъ рабами христіанъ⁵⁾.

Въ Абиссиніи съ рабомъ обращаются ласково; онъ, въ концѣ концовъ, становится членомъ семьи, *de jure* господинъ не имѣетъ надъ нимъ права жизни и смерти, хотя *de facto* убійство раба проходитъ безнаказанно, такъ какъ жертва не имѣетъ родныхъ, которые бы потребовали наказанія убійцы, а безъ этого общественное правосудіе въ Абиссиніи въ дѣла частныхъ лицъ не мѣшается⁶⁾.

Разсказываютъ, будто нѣкоторые мусульманскія племена, на-

¹⁾ A. d'Abbadie, *Causes actuelles de l'esclavage en Éthiopie*, 8. ²⁾ A. d'Abbadie, *loc. cit.*, 7. ³⁾ Combes et Tamisier, *loc. cit.*, IV, 92—95. D'Abbadie, *loc. cit.*, 14. ⁴⁾ *Ibid. loc. cit.*, 148. ⁵⁾ Abbadie, *loc. cit.*, 8. ⁶⁾ Combes et Tamisier, *loc. cit.*, IV, 148.

примѣръ, *ирто*, имѣющія такое же понятіе о славѣ, какъ и абиссинцы, покунають рабовъ исключительно для того, чтобъ умертвить ихъ, приобрести завидное право носить намазанную масломъ косу—знакъ воинской доблести; они убиваютъ ихъ ради того, чтобы облагородить себя¹⁾.

Но мы еще не перечислили всѣхъ источниковъ рабства въ Эіопіи. Король страны Галла продаетъ въ рабство дѣтей за недоимки родителей изъ податного сословія. Съ другой стороны, дяди и другіе родственники продаютъ дѣтей, оставшихся сиротами²⁾.

Правда, родителямъ не разрѣшено продавать открыто своихъ дѣтей; мало того, за такое преступленіе ихъ ждетъ висѣлица, если они христіане, и палки, если они мусульмане, такъ какъ въ послѣднемъ случаѣ они поступили въ духѣ своей религіи³⁾. Лица, находящіеся въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ, имѣютъ право занимать деньги подъ залогъ своихъ дѣтей, а въ случаѣ неуплаты въ срокъ занятой суммы, дѣти, по закону, становятся рабами кредитора. Наконецъ, самъ должникъ становится иногда временнымъ рабомъ, принужденнымъ служить своему кредитору до полной уплаты долга своимъ трудомъ, переведеннымъ на деньги⁴⁾.

Итакъ, мы находимъ въ Абиссиніи всѣ обычные источники рабства, и это даетъ намъ основаніе думать, что всѣ они существовали и въ древнемъ Египтѣ, который нѣкогда былъ наставникомъ и воспитателемъ Эіопіи.

V. Рабство на Мадагаскарѣ.

Чтобы покончить съ изученіемъ рабства у болѣе или менѣе извѣстныхъ расъ, которыя въ прошломъ могли находиться подъ вліяніемъ древняго Египта, мы должны обратиться теперь къ туземцамъ острова Мадагаскара вообще, и въ частности къ племени *Говасовъ*, единственному, въ достаточной степени извѣстному намъ племени. Теорія, довольно распространенная, но не имѣющая солиднаго основанія, приписываетъ *говасамъ* малайское происхожденіе; предполагается, что лодки съ ихъ предками были занесены на Мадагаскаръ муссономъ, дующимъ съ востока; но такъ какъ существуетъ и контръ-муссонъ, дующій съ запада, то мы съ такимъ же правомъ можемъ предположить и обратное, т. е. что тотъ муссонъ занесъ туземцевъ Мадагаскара на Малайскій архипелагъ. Принимая въ соображеніе обычай сооружать металлическіе памятники.

¹⁾ D'Abbadie, *loc. cit.*, 14. ²⁾ Combes et Tamisier, *loc. cit.*, 98. ³⁾ Combes et Tamisier, III, 147. ⁴⁾ A. d'Abbadie, *loc. cit.*, 8.

возможность прослѣдить, по крайней мѣрѣ въ общихъ чертахъ, эволюцію рабства у потомковъ Сима.

Древніе авторы немного сообщаютъ намъ о рабствѣ у арабовъ, такъ какъ арабы мало имѣли извѣстны. Однакоже, мы читаемъ у Страбона, что набатейскіе (Nabatéens) арабы не владѣли большимъ количествомъ рабовъ; они пользовались услугами своихъ родственниковъ или сами служили себѣ, не исключая и королей ¹⁾.

Это значить, что древніе арабы держались еще кланового режима, который, дѣйствительно, дѣлаетъ рабство излишнимъ. Мы знаемъ, однакоже, что и въ древности арабы имѣли рабовъ, по большей части негритянской расы, и что поставка плѣнныхъ для продажи съ африканскаго материка на аравійскій полуостровъ носила характеръ правильнаго ввоза.

Приблизительное понятіе о рабствѣ у арабовъ до введенія магометанства мы можемъ составить себѣ по роману *Антара*, который, впрочемъ, тоже не изобилуетъ данными относительно рабства, но тѣмъ не менѣе рисуетъ нѣсколько его чертъ. Количество рабовъ тогда было невелико, и большинство ихъ принадлежало къ черной расѣ. Самъ Антаръ, герой поэмы, — мулатъ. Мать его была негритянка, похищенная арабами, во время одного набѣга, вмѣстѣ со скотомъ, который она, по всей вѣроятности, стерегла. Похититель ея, эмиръ Хеддадъ, тутъ же изнасиловалъ ее, и его спутники были очень склонны послѣдовать его примѣру ²⁾. Изъ всей добычи эмиръ взялъ себѣ только изнасилованную имъ рабыню; тѣмъ не менѣе, когда рабыня эта сдѣлалась матерью, ему пришлось обратиться къ *кади* съ просьбой, чтобъ ребенка присудили ему, такъ какъ остальные участники набѣга тоже предъявили свои права на новорожденнаго ³⁾.

Черные рабы, обыкновенно, стерегли стада, — верблюдовъ, овецъ, лошадей, ходили за ними, гоняли ихъ на пастбище по сосѣдству съ лагеремъ. Таковы были занятія, къ которымъ приставилъ своихъ двухсотъ рабовъ король Зогеиръ ⁴⁾. Кромѣ того рабы несли на себѣ палатки и провизію во время похода ⁵⁾. Женщины рабыни развлекали своихъ господъ пѣніемъ подъ аккомпанементъ бубна ⁶⁾.

Арабскія племена безпрестанно предпринимали набѣги на сосѣдей, но убивали только мужчинъ, и то нерѣдко шадя тѣхъ, за кого они могли надѣяться получить богатый выкупъ. Напр. въ романѣ *Антара* племя Бени-катаны, въ годину голода, идетъ походомъ на Бени-абовъ, рассчитывая захватить въ плѣнъ мужчинъ, получить за нихъ хорошій выкупъ и тѣмъ поправить свои обстоятельства ⁷⁾.

¹⁾ Strabon, liv. XVI, ch. III, par., 26. ²⁾ *Aventures d'Antar*, Trad. Devie, 4—5.
³⁾ Ibid., 8. ⁴⁾ Ibid., 11. ⁵⁾ Ibid., 40. ⁶⁾ Ibid., 355. ⁷⁾ Ibid., 41.

Но чаще предпочитали увозить женщинъ и дѣвушекъ, которыхъ всадники брали къ себѣ на сѣдло. Перѣдки были и случаи перекрестнаго грабежа; иное племя, отправившись въ походъ, въ надеждѣ захватить врагъ и ограбить сосѣдей, но возвращеніи домой не находило и у себя ни женщинъ, ни стада¹⁾.

Что же дѣлали съ плѣнниками? Обращали ихъ въ рабство и продавали въ дальніе края, или заставляли работать дома. Въ „Приключеніяхъ Антара“ благородная и прелестная Абла, похищенная во время одного набѣга, становится рабыней. Съ нея снимаютъ богатая одежды и замѣняютъ ихъ платьемъ изъ грубой шерсти; мать ея похитителя обращается съ ней дурно, бранить ее, заставляетъ донѣ верблюдицъ, сбивать масло, собирать топливо, т. е. хворостъ и верблюжій навозъ²⁾. Не церемонились съ плѣнниками и въ другомъ отношеніи; онѣ сплосъ и рядомъ становились наложницами.

Кочевыя племена арабовъ до сихъ поръ сохранили нравы, изображенные въ „Приключеніяхъ Антара“. — Иногда, — но въ романѣ Антара объ этомъ говорится, какъ объ исключительныхъ случаяхъ, — продавали въ рабство и плѣнниковъ мужчинъ, за которыхъ не было надежды получить выкупъ, но непременно въ чужіе края, подальше отъ родины. До введенія магометанства въ арабскомъ обществѣ рабъ былъ существомъ презираемымъ, и даже, послѣ отпуска на волю, онъ не имѣлъ права претендовать на полученіе руки благородной молодой дѣвицы; подобное сватовство вызывало общее негодованіе и возмущеніе³⁾.

В. Рабство послѣ введенія ислама. Съ введеніемъ ислама эти первобытные нравы отчасти измѣнились, отчасти, но только отчасти были приведены въ систему. Въ первыя времена магометанства взятыхъ въ плѣнъ враговъ безъ милосердія убивали. Позднѣе нравы замѣтно смягчились⁴⁾. Коранъ предписываетъ вести войну противъ невѣрныхъ, главнымъ образомъ, ради того, чтобы обложить ихъ данью. „Воюйте съ тѣми, кто не вѣритъ въ Бога и въ послѣдній день, воюйте съ ними, пока они сами не принесутъ вамъ дани и не покорятся вамъ“⁵⁾. — „Если же они обратились, очистили себя молитвой, творятъ милостыню, они ваши братья по вѣрѣ“⁶⁾. И дѣйствительно, исламъ учитъ, что при объявленіи войны какому-нибудь народу, ему предлагается на выборъ одно изъ трехъ: 1) присоединиться къ религіи Магомета, и тогда все останется по-старому; 2) покориться и платить дань; 3) принять вызовъ, рискуя тѣмъ, что, въ случаѣ пораженія, мужчины будутъ преданы смерти,

¹⁾ Ibid., 33., ²⁾ *Aventures d'Antar*, 285—286. ³⁾ Ibid., 76. ⁴⁾ G. Sale. *Observations historiques et critiques sur le mahometisme*, 521. ⁵⁾ Koran, IX, 29. ⁶⁾ Koran, IX, 11.

Мы видѣли уже, что главное занятіе рабовъ состоитъ въ при-смотрѣ и уходѣ за стадами. Свободныя женщины также не сидятъ безъ дѣла: онѣ прядутъ овечью шерсть для выдѣлки тканей или козью, изъ которой дѣлается сукно для палатокъ. Кромѣ того онѣ стряпаютъ, ведутъ хозяйство, стригутъ овецъ, иногда чистятъ лошадей, сѣдлаютъ ихъ, взнуздываютъ и т. п. ¹⁾ Иные арабы покупаютъ себѣ установленное закономъ количество женъ только для того, чтобы потомъ эксплуатировать ихъ и, ничего не дѣлая, жить на счетъ ихъ труда ²⁾.

Права похитителя надъ плѣнными рабынями простираются очень далеко. Король разрѣшаетъ соединяться съ плѣнницами безъ всякихъ формальностей, и самъ пророкъ подалъ тому примѣръ. Это право простирается, впрочемъ, и на рабыню, купленную или полученную въ подарокъ ³⁾. Привилегіи похитителя такъ велики, что плѣнный мусульманинъ лишается права жить съ своей женой или рабыней, если нобѣдителю угодно было воспользоваться ею для своего удовольствія ⁴⁾, такъ какъ плѣнъ, самъ по себѣ, ведетъ къ расторженію брака; однако похититель не имѣетъ права овладѣть плѣнницей ранѣе появленія у нея менструаціи ⁵⁾.

Арабское законодательство содержитъ множество предписаній относительно браковъ невольниковъ. Прежде всего, считается, что женщина-рабыня нравственно стоитъ ниже свободной женщины, и поэтому ее менѣе строго наказываютъ за прелюбодѣяніе, — всего пятьюдесятью ударами кнута и шестью мѣсяцами ссылки; тогда какъ свободная дѣвушка-блудница наказуется ста ударами кнута и годовой ссылкой. За измѣну мужу *Сунна* велитъ побивать камнями свободную женщину ⁶⁾. Если рабъ женился безъ согласія своего господина, этотъ послѣдній можетъ расторгнуть бракъ и обязательно долженъ расторгнуть его, если дѣло идетъ о рабынѣ ⁷⁾. Мусульманамъ, мужчинамъ и женщинамъ, запрещено вступать въ бракъ съ рабынями или рабами, принадлежащими дѣтямъ ихъ ⁸⁾. Правовѣрный, прежде чѣмъ жениться на рабынѣ, съ которой онъ жилъ раньше, долженъ отпустить ее на волю ⁹⁾. Выдавая замужъ рабыню, господинъ имѣетъ право присвоить себѣ, хотя бы и противъ ея согласія, брачныя дары, кромѣ одной четверти динарія, и то лишь въ томъ случаѣ, если рабыня ничего не должна ему ¹⁰⁾. Вообще женщина-невольница считается вещью; если она принадлежитъ одновременно двумъ господамъ и забеременѣетъ отъ одного изъ нихъ, этотъ послѣдній долженъ уплатить другому владѣльцу половину

¹⁾ Ibid. 227. ²⁾ Niebuhr, *Description de l'Arabie*, t. II, 160. ³⁾ W. Muir, *The Coran*, 58. ⁴⁾ Ibn Khâliil, *Précis de jurisprudence musulmane*, t. II, 2-eme partie ch. III, sect. 2, p. 251. ⁵⁾ Ibid., *loc. cit.*, p. 288. ⁶⁾ G. Sale, *loc. cit.*, I, IV. ⁷⁾ Khâliil, *loc. cit.*, sect. III. ⁸⁾ Ibid. § 9. ⁹⁾ Ibid. § 7. ¹⁰⁾ Ibid., sect. VII.

съ ними обращаются. У гаро значеніе человѣка измѣряется количествомъ его рабовъ, и вождь беретъ съ собой на войну человѣкъ шестьдесятъ рабовъ, составляющихъ отрядъ его личныхъ тѣлохранителей ¹⁾).

У *гондовъ* и *кандовъ* рабство, повидимому, поддерживается и освящается религіей; у нихъ покупаютъ и даже вмѣняется въ обязанность покупать рабовъ для *меріахъ*, т. е. для принесенія ихъ въ жертву богинѣ *Тари*, Перерѣ здѣшнихъ мѣстъ; въ честь этой богини несчастныхъ рубятъ на куски. Мы уже раньше описывали эти жестокіе обычаи ²⁾ и потому не будемъ здѣсь распространяться о нихъ ³⁾).

Чтобы покончить съ аборигенами Индіи, упомянемъ еще о племени *Го* или *Лакка-Коль*; у этого племени мы находимъ уже смягченную форму рабства — крѣпостное право, феодалныхъ сеньоровъ, владѣльцевъ земли и наслѣдственныхъ сервовъ, обрабатывающихъ эту землю и платящихъ оброкъ помѣщику ⁴⁾). Изъ всѣхъ этихъ разбросанныхъ данныхъ можно заключить, что наши свѣдѣнія о состояніи рабства у аборигеновъ Индіи весьма недостаточны, что условія жизни рабовъ, будучи разнообразными, въ общемъ не уклоняются отъ общезвѣстныхъ типовъ.

Не больше извѣстны намъ и *каффиры* Афганистана, но эти послѣдніе представляютъ для насъ особенный интересъ по причинѣ любопытной аналогіи между ихъ нравами и вѣрованіями и нравами и вѣрованіями арійцевъ временъ составленія Ведъ. Каффиры несомнѣнно рабовладѣльческое племя. Имущество ихъ состоитъ главнымъ образомъ изъ скота и рабовъ. Одинъ богатый каффиръ имѣлъ до восьмисотъ козь, около трехсотъ быковъ и восемь семействъ рабовъ ⁵⁾. Каффиры (*сианухи*) добываютъ рабовъ у афганцевъ, съ помощью войны; всѣхъ, кого побѣдители не успѣли скальпировать или умертвить на мѣстѣ, они уводятъ въ плѣнъ и обращаютъ въ рабство; но часть плѣнныхъ впослѣдствіи приносится въ жертву богамъ ⁶⁾. За исключеніемъ территорій, населенной каффирами, которымъ до сихъ поръ удалось сохранить независимость, землю Афганистана обрабатываетъ несвободное населеніе, находящееся въ различныхъ мѣстахъ на различныхъ ступеняхъ порабощенія. Прежде всего мы видимъ рабовъ, живущихъ на землѣ помѣщика и работающихъ безъ всякаго вознагражденія; затѣмъ сервовъ, прикрѣпленныхъ къ землѣ; арендаторовъ или фермеровъ; наконецъ, свободныхъ рабочихъ, не владѣющихъ собственностью и работаю-

¹⁾ Dalton, *loc. cit.*, 58. ²⁾ *Evolution religieuse*. ³⁾ V. Dalton, *loc. cit.*, 280—281—287. ⁴⁾ Dalton, *loc. cit.*, 177. ⁵⁾ Dubeux, *A. Afghanistan*, 107. ⁶⁾ G. Capus, *Bulletin de la société d'anthropologie*. (Reponses, questionnaire sociologique) p. 258—1890.

индіецъ не можетъ заниматься двумя ремеслами заразъ ¹⁾. Тотъ же наблюдатель говоритъ, что, несмотря на кастовый режимъ, индусы не обращаются презрительно со своими слугами; что слуга ѣсть за однимъ столомъ съ господиномъ, а европейцы своей надменностью вызываютъ ненависть къ себѣ въ своихъ слугахъ ²⁾. По словамъ аббата Дюбуа, судры, въ свою очередь, установили между собой іерархію, и только особое подраздѣленіе ихъ касты, *паріи*, находятся въ унижительномъ состояніи, которое по описанію очень напоминаетъ условія жизни, предписанія для всѣхъ судра кодексомъ Ману.

Индійскіе паріи настоящіе рабы. Повсюду они подчинены другимъ кастамъ; обращаются съ ними сурово; имъ запрещено переходить черезъ улицу, въ которой живутъ брамины; за подобную дерзость брамина, конечно, не станутъ сами бить парій, такъ какъ это осквернило бы ихъ, но могутъ приказать убить ихъ менѣе чистымъ существамъ. Парію, осмѣлившагося войти въ домъ брамина, могутъ предать смерти тутъ же на мѣстѣ; въ туземныхъ княжествахъ такіе примѣры не рѣдкость ³⁾. Кто прикоснулся къ паріи, тотъ уже осквернилъ себя и не можетъ имѣть общенія ни съ кѣмъ, пока не омоется въ рѣкѣ или не произведетъ надъ собой обряда очищенія; обрядъ этотъ видоизмѣняется, смотря по тому, къ какой кастѣ принадлежитъ оскверненный ⁴⁾. Впрочемъ, отвращеніе къ паріи ослабѣваетъ, по мѣрѣ того, какъ мы приближаемся къ сѣверной части полуострова Индостана. Въ сѣверномъ Мейссурѣ, представители прочихъ подраздѣленій касты судръ разрѣшаютъ паріямъ приближаться къ себѣ и входить въ коровьи хлѣвы; въ иныхъ кантонахъ паріи дозволяется даже просунуть голову въ комнату и поставить одну, но только одну, ногу на порогъ жилища господина ⁵⁾.

Во всей Индіи паріи совершенно порабощены другими кастами и страдаютъ отъ жестокаго обращенія. Вездѣ, за исключеніемъ нѣсколькихъ округовъ, имъ запрещено обрабатывать землю за свой счетъ. Смотря по округу, они или сервы или наемники. Въ южной Индіи они занимаются въ услуженіе къ другимъ условіямъ и за самое умѣренное вознагражденіе исполняютъ самыя тяжкія работы. Хозяева могутъ бить ихъ, сколько душѣ угодно. Въ тѣхъ немногихъ округахъ, гдѣ паріямъ разрѣшено обрабатывать землю въ свою собственную пользу, ихъ презираютъ еще больше за лѣнность и нерадивость. На малабарскомъ берегу паріи — сервы, прикрѣпленные къ землѣ и передающіе свое состояніе по наследству, отъ отца къ сыну. Помѣщикъ можетъ продать

¹⁾ Abbe Dubois, *Moeurs et institutions des peuples de l'Inde*, 3. ²⁾ Ibid., 57.

³⁾ Dubois, *loc. cit.*, 53. ⁴⁾ Ibid., 53. ⁵⁾ Ibid., 54.

Индійскіе законодатели немало потрудились, чтобы точно опредѣлить права и обязанности наемнаго рабочаго. Если при наймѣ не было никакого уговора относительно вознагражденія, законъ велитъ отдать работнику десятую долю прибыли; рабочаго земледѣльца хозяинъ одѣваетъ и кормитъ и кромѣ того вознаграждаетъ его за трудъ пятой частью урожая; въ томъ случаѣ, если рабочій способствовалъ увеличенію дохода хозяина, жалованье его должно быть увеличено ¹⁾. Если, вслѣдствіе обидъ и притѣсненій со стороны хозяина, рабочій вынужденъ былъ бросить работу, не кончивъ ея, хозяинъ долженъ отдать ему заработанныя имъ деньги ²⁾. Рабочій, нанятый на опредѣленное время и отправленный до срока, имѣетъ право на полученіе всего жалованья; а хозяинъ, кромѣ того, платитъ еще штрафъ за то, что не выполнилъ своихъ обязательствъ ³⁾. Если рабочій обезсилѣетъ, или заболѣетъ, хозяинъ долженъ взять его къ себѣ и ходить за нимъ, по крайней мѣрѣ, въ продолженіе трехъ дней; въ противномъ случаѣ онъ также повиненъ заплатить штрафъ ⁴⁾. И обратно, если, по винѣ рабочаго, купецъ-хозяинъ получилъ прибыль меньшую противъ той, какую могъ получить, рабочему дѣлаютъ скидку съ жалованья ⁵⁾; если рабочій не сберегъ орудій, выданныхъ ему хозяиномъ, онъ также расплачивается за всѣ изъяны своимъ жалованьемъ ⁶⁾. Жалованье сполна выдается только по окончаніи работы и т. д., и т. д. ⁷⁾.

Въ итогѣ, постановленія индійскихъ законовъ о рабахъ, сервахъ, наемникахъ и слугахъ показываютъ, что общество, создавшее ихъ, весьма далеко отъ первобытнаго варварства, что въ этомъ обществѣ на работника, какъ бы ни была презрѣнна каста, или поздравленіе касты, къ которому онъ принадлежитъ, смотрятъ, какъ на человѣка, и законъ беретъ его подъ свою защиту. Относительно улучшенное положеніе раба, безъ сомнѣнія, слѣдуетъ приписать именно существованію платнаго труда наравнѣ съ рабствомъ и крѣпостнымъ правомъ. Религія тоже, отчасти, способствовала этому. Съ религіозной точки зрѣнія, съ точки зрѣнія доктрины переселенія души *post mortem*, брамины помимо своего желанія распространили ученіе, изъ котораго логически вытекаетъ равенство всѣхъ людей по существу, ибо оно говоритъ, что каждый человѣкъ можетъ подняться или спуститься по лѣстницѣ существъ. Ученіе буддистовъ еще болѣе радикально, хотя опять таки въ теоріи; оно разбило оковы кастъ, но, въ свою очередь, запрещаетъ поступать въ монахи не только рабамъ, но и

¹⁾ Ibid., 140. ²⁾ Ibid., 142. ³⁾ Ibid., 144. ⁴⁾ Sicé, *loc. cit.*, 143. ⁵⁾ Ibid., 140
⁶⁾ Ibid., 141. ⁷⁾ Ibid., *loc. cit.*, 142.

должникамъ, и войнамъ ¹⁾). Но разъ эти идеи религіознаго равенства опредѣлились въ умахъ, онѣ непременно должны были отразиться сколько нибудь и на дѣйствительной жизни.

V. Рабство въ Персіи.

О рабствѣ въ Персіи мы имѣемъ гораздо меньше свѣдѣній, чѣмъ имѣли ихъ относительно Индіи. А между тѣмъ весьма вѣроятно, что, по крайней мѣрѣ, въ монархической Персіи — а иной мы не знаемъ — организація труда и рабства были очень близки къ организаціямъ тѣхъ же учрежденій въ Индіи.

Нельзя предположить, чтобы въ древней Персіи, гдѣ земледѣліе ставили чрезвычайно высоко, гдѣ его прославляла сама религія, полевая работы были поручены рабамъ. Самое большее, если рабы являлись помощниками въ этихъ работахъ. Рабы, безъ сомнѣнія, существовали здѣсь, но по всей вѣроятности, какъ и въ современной Персіи, въ небольшомъ количествѣ; рабство было, главнымъ образомъ, домашнимъ и ограничивалось службой въ знатныхъ домахъ.

Первоначальныя касты или классы маздовъ (Mazdëens) не заключали въ себѣ рабовъ. Повидимому, въ древности существовало только три свободныхъ класса или касты, учрежденныхъ самимъ Зороастромъ: жрецы, воины, земледѣльцы. Зороастръ самъ своей особой былъ первымъ жрецомъ, первымъ воиномъ и первымъ земледѣльцемъ ²⁾). Позже, при легендарномъ царѣ, Джемшидѣ, къ тремъ первоначальнымъ кастамъ была присоединена четвертая — каста ремесленниковъ ³⁾; такой порядокъ послѣдовательности, какъ мы уже знаемъ, довольно хорошо согласуется съ социологической эволюціей.

Когда Персія и Мидія соединились въ одну обширную, такъ называемую восточную монархію, число рабовъ возросло и достигло внушительной цифры: — это обычный и повсемѣстный результатъ покоренія страны варварами. У мидянъ царскіе дворцы и дома вельможъ были переполнены евнухами и рабами ⁴⁾; были у нихъ и земледѣльческіе рабы, передававшіе свое состояніе по наслѣдству дѣтямъ ⁵⁾. Позже, у парянъ, классъ рабовъ разросся до чудовищныхъ размѣровъ: не было семьи, которая бы не владѣла рабами. Въ арміи, выступившей противъ Антонія, насчитывалось на 50,000 всадниковъ всего только 400 свободныхъ гражданъ; то было, безъ сомнѣнія, все начальники ⁶⁾.

¹⁾ T. W. Rhys Davids, *Buddhism*, 152. ²⁾ Abel Hovelacque, *L'Avesta*, 494.

³⁾ Dubeux, *Perse*, 221. ⁴⁾ Nic-Damasc, *Frag.*, 10. ⁵⁾ Hérodote, I, 110—114—117.

⁶⁾ Justin, *XLI*, 2.

такой порокъ, который дѣлаетъ продажу недѣйствительной¹⁾; словомъ, принимали всѣ тѣ мѣры предосторожности, какія у насъ принимаютъ при покупкѣ лошади. Продавцами являлись или профессиональные торговцы человѣческимъ товаромъ, или сами хозяева, желающіе по той или другой причинѣ отдѣлаться отъ того или другаго раба. Въ обыкновенное время на аѳинскомъ рынкѣ продавали не плѣнныхъ, добытыхъ на войнѣ, но главнымъ образомъ, вольноотпущенниковъ, иностранцевъ, *метэковъ*, обманомъ присвоившихъ себѣ права гражданъ, или же обращенныхъ въ рабство, и чаще всего дѣтей, рожденныхъ въ предѣлахъ Аттики отъ матерей-рабынь. Рабовладѣльцы нерѣдко разрѣшали своимъ рабамъ вступать въ бракъ съ цѣлью воспитать для себя въ ихъ дѣтяхъ новыхъ рабовъ; это право было предоставлено господину, равно какъ и право запрещенія брака; нерѣдко также приподъ отъ этихъ дозволенныхъ союзовъ отправляли на невольничій рынокъ. Дети рабыни, рожденное въ домѣ, имѣло особое назначеніе — *οἰχογενεῖς οἰχοτρεφεῖς* etc.; нерѣдко отцомъ былъ самъ господинъ, но это не мѣшало ребенку наследовать состояніе матери²⁾; говоря о Греціи время Гомера, мы приводили противоположные факты, но они, по всей вѣроятности, были результатомъ публичнаго усыновленія.

Въ Атикѣ было довольно мало рабовъ, родомъ хоть грековъ, но изъ другихъ областей, потому что греки обыкновенно обмѣнивали или выкупали плѣнныхъ. Города заключали даже между собой договоры по этому поводу и оставляли у себя въ качествѣ рабовъ только уроженцевъ странъ, которыя слыли варварскими³⁾. Правда, пираты предпочитали похищать свободныхъ гражданъ, но это дѣлалось въ надеждѣ получить за нихъ выкупъ; нерѣдко также похищали дѣтей, даже въ стѣнахъ городовъ⁴⁾. Въ силу противорѣчія, обуславливаемого исключительно денежнымъ интересомъ, похитителей рабовъ преслѣдовали въ Аѳинахъ судебнымъ порядкомъ; но торговцамъ рабами, или „тѣлами“, какъ называли продажныхъ рабовъ, законъ покровительствовалъ⁵⁾. Торговцы рабами запасались товаромъ въ различныхъ мѣстахъ: во Фракіи, доставившей значительное количество рабовъ, въ греческихъ колоніяхъ, въ Египтѣ, гдѣ грекамъ продавали обращенныхъ въ рабство преступниковъ, негровъ и т. д.⁶⁾. Средняя стоимость раба измѣнялась, смотря по времени, обстоятельствамъ, и качествамъ раба, предназначеннаго къ продажѣ. Вначалѣ рабъ стоилъ отъ двухъ до двухъ съ половиною минъ⁷⁾; позже — отъ 4 до 5 минъ.

¹⁾ Moreau Christophe, *Droit à l'oisivete*, 149. ²⁾ Schoemann, *Antiquites grecques*, I, 398. ³⁾ Schoemann, *loc. cit.*, 397. ⁴⁾ H. Wallon, *loc. cit.*, I, 168. ⁵⁾ *Ibid.*, 174. ⁶⁾ *Ibid.*, 170. ⁷⁾ Мина равняется русскимъ 30 р. 50 к.

танамъ за водой¹⁾. Гости поручаютъ попеченіямъ рабынь, которыя ведутъ его въ баню и натираютъ елеемъ его тѣло²⁾; онѣ же льютъ воду на руки гостямъ³⁾.

Вообще нравы какъ рабовъ, такъ и господъ, отличались замѣчательной простотой. На щитѣ Ахилла изображенъ царь, присутствующій при уборкѣ хлѣба. Старый Лаэртъ работаетъ въ своемъ саду; Эней и Анхизъ пасутъ стада быковъ и овецъ; царицы прядутъ и ткутъ полотна вмѣстѣ съ своими рабынями. Младшая изъ дочерей Нестора, ни мало не смущаясь, помогаетъ Телемаку мыться въ банѣ, а Навзикая наблюдаетъ за стиркой бѣлья⁴⁾.

Во времена Гомера въ Греціи было еще очень немного рабовъ; въ большинствѣ случаевъ плѣнныхъ предпочитали убивать. Рабовъ держали только князья, военачальники; чаще всего эти рабы доставались имъ при раздѣлѣ добычи, но иногда ихъ покупали у финикійскихъ торговцевъ⁵⁾. Господинъ имѣлъ надъ своими рабами все права, но обыкновенно относился къ нимъ благоклонно⁶⁾; быть можетъ, потому, что большинство рабовъ — военноплѣнные, и нѣкоторые изъ нихъ могутъ оказаться знатными особами, за которыхъ дадутъ хорошій выкупъ. Такъ, Эвмей, „божественный“ пастухъ, по рожденію царскій сынъ, украденный и проданный въ неволю финикійскими пиратами. Даже рабыни оказывались иногда принцессами.

Вмѣстѣ съ успѣхами цивилизаціи вообще усложнилась и социальная организація; мало-по-малу между господами и рабами легла цѣлая бездна; количество рабовъ возрасло; они перестали быть достояніемъ избранныхъ и признакомъ высокаго званія и богатства... Наиболѣе извѣстно намъ положеніе раба въ Аѳинахъ. Въ общемъ, благодаря мягкости нравовъ, положеніе это было не особенно печально. Ксенофонтъ съ удивленіемъ замѣчаетъ: „Въ Аѳинахъ рабы и жительствующіе тамъ иностранцы (*метэки*) невѣроятно распушены: бить ихъ не дозволяется; рабъ способенъ заступитъ вамъ дорогу“; костюмъ ихъ ничѣмъ не отличается отъ одежды гражданъ. Нѣкоторые рабы окружены роскошью и великолѣбіемъ. Видно, говоритъ онъ, что мы живемъ въ приморской странѣ, гдѣ поневолѣ надо щадить рабовъ, если хочешь извлечь изъ нихъ выгоду⁷⁾. Итакъ, по мнѣнію Ксенофонта, господа хорошо обращаются съ рабами только потому, что это имъ выгодно; гуманность обуславливается исключительно расчетомъ; самъ онъ питаетъ глубокое презрѣніе къ рабу, „столь близкому къ живот-

¹⁾ Одиссея, III, IV, XII. ²⁾ Одиссея, IV, V. ³⁾ Одиссея, I, IV, VII. ⁴⁾ Одиссея, VI. ⁵⁾ Одиссея, I, XV, XVII. ⁶⁾ Schoemann, *loc. cit.*, I. 49. ⁷⁾ Xénophon, *Republique d'Athènes* (Рус. пер. Янчевецкаго).

случаяхъ, какъ, напримѣръ, при рожденіи сына, при празднованіи годовщины этого рожденія, посвященія и т. д. ¹⁾). Съ виду рабу жилось довольно хорошо, но бракъ и семья были для него недоступны. Ксенофонтъ заявляетъ, что онъ не хочетъ, чтобы его рабы „производили дѣтей противъ его желанія и желанія его жены“ ²⁾; отъ господина зависить разрѣшить или запретить рабу вступить въ бракъ. Въ законахъ Солона сказано однакоже, что рабамъ не воспрещается жениться, а рабынямъ выходить замужъ; но Ксенофонтъ полагаетъ, что такого разрѣшенія могутъ бѣть удостоены только вѣрные слуги, въ награду за хорошее поведение ³⁾. Точно такъ же хорошимъ слугамъ слѣдуетъ давать одежду и обувь лучшаго качества, а дурнымъ все самое худшее. По его мнѣнію, обращаться со всѣми рабами одинаково, не дѣлая различія между хорошими и дурными, значитъ отбить у первыхъ всякую охоту работать ⁴⁾.

Въ сущности, относительная гуманность аѳинянъ по отношенію къ своимъ рабамъ была просто дѣломъ обычая. По закону греческій рабъ составлялъ собственность господина, но собственностью живую, которую слѣдовало щадить, которая все же находилась, до нѣкоторой степени, подъ защитой закона, хотя и весьма суроваго къ ней. Доброта по отношенію къ рабамъ вовсе не считалась обязательной. Во время похода въ Азію, находясь въ долинѣ Евфрата, Александръ ради забавы приказалъ вымазать раба нефтью и затѣмъ поджечь; Страбону и Плутарху и въ голову не пришло, сообщая объ этой фантазій великаго человѣка, присоединить къ своему разсказу хоть одно слово порицанія ⁵⁾.

Незаконное положеніе греческаго раба было незавидное; каждый свободный гражданинъ могъ ударить его почти безнаказанно; за это съ него взыскивали всего только полъ-аса штрафа ⁶⁾. Богатые сицилійцы, владѣвшіе цѣлыми стадами рабовъ, клеймили ихъ, какъ скотъ, морили на работѣ и кормили впроголодь ⁷⁾. Бить и палка то и дѣло прогугливались по тѣлу раба; невольникъ, позволившій себѣ приласкать дитя свободного гражданина, наказывался пятьюдесятью ударами ⁸⁾. Въ уголовномъ процессѣ истецъ могъ предложить, чтобы его рабовъ допросили подъ пыткой, для того, чтобы ихъ показанія получили надлежащую силу въ глазахъ закона; обвинитель, съ своей стороны, могъ требовать этого, но въ такомъ случаѣ онъ долженъ былъ предварительно произвести имъ оцѣнку и соотвѣтственно этой оцѣнкѣ вознаграждать истца,

¹⁾ Н. Wallon, *loc. cit.*, I. 293. ²⁾ Economique, ch. IX. ³⁾ Economique, ch. IX.

⁴⁾ Xenophon, *loc. cit.* ⁵⁾ Strabon, liv. XVI, ch. I. Plutarque, *Vie d'Alexandre*.

⁶⁾ Du-Boys, *Hist. du droit criminel*, t. 182. ⁷⁾ Diodore, *Fragments*, 24—25. ⁸⁾ Du Boys, *loc. cit.*, 185.

вначалѣ изъ трехсотъ, потомъ изъ шестисотъ и, наконецъ, изъ тысячи-двухсотъ человѣкъ. Этихъ стрѣлковъ звали скиѳами, хотя не всѣ они были родомъ изъ Скиѳіи. Въ мирное время скиѳскіе стрѣлки исполняли обязанности жандармовъ, полицейскихъ агентовъ и пр. Съ другой стороны, весь персоналъ служащихъ при городскихъ правленіяхъ: помощники судей, счетоводы, писцы, глашатаи, старосты и тюремщики,—набирался обыкновенно также изъ общественныхъ рабовъ; палачи обязательно должны были быть общественными рабами, а также рабочіе, фабрикующіе монету. Въ сравненіи съ рабами частныхъ лицъ, общественные рабы занимали очень завидное положеніе. Многіе изъ нихъ вели довольно независимый образъ жизни, имѣли семью, свое хозяйство, имущество, которымъ они могли располагать. Въ цѣломъ, ихъ общественное положеніе было очень сходно съ положеніемъ иностранцевъ, постоянно живущихъ въ Аѳинахъ, *метэковъ*, о которыхъ мы будемъ говорить впослѣдствіи¹⁾. И дѣйствительно, видъ исполненія своихъ обязанностей они пользовались почти полной свободой.

Ксенофонтъ, большой новаторъ, предлагалъ аѳинянамъ превратить рабство въ промыселъ, покупать рабовъ и спекулировать ихъ трудомъ, отдавая ихъ внаймы частнымъ лицамъ или же заставляя ихъ работать въ рудникахъ на пользу города. Согласно его проэктору, десять аѳинскихъ колѣнъ должны были купить, на выплату въ разсрочку, каждое по одинаковому количеству рабовъ. Благодаря этому приему, черезъ пять-шесть лѣтъ государство очутилось бы владѣльцемъ шести тысячъ рабовъ, которыхъ оно могло бы отдать внаймы эксплуататорамъ рудниковъ. Предполагая, что каждый рабочій будетъ приносить одинъ оболь чистаго дохода въ день, по его расчету, это должно было составить ежегодный доходъ во сто талантовъ. А если бы всѣ колѣна соединились вмѣстѣ для непосредственной разработки коней, такъ чтобы всѣ убытки и барыши дѣлить поровну, доходъ этотъ значительно увеличился бы²⁾.

Въ слѣдующей главѣ мы убѣдимся, что своимъ проэкторомъ Ксенофонтъ не сказалъ ничего новаго; онъ только посоветовалъ аѳинянамъ развить и поставить на широкую ногу дѣло, которымъ частныя лица занимались на каждомъ шагу, только въ малыхъ размѣрахъ. Дѣйствительно, промышленное рабство получило въ Аѳинахъ широкое развитіе, и намъ придется посвятить много времени его изученію.

¹⁾ Schoemann. *Antiq. gr.* I. 403. ²⁾ Xénophon, *Revue de l'Attique*, 306—308.

привилегію безплатнаго обѣда въ Пританеѣ и почетнаго мѣста въ народныхъ собраніяхъ. Онъ объявляетъ, что сынъ не обязанъ кормить отца, если отецъ не выучилъ его никакому ремеслу. Плутархъ находитъ нужнымъ оправдать смѣлаго реформатора и, въ видѣ смягчающаго обстоятельства, упоминаетъ о бесплодности почвы въ Атикѣ¹⁾. Но Солону не удалось произвести переворота въ общественномъ мнѣніи, и ремесленныя профессіи продолжали оставаться удѣломъ поработенныхъ или полу-поработенныхъ классовъ — *этовъ*, *метэковъ* и въ особенности рабовъ.

Если оставить въ сторонѣ политическія права, положеніе *этовъ* довольно близко граничило съ рабствомъ. То были черно-рабочіе, нанпмавшіеся поденно на самыя тяжелыя и грубыя работы: они ворочали мельничныя жернова, работали въ мастерскихъ и на фабрикахъ наравнѣ съ рабами. Въ Аѣинахъ была даже площадь, на которой они толпились вперемежку съ рабами, дожидаясь нанимателя²⁾; во времена Аристофана, дневной заработокъ ихъ былъ очень скромный и не превышалъ трехъ оболовъ, т. е. девяти копеекъ³⁾.

Аѣинскіе пролетаріи пытались помочь горю, соединяя въ одинъ пучокъ свои индивидуальныя слабости. Одинъ изъ законовъ Солона давалъ право всѣмъ рабочимъ, торговцамъ или ремесленникамъ составлять общества, подъ условіемъ только не нарушать постановленій общихъ для всѣхъ гражданъ⁴⁾. Въ Аѣинахъ ремесленники дѣлились на цехи, какъ въ средневѣковой Европѣ, и, опять таки, какъ въ Европѣ, люди, занимающіеся однимъ и тѣмъ же ремесломъ, старались жить по возможности въ одной и той же части города; такъ, въ Аѣинахъ были кварталы ваятелей, кожевниковъ, бронзовщиковъ и т. д.; это доказываетъ, что одинаковыя общія условія почти вездѣ приводятъ къ однимъ и тѣмъ же слѣдствіямъ.

Въ итогѣ, свободный пролетаріатъ въ Аѣинахъ захватывалъ почти всѣ ремесла и всѣ виды торговли⁵⁾. Въ концѣ концовъ даже семейныя бѣдняки начали конкурировать съ рабами, и свободныя аѣинянки стали наниматься въ служанки въ богатые дома⁶⁾.

Такое положеніе вещей было неизбѣжнымъ слѣдствіемъ обезземеленія низшихъ классовъ; у многихъ бѣдняковъ только и оставалось, что званіе гражданина, да политическая свобода; этимъ объясняется тотъ фактъ, что въ Аѣинахъ не рѣдкость было

¹⁾ *Vie de Solon.* ²⁾ Wallon, Part. I. ch. IV. ³⁾ Moreau Christophe, *Droit à l'oisiveté*, 223. ⁴⁾ *Ibid.*, loc. cit., 274. ⁵⁾ Aristophane, *Всадники*, *Облака* (Рус. пер.)
⁶⁾ Wallon, loc. cit., I, 151.

вѣемъ вернуть ему столько же людей, сколько было имъ взято? Гиппоникъ отдавалъ внаймы шестьсотъ рабовъ на тѣхъ же условіяхъ и получалъ ежедневно мину серебра чистаго дохода. Триста рабовъ Филемонидъ доставляли ему полтора ста минъ дохода; такимъ же образомъ и многіе другіе получали барыши, соотвѣтственно своимъ вкладамъ и т. д.“¹⁾— При всемъ своемъ широкомъ отъ природы умѣ, Ксенофонтъ—сынъ своей родины и своего времени; онъ, очевидно, раздѣляетъ ходячіе взгляды на рабство, формулированные позднѣе Аристотелемъ, по поводу врожденныхъ рабовъ, которыхъ судьба справедливо обрекла на вѣчный трудъ и повиновеніе²⁾. Гуманность не играетъ никакой роли въ соображеніяхъ Ксенофонта; лишь бы только подрядчикъ вернулъ столько же рабовъ, сколько было имъ взято, а о тѣхъ, которые пали подъ тяжестью труда, безпокоиться нечего. А между тѣмъ, благодаря вышеописанной простотѣ приѣмовъ, трудъ рудокопа былъ въ древности чрезвычайно опасенъ; не говоря уже объ изнурительной работѣ перетаскиванія на спинѣ руды изъ глубины рудника на поверхность, рабочимъ приходилось рыть землю и отбивать куски руды въ длинныхъ и низкихъ галлерейхъ, гдѣ съ трудомъ можно было дышать; поэтому смертность среди рудокоповъ была непомѣрно велика³⁾. — Фактъ невѣроятный, а между тѣмъ, доказанный, — въ наши дни и въ Европѣ есть мѣсто, гдѣ примѣняется тотъ же первобытный способъ разработки рудниковъ. Корреспондентъ одной римской газеты *Tribuna* недавно сообщилъ этой газетѣ раздирающія душу подробности относительно работы дѣтей въ сѣрныхъ копяхъ Сициліи⁴⁾. *Каруси*, говоритъ корреспондентъ, „дѣти отъ 8 до 15—18 лѣтъ, которыя на своихъ плечахъ перетаскиваютъ на поверхность земли сѣрную руду, добытую въ подземныхъ галлерейхъ“. *Каруси* состоятъ на жаловань у пиччіонери, — рудокоповъ, добывающихъ руду. Эти послѣдніе нанимаютъ ихъ у родителей за очень небольшую сумму — 100—150 фр., выплачиваемую натурою: мукой и пшеницей. Чтобы возратить себѣ свободу, *карусо* долженъ вернуть эту сумму, но онъ зарабатываетъ всего 50 сантимовъ въ день, и то получаетъ ихъ не деньгами, а мукой дурного качества. Онъ обреченъ на долготѣнее рабство и одинаково терпитъ побои и брань какъ отъ хозяина, такъ и отъ своего отца. Плечи у *карусей* обыкновенно сторбленныя, ноги кривыя, глаза впалые, лобъ въ морщинахъ. Работаютъ они изъ-подъ палки, какъ въ старину рабы-рудокопы. Рабочій день ихъ продолжается двѣнадцать часовъ; они спятъ въ пещерахъ, на голой землѣ, питаются хлѣбомъ и лукомъ; —

¹⁾ Xénophon, *Revenus de l'Attique*. ²⁾ Aristote, *Politique* I ch. III. ³⁾ Strabon, liv. XII, ch. II, par. 40. ⁴⁾ *Tribuna*, 11 octobre, 1893.

Но не одиѣ войны и походы римскихъ войскъ, опустошавшихъ всѣ страны древняго міра, способствовали росту несвободнаго населенія Римской имперіи. Рабовъ добывали разными путями, преимущественно морскимъ разбойничествомъ, которое, впрочемъ, было точнымъ подражаніемъ войнѣ и, по мнѣнію древнихъ, не заключало въ себѣ ничего преступнаго, если только не клонилось во вредъ согражданамъ. Легкія суда пиратовъ безпрестанно пѣнили Средиземное море; владѣльцы ихъ вели оптовую и систематическую торговлю бѣлыми невольниками. Товаръ этотъ находилъ себѣ легкій сбытъ; на нѣкоторыхъ крупныхъ рынкахъ, напримѣръ, въ Делосѣ, не принято было справляться, откуда взялись плѣнные, предназначенные къ продажѣ. Во время перваго триумвирата, морскіе разбойники нерѣдко грабили приморскіе города; болѣе четырехсотъ городовъ были взяты и заняты пиратами¹⁾. Даже въ глубинѣ страны римлянинъ не былъ гарантированъ отъ опасности попасться въ руки охотниковъ за людьми; отъ этого несчастья не ушли даже преторы, несмотря на свои пурпуровыя тоги и свиту изъ ликторовъ (*Плутархъ, Помпей*, 38).

Впрочемъ, торговля рабами велась на законномъ основаніи и приносила большія выгоды. Катонъ, прозванный Цензоромъ, нисколько не стѣснялся покупать молодыхъ рабовъ, обучать ихъ и дрессировать, для того чтобы потомъ перепродать ихъ съ большимъ барышомъ²⁾. Обращеніе человѣческаго товара доставляло казнѣ большой доходъ, такъ какъ ввозъ, вывозъ и продажа рабовъ были обложены пошлиной. Такса была установлена *ad valorem*: съ евнуха взымали $\frac{1}{8}$ стоимости; съ прочихъ $\frac{1}{40}$; Августъ соединилъ къ этому дополнительный налогъ въ $\frac{1}{80}$, взымавшійся при продажѣ³⁾.

Главной поставщицей рабовъ все-таки оставалась война, при чемъ военноплѣнные были исключительно чужестранцы. Но и римскій гражданинъ могъ быть обращенъ въ рабство вслѣдствіе различныхъ причинъ и, главнымъ образомъ, за неуплату долга. Древній римскій законъ наказывалъ это преступленіе лишь временнымъ рабствомъ. Несостоятельный должникъ становился *addictus* оми, присужденнымъ; это значило, что съ разрѣшенія претора кредиторъ могъ принудить его работать на себя и у себя въ домѣ, вплоть до полного погашенія долга. Если при займѣ должникъ представилъ за себя поручителя, кредиторъ имѣлъ право выбирать между обоими⁴⁾. Только въ 428 г. былъ изданъ законъ, запрещавшій кредитору насильно держать у себя въ домѣ порабощеннаго должника.

¹⁾ Плутархъ, *Помпей*, 36. Val. Max. II, X, 2. ²⁾ Плутархъ, *Катонъ Старшій*, XLV. ³⁾ Wallon, *loc. cit.*, t. II, 49—50. ⁴⁾ Duruy, etc. *l'Italie*, 502.

II. Положеніе раба въ римскомъ обществѣ.

Какъ въ римской семьѣ, такъ и въ римскомъ обществѣ рабъ былъ низведенъ на крайнюю ступень униженія; его участь мало чѣмъ отличалась отъ участи домашнихъ животныхъ. Званіе раба какъ бы выбрасывало человѣка изъ среды людей, и это кажется тѣмъ болѣе страннымъ, что, въ виду постоянныхъ войнъ, поставившихъ государству толпы новыхъ и новыхъ рабовъ, никто не могъ быть увѣреннымъ, что и его въ одинъ прекрасный день не постигнетъ горькая участь раба. Въ сущности, правящіе классы болѣе всѣхъ другихъ подвергались этой опасности. Послѣ завоеванія области, взятія города и т. под., побѣдители брали въ плѣнъ и продавали по преимуществу богатыхъ и знатныхъ; наоборотъ, земледѣльческое населеніе, по большей части несвободное, оставалось чаще всего прикрѣпленнымъ къ той же землѣ, которую оно и раньше воздѣлывало, такъ какъ иначе побѣдители не могли бы извлечь изъ нея никакой выгоды. Въ Нуманціи, Капуѣ, Карвагенѣ, Коринѣ и пр. продавали преимущественно людей зажиточныхъ и вліятельныхъ, изъ которыхъ многіе сами были рабовладельцами¹⁾.

Въ эпоху донсторическую и даже протосторическую участь римскаго раба была, должно быть, очень близка къ участи современнаго невольника въ центральной Африкѣ. Символическіе обряды — остатки прошлаго — свидѣтельствуютъ о томъ, что въ старину у римлянъ существовалъ даже обычай принесенія въ жертву людей; почти несомнѣнно, что жертвами при этомъ являлись рабы. Повинуясь оракулу, требовавшему отъ имени Сатурна человѣческихъ жертвъ, римляне долгое время каждый годъ, въ маѣ мѣсяцѣ, бросали въ Тибръ изображенія людей, вырѣзанныя изъ камыша. Діонисій Галикарнасскій упоминаетъ о тридцати фигурахъ, брошенныхъ такимъ образомъ, съ большой торжественностью, въ присутствіи жрецовъ, весталокъ, преторовъ и д. д. Божествамъ ада также приносили человѣческія жертвы; позже онѣ были зачѣтены приношеніями изъ міра животнаго и растительнаго²⁾.

Во всѣхъ рабовладельческихъ странахъ рабыни становились наложницами своихъ господъ. Въ Греціи время Гомера это практиковалось сплошь и рядомъ; безъ сомнѣнія, тоже было и въ древнемъ Римѣ, такъ какъ даже въ періодъ расцвѣта имперіи Коммодъ могъ устроить себѣ гаремъ изъ 300 наложницъ и такого же количества юныхъ рабынь³⁾.

¹⁾ Moreau Christophe, *Droit u l'oisirete*, 179—180. ²⁾ Duruy etc. *Italie ancienne*, 398—399. ³⁾ Friedlaender, *Moeurs romaines*, t. I, 118.

томъ торговать ихъ тѣлами. На рынкѣ эти несчастныя, нагія или полуобнаженныя лежали на большихъ вертящихся столахъ, называемыхъ *catasta*, и въ такомъ видѣ ихъ предлагали любителямъ¹⁾.

Военная служба во времена республики считалась первой обязанностью гражданина, но рабъ не могъ быть солдатомъ; римскій законъ не удостоивалъ его этой чести, да и дѣйствительно, опасно было учить владѣть оружіемъ черезчуръ многочисленное несвободное населеніе. Однако же и въ Римѣ, какъ въ Греціи, законъ иногда склонялся передъ необходимостью. Потерпѣвъ пораженіе при Каннахъ, римляне вооружили 8,000 рабовъ, которые, впрочемъ, тутъ же были отпущены на волю. Послѣ пораженія Вара, Августъ точно такъ же пополнилъ свои легіоны рабами, но установилъ для нихъ особое вооруженіе²⁾. Рабами дозволялось пользоваться только какъ рабочими или слугами. Римскія войска тащили за собой толпу рабовъ, но все это были прислужники или ремесленники. Даже простые солдаты нерѣдко брали съ собой въ походъ рабовъ, которые несли ихъ багажъ или колья и холсты для палатокъ.

Несвободное населеніе распадалось на двѣ обширныхъ категоріи: рабы частныхъ лицъ и рабы общественныя. Последніе принадлежали или отдѣльнымъ городамъ или государству. Государственные рабы прокладывали дороги, устраивали водопроводы, иногда работали въ рудникахъ и каменоломняхъ. Нѣкоторые изъ нихъ служили въ собраніяхъ, надзирали за общественной раздачей хлѣба, за порядкомъ на играхъ, исполняли обязанности почталіоновъ, состояли въ личномъ услуженіи у полководца и судей, были палачами, тюремщиками и т. д.; иные служили при храмахъ³⁾. Государственные рабы пользовались нѣкоторыми привилегіями, напримѣръ, правомъ свободно располагать половиной своего имущества⁴⁾, но, какъ и рабамъ частныхъ лицъ, имъ не дозволялось владѣть имуществомъ родовымъ, переходящимъ отъ отца къ сыну. Все, что они могли нробрѣсть, поступало въ собственность государства; въ области уголовного права они должны были переносить все послѣдствія рабства. Имъ только отрѣзывали участокъ земли отъ общественной территоріи, на которомъ они должны были имѣть постоянное мѣсто жительства; они получали даровое содержаніе и сверхъ того еще жалованье.

Старшіе члены городского правленія назначали ихъ на мѣста приставовъ и палачей; рабы, составлявшіе *familia edilovъ*, были пожарными. (Mommsen, *Drsit public. romain* 365—367). Рабы городовъ были общественными слугами или же ремесленниками⁵⁾.

¹⁾ Moreau-Christophe, *loc. cit.* 119. ²⁾ Suetone, *Vie d'Octave*, t. XXV. ³⁾ Wallon, *loc. cit.*, II, 85—88. ⁴⁾ Wallon, *loc. cit.*, III, 55. ⁵⁾ Moreau-Christophe, *loc. cit.*, 146.

на головѣ вѣски. У пныхъ рабовъ висѣли на шеѣ ярлыки съ обозначеніемъ ихъ происхожденія, качествъ и способностей. Колпакъ на головѣ означалъ, что за его обладателя продавецъ не ручается. Нерѣдко рабы труда или рабы удовольствій продавались цѣлыми партіями, при чемъ продавецъ старался подсунуть покупателю нѣсколько испорченныхъ штукъ товара, напримѣръ, дряхлыхъ стариковъ¹⁾. При продажѣ поштучно покупатель внимательно разсматривалъ раба, испытывалъ его силу, ловкость или же заставлялъ его показывать свои таланты — литературный, музыкальный и пр.²⁾. Обыкновенныхъ рабовъ тутъ же на площади и продавали; когда дѣло касалось избранныхъ, торгъ заключался въ лавкѣ работорговца; дороже всего нерѣдко цѣнились дѣти, предназначенныя къ проституціи. Избраннаго раба или рабыню выставляли на *ка-тасть*, родъ вертящагося стола, похожаго на скамью, употребляемую скульпторами, и любителямъ предоставлялась полная возможность осматривать, ощупывать и выбирать³⁾. Продавали навсегда или на пробу. Въ обоихъ случаяхъ продавецъ хвалитъ свой товаръ, старался приукрасить, замаскировать пороки и недостатки, хотя законъ предписывалъ ничего не скрывать⁴⁾ и строго взыскивать за обманъ. Если обѣщанныхъ качествъ у раба не оказывалось или, наоборотъ, оказывались какіе-либо непредвидѣнные недостатки, покупатель имѣлъ право требовать уничтоженія контракта или возмѣщенія убытковъ⁵⁾.

Попытка или хотя бы только намѣреніе бѣжать считались безчестіемъ для раба и понижали его рыночную стоимость; такой рабъ обязанъ былъ имѣть клеймо на лбу. Плохой знакъ, если рабъ уже выходилъ на арену для борьбы съ дикими звѣрями: это свидѣтельствовало о чрезмѣрно смѣломъ характерѣ; опять таки дурной знакъ, если рабъ покушался на самоубійство. Въ оцѣнкѣ раба большую роль играло его происхожденіе: уроженцы Сардиніи слыли непокорными, корсиканцы — жестокими; сирійцевъ цѣнили за силу, іонянъ за красоту; александрійцы славились искусствомъ пѣть и развращенностью⁶⁾. Лучшей рекомендаціей для раба былъ собранный имъ *peculium* — гарантія послушанія, честности и вѣрной службы⁷⁾.

Цѣны на рабовъ мѣнялись соотвѣтственно возрасту, качествамъ, а также закону спроса и предложенія. Послѣ всякой побѣды, рынокъ переполнялся товаромъ, и цѣны падали. Плутархъ сообщаетъ, что въ лагерѣ Лукулла можно было купить раба за 4 драхмы⁸⁾. т. е. около 1 р. 20 коп. Среднимъ числомъ рабъ стоилъ, при Антони-

¹⁾ Wallon, *loc. cit.* II, 52—53. ²⁾ Ibid. II, 52. ³⁾ Moreau-Christophe, *Droit u*
l'esclavage, 150. ⁴⁾ Wallon, *loc. cit.* II, 55. ⁵⁾ Wallon, *loc. cit.*, 59. ⁶⁾ Ibid., 57.
⁷⁾ Ibid., 61—62. ⁸⁾ Moreau-Christophe, *loc. cit.*, 217.

между тѣмъ число гражданъ доходило до 75,000¹⁾. Понятно, что гордость и чванство горсти богачей не знали предѣловъ. Патриціи приказывали величать себя: „ваша свѣтлость, ваше степенство, ваше превосходительство, ваше высочество“, доходили даже до того, что принимали на себя титуль *царей*. На колесницахъ, украшенныхъ серебряной рѣзьбой, они галопомъ мчались черезъ весь городъ, а за ними скакала толпа рабовъ, сжигая по пути ароматы въ честь своихъ господъ²⁾.

Иные, чтобы насладиться контрастомъ, развлекались игрою въ бѣдность. На многихъ роскошныхъ виллахъ была такъ называемая „комнатка бѣдняка“, гдѣ отъ времени до времени владѣлецъ виллы проводилъ нѣсколько дней въ уединеніи, питаясь грубой пищей изъ глиняной посуды³⁾. Поститься по доброй волѣ иногда пріятно, но эти строгости и посты ради забавы нисколько не мѣшали тому, что и самыя высшія должности покупались за деньги, а на выборахъ бѣдняки могли заранѣе ожидать, что они будутъ побиты. Въ 699 году одному изъ консуловъ выборы обошлись въ десять милліоновъ сестерцій, т. е. около двухъ милліоновъ двухсотъ-пятидесяти тысячъ франковъ (около 1 милліона руб.)⁴⁾, такъ какъ приходилось не только покупать голоса, но и вооружать отряды *bravi*, т. е. наемныхъ убійцъ, поражавшихъ сторонниковъ кандидата-соперника, который, съ своей стороны, по мѣрѣ средствъ, прибѣгалъ къ тѣмъ же мѣрамъ. И это проиходило еще во времена республики. Учрежденія не измѣнились; по крайней мѣрѣ, съ виду этого не было замѣтно; внутри же все дружины были испорчены, и демократія превращалась въ плутократію. Въ то же время и все по той же причинѣ, поработеніе стремилось выразиться въ новой формѣ.

IV. Сельскій пролетаріатъ.

Образованіе обширныхъ имѣній и крупныхъ состояній естественно привело къ образованію многочисленнаго пролетаріата какъ въ городѣ, такъ и въ деревняхъ. Мелкіе землевладѣльцы стали встрѣчаться рѣже, такъ какъ ихъ поглотила крупная собственность, но многіе изъ нихъ не покидали деревень и превращались въ арендаторовъ или колоновъ. Каждое большое имѣніе дѣлилось обыкновенно на двѣ части: одну воздѣлывали рабы, въ цѣпяхъ или безъ цѣпей, подъ надзоромъ *villicus'a*, а другая была отдана въ аренду мелкимъ вольнымъ хлѣбопашцамъ⁵⁾. Былъ и третій способъ обработки земли, создавшій *колонатъ*. *Колонатъ*

¹⁾ Ciceron, *De officiis*, II, 21. ²⁾ Moreau-Christophe, *loc. cit.*, 29. ³⁾ Ibid. *loc. cit.*, 27. ⁴⁾ Ciceron, *ad. Q. frat.* II, 15. ⁵⁾ F. de Coulanges, *loc. cit.*

годно празднуемая въ честь куртизанки Флоры и на завѣщанныя ею деньги, — игры, во время которыхъ обнаженные проститутки бѣгали по улицамъ подѣ звуки трубъ и принимали цническія позы, приправленныя соответствующими разговорами, или бѣгали, прыгали, танцевали, боролись съ голыми же мужчинами¹⁾. Намъ говорить, что благородныя римлянки ради забавы кололи своихъ служанокъ, убравшихъ имъ голову, длинными булавками, которыми закалываютъ волосы; — но мужчины за самую пустую вину распинали рабовъ, или бросали ихъ на съѣденіе муренамъ. Въ амфитеатрѣ женщины опускали большіе пальцы, требуя смерти поверженнаго гладиатора; — но вѣдь бывало и такъ, что озвѣрѣвшая толпа зрителей кидалась на арену и пила теплую кровь еще трепещущихъ жертвъ²⁾; да и самые бои гладиаторовъ были вначалѣ похоронными играми, — слѣдовательно, возникновеніе ихъ объясняется религіозными обрядами. Никто и не думалъ порицать ихъ въ принципѣ; самъ Цицеронъ находитъ ихъ поучительными, при условіи, чтобы въ нихъ фигурировали только преступники. Приводятъ имена женщинъ, которыя владѣли партіями гладиаторовъ, — но вѣдь въ Римѣ это было одной изъ привилегій того, что мы называемъ *high-life* омъ. Свѣтскіе люди держали рабовъ гладиаторовъ, получившихъ тщательное воспитаніе въ специальныхъ школахъ, какъ наши капиталисты держатъ цѣлыя конюшни скаковыхъ лошадей; и побуждало ихъ къ этому одно и то же чувство — глупое тщеславіе. Иные патриціи выходили на арену, какъ у насъ нынѣ *gentlemen-riders* считаютъ долгомъ сами принимать участіе въ скачкахъ. Въ Римѣ особые торговцы-специалисты продавали *семейства гладиаторовъ*, какъ у насъ барышники тренируютъ и продаютъ скаковыхъ лошадей. Какимъ же образомъ могли бы женщины устоять противъ теченія, увлекавшаго за собой все римское общество?

VIII. Величіе и паденіе Рима.

Исследуя, такъ сказать, *ab ovo* или отъ первоисточниковъ, эволюцію рабства и въ болѣе общемъ смыслѣ эволюцію подневольнаго труда въ римскомъ государствѣ, мы видѣли, какъ родилось, выросло и стало клониться къ упадку могущество Рима, и имѣли возможность связать послѣдствія съ обусловившими ихъ глубоко скрытыми причинами. Теперь намъ предстоитъ сдѣлать выводы, произнести приговоръ надъ соціологическимъ опытомъ, продѣланнымъ въ широкихъ размѣрахъ древнимъ Римомъ.

¹⁾ Moreau-Christophe, *loc. cit.*, 80. ²⁾ *Ibid.*, 99.

манія*). Въ Польшѣ, въ Молдаво-Валахіи господствовало такое же крѣпостное право, и, какъ въ Россіи, гнетъ его въ послѣднія столѣтія значительно отягчился. — Въ Сербіи мы также находимъ крестьянскую общину, *миръ*, но болѣе просвѣщенную и пользующуюся большей свободой, а вельдѣствіе этого и жизнь сербскаго крестьянина сложилась легче и счастливѣе, ибо въ Сербіи рабство не составляетъ подкладки крѣпостного права. Въ сельскихъ общинахъ Сербіи, общественная земля не подлежитъ періодическимъ передѣламъ, поэтому каждый старается улучшить свой участокъ и вводитъ на немъ разныя улучшенія. не боясь, что его земля перейдетъ къ другому. Сербская община, *задруга* (*gens*), всѣ члены которой тѣсно связаны между собою и составляютъ какъ бы одну семью, управляется избраннымъ всѣми членами и, по единодушнымъ увѣреніямъ путешественниковъ, ведетъ жизнь веселую и пріятную. Всѣ члены *gens'a* бодры, привѣтливы, всегда готовы помочь другъ другу. Всѣ община владѣютъ землей и вмѣстѣ обрабатываютъ её. На сербской крестьянской общинѣ мы наглядно можемъ убѣдиться въ томъ, какіе прекрасные результаты даетъ сама по себѣ ассоціація, свободно возникшая и не угнетаемая требовательнымъ и деспотичнымъ господиномъ. Ничего подобнаго мы не встрѣтимъ у германскихъ и кельтскихъ племенъ, съ которыми намъ теперь предстоитъ ознакомиться.

V. Рабство въ Германіи.

Древніе историки описываютъ современныхъ имъ германцевъ какъ расу, еще очень близкую къ дикому состоянію. Германцы очень мало занимались земледѣіемъ, кормились главнымъ образомъ скотоводствомъ и еще больше набѣгами; старались селиться въ пустынныхъ безлюдныхъ мѣстахъ, гордились тѣмъ, что сосѣдство ихъ наводитъ ужасъ. На вооруженный грабежъ видѣ предѣловъ своего селенія они смотрѣли, какъ на доблестный подвигъ. Мужчины, въ особенности молодежь, постоянно упражнялись въ набѣгахъ; нерѣдко воины, какъ теперь у краснокожихъ, организовали отдѣльные частные набѣги, по личной своей инициативѣ, въ которыхъ каждый могъ участвовать или не участвовать, смотря по желанію; но тотъ, кто пообѣщавъ принять участіе въ такомъ набѣгѣ, не могъ уже взять назадъ своего согласія, не обезчестивъ себя¹⁾. Такіе

*) Въ виду недостаточнаго знакомства автора съ исторіей рабства и крѣпостнаго права въ Россіи, нами выпущены три съ половиной страницы, посвященныя имъ восточнымъ славянамъ. Этому важному вопросу редакция намѣрена посвятить особый томъ «Историко-культурной бібліотеки».

Ред.

¹⁾ César, *Guerre des Gaules*, liv. VI, par. 23. (Русск. пер.)

не добились даже и той свободы, какую завоевали другіе ¹⁾. И здѣсь сервъ не могъ ни жениться, ни выйти изъ предѣловъ сншборіи, ни продать свое имущество безъ позволенія аббата ²⁾. Въ концѣ концовъ ихъ начали эксплуатировать еще и въ другомъ смыслѣ. Въ IX вѣкѣ, въ аббатствахъ возродились общественныя мастерскія, существовавшія иѣкогда въ Римской имперіи; аббаты создали настоящія мануфактуры, гдѣ работали и мужчины и женщины. Въ женскихъ мастерскихъ пряли, красили ткани, шили одежду. Онѣ назывались „гинекеями“ и не отличались строгостью нравовъ, такъ что въ IX вѣкѣ названіе „женщины гинекея“ было синонимомъ куртизанки ³⁾.

Имѣя въ своемъ распоряженіи столько способовъ пріобрѣтенія, духовенство богатѣло. Въ концѣ XVIII вѣка, во Франціи оно состояло приблизительно изъ двухсотъ тысячъ человекъ и владѣло приблизительно третью всей территоріи. Церковныя имѣнія были оцѣнены въ 4 миллиарда фр., а доходы въ 400 слишкомъ милліоновъ, не считая десятины (123 милліона), случайныхъ доходовъ, церковнаго сбора и подаянія ⁴⁾. Не удивительно, что аббаты и епископы до послѣдней минуты стояли за крѣпостное право; благодаря Вольтеру, всѣмъ извѣстно, что еще наканунѣ революціи, каноники капитула *Saint Claude* владѣли 12,000 сервовъ и эксплуатировали ихъ совершенно такъ же, какъ это дѣлалось въ средніе вѣка. Между прочими правами, капитулу принадлежало право наследованія послѣ сервовъ; взаменъ этого тѣ пользовались услугами доктора и аптекаря. И вотъ, Вольтеръ увѣряетъ, что онъ своими ушами слышалъ, какъ повѣренный капитула отвѣтилъ врачу ихъ Морезу, требовавшему гонорара за лѣченіе двухъ сервовъ: „не заплатитъ вамъ, а наказатъ бы васъ слѣдовало; въ прошломъ году вы поставили на ноги двухъ сервовъ, смерть которыхъ принесла бы 1000 экю моимъ довѣрителямъ“ ⁵⁾. Слѣдуетъ замѣтить, однако, что каноники *Saint Claude*'а были послѣдними могиканами средневѣковаго консерватизма. Еще въ XII вѣкѣ повѣяло освободительнымъ духомъ, и сервовъ стали отпускать на волю, по крайней мѣрѣ тѣхъ, которые, не будучи холопами (*serfs de corps*), могли сами отречься отъ своихъ господъ и уйти отъ нихъ въ вольные города; пошли за теченіемъ многіе монастыри. Но аббаты и пріоры, соглашаясь на освобожденіе своихъ сервовъ, проявляли при этомъ ничуть не больше безкорыстія, чѣмъ свѣтскіе сеньоры. Вотъ выдержки изъ одной выкупной грамоты: „такіе-то признаютъ: что они и господа ихъ были крѣпостными (*homme de corps*) нашей Церкви, были рабагого состоянія, и съ незапамятныхъ временъ подъярем-

¹⁾ Ibid., 137. ²⁾ Tourmagne, *loc. cit.*, 89. ³⁾ Ibid., 38. ⁴⁾ Dict. des Gaules, v *Clergé*.—Boiteau, *Etat de la France en 1789*. ⁵⁾ Voltaire, *Les serfs de Jura*.

отъ нищеты. Уцѣлѣвшихъ не отпускали до тѣхъ поръ, пока они не вносили платы за свой проѣздъ. Въ случаѣ, если эмигрантъ не могъ внести требуемой суммы, его продавали въ рабство на время,—на три, четыре, шесть или восемь лѣтъ.

Въ американскихъ газетахъ появлялись иногда очень наивныя объявленія. Въ юнѣ 1742 г. въ *Pensylvania Gazette* было напечатано: „Продается хорошая служанка, до срока остается 3½ года. Прекрасная пряха“. Въ августѣ 1766 г. *Massager de Pensylvanie* объявляетъ: „Продается молодая служанка, нѣмка, сильная, свѣжая и здоровая. Никакихъ грѣховъ за ней не водится; продается по случаю непригодности къ тому дѣлу, которое ей поручено. До срока пять лѣтъ“. 18 января 1774 г. въ той же газетѣ, подъ рубрикой: *Нѣмцы*, читаемъ: „Предлагаютъ желающимъ пятьдесятъ нѣмцевъ, только что прибывшихъ. Помѣщены у вдовы Крейцеръ, въ гостиницѣ *Золотою Лебедя*. Между ними есть школьные учителя, мальчики и дѣвочки разнаго возраста. Всѣ должны служить, чтобъ отработать свой проѣздъ“. Въ 1754 г. въ одной Мерилендской газетѣ появилось слѣдующее объявленіе: „Розина-Доротея Кость, урожденная Кауфманнъ, симъ извѣщаетъ своего шурина Шнора, что она вмѣстѣ съ многими другими нѣмцами продана съ аукціона“. Одинъ изъ выдающихся политическихъ дѣятелей штата Нью-Йорка, Уильямъ Джонсонъ, купилъ такимъ образомъ свою жену, Катерину Вейзенбергъ, за пять фунтовъ стерлинговъ. Мужа продавали отдѣльно отъ жены, дѣтей отъ родителей, какъ въ худшія времена рабства. Многіе эмигранты, покоряясь необходимости, сами продавали своихъ дѣтей, чтобъ заплатить за проѣздъ. Надо прибавить, что большинство этихъ несчастныхъ попали сюда не по своей охотѣ, какъ и негры изъ Дагомен. Работорговцы держали на жаловань въ Европѣ особыхъ вербовщиковъ, которые хитростью заманивали на суда бродягъ, рабочихъ и вообще людей одинокихъ, а тамъ ужъ ихъ удерживали силой и продавали затѣмъ по очень низкой цѣнѣ. Пегоціантамъ-покупателямъ приходилось иногда и ошибаться въ расчетѣ. Хлѣбпашцевъ и другихъ рабочихъ легко было сбыть, но офицеры, ученые, школьные учителя и т. п. нѣрѣдко оставались у нихъ на рукахъ. Однакоже, въ 1773 г., одинъ наторъ сообщаетъ въ письмѣ своему пріятелю, что онъ конитъ деньги для того, чтобы купить нѣмецкаго студента, изъ котораго ему хочется сдѣлать наставника; для этого потребна была сумма въ двадцать фунтовъ стерлинговъ—приблизительно средняя стоимость раба въ древнемъ Римѣ. Не далѣе какъ въ 1797 г., съ эмигрантами-нѣмцами обращались совершенно какъ съ рабами, плохо кормили ихъ, били, сковывали имъ ноги и пр.¹⁾ Всѣ эти фак-

¹⁾ *Le Temps*, 17 janvier, 1888.

только съ того времени, какъ тамъ начали фабриковать бумажныя ткани на вывозъ. Точно такъ же и въ Европѣ, начиная со дня наступленія эры крупной промышленности, производство перестало нормально регулироваться потребностями. Оно развилось безъ мѣры и удержу и наводило міръ мануфактурными пздѣліями. Во что бы то ни стало, необходимо было нажить крупные барыши, а, въ видахъ конкуренціи, рабочую плату приходилось урѣзывать, ибо, чтобы продать большое количество товара, нужно понизить цѣну на него до послѣдней возможности. Этого достигали, поручая большую часть работы женщинамъ и дѣтямъ. Постепенно доля ихъ участія въ фабричномъ трудѣ все росла и росла. Самую трудную часть работы въ каждомъ производствѣ автоматически выполняли машины лучше и скорѣе людей, такъ что въ сильныхъ и ловкихъ рабочихъ больше не было надобности; живая рабочая сила состояла теперь только на службѣ при силѣ механической. Въ области промышленности трудомъ дѣтей и раньше уже спекулировали; въ Норвичѣ, еще въ XVI вѣкѣ, шестилѣтній ребенокъ считался годнымъ къ труду ¹⁾; но съ введеніемъ во всеобщее употребленіе паровыхъ машинъ, зло возросло до необычайныхъ размѣровъ. Въ Лондонѣ появились особыя биржи, гдѣ дѣти разнаго возраста, начиная съ девяти лѣтъ, продавали свой трудъ за одинъ-два шиллинга въ недѣлю, которые, вдобавокъ, выплачивались ихъ родителямъ ²⁾. Этихъ маленькихъ рабочихъ наниматели немилосердно эксплуатировали. Семилѣтній ребенокъ, напримѣръ, заявляетъ: „Я работаю каждый день до девяти часовъ вечера (съ шести часовъ утра! ³⁾), т. е. пятнадцать часовъ въ день. Другой ребенокъ, работающій на фабрикѣ бумажныхъ обоевъ, говоритъ: „Мнѣ тринадцать лѣтъ; эту зиму мы работали каждый день до девяти часовъ вечера, а прошлую—до десяти. Въ ту зиму у меня къ вечеру ноги были до того изранены, что я плакалъ отъ боли“ ⁴⁾. Для многихъ фабрикъ выгодно, чтобы машины работали безостановочно; поэтому была введена работа смѣнами: маленькихъ рабочихъ разбили на двѣ партіи; одна работала днемъ, другая—ночью; но нерѣдко случалось, что иныхъ бѣдняжекъ не досчитывались на переключкѣ; недостающихъ замѣняли ихъ товарищами, уже отработавшими свой день; отсюда періоды труда, длящіеся безъ перерыва два дня и одну ночь, иногда даже два дня и двѣ ночи ⁵⁾.

Такія злоупотребленія встрѣчались не въ одной Англіи. Вил-

¹⁾ Macaulay, *Hist. d'Angleterre*, etc. t. I ch. III, p. 458 (Trad. Montegut).

²⁾ *Children's Employment Commission*, p. 81, № 31. (Cité par Marx, ch. XV, p. 172, Trad. Roy.) ³⁾ *Ibid.* p. 105. ⁴⁾ *Children's Employment*, p. 106. (Année, 1862).

⁵⁾ K. Marx, *loc. cit.*, ch. 8. p. 111.

лерма установилъ тотъ фактъ, что во Франціи семилѣтнихъ, даже шестилѣтнихъ дѣтей держали на прядильныхъ фабрикахъ по семнадцати часовъ въ день, при чемъ они дѣйствительно работали въ теченіе пятнадцати съ половиной часовъ ¹⁾. Въ Англій допрошенные стеколыщики заявляли, что дѣти, работающія на стеклянскихъ заводахъ, не могутъ обѣдать по-настоящему, потому что за это время остыли бы печи ²⁾. Въ рудники дѣти спускались въ три-четыре часа утра и работали двѣнадцать часовъ кряду; послѣ чего ихъ посылали еще въ вечернюю школу; но нѣкоторые изъ нихъ до того уставали послѣ рабочаго дня, что не въ силахъ были даже взобраться на кровать и засыпали на полу. Днем ихъ заставляли таскать съ мѣста выработки на сборный пунктъ (иногда отстоявшій болѣе чѣмъ на 1400 ярдовъ) корзины, заключающія въ себѣ около 700 килограммовъ каменнаго угля ³⁾. Одинъ изъ рабочихъ, будучи допрошенъ, заявилъ, что отецъ въ первый разъ спустилъ его въ шахту, когда ему было пять лѣтъ ⁴⁾. Въ нѣкоторыхъ рудникахъ дѣтямъ не даютъ ни минуты отдыха; они даже ѣдятъ за работой ⁵⁾. Всѣ они хилы, блѣдны и, несмотря на вечернія школы, въ 16—17 лѣтъ не умѣютъ ни читать ни писать ⁶⁾. Когда вмѣнились законы, и трудъ дѣтей былъ регламентированъ особымъ уставомъ, отцы сами молили заводчиковъ и фабрикантовъ принимать ихъ дѣтей раньше положеннаго возраста ⁷⁾. Итакъ, продажа дѣтей отцамъ—злоупотребленіе, вовсе не специально присущее варварскимъ или дикимъ эпохамъ.

Женщины эксплуатировали еще безжалостнѣе, чѣмъ дѣтей. Нерѣдко онѣ работали съ шести часовъ утра до двѣнадцати ночи ⁸⁾. На одной обойной фабрикѣ тринадцатилѣтнія дѣвочки работали съ шести часовъ утра до десяти вечера ⁹⁾. Долгое время также женщины работали въ рудникахъ, таская на цѣпи тяжело нагруженныя тачки. Теперь онѣ работаютъ только снаружи, у устьевъ шахтъ, гдѣ онѣ замѣнили мальчиковъ-подростковъ, теперь работающихъ внизу ¹⁰⁾. Работа ихъ очень тяжела и длится двѣнадцать часовъ кряду; каждая женщина за день подберетъ и снесетъ до десяти тоннъ угля; правда, она работаетъ подъ открытымъ небомъ, но часто не имѣетъ, гдѣ укрыться отъ дождя и мокнетъ до костей. Платятъ этимъ труженицамъ, разумѣется, меньше, чѣмъ мужчинамъ, да и этотъ жалкій заработокъ иной разъ пропиваютъ мужа или братья. Всѣ онѣ одѣваются по-мужски, и.

¹⁾ J. Simon, *L'ouvrier de huit ans*, 185. ²⁾ Marx, *loc. cit.*, 113 (note). ³⁾ *Enquête parlem. sur l'industr. houillère et la condit. des ouvriers mineurs en Angleterre*, t. I, 29, 31, 43, 53, 91. (Trad. française). ⁴⁾ *Enquête parlementaire* 69. ⁵⁾ Ibid. 42. ⁶⁾ Ibid. 42. ⁷⁾ K. Marx, *loc. cit.*, ch. XV p. 171. ⁸⁾ Ibid. p. 175. ⁹⁾ Ibid. 106. ¹⁰⁾ *Enquête parlem. etc.* t. II, 206.

по словамъ рабочихъ, сплошь и рядомъ ведутъ безнравственную жизнь¹⁾. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, на одной суконной фабрикѣ въ Моравіи, гдѣ держали почти исключительно женщинъ (141 женщина на 4 мужчины), имъ приходилось работать по четырнадцать и по восемнадцать часовъ въ сутки. Беременнымъ разрешалось оставить работу только въ самый день наступленія родовъ, и затѣмъ давалось четыре дня отдыха. Если на шестой день, самое позднее, онѣ не возвращались въ мастерскую, ихъ безъ милосердія выгоняли²⁾. Мы приводимъ всѣ эти факты только въ качествѣ образчиковъ, и то ограничиваясь трудомъ женщинъ на большихъ европейскихъ фабрикахъ. Впрочемъ, и съ мужчинами обходятся не лучше, чѣмъ съ женщинами, но они выносливѣе. На вышеупомянутыхъ суконныхъ фабрикахъ въ Моравіи рабочихъ зарабатываетъ всего только три-четыре флорина въ недѣлю, работая по 14—18 часовъ въ сутки. Большинство этихъ несчастныхъ почти не выходятъ изъ фабрики, даже тамъ и ночуютъ, на мѣшкахъ шерсти или просто на голой землѣ.

Во Франціи такія чудовищныя крайности уже невозможны, по крайней мѣрѣ въ большихъ размѣрахъ. Законы о работѣ женщинъ и дѣтей пытались ослабить зло, но ихъ слишкомъ часто обходятъ. Притомъ же, и ослабленное дѣйствіе фабричнаго труда при современныхъ условіяхъ все-таки остается гибельнымъ; рабочихъ, которые занимаются имъ, онъ ведетъ къ физическому и нравственному вырожденію. Подъ влияніемъ его человѣческой ростъ уменьшается, а смертность увеличивается. Во Франціи и Германіи постоянно приходится понижать *minimum* роста, требуемаго отъ поступающихъ въ военную службу; это въ значительной степени связано съ развитіемъ крупной промышленности. Въ то же время число бракуемыхъ вслѣдствіе недостатковъ тѣлосложенія все растетъ; воинскія присутствія бракують среднимъ числомъ треть представляемыхъ рекрутовъ³⁾; а среди фабричнаго населенія остаются роста идти всегда рука объ руку съ конституціональными поврежденіями⁴⁾. Въ первые годы нашего столѣтія, средняя продолжительность жизни для ткачей на бумагопрядильныхъ считалась всего въ 21 годъ и 5 мѣсяцевъ⁵⁾. Съ другой стороны, наблюдается огромная смертность дѣтей. Наконецъ, фабричный трудъ, по отчетамъ правительственныхъ инспекторовъ, обрекаетъ рабочихъ на жалкое, почти дикое существованіе, на условія жизни непривлекательныя, неудобныя, нездоровыя, толкающія мужчинъ на пьянство, женщинъ

¹⁾ Ibid. t. II, 51, 93, 95, 96 et. 119. ²⁾ *Les esclaves de l'usine etc. en Autriche et en Allemagne.* ³⁾ Chervin, Article «Armée» du *Dict. des sciences anthropologiques.* ⁴⁾ J. Simou, *L'ouvrier de huit ans*, 209. ⁵⁾ Villerme. *Etat physique et mental des ouvriers*, t. II. 377, 385.